СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 4 • 2025

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:
издательство «Проспект», Антонян Е. А., Бодров Н. Ф., Зайцев О. А., Редникова Т. В.

Издатель:
Издательство «Проспект»

Главный редактор:
Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:
Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:
Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, советник директора Университета Банка России (Россия, г. Москва)
Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)
Сарсенбаев Талгат Есеналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:
Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Республика Армения, г. Ереван)
Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)
Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)
Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)
Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)
Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)
Жалаири Омрали Шакарапулы, доктор юридических наук, профессор, президент Евразийской юридической академии имени Д. А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)
Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)
Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)
Клоченко Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и уголовно-правовых дисциплин АНО ВО «Российский новый университет» (Россия, г. Москва)
Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)
Маркарьян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)
Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)
Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)
Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)
Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)
Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)
Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)
Тупанчевски Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)
Хелльманн Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)
Хунянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)
Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)
Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)
Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)
Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина (Россия, г. Москва)
Шишко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:
Клоченко Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и уголовно-правовых дисциплин АНО ВО «Российский новый университет» (Россия, г. Москва)

Выпускающий редактор:
Мыскина Ксения Михайловна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва)

Почта журнала
skk_vkk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер., д. 12/50, корп. 1.
Тел.: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2025. — № 4. —
М.: ООО «Издательство Проспект», 2025. — 392 с.
Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.
Подписано в печать 15.12.2025. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. 49 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392
Журнал «Союз криминалистов и криминологов» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 4 • 2025

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:
OOO «Prospekt», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Verleger:
Prospekt

Der Chefredakteur:
Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Foderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:
Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Berater des Direktors der Universität der Bank Russlands (Moskau, Russland)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:
Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Berater des Direktors der Universität der Bank Russlands (Moskau, Russland)
Blazheev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)
Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)
Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)
Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:
Avetisian Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)
Antonyan Elena AIeksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Leiterin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht, Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften Moskau (MSLA) (Moskau, Russland)
Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)
Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Bodrov Nikolai Fillipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)
Gorban Vladimir Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Leiter des Sektors für Rechtsphilosophie, Geschichte und Theorie von Staat und Recht, Leiter des interdisziplinären Zentrums für philosophisch-rechtliche Studien am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)
Grischko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)
Jalairi Omrali Schakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident der D.A. Kunajew Eurasischen Juristischen Akademie, Akademiker der Hochschule Kasachstans, Verdienter Arbeiter Kasachstans, Vorsitzender der Vertretung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Kasachstan (Almaty, Republik Kasachstan)
Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)
Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)
Ilyaschenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)
Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Klochenko Larissa Nikolaevna, Kandidatin der philologischen Wissenschaften, Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin des Lehrstuhls für öffentliches Recht und strafrechtliche Disziplinen, Autonome nichtkommerzielle Organisation für Hochschulbildung „Russische Neue Universität“ (Moskau, Russland)
Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)
Mikhailowa Ekaterina Wladimirowna, Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin (Moskau, Russland)
Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)
Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladiwostok, Russland)
Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischni Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhniy Novgorod (Nyzhniy Novgorod, Russland)
Prikhodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Leiterin des Lehrstuhls für forensische Begutachtung, Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften Moskau (MSLA) (Moskau, Russland)
Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universitat fur Erdol und Gas, Prasident der Stiftung “Forderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts” (Moskau, Russland)
Tupancevski Nikola, **Doktor** der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät “Iustinianus Primus” der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)
Schamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)
Scheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)
Schidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Dekan der juristischen Fakultät der Belarussischen Staatlichen Universität, Vorsitzender der Vertretung des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)
Schiryaev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität fur Erdol und Gas (Moskau, Russland)
Schischko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Vorsitzende der Filiale des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen für den Sibirischen Föderalen Bezirk, Verdiente Juristin der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:
Klochenko Larissa Nikolaevna, Kandidatin der philologischen Wissenschaften, Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin des Lehrstuhls für öffentliches Recht und strafrechtliche Disziplinen, Autonome nichtkommerzielle Organisation für Hochschulbildung „Russische Neue Universität“ (Moskau, Russland)

Verantwortliche Redakteurin:
Myskina Ksenia Mikhailovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, leitende Dozentin der Abteilung für forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

E-mail
skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.
Telefon: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2025. — Nr. 4. —
Moskau: Gmbh „Verlag Prospekt“, 2025. — 392 s.
Es werden Arbeite auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.
Die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,
Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor) registriert.
Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.
Am 15.12.2025 in Druck gegeben. Format 60×90 $^{1}/_{8}$. Offsetdruck Papier. Druckliste 49. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392
Die Zeitschrift „Union der Forensiker und Kriminologen“ ist in die Liste der begutachteten wissenschaftlichen Publikationen aufgenommen, in denen die wichtigsten wissenschaftlichen Ergebnisse der Dissertationen für den Doktortitel, den Doktortitel und den Doktortitel veröffentlicht werden müssen.

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS
№ 4 • 2025

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:
OOO «Prospekt», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Publisher:
Prospekt

The Editor-in-Chief:
Zhilkin Maxim Gennadievich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Buro member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:
Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:
Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Advisor to the Director of the Bank of Russia University (Moscow, Russia)
Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)
Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:
Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Erevan, Republic of Armenia)
Antonyan Elena AIeksandrovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhniy Novgorod, Russia)
Barkov Aleksey Vladimirovich, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)
Bodrov Nikolai Fillipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)
Gorban Vladimir Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)
Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)
Hongyan Liu, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)
Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)
Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Klochenko Larisa Nikolaevna, PhD in Philology, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law and Criminal Law Disciplines, Russian New University (Moscow, Russia)
Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)
Mikhailova Ekaterina Vladimirovna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)
Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhniy Novgorod (Nyzhniy Novgorod, Russia)
Prikhodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Forensic Examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow,Russia)
Tupancevski Nikola, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)
Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)
Shidlovsky Andrei Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Belarusian State University, Chairman of the Representation of the Union of Criminalists and Criminologists in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)
Shiryaev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)
Shishko Irina Victorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Siberian Federal District Branch of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)
Zhalairi Omrali Sh., Doctor of Juridical Sciences, Professor, President of the D. A. Kunayev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan, Chairman of the Representation of the Union of Criminalists and Criminologists in the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Scientific Editor:
Klochenko Larisa Nikolaevna, PhD in Philology, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law and Criminal Law Disciplines, Russian New University (Moscow, Russia)

Managing Editor:
Myskina Ksenia Mikhailovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of Forensic Expertise's Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

E-mail
skk_vkk@mail.ru

Address: 105005, Russia, Moscow, Lefortovsky Pereulok, 12/50, Building 1.
Telephone: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru
The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2025. — No. 4. —
Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2025. — 392 p.
The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).
Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.
Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.
Signed for publishing 15.12.2025. Format 60×90 $^{1}/_{8}$. Offset paper. Pr. Sheets 49. Circulation 500 copies. Openprice.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392
The journal "Union of Criminologists and Criminologists" is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жилкин Максим Геннадьевич
Современные парадигмы и приоритеты науки уголовного права и криминологии: интеграция подходов и обязанность говорить государству неудобные истины 7

ТРИБУНА ВУЗА
АКАДЕМИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
Академия МВД Республики Таджикистан. Кузница национальных кадров 12

Зоир Джурахон Маджидзода, Сафарзода Хаёт Сайидамир
Некоторые особенности специально-криминологической профилактики экстремизма органами внутренних дел Республики Таджикистан 29

Сафарзода Хаёт Сайидамир
Концептуальные основы общесоциальной профилактики экстремизма 36

Тохирзода Олимджон Тохир
Протокольная форма досудебной подготовки материалов: переосмысление устоявшихся концепций и возможности использования ее потенциала при рассмотрении заявлений по делам частного обвинения и домашнего насилия 42

Шомуротзода Фирдавс
Соотношения понятий «насилие в семье», «домашнее насилие», «бытовое насилие» и «насилие в сфере семейных отношений» 53

КРИМИНОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ:
ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Харламов Валентин Станиславович
Приватный взгляд на рассуждения профессора И.М. Мацкевича 59

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Боков Дмитрий Константинович
Предпосылки конструирования антитеррористических уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие sui generis (особого рода) 65

Бимбинов Арсений Александрович
Уголовная ответственность за действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста: состояние и возможные перспективы 75

Голубев Станислав Игоревич, Талан Мария Вячеславовна, Покровский Игорь Рустемович
Преступления против правосудия

Граматчиков Владимир Андреевич
Осознание общественной опасности деяния как критерий криминализации действий несовершеннолетних 83

Дмитренко Андрей Петрович, Куцык Валерия Павловна
Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как признак побоев 95

Бражин Юрий Юрьевич, Дубов Егор Игоревич, Лукьянов Руслан Игоревич
Сравнительно-правовой анализ особенностей реализации уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части по законодательству Российской Федерации и Республики Азербайджан 100

Кадников Николай Григорьевич, Карпушкин Артем Вячеславович
К вопросу о правовых критериях причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление по законодательству Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств 105

Куфлева Валентина Николаевна
Статус лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений 111

Мельников Евгений Александрович
Проблемы толкования объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ 122

Никифорова Алена Анатольева
Фиктивность норм об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности 131

Разогреева Анна Михайловна
Порядок высказываний в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения уголовного закона 137

Соловьев Владислав Сергеевич
Правовые риски организации и проведения публичных мероприятий сексуального характера 145

Долгополов Кирилл Андреевич
Особенности назначения наказания в виде обязательных работ 158

КРИМИНОЛОГИЯ

Йулдошева Алина Козимжон кизи, Рыбушкин Николай Николаевич
Нейрокриминология: можно ли предсказать преступное поведение по активности мозга? 164

Тангиев Бахаудин Батырович
Эковиктимология (oikosviktimologos): составной модуль экокриминологической трансдисциплинарно-мультимодальной концепции (частный экокриминовиктимологический пилотный проект). Часть 5 168

Антонян Елена Александровна, Клещина Елена Николаевна
Правовые и организационные проблемы борьбы с незаконной добычей и оборотом редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных 184

КРИМИНАЛИСТИКА

Борисова Оксана Владимировна, Воронков Дмитрий Валерьевич
Применение электронных ресурсов при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 189

Рахматуллин Рамиль Рашитович
Особенности следственных и иных процессуальных действий при раскрытии преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию 196

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Верхолетова Елена Юрьевна
О «новой устности» цифровой эпохи 203

Дьяконова Оксана Геннадьевна
Подготовка экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов 210

Захарова Наталья Вячеславовна, Россинская Елена Рафаиловна, Бодров Николай Филиппович, Мыскина Ксения Михайловна, Гайдук Арсений Янович, Сюняков Тимур Сергеевич, Бережная Карина Сергеевна, Сабанова Виктория Давыдовна
Методы экспертизы психического состояния с использованием нейросетей 224

Купин Алексей Федорович
Методы изучения документов на электронных носителях информации 230

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Моругина Надежда Анатольевна
Документ в уголовном судопроизводстве: этапы развития, перспективы 236

Панфилов Павел Олегович
Внешняя уголовно-процессуальная политика и международное сотрудничество (противостояние) в сфере уголовного судопроизводства: современное состояние и актуальные проблемы 249

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Синюк Вадим Дмитриевич
Современные специальные методы судебно-экспертного исследования по факту объемного взрыва 261

Тарабрина Кристина Сергеевна
Особенности личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий 270

Блохин Ярослав Анатольевич
Организационно-управленческие факторы детерминации преступности мигрантов, связанные с контролем за перемещением мигрантов и осуществлением ими трудовой деятельности 278

Пушкова Надежда Владимировна
Характеристика жизненных ситуаций офлайн-вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность 288

Фетхуллина Карина Рамилевна
Применение технологий искусственного интеллекта в расследовании серийных убийств: проблемы, пути их разрешения и вектор развития цифровизации следственной деятельности 295

Фролова Елена Александровна
Противодействие организации незаконной миграции по уголовному законодательству Азербайджанской Республики и Республики Армении 303

Цысс Зинаида Александровна
Процессуальные меры безопасности, применяемые для защиты свидетеля на судебных стадиях уголовного судопроизводства 309

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Звягинцев Александр Григорьевич
Николай Муравьев – державостроитель и законоблюститель 316

Харабет Константин Васильевич
Александр Пушкин. Южная ссылка. Бессарабия (1820–1823) 322

ЮБИЛЕИ

Кузнецов Александр Павлович
Практическая, научная, государственная, общественная деятельность В.Ф. Щербакова (к 70-летию со дня рождения) 329

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 338

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 389

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

Zhilkin M.G.
Zeitgenössische Paradigmen und Prioritäten der Strafrechtswissenschaft und Kriminologie: Integration der Ansätze und die Pflicht, dem Staat unbequeme Wahrheiten zu sagen 7

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT
AKADEMIE DES INNENMINISTERIUMS
DER REPUBLIK TADSCHIKISTAN

Rakhmadzhonzoda R.R.
Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan. Nationale Personalschmiede 12

Zoir J.M., Safarzoda H.S.
Einige Merkmale der speziellen kriminologischen Extremismusprävention durch die Organe für innere Angelegenheiten der Republik Tadschikistan 29

Safarzoda H.S.
Konzeptionelle Grundlagen allgemeingesellschaftlicher Extremismusprävention 36

Tohirzoda O.T.
Protokollform der vorgerichtlichen Materialvorbereitung: Neuüberlegung etablierter Konzepte und Möglichkeiten der Nutzung ihres Potenzials bei der Prüfung von Anträgen in Fällen von Privatklage und häuslicher Gewalt 42

Shomurotzoda F.
Zusammenhänge zwischen den Begriffen „Gewalt in der Familie", „häusliche Gewalt", „alltägliche Gewalt" und „Gewalt im Bereich familiärer Beziehungen" 53

KRIMINOLOGIE AN EINEM WENDEPUNKT: ANTWORTEN
AUF DIE HERAUSFORDERUNGEN EINER NEUEN REALITÄT

Kharlamov V.S.
Ein privater Blick auf die Argumentation von Professor I.M. Matzkiewicz 59

STRAFRECHT

Bokov D.K.
Voraussetzungen für die entwicklung von anti-terror-strafrecht über die haftung für mittäterschaft besonderer art 65

Bimbinov A.A.
Strafrechtliche Verantwortlichkeit für sexuelle Handlungen gegen Personen unter sechzehn Jahren: Zustand und mögliche Perspektiven 75

Golubev S.I., Talan M.V., Pokrovsky I.R.
Verbrechen gegen die Justiz 83

Gramatchikov V.A.
Bewusstsein für die soziale Gefährlichkeit einer Handlung als Kriterium für die Kriminalisierung von Handlungen Minderjähriger 88

Dmitrenko A.P., Kucyk V.P.
Öffentliche Demonstration, auch in den Medien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich des Internets), als Zeichen von Schlägen 95

Brazhin Yu. Yu., Dubov E.I., Lukyanov R.I.
Eine rechtsvergleichende Analyse der Besonderheiten der Umsetzung strafrechtlicher Bestrafung in Form von Haft in einer militärischen Disziplinareinheit nach der Gesetzgebung der Russischen Föderation und der Republik Aserbaidschan 100

Kadnikov N.G., Karpushkin A.V.
Zur Frage der rechtlichen Kriterien für die Verursachung von Schäden während der Haft einer Person, die nach den Gesetzen der Russischen Föderation und der Länder der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten eine Straftat begangen hat 105

Kufleva V.N.
Der Status einer Person, die eine Straftat außerhalb des Rahmens der strafrechtlichen Beziehungen begangen hat 111

Melnikov E.A.
Probleme bei der Auslegung des Objekts und der objektiven Seite des Verbrechens nach Art. 314.1 des Strafgesetzbuches 122

Nikiforova A.A.
Die Fiktivität der Normen über die Verantwortung für die Begehung von Straftaten im Bereich der Außenwirtschaftstätigkeit 131

Razogreeva A.M.
Die Reihenfolge der Aussagen in den Beschlüssen des Plenums des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation zu Fragen der Anwendung des Strafrechts 137

Solovev V.S.
Rechtliche Risiken der Organisation und Durchführung öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters 145

Dolgopolov K.A.
Besonderheiten der Bestrafung in Form von Zwangsarbeit 158

KRIMINOLOGIE

Yuldosheva A.K., Rybushkin N.N.
Neurokriminologie: Kann die Gehirnaktivität kriminelles Verhalten vorhersagen? 164

Tangiev B.B.
Ökokriminologie (oikosviktimologos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (privates ökokriminologisches Pilotprojekt). Teil 5 168

Antonyan E.A., Kleshchina E.N.
Rechtliche und organisatorische Fragen bei der Bekämpfung der illegalen Entnahme und des Handels mit seltenen und gefährdeten Tierarten 184

KRIMINALISTIK

Borisova O.V., Voronkov D.V.
Anwendung elektronischer Ressourcen bei der Identifizierung, Offenlegung und Untersuchung von Verbrechen Im Bereich des Drogenhandels 189

Rakhmatullin R.R.
Besonderheiten von Ermittlungs- und anderen Verfahrensmaßnahmen bei der Aufklärung von Straftaten unter Bedingungen der Widerstandsfähigkeit gegen deren Aufdeckung und Untersuchung 196

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

Verkholetova E. Yu.
Zur „neuen Mündlichkeit" des digitalen Zeitalters 203

Dyakonova O.G.
Ausbildung von Experten für die Antikorruptionsprüfung von Rechtsvorschriften und Entwürfen von Rechtsvorschriften 210

Zakharova N.V., Rossinskaya E.R., Bodrov N.F., Myskina K.M., Gaiduk A. Ya., Syunyakov T.S., Berezhnaya K.S., Sabanova V.D.
Methoden der mentalen Zustandsuntersuchung mit neuronalen Netzen 224

Kupin A.F.
Methoden zum Studium von Dokumenten auf elektronischen Medien 230

STRAFPROZESSRECHT

Morugina N.A.
Dokument im Strafverfahren: Entwicklungsstadien, Perspektiven 236

Panfilow P.O.
Ausländische Strafverfahrenspolitik und internationale Zusammenarbeit (Konfrontation) im Bereich der Strafjustiz: aktueller Stand und Probleme 249

TRIBUNE DER JUNGEN WISSENSCHAFTLER

Sinjuk W.D.
Moderne spezielle Methoden der forensischen Untersuchung nach einer Volumenexplosion 261

Tarabrina K.S.
Merkmale der Persönlichkeit eines Straftäters, der sexuelle Gewalt gegen Minderjährige unter Verwendung digitaler Technologien verübt 270

Blokhin Ya. A.
Organisatorische und verwaltungstechnische Faktoren bei der Bestimmung von Migrantenkriminalität im Zusammenhang mit der Kontrolle der Bewegung von Migranten und ihrer Arbeitstätigkeit 278

Pushkova N.V.
Merkmale von Lebenssituationen der Offline-Beteiligung von Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten 288

Fethullina K.R.
Anwendung von Technologien der künstlichen Intelligenz bei der Ermittlung von Serienmorden: Probleme, Lösungswege und Entwicklungsvektor der Digitalisierung der Ermittlungsarbeit 295

Frolova E.A.
Bekämpfung der Organisation illegaler Migration im Rahmen der Strafgesetzgebung der Republik Aserbaidschan und der Republik Armenien 303

Tsyss Z.A.
Verfahrenssicherheitsmaßnahmen zum Schutz von Zeugen in den gerichtlichen Phasen eines Strafverfahrens 309

AUTOR KRIMINALISTISCHER UND KRIMINOLOGISCHER LITERATUR

Zvyagintsev A.G.
Nikolai Murawjew – Staatskünstler und Gesetzeshüter 316

Kharabet K.V.
Alexander Puschkin. Südliches Exil. Bessarabien (1820–1823) 322

JAHRESTAGE

Kuznetsov A.P.
Praktische, wissenschaftliche, staatliche, öffentliche Aktivitäten V.F. Shcherbakov (zum 70. Geburtstag) 329

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 341

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 347

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON
WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN
FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN 389

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Zhilkin M.G.
Contemporary paradigms and priorities of criminal law and criminology scholarship: integrating approaches and the duty to tell the state uncomfortable truths 7

UNIVERSITY TRIBUNE
ACADEMY OF THE MIA OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rakhmadzhonzoda R.R.
Academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Tajikistan. Forge of national personnel 12

Zoir J.M., Safarzoda H.S.
Some features of special criminoiogical prevention of extremism by the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan 29

Safarzoda H.S.
Conceptual foundations of general social prevention of extremism 36

Tohirzoda O.T.
Protocol form of pre-trial preparation of materials: rethinking established concepts and possibilities of using its potential when considering applications in cases of private prosecution and domestic violence 42

Shomurotzoda F.
Relationships between the concepts of "violence in the family", "domestic violence", "everyday violence" and "violence in the sphere of family relations" 53

CRIMINOLOGY AT A TURNING POINT:
RESPONSES TO THE CHALLENGES OF A NEW REALITY

Kharlamov V.S.
A private view of Professor I.M. Matskievich's arguments 59

CRIMINAL LAW

Bokov D.K.
Prerequisites constructing anti-terrorist criminal law rules on liability for complicity sui generis (of a special kind) 65

Bimbinov A.A.
Criminal liability for sexual acts against persons under the age of sixteen: condition and possible prospects 75

Golubev S.I., Talan M.V., Pokrovsky I.R.
Crimes against justice 83

Gramatchikov V.A.
Awareness of the public danger of a deed as a criterion for the criminalization of juvenile actions 88

Dmitrenko A.P., Kucyk V.P.
Public demonstration, including in the media or information and telecommunications networks (including the Internet), as a sign of battery 95

Brazhin Yu. Yu., Dubov E.I., Lukyanov R.I.
A comparative legal analysis of the specifics of the implementation of criminal punishment in the form of detention in a disciplinary military unit under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan 100

Kadnikov N.G., Karpushkin A.V.
On the issue of legal criteria for causing harm during the detention of a person who has committed a crime under the legislation of the Russian Federation and the countries of the Commonwealth of Independent States 105

Kufleva V.N.
The status of a person who has committed a crime outside the framework of criminal law relations 111

Melnikov E.A.
Problems of interpretation of the object and objective side of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 122

Nikiforova A.A.
Fictitious nature of the rules on liability for committing crimes in the field of foreign economic activity 131

Razogreeva A.M.
The order of statements in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of application of the criminal law 137

Solovev V.S.
Legal risks of organizing and holding public events of a sexual nature 145

Dolgopolov K.A.
Features of the appointment of punishment in the form of compulsory work 158

CRIMINOLOGY

Yuldosheva A.K., Rybushkin N.N.
Neurocriminology: Can brain activity predict criminal behavior? 164

Tangiev B.B.
Ecovictimology (oikosviktimologos): is an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-criminological pilot project). Part 5 168

Antonyan E.A., Kleshchina E.N.
Legal and organizational issues in combating illegal extraction and trafficking of rare and endangered animal species 184

CRIMINALISTICS

Borisova O.V., Voronkov D.V.
Application of electronic resources in the identification, disclosure and investigation of crimes in the field of drug trafficking 189

Rakhmatullin R.R.
Peculiarities of investigative and other procedural actions in the detection of crimes under conditions of resistance to their detection and investigation 196

JUDICIAL-FORENSIC ACTIVITY

Verkholetova E. Yu.
On the "new orality" of the digital age 203

Dyakonova O.G.
Training of experts in the anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts 210

Zakharova N.V., Rossinskaya E.R., Bodrov N.F., Myskina K.M., Gaiduk A. Ya., Syunyakov T.S., Berezhnaya K.S., Sabanova V.D.
Methods of mental state examination using neural networks 224

Kupin A.F.
Methods for studying documents on electronic media 230

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Morugina N.A.
Document in criminal proceedings: stages of development, prospects 236

Panfilov P.O.
Foreign criminal procedure policy and international cooperation (confrontation) in the field of criminal justice: current state and problems 249

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Sinyuk V.D.
Modern special methods of forensic medical examination on the fact of a volumetric explosion 261

Tarabrina K.S.
Personality characteristics of a criminal who has committed sexual violence against minors using digitaler Technologien verübt 270

Blokhin Ya. A.
Organizational and managerial factors in determining migrant crime related to control over the movement of migrants and their work activities 278

Pushkova N.V.
Characteristics of life situations of offline involvement of minors in extremist activities 288

Fethullina K.R.
The use of artificial intelligence technologies in the investigation of serial murders: problems, ways to resolve them and the vector of development of digitalization of investigative activities 295

Frolova E.A.
Counteracting the organization of illegal migration under the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia 303

Tsyss Z.A.
Procedural security measures applied to protect a witness at the trial stages of criminal proceedings 309

AUTHOR OF CRIMINALISTIC AND CRIMINOLOGICAL LITERATURE

Zvyagintsev A.G.
Nikolai Muravyov – state builder and law enforcer 316

Kharabet K.V.
Alexander Pushkin. Southern exile. Bessarabia (1820–1823) 322

ANNIVERSARIES

Kuznetsov A.P.
Practical, scientific, state, and public activities V.F. Shcherbakov (on the 70th anniversary of his birth) 329

ABOUT THE AUTHORS 344

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 369

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS" 389

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРИОРИТЕТЫ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ПОДХОДОВ И ОБЯЗАННОСТЬ ГОВОРИТЬ ГОСУДАРСТВУ НЕУДОБНЫЕ ИСТИНЫ

Жилкин Максим Геннадьевич

Цель: *сформулировать приоритеты и методологию развития науки уголовного права и криминологии в современной повестке; обосновать необходимость интеграции критико-догматической, функционально-правоприменительной и историко-аксиологической парадигм и сохранения научной автономии в диалоге с государством.*

Методология: *критико-догматический анализ новелл и судебных позиций; функциональный анализ правоприменения; историко-догматический и аксиологический подход; сравнительно-правовой обзор; изучение отдельного случая; элементы дискурс-анализа.*

Выводы. *Главная задача науки — интеграция трех парадигм с поддержанием способности говорить государству неудобные истины: не всякая социальная проблема требует уголовно-правового реагирования; символическая криминализация подрывает легитимность наказания; цели наказания нуждаются в пересмотре с учетом цифровизации и «вненормативных» репрессий. В качестве ориентиров предложены следующие принципы: оценка общественной опасности деяния, субсидиарность уголовной репрессии, недопущение «инфляции» норм Особенной части Уголовного кодекса, а также приоритет предсказуемости правоприменительной практики над ее ситуативной «гибкостью». Роль редакционных площадок — в консолидации научных школ и переводе академического консенсуса в язык правовых решений.*

Научная и практическая значимость. *Для законодателя — критерии криминализации/декриминализации и стандарты законодательной техники; для судов и следствия — методические ориентиры согласования доктрины, закона и правовых позиций высших судов; для научного сообщества — модель консолидации и сохранения автономии; для образования — обновление учебных программ фундаментальными категориями в цифровом контексте.*

Ключевые слова: *уголовное право, криминология, криминализация, декриминализация, общественная опасность, цели наказания, судебная практика, законодательная техника, цифровизация, правовая политика, научная автономия.*

В первом номере нашего журнала за 2023 год была опубликована статья Натальи Александровны Лопашенко, посвященная результатам масштабного анкетирования ученых в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, приуроченного к 70-летию профессора Владимира Сергеевича Комиссарова [1]. Это исследование, охватившее представителей практически всех значимых научных центров страны и ряда зарубежных государств, стало редким примером того, как сама профессиональная корпорация всматривается в себя и пытается честно ответить на вопрос: кто мы, куда идем и какие задачи считаем главными для науки сегодня.

Особый интерес, на мой взгляд, представляет шестой вопрос анкеты — о главных задачах, стоящих ныне перед наукой уголовного права и криминологии «в наше сложное время». Не только потому, что ответы на него отражают срез профессии в переломный исторический момент

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-7-11

(последствия пандемии, международная напряженность, СВО, кризис доверия к международному праву), но и потому, что они очень наглядно демонстрируют расхождение и одновременно внутреннюю связанность нескольких парадигм, в рамках которых сегодня развивается уголовно-правовая доктрина.

В этой статье я хотел бы не столько пересказывать результаты анкетирования, сколько обозначить собственное видение того, как наука уголовного права может и должна ответить на вызовы времени и почему разговор о задачах науки неизбежно ведет нас к разговору о ее парадигмах.

Результаты опроса позволяют сделать по меньшей мере три важных наблюдения.

Во-первых, значительная часть респондентов считает приоритетной задачей не «изобретение» новых проблем, а переосмысление вечных уголовно-правовых и криминологических категорий — общественной опасности, преступления, целей наказания, преступности, личности преступника, критериев криминализации и декриминализации. Это симптоматично: в острые исторические периоды наука не расширяет, а уточняет свой понятийный аппарат.

Во-вторых, в свободных ответах настойчиво звучит мотив необходимости «усмирить законодателя», то есть остановить инфляцию уголовного закона и стремление реагировать на любой социальный сбой новым составом преступления, а также укрепить стандарты качества законотворчества. За этим, как представляется, стоит не консерватизм, а элементарная профессиональная ответственность: наука не может безучастно наблюдать, как уголовный закон превращается в инструмент символической политики.

В-третьих, весьма заметна группа респондентов, говорящих о двух, на первый взгляд, разноплановых задачах:

— разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившейся социальной реальности;

— ориентация на помощь государству там, где наука действительно компетентна.

Это указывает на важный внутренний запрос: наука хочет оставаться самостоятельной, но при этом незаменимой — не подменять собой законодателя или правоприменителя, но и не превращаться в беззубого комментатора уже совершенных ошибок.

Профессиональное сообщество довольно ясно высказалось против двух крайностей: против превращения науки в «служанку правоприменения» и против отвлеченного «башенного» теоретизирования, игнорирующего реальные практические и политико-правовые вызовы.

Если попробовать систематизировать то, как сегодня живет наша наука, то вполне отчетливо проступают по меньшей мере три парадигмы ее развития.

Первая — наиболее привычная для отечественной школы — связана с критическим толкованием уголовно-правовых норм, особенно новелл, с позиций устоявшейся доктрины и действующего законодательства. В этой парадигме создается большинство диссертационных исследований и публикаций, посвященных анализу очередных изменений в УК РФ, выявлению дефектов законодательной техники, коллизий, пробелов, противоречий практики.

Эта парадигма необходима: без нее невозможны ни системная критика, ни внятные предложения по совершенствованию законодательства. Но когда она превращается в единственно возможный тип научной деятельности, возникает опасность подмены науки расширенным вариантом пояснительной записки к законопроекту.

Вторая парадигма рассматривает уголовное право как инструмент обеспечения эффективного правоприменения «здесь и сейчас». В рамках этой парадигмы акцент делается на согласовании положений доктрины, законодательства и правовых позиций высших судебных инстанций. Наука в таком понимании выступает своеобразным «методическим центром» правоприменения: систематизирует, разъясняет, моделирует квалификационные решения, встраивая их в единую нормативную картину.

Это чрезвычайно важная функция: без нее правоприменение распадается на совокупность локальных практик. Но и чрезмерная увлеченность функциональной стороной способна незаметно превратить науку в сервисный придаток практики, лишив ее критического потенциала.

Третья парадигма ориентирована на историко-догматический и аксиологический анализ фундаментальных категорий уголовного права: общественной опасности, преступления, вины, наказания, целей и пределов карательного воздействия. Она обращается к дореволюционному наследию, советскому опыту, зарубежным моделям, сопоставляет «классические» подходы с современными тенденциями цифровизации, информатизации и виртуализации общественных отношений.

Именно в этой парадигме особенно остро ставятся вопросы:

— не исчерпала ли себя традиционная модель понимания преступления как единственно уго-

ловно-правовой реакции на общественно опасное поведение;

— не нуждается ли в пересмотре система целей наказания, когда исправительная функция все более воспринимается как декларация;

— не происходит ли «дисквалификация» уголовного права на фоне расширения карательных механизмов вне его пределов (административные, финансовые, комплаенс-санкции и т.п.), иногда оказывающихся по фактическим последствиям строже, чем уголовное наказание.

На мой взгляд, главный вызов, стоящий сегодня перед наукой уголовного права и криминологии, заключается не в выборе одной из этих парадигм, а в их осмысленной интеграции.

Без критико-догматической составляющей мы теряем способность профессионально разговаривать с законодателем, предлагать взвешенные и технически корректные решения, отличать системные реформы от ситуативных реакций.

Без функционально-правоприменительной составляющей наша доктрина оказывается оторванной от судебной и следственной практики, перестает быть для правоприменителя источником опоры и ориентиром.

Без историко-догматического и аксиологического измерения уголовное право рискует превратиться в набор временных «ответов на вызовы», лишенных внутренней ценностной логики и преемственности.

Поэтому разговор о «главных задачах» науки можно свести к одному простому, но непростому в реализации тезису: наука уголовного права и криминологии должна научиться одновременно смотреть вглубь, вширь и вперед.

Вглубь — через переосмысление фундаментальных категорий на основе богатого исторического и сравнительно-правового опыта.

Вширь — через учет межотраслевых и междисциплинарных связей (с конституционным, административным, гражданским правом, с криминологией, криминалистикой, социологией, психологией и др.).

Вперед — через прогнозирование последствий цифровизации, новых форм преступности, трансформации суверенитета и безопасности.

Отдельного внимания заслуживает то, что респонденты анкетирования обозначили как необходимость решения «по-новому вечных проблем» — общественной опасности, преступления, целей наказания, преступности, личности преступника.

Здесь важно избежать двух соблазнов.

Первый — объявить «цифровую эпоху» настолько уникальной, что любые классические конструкции якобы перестают работать. Подобные заявления делают науку эффектной, но не всегда содержательной. Преступление как социально обусловленное, формально определенное и влекущее уголовное наказание деяние не утрачивает своей сущности от того, что совершается в сети «Интернет» или с использованием искусственного интеллекта.

Реальная задача науки — не «изобрести» новое преступление, а показать, где и почему традиционные категории нужно адаптировать:

— как меняется содержание общественной опасности в условиях, когда вред может быть нематериальным и отложенным;

— как понимать общественную опасность в ситуациях, когда вред наносится не только человеку или обществу, но и сложным информационным инфраструктурам;

— где проходит граница между риском, неизбежным в технологически сложном обществе, и преступлением.

Второй соблазн — противоположный: заявить, что «для науки ничего не изменилось, надо работать, как работали». Такая позиция напоминает о преемственности, но игнорирование качественно новых факторов (масштаб и скорость цифровых транзакций, глобальный характер угроз, смещение границ публичного и частного) делает доктрину методологически уязвимой. По этому поводу С. Я. Лебедев и В. Ф. Джафарли отметили, что в научной дискуссии доминирует идея трансформации признаков преступлений, совершаемых в киберпространстве, не изменяющей в целом традиционного содержательного ядра уголовно-наказуемых деяний; «цифровой ресурс» выступает лишь как более удобное средство их совершения, тогда как «цифровое преступление большей частью сохраняет привычные для человека стандарты его традиционных пороков» [2, с. 161], а требуемая «цифровая модернизация» должна осуществляться с условием неизменности классического уголовно-правового и криминологического содержания, адаптированного к цифровой реальности [2, с. 162].

На мой взгляд, нам нужна позиция не отрицания, а рефлексивного реализма: признавая изменившуюся социальную ткань, мы сохраняем ядро классических концепций, но допускаем необходимость их переосмысления и перенастройки.

Один из наиболее эмоционально звучавших мотивов в свободных ответах — требование «усмирить законодателя», остановить криминализацию всего и вся. Инфляция уголовного закона ведет к обесцениванию самой идеи уголовной репрессии, к размыванию границ между преступным

и непреступным, к росту символических, а не функциональных норм.

При этом наука не располагает ни формальными, ни политическими механизмами прямого «усмирения» законодателя. То, чем она располагает, — это:

— методологически выверенные критерии криминализации и декриминализации, основанные на анализе общественной опасности, соразмерности и субсидиарности уголовного права;

— язык аргументации, понятный не только специалистам, но и тем, кто принимает политико-правовые решения;

— способность прогнозировать побочные эффекты чрезмерной криминализации — от перегрузки правоохранительной системы до снижения доверия к правосудию.

Задача науки — не в том, чтобы стать «антизаконодателем», а в том, чтобы быть экспертом по пределам уголовного закона: показывать, где проходит граница рационального расширения уголовно-правовой защиты и где оно начинает превращаться в инструмент реагирования «на все подряд».

Тезис о том, что наука уголовного права и криминологии должна помогать государству там, где она компетентна, сам по себе не вызывает возражений. В условиях правовой и политической турбулентности государству действительно нужна профессиональная экспертиза: в сфере криминализации и декриминализации, оценки эффективности наказаний, построения уголовной политики. Но столь же очевидно и другое: наука обязана сохранять способность говорить государству неудобные вещи — в том числе о том, что не всякая социальная проблема решается уголовным законом, что не всякий общественный запрос должен превращаться в состав преступления, что не всякую карательную меру можно считать легитимной, даже если она популярна.

Очень показателен в этом смысле эпизод, на который обращает внимание Ю. К. Толстой[1], подводя итоги сорокалетней истории журнала «Правоведение». В начале 1960-х гг., в период «оттепели», на юридическом факультете ЛГУ прошла научная конференция по проблемам уголовного права с участием ведущих отечественных криминалистов и ряда зарубежных ученых. Ключевую роль в ее работе играл М. Д. Шаргородский. В своем выступлении он подверг открытой критике Верховный Суд СССР за то, что тот, вместо неукоснительного применения закона, фактически становится на путь его «корректировки» в ущерб принципу социалистической законности. Практически сразу после конференции последовала жесткая политическая реакция: парторганами она была квалифицирована как «вредное идеологическое мероприятие», а сам М. Д. Шаргородский снят с должности заведующего кафедрой уголовного права и главного редактора журнала «Правоведение» [3, с. 4–5].

Этот эпизод многозначен. Во-первых, он показывает, что реальная независимость науки всегда имеет цену — иногда высокой становится не только репутационная, но и институциональная плата отдельного ученого. Во-вторых, он подчеркивает, что критика высших органов государственной власти (в том числе судебной) не есть «антигосударственная деятельность», а напротив, может быть формой защиты права от подмены его сиюминутной политикой. В-третьих, история М. Д. Шаргородского демонстрирует, что научная и редакционная площадка (в данном случае — журнал) может и должна служить инструментом артикуляции неудобных для власти вопросов о пределах допустимого в уголовной политике.

Характерно, что Ю. К. Толстой, оценивая путь «Правоведения», прямо связывает миссию журнала с противостоянием соблазну подменить служение праву обслуживанием конъюнктурных интересов. Он пишет о недопустимости превращения «реформ», проводимых за счет сужения прав и свобод, в маркер подлинной демократизации и подчеркивает, что юридическая наука и юридическая пресса призваны служить закону и обществу, а не «непомерным амбициям» политических групп. В этой логике пример М. Д. Шаргородского предстает не как «политическая ошибка» ученого, а как проявление того самого качества, без которого невозможно подлинно независимое уголовно-правовое знание: готовности говорить о границах допустимого вмешательства государства в сферу свободы не только тогда, когда это безопасно.

Перенося этот урок в сегодняшнюю повестку, нетрудно увидеть прямую аналогию. Когда наука поднимает вопрос о чрезмерной криминализации, о «разбухании» Особенной части УК РФ за счет символических составов, о том, что новая социальная проблема не обязательно требует уголовно-правового ответа, она фактически продолжает линию, которую в свое время отстаивал М. Д. Шаргородский: закон не может быть бес-

[1] Юрий Кириллович Толстой (1927—2025) — советский и российский ученый-правовед, академик РАН, профессор юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

конечно «подгоняем» под политический запрос, а уголовное право — превращено в универсальный инструмент реагирования на все и вся.

Именно поэтому помощь государству не может означать отказа от права сказать «нет» законопроекту, который расширяет уголовную репрессию там, где достаточно административных или гражданско-правовых средств; судебной практике, которая под видом «гибкости» размывает принцип законности; популярным, но по сути репрессивным идеям, маскируемым под «волю народа». Наука уголовного права и криминологии остается субъектом уголовной политики ровно до тех пор, пока она готова — как в свое время М. Д. Шаргородский — не только объяснять, как применять закон, но и смело обсуждать, где и почему проходят пределы допустимого уголовно-правового вмешательства.

Возвращаясь к исходной точке — к личности В. С. Комиссарова, в память которого проводилось анкетирование, — нельзя не заметить: многие респонденты в числе главных его заслуг называли именно организацию научных коммуникаций, способность общаться и объединять людей, создавать пространство для диалога. В ситуации, когда наука уголовного права и криминологии стоит перед необходимостью интеграции разных парадигм, перед ней встает еще одна, часто недооцененная задача — задача консолидации.

Нам остро не хватает площадок, где диссертационные «критики новелл», практикоориентированные «толкователи судебной практики» и исследователи фундаментальных категорий могли бы не противопоставлять, а дополнять друг друга.

Если говорить совсем кратко, я вижу главную задачу современной науки уголовного права и криминологии так: сформировать интегрированную, ценностно и методологически устойчивую модель уголовно-правового знания, способную одновременно критически сопровождать законодательный процесс, поддерживать правоприменение и переосмысливать фундаментальные категории в условиях цифровой и геополитической трансформации.

Это не вопрос одного законопроекта, одной реформы или даже одного поколения ученых. Но именно от того, удастся ли нам решить эту задачу, зависит, останется ли наука уголовного права реальным субъектом уголовной политики или окончательно превратится в комментарий к чужим решениям.

И если в чем-то сегодня особенно ощутимо не хватает Владимира Сергеевича Комиссарова и всей плеяды организаторов науки, о которых вспоминали респонденты анкеты, так это именно в их умении соединять людей и смыслы. Все остальное — техника, которой научное сообщество еще в состоянии научиться.

Литература

1. *Лопашенко Н. А.* Об итогах анкетирования ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии (в связи с 70-летием *профессора В. С.* Комиссарова) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 8–11.

2. *Лебедев С. Я.*, *Джафарли В. Ф.* Цифровое уголовное право: перспективы формирования и развития (ч. 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11 (ноябрь). С. 159–163.

3. *Толстой Ю. К.* Журналу «Правоведение» — 40 лет // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 3–5.

References

1. *Lopashenko N. A.* On the results of a survey of scientists in the field of criminal and penal law, criminology (on the occasion of the 70th anniversary of *Professor V. S.* Komissarov) [Ob itogakh anketirovaniya uchenykh v oblasti ugolovnogo i ugolovno-ispolnitel'nogo prava, kriminologii (v svyazi s 70-letiem *professora V. S.* Komissarova)] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists],* 2023, no. 1, pp. 8–11. (In Russian).

2. *Lebedev S. Ya., Dzhafarli V. F.* Digital criminal law: prospects of formation and development (Part 1) [Tsifrovoe ugolovnoe pravo: perspektivy formirovaniya i razvitiya (ch. 1)] // In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences], 2024, no. 11 (November),* pp. 159–163. (In Russian).

3. *Tolstoy Yu. K.* To the journal "Pravovedenie" on its 40th anniversary [Zhurnalu «Pravovedenie» — 40 let] // In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence],* 1997, no. 4 (219), pp. 3–5. (In Russian).

ТРИБУНА ВУЗА
АКАДЕМИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

АКАДЕМИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН. КУЗНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон

Цель: *представить современное состояние и перспективы процессов образования, науки, практики, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров органов внутренних дел в Академии МВД Республики Таджикистан, акцентировать внимание на учебном, учебно-методическом, научном и научно-практическом потенциале Академии, привести ряд новшеств и прорывных моментов в деятельности Академии МВД Республики Таджикистан, привести выдержку из проекта Концепции развития образовательных и научных учреждений системы МВД Республики Таджикистан, в котором в обобщенном варианте приведены перспективные решения в сферах образования и науки в целом.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *В настоящий период функционирования Академии МВД Республики Таджикистан требуется консолидация усилий в части создания единого образовательного процесса и единой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, усиления научного потенциала посредством различных междисциплинарных исследований, обогащения учебного и научных процессов новыми материалами.*

Научная и практическая значимость. *Дальнейшие перспективы Академии МВД Республики Таджикистан связаны с принятием единого нормативного правового акта, который способен направлять и быть основой, опорой и фундаментом при принятии ключевых обоснованных решений. Таким документом, как нам представляется, сможет стать Концепция развития образовательных и научных учреждений системы МВД Республики Таджикистан. С принятием данного документа могут быть устранены многие барьеры, препятствующие активному развитию и дальнейшему функционированию.*

Ключевые слова: *Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, кадры, образование, наука, практика, подготовка, переподготовка, повышение квалификации, учебный и научный потенциал.*

Академия МВД Республики Таджикистан — государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, находящееся в прямом подчинении Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, являющееся его учредителем. Академия МВД Республики Таджикистан — сравнительно молодое специализированное высшее учебное заведение. Если взглянуть на историю, то постановлением Кабинета министров Таджикской ССР от 23 декабря 1991 г. № 372 на базе Душанбинской средней специальной школы милиции МВД СССР была образована Душанбинская высшая школа милиции МВД Республики Таджикистан, которая функционировала до 2000 г. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2000 г. № 519 Душанбинская высшая школа милиции МВД Республики Таджикистан

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-12-28

была преобразована в Академию МВД Республики Таджикистан [1, с. 83, 90–91]. О процессах подготовки отечественных кадров системы МВД Республики Таджикистан активно публикуются различные труды профессорско-преподавательского состава [2, с. 213–224; 3, с. 192–196; 4, с. 305–311; 5, с. 379–384, 6].

В настоящее время Академия МВД Республики Таджикистан вносит существенный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов в сфере правоохранительной деятельности. Профессиональная подготовка специалистов различных служб органов внутренних дел и других правоохранительных органов осуществляется Академией МВД Республики Таджикистан в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке.

Основными направлениями деятельности Академии являются учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская, воспитательная, издательская, хозяйственная и международная.

Академия МВД Республики Таджикистан осуществляет подготовку специалистов по следующим направлениям: управленческое в сфере правопорядка; оперативно-разыскное; административно-правовое; следственно-криминалистическое; инженерно-техническое; командное.

В новейшей истории Академии МВД Республики Таджикистан значимым событием стало 20 июня 2014 г., когда с участием Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона состоялась торжественная закладка первого камня нового учебного здания Академии МВД Республики Таджикистан. 31 августа 2017 г. оно было сдано в эксплуатацию. Необходимо отметить, что здание Академии МВД Республики Таджикистан в Центральной Азии аналогов не имеет.

Новое учебное здание Академии МВД Республики Таджикистан состоит из восьми этажей, трех блоков, общей площадью 18481,2 кв. м. Здесь расположена библиотека на 144400 книг, два читальных зала на 35 мест, научно-электронная библиотека, центр тестирования, 2 лекционных зала на 433 места, 90 учебных классов, в том числе специальные классы криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, автоподготовки, специальной техники, пожарной безопасности, компьютерные классы на каждом этаже — всего 13 специальных классов.

В комплекс также входят 2 спортивные площадки, спортивный городок, волейбольная площадка, баскетбольная площадка, спортивный зал, тир и столовая для курсантов и офицеров.

22 ноября 2019 г. с участием Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона состоялось открытие отдельного здания факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан. 14 июля текущего года тоже с участием Президента Республики Таджикистан состоялось открытие нового административно-учебного здания факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, которое свидетельствует о пристальном внимании Президента Республики Таджикистан к процессам подготовки, переподготовки и повышения квалифицированным кадрам органов внутренних дел.

В настоящее время в Академии МВД Республики Таджикистан педагогическую деятельность осуществляют 148 преподавателей, из которых 4 доктора и 43 кандидатов наук. Преподавание осуществляется на 24 кафедрах шести факультетов:

Факультет № 1 готовит руководящие кадры по специальности «Государственное и местное управление». Также на факультете функционируют Высшие академические курсы для повышения квалификации руководящих кадров различных уровней. На факультете обучение производится по очной и заочной формам.

Факультет № 2 готовит специалистов для органов внутренних дел и для других правоохранительных структур по специальностям «Правоведение» по квалификации «Юрист» и «Правоохранительная деятельность» по квалификации «Юрист» по линии исполнения уголовного наказания, государственного контроля и борьбе с коррупцией, а также контроля за незаконным оборотом наркотических веществ. На факультете обучение производится по дневной форме обучения. Срок обучения составляет 5 лет.

Факультет № 3 готовит специалистов по специальностям «Правоведение» и «Пожарная безопасность» для органов внутренних дел, правоохранительных органов и других силовых структур республики. На факультете обучение производится по заочной форме обучения. Также на факультете функционируют курсы повышения квалификации сотрудников ОВД и других соответствующих правоохранительных органов республики.

Факультет № 4, который расположен в г. Худжанде, готовит специалистов для органов внутренних дел и правоохранительных органов по специальностям «Правоведение» по квалификации «Юрист» и «Командный состав» по квалификации «Командир взвода». На факультете обучение производится по дневной форме обучения. Также

на факультете функционируют курсы начальной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел.

Факультет № 5 готовит специалистов по специальности «Пожарная безопасность». На факультете обучение производится по дневной форме обучения. Срок обучения — 5 лет.

Факультет № 6 образован в августе 2017 г. и готовит специалистов по специальности «Правоведение» (квалификация «Юрист») по линии подготовки оперативных сотрудников для правоохранительных органов Республики Таджикистан. На факультете обучение производится по дневной форме обучения, срок обучения — 5 лет.

В Академии МВД Республики Таджикистан обучение проводится на бесплатной и платной основе на таджикском и русском языках.

В течение всего времени своего существования в качестве высшего учебного заведения Академию МВД Республики Таджикистан окончили более 10 000 человек и около 8000 человек прошли курсы повышения квалификации. Из этого количества более 300 выпускников закончили нашу Академию на «отлично», получив красные дипломы и звания старшего лейтенанта милиции.

Профессиональное обучение в Академии МВД Республики Таджикистан сочетается с научно-исследовательской деятельностью и базируется на новейших достижениях организации борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка с учетом новых технологий и передовых методов. Это обеспечивается сочетанием различных методов обучения (теоретических и практических занятий), широким привлечением к учебному и научно-исследовательскому процессу специалистов высокого класса в области фундаментальных и прикладных исследований — педагогов, ученых, практических сотрудников, что свидетельствует о достаточно высоком научном и научно-педагогическом потенциале.

Среди них осуществляют деятельность доктора и кандидаты наук, заслуженные юристы Республики Таджикистан, обладатели различных государственных премий в области науки, отличники образования, признанные специалисты отрасли, опытные педагоги и т.д.

Силами профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан издаются учебники, монографии, сборники научных трудов, брошюры, научные статьи, учебно-методические пособия, вносятся ежегодно сотни предложений по совершенствованию законов Республики Таджикистан и других нормативных правовых актов различного уровня и сферы действия и т.д. На этих показателях профессорско-преподавательского состава более подробнее остановимся далее.

В настоящее время профессорско-преподавательский состав Академии МВД Республики Таджикистан осуществлят разработку 4 научно-исследовательских тем Академии МВД Республики Таджикистан *(«Теоретические и практические проблемы модернизации правозащитной и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (2021–2025 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1292), «Особенности профилактики и способы борьбы с проявлениями экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Таджикистан (2023–2027 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1290), «Совершенствование административно-правовой и уголовно-правовой деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан в сфере предупреждения насилия в семье (2023–2027 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1291) и «Правовое воспитание и политическая культура сотрудников правоохранительных органов в условиях трансформирующегося общества Республики Таджикистан: проблема и стратегия развития (2023–2027 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1289))*, финансируемых за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан.

Они являются членами различных рабочих групп как на правительственном, так и на ведомственном уровне. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что в Академии МВД Республики Таджикистан имеется достаточный высококвалифицированный состав персонала, способный реализовать данный проект. В Академии МВД Республики Таджикистан работает собственный радиоузел, выпускается газета «Набзи милитсия (Пульс милиции)», выходит научный журнал «Труды Академии МВД Республики Таджикистан», который с 2017 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК России и ВАК при Президенте Республики Таджикистан, также издаются два научных журнала «Оперативный вестник» и «Вестник Академии МВД Республики Таджикистан».

Отдельного внимания заслуживает организация и проведение ежегодных международных научно-практических конференций «Юридическая наука и практика» [7; 8; 9; 10], «Права человека и глобализация» [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17] и других юбилейных и значимых конференций [18; 19;

20; 21; 22; 23], которые стали своеобразной платформой для обмена мнениями и опытом, а также ориентиром для дальнейших научных изысканий как для молодых ученых, так и для состоявшихся ученых республики и ряда зарубежных государств.

Поэтапно развиваются различные направления подготовки кадров, где не последнее место занимают учебные и научные труды профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан. В настоящее время некоторые учебники по оперативно-разыскной деятельности [24; 25; 26; 27; 28; 29], уголовному праву [30; 31; 32], уголовному процессу [33; 34; 35], криминалистике [36], административной деятельности органов внутренних дел [37; 38] занимают достойное место среди вузов республики, так как имеют уникальную особенность. Указанной особенностью является в основном подготовка вышеприведенных учебников на двух языках — на таджикском и русском языках соответственно.

Наравне с учебными материалами активно издаются и монографические исследования [39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48], комментарии к кодексам и отдельным законодательным актам [49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62], а также другие научно-практические материалы [63; 64; 65; 66; 67; 68; 69], заслуживающие пристального внимания и соответствующей оценки.

Изданные труды профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан приведены в соответствующих библиографических изданиях [70; 71; 72], подготовленных к юбилейным периодам деятельности нашего вуза.

В сравнительном плане подготовка научных кадров за последние 5 лет идет по нарастающей. Защита докторских и кандидатских диссертаций осуществляется как в республике, так и в крупных научных и учебных центрах МВД Российской Федерации. Так, в 2020 г. защищено 5 кандидатских работ (3 в республике, 2 за рубежом); в 2021 г.– 3 (1 в республике, 2 за рубежом); в 2022 г.– 2 докторские (1 в республике, 1 за рубежом) и 5 кандидатских (4 в республике, 1 за рубежом); в 2023 г.– 1 докторская в республике, и 7 кандидатских (3 в республике, 4 за рубежом) и в 2024 г.– 4 кандидатские (2 в республике, 2 за рубежом).

Следует особо подчеркнуть, что за неполные 10 месяцев 2025 г. состоялись 10 защит, из них 2 докторские (обе защищены в республике) и 8 кандидатских (5 в республике, 3 за рубежом). Из этого общего количества защищенных диссертаций (только в 2025 г.), 3 защиты (1 докторская и 2 кандидатские) приходятся на наш диссертационный совет, который функционирует с 2022 г. *(распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 1 апреля 2022 г. № 95/шд)*. Начиная с октября 2024 г. диссертационному совету 6D.KOA-043 при Академии МВД Республики Таджикистан предоставлено право принимать на рассмотрение докторские и кандидатские диссертационные исследования по научным специальностям 12.00.11 — Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная деятельность и правоохранительная деятельность и 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность *(распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 25 октября 2024 г. № 407/шд)*.

Благодаря поддержке и стремлению высшего руководства Министерства внутренних дел Республики Таджикистан мы можем гордиться перечисленными достижениями в различных областях науки и практики противодействия преступности, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для нужд органов внутренних дел республики. В этом контексте особо следует упомянуть роль, значимость и поддержку Министра внутренних дел Республики Таджикистан, доктора юридических наук, доцента, Заслуженного юриста Таджикистана, генерал-полковника милиции Рахимзода Рамазона Хамро, который сам стремится возглавлять авторские коллективы по разработке и изданию учебных и научных трудов, несмотря на высокую служебную нагрузку. Об этом дополнительно свидетельствуют приведенные выходные данные по изданным трудам за различный период деятельности нашей Академии.

Как принято во всем мире, без международного сотрудничества не обходится ни одна сфера жизни. Исключением не является и международное сотрудничество Академии МВД Республики Таджикистан. Открывая историческую и современную страницу международного сотрудничества, следует отметить, что современный этап развития мирового сообщества характеризуется возрастающей ролью образования, которое активно влияет на его состояние и определяет основы экономического и социального прогресса страны. Благополучие и безопасность общества, успехи и результаты его развития практически во всех сферах и направлениях деятельности существенным образом зависят от уровня образованности его членов, что обеспечивается достижениями в области образования. В условиях сближения и гармонизации национальных систем образования с целью создания единого общемирового пространства высшего образования

без взаимодействия с зарубежными партнерами невозможно обеспечить конкурентоспособность высшего учебного заведения. Именно поэтому международное сотрудничество является неотъемлемой частью деятельности Академии МВД Республики Таджикистан, важным инструментом в обеспечении качества образования и его соответствия международным стандартам. Развитие партнерских отношений с ведущими зарубежными вузами и авторитетными международными организациями позволяет Академии МВД Республики Таджикистан внедрять в учебный процесс современные программы высшего профессионального образования.

Для нашей Академии МВД Республики Таджикистан развитие международного сотрудничества с силовыми вузами других государств, несомненно, является одним из приоритетных направлений деятельности, ведь только при тесном международном взаимодействии можно подготовить высококвалифицированного сотрудника, способного решать задачи борьбы с преступностью не только в локальных, но и в межгосударственных масштабах.

Основными целями международной деятельности Академии МВД Республики Таджикистан является повышение качества образования на основе сотрудничества с международным академическим сообществом посредством развития образовательных и научных программ, сопоставимых с международными стандартами, использование педагогических инноваций и информационных технологий, участие в международных образовательных и научных проектах и мероприятиях.

Необходимо отметить, что международные отношения начались 2002 г., и с того времени деятельность по установлению и развитию международных контактов не прекращалась. Благодаря этому было подписано 40 соглашений и договоров в сфере международного сотрудничества. Укрепились и установлены научные связи с международными организациями, зарубежными исследовательскими и образовательными учреждениями. Ученые и специалисты Академии МВД Республики Таджикистан приняли участие в более чем 800 международных мероприятиях, проведенных за рубежом и в Таджикистане.

Углубление уже сложившихся связей, поиск новых, нетрадиционных форм сотрудничества, расширение диапазона взаимодействия с зарубежными партнерами определяют сегодняшнюю международную жизнь МВД Республики Таджикистан.

За время своего существования Академией подписано 46 соглашений о сотрудничестве в области учебной и научной деятельности с различными международными организациями и профильными высшими учебными заведениями стран СНГ (Россия, Кыргызстан, Казахстан, Беларусь, Молдова, Узбекистан). Ведется активное сотрудничество с более чем 40 учебными заведениями государств — участников СНГ и стран дальнего зарубежья (Турция, Исламская Республика Иран, Катар, Китайская Народная Республика). Академия МВД Республики Таджикистан является полноправным членом Ассоциации образовательных организаций МВД (Полиции) государств — участников СНГ по подготовке руководящего состава органов внутренних дел, Международной ассоциации полицейских Академий (ИНТЕРПА), сотрудничает с Международной организацией по миграции, Управлением ООН по наркотикам и организованной преступности, ОБСЕ, Посольством США в Душанбе, Посольством Китайской Народной Республики в Таджикистане.

В соответствии с подписанными документами о сотрудничестве основными формами сотрудничества являются:

1) проведение совместных научных и научно-технических исследований по заранее согласованной тематике, представляющих взаимный интерес;

2) издание совместных монографий, учебников, пособий, сборников и других научных и учебно-методических работ;

3) принятие к публикации в своих изданиях представленных научных статей, рекомендованных Сторонами;

4) организация и проведение как совместных, так и организованных одной из Сторон конференций, семинаров, круглых столов и других представительских мероприятий по актуальным проблемам деятельности правоохранительных органов, а равно участие в указанных мероприятиях.

Наличие партнерских отношений между нашими образовательными учреждениями и их постоянное укрепление является неотъемлемым элементом системы образования, способствует усилению образовательного потенциала, стимулирует разработку новых научно-исследовательских направлений, развивает взаимопонимание между преподавателями и учеными из разных стран.

Понимание важности развития международного сотрудничества в области образования и интеграции в мировой образовательный портал стимулирует нас к поиску новых путей гармоничного сотрудничества в области образования. Поэтому Академия МВД Республики Таджикистан планирует и в дальнейшем, развивать и укреплять эту сферу деятельности.

Ученые Академии МВД Республики Таджикистан являются членами Международной научной лаборатории социально-правовых исследований, действующей в рамках Ассоциации образовательных организаций МВД (Полиции) государств — участников СНГ, результатом чего является выпуск совместно выполненной монографии [73] *(Международная научная лаборатория социально-правовых исследований создана 22 декабря 2020 г. решением общего собрания руководителей образовательных организаций Ассоциации вузов МВД (полиции) государств — участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). Деятельность Международной научной лаборатории социально-правовых исследований направлена на эффективное использование потенциала ведомственной науки в интересах межгосударственного сотрудничества, поиск актуальной тематики совместных научных исследований и совершенствование организации их проведения. Подробнее см.: https://а.мвд.рф/Universitet/%0bмеждународная-деятельность).*

В контексте проводимой с 2013 г. реформы милиции, вопросы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников МВД Республики Таджикистан нами детально обсуждались в ходе подготовки нового проекта Программы реформы милиции на 2021–2025 гг. Именно тогда в рабочей группе МВД Республики Таджикистан представителями нашей Академии было предложено разработать два основных ключевых документа: Концепцию кадровой политики МВД Республики Таджикистан и Концепцию развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан. *(Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан “О Концепции кадровой политики органов внутренних дел Республики Таджикистан”» от 20 апреля 2020 г. № 224.)*

Впоследствии два вышеуказанных документа были положены в основу четвертой и пятой самостоятельных глав Программы реформы милиции на 2021–2025 гг.: «Реформа кадровой политики Министерства внутренних дел» и «Совершенствование системы образования в учебных заведениях Министерства внутренних дел». *(Программа утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 211.)*

Концепция кадровой политики органов внутренних дел Республики Таджикистан на период до 2043 г. *(Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 сентября 2023 г., № 459. Данная Концепция была разработана рабочей группой МВД Республики Таджикистан, в состав которой также входили действующие сотрудники Академии МВД Республики Таджикистан. Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан “Программы реформы милиции на 2021–2025 гг.”» от 28 июля 2020 г. № 439)* включает в себя систему идей, мнений, точек зрения и принципов, определяющую цели и задачи, приоритетные направления, принципы ведомственного регулирования кадровой политики ОВД, обеспечение высококвалифицированными кадрами ОВД Республики Таджикистан. В ее основе лежат единство идей и методологические подходы к работе с сотрудниками ОВД.

Концепция определяет систему кадрового обеспечения, условия и способы ее реализации и служит руководством ОВД в процессе работы с кадрами. Концепция является основой для разработки ведомственных нормативных правовых актов, программ и планов, а ее положения учитываются при формировании стратегических направлений организации и развития структуры МВД Республики Таджикистан, определении приоритетных направлений деятельности ОВД.

Главная цель Концепции — определение долгосрочной стратегии и перспективы направлений развития системы работы с личным составом в МВД, основных путей и методов ее модернизации и совершенствования (п. 1–3 Концепции).

Проект Концепции развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан *(данная Концепция была разработана рабочей группой МВД Республики Таджикистан, в состав которой входили также действующие сотрудники Академии МВД Республики Таджикистан. Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан “О Концепции развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан”» от 31 мая 2022 г. № 312),* после представления прошел все инстанции по согласованию, но до настоящего времени, не был принят. Об особенностях проекта Концепции мы писали в различных своих статьях [74, с. 126–133; 75, с. 63–65; 76, с. 51–62].

Для общего понимания процесса совершенствования подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в системе МВД Республики Таджикистан далее будут цитироваться основные положения проекта Концепции разви-

тия учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан на период до 2043 г. (далее по тексту — Концепция). Основные положения проекта Концепции приводятся в соответствии с разработанной и представленной для утверждения структурой проекта нормативного правового акта в краткой форме.

1. Общие положения. Как и любой стратегический документ, наша Концепция разработана с целью соответствования современным требованиям образовательного процесса, развития научно-исследовательской деятельности и совершенствования структуры учебных и научных учреждений органов внутренних дел Республики Таджикистан. Концепция реализовывает тенденции развития государственной политики в системе среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования МВД Республики Таджикистан, в условиях новых общественных отношений и формирования единой национальной образовательной среды, отвечающей мировым стандартам.

2. Современное состояние подготовки кадров в МВД Республики Таджикистан. В контексте реформы милиции Таджикистана учебный процесс, научно-исследовательская деятельность и подготовка кадров высшей квалификации в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан нуждаются в совершенствовании. Указанные процессы осуществляются в нескольких учебных и научных учреждениях МВД (Академия МВД Республики Таджикистан, Колледж милиции МВД Республики Таджикистан, Пожарно-технический колледж МВД Республики Таджикистан, Учебный центр МВД Республики Таджикистан, Учебный центр Управления внутренних войск МВД Республики Таджикистан, Научно-исследовательский центр МВД Республики Таджикистан и другие учебные центры структурных подразделений МВД Республики Таджикистан), в которых используются разные и зачастую несовместимые учебные системы.

Подготовка кадров для нужд МВД Республики Таджикистан будет осуществляться по трехуровневой системе образования, посредством сочетания трех современных процессов подготовки кадров, т.е. подготовки, переподготовки и повышения квалификации. В этом направлении все учебные заведения МВД Республики Таджикистан будут внедрены в единую образовательную систему, в которой, в общей сложности, будет реализовываться единая система обучения в зависимости от уровня подготовки.

При разработке учебных программ особое внимание будет уделяться увеличению количества практических занятий. В то же время большинство часов в учебных программах различных уровней будут составлять групповые занятия, в особенности проведение занятий современными (интерактивными) методами обучения.

3. Цели и задачи Концепции. Общей целью Концепции является совершенствование нормативной правовой базы, структуры, усиление деятельности в направлении подготовки, переподготовки и повышении квалификации сотрудников МВД Республики Таджикистан, развитие материально-технической базы, использование эффективных методов обучения, разработка планов и учебных программ, отвечающих требованиям мировых стандартов, пропаганда важности использования информационных технологий в процессе образования, изучения иностранных языков в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан. Стратегической целью Концепции является унификация системы образования, усиление деятельности, централизация процессов образования и науки в соответствующих учреждениях.

4. Процессы подготовки, переподготовки и повышения квалификации в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан. В учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан готовятся специалисты со средним профессиональным образованием, высшим профессиональным образованием, профессиональным образованием после высшего учебного заведения, научные и научно-педагогические кадры. Выпускники начальных классов средних общеобразовательных учреждений могут продолжить обучение в Специальном профессиональном лицее при Университете МВД Республики Таджикистан. Граждане со средним профессиональным образованием имеют возможность получить высшее образование в Университете МВД Республики Таджикистан.

Подготовка специалистов в системе МВД Республики Таджикистан будет осуществляться со средним профессиональным образованием в Колледже милиции и Пожарно-техническом колледже. Подготовка специалистов в МВД Республики Таджикистан с высшим профессиональным образованием будет осуществляться в Университете МВД Республики Таджикистан. Подготовка специалистов в МВД Республики Таджикистан после высшего профессионального образования будет осуществляться посредством переподготовки на факультете подготовки руководящих кадров для правоохранительных органов и силовых структур Республики Таджикистан и подготовки научных и научно-педагогических кадров в отделе адъюн-

ктуры Университета МВД Республики Таджикистан. Переподготовка и повышение квалификации сотрудников осуществляются в Институте подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД.

5. Развитие научно-исследовательской деятельности в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан. Научно-исследовательская деятельность является одним из важных и стратегических направлений деятельности учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан, где во многом уровень и качество образования и подготовки высококвалифицированных кадров зависят от эффективности научно-исследовательской деятельности. Хотя результаты научно-исследовательской деятельности учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан создают важную основу для последующего этапа развития, пока научно-исследовательские работы не воплощены в развитие соответствующих направлений деятельности правоохранительных органов.

Одной из основных задач Концепции является усиление научно-исследовательской деятельности в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан, что способствует развитию образовательного и научного потенциала и повышению конкурентоспособности вышеперечисленных учреждений в системе высших профессиональных образовательных и научных учреждений страны.

В учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан намечены меры по дальнейшему развитию и повышению эффективности сотрудничества с высшими профессиональными образовательными и научными учреждениями внутри и за пределами страны. Важное место в международном научном сотрудничестве занимают целенаправленные мероприятия по подготовке научных кадров высокого уровня, совместные научные и научно-практические исследования. Определенное количество адъюнктов и докторантов обучаются в высших профессиональных образовательных и научных учреждениях Российской Федерации. Данные учреждения обеспечивают подготовку, образование и повышение квалификации научных кадров и потенциала учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан.

6. Совершенствование структуры учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан. В настоящее время подготовка кадров осуществляется в нескольких учебных заведениях МВД Республики Таджикистан, где в связи с отсутствием обеспечения непрерывного процесса образования и централизации их деятельности, недостаточной связи теории с практикой, диктуется необходимость совершенствования структур. В рамках эффективности процесса подготовки кадров на базе учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан создается Университет МВД Республики Таджикистан.

Университет МВД Республики Таджикистан является структурным подразделением МВД Республики Таджикистан и реализует образовательные программы среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования, подготовку научных и научно-педагогических кадров. Учредителем Университета МВД Республики Таджикистан является Правительство Республики Таджикистан, а полномочия по управлению возлагаются на МВД Республики Таджикистан.

Университет МВД Республики Таджикистан создается на базе действующих учебных учреждений, при котором будут функционировать филиал Университета МВД Республики Таджикистан в городе Худжанде, Институт подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД, Колледж милиции Университета МВД Республики Таджикистан (с дислокацией в городе Куляб), Пожарно-технический колледж Университета МВД Республики Таджикистан (с дислокацией в Дангаринском районе) и Специальный профессиональный лицей при Университете МВД Республики Таджикистан. В рамках выполнения Государственной программы противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы, которое утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г. № 265, при Институте подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД будет создан Центр по борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Центр будет осуществлять свою деятельность в области подготовки квалифицированных кадров и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, внедрения в высших учебных заведениях спецкурсов с привлечением сотрудников правоохранительных органов по современным методам выявления и раскрытия новых видов преступлений, организация обучающих курсов по методам и тактике выявления и расследования новых видов преступлений для сотрудников правоохранительных органов всех уровней и налаживание тесного сотрудничества между высшими учебными заведениями юридического профиля с правоохранительными органами в сфере их практической деятельности.

В целях подготовки талантливых кадров после окончания средних общеобразовательных учреждений при Университете МВД Республики Таджикистан будет создан Специальный профессиональный лицей Университета МВД Республики Таджикистан. В учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан по согласованию с Правительством Республики Таджикистан в качестве структурных подразделений могут создаваться иные составные структуры.

Литература

1. *Азими У. А.* Кадровое обеспечение органов внутренних дел Таджикистана: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Душанбе, 2020. 225 с.

2. *Шарифзода Ф. Р.* Совершенствование системы подготовки кадров органов внутренних дел Республики Таджикистан для решения задач противодействия внутренним угрозам национальной безопасности // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 2 (46). С. 213–224.

3. *Азими У. А.* Актуальные вопросы совершенствования профессионального обучения в учебных заведениях системы МВД Республики Таджикистан // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году. Уфа, 2024. С. 192–196.

4. *Давлатшоева А.* Некоторые теоретические вопросы подготовки кадров для правоохранительных органов Республики Таджикистан // Вестник Академии образования Таджикистана. 2025. № 1 (55). С. 305–311.

5. *Таширифзода Ф. К.* Особенности образовательной, научной и исследовательской деятельности образовательных учреждений ОВД Республики Таджикистана // Вестник института языков. 2025. № 2 (58). С. 379–384.

6. *Азими У. А.*, *Рахмаджонзода Р. Р.*, *Умари Х. А.* Подготовка и защита диссертации в Республике Таджикистан: монография (на тадж. языке). Душанбе: ЭР-граф, 2025. 160 с.

7. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (г. Душанбе, 29 апреля 2022 г.) / под ред. д.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. 372 с.

8. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (г. Душанбе, 29 апреля 2023 г.) / под ред. д.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2023. 316 с.

9. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки и объявлению «Года правового просвещения» (г. Душанбе, 19 апреля 2024 г.) / под ред. П. А. Насуриен. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. 468 с.

10. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (Душанбе, 18 апреля 2025 г.) / под ред. П. А. Насуриен. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. 521 с.

11. Права человека и глобализация: материалы I международной научно-теоретической конференции посвященной 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Издательство УМТ и ВС МВД Республики Таджикистан, 2019. 218 с.

12. Права человека и глобализация: материалы II международной научно-теоретической конференции, посвященной 71-летию принятия Всеобщей декларации прав человека / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2020. 296 с.

13. Образование в области прав человека: материалы III международной научно-теоретической конференции, посвященной Дню прав человека / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2021. 391 с.

14. Права человека и глобализация: материалы IV международной научно-теоретической конференции, посвященной Дню прав человека / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. 348 с.

15. Права человека и глобализация: материалы V международной научно-теоретической конференции, посвященной Дню прав человека / под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: Контраст, 2023. 360 с.

16. Материалы VI международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвященной Дню прав человека / под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода, д.ю.н., доцента Р. Р. Рахмаджонзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. 363 с.

17. Материалы VII международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвященной Дню прав человека и объявлению «Года правового просвещения» / под общ. ред. к.ю.н. П. А. Насуриен, д.ю.н., доцента Р. Р. Рахмаджонзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. 308 с.

18. Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-практической конференции. Душанбе: Ирфон, 2014. 283 с.

19. Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 332 с.

20. Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 248 с.

21. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.) / под ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. 290 с.

22. Сборник материалов Международной научно-практической конференции на тему «Конституция Республики Таджикистан: эволюция и перспективы развития», посвященную 30-летию принятия Конституции Республики Таджикистан и объявлению «Года правового просвещения» (г. Душанбе, 2 ноября 2024 г.) / под ред. П. А. Насуриен. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. 318 с. 15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Душанбе, 3 декабря 2024 г. / под ред. к.ю.н., генерал-майора милиции П. А. Насуриен, д.ю.н., доцента Р. Р. Рахмаджонзода. Душанбе: Типография Министерство внутренних дел Республики Таджикистан, 2025. 326 с.

23. *Рахимов Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2012. 596 с.

24. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 2-е изд. Душанбе: ЭР-граф, 2014. 692 с.

25. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 3-е изд. Душанбе: ЭР-граф, 2015. 756 с.

26. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 4-е изд. Душанбе: ЭР-граф, 2017. 776 с.

27. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 5-е изд. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 776 с.

28. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник. Душанбе: ЭР-граф, 2024. 736 с.

29. Уголовное право. Общая часть: учебник: в 3 томах. I том / под общ. ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода (на тадж. яз.). Душанбе: Нашриети муосир, 2023. 425 с.

30. Уголовное право. Особенная часть: учебник: в 3 томах. II том / под общ. ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода (на тадж. яз.). Душанбе: Нашриети муосир, 2023. 640 с.

31. Уголовное право. Особенная часть: учебник: в 3 томах. III том / под общ. ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода (на тадж. яз.). Душанбе: Нашриети муосир, 2023. 688 с.

32. Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н. С. Мановой, Ю. В. Францифорова, Р. Р. Юлдошева. Душанбе: ТАДЖПРИНТ, 2017. 456 с.

33. Уголовный процесс: учебник / отв. Ред. Р. Р. Юлдошев. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 552 с.

34. *Бободжонзода И.Х.*, *Кудратов Н.А.*, *Рахмаджонзода Р.Р.*, *Кодирзода Т.К.*, *Рустамзода М.М.* Уголовно-процессуальное право: учебник (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2024. 416 с.

35. Криминалистика: учебник / отв. ред. А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, Р.Х. Рахимзода. Душанбе: ЭР-граф, 2021. 654 с.

36. *Насуриен П.А.*, *Нуралиев С.Ш.*, *Нуриддинзода С.Н.* Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: учебник. Душанбе: ЭР-граф, 2017. 376 с.

37. Административная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан. Общая и особенная часть: учебник (на тадж. яз.). Душанбе: Контраст, 2024. 836 с.

38. *Рахимзода Р. Х.* Оперативно-розыскная политика в сфере обеспечения экономической безопасности Республики Таджикистан: монография. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 636 с.

39. *Рахмаджонзода Р. Р.*, *Ализода П. Х.*, *Таджали Д. А.* Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: монография. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 236 с.

40. *Рахмаджонзода Р. Р.*, *Махмадализода А. М.*, *Арипов А. Л.*, *Каримов Э. Х.* Актуальные проблемы досудебного производства по материалам и уголовным делам: монография (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2019. 96 с.

41. *Рахмаджонзода Р. Р.*, *Абдурашидзода А. А.*, *Музафаров С. З.*, Раджабзода Дж. И. Преступность. Наказуемость. Судимость: монография / под ред. к.ю.н. Н. М. Самиева. Душанбе: ЭР-граф, 2020. 280 с.

42. *Самиев Н. М.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография / под ред. д.ю.н., профессора В. П. Лаврова. М.: Юрлитинформ, 2020. 152 с.

43. *Шарифзода Ф. Р.* Органы внутренних дел в системе национальной безопасности Республики Таджикистан: монография. Душанбе: ЭР-граф, 2021. 372 с.

44. *Нижник Н. С.*, *Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние: монография. Душанбе: Бебок, 2021. 476 с.

45. *Азими У. А.* Кадровое обеспечение органов внутренних дел Таджикистана: историко-правовой анализ: монография. Душанбе: Сифат-Офсет, 2022. 250 с.

46. *Заробиддинзода С. З.* Институт судимости по уголовному законодательству Таджикистана и России: монография / под ред. профессора Б. В. Епифанова. Душанбе: ЭР-граф, 2022. 300 с.

47. *Тохирзода О. Т.* Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография. Душанбе: Ирфон, 2025. 240 с.

48. *Солиев К. Х.*, *Рахимов Р. Х.* Комментарии к преступлениям в сфере экономики. Душанбе: Матбуот, Универсал-3, 2001. 275 с.

49. Комментарии к Уголовному кодексу Республики Таджикистан / отв. Ред. Х. Х. Шарипов. Душанбе: Глобус, 2006. 880 с.

50. *Солиев К. Х.*, *Шарипов Т. Ш.*, *Холиков А. Г.*, *Зоиров Ш. Ю.* Комментарии к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с торговлей людьми». Душанбе, 2007. 132 с.

51. Комментарии к отдельным статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / под ред. *Кахарова А. А.* Душанбе, 2011. 695 с.

52. *Солиев К. Х.* Комментарий к преступлениям, связанным с торговлей людьми. Душанбе, 2011. 112 с.

53. *Мирзоахмедов Ф. А.*, *Алиев А. Ш.*, *Курбонов Р. Г.*, *Сафаров Х. С.* Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» (на тадж. яз.) / под ред. А. Г. Холикова. Душанбе: Сифат-Офсет, 2014. 234 с.

54. *Холиков А. Г.*, Холикзода Дж., *Латипов Н. Р.*, *Хабирова Т. А.*, *Азимов Н. Б.*, *Мирзоахмедов Ф. А.*, *Кохири С.*, *Алиев А. Ш.* Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» (на тадж. яз.) / под ред. А. Г. Холикова. Душанбе: Контраст, 2014. 294 с.

55. Комментарии к Закону Республики Таджикистан «О противодействии торговли людьми и оказания помощи жертвам торговли людьми». Душанбе: МОМ, 2015. 506 с.

56. *Маджидзода Дж. З.*, *Шарифзода Ф. Р.*, *Ализода А. Ш.*, *Насуриен П. А.*, *Махмудов Н. Р.* Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с организованной преступностью» (на тадж. яз.). Душанбе: Андалеб Р, 2015. 176 с.

57. *Маджидзода Дж. З.* Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности. Душанбе: Андалеб-Р, 2015. 440 с.

58. *Юлдошев Р. Р.* Научно-практический комментарий к отдельным главам уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: монография. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 226 с.

59. *Холикзода А. Г.*, *Шарипов Т. Ш.*, *Солиев К. Х.*, *Табаров Н. А.*, *Гафуриен А. М.* Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О противодействии торговли людьми и оказание помощи жертвам торговли людьми». Душанбе, 2017. 476 с.

60. Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 гг. Душанбе: Центр по правам человека, 2018. 85 с.

61. Научно-практический комментарий к преступлениям в сфере интеллектуальной собственности (на тадж. яз.) / отв. Ред. *Хафиззода Ш. Х.* Душанбе, 2018. 96 с.

62. *Хафиззода Ш. Х.*, *Солиев К. Х.*, *Сафаров Х. С.*, *Юсуфзода А. Х.* Добровольное возвращение участников экстремистско-террористических организаций: практические рекомендации (на тадж. яз.). Душанбе: Изд-во МВД Республики Таджикистан, 2019. 21 с.

63. *Солиев К. Х.* Практические рекомендации сотрудникам правоохранительных органов Республики Таджикистан в борьбе с торговлей людьми. Душанбе, 2004. 176 с.

64. *Аламшозода А. А.* Деятельность оперативных аппаратов правоохранительных органов по борьбе с преступлениями террористического характера: практическое пособие. Душанбе, 2017. 68 с.

65. *Юлдошев Р. Р.*, *Махмадиев Х. Х.*, *Акбарзода А. А.* Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.): науч.-практ. пособие. Душанбе: КОНТРАСТ, 2018. 320 с.

66. *Шарифзода Ф. Р.*, *Юлдошев Р. Р.*, *Самиев Н. М.* Хрестоматия по оперативно-розыскной деятельности: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2018. 520 с.

67. Рекомендации по совершенствованию положений Закона Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2019. 60 с.

68. *Рахмаджонзода Р. Р.*, *Арипов А. Л.*, *Самиев Н. М.*, *Махмадализода А. М.*, *Касимова М. А.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: научно-практическое пособие. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 60 с.

69. Библиография (1991–2016) (на тадж. яз.). Душанбе: ЭР-граф, 2016. 264 с.

70. *Рахмаджонзода Р. Р.* (*Юлдошев Р. Р.*). Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 304 с.

71. Библиография Академии МВД Республики Таджикистан (1991–2021). Второе издание с доп. и изм. Душанбе: ЭР-граф, 2021. 492 с.

72. Совершенствование системы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: монография / [С. В. Гарник и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2023. 653 с.

73. *Рахмаджонзода Р. Р.* Государственная научно-техническая политика Таджикистана в контексте подготовки кадров высшей квалификации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, В. О. Лапина, Ю. В. Шпагиной. М.: Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. С. 126–133.

74. *Рахмаджонзода Р. Р.* Научная интеграция адъюнктов-иностранцев как необходимое условие успешной защиты диссертации // Академическая мысль. 2024. № 1 (26). С. 6365.

75. *Рахмаджонзода Р. Р.* Модернизация подготовки высококвалифицированных кадров в системе МВД Республики Таджикистан // Подготовка высококвалифицированных кадров в сфере профилактики правонарушений и борьбы с преступностью: тенденции и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (4 сентября 2024 г.) / отв. ред. Р. О. Нигматов. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2024. С. 51–62.

References

1. *Azimi U. A.* Kadrovoe obespechenie organov vnutrennih del Tadzhikistana: istoriko-pravovoj analiz [Personnel support of the internal affairs bodies of Tajikistan: historical and legal analysis]. Dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.01. Dushanbe, 2020. 225 p. (In Russian)

2. *Sharifzoda F. R.* Sovershenstvovanie sistemy podgotovki kadrov organov vnutrennih del Respubliki Tadzhikistan dlja reshenija zadach protivodejstvija vnutrennim ugrozam nacional'noj bezopasnosti [Improving the system of training personnel of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan to counter internal threats to national security] // In *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2023. № 2 (46). P. 213–224. (In Russian)

3. *Azimi U. A.* Aktual'nye voprosy sovershenstvovanija professional'nogo obuchenija v uchebnyh zavedenijah sistemy MVD Respubliki Tadzhikistan [Actual issues of improving vocational training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan] // In *Sbornik nauchnyh trudov po itogam*

nauchno-predstavitel'skih meroprijatij, provodimyh v Ufimskom juridicheskom institute MVD Rossii v 2024 godu. Ufa, 2024. P. 192–196. (In Russian)

4. *Davlatshoeva A.* Nekotorye teoreticheskie voprosy podgotovki kadrov dlja pravoohranitel'nyh organov Respubliki Tadzhikistan [Some theoretical issues of training personnel for law enforcement agencies of the Republic of Tajikistan] // In *Vestnik Akademii obrazovanija Tadzhikistana*. 2025. № 1 (55). P. 305–311. (In Russian)

5. *Tashrifzoda F. K.* Osobennosti obrazovatel'noj, nauchnoj i issledovatel'skoj dejatel'nosti obrazovatel'nyh uchrezhdenij OVD Respubliki Tadzhikistana [Features of educational, scientific and research activities of educational institutions of the Internal Affairs Directorate of the Republic of Tajikistan] // In *Vestnik instituta jazykov*. 2025. № 2 (58). P. 379–384. (In Tajik)

6. *Azimi U. A., Rahmadzhonzoda R. R., Umari H. A.* Podgotovka i zashhita dissertacii v Respublike Tadzhikistan: monografija (na tadzh. jazyke) [Preparation and defense of a dissertation in the Republic of Tajikistan: monograph]. Dushanbe: JeR-graf, 2025. 160 p. (In Tajik)

7. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii na temu «Juridicheskaja nauka i praktika», posvjashhennaja Dnju tadzhikskoj nauki (g. Dushanbe, 29 aprelja 2022 g.) [Collection of materials of the I International scientific and practical conference on the topic "Legal science and practice", dedicated to the Day of Tajik Science (Dushanbe, April 29, 2022)] // Pod red. d.ju.n., *docenta F. R.* Sharifzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2022. 372 p. (In Tajik, In Russian)

8. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii na temu «Juridicheskaja nauka i praktika», posvjashhennaja Dnju tadzhikskoj nauki (g. Dushanbe, 29 aprelja 2023 g.) [Collection of materials of the II International scientific and practical conference on the topic "Legal science and practice", dedicated to the Day of Tajik Science (Dushanbe, April 29, 2023)] / pod red. d.ju.n., *docenta F. R.* Sharifzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2023. 316 p. (In Tajik, In Russian)

9. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii na temu «Juridicheskaja nauka i praktika», posvjashhennaja Dnju tadzhikskoj nauki i ob#javleniju "Goda pravovogo prosveshhenija" (g. Dushanbe, 19 aprelja 2024 g.) [Collection of materials of the III International scientific and practical conference on the topic "Legal science and practice", dedicated to the Day of Tajik science and the announcement of the "Year of legal education" (Dushanbe, April 19, 2024)] / pod red. P. A. Nasurijon. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2024. 468 p. (In Tajik, In Russian)

10. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii na temu «Juridicheskaja nauka i praktika», posvjashhennaja Dnju tadzhikskoj nauki (Dushanbe, 18 aprelja 2025 g.) [Collection of materials of the IV International scientific and practical conference on the topic "Legal science and practice", dedicated to the Day of Tajik science (Dushanbe, April 18, 2025)] / pod red. P. A. Nasurijon. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2025. 521 p. (In Tajik, In Russian)

11. Prava cheloveka i globalizacija: materialy I mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii posvjashhennoj 70-letiju prinjatija Vseobshhej deklaracii prav cheloveka [Human Rights and Globalization: Proceedings of the 1st International Scientific and Theoretical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights] / pod obshhej redakciej k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: Izdatel'stvo UMT i VS MVD Respubliki Tadzhikistan, 2019. 218 p. (In Tajik, In Russian)

12. Prava cheloveka i globalizacija: materialy II mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, posvjashhennoj 71-letiju prinjatija Vseobshhej deklaracii prav cheloveka [Human Rights and Globalization: Proceedings of the 2nd International Scientific and Theoretical Conference Dedicated to the 71st Anniversary of the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights] / pod obshhej redakciej k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2020. 296 p. (In Tajik, In Russian)

13. Obrazovanie v oblasti prav cheloveka: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, posvjashhennoj Dnju prav cheloveka [Human Rights Education: Proceedings of the 3rd International Scientific and Theoretical Conference Dedicated to Human Rights Day] / pod obshhej redakciej k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2021. 391 p. (In Tajik, In Russian)

14. Prava cheloveka i globalizacija: materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, posvjashhennoj Dnju prav cheloveka [Human Rights and Globalization: Proceedings of the IV-th International Scientific and Theoretical Conference Dedicated to Human Rights Day] / pod obshh. red. k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2022. 348 p. (In Tajik, In Russian)

15. Prava cheloveka i globalizacija: materialy V mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj Dnju prav cheloveka [Human Rights and Globalization: Proceedings of the V-th International Scientific and Theoretical Conference Dedicated to Human Rights Day] / pod obshh. red. d.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: Kontrast, 2023. 360 p. (In Tajik, In Russian)

16. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii «Prava cheloveka i globalizacija», posvjashhennoj Dnju prav cheloveka [Proceedings of the VI International Scientific and Theoretical Conference "Human Rights and Globalization" Dedicated to Human Rights Day] / pod obshh. red. d.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda, d.ju.n., docenta R. R. Rahmadzhonzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2024. 363 p. (In Tajik, In Russian)

17. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii «Prava cheloveka i globalizacija», posvjashhennoj Dnju prav cheloveka i ob''javleniju «Goda pravovogo prosveshhenija» [Proceedings of the VII international scientific and theoretical conference "Human Rights and Globalization" dedicated to Human Rights Day and the announcement of the "Year of Legal Education"] / pod obshh. red. k.ju.n. P. A. Nasurijon, d.ju.n., docenta R. R. Rahmadzhonzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2025. 308 p. (In Tajik, In Russian)

18. Dostizhenija, problemy i perspektivy razvitija ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Respubliki Tadzhikistan: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Achievements, problems and prospects for the development of criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: materials of the international scientific and practical conference]. Dushanbe: Irfon, 2014. 283 p. (In Tajik, In Russian)

19. Ugolovnaja politika v kontekste sovremennyh mirovyh tendencij: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Criminal policy in the context of modern global trends: materials of the international scientific and practical conference] / pod obsh. red. k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: JeR-graf, 2018. 332 p. (In Tajik, In Russian)

20. Predvaritel'noe rassledovanie i perspektivy ego razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Preliminary investigation and prospects for its development: materials of the international scientific and practical conference] / pod obsh. red. k.ju.n., docenta F. R. Sharifzoda. Dushanbe: JeR-graf, 2018. 248 p. (In Tajik, In Russian)

21. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Problemy bor'by s prestupnost'ju na Evrazijskom prostranstve», posvjashhennoj «Godu pravovogo prosveshhenija» (g. Dushanbe, 10 maja 2024 g.) [Collection of materials of the international scientific and practical conference "Problems of combating crime in the Eurasian space", dedicated to the "Year of legal education" (Dushanbe, May 10, 2024)] / pod red. d.ju.n., docenta R. H. Rahimzoda. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2024. 290 p. (In Tajik, In Russian)

22. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii na temu «Konstitucija Respubliki Tadzhikistan: jevoljucija i perspektivy razvitija», posvjashhennuju 30-letiju prinjatija Konstitucii Respubliki Tadzhikistan i ob''javleniju "Goda pravovogo prosveshhenija" (g. Dushanbe, 2 nojabrja 2024 g.) [Collection of materials of the International scientific and practical conference on the topic "Constitution of the Republic of Tajikistan: evolution and development prospects", dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Tajikistan and the announcement of the "Year of legal education" (Dushanbe, November 2, 2024)] / pod red. P. A. Nasurijon. Dushanbe: Tipografija MVD Respubliki Tadzhikistan, 2024. 318 p. (In Tajik, In Russian)

23. 15-letie Ugolovno-processual'nogo kodeksa Respubliki Tadzhikistan: sostojanie i perspektivy: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Dushanbe, 3 dekabrja 2024 g. [The 15th Anniversary of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan: Status and Prospects: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference, Dushanbe, December 3, 2024] / pod red. k.ju.n., general-majora milicii P. A. Nasurijon, d.ju.n., docenta R. R. Rahmadzhonzoda. Dushanbe: Tipografija Ministerstvo vnutrennih del Respubliki Tadzhikistan, 2025. 326 p. (In Tajik, In Russian)

24. *Rahimov R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Operational-search activity: textbook]. Dushanbe: JeR-graf, 2012. 596 p. (In Tajik)

25. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Operational-search activity: textbook]. 2-e izd. Dushanbe: JeR-graf, 2014. 692 p. (In Tajik)

26. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Operational-search activity: textbook]. 3-e izd. Dushanbe: JeR-graf, 2015. 756 p. (In Tajik)

27. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Operational-search activity: textbook]. 4-e izd. Dushanbe: JeR-graf, 2017. 776 p. (In Tajik)

28. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Operational-search activity: textbook]. 5-e izd. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 776 p. (In Tajik)

29. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost': uchebnik. Dushanbe: JeR-graf, 2024. 736 p. (In Russian)

30. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast: uchebnik: v 3 tomah. I tom / pod obshh. red. d.ju.n., docenta Rahimzoda R. H. (na tadzh. jaz.) [Criminal law. General part: textbook: in 3 volumes. Volume I]. Dushanbe: Nashrijoti muosir, 2023. 425 p. (In Tajik)

31. Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast': uchebnik: v 3 tomah. II tom / pod obshh. red. d.ju.n., docenta Rahimzoda R. H. (na tadzh. jaz.) [Criminal law. Special part: textbook: in 3 volumes. Volume II]. Dushanbe: Nashrijoti muosir, 2023. 640 p. (In Tajik)

32. Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast': uchebnik: v 3 tomah. III tom / pod obshh. red. d.ju.n., docenta Rahimzoda R. H. (na tadzh. jaz.) [Criminal law. Special part: textbook: in 3 volumes. Volume III]. Dushanbe: Nashrijoti muosir, 2023. 688 p. (In Tajik)

33. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Respubliki Tadzhikistan: uchebnik [Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan: textbook] / pod red. N. S. Manovoj, Ju. V. Franciforova, R. R. Juldosheva. Dushanbe: TADZhPRINT, 2017. 456 p. (In Russian)

34. Ugolovnyj process: uchebnik [Criminal Procedure: textbook] / otvetstvennyj redaktor R. R. Juldoshev. Dushanbe: JeR-graf, 2018. 552 p. (In Tajik)

35. *Bobodzhonzoda I. H., Kudratov N. A., Rahmadzhonzoda R. R., Kodirzoda T. K., Rustamzoda M. M.* Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik (na tadzh. jaz.) [Criminal Procedure Law: textbook]. Dushanbe: JeR-graf, 2024. 416 p. (In Tajik)

36. Kriminalistika: uchebnik [Forensic Science: textbook] / otv. red. A. F. Volynskij, V. P. Lavrov, R. H. Rahimzoda. Dushanbe, 2021. 654 p. (In Russian)

37. *Nasurijon P. A., Nuraliev S. Sh., Nuriddinzoda S. N.* Administrativnaja dejatel'nost' organov vnutrennih del. Obshhaja chast': uchebnik [Administrative activities of internal affairs bodies. General part: textbook]. Dushanbe: JeR-graf, 2017. 376 p. (In Tajik)

38. Administrativnaja dejatel'nost' organov vnutrennih del Respubliki Tadzhikistan. Obshhaja i osobennaja chast': uchebnik (na tadzh. jaz.) [Administrative activities of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan. General and special part: textbook]. Dushanbe: Kontrast, 2024. 836 p. (In Tajik)

39. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja politika v sfere obespechenija jekonomicheskoj bezopanosti Respubliki Tadzhikistan: monografija [Operational-search policy in the sphere of ensuring economic security of the Republic of Tajikistan: monograph]. Dushanbe: JeR-graf, 2018. 636 p. (In Russian)

40. *Rahmadzhonzoda R. R., Alizoda P. H., Tadzhali D. A.* Teoreticheskaja model' ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Respubliki Tadzhikistan: monografija [Theoretical model of criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: monograph]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 236 p. (In Russian)

41. *Rahmadzhonzoda R. R., Mahmadalizoda A. M., Aripov A. L., Karimov Je. H.* Aktual'nye problemy dosudebnogo proizvodstva po materialam i ugolovnym delam: monografija (na tadzh. jaz.) [Actual problems of pre-trial proceedings based on materials and criminal cases: monograph]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 96 p. (In Tajik)

42. *Rahmadzhonzoda R. R., Abdurashidzoda A. A., Muzafarov S. Z., Radzhabzoda Dzh. I.* Prestupnost'. Nakazuemost'. Sudimost': monografija [Crime. Punishability. Criminal record: monograph] / pod red. k.ju.n. N. M. Samieva. Dushanbe: JeR-graf, 2020. 280 p. (In Russian)

43. *Samiev N. M.* Rassledovanie neraskrytyh prestuplenij proshlyh let (po materialam Respubliki Tadzhikistan i Rossijskoj Federacii): monografija [Investigation of unsolved crimes of past years (based on materials of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation): monograph] / pod red. d.ju.n., professora V. P. Lavrova. M.: Jurlitinform, 2020. 152 p. (In Russian)

44. *Sharifzoda F. R.* Organy vnutrennih del v sisteme nacional'noj bezopasnosti Respubliki Tadzhikistan: monografija [Internal Affairs Bodies in the National Security System of the Republic of Tajikistan: monograph]. Dushanbe: JeR-graf, 2021. 372 p. (In Russian)

45. *Nizhnik N. S., Abdullo A. R.* Pravoohranitel'naja sistema Respubliki Tadzhikistan: genezis i sovremennoe sostojanie: monografija [Law Enforcement System of the Republic of Tajikistan: Genesis and Current State: monograph]. Dushanbe: Bebok, 2021. 476 p. (In Russian)

46. *Azimi U.A.* Kadrovoe obespechenie organov vnutrennih del Tadzhikistana: istoriko-pravovoj analiz: monografija [Personnel Support of Internal Affairs Bodies of Tajikistan: Historical and Legal Analysis: monograph]. Dushanbe: Sifat-Ofset, 2022. 250 p. (In Russian)

47. *Zarobiddinzoda S.Z.* Institut sudimosti po ugolovnomu zakonodatel'stvu Tadzhikistana i Rossii: monografija [Institute of criminal record under the criminal legislation of Tajikistan and Russia: monograph] / pod red. professora B.V. Epifanova. Dushanbe: JeR-graf, 2022. 300 p. (In Russian)

48. *Tohirzoda O.T.* Osobennosti proizvodstva po ugolovnym delam chastnogo obvinenija v ugolovnom sudoproizvodstve (po materialam Respubliki Tadzhikistan i Rossijskoj Federacii): monografija [Features of production on criminal cases of private prosecution in criminal proceedings (based on the materials of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation): monograph]. Dushanbe: Irfon, 2025. 240 p. (In Russian)

49. *Soliev K.H., Rahimov R.H.* Kommentarii k prestuplenijam v sfere jekonomiki [Comments on crimes in the economic sphere]. Dushanbe: Matbuot, Universal-3, 2001. 275 p. (In Russian)

50. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Tadzhikistan [Comments on the Criminal Code of the Republic of Tajikistan] / otv. red. H.H. Sharipov. Dushanbe: Globus, 2006. 880 p. (In Tajik)

51. *Soliev K.H., Sharipov T.Sh., Holikov A.G., Zoirov Sh. Ju.* Kommentarii k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O bor'be s torgovlej ljud'mi» [Comments on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Human Trafficking"]. Dushanbe, 2007. 132 p. (In Tajik)

52. Kommentarii k otdel'nym stat'jam Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa Respubliki Tadzhikistan (na tadzh. jaz.) [Comments on individual articles of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan] / pod red. Kaharova A.A. Dushanbe, 2011. 695 p. (In Tajik)

53. *Soliev K.H.* Kommentarij k prestuplenijam, svjazannym s torgovlej ljud'mi [Commentary on crimes related to human trafficking]. Dushanbe, 2011. 112 p. (In Tajik)

54. *Mirzoahmedov F.A., Aliev A.Sh., Kurbonov R.G., Safarov H.S.* Kommentarij k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O bor'be s jekstremizmom» (na tadzh. jaz.) [Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Extremism"] / pod red. A.G. Holikova. Dushanbe: Sifat-Ofset, 2014. 234 p. (In Tajik)

55. *Holikov A.G., Holikzoda Dzh., Latipov N.R., Habirova T.A., Azimov N.B., Mirzoahmedov F.A., Kohiri S., Aliev A.Sh.* Kommentarij k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O bor'be s terrorizmom» (na tadzh. jaz.) [Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Terrorism"] / pod red. A.G. Holikova. Dushanbe: Kontrast, 2014. 294 p. (In Tajik)

56. Kommentarii k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O protivodejstvii torgovli ljud'mi i okazanija pomoshhi zhertvam torgovli ljud'mi» [Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Human Trafficking and Assistance to Victims of Human Trafficking"]. Dushanbe: MOM, 2015. 506 p. (In Russian)

57. *Madzhidzoda Dzh.Z., Sharifzoda F.R., Alizoda A.Sh., Nasurijon P.A., Mahmudov N.R.* Kommentarij k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O bor'be s organizovannoj prestupnost'ju» (na tadzh. jaz.) [Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Organized Crime"]. Dushanbe: Andaleb R, 2015. 176 p. (In Tajik)

58. *Madzhidzoda Dzh.Z.* Kommentarij k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti [Kommentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Operational-Investigative Activities"]. Dushanbe: Andaleb-R, 2015. 440 p. (In Tajik)

59. *Juldoshev R.R.* Nauchno-prakticheskij kommentarij k otdel'nym glavam ugolovno-processual'nogo kodeksa Respubliki Tadzhikistan: monografija [Scientific and practical commentary on individual chapters of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan: monograph]. M.: JuSTICIJa, 2016. 226 p. (In Russian)

60. *Holikzoda A.G., Sharipov T.Sh., Soliev K.H., Tabarov N.A., Gafurijon A.M.* Kommentarij k Zakonu Respubliki Tadzhikistan «O protivodejstvii torgovli ljud'mi i okazanie pomoshhi zhertvam torgovli ljud'mi» [Commentary on the Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Trafficking in Persons and Assistance to Victims of Trafficking in Persons"]. Dushanbe, 2017. 476 p. (In Tajik)

61. Rekomendacii dlja vkljuchenija v proekt Programmy sudebno-pravovoj reformy v Respublike Tadzhikistan na 2019–2021 gg. [Recommendations for inclusion in the draft Program of Judicial and Legal Reform in the Republic of Tajikistan for 2019–2021]. Dushanbe: Centr po pravam cheloveka, 2018. 85 p. (In Tajik, In Russian)

62. Nauchno-prakticheskij kommentarij k prestuplenijam v sfere intellektual'noj sobstvennosti (na tadzh. jaz.) [Scientific and practical commentary on crimes in the field of intellectual property] / otv. Red. Hafizzoda Sh.H. Dushanbe, 2018. 96 p. (In Tajik)

63. *Hafizzoda Sh. H., Soliev K. H., Safarov H. S., Jusufzoda A. H.* Dobrovol'noe vozvrashhenie uchastnikov jekstremistsko-terroristicheskih organizacij: prakticheskie rekomendacii (na tadzh. jaz.) [Voluntary return of members of extremist and terrorist organizations: practical recommendations]. Dushanbe: Izd-vo MVD Respubliki Tadzhikistan, 2019. 21 p. (In Tajik)

64. *Soliev K. H.* Prakticheskie rekomendacii sotrudnikam pravoohranitel'nyh organov Respubliki Tadzhikistan v bor'be s torgovlej ljud'mi [Practical recommendations for law enforcement officers of the Republic of Tajikistan in the fight against human trafficking]. Dushanbe, 2004. 176 p. (In Russian)

65. *Alamshozoda A. A.* Dejatel'nost' operativnyh apparatov pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestuplenijami terroristicheskogo haraktera: prakticheskoe posobie [Activities of operational apparatuses of law enforcement agencies to combat terrorist crimes: a practical guide]. Dushanbe, 2017. 68 p. (In Tajik)

66. *Juldoshev R. R., Mahmadiev H. H., Akbarzoda A. A.* Prestupnost' v Tadzhikistane (1991–2016 gg.): nauchno-prakticheskoe posobie [Crime in Tajikistan (1991–2016): scientific and practical manual]. Dushanbe: KONTRAST, 2018. 320 p. (In Russian)

67. *Sharifzoda F. R., Juldoshev R. R., Samiev N. M.* Hrestomatija po operativno-rozysknoj dejatel'nosti: nauchno-prakticheskoe posobie (na tadzh. jaz.) [Reader on operational-search activities: scientific and practical manual]. Dushanbe: JeR-graf, 2018. 520 p. (In Tajik)

68. Rekomendacii po sovershenstvovaniju polozhenij Zakona Respubliki Tadzhikistan «O bor'be s korrupciej» (na tadzh. jaz.) [Recommendations for improving the provisions of the Law of the Republic of Tajikistan "On the Fight against Corruption"]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 60 p. (In Russian)

69. *Rahmadzhonzoda R. R., Aripov A. L., Samiev N. M., Mahmadalizoda A. M., Kasimova M. A.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugolovnom processe Respubliki Tadzhikistan: nauchno-prakticheskoe posobie [Use of the Results of Operational Investigative Activities in the Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan: Scientific and Practical Manual]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 60 p. (In Russian)

70. Bibliografija (1991–2016) (na tadzh. jaz.) [Bibliography (1991–2016)]. Dushanbe: JeR-graf, 2016. 264 p. (In Tajik)

71. *Rahmadzhonzoda R. R. (Juldoshev R. R.).* Bibliografija po ugolovno-pravovomu profilju podgotovki kadrov: nauchnoe izdanie [Bibliography on the criminal-law profile of personnel training: scientific publication]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 304 p. (In Russian)

72. Bibliografija Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan (1991–2021). Vtoroe izdanie s dop. i izm. [Bibliography of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan (1991–2021). Second edition with add. and amend]. Dushanbe: JeR-graf, 2021. 492 p. (In Tajik)

73. Sovershenstvovanie sistemy nauchnogo obespechenija dejatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: monografija [Improving the system of scientific support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation: monograph] / [S. V. Garnik i dr.]. Moskva: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2023. 653 p. (In Russian)

74. *Rahmadzhonzoda R. R.* Gosudarstvennaja nauchno-tehnicheskaja politika Tadzhikistana v kontekste podgotovki kadrov vysshej kvalifikacii [State scientific and technical policy of Tajikistan in the context of training highly qualified personnel] // Gosudarstvennaja nauchno-tehnicheskaja politika v sfere kriminalisticheskogo obespechenija pravoohranitel'noj dejatel'nosti: sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «64-e ezhegodnye kriminalisticheskie chtenija» (Moskva, 26 maja 2023 g.): v 2 ch. / pod red. Ju. V. Gavrilina, B. Ja. Gavrilova, V. O. Lapina, Ju. V. Shpaginoj. Moskva: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2023. Ch. 1. P. 126–133. (In Russian)

75. *Rahmadzhonzoda R. R.* Nauchnaja integracija ad''junktov-inostrancev kak neobhodimoe uslovie uspeshnoj zashhity dissertacii [Scientific integration of foreign adjuncts as a necessary condition for successful defense of a dissertation] // Akademicheskaja mysl'. 2024. № 1 (26). P. 63–65. (In Russian)

76. *Rahmadzhonzoda R. R.* Modernizacija podgotovki vysokokvalificirovannyh kadrov v sisteme MVD Respubliki Tadzhikistan [Modernization of training of highly qualified personnel in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan] // Podgotovka vysokokvalificirovannyh kadrov v sfere profilaktiki pravonarushenij i bor'by s prestupnost'ju: tendencii i perspektivy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (4 sentjabrja 2024 g.) / otv. red. R. O. Nigmatov. Tashkent: Akademija MVD Respubliki Uzbekistan, 2024. P. 51–62. (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Зоир Джурахон Маджидзода,
Сафарзода Хаёт Сайидамир

Цель: *в статье раскрываются сущность и содержание специально-криминологических мероприятий, роль, место, а также перспективные направления деятельности органов внутренних дел, иных правоохранительных органов Республики Таджикистан с заинтересованными органами государства по предупреждению и профилактике экстремизма, предлагаются конкретные авторские разработки, которые направлены на оптимизацию ситуации с применением на территории республики специально-криминологических мер противодействия экстремизму.*

Методология: *анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Противодействие экстремизму и терроризму, в отличие от незаконного оборота наркотиков, оружия, торговли людьми и других преступлений, имеет свои специфические особенности, соответственно и специфическую квалификацию оперативных сотрудников. Такой подход придаст новый импульс взаимодействия оперативных подразделений МВД республики, как по вертикали, так и по горизонтали, соответственно и формированию целостной системы оперативного реагирования на все проявления экстремизма и терроризма. Важным направлением специальной профилактики экстремизма является систематическое и профессиональное воздействие на экстремистское мировоззрение заключенных в исправительных колониях. Дело в том, что на сегодняшний день во всем мире наблюдается устойчивая тенденция вербовки других заключенных со стороны наиболее ярых экстремистов-идеологов. Однако в исправительных учреждениях республики, в силу отсутствия профессиональных идеологов-проповедников и в большинстве случаев совместное содержание экстремистов с другими категориями преступников требует переосмысления и корректировки ситуации.*

Научная и практическая значимость. *Специально-криминологическая профилактика проводится правоохранительными органами как совместно, так и в отдельности по наиболее уязвимым направлениям социальной жизни общества в целях поиска и устранения причин и условий совершения конкретных преступлений, а также их предупреждения и пресечения.*

Такой подход позволяет определить, что общесоциальные профилактические мероприятия в основном проводятся гражданскими министерствами и ведомствами, а специально-криминологические профилактические мероприятия — правоохранительными органами в общем контексте противодействия преступности. Однако индивидуальная профилактика в отношении определенных лиц (например, несовершеннолетних в лице Комиссии по делам несовершеннолетних) в пределах своей компетенции проводят как работники гражданских организаций и учреждений, так и сотрудники милиции и других правоохранительных органов. Такое положение серьезно ослабляет результаты борьбы с терроризмом и экстремизмом, МВД Республики Таджикистан в своих нормативных актах постоянно подчеркивает необходимость совершенствования этой работы. Меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия между оперативными

DOI 10.31085/2310-8681-2025-392-29-35

службами по борьбе с организованной преступностью, могут оказаться более результативными, если каждая служба будет четко ориентирована на достижение конечного единого результата. Для этого необходимо создать надлежащую правовую основу взаимодействия, т.е. разработать и принять единые нормативные документы, регламентирующие комплексные меры по организации борьбы с преступностью совместными усилиями, что, несомненно, повысит его результативность.

Ключевые слова: *Республика Таджикистан, органы внутренних дел, деятельность, криминология, мероприятия, специальная профилактика, государственные органы, экстремизм, профилактика, молодежь.*

Специальные (криминологические) меры противодействия экстремизму представляют собой деятельность органов внутренних дел, национальной безопасности, прокуратуры и других правоохранительных органов, направленные на устранение, ослабление и нейтрализацию криминогенных факторов, влияющих на возникновение и предупреждение экстремизма и терроризма в Республике Таджикистан.

Мы вполне разделяем позицию о том, что специально-криминологическая профилактика — это целенаправленное воздействие на криминальные факторы, направленные на определенные виды преступлений или определенную антисоциальную группу. Такое воздействие акцентированно правоохранительными органами на конкретные причины и условия совершения преступления, чьи полномочия связаны с предупреждением преступности [2, с. 518].

Особый характер специальных (криминологических) мер предупреждения экстремизма и терроризма заключается в том, что они находятся в тесной связи с общесоциальными (социально-экономическими, политическими, правовыми, нравственно-духовными) мерами предупреждения преступности. Поэтому органы внутренних дел (далее — ОВД) в силу своего предназначения должны инициировать специальные криминологические меры в контексте обще-социальных мероприятий и координировать деятельность других гражданских министерств и ведомств в реализации соответствующих программных установок в сфере воспитательных, идеологических, правовых, информационных и других общесоциальных мер.

Под специально-криминологическими мерами предупреждения преступлений в контексте оперативно-разыскной деятельности понимается «проведение мероприятий по воздействию на причины и условия, которые способствуют совершению преступления или применение таких мер к поведению конкретного лица или группы лиц с целью предотвращения антиобщественных деяний» [2, с. 513]. Такие мероприятия проводятся на международном, региональном, межгосударственном и государственном уровнях.

Совместные оперативно-профилактические операции, осуществляемые на межгосударственном уровне, проводятся под кодовыми названиями «Мак», «Мигрант», «Граница», «Заслон», «Арсенал», «Фильтр», «Магистраль», «Канал», «Рубеж», «Иностранец», «Розыск» и другие. Такие операции могут охватывать обширную территорию и проводиться с участием различных правоохранительных органов нескольких государств [2, с. 513].

Например, в соответствии с требованиями Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг., в целях эффективного реагирования на изменения в криминальной обстановке, по инициативе БКБОП в 2022 г. реализован комплекс специально-криминологических мер в сфере обеспечения правопорядка и безопасности правоохранительных и иных государственных органов государств — участников СНГ. В соответствии с Планом-графиком проведения комплексных согласованных и/или совместных оперативно-профилактических мероприятий на 2019–2023 гг., БКБОП в 2022 г. организовано проведение 13 комплексных оперативно-профилактических мероприятий МВД государств — участников СНГ, в том числе по установлению местонахождения и задержанию лиц, находящихся в межгосударственном и международном розыске, лиц, причастных к экстремизму и терроризму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов, торговле людьми и другим транснациональным преступлениям. В ходе проведения только двух этапов оперативно-профилактических мероприятий «Розыск» в 2022 г. раскрыто 2253 преступления, разыскано — 7677 лиц, скрывавшихся от уголовной ответственности; идентифицировано неопознанных трупов — 361; разыскано несовершеннолетних — 457; разыскано лиц, пропавших без вести,– 3277 *(О результатах деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств — участников Содружества Независимых Государств за 2022 год: информационный бюллетень)*.

Однако один из наиболее проблемных вопросов противодействия обще-социальных причин

и условий противодействия экстремизму на региональном и международном уровнях заключается в том, что компетентные органы государства — члены СНГ и другие институциональные международные организации в основном осуществляют противодействие экстремизму и терроризму путем осуществления специально криминологических мер (проведение комплексных оперативно-разыскных мероприятий, осуществлении межгосударственного розыска и экстрадиции лиц, скрывающихся от уголовного преследования, обеспечение обмена оперативной информации о лицах, причастных к терроризму и экстремизму, и т.д.), имеют репрессивный характер, а не общесоциальный, т.е., уделяется незначительное внимание вопросам устранения причин и условий экстремистской преступности на более ранних стадиях *(О результатах деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств — участников Содружества Независимых Государств за 2022 год: информационный бюллетень)*.

На республиканском, областном и региональном уровнях проводятся такие оперативно-профилактические мероприятия, как «Порядок», «Розыск», «Беспризорник», «Результат», «От дома к дому» и т.д., которые имеют свои особенности, соответственно и особую тактику проведения [2, с. 513].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специально-криминологическая профилактика проводится правоохранительными органами как совместно, так и в отдельности по наиболее уязвимым направлениям социальной жизни общества в целях поиска и устранения причин и условий совершения конкретных преступлений, а также их предупреждения и пресечения.

Такой подход позволяет определить, что общесоциальные профилактические мероприятия в основном проводятся гражданскими министерствами и ведомствами, а специально-криминологические профилактические мероприятия — правоохранительными органами в общем контексте противодействия преступности. Однако индивидуальная профилактика в отношении определенных лиц (например, несовершеннолетних в лице Комиссии по делам несовершеннолетних) в пределах своей компетенции проводят как работники гражданских организаций и учреждений, так и сотрудники милиции и других правоохранительных органов.

Меры индивидуального предупреждения преступлений экстремистского характера применяются в отношении следующих лиц:

— лица, принимавшие участие в вооруженных конфликтах на территории других государств и добровольно отказавшиеся от участия в этих конфликтах;

— членов семьи лиц с экстремистским или террористическим прошлым, ставших жертвами неправомерных действий их родителей и близких родственников и возвращенных из зон боевых действий на Родину;

— лиц, освобожденных от уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистского и террористического характера с применением примечаний соответствующих статей УК РТ;

— лиц, освобожденных от уголовной ответственности без отбытия наказания, с применением акта об амнистии за участие в деятельности экстремистской организации, уголовные дела и следственные материалы в отношении них прекращены или отклонены;

— лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистского и террористического характера и освобожденных из исправительных учреждений в связи с истечением срока наказания или с применением акта об амнистии;

— лиц, судимых за совершение преступлений террористического и экстремистской направленности и вернувшихся на Родину после отбытия наказания в исправительных учреждениях других стран и вышедших на свободу;

— граждан Республики Таджикистан, в том числе несовершеннолетних, возвращенных на Родину после получения незаконного религиозного образования за рубежом.

Если рассматривать органы внутренних дел как основной субъект специально-криминологической профилактики, необходимо выяснить, какой службе ОВД в наибольшей мере присуще и соответствует по функциональной специфике данный вид профилактики. При анкетировании сотрудников ОВД Республики Таджикистан на вопрос: «Какая служба ОВД по специфике своей работы должна наиболее активно осуществлять профилактику экстремизма?» на подразделения УБОП указали 21%, респондентов, на подразделения уголовного розыска 18%, на службу участковых инспекторов милиции 23%, на инспекторов по делам несовершеннолетних и молодежи 24,5%, на следственные подразделения 13,7%, на патрульно-постовую службу 7%, подразделения вневедомственной охраны 4,2%.

По мнению сотрудников ОВД, наибольшая эффективность профилактики может быть обеспечена участковыми и инспекторами по делам

несовершеннолетних и молодежи. Такое положение объясняется тем, что указанные работники милиции в силу своих обязанностей ближе к населению. Они лучше, чем сотрудники других подразделений органов внутренних дел, знают особенности своей территории и характеристику проживающего на ней населения, включая виктимные категории граждан. Сегодня это основная сила, организующая и обеспечивающая реальную помощь общественности в охране общественного порядка во всех городах и населенных пунктах.

В приказе МВД Республики Таджикистан «О мерах по совершенствованию деятельности участковых инспекторов милиции» *(приказ МВД Республики Таджикистан «О мерах по совершенствованию деятельности участковых инспекторов милиции» от 2 февраля 2013 г. № 10)* установлены основные меры профилактического характера, которые обязаны осуществлять участковые инспекторы милиции в своей деятельности. Например, участие в обеспечении защиты граждан от лиц, входящих в группу риска; информирование населения о преступлениях, совершаемых на обслуживаемом ими участке через СМИ; оказание правовой и иной помощи гражданам, пострадавшим от преступлений. Вместе с тем стоит отметить, что виктимологические меры предупреждения преступлений на практике используются ими крайне редко, что свидетельствует о недостатках в работе руководителей, отвечающих за организацию и осуществление деятельности участковых инспекторов милиции.

Не умаляя достоинства оперативных и следственных органов, следует отметить, что именно службы участковых инспекторов и инспекторов по делам несовершеннолетних и молодежи несут основную нагрузку при проведении профилактических мероприятий, в том числе и проведения индивидуальной профилактики с лицами, склонными к проявлениям экстремизма.

По мнению респондентов немаловажным является и профилактическое воздействие оперативных подразделений МВД РТ. Так как потенциал таких подразделений по профилактике экстремизма состоит в том, что ее сотрудники в ходе своей деятельности имеют возможность объединить оперативно-разыскные меры борьбы с экстремизмом, то есть они могут реально осуществлять розыск и установление лица, совершившего преступление, используя знания о личности экстремиста.

Зарегистрированные данные в официальных информационных ресурсах, касающихся личности экстремиста, должны включать в себя, наряду с социально-демографическими показателями, также психологические показатели, которые помогут в конкретизации активности деятельности членов экстремистских групп.

Это, в свою очередь, поможет более конкретно и эффективно разрабатывать и осуществлять меры специальной и индивидуальной профилактики экстремизма. Введение в единую статистическую систему преступности такой категории, как преступления экстремистского характера, представляется целесообразным и необходимым.

Правовую основу осуществления индивидуальной профилактики в деятельности милиции составляет п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О милиции», в котором указывается, что «милиция обязана проводить с правонарушителями индивидуальные профилактические работы и участвовать в правовом просвещении граждан» *(Закон Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г. № 41)*. Такой подход законодателя говорит о том, что индивидуальная профилактика проводится в контексте общесоциальных и специально-криминологических мер. В этой связи полагаем, что нельзя говорить о полной автономии таких мер.

Среди специализированных субъектов профилактики преступности важная роль принадлежит ОВД республики, так как в соответствии со ст. 3 Закона Республики Таджикистан «О милиции», «профилактика, пресечение преступлений и других правонарушений» признается одним из основных направлений деятельности милиции *(Закон Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г. № 41)*. Далее, в п. 2 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» отмечается, что «Министерство внутренних дел Республики Таджикистан предпринимает меры по выявлению, предупреждению, пресечению экстремистской деятельности, а также раскрытию и расследованию преступлений экстремистского характера. Осуществляет сбор, анализ и обработку статистических данных о противодействии экстремизму, ведет регистрацию и учет преступлений экстремистского характера и лиц, их совершивших. Проводит агитационно-пропагандистскую работу с целью предупреждения и предотвращения экстремистских действий» *(Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г. № 1655)*.

В 2021 г., Указом Президента Республики Таджикистан была принята новая «Стратегия противодействия экстремизму и терроризму

в Республике Таджикистан на 2021 и 2025 гг.», которая на концептуальном уровне определяет как общесоциальные направления профилактики экстремизма, так и его специально-криминологическое содержание. Требования указанной Стратегии направлены на совместную и организованную деятельность всех государственных органов и гражданского общества по противодействию экстремизму и терроризму *(Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 от 1 июня 2021 г. № 187)*.

В связи с чем на основе утвержденного «Плана МВД Республики Таджикистан по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму» от 2 июля 2021 г. все компетентные его подразделения утвердили свои планы в целях скоординированного воздействия на все проявления экстремизма. В то же время каждая служба выполняет более конкретную функцию в противодействии экстремизму, что предопределяет необходимость согласования их деятельности посредством внутреннего взаимодействия. Службы оперативных подразделений, таких как Управление уголовного розыска (далее — УУР), Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (далее — УБНОН), УБОП, каждая из которых работает по своим направлениям деятельности, строго согласуют между собой границы по борьбе с организованной преступностью, и экстремизмом в том числе. Взаимодействие должно носить постоянный характер. Только при таком условии обеспечивается строгая и четкая реализация функций по борьбе с преступностью. Однако существуют участки работы, которые требуют постоянного взаимодействия, напримервзаимный обмен оперативной информацией о состоянии преступности, выявления причин и факторов, порождающих экстремизм, и т.д.

Например, УБОП МВД РТ по своему предназначению является сугубо оперативным подразделением. И в силу того, что сотрудники этого управления, как специализированые субъекты, располагают большей информацией о сущности и содержании экстремизма и терроризма, вполне логично, что данная структура выступает как внутрисистемный координатор. Необходимость внутреннего взаимодействия подразделений ОВД особенно остро проявляется в условиях отсутствия углубленной систематизации предупредительной деятельности отдельных служб. Однако до сих пор не изжили себя ведомственные барьеры, поэтому каждая из вышеуказанных служб в процессе борьбы с организованной преступностью выполняет только «свой» объем работы. В результате такого функционального обособления возникает отсутствие четкого взаимодействия и единства действий.

Учитывая то, что такое положение серьезно ослабляет результаты борьбы с терроризмом и экстремизмом, МВД Республики Таджикистан в своих нормативных актах постоянно подчеркивает необходимость совершенствования этой работы. Меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия между оперативными службами по борьбе с организованной преступностью, могут оказаться более результативными, если каждая служба будет четко ориентирована на достижение конечного единого результата. Для этого необходимо создать надлежащую правовую основу взаимодействия, т.е. разработать и принять единые нормативные документы, регламентирующие комплексные меры по организации борьбы с преступностью совместными усилиями, что, несомненно, повысит его результативность.

На наш взгляд, в целях более эффективного взаимодействия в этом направлении во всех оперативных подразделениях ОВД необходимо выделить отдельного сотрудника, координирующего весь поток оперативной информации об экстремистских и террористических проявлениях как внутри оперативного подразделения, так и по проведению согласованных оперативно-разыскных и профилактических мероприятий с УБОП МВД РТ.

Это обусловлено тем, что противодействие экстремизму и терроризму, в отличие от незаконного оборота наркотиков, оружия, торговли людьми и других преступлений, имеет свои специфические особенности, соответственно и специфическую квалификацию оперативных сотрудников. Такой подход придаст новый импульс взаимодействию оперативных подразделений МВД республики, как по вертикали, так и по горизонтали, соответственно и формированию целостной системы оперативного реагирования на все проявления экстремизма и терроризма.

Говоря о подразделениях МВД, осуществляющих профилактику и противодействие преступлениям и правонарушениям, нельзя не упомянуть деятельность Управления по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи МВД (далее — УПППНМ), которое также осуществляет деятельность по предупреждению и профилактике правонарушений несовершеннолетних и молодежи, выявлению и задержанию лиц, подстрекающих к антисоциальному поведению, в том числе подстрекатель-

ству к действиям экстремистского и террористического характера.

Поэтому, считаем, что УППНМ МВД РТ может выступать в качестве внешнего координатора по противодействию экстремизму и терроризму, так как по своему предназначению выполняет одну из основных функций МВД РТ по профилактике преступности, в том числе экстремизма и терроризма. Более того, во всех территориальных ОВД МВД РТ осуществляют свою деятельность инспекторы по делам несовершеннолетних и молодежи и участковые инспекторы милиции. Соответственно, в целях предупреждения экстремизма, именно это управление более тесно поддерживает связь с другими государственными органами, предприятиями, учреждениями, представителями различных политических партий и движений, религиозных конфессий, благотворительных и иных фондов, со средствами массовой информации.

Структурные подразделения ОВД в более обширном формате специально-криминологическую профилактику осуществляют на основе приказа МВД Республики Таджикистан «О создании оперативно-следственной группы по предупреждению и пресечению преступлений террористической экстремистской направленности», подписанного 6 апреля 2015 г., что позволило выявить более 70% всех преступлений такого характера.

Существенную роль для координации деятельности всех оперативных и следственных органов республики в противодействии экстремизму и терроризму сыграл совместный приказ правоохранительных органов от 16 апреля 2015 г. [1, с. 211]. В результате этого в 2015–2016 гг. правоохранительные органы взяли под полный контроль данный фронт работы и совместными усилиями выявили 1110 преступлений экстремистской направленности *(Совместный приказ Генеральной прокуратуры, Государственного Комитета национальной безопасности и Министерства внутренних дел Республики Таджикистан «О создании Республиканского штаба по организации и руководству расследования уголовных дел, связанных с привлечением граждан Республики Таджикистан в террористические группировки и их участие в вооруженных конфликтах за рубежом» от 16 апреля 2015 г.)* [1, с. 212].

Скоординированный подход в указанные годы позволил допросить огромное количество очевидцев и привлечь к уголовной ответственности виновных лиц.

В профилактическом плане совместные усилия правоохранительных органов с другими компетентными органами государства позволили с 2010 по 2024 г. возвратить на родину более 4000 тысяч студентов, неофициально обучавшихся в зарубежных религиозных школах, и 1850 членов экстремистско-террористических организаций, в том числе их жен и детей (из указанной численности, 381чел. составляют женщины и дети).

Другим важным направлением специальной профилактики экстремизма является систематическое и профессиональное воздействие на экстремистское мировоззрение заключенных в исправительных колониях. Дело в том, что на сегодняшний день во всем мире наблюдается устойчивая тенденция вербовки других заключенных со стороны наиболее ярых экстремистов-идеологов. Однако в исправительных учреждениях республики, в силу отсутствия профессиональных идеологов-проповедников и в большинстве случаев совместное содержание экстремистов с другими категориями преступников требует переосмысления и корректировки ситуации.

Дело в том, что в различных странах обвиняемые в совершении общеуголовных преступлений нередко содержатся вместе с исламистами, которые активно ведут пропагандистскую работу в местах заключения. В результате, тюрьмы становятся конвейерами религиозного экстремизма [3, с. 18]. Однако, например, в Саудовской Аравии действует специальная программа по реабилитации радикальных исламистов, в рамках которой были созданы 5 специализированных тюрем, каждая из которых предназначена для содержания 1200 заключенных. Создание подобных заведений облегчает ведение разъяснительной работы, надзору за отдельными группами сторонников радикальных идей.

В связи с вышесказанным, полагаем, что улучшение взаимодействия между органами правопорядка, общественными организациями, предприятиями, гражданами и другими субъектами государства станет действенным инструментом в противодействии экстремизму и терроризму.

Литература

1. Актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации и Республике Таджикистан: аналитический обзор / под общ. ред. А. С. Ханахмедова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. 220 с.

2. *Рахимзода Р. Х.* Оперативно-розыскная деятельность. Общая часть: учебник. изд. 5-е, доп. и перераб. (на тадж. яз). Душанбе: ЭР-граф, 2019. 748 с.

3. *Knights M.* The Current State of Al-Qa`ida in Saudi Arabia. 2008. Vol. 1. № 10. Pp. 17–21.

References

1. Aktual'nye problemy protivodejstvija jekstremistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii i Respublike Tadzhikistan: analiticheskij obzor [Current issues of counteracting extremist activity in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: analytical review] / pod obshh. red. A. S. Hanahmedova. Ufa: Ufimskij JuI MVD Rossii, 2018. 220 p.

2. *Rahimzoda R. H.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost'. Obshhaja chast': uchebnik. izd. 5-e, dop. i pererab. (na tadzh. jaz) [Operational-search activity. General part: textbook]. Dushanbe: JeR-graf, 2019. 748 p.

3. *Knights M.* The Current State of Al-Qa`ida in Saudi Arabia. 2008. Vol. 1. № 10. Pp. 17–21.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Сафарзода Хает Сайидамир

Цель: *в статье основной акцент сделан на рассмотрение содержания концептуальных основ противодействия экстремизму, содержащихся в документах (стратегии, концепции, программы, законодательства и т.д.), которые определяют основные направления деятельности правоохранительных и других государственных органов по устранению глубинных причин и условий возникновения экстремизма.*

Методология: *анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Причины и условия, способствующие возникновению экстремизма среди мигрантов, требуют введения специальной дисциплины по противодействию экстремизму в образовательных учреждениях всех уровней, соответственно и повышения правовой просвещенности, религиозной терпимости и политической зрелости учащихся и студентов, многие из которых в обозримом будущем могут стать потенциальными трудовыми мигрантами.*

Организация и проведение профилактических мер в исправительных учреждениях, среди лиц, осужденных за экстремизм, так же требует нового подхода и совершенствование организационных и правовых основ, подготовки профессиональных кадров и мощного информационно-идеологического обеспечения.

Научная и практическая значимость. *В соответствии с ключевыми положениями международных, региональных и национальных стратегий по борьбе с экстремизмом в Республике Таджикистан, ключевыми аспектами решения социально-экономических, образовательных, религиозных, информационных, правовых, политических, миграционных, исправительно-трудовых и других проблем современного общества требуют нового осмысления с учетом современных реалий на международном, региональном и национальном уровнях. Фундаментальную основу устранения общесоциальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание детей», «О патриотическом воспитании граждан», в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии. Особенность указанных законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению общесоциальных причин и условий экстремизма.*

Ключевые слова: *Республика Таджикистан, концепция, стратегия, законодательство, экстремизм, причины, условия, общесоциальные меры, государственные органы, функции, задачи, профилактика.*

В соответствии с ключевыми положениями международных, региональных и национальных документов, направленных на борьбу с экстремизмом, основными путями устранения социальных причин и условий, способствующих распространению экстремизма, являются социально-экономические; образовательные; религиозные; информационные; правовые; политические; миграционные; исправительно-трудовые и другие проблемы современного общества. Учитывая со-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-36-41

временные реалии, эти проблемы требуют новых подходов как на международном, так и на региональном и национальном уровнях.

На наш взгляд, общесоциальное предупреждение экстремизма не направлено непосредственно на устранение причин и условий его возникновения, хотя устранение недостатков в экономической, политической, социальной, нравственно-психологической, духовной и иных сферах общественной жизни инструментально влияет на основную цель общесоциального предупреждения преступлений — благополучие общества, государства и личности. Данную позицию разделяют и другие ученые [2, с. 98].

В связи с этим общесоциальное предупреждение экстремизма как сложный, многоаспектный процесс, обладающий «определенными признаками целостности» [1, с. 51], направлен на «обнаружение и ликвидацию объективных внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера» [2, с. 99].

Устранение общесоциальных причин и условий в указанном направлении могут повлиять на основную цель предупреждения преступлений — развитие благополучия общества, государства и личности. Общесоциальное предупреждение экстремизма как сложный и многоаспектный процесс, обладающий определенными признаками целостности, направлен на обнаружение и ликвидацию объективных внутренних и внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера.

Необходимо отметить, что общесоциальные причины и условия религиозно-политического экстремизма кроются в научных, образовательных, религиозных, нравственно-духовных, культурных, исторических, патриотических и информационно-пропагандистских направлениях общественной жизни таджикского общества, на которые влияют негативные религиозно-политические факторы внешнего характера.

По нашему мнению, качественная реализация требования таких нормативных правовых и концептуальных документов осуществляется только путем правильного определения компетенции и задач каждого органа, соответственно и поддержание сотрудничества между различными субъектами профилактики по заранее намеченным целям по вертикали и горизонтали в структуре целостной системы.

Фундаментальную основу устранения общесоциальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание детей», «О патриотическом воспитании граждан», в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии.

Особенность указанных законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных «гражданских» министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению общесоциальных причин и условий возникновения экстремизма.

В условиях современного общества необходимо подчеркнуть значимость учета религиозных ценностей в процессе патриотического воспитания молодежи для обеспечения национальной безопасности. Это один из ключевых, но при этом сложных вопросов, требующих научно-методологического и концептуального осмысления. Ведь еще в свое время персидский и таджикский народы через своих суфиев достигли глубокого понимания исламской философии и выбрали путь мира и справедливости.

Исходя из этого, сущность и содержание концептуальных основ противодействия экстремизму нашли свое отражение в стратегиях и других программных документов, утвержденных Президентом и Правительством Республики Таджикистан. В качестве примера можно привести Государственную программу противодействия преступности в Республики Таджикистан на 2021–2030 гг.; Концепцию уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г. № 492; Программу реформы (развития) милиции на 2014–2020 гг., Концепцию государственной политики в сфере религии от 4 апреля 2018 г. № 1042, Государственную программу правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020–2030 гг. и др.

По инициативе Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, в целях широкого освещения основ священной религии Ислама — Коран был переведен на таджикский язык и подарен ученым-богословам и представителям интеллигенции и науки. Был открыт Таджикский исламский институт, образовано государственное учреждение «Центр исламоведения при Президенте Республики Таджикистан», в учебный процесс общеобразовательных заведе-

ний внедрен предмет «История религии» и т.п. *(Концепция государственной политики в Республике Таджикистан в сфере религии: Указ Президента Республики Таджикистан от 4 апреля 2018 г. № 1042)*. В 2023 г. в г. Душанбе была сдана в эксплуатацию одна из крупнейших мечетей в Средней Азии, рассчитанная на более чем 100 тыс. молитвенных мест. Реализуется современный проект по строительству Исламского института имени Имама Абуханифы.

За годы независимости в Таджикистане активно укрепляется государственная политика в области патриотизма и духовно-нравственного воспитания. По инициативе правительства страны такие национальные праздники, как «Навруз», «Фалак» и «Шашмаком», вошли в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Также в этот список попали историко-культурные памятники республики, такие как «Саразм», «Гиссарская крепость», «Буддийский храм Аджинатеппа», «Город Тахти Сангин» и «Город Хулбук» и др.

Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 гг., утвержденная 12 ноября 2016 г. № 776, по своему содержанию регламентирует деятельность государственных органов в контексте уголовно-правовой политики республики и международного «Плана действий по предупреждению насильственного экстремизма» *(Доклад Генерального Секретаря ООН «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» (2016))*, который был принят по решению Генеральной Ассамблеи ООН. План действий содержит перечень условий и факторов, способствующих насильственному экстремизму, и примерный подход по искоренению причин его зарождения и распространения. В указанном Плане государствам — членам ООН рекомендуется ведение диалога для предотвращения конфликтов, привлечения внимания общества, расширения прав и возможностей молодежи, защиты их социально-экономических интересов, развития профессиональных навыков, образования и облегчения трудоустройства молодежи, использования средств коммуникации, Интернета и социальных сетей по противодействию идеологии насильственного экстремизма.

В п. 18 новой Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республики Таджикистан на 2021–2025 гг. отмечаются основные направления государственной политики об устранении общесоциальных причин экстремизма и терроризма *(Стратегия по противодействию экстремизму и терроризму в Республики Таджикистан на 2021–2025 годы от 1 июня 2021 г. № 187)*, которые почти аналогичны прежней Стратегии. Однако в подп. 8 п. 18 указанной Стратегии отмечается о серьезном просчете государственных органов по противодействию экстремизму, в том числе о «недостаточном использовании возможностей средств массовой информации для пропаганды антиэкстремистской агитации, отсутствие потенциала правоохранительных органов по борьбе с киберэкстремизмом и расследованию киберпреступлений, отсутствие сотрудничества с институтами мировой индустрии информационных и коммуникационных технологий, включая социальные сети, связанные с противодействием киберпреступлениям, связанные с использованием сети Интернет».

В связи с этим в организационно-функциональном плане в структуре правоохранительных органов республики были созданы подразделения по противодействию киберэкстремизму и кибертерроризму. Например, при Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан был создан Межведомственный штаб по координации деятельности оперативных служб и следственных подразделений правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений экстремистского и террористического характера. Также в структуре Генеральной прокуратуры было создано Управление по противодействию экстремизму и терроризму и специальный отдел по борьбе с кибертерроризмом. Аналогичные подразделения и центры были созданы и в органах внутренних дел и безопасности.

Целенаправленные усилия Правительства Республики Таджикистан позволили превратить страну в одну из самых безопасных стран мира. Так, в 2016 г. Душанбе во второй раз получил награду ЮНЕСКО «Город мира, толерантности и согласия в повседневной жизни». Более того, Таджикистан занял первую строчку в Глобальном отчете о законности и порядке 2023 г., который ежегодно готовит американский институт изучения общественного мнения Gallup. Наша республика опередила такие страны, как Финляндия, Исландия, Кувейт, Люксембург, Норвегия, Вьетнам и Швейцария *(Таджикистан — самое безопасное государство в мире. Американский институт «Gallup» поместил Таджикистан на первое место по безопасности и стабильности // [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://khovar.tj/rus/2023/11 (дата обращения: 23.06.2025))*.

В новом государственном плане по борьбе с преступностью в Таджикистане на 2021–2030 гг. особое внимание уделяется не только традици-

онным методам предотвращения преступлений, но и устранению социальных причин и условий, способствующих распространению экстремизма, терроризма, торговли людьми, незаконного оборота наркотиков, коррупции и других форм транснациональной преступности. Для решения этих проблем государственные органы и институты гражданского общества расширяют свою деятельность, поэтому в программе предусмотрены меры, направленные на предотвращение этих явлений в течение девяти лет *(постановление Правительства Республики Таджикистан «О Государственной программе противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 годы» от 30 июня 2021 г. № 265)*.

Следующим шагом в борьбе преступностью является Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан, которая представляет собой систему официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств уголовно-правовыми мерами *(постановление Правительства Республики Таджикистан «О Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан» от 2 ноября 2013 г. № 492)*.

Республика Таджикистан динамично осуществляет гуманную политику во всех направлениях общественно-политической жизни общества. За период независимости 17 раз принимался закон об амнистии, распространяя свое действие на 170 тысяч человек. По случаю 30-летия государственной независимости, 7 сентября 2021 г. был принят очередной закон об амнистии, согласно которому 11,5 тысячи человек были освобождены от уголовной ответственности и отбывания наказания.

Ярким примером гуманной политики является и издание Указа Президента страны «О приостановлении применения смертной казни» от 30 апреля 2004 г., на основании которого был принят соответствующий закон, объявлен мораторий на смертную казнь и ее применение. На родину были возвращены более 4000 лиц, незаконно обучавшихся в зарубежных религиозных школах, и более 1850 лиц, примкнувших к экстремистским группировкам, были освобождены от уголовной ответственности на основе поощрительных норм Уголовного кодекса республики.

В социально-экономическом плане Правительство Республики Таджикистан решает наиболее сложные и стратегические задачи, что также направлено на искоренение общесоциальных и экономических причин и условий преступности в целом и экстремистской преступности в частности.

Так, за последние пять лет реальный темп роста валового внутреннего продукта достиг 7,5%, получила развитие инфраструктура образования, здравоохранения, туризма и спорта, на территории страны построены сотни малых и крупных промышленных предприятий, гидроэлектростанций (Рогунская, Сангтудинская-1, Сангтудинская-2, CASA-1000 и др.), тоннелей (Истиклол, Шахристон, Чормагзак) и других жизненно важных объектов.

За 30 лет государственной независимости построено и введено в эксплуатацию 3240 новых учебных заведений, рассчитанных на 1 миллион 400 тысяч учащихся. За последние двадцать лет были приняты и реализованы 3 стратегических документа по снижению уровня бедности, 2 программы по повышению уровня благосостояния народа и долгосрочная стратегия развития страны, а сейчас реализуется Национальная Стратегия развития на период до 2030 года. 176 государственных программ находятся на стадии реализации. За последние двадцать лет среднегодовой рост экономики обеспечен на уровне 7,5%, валовой внутренний продукт страны увеличился с 1,8 млрд сомони в 2000 г. до 95 млрд сомони в 2021 г., доходы государственного бюджета увеличились с 252 миллионов до 28 миллиардов сомони *(Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 21 декабря 2021 г. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://president.tj/node/27417 (дата обращения: 08.10.2024))*.

В результате проделанной работы и реализации названных стратегий и программ за годы независимости в стране создано более 3,3 миллиона постоянных и сезонных рабочих мест, постепенно улучшаются условия жизни жителей страны. В частности, за этот период средняя заработная плата увеличилась в 87 раз, размер пенсий увеличился в 80, денежные доходы населения увеличились в 75 раз.

В 2020 г. ожидаемая продолжительность жизни населения достигла 75,1 года, что на 5 лет больше, чем в 1991 г. Показатели общей смертности снизились на 40%, материнской смертности при родах — на 73%, смертности детей до 5 лет — на 85%. Уровень бедности сократился с 83% в 1999 г. до 26,3% в 2019 г., что считается одним из важнейших достижений эпохи независимости *(Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера на-*

ции уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 21 декабря 2021 г. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://president.tj/node/27417 (дата обращения: 08.10.2024)).

За 10 последних лет для досуга молодежи построены и сданы в эксплуатацию 16 спортивных комплексов, 12 стадионов, 993 спортивные площадки, 12 спортивных залов, 10 бассейнов и 4 фитнес-центра, 1155 спортивных объектов на общую сумму 637,7 млн сомони.

Принятие и реализация требований программ, концепций и правовых документов в определенной мере снижают социальную опасность религиозно-экстремистских идей среди широкого круга населения, однако для системного и комплексного реагирования в этом направлении на более ранних стадиях требуется координация деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств в области образования, науки, культуры, религии и информационно-коммуникационной технологии. Для достижения указанной цели необходимо совершенствование правовых основ организации общесоциальных мер противодействия экстремизму.

С учетом новых вызовов и угроз, информационно-идеологическая контрпропаганда экстремизму требует действенных мер организационного, правового, технического и идеологического характера на региональном и международном информационном пространстве, в том числе по Интернету.

По нашему мнению, резкий рост паломничества граждан с грубейшими нарушениями требований основ Ислама, связан с архаичностью религиозного мышления некоторой части населения, которое требует разъяснительных работ среди широких слоев населения на более высоком информационно-пропагандистском уровне.

Причины и условия, способствующие возникновению экстремизма среди мигрантов, требуют введения специальной дисциплины по противодействию экстремизму в образовательных учреждениях всех уровней, соответственно и повышения правовой просвещенности, религиозной терпимости и политической зрелости учащихся и студентов, многие из которых в обозримом будущем могут стать потенциальными трудовыми мигрантами.

Организация и проведение профилактических мер в исправительных учреждениях среди лиц, осужденных за экстремизм, также требует нового подхода и совершенствования организационных и правовых основ, подготовки профессиональных кадров и мощного информационно-идеологического обеспечения.

С учетом вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы:

1. В соответствии с ключевыми положениями международных, региональных и национальных стратегий по борьбе с экстремизмом в Республике Таджикистан, ключевыми аспектами решения социально-экономических, образовательных, религиозных, информационных, правовых, политических, миграционных, исправительно-трудовых и других проблем современного общества требуют нового осмысления с учетом современных реалий на международном, региональном и национальном уровнях.

2. Устранение общесоциальных причин и условий в указанном направлении сможет повлиять на основную цель по предупреждению преступлений — развитие благополучия общества, государства и личности. Общесоциальное предупреждение экстремизма как сложный и многоаспектный процесс, обладающий определенными признаками целостности, направлено на обнаружение и ликвидацию объективных внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера.

3. Общесоциальные причины и условия религиозно-политического экстремизма кроются в образовательном, религиозном, нравственно-духовном, культурном, историческом, идеологически-патриотическом и информационно-пропагандистском направлениях общественной жизни таджикского общества, на которые влияют негативные религиозно-политические факторы внешнего характера.

4. Фундаментальную основу устранения общесоциальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание детей», «О патриотическом воспитании граждан», в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии. Особенность указанных законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению общесоциальных причин и условий экстремизма.

5. Учитывать религиозные ценности при формировании патриотического воспитания молодежи важно для национальной безопасности. Это

сложная задача, требующая научной и концептуальной проработки. При этом необходимо подчеркнуть, что персидский и таджикский народы достигли высокого уровня понимания исламской философии через своих суфиев и выбрали путь мира и справедливости.

6. Принятие и реализация требований программ, концепций и правовых документов в определенной мере снижают социальную опасность религиозно-экстремистских идей среди широкого круга населения, однако для системного и комплексного реагирования в этом направлении на более ранних стадиях требуется координация и кооперация деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств в области образования, науки, культуры, религии и информационно-коммуникационной сферах. Для достижения указанной цели необходимо совершенствование правовых основ организации общесоциальных мер противодействия экстремизму.

7. Резкий рост паломничества граждан с грубейшими нарушениями требований основ Ислама связан с архаичностью религиозного мышления некоторой части населения, которое требует проведения активной и профессиональной разъяснительной работы среди широких слоев населения на более высоком информационно-пропагандистском уровне.

8. Факторы, которые приводят к распространению экстремистских идей среди мигрантов, требуют внедрения специальных программ по борьбе с экстремизмом в учебных заведениях всех уровней. Это также предполагает повышение уровня правовой грамотности, религиозной толерантности и политической зрелости учащихся и студентов, многие из которых в будущем могут стать потенциальными трудовыми мигрантами.

9. Организация и проведение профилактических мер в исправительных учреждениях среди лиц, осужденных за экстремизм, требуют нового подхода и совершенствования организационных и правовых основ, профессионального кадрового и мощного информационно-идеологического обеспечения.

Литература

1. *Ковбенко Н. Д.* Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2004. 154 с.

2. Криминология (общая часть): учебник / под общ. ред. А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.

References

1. *Kovbenko N. D.* Kriminologicheskaja harakteristika i ugolovno-pravovye mery protivodejstvija moshennichestvu [Criminological characteristics and criminal-legal measures to combat fraud]. Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. SPb., 2004. 154 p. (In Russian)

2. Kriminologija (obshhaja chas'): uchebnik [Criminology (general part): textbook] / pod obshh. red. A. V. Kudrjavceva i A. E. Mihajlova. Vladimir: Vladimirskij filial RANHiGS, 2020. 220 p. (In Russian)

ПРОТОКОЛЬНАЯ ФОРМА ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ УСТОЯВШИХСЯ КОНЦЕПЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ И ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Тохирзода Олимджон Тохир

Цель: *проанализировать основные причины упразднения и перспективы восстановления протокольной формы досудебной подготовки материалов в уголовном процессе. Исследовать исторические и современные тенденции указанного института, а также его основные преимущества по защите прав и интересов потерпевших на этапе досудебного производства. Аргументировать предложения о целесообразности возродить протокольное производство в другом формате, которое по своему потенциалу и мобильности позволит обеспечить рациональный баланс между частными и публичными интересами, а также синхронизировать на идеологическом уровне порядки частноискового и смешанного типов уголовного процесса Республики Таджикистан.*

Методология: *диалектический метод познания, анализ, синтез, сравнительно-правовой, исторический и статистический методы.*

Выводы. *Актуальные проблемы, возникающие в ходе производства по делам частного обвинения и домашнего насилия, возможно более эффективно разрешать путем внедрения в уголовно-процессуальное законодательство новой протокольной формы досудебной подготовки материалов, которая позволит на идеологическом уровне устранить противоречия между частно-исковым и смешанным типом уголовного процесса.*

Научная и практическая значимость. *Перспектива становления новой протокольной формы досудебной подготовки материалов и его развитие в уголовном процессе состоит в переосмыслении устоявшихся концепций на основе полученных данных и выводах относительно его роли и сущностном назначении. Указанный институт актуализирует научные представления о дифференциации уголовного судопроизводства, оптимизации процессуальных гарантий и прав сторон, а также адаптацию передового опыта в национальную систему правопорядка. Кроме того, он способствует снижению нагрузки на судей, обеспечит поступление в суд заранее проверенного и сформированного материала, за счет упрощенных процедур минимизирует процессуальные затраты и сроки по рассмотрению заявлений по делам частного обвинения и домашнего насилия на стадии досудебного производства.*

Ключевые слова: *протокольная форма, досудебная стадия, частный и публичный интерес, частное обвинение, домашнее насилие, потерпевший, правонарушитель, судья.*

История юриспруденции представляет собой многовековую историю перемен, охватывающих как правовые нормы, так и практику их применения, структуру судебных органов и – самое важное — отношения между государством и личностью. Со временем право претерпело большие изменения, пристальное внимание начало уделяться соблюдению верховенства закона, защите прав граждан, справедливости, состязательности и равноправию сторон, что стало неотъемлемой частью современной системы правосудия. Этот процесс связан с адаптацией и интеграцией норм

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-42-52

к социальным условиям, а также поиском равновесия между правами частных лиц и интересами общества.

В этом отношении социум по мере совершенствования и нейтрализации возможных угроз всегда стремится к созданию идеальной безопасной среды, где царят мир и стабильность. В этом положительную роль играет устойчивая правовая связь государства и его граждан, выражающих свою волю путем реализации предоставленных им прав и свобод. При этом в ходе выполнения поставленных задач и с целью его оптимального исхода необходимо учесть особенности менталитета, традиции, обычаи и другие социокультурные ценности населения, которые непосредственно влияют на специфику национального правопорядка. Однако стремлению государства к формированию цивилизованного общества и его дальнейшему прогрессу могут угрожать действия криминальных элементов. Их противоправные деяния представляют повышенную опасность не только для конкретных людей, но и для государства и общества в целом.

Вместе с тем ни одно общество или государство, в том числе традиционно имеющие крепкие политические, правовые, военные, экономические и другие социально значимые достижения, не сумело полностью предотвратить и тем более искоренить антиобщественные деяния. Взять под контроль совершение новых преступлений, несмотря на уголовно-правовой потенциал государства и высокотехнологический прогресс науки, по объективным причинам невозможно. И в то же время общество закономерно принимает превентивные меры для обеспечения своей безопасности, преимущественно в рамках принятых государством законов, полагаясь на его надежность и, что важно, на его адекватные и справедливые условия. В связи с этим античный ученый А. Августин справедливо указывал на то, что несправедливый закон вовсе не является законом. Указанная концепция в дальнейшем интегрировалась в европейскую философско-правовую традицию и получила свое развитие в лице ученого и теолога эпохи средневековья Ф. Аквинского [1, с. 21].

Следовательно, неверное осмысление установлений закона приводит к определенным проблемам, когда действия отдельных лиц «путаются» на фоне дозволенности свободы действий. Несоблюдение же положений закона ведет к нарушению норм морали и общественных благ, но закон не в полной мере может учесть интересы отдельных лиц, что в какой-то степени может указать о его «негуманности». Об этом И. Кант писал так: «Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе своего величия хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение...» [2, с. 8]. Заметим, что предписания закона хотя и направлены на регулирование важных общественных отношений, но принимаются они, как правило, с учетом частных интересов личности, в том числе для обеспечения их безопасности от преступных и иных противоправных посягательств.

При этом императивность закона не всегда является положительным импульсом для развития истинно демократических процессов, особенно там, где не учитываются интересы граждан. Это приобретает особую значимость в свете принятия конституционных норм, предусматривающих, что народ Таджикистана является единственным источником государственной власти (ст. 6 Конституции Республики Таджикистан) *(Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г., с изменениями и дополнениями от 22 мая 2016 г. (на тадж. и рус. языках). Душанбе: Маориф, 2017. 86 с.)*. Факт того, что народ может реализовать власть непосредственно либо через своих представителей, учет их мнения отнесен в качестве приоритетных направлений и при принятии новых законов, в том числе и тех, которые меняют ключевые параметры системы законодательства, например в уголовном, в рамках которого могут применяться меры принуждения, ограничивающие права и интересы граждан.

Следует отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон Республики Таджикистан 2009 г. (далее — УПК РТ) *(Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12 (1409). Ст. 816)* в процессе проводимой судебно-правовой реформы столкнулся с нелегким и даже противоречивым этапом своего развития. Связано это отчасти с переходом от исторически традиционно сложившегося разыскного (инквизиционного) типа (формы) уголовного процесса к состязательному судопроизводству, характерному для демократических стран. Государство, стремясь развивать состязательность судебного процесса, обеспечивает тем самым верховенство закона, защиту прав и свобод граждан, доступность правосудия, приближая судопроизводство к международным стандартам, способствуя его интеграции и адаптации в глобальную, мировую уголовно-правовую систему.

Здесь уместно отметить, что для проведения уголовно-правовых реформ и моделирования стратегии УПК РТ по обеспечению верховенства закона и доступа к правосудию проводились соответствующие форумы, где наметились некоторые задачи, требующие своего должного разрешения. В частности, в рамках форума даны рекомендации по улучшению процедуры рассмотрения дел, обеспечения всеобщего доступа к правосудию, внедрения системы оказания бесплатной юридической помощи, принятия необходимых мер с целью оптимизации независимости судов и т.д. Указанные предписания ориентированы на гуманизацию законодательства, а проводимая рациональная уголовно-правовая политика является также ключевым аспектом эффективной деятельности иных сфер (социальной, идеологической и т.д.) [3, с. 48–51].

Вместе с тем переходному этапу предшествует ряд трудностей, а также разные подходы имплементации и интерпретации положений УПК РТ, в том числе стремление ученых и практикующих юристов к изменению и обновлению отраслевого законодательства. Но такие изменения по различным причинам (отсутствие необходимой апробации, неразработанных мер реагирования), не оправдали возлагаемых надежд. Уголовно-процессуальный комплекс исключением не стал. Полагаем, что актуальные проблемы в уголовном процессе возникли отчасти и в результате смешения самостоятельных норм права, когда в одном случае используются императивные и диспозитивные начала, например при судопроизводстве по уголовным делам частного обвинения. Несмотря на то, что возникновению, изменению и прекращению юридического факта по указанной категории дел характерны добровольные (усмотрение) начала, оно реализуется в рамках публичного уголовного судопроизводства. Подобный метод регулирования не является новшеством в других сферах судебного разбирательства: он активно применяется в гражданском, арбитражном (экономическом) процессе. Основы диспозитивности начали применяться и в современном уголовном процессе Республики Таджикистан с момента принятия действующего УПК РТ.

Отнесение на конституционном уровне прав личности в ранг высших ценностей способствовало расширению диспозитивных начал и нормативному установлению принципа состязательности и равенства сторон. В советском уголовном процессе такие приоритеты по причине жестких публичных начал не были предусмотрены и даже проигнорированы в пользу интересов самого государства. Несмотря на очевидные политизированные черты уголовного процесса, соблюдение нравственных начал при любом общественном строе относилось всегда к ключевому элементу в отправлении правосудия. Частное обвинение в этом плане исключением не является, но его основное значение заключается в том, что именно в рамках его производства наиболее четко прослеживаются признаки состязательных и диспозитивных начал. Начало или отказ от возбуждения уголовного дела данной категории зависит от личного и субъективного мнения потерпевшего к происходящему. Судопроизводство, минуя досудебную стадию, осуществляется только в судебном процессе, что свидетельствует о его так называемом «чистом» состязательном характере, где равноправные частные лица без участия должностных лиц органов уголовного преследования (прокурора, следователя, дознавателя) «конкурируют» между собой, приводят свои доводы и аргументы. Представляет же государство только судья, который единолично рассматривает поданный уголовный иск (заявление) по делу частного обвинения (ст. 353 УПК РТ).

Заметим, что для разрешения подобных дел законодатель склоняется к мирному и взаимовыгодному урегулированию конфликта, рассматривая такой вариант наиболее приемлемым для интересов обеих сторон, о чем имеются соответствующие предписания в УПК РТ (ч. 5 ст. 355). По этой части нами ранее приводились некоторые аргументы [4, с. 150–152; 7, с. 230–235]. Роль судьи в этих случаях определяющая, он осуществляет правосудие, реализуя судебную власть, которая является основой государства. Судья не представляет сторону обвинения либо защиты: его задача — справедливо разрешить правовой спор путем изучения, проверки, оценки сведений (доказательств) и в итоге вынести обоснованное решение по делу. За изъятием дел частного обвинения (ст. 112, 116, ч. 1, 2 ст. 156 Уголовного кодекса Республики Таджикистан) иные преступления, не представляющие серьезной общественной опасности, рассматриваются в стандартном порядке, по ним осуществляется предварительное расследование.

Право потерпевшего (ч. 2 ст. 24 УПК РТ) самостоятельно проводить уголовное преследование правонарушителя за деяния, отнесенные к категории частного обвинения, обусловлены несколькими факторами. Эти преступления по степени их небольшой общественной опасности, очевидности и совершенные преимущественно на бытовой почве, по которым возможно проведение ограниченных проверочных действий, позволяет

не задействовать силы, время и средства государства. Однако «простота» данного производства породила на практике существенные проблемы, требующие срочного реагирования. Это связано с тем, что многие потерпевшие не имеют необходимого образования, умения формирования доказательств, достаточных финансовых ресурсов для оплаты услуг юриста, опыта публичных выступлений в суде и т.д., что создает непреодолимое препятствие для своевременной судебной защиты их прав. Дефицит условий досудебного урегулирования частноискового спора также является одной из основных причин больших нагрузок на судей, негативно отражающихся на процессе быстрого разрешения межличностного конфликта.

В связи с этим исторический уголовно-процессуальный опыт позднего советского и раннего периода независимого Таджикистана по досудебному урегулированию правового спора мог бы стать ориентиром и при решении проблем, возникающих в ходе производства по делам частного обвинения и приравненных к ним по степени опасности иных нетяжких преступлений, например по делам, связанным с домашним насилием. Выходом в решении подобных проблем мог бы стать «старый» по названию, но «новый» по своей сути и по подходам и механизму реализации институт протокольной формы досудебной подготовки материалов (далее — протокольная форма), приобретающий иное процессуальное значение в предлагаемой нами модели и соответствующий современным требованиям уголовного судопроизводства. Указанный феномен ранее доказал свою практическую состоятельность и может вновь повысить степень эффективности упрощенного производства.

Так что же послужило причиной упразднения данного вида производства из УПК РТ 2009 г.? Полагаем, что основных причин может быть три:

— политическая, то есть избавление от «советского» уголовно-процессуального наследия;

— правовая — признание на высоком уровне статуса личности высшей социальной ценностью, отнесения суда к отдельной ветви власти и его особая роль по защите прав граждан, а также состязательность судебного процесса;

— смена приоритетов. Судебно-правовая реформа Республики Таджикистан ориентирована на достижение восстановительного правосудия путем расширения частных начал и развития концепции мировой юстиции.

В связи с этим полномочия суда возбуждать уголовное дело по УПК ТССР 1961 г. явно противоречила началам разграничения уголовно-процессуальных функций и принципу состязательности и равноправия сторон. Вместе с тем ликвидация из системы уголовного судопроизводства протокольной формы не исключает возможность возродить и использовать его потенциал по делам небольшой тяжести, в том числе по преступлениям категории частного обвинения и домашнего насилия в несколько ином, новом формате.

Следует признать, что с упразднением протокольной формы судья (суд) не перестал возбуждать уголовные дела. Подобное исключительное право сохраняется до сих пор. До января 2021 г. положение абз. 15 ч. 1 ст. 35 ныне действующего УПК РТ конкретно предусматривало право суда возбуждать уголовное дело. С вступлением Закона РТ от 29 января 2021 г. № 1755 содержание указанной нормы в УПК РТ претерпело некоторые изменения. Вместе с тем у суда сохранились полномочия для начала судебного рассмотрения по делу частного обвинения либо передачи материала для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в другие компетентные органы расследования. В правоприменительной практике случаи возбуждения уголовного дела судом в период 2022–2024 гг. впрочем, как и в прошлые годы, все еще сохраняются, о чем свидетельствуют статистические сведения Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан (далее — ГИАЦ) *(Информация Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан (по состоянию на 5 февраля 2025 г., на тадж. языке)*.

Таким образом, исключение протокольной формы возбуждения уголовного дела судом не решило, а только обострило проблему. Это в принципе можно объяснить следующим: дело частного обвинения не может быть начато произвольно только потому, что так пожелал потерпевший. Отметим, что уголовный процесс — это исключительно публичная деятельность. Независимо от характера поданного уголовного иска, в том числе частноисковой жалобы, решение о начале судебного разбирательства принимает должностное лицо государства. Так как по данной категории дел единственным государственным представителем является судья, закономерно, что вопрос о возбуждении уголовного дела по частному обвинению по факту зависит от него. Заявление в этом случае является поводом для его первоначального рассмотрения. Лишь в случае имеющихся достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления, судья путем принятия его к производству дает понять, что по итогам проверки заявления возбуждено уголовное дело,

подлежащее рассмотрению в суде (ст. 354 УПК РТ). Отличие порядка возбуждения дела по частному обвинению по УПК ТССР 1961 г. в рамках протокольной формы от действующего порядка обращения по делу частного обвинения состоит в том, что в первом случае судья в соответствии с ч. 2 ст. 411 УПК ТССР выносил отдельное постановление о возбуждении уголовного дела. Во втором случае исходя из смысла ч. 5 ст. 354 УПК РТ 2009 г. моментом возбуждения дела частного обвинения принято считать принятие судей заявления к своему производству. Проведенный сравнительный анализ указывает на то, что хотя процедура возбуждения дела по частному обвинению в современном уголовном процессе приобрела несколько отличительный характер, однако сама суть осталась прежней: уголовное дело возбуждает судья, и только он решает, начать судебное производство по заявленному частному иску или нет.

Кроме того, усугубляет ситуацию строгая формализация (п. 4 ч. 3 ст. 354 УПК РТ) порядка возбуждения производства по делам частного обвинения, которая фактически блокирует все предпринятые попытки потерпевшего вовремя «достучаться» на судебное рассмотрение его жалобы, по существу. Очевидно, что самостоятельно подготовить и передать, по сути, уголовное дело (заявление и иные сведения) в суд — трудновыполнимая миссия для частного лица. В данном случае правовая поддержка органа дознания по установлению события преступления и сбору доказательств на досудебном этапе является уместной. Это позволит потерпевшему избежать выполнения несвойственных функций, что обеспечит ему упрощенный доступ к правосудию и гарантирует передачу в суд сформированных материалов дела, на основе которых он сможет обосновать свою позицию и/или представить иные потенциальные доказательства в будущем, необходимые уже в ходе судебного процесса.

На основании изложенного представляется правильным, что с момента введения протокольной формы в УПК она может стать системообразующим звеном при производстве преступлений небольшой тяжести, в том числе и по делам частного обвинения. В этом случае роль должностного лица сводится к оказанию квалифицированной юридической помощи. Воля же потерпевшего при рассмотрении его заявления в рамках протокольной формы также будет учитываться, например при примирении сторон и прекращении дела производством в порядке абз. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РТ. Заметим, что призывы о введении в УПК РТ института протокольной формы, производство по которому будет осуществляться уполномоченным субъектом доказывания — органом дознания на досудебном этапе с функцией собирания и направления фактических сведений в суд, предлагается нами не впервые. Наша принципиальная позиция заключается в том, чтобы в ходе судебного разбирательства обвинение поддерживало только частное лицо, участие прокурора в качестве обвинителя исключается. Стороной обвинения (обвинителем) должно быть одно лицо, и это потерпевший или лицо, представляющее его интересы [5, с. 78–84].

Примечательно, что в Законе Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г. № 41 по настоящее время (01.03.2025) действует норма п. 7 ст. 10, регламентирующая обязанность органов милиции возбуждать уголовные дела, проводить предварительное расследование и осуществлять *досудебную подготовку материалов по протокольной форме* (выделено автором. — *О.Т.*) [6]. И это вопреки тому, что с принятием в 2009 г. УПК РТ и введением его в действие с апреля 2010 г. оно де-факто перестала действовать по причине его ликвидации из уголовного судопроизводства. Несмотря на истекшие 15 лет, нормативная возможность применения протокольной формы органом милиции все же де-юре сохраняется, хотя и вне рамок уголовно-процессуальной сферы.

По объективным причинам применение потенциала данного феномена в нынешнее время недопустимо в связи с тем, что оно не существует и не действует в УПК РТ. Вместе с тем это не дает ответа на вопрос: почему таджикский законодатель «забыл» исключить из п. 7 ст. 10 Закона РТ «О милиции» норму относительно использования протокольной формы? В этом видится явная небрежность либо, на наш взгляд, законодатель в какой-то мере сохраняет некоторую надежду на возрождение вышеупомянутого института. Иначе трудно объяснить ситуацию, когда прошло немало лет по факту бездеятельности протокольной формы, а она все еще продолжает «жить» в легитимном правовом поле, хотя и не охвачена уголовно-процессуальной деятельностью.

Заметим, что назначение и собственно название протокольной формы досудебной подготовки материалов на понятийном уровне указывает на то, что ее процессуальный режим охватывает только стадии досудебного этапа, которая включает в основном собирание первичных данных, способствующих установлению события преступления, лица, его совершившего, и т.д. Добытые сведения могут стать указателем и основанием при назначении судебного заседания, а также внести вклад при формировании будущих полноценных

доказательств на последующих фазах судебного разбирательства.

При рассмотрении жалобы по делу частного обвинения действия правонарушителя могут называться условно не преступлением, а проступком, «недопреступлением», так как, во-первых, преступления указанной категории незначительны и фактически не вредят интересам общества, во-вторых, восприятие степени опасности и отнесения их к преступлениям зависит только от субъективного восприятия потерпевшего к происходящему. Данные преступления вредят в основном личным благам, и переложение государством бремени уголовного преследования на частное лицо свидетельствует о его принципиальной позиции «невмешательства» в личные дела граждан, учитывая, что их проступки носят в большинстве случаев бытовой и межличностный характер конфликта. По этому поводу солидарны с утверждением К. Маркса, что «безусловный долг законодателя — не превращать в преступление то, что имеет характер проступка, и то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью должен он исправлять все это, как социальную неурядицу, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти проступки как за антисоциальные преступления» [6, с. 85].

Следует отметить, что в указанной сфере обстоятельное исследование проведено С.Л. Лонь, который изучал проблемы теории и практики протокольной формы в уголовном процессе. Анализу подвергнуты понятийный аппарат, порядок и последовательность действий участников, закономерности деятельности протокольной формы, ее правовая связь с преступлениями, не представляющими серьезной опасности для общества, и др. [7, с. 4]. Исследование протокольной формы автор связывал с более широкой проблемой науки советского уголовного процесса — ее дифференциацией. Вплоть до 1985 г. вопрос о введении протокольной формы являлся предметом многолетних научных дискуссий среди ведущих ученых-процессуалистов. Этому вопросу даже был посвящен специальный раздел в научном журнале «Социалистическая законность». Для советского общества в дальнейшем принятие «чужого» дифференцированного феномена — протокольной формы и включение ее в унифицированную структуру советского уголовного процесса — являлось революционным шагом.

Между тем некоторые опасения в этой части были напрасными, потому что с введением протокольного производства только в советской России от общего количества всех оконченных дел по указанной форме в суд поступили 29,1% уголовных дел. В ряде союзных республик, в том числе Армении, Белоруссии, Грузии, Литвы, Молдавии, Украине и Таджикистане, в суд по протокольной форме были направлены от 30,6% до 51,2% производств [8, с. 175]. В связи с этим результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют, что и на практике в целом одобряют перспективу введения в уголовный процесс протокольной формы для предварительной проверки заявлений о преступлениях, не представляющих серьезной общественной опасности. В пользу обращения частных лиц в орган дознания с целью последующего направления материалов в суд 67,1% сотрудников ОВД и 72,3% судейского корпуса высказались положительно. Основной «лейтмотив» — это способность органа дознания быстро реагировать на жалобу лица, умение в сжатые сроки собирать необходимые данные и направить в суд уже готовый материал *(Тохирзода О. Т. Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): Монография. Душанбе: Ирфон, 2025. 240 с. / Результаты анкетирования сотрудников органов внутренних дел и судей Таджикистан (приложения № 2 и № 2.1 монографии))*.

Позицию опрошенных должностных лиц понять несложно. Исходя из объективной потребности процессуальной экономии сил, времени и средств была введена протокольная форма, которая по своему потенциалу может быть вновь включена в УПК РТ и в наше время. Это позволит упростить, удешевить судопроизводство, а также создать доступную эффективную систему для быстрого восстановления нарушенных прав.

Изложенное с учетом современных воззрений и назначений уголовного процесса наводит нас на выработку определенных размышлений. Очевидно, что порядок упрощения уголовно-процессуальной формы (производства) ведет к сужению уголовно-процессуальных гарантий прав личности. В связи с этим попытка таджикского законодателя заменить протокольную форму на действующее ускоренное производство (гл. 47 УПК РТ), призванное усилить гарантии прав личности, не увенчались успехом, быстро разрешить актуальные проблемы не удалось, и ожидаемые результаты все еще не достигнуты.

Аналогичная попытка смены протокольной формы предпринята и в некоторых бывших советских странах, имеющих похожую уголовно-правовую систему с таджикским уголовным процессом. Так, российский законодатель в качестве альтерна-

тивы протокольной форме ввел в процессуальный оборот сокращенную форму дознания. Указанные производства по функциональным назначениям и процессуальному характеру в некоторой степени имеют общие признаки и черты. Но что в случае с таджикским ускоренным производством, что с российской сокращенной формой дознания, они не смогли состояться в той мере, какие были ожидания от них при введении в уголовный процесс.

Причина видится в том, что ускоренное производство, несмотря на его назначение по усилению процессуальных гарантий прав и свобод личности, а также призванное исключить функции обвинения со стороны суда, является одной из форм предварительного расследования (дознания), а в его рамках проводятся полноценные следственные действия по уже возбужденному уголовному делу [9, с. 140]. По этим делам необходимо принять меры по всестороннему установлению обстоятельств совершения преступления, а это требует значительных затрат сил, времени и средств должностных лиц государства. В большинстве случаев дознаватель с целью соблюдения обязательных процедур назначает судебную экспертизу, проводит проверку показаний на месте, очную ставку, избирает меру пресечения, составляет обвинительное заключение (акт), то есть по делу проводится большой объем мероприятий, срок расследования может затянуться. Поэтому отнести порядок и сроки ускоренного производства и сокращенной формы дознания в качестве «простых, дешевых» производств, в отличие от протокольной формы, неверно, фактически они не обеспечивают «быстрый» доступ к правосудию с наименьшими затратами процессуальных сил, времени и средств государства.

Отметим, что протокольная форма по своему назначению и юридической природе никогда не являлась разновидностью дознания либо следствия: проверка в ее пределах проводилась без возбуждения уголовного дела. В рамках его производства не было участников уголовного процесса — потерпевшего, подозреваемого, свидетеля и т.п., обвинение правонарушителю не предъявлялось, но он по окончании проверки заявления мог ознакомиться с результатами собранных материалов и имел возможность до явки им в суд заранее подготовить свою линию защиты и реализовать другие права. Срок окончания проверочно-подготовительных действий по протокольной форме составлял не позднее десяти суток, что обеспечивало ее своевременную реализацию без «затяжки» времени и большого объема задействования сил и средств государства.

По утверждениям И.А. Насоновой и М.В. Зотовой оптимальная модель суммарного досудебного производства неминуемо продолжит опираться на протокольную форму с тем условием, что надежность ее правового фундамента справится с возможностью избавиться от некоторых ее недостатков, имевших место в советском уголовном процессе [10, с. 51]. С мнениями уважаемых ученых отчасти мы согласны, но вместе с тем полагаем, что уподобление западноевропейским ценностям, что в настоящее время стало процессуальным «трендом» по перенятию их стандартов, не в полной мере соответствует идеологии, менталитету, культуре и другим ценностям таджикского населения (мультикультурного российского народа в том числе), прямо влияет на национальную идентичность и правопорядок. Н.А. Колоколов пишет, что основа любой системы, в том числе судебной власти, предопределена ее окружающей средой, в структуре которой находится человеческая природа [11, с. 28]. О важности роли национальных судов по эффективной защите прав личности с учетом местных традиций, культуры и правосознания населения указывалось и в наших исследованиях [12, с. 265].

Исходя из проведенного анализа приходим к выводу, что идеального уголовно-процессуального производства не существует, всегда найдутся как сторонники, так и противники любой действующей уголовно-процессуальной модели. Однако мы убеждены, что с большой вероятностью процесс адаптации протокольной формы в случае ее внедрения в уголовное судопроизводство пройдет «безболезненно». Историко-правовой опыт данной модели выработал определенную положительную позицию как среди ученых, так и практиков [13, с. 14; 20, с. 124]. Отрицать же прикладную значимость использования в уголовном процессе упрощенных процедур для поддержания равнозначного паритета частных и публичных интересов нерационально. Это обусловлено влиянием глобализации права, развитием и последовательным внедрением мировых стандартов в систему уголовного судопроизводства.

Заметим, что в ходе производства упрощенных порядков сокращается не только объем процессуальных прав потерпевших и обвиняемых, но и их обязанности. С учетом характера их адекватности — кому из сторон подобное отношение более выгодно — тема отдельного обсуждения. Ввести восстановительное правосудие ускоренными темпами и реализовать цели уголовного процесса, по нашему мнению, возможно только путем внедрения протокольной формы. В историческом аспекте это подтверждается данными, ясно отображающими картину эффективности протокольной формы во время ее функционирования в рамках советского таджикского УПК 1961 г.

Так, согласно данным ГИАЦ МВД Республики Таджикистан в период 2007–2009 гг. по жалобам, носящим частный характер обвинения, по УПК ТССР 1961 г. возбуждено 2598 уголовных дел. В рамках же действующего УПК РТ 2009 г. за 2022–2024 гг. возбуждено лишь 90 дел (2022 г.– 26, 2023 г.– 28, 2024 г.– 36) *(Информация Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан (по состоянию на 5 февраля 2025 г., на тадж. языке)*. Для сравнения в период 2019–2021 гг. по делу частного обвинения возбуждено 172 уголовных дела (2019 г.– 64, 2020 г.– 56, 2021 г.– 52). Показатели в этой части говорят сами за себя: за последние три года (2022–2024 гг.) возбуждение уголовных дел указанной категории снизилось почти в два раза, хотя и в предыдущие годы (2019–2021 гг.) представлялись недостаточными и вызывали беспокойство среди экспертов и научного сообщества [14, с. 108; 6, с. 64].

С одной стороны, можно утверждать, что число осужденных по делам частного обвинения кратно снизилось и в какой-то степени намеченные цели восстановительного правосудия якобы достигнуты. С другой стороны, подобное снижение преступлений происходит на фоне резкого возрастания количества заявлений по делам частного обвинения (ежегодно поступают более 7000 обращений граждан). Это свидетельствует о том, что все большее число ущемленных в правах — «армия» — потерпевших не имеют реального доступа к правосудию. Иногда решения по отказу в судебной защите выносятся и за неоднократные избиения потерпевших, особенно возникающих в обстановке семейно-бытового насилия и несмотря на их участившиеся случаи *(УПК РТ не регламентирует порядок вынесения судьей постановления об отказе в принятии заявления по делу частного обвинения к производству (отказе в возбуждении уголовного дела), и тем самым судья волен не выносить подобное решение, что довольно часто случается в таджикской правоприменительной практике)*.

Так, за 2024 г. согласно сведениям Управления охраны общественного порядка МВД Республики Таджикистан от общего количества совершенных 1117 преступлений в сфере домашнего насилия 91,2% относятся к категории частного обвинения. Тревожная ситуация сохранялась и в 2023 г.: из общего числа совершенных 1028 преступлений 90,9% случаев составляли частный характер обвинения. Это проблема ранее (2022 г.) также являлось предметом отдельного и детального рассмотрения, в том числе в контексте производства по делам частного обвинения [15, с. 175–182].

Убеждены, что по причине высокой латентности это далеко не точная и полная статистика преступлений в указанной сфере, что не отражает реальное состояние дел в контексте домашнего насилия [16, с. 86; 24, с. 64–65].

Следует отметить, что в рассматриваемой сфере в связи с тревожной ситуацией неоднократно раздавались призывы официальных лиц российского государства по «упразднению» преступлений частного обвинения и переноса их в категорию частнопубличных. Подобные инициативы мы не разделяем и считаем их преждевременными. Действительно по всем делам, в том числе и частного обвинения, жертвы домашнего насилия наиболее подвержены агрессии в связи с нахождением их в прямой зависимости от обвиняемого. Этим отчасти и объясняется избранная позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно ликвидации и передачи дел частного обвинения в категорию частнопубличных, по которым будет проводиться дознание *(Лебедев В. М. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://legal.report/lebedev-institut-chastnogo-obvineniya-sozdaet-prepyatstviya-v-sudebnoj-zashhite (дата обращения 15.12.2024))*. Но такой подход подразумевает попытку активного вмешательства государства в личные и интимные дела семьи, что является недопустимым.

Последствия полноценного задействования ресурсов должностных лиц государства в порядке частнопубличного обвинения приведет к «излишней» уголовной репрессии. В случае примирения супругов, что часто случается в правоприменительной практике, они заранее будут поставлены в невыгодное и зависимое от должностных лиц государства положение, которые «не заинтересованы» в таком исходе (примирении сторон) дела, в том числе по причине улучшения служебных показателей по направлению уголовного дела в суд. Подобная ситуация не улучшит, а усугубит чувствительную сферу взаимоотношений граждан, так как зачастую сам потерпевший не заинтересован в наказании и тем более осуждении своего «обидчика». К тому же это приведет и к другим более тяжким последствиям, например отрицательно повлиять на социально-экономическое благополучие подрастающего поколения (развод, разлука детей с одним из родителей, дефицит воспитания и денег в семье, насмешки и издевательства сверстников над ребенком и т.д.). На основании изложенного мы убеждены, что ликвидировать институт частного обвинения из уголовного процесса нельзя, взамен этого необходим поиск альтернативного инструмента решения насущных

проблем. Таким средством видится протокольная форма, которая по своему потенциалу и мобильности может стать «панацеей» в рассматриваемой сфере. Ее действие охватывает и порядок производства иных небольших преступлений, в том числе совершаемых в семейно-бытовой обстановке. Основные преимущества протокольной формы состоят в следующем:

— это компактное по объему, размеру, содержанию и сроку специальное дело о проступке, не требующем возбуждения уголовного дела и проведения следственных действий (за исключением осмотра места происшествия);

— в его рамках полноценным субъектом доказывания (дознавателем) проводятся проверочно-подготовительные действия по собиранию первичных фактических данных, позволяющих установить события и причастность лица к совершению преступления, выявить очевидцев и др.;

— это особая дифференцированная уголовно-процессуальная форма (производство), которая не является разновидностью следствия или дознания;

— способствует сокращению процессуальных затрат при проверке жалоб по делам частного обвинения и домашнего насилия на досудебном этапе;

— обеспечивает поступление в суд проверенных и структурированных материалов, что способствует снижению нагрузки на судей.

Подводя итоги, отметим, что таким образом институт протокольной формы актуализирует научные представления, связанные с дифференциацией уголовного процесса, который по своему потенциалу способен оптимизировать и поддержать рациональный баланс частных и публичных интересов путем синхронизации порядков частноискового и смешанного типов уголовного судопроизводства, тем самым соответствовать его методологии, идеологии и основополагающим началам. Кроме того, указанная форма может устранить проблемы относительно субъекта и процесса доказывания на досудебной стадии производства, обеспечить неотвратимость наказания либо разрешить досудебный уголовный спор путем примирения сторон, что в свою очередь повысит уровень профилактического воздействия на правонарушителя и восстановления социальной справедливости в целом. Вопрос возрождения и развития протокольного производства в настоящее время вызван не только потребностями уголовного процесса, но и необходимостью адаптации и интеграции правовой системы (подсистемы) в структуре национального правопорядка.

Литература

1. *Апполонов А. В.* Термин “religio” в философии религии Аврелия Августина // История философии. 2019. Т. 24. № 2. С. 20–30.

2. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591 с.

3. *Рахмаджонзода Р. Р., Ализода П. Х., Таджали Д. А.* Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: монография. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 236 с.

4. *Тохирзода О. Т.* Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография. Душанбе: Ирфон, 2025. 240 с.

5. *Тохирзода О. Т.* О преимуществе протокольной формы досудебной подготовки материалов в ходе обращений граждан по уголовным делам частного обвинения // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2024. № 4 (на тадж. языке). 216 с.

6. *Карл Маркс, Фридрих Энгельс.* Собрание сочинений. Том 1 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://knijky.ru/books/sobranie-sochineniy-tom-1–0?page=85 (дата обращения: 11.02.2025).

7. *Лонь С. Л.* Протокольное производство в уголовном процессе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 340 с.

8. *Никифоренко Ю. Л.* Новое — хорошо забытое старое: советская протокольная форма как перспективная модель суммарного производства по уголовным делам // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 174–179.

9. *Арипов А. Л., Бободжонов Н. М., Юлдошев Р. Р.* Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Душанбе: ЭР-граф, 2018. 176 с.

10. *Насонова И. А., Зотова М. В.* Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 47–53.

11. *Колоколов Н.А.* Мировая юстиция и суд присяжных: инновации великой Судебной реформы 1864 года, доказавшие свою жизнеспособность в XXI веке: монография / И.А. Андреева, М.Т. Аширбекова, И.Л. Бедняков и др. / под научн. ред. Н.А. Колоколова; под общ. ред. О.Н. Слоботчикова, М.А. Булавиной. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. 564 с.

12. *Тохирзода О.Т.* Ответственность государства в уголовном процессе в контексте производства по уголовным делам частного обвинения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России *имени В.В.* Лукьянова. 2024. № 4 (101). 287 с.

13. *Гаврилов Б.Я.* Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 12–18.

14. *Тохирзода О.Т.* Частное обвинение в уголовном процессе и необходимость его совершенствования // Академическая мысль. 2021. № 3 (16). С. 106–108.

15. *Тохирзода О.Т.* Домашнее насилие как социально-негативный феномен и предмет разбирательства по уголовным делам частного обвинения (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). 190 с.

16. *Воскобитова М.* Подходы Европейского Суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 85–95.

References

1. *Appolonov A.V.* Termin “religio” v filosofii religii Avreliya Avgustina [The term “religio” in the philosophy of religion of Aurelius Augustine] // Istoriya filosofii 2019. T. 24. № 2. S. 20–30.

2. *Kant I.* Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason] / per. s nem. N. Losskogo sveren i otredaktirovan Ts. G. Arzakanyanom i M. I. Itkinym; primech. Ts. G. Arzakanyana. M.: Mysl’, 1994. 591 s.

3. *Rakhmadzhonzoda R.R., Alizoda P. Kh., Tadzhali D.A.* Teoreticheskaya model’ ugolovno-protsessual’nogo zakonodatel’stva Respubliki Tadzhikistan: monografiya. [Theoretical model of criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan: monograph]. Dushanbe: ER-graf, 2019. 236 s.

4. *Tokhirzoda O.T.* Osobennosti proizvodstva po ugolovnym delam chastnogo obvineniya v ugolovnom sudoproizvodstve (po materialam Respubliki Tadzhikistan i Rossiiskoi Federatsii): monografiya [Features of proceedings on criminal cases of private prosecution in criminal proceedings (based on the materials of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation): monograph]. Dushanbe: Irfon, 2025. 240 s.

5. *Tokhirzoda O.T.* O preimushchestve protokol’noi formy dosudebnoi podgotovki materialov v khode obrashchenii grazhdan po ugolovnym delam chastnogo obvineniya [On the Advantages of the Protocol Form of Pre-Trial Preparation of Materials in the Course of Citizens’ Appeals on Private Prosecution Cases] // In *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan [Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan]*. 2024. № 4 (na tadzh. yazyke). 216 s.

6. *Karl Marks, Fridrikh Engel’s.* Sobranie sochinenii. Tom 1 [Collected Works. Volume 1] // [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: https://knijky.ru/books/sobranie-sochineniy-tom-1–0?page=85 (data obrashcheniya: 11.02.2025).

7. *Lon’ S.L.* Protokol’noe proizvodstvo v ugolovnom protsesse [Protocol Proceedings in Criminal Procedure]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1996. 340 s.

8. *Nikiforenko Yu. L.* Novoe — khorosho zabytoe staroe: sovetskaya protokol’naya forma kak perspektivnaya model’ summarnogo proizvodstva po ugolovnym delam [New — well forgotten old: the Soviet protocol form as a promising model of summary proceedings in criminal cases] // In *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2016. № 3 (35). S. 174–179.

9. *Aripov A.L., Bobodzhonov N.M., Yuldoshev R.R.* Doznanie v organakh vnutrennikh del: kurs lektsii [Pre-trial investigation in internal affairs agencies: a course of lectures.]. Dushanbe: ER-graf, 2018. 176 s.

10. *Nasonova I.A., Zotova M.V.* Protokol’naya forma dosudebnoi podgotovki materialov kak bazovaya model’ dlya doznaniya v sokrashchennoi forme [The protocol form of pre-trial preparation of materials as a basic model for an abbreviated inquiry] // In *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2017. № 2. S. 47–53.

11. *Kolokolov N.A.* Mirovaya yustitsiya i sud prisyazhnykh: innovatsii velikoi Sudebnoi reformy 1864 goda, dokazavshie svoyu zhiznesposobnost’ v XXI veke: monografiya [Magistrates’ Justice and Trial by Jury: Innovations of the Great Judicial Reform of 1864 That Have Proven Their Viability in the 21st Century:

Monograph] / I. A. Andreeva, M. T. Ashirbekova, I. L. Bednyakov i dr. / pod nauchn. red. N. A. Kolokolova; pod obshch. red. O. N. Slobotchikova, M. A. Bulavinoi. Moskva: Izdatel''skii dom «UMTs», 2024. 564 s.

12. *Tokhirzoda O. T.* Otvetstvennost' gosudarstva v ugolovnom protsesse v kontekste proizvodstva po ugolovnym delam chastnogo obvineniya [State Liability in Criminal Proceedings in the Context of Private Criminal Prosecution] // In *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov]*. 2024. № 4 (101). 287 s.

13. *Gavrilov B. Ya.* Protokol'naya forma dosudebnogo proizvodstva — genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Protocol form of pre-trial proceedings — genesis, current state, development prospects] // In *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. 2016. № 5. S. 12–18.

14. *Tokhirzoda O. T.* Chastnoe obvinenie v ugolovnom protsesse i neobkhodimost' ego sovershenstvovaniya [Private prosecution in criminal proceedings and the need for its improvement] // In *Akademicheskaya mysl' [Academic thought]*. 2021. № 3 (16). S. 106–108.

15. *Tokhirzoda O. T.* Domashnee nasilie kak sotsial'no-negativnyi fenomen i predmet razbiratel'stva po ugolovnym delam chastnogo obvineniya (po materialam Respubliki Tadzhikistan i Rossiiskoi Federatsii) [Domestic violence as a socially negative phenomenon and the subject of proceedings in private prosecution criminal cases (based on materials from the Republic of Tajikistan and the Russian Federation)] // In *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2022. № 2 (62). 190 s.

16. *Voskobitova M.* Podkhody Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka k rassmotreniyu del o domashnem nasilii v otnoshenii zhenshchin [Approaches of the European Court of Human Rights to the consideration of cases of domestic violence against women] // In *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2017. № 1 (21). S. 85–95.

СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ», «ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ», «БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ» И «НАСИЛИЕ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Шомуротзода Фирдавс

Цель: *в статье с отсылкой к сущности насилия как способа посягательства на нормальную реализацию семейных отношений осуществляется анализ понятий «насилие в сфере семейных отношений», «насилие в семье», «домашнее насилие» и «бытовое насилие», по результатам которого выделяются их характерные признаки. Определяется специфика объекта насильственных посягательств, а также круг субъектов, которые или в отношении которых осуществляется насилие в рамках семейных отношений. Эти особенности позволяют обосновать целесообразность применения при исследовании уголовной ответственности за насильственные преступления в обозначенной сфере термина «насилие в сфере семейных отношений», а не содержательно близких понятий.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Определение понятия, наиболее применимого к сущности насилия в исследуемой сфере, будет способствовать унификации подходов к государственно-властной деятельности, состоящей в защите прав человека путем установления уголовной ответственности за насильственные преступления в сфере семейных отношений. При этом под насилием в сфере семейных отношений в контексте уголовно-правовой защиты предлагается понимать противоправное виновное насильственное деяние, выраженное посредством оказания физического, психического или иного принудительного воздействия одного члена семьи (независимо от того, является она официально зарегистрированной или лишь фактически существующей) по отношению к другому, посягающее на нормальное осуществление семейных связей, ответственность за осуществление которого предусмотрена положениями уголовного закона.*

Научная и практическая значимость. *В результате проведенного исследования автором установлена неидентичность понятий «насилие в семье», «домашнее насилие», «бытовое насилие», «насилие в сфере семейный отношений». Несмотря на свою содержательную близость, они не являются синонимичными и взаимозаменяемыми. Наиболее корректным для раскрытия сущности и специфики уголовно-правовой защиты от проявлений насилия в семейной сфере представляется термин «насилие в сфере семейных отношений», поскольку он выступает обобщающим для всех исследуемых выше понятий, включая признак семейственности (и юридически закрепленной, и фактически существующей без официальной регистрации) и признак единения и совместности в ведении дома и быта.*

Ключевые слова: *семья, быт, семейные отношения, насилие, насилие в семье, домашнее насилие, бытовое насилие, насилие в сфере семейных отношений.*

Принимая во внимание, что понятие насилия в сфере семейных отношений имеет родовую принадлежность и является разновидностью насилия в целом, есть потребность в его определении в уголовно-правовом контексте. В современной правовой науке представлено огромное разнообразие подходов к определению признаков насилия [1, с. 524; 2, с. 133].

В качестве ключевых признаков насилия как преступного деяния следует выделить:

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-53-58

— применение по отношению к человеку силы, воплощенной в насильственных деяниях, либо применение угрозы применения силы, если такая угроза характеризуется реальностью;

— наличие принуждения, осуществляемого посредством физического или морального влияния на волю потерпевшего;

— противоправность и умышленный характер принуждения, применения силы или угрозы ее применения;

— наступление последствий, прямо предусмотренных уголовным законодательством;

— наличие причинно-следственной связи между действиями субъекта насилия и наступившими последствиями.

Отсутствует унифицированный подход и к определению самого понятия насилия в отношении членов семьи или лиц, которые фактически проживают одной семьей, не находясь при этом в юридически урегулированных брачно-семейных отношениях. Самыми распространенными терминами, применяемыми для раскрытия исследуемого явления, выступают следующие: «семейное насилие», «насилие в семье», «домашнее насилие», «бытовое насилие», «насилие в сфере семейных отношений», а также пересекающиеся термины, например «семейно-бытовое насилие» или «семейно-домашнее насилие». При своей схожести, указанные термины и обозначенные ими понятия разнятся, что обусловливает необходимость проведения их сравнительного анализа с последующим определением, наиболее полно раскрывающего противоправные насильственные деяния в отношении лиц, проживающих одной семьей. Их анализ и сравнительная характеристика будут осуществляться исходя из деления на три группы:

1) термины, в которых подчеркивается ключевая роль семьи: «насилие в семье», «семейное насилие»;

2) термины, в которых превалирует указание на совместный быт или общность территории проживания: «домашнее насилие», «бытовое насилие»;

3) обобщенные термины: «насилие в сфере семейных отношений», «семейно-бытовое насилие», «семейно-домашнее насилие» и прочее.

Учитывая специфику анализируемого явления, следует отметить его очевидную взаимосвязь с семьей. При этом необходимо подчеркнуть, что «семья» не имеет однозначного толкования, поскольку ввиду разнообразия охватываемых общественных отношений она выступает объектом различных отраслей права: семейного, гражданского, уголовного, административного, медицинского, права социального обеспечения и так далее. Унифицированный подход к определению семьи в нормативных правовых актах Республики Таджикистан и Российской Федерации, регулирующих семейные, брачно-семейные или сходные с ними отношения, отсутствует, однако анализ норм семейного законодательства и доктринальных положений семейного права позволяет прийти к выводу, что семью составляют лица, совместно проживающие, связанные общим бытом, имеющие взаимные права и обязанности. Так, Семейные кодексы Республики Таджикистан *(Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682)* и Российской Федерации *(Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ)* не дают определения понятия «семья», однако согласно ст. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» *(Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29 декабря 2020 г., с изм. от 5 декабря 2022 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»)* под семьей понимаются «лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Соответственно, указанные лица в случае возникновения в их отношениях насильственных проявлений закономерно выступают и субъектами противоправных, уголовно наказуемых, насильственных деяний в исследуемой сфере. На первоочередной значимости семьи при анализе соответствующего вида насилия основываются сторонники применения терминов «насилие в семье» и «семейное насилие» [3, с. 310–317; 4, с. 144–149; 5, с. 14–17].

В таджикском законодательстве применимым является термин «насилие в семье», о чем свидетельствуют положения Закона Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье» *(Закон Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье»)* и другие нормативные основы *(постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 мая 2014 г. № 294 «О Государственной программе по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014–2023 годы» (с изменениями от 20 августа 2018 г.))*.

В российском законодательстве указанный и сходные термины не применяются, однако в практике высших судебных инстанций и статистических данных ГИАЦ МВД России используется термины «семейно-бытовое насилие» *(Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2020) и Обзор*

практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021) (подготовлен Верховным Судом РФ)) и «на бытовой почве», «в сфере семейно-бытовых отношений» *(Статистические данные ГИАЦ МВД России Форма 578 кн. 32, 578 кн. 48 и 578 кн. 3Р)*.

Как представляется, термины «насилие в семье» и «семейное насилие» необоснованно исключают из числа субъектов, подлежащих защите, тех лиц, которые фактически пребывают в брачно-семейных отношениях, ведут совместный быт и хозяйство, связаны наличием семейственности, однако не пребывают в официально зарегистрированном браке или родственные связи между которыми легально не закреплены (например, пара, проживающая совместно в качестве мужа и жены; родители одного из обозначенной выше пары при условии совместного проживания, ведения общего хозяйства и признания фактических семейных отношений; отчим и ребенок его жены либо сожительницы, если первый принимает активное участие в воспитании и в целом в организации жизни, а также финансовом обеспечении несовершеннолетнего).

Соответственно, посредством использования указанных выше терминов для обозначения противоправных уголовно-наказуемых насильственных деяний в отношении членов семьи, из числа лиц, подлежащих защите, удалены большие группы субъектов. И хотя они не пребывают в официально зарегистрированных брачно-семейных отношениях, однако условия их совместного проживания, ведения общего быта и хозяйства, финансового и морального участия в жизни друг друга, признания себя семьей, в связи с чем в случае проявления общественно опасного насилия в таких отношениях за потерпевшими лицами должно быть признано право на защиту уголовно-правовыми средствами наравне с членами семьи в его законодательном понимании, а виновное лицо должно быть привлечено к ответственности.

Тем самым термины «семейное насилие» или «насилие в семье» не могут применяться для обозначения исследуемых общественных отношений ввиду своей узости и ограниченности.

Ко второй группе терминов, нередко используемых для обозначения исследуемого вида насилия, относятся «домашнее насилие» и «бытовое насилие».

Термин «домашнее насилие» сформировался на основе специфических характеристик деятельности органов социального обеспечения и рассматривался в своем исходном понимании как «физические, вербальные, духовные и экономические ограничения с целью контроля, запугивания, внушения страха» [6, с. 42]. На современном этапе термин «домашнее насилие» широко применяется в российской правовой доктрине [7, с. 129–138; 8, с. 64–66; 9, с. 110–114; 10, с. 43–50; 11, с. 138–144], однако практически не используется в таджикской практике.

В то же время приведенное определение, как и сам термин, который он раскрывает, представляется излишне широким для исследуемой сферы. Указанное обусловливается тем, что под домашним насилием может подразумеваться не исключительно насилие в семье, но также проявление насильственных деяний по отношению к лицам, проживающим территориально в пределах одного помещения, но не объединенным семейными обязательствами или узами. Этимологическая сущность слова «домашнее» указывает на жилое помещение, а также проживающих в нем лиц, к которым могут быть отнесены не только члены семьи, но и иные субъекты, включенные в систему отношений, сформированных в доме, например няни, сиделки, помощники по хозяйству, повара, то есть так называемый «домашний круг» [12]. Соответственно, в рамках определения содержания понятия «домашнее насилие» территориальный признак представляется ключевым.

Содержательно близкими к обозначенному понятию выступают и термины «насилие в быту» или «бытовое насилие», объединенные признаком быта, то есть общего жизненного уклада, характерного для повседневной жизни, «часть непроизводственной сферы, которая связана с личным потреблением материальных и духовных благ» [13, с. 72]. Их применение актуально преимущественно для отдельных государств постсоветского пространства (например, Республики Казахстан), однако в таджикской и российской практике термин практически не используется [14, с. 62–73; 15, с. 353–359].

Указанное объясняется тем, что обозначенный термин применительно к насилию при реализации семейных отношений также не вполне корректен, поскольку содержательно слово «быт» указывает на «совокупность непроизводственных отношений семейно-бытового, коммунально-бытового и производственно-бытового характера, возникающих по поводу удовлетворения материальных и духовных потребностей человека» [16, с. 32].

Кроме того, в совокупность бытовых отношений включается и взаимодействие между соседями по коммунальной квартире или общежитию, лицами, которые сожительствуют или ведут совместный быт без юридического или фактического создания семьи, соарендаторами жилого помещения

и еще бесконечное число вариантов. В этом аспекте отношения между указанными субъектами не являются семейными, и проявление насилия внутри этой системы нельзя характеризовать как относящееся к признаку семейственности. Совершение уголовно-наказуемых насильственных деяний в таком случае будет рассматриваться как совершение бытового преступления, не связанного с насилием в семье.

К третьей из анализируемых групп терминов, обозначающих насильственные деяния в отношении лиц, проживающих одной семьей, относятся совмещенные понятия: «семейно-бытовое насилие», «семейно-домашнее насилие» и прочее, а также «насилие в сфере семейных отношений».

Что касается первых из перечисленных терминов, являющихся многокомпонентными, то при всей широте и объемности, нецелесообразность их применения для исследуемых общественных отношений проистекает из тех же аргументов, которые приведены для каждого из обособленных терминов (см. выше).

Отдельно следует охарактеризовать понятие «насилие в сфере семейных отношений». В отличие от понятий, проанализированных в первой группе («семейное насилие» и «насилие в семье»), данный термин представляется более широким, поскольку позволяет отойти от узкого подхода к содержанию семьи. В его основе лежит словосочетание «семейные отношения», благодаря чему можно распространить сферу его действия не только на официально зафиксированные, но и на фактические существующие, хоть и не нашедшие легального закрепления, отношения между совместно проживающими людьми, осуществляющими совместный быт и ведущими общее хозяйство, объединенными эмоциональной близостью и удовлетворением общих материальных потребностей, признающих себя общностью, основанной на семейственности. Тем самым в последнем из анализируемых терминов фактически представлены характеристики каждого из вышепроанализированных: семья и семейственность, быт, дом.

Учитывая изложенное, следует констатировать неидентичность понятий «насилие в семье», «домашнее насилие», «бытовое насилие», «насилие в сфере семейных отношений». Несмотря на свою содержательную близость, они не являются синонимичными и взаимозаменяемыми.

Таким образом, наиболее корректным для раскрытия сущности и специфики уголовно-правовой защиты от проявлений насилия в семейной сфере представляется термин «насилие в сфере семейных отношений», поскольку он выступает обобщающим для всех исследуемых выше понятий, включая:

— признак семейственности (и юридически закрепленной, и фактически существующей без официальной регистрации);

— признак единения и совместности в ведении дома и быта.

Соответственно, определение понятия, наиболее применимого к сущности насилия в исследуемой сфере, будет способствовать унификации подходов к государственно-властной деятельности, состоящей в защите прав человека путем установления уголовной ответственности за насильственные преступления в сфере семейных отношений.

При этом под насилием в сфере семейных отношений в контексте уголовно-правовой защиты предлагается понимать противоправное виновное насильственное деяние, выраженное посредством оказания физического, психического или иного принудительного воздействия одного члена семьи (независимо от того, является она официально зарегистрированной или лишь фактически существующей) по отношению к другому, посягающее на нормальное осуществление семейных связей, ответственность за осуществление которого предусмотрена положениями уголовного закона.

Литература

1. *Безверхов А. Г.*, *Норвартян Ю. С.* Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. № 4. С. 522–533.

2. *Крылов Н. Г.* К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве // Вестник СГЮА. 2016. № 5 (112). С. 131–135.

3. *Пучнин В. М.*, *Шуняев С. В.* Значение дефиниций, составляющих понятие «насилие в семье», как асоциального явления, посягающего на свободу личности // Вестник ТГУ. 2010. № 12. С. 310–317.

4. *Муханова Е. Д.* Насилие в семье: проблема социальная и правовая // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 4. С. 144–149.

5. *Краснов А. В.* Эволюция правовой модели противодействия семейному насилию в России до 1917 года // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 14–17.

6. *Меликов Ф. А.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье: дис. ... к.ю.н. М., 2017. 187 с.

7. *Саламова С. Я.* Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 129–138.

8. *Акуленко В. А.* Криминологический анализ понятия «Домашнее насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 64–66.

9. *Грищенко Н. А.* Российская и зарубежная судебная практика в сфере противодействия домашнему насилию // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8 (97). С. 110–114.

10. *Жмурова С. С.*, *Репина М. Г.* Анализ актуальности принятия закона о домашнем насилии // Образование и право. 2023. № 2. С. 43–50.

11. *Акимжанов Е. С.* О перспективах оценивания вероятности повторного совершения домашнего насилия: международный опыт административно-правовой защиты // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 138–144.

12. *Горобец К. В.*, *Дорофеева Н. В.* Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.spadm.ru/upload/iblock/c0c/tkawm0w29b0h3r22k7cyfzz3zw8ykg36/Методические%20рекомендации.%20Насилие%20в%20семье.pdf

13. *Бадамшин И. Д.*, *Набиев Ф. Ф.* Семейно-бытовое насилие: понятие, виды, причины // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 68–72.

14. *Рахимбердин К. Х.*, *Гета М. Р.* Теоретические и правовые аспекты противодействия бытовому насилию в законодательстве Республики Казахстан: проблемы и перспективы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 3 (66). С. 62–73.

15. *Мусалов М. А.*, *Рашидов Ш. М.* Получение правосудия для жертв удушения при бытовом насилии: доказательное судебное преследование и специальная подготовка по удушению // Образование и право. 2021. № 3. С. 353–359.

16. *Галюкова М. И.* Криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 9 (81). С. 30–34.

References

1. *Bezverhov A. G., Norvartjan Yu. S.* Sootnoshenie kategorij «nasilie» i «ugroza» v sovremennom ugolovnom prave Rossii [The relationship between the categories of “violence” and “threat” in modern criminal law of Russia] // In *Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University].* Serija 14. Pravo. 2018. № 4. P. 522–533. (In Russian)

2. *Krylov N. G.* K voprosu o soderzhanii ponjatija «nasilie» v rossijskom ugolovnom prave [On the content of the concept of “violence” in Russian criminal law] // In *Vestnik SGJuA [Bulletin of the Saratov State Law Academy].* 2016. № 5 (112). P. 131–135. (In Russian)

3. *Puchnin V. M., Shunjaev S. V.* Znachenie definicij, sostavljajushhih ponjatie «nasilie v sem’e», kak asocial’nogo javlenija, posjagajushhego na svobodu lichnosti [The meaning of definitions that make up the concept of “domestic violence” as an asocial phenomenon that encroaches on personal freedom] // In *Vestnik TGU [Bulletin of Tomsk State University].* 2010. № 12. P. 310–317. (In Russian)

4. *Muhanova E. D.* Nasilie v sem’e: problema social’naja i pravovaja [Domestic Violence: A Social and Legal Problem] // In *Nauka. Mysl’: jelektronnyj periodicheskij zhurnal [Science. Thought: An Electronic Periodical Journal].* 2017. № 4. P. 144–149. (In Russian)

5. *Krasnov A. V.* Jevoljucija pravovoj modeli protivodejstvija semejnomu nasiliju v Rossii do 1917 goda [Evolution of the Legal Model for Combating Domestic Violence in Russia before 1917] // In *Juridicheskaja nauka [Legal Science].* 2023. № 2. P. 14–17. (In Russian)

6. *Melikov F. A.* Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodejstvija nasiliju v sem’e [Criminal-legal and criminological measures to combat domestic violence]. Dis. ... k.ju.n. M., 2017. 187 p. (In Russian)

7. *Salamova S. Ya.* Domashnee nasilie v sovremennoj Rossii: obshhaja harakteristika [Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics] // In *Lex Russica.* 2018. № 9 (142). P. 129–138. (In Russian)

8. *Akulenko V. A.* Kriminologicheskiĭ analiz ponjatija «Domashnee nasilie» [Criminological analysis of the concept of “Domestic violence”] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2019. № 4. P. 64–66. (In Russian)

9. *Grishhenko N. A.* Rossijskaja i zarubezhnaja sudebnaja praktika v sfere protivodejstvija domashnemu nasiliju [Russian and foreign judicial practice in the field of combating domestic violence] // In *Obshhestvo: politika, jekonomika, parvo [Society: Politics, Economics, Law].* 2021. № 8 (97). P. 110–114. (In Russian)

10. *Zhmurova S. S., Repina M. G.* Analiz aktual'nosti prinjatija zakona o domashnem nasilii [Analysis of the relevance of adopting a law on domestic violence] // In *Obrazovanie i parvo [Education and Law].* 2023. № 2. P. 43–50. (In Russian)

11. *Akimzhanov E. S.* O perspektivah ocenivanija verojatnosti povtornogo sovershenija domashnego nasilija: mezhdunarodnyj opyt administrativno-pravovoj zashhity [On the prospects for assessing the likelihood of repeated domestic violence: international experience of administrative and legal protection] // In *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2023. № 1 (65). P. 138–144. (In Russian)

12. *Gorobec K. V., Dorofeeva N. V.* Profilaktika semejno-bytovyh konfliktov, domashnego nasilija [Jelektronnyj resurs] [Prevention of family and domestic conflicts, domestic violence] // In Rezhim dostupa: https://www.spadm.ru/upload/iblock/c0c/tkawm0w29b0h3r22k7cyfzz3zw8ykg36/Metodicheskie%20rekomendacii.%20Nasilie%20v%20sem'e.pdf (In Russian)

13. *Badamshin I. D., Nabiev F. F.* Semejno-bytovoe nasilie: ponjatie, vidy, prichiny [Domestic violence: concept, types, causes] // In *Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva [Society, law, statehood: retrospective and prospect].* 2020. № 2 (2). P. 68–72. (In Russian)

14. *Rahimberdin K. H., Geta M. R.* Teoreticheskie i pravovye aspekty protivodejstvija bytovomu nasiliju v zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan: problemy i perspektivy [Theoretical and legal aspects of combating domestic violence in the legislation of the Republic of Kazakhstan: problems and prospects] // In *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan].* 2021. № 3 (66). P. 62–73. (In Russian)

15. *Musalov M. A., Rashidov Sh. M.* Poluchenie pravosudija dlja zhertv udushenija pri bytovom nasilii: dokazatel'noe sudebnoe presledovanie i special'naja podgotovka po udusheniju [Obtaining justice for victims of strangulation in domestic violence: evidence-based prosecution and special training in strangulation] // In *Obrazovanie i parvo [Education and Law].* 2021. № 3. P. 353–359. (In Russian)

16. *Galjukova M. I.* Kriminologicheskie aspekty semejno-bytovogo nasilija [Criminological aspects of domestic violence] // In *Vestnik JuUrGU [Bulletin of SUSU].* Serija: Pravo. 2007. № 9 (81). P. 30–34. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПРИВАТНЫЙ ВЗГЛЯД НА РАССУЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА И. М. МАЦКЕВИЧА

Харламов Валентин Станиславович

Цель: *оценить перспективы криминологии в свете предложений И. М. Мацкевича. Раскрыть значение проводимых исследований в области преступностиведения в зависимости от изменений законодательства, в том числе и уголовного. Отразить уникальную роль криминологии и сравнить с другими науками. Показать соотношение теоретического и практического материала в диссертациях, связанных с криминологической тематикой.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, метод юридических исследований, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, системный метод.*

Выводы. *Криминология эволюционирует в зависимости от научно-технического прогресса и модернизации общественных отношений. Наука о преступности обладает ценным потенциалом знаний, весомым ресурсом ученых и благоприятными перспективами. Исключение преступности как объекта исследования в области криминологии приведет к разрушению этой науки.*

Научная и практическая значимость. *Тезисно обозначены особенности исследований в области криминологии, приведены типовые диссертации в рассматриваемой сфере, выражающие общепринятое соотношение теоретического и практического материала. Раскрыты современные криминологические оценки тенденций развития российского преступностиведения с учетом трендов преступности и их перспектив.*

Ключевые слова: *криминология, преступностиведение, научное направление, знание, теоретическая наука, преступность, практическая польза.*

Известный ученый Игорь Михайлович Мацкевич опубликовал в журнале «Союз криминалистов и криминологов» в № 2 за 2025 г. критическую статью «Рассуждения о статье Д. А. Шестакова как повод поговорить о современном состоянии и перспективах развития современной науки криминология» [1, с. 26–28]. В представленной статье И. М. Мацкевич комментирует опубликованную в указанном журнале статью профессора Д. А. Шестакова «Гражданское общество в поле зрения преступностиведения. О ключах к управлению и господству» [2, с. 20–25].

Резюмируя изложенное и не считая «себя вправе оценивать статью Д. А. Шестакова», И. М. Мацкевич предлагает «обсудить, чем должны заниматься российские криминологи в XXI веке» [1, с. 28]. По мнению уважаемого автора, **«криминология стала сугубо теоретической наукой без практической пользы… Сегодня криминология должна заниматься совсем не преступностью, а другими более серьезными вещами»** [1, с. 28].

Представляется преждевременным оставлять криминологию без исследований природы преступного поведения и разработок мер антикриминального реагирования со стороны государства и общества.

После более чем двухвековой деятельности на благо общества криминологам предлагают отныне

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-59-64

«заниматься совсем не преступностью, а другими более серьезными вещами» [1, с. 28]. Подобный совет вряд ли позволит повысить защищенность населения от преступных посягательств. Исполнение предложенного совета не исключает возникновение реальной угрозы ослабления принимаемых мер по обеспечению нынешней и будущей криминологической безопасности общества. Обесценивание научных исследований о преступности, разумеется, выгодно криминалитету и тем лицам, которые представляют его интерес.

В отличие от других наук криминология ориентирована на осмысление закономерностей всех разновидностей преступности и ее удержание в процессе исторического развития социума. Уникальность современной науки о преступности (наряду с криминологией от латинского «crimen» — преступление и греческого «logos» — учение, ее нередко называют на российский лад преступностиведением) в разработке и применении своеобразного инструментария, а именно: ***криминологическая экспертиза, криминологическое прогнозирование и криминологическое планирование.*** Современная криминология, опираясь на учения разных эпох, сконструирована на довольно-таки прочном фундаменте. Он базируется на таких элементах, как криминологическая оценка отдельных видов преступлений и преступности, в целом; особенности личностей преступника и его жертвы; механизм совершения криминального проявления; детерминанты преступности; система противодействия преступности. Каждый из упомянутых элементов достаточно глубоко исследован наукой о преступности. Соответствующие материалы широко представлены в современных учебниках по криминологии.

В результате анализа криминологических работ, опубликованных в последние годы, прежде всего диссертационных, не нашло подтверждение суждение И. М. Мацкевича о том, что «криминология стала сугубо теоретической наукой без практической пользы» [1, с. 28]. Из множества опубликованных в последние годы криминологических исследований выделим несколько типовых работ, выражающих соотношение в них теоретического и практического материала. В частности, в диссертации И. С. Ильина «Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности» (2023 г.) представлен необходимый теоретический каркас, на котором сформулированы прикладные рекомендации. Эти рекомендации внедрены в практическую деятельность МВД Луганской Народной Республики, Главного управления по борьбе с экстремизмом МВД России, Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу, Администрации Ленинградской области [3, с. 17–18]. В диссертации Л. В. Смирнова «Постпенитенциарная профилактика рецидива органами внутренних дел» (2024 г.) на построенной теоретической базе даны предложения по совершенствованию профилактической работы правоохранительных органов, в том числе в сфере пробации. Указанные предложения внедрены в практическую деятельность МВД России по Республике Карелия и Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности г. Санкт-Петербурга [4, с. 10]. В диссертации криминолога Е. А. Ширшановой «Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ» представленное теоретическое обоснование послужило опорой сформулированных прикладных рекомендаций для органов внутренних дел. Рекомендации внедрены в практическую деятельность отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга [5, с. 13].

Многочисленные отечественные криминологические исследования постсоветского периода, особенно последних лет, сконструированы по единому научному стандарту, включающему имманентный (присущий) теоретический фундамент, на основе которого обычно предложены практические рекомендации. Известно, прикладное начало криминологии предоставляет возможность конкретным лицам и учреждениям, осуществляющим контроль за криминалом, должным образом предлагать пути реагирования на преступные посягательства, способствовать реализации политики сдерживания преступности в целом и овладевать постоянно совершенствующимися антикриминальными средствами.

Назовем еще несколько опубликованных в последнее время криминологических трудов, обладающих весомым прикладным значением, которые опровергают суждение о том, что «криминология стала сугубо теоретической наукой без практической пользы» [1, с. 28]. В их числе: Дикаева Э. А. «Органы внутренних дел в системе профилактики преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы» (2024 г.); Александрина Н. М. «Криминальная виктимизация юридических лиц и ее предупреждение: криминологическое исследование» (2024 г.); Шуров А. А. «Заведомо ложный донос: криминологическая характеристика и предупреждение» (2024 г.); Абисова К. С. «Детерминация и предупреждение террористической деятельности» (2023 г.); Старостенко О. А. «Виктимологи-

ческое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно» (2023 г.); Жмурин Д. В. «Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в сфере применения запрещенных в спорте субстанций и (или) методов в отношении спортсменов» (2022 г.)

Проводимые криминологические исследования позволяют держать руку на пульсе изменяющегося законодательства российского и зарубежного, в том числе уголовного. В отечественном уголовном законе изменения обусловлены появлением новых видов преступлений в связи с модернизацией общественных отношений. Так, ранее отсутствовали преступность, связанная с употреблением так называемого допинга, киберпреступность и криминальные проявления, связанные с нарушением правил безопасности на объектах атомной энергетики. Современный уголовный закон установил ответственность за упомянутые виды преступлений. Изменения очевидны: криминал вторгается в виртуализированные общественные отношения, использует искусственный интеллект, роботов, высокотехнологичный инструментарий. Закономерным итогом является тот факт, что только за последние пять лет Уголовный кодекс России дополнен ста пятьюдесятью нормами (см.: ст. 200.4, 238.1, 205.6, 275.1, 280.4, 285.6, 322.3, 330.3, 354.1 УК РФ и др.).

Современные криминологические оценки тенденций развития российской криминологии с учетом «трендов» преступности и их перспектив широко представлены в отечественной и зарубежной науке [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Ученые отмечают наращивание криминологических знаний за счет формирования и использования новых источников криминологической информации, в том числе виктимологической и зарубежной, взаимного обогащения смежных наук, развитие частных криминологических теорий и релевантных научных направлений. В числе последних отметим следующие: криминальная рискология (М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин) [12], виктимологическая безопасность (В. И. Задорожный) [13], военно-полевая криминология (С. Ф. Милюков) [14], криминология цифрового мира (В. С. Овчинский) [15], криминология высоких технологий (Т. М. Судакова, В. А. Номоконов) [16], экокриминология (Б. Б. Тангиев) [17], криминология закона (Д. А. Шестаков) [18].

Активному распространению криминологических знаний способствует продуктивная деятельность научных школ (дальневосточной криминологической школы и невско-волжской криминологической школы), организационных структур в сфере преступностиведения, таких как Союз криминалистов и криминологов, Российская криминологическая ассоциация, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, а также научно-представительских мероприятий (конференций, семинаров, бесед) и специализированных научных периодических изданий. В числе таких изданий: «Союз криминалистов и криминологов», «Всероссийский криминологический журнал», «Российский криминологический взгляд», «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Криминологический журнал», «Виктимология».

Возможно, к неутешительным выводам в своей критической статье уважаемый И. М. Мацкевич пришел исходя из собственного признания, что не очень понимает, что такое «олигархическая власть» ... и что такое «внутренняя олигархия» [1, с. 26]. Ученые различных наук рассматриваемой тематике посвящали свои труды. Ограничимся лишь следующими работами ученых криминологов: Босхолов С. С. «Глобальная олигархическая власть как угроза национальной безопасности России: криминологический взгляд» и Миненок М. Г. «Глобальная олигархическая власть: криминологические и политические аспекты». В упомянутых публикациях отмечается, что общественная опасность глобальной олигархической власти в том, что она воспроизводит различные виды общеуголовных криминальных посягательств, и прежде всего, коррупционную, киберпреступность и преступность в сфере оборота наркотиков. Рассматриваемое понятие достаточно полно определено в работах профессора Д. А. Шестакова.

По его мнению, глобальная олигархическая власть (ГОВ) — неформальная власть численно ограниченной группы максимально богатых олигархов над зависимыми от них властями государств, контролирующая в планетарном масштабе финансовые потоки, наиболее доходные отрасли промышленности и средства массовой информации в целях получения сверхприбыли, укрепления и расширения своего экономического и политического господства; координирующая свою деятельность с помощью полузакрытых и скрытых организаций, опирающаяся на транснациональные, прежде всего финансовые, корпорации, на государства «золотого миллиарда», их вооруженные силы и военные блоки [19, с. 13; 20, с. 23].

Следует отметить, что известный отечественный криминолог, лауреат Государственной премии РФ, профессор В. В. Лунеев положительно отзывался о докладе Д. А. Шестакова, посвященном роли глобальной олигархической власти [21, с. 13].

Содержание «внутренней олигархии» раскрыто в трудах ученых экономистов Д. И. Бубнова и Г. А. Явлинского. В частности, поведению олигархии в экономике нашей страны посвящена подготовленная Д. И. Бубновым диссертация на соискание степени доктора экономических наук «Социально-экономическое содержание российской олигархии: теоретико-методологические проблемы». Черты криминогенности олигархической структуры современной российской экономики рассмотрел Г. А. Явлинский в диссертации на соискание степени доктора экономических наук «Социально-экономическая система России и проблема ее модернизации». Кроме того, оценка современной олигархии представлена в публикациях Е. А. Гусева (см.: Гусев Е. А. «Современная олигархия и опасность ее существования») и К. Ч. Султанбеков (см.: Султанбеков К. Ч. «Проблема олигархизации власти в современном мире (на примере Кыргызстана)»).

Определенную пользу для раскрытия рассматриваемой терминологии несут публикации известных отечественных ученых и политических деятелей: В. И. Ленина, В. Д. Зорькина, М. Г. Делягина. В частности, В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» раскрывает «механику» образования олигархии, аргументирует закономерности развития капитализма с дальнейшим переходом к империализму путем эксплуатации слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций [22].

Профессор В. Д. Зорькин в статье «Экономика и право: новый контекст» выделяет особенности постсоветского капитализма в России и формирование финансовой олигархии, осуществившей «...вопиющее неправовое приватизационное распределение крупной собственности, созданной трудом многих поколений, узкому кругу лиц, приближенных к новой власти или связанных с криминальной и субкриминальной средой» *(Зорькин В. Д. Экономика и право: новый контекст / Электронный ресурс: https://precedent.hse.ru/news/131026973.html)*.

Профессор М. Г. Делягин в труде «Триллионы для диктатуры олигархов. Что будет после Путина?» констатирует, что «в России нарастает и уже становится смертельно опасным разрыв между властью и обществом, между богатым меньшинством и бедным большинством...», и показывает роль отечественных олигархов в проблемах российской экономико-социальной и политической жизни [23, с. 3].

Утверждение И. М. Мацкевича о том, что «...Д. А. Шестаков говорит, что гражданское общество не должно оставаться свободным», нуждается в дополнительном пояснении. Такое суждение Д. А. Шестакова в его статье не обнаружено [1, с. 27].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что развитие криминологии (или преступностиведения) коррелирует с научно-техническим прогрессом. Современное преступностиведение является благодарной наследницей знаний о преступности и многовекового опыта борьбы с ней. Наука о преступности обладает ценным потенциалом знаний, богатым ресурсом ученых и благоприятными перспективами. Исключение преступности как объекта исследования в области криминологии приведет к разрушению этой науки.

Литература

1. *Мацкевич И. М.* Рассуждения о статье Д. А. Шестакова как повод поговорить о современном состоянии и перспективах развития современной науки криминология // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 26–28.

2. *Шестаков Д. А.* Гражданское общество в поле зрения преступностиведения. О ключах к управлению и господству // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 20–25.

3. *Ильин И. С.* Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2023. 41 с.

4. *Смирнов Л. В.* Постпенитенциарная профилактика рецидива органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 29 с.

5. *Ширшанова Е. А.* Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 23 с.

6. *Кабанов П. А.* Основные тенденции развития современной российской криминологии и некоторые перспективные научные направления ее дальнейшего развития: взгляд провинциального оптимиста // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 33–40.

7. *Антонян Ю. М.* Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 67–76.

8. *Овчинский В. С.* Преступность: футурологический взгляд // Преступность, уголовная политика, закон: Всерос. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 25–30.

9. *Овчинский В. С.* Технологии будущего против криминала. М.: Кн. мир, 2017. 288 с.

10. *Goodman M.* Future Crimec Everything is connected, everyone is vulnerable and what we can do about it // Hardcover: Doubleday, 2015. 464 p.

11. *David J. Smith*. Wider and deeper: The future of criminology in Europe // European Journal of Criminology. 2014. Vol. 11. № 1. P. 3–22.

12. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Очерки криминальной рискологии. Монография. М.: Юрлитинформ, 2021, 366 с.

13. *Задорожный В. И.* Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики: монография. Тамбов: Першина, 2005. 162 с.

14. *Милюков С. Ф.* Военно-полевая криминология: концептуальные контуры // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности (Долговские чтения). М.: Ун-т прокуратуры РФ, 2022. С. 78–81.

15. *Овчинский В. С.* Криминология цифрового мира: учебник. М.: Норма, 2018. 352 с.

16. *Судакова Т. М., Номоконов В. А.* Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 531–540.

17. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoskriminologos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / под общ. ред. В. П. Сальникова. Монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 475 с.

18. *Шестаков Д. А.* Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 92 с.

19. *Шестаков Д. А.* Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

20. *Шестаков Д. А.* Преступность политики. Размышления криминолога. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2013. 224 с.

21. *Лунеев В. В.* Отклик на доклад // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). 128 с.

22. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма. М.: Госполитиздат, 1949. 89 с.

23. *Делягин М. Г.* Триллионы для диктатуры олигархов. Что будет после Путина? М.: Книжный мир, 2019. 320 с.

References

1. *Matskevich I. M.* Rassuzhdeniya o stat'*e D. A.* Shestakova kak povod pogovorit' o sovremennom sostoyanii i perspektivakh razvitiya sovremennoi nauki kriminologiya [Reflections on D. A. Shestakov's Article as a Reason to Talk About the Current State and Prospects for the Development of Modern Criminology] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminologists and Criminologists].* 2025. № 2. S. 26–28. (In Russian)

2. *Shestakov D. A.* Grazhdanskoe obshchestvo v pole zreniya prestupnostivedeniya. O klyuchakh k upravleniyu i gospodstvu [Civil Society in the Focus of Criminology. On the Keys to Governance and Domination] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminologists and Criminologists].* 2025. № 2. S. 20–25. (In Russian)

3. *Il'in I. S.* Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo analiza i preduprezhdeniya demonstrativno-protestnoi prestupnosti: avtoref. dis. d-ra ... yurid. nauk [Theoretical Foundations of Criminological Analysis and Prevention of Demonstrative-Protest Crime: Abstract of Doctoral Dissertation in Law]. SPb., 2023. 41 s. (In Russian)

4. *Smirnov L. V.* Postpenitentsiarnaya profilaktika retsidiva organami vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Post-Penitentiary Prevention of Recidivism by Internal Affairs Bodies: Abstract of PhD Dissertation in Law]. SPb., 2024. 29 s. (In Russian)

5. *Shirshanova E. A.* Vzyatochnichestvo v organakh vnutrennikh del: kriminologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Bribery in Internal Affairs Bodies: Criminological Analysis: Abstract of PhD Dissertation in Law]. SPb., 2024. 23 s. (In Russian)

6. *Kabanov P. A.* Osnovnye tendentsii razvitiya sovremennoi rossiiskoi kriminologii i nekotorye perspektivnye nauchnye napravleniya ee dal'neishego razvitiya: vzglyad provintsial'nogo optimista [Main Trends in the Development of Modern Russian Criminology and Some Promising Scientific Directions for Its Further

Development: The View of a Provincial Optimist] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]*. 2017. № 4 (47). S. 33–40. (In Russian)

7. *Antonyan Yu. M.* Kriminologiya budushchego: mezhdistsiplinarnye nauchnye svyazi [Criminology of the Future: Interdisciplinary Scientific Connections] // In *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice]*. 2014. № 4 (30). S. 67–76. (In Russian)

8. *Ovchinskii V. S.* Prestupnost': futurologicheskii vzglyad [Crime: A Futurological View] // In *Prestupnost', ugolovnaya politika, zakon: Vseros. nauch.-prakt. konf. [Crime, Criminal Policy, Law: All-Russian Scientific and Practical Conference]*. M., 2016. S. 25–30. (In Russian)

9. *Ovchinskii V. S.* Tekhnologii budushchego protiv kriminala [Future Technologies Against Crime]. M.: Knizhnyi mir, 2017. 288 s. (In Russian)

10. *Goodman M.* Future Crimec Everything is connected, everyone is vulnerable and what we can do about it [Future Crimes: Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable, and What We Can Do About It] // In *Hardcover: Doubleday*. 2015. 464 p.

11. *David J. Smith*. Wider and deeper: The future of criminology in Europe [Wider and Deeper: The Future of Criminology in Europe] // In *European Journal of Criminology*. 2014. Vol. 11. № 1. P. 3–22.

12. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Ocherki kriminal'noi riskologii. Monografiya [Essays on Criminal Riskology. Monograph]. M.: Yurlitinform, 2021. 366 s. (In Russian)

13. *Zadorozhnyi V. I.* Viktimologicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie merami viktimologicheskoi profilaktiki: Monografiya [Victimological Security and Its Ensuring by Measures of Victimological Prevention: Monograph]. Tambov: Pershina, 2005. 162 s. (In Russian)

14. *Milyukov S. F.* Voenno-polevaya kriminologiya: kontseptual'nye kontury [Military-Field Criminology: Conceptual Framework] // In *Novye, poyavlyayushchiesya i vidoizmenyayushchiesya formy prestupnosti (Dolgovskie chteniya) [New, Emerging, and Evolving Forms of Crime (Dolgov Readings)]*. M.: Un-t prokuratury RF, 2022. S. 78–81. (In Russian)

15. *Ovchinskii V. S.* Kriminologiya tsifrovogo mira: uchebnik [Criminology of the Digital World: Textbook]. M.: Norma, 2018. 352 s. (In Russian)

16. *Sudakova T. M., Nomokonov V. A.* Osmyslenie budushchego kriminologii: obzor sovremennykh tendentsii [Understanding the Future of Criminology: Review of Contemporary Trends] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2018. T. 12, № 4. S. 531–540. (In Russian)

17. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya (oikoskriminologos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya / pod obshchei red. V. P. Sal'nikova. Monografiya [Ecocriminology (Oikoskrimenlogos). Paradigm and Theory. Methodology and Law Enforcement Practice / Ed. by V. P. Salnikov. Monograph]. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2005. 475 s. (In Russian)

18. *Shestakov D. A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona [Introduction to the Criminology of Law]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 92 s. (In Russian)

19. *Shestakov D. A.* Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost': devyatyi uroven' prestupnosti [Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]*. 2012. № 2 (25). S. 12–22. (In Russian)

20. *Shestakov D. A.* Prestupnost' politiki. Razmyshleniya kriminologa [The Criminality of Politics. Reflections of a Criminologist]. SPb.: ID «Alef-Press», 2013. 224 s. (In Russian)

21. *Luneev V. V.* Otklik na doklad [Response to the Report] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]*. 2014. № 3 (34). 128 s. (In Russian)

22. *Lenin V. I.* Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. M.: Gospolitizdat, 1949. 89 s. (In Russian)

23. *Delyagin M. G.* Trilliony dlya diktatury oligarkhov. Chto budet posle Putina? [Trillions for the Dictatorship of Oligarchs. What Will Happen After Putin?]. M.: Knizhnyi mir, 2019. 320 s. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ПРЕДПОСЫЛКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОУЧАСТИЕ SUI GENERIS (ОСОБОГО РОДА)

Боков Дмитрий Константинович

Цель: *показать недостаточность положений классического института соучастия в преступлении для противодействия насильственным террористическим преступлениям и обосновать потребность в конструировании антитеррористических уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие sui generis (особого рода).*

Методология: *в основу научной статьи положены общие (анализ, синтез, дедукция, индукция) и специальные (сравнительно-правовой, историко-правовой) методы познания.*

Выводы. *Положения об акцессорной ответственности соучастников и единстве их умысла с неизбежностью ограничивают сферу применения института соучастия в преступлении к деяниям, образующим инфраструктуру терроризма. За ее пределами, в частности, остаются так называемое «неудавшееся соучастие», то есть организационная, подстрекательская, пособническая деятельность, которая не завершилась исполнением террористического акта (нападения), различные формы содействия совершению террористических преступлений, осуществляемые с неопределенным умыслом в отсутствие двусторонней субъективной связи между исполнителем и содействующими ему лицами. Указанные деяния, хотя и не создают соучастия в преступлении, но обладают достаточно высокой общественной опасностью, которая многократно возрастает в случае, если они направлены на совершение террористических актов, что требует адекватного уголовно-правового реагирования. В международном уголовном праве отмеченная недостаточность классического института соучастия компенсируется посредством конструирования антитеррористических уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие sui generis (особого рода). Таким образом, международное право служит значимым ориентиром для самостоятельной криминализации соучастных деяний, образующих инфраструктуру терроризма, в российском уголовном законодательстве.*

Научная и практическая значимость. *Выводы, представленные в статье, способствуют развитию учения о соучастии в преступлении и создают теоретические основы для противодействия террористическим преступлениям.*

Ключевые слова: *терроризм, соучастие в преступлении, соучастие особого рода.*

Как известно, специфика террористической деятельности заключается в ее групповом и организованном характере: «Террористические акты, как правило, осуществляются группами или организациями, или лицами, действующими от их имени или каким-то образом связанными с ними» [1, p. 937]. И даже так называемый «посторганизованный» терроризм (терроризм «одиночек»), о котором периодически упоминается в криминологической литературе (в основном зарубежной [2, p. 1191–1200]), при детальном рассмотрении оказывается тесно связан с криминальной деятельностью террористических объединений (по каналам идеологической «обработки», вербовки, подготовки и т.п.). Учитывая это обстоятельство, становится очевидным, что уголовно-право-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-65-74

вое противодействие терроризму невозможно без использования нормативных предписаний института соучастия в преступлении.

Сравнительно-правовые исследования демонстрируют наличие несовпадающих подходов к построению института соучастия даже в тех государствах, которые относятся к одной правовой семье, не говоря уже о странах, принадлежащих к различным правовым традициям (общего и континентального права). Поэтому в рамках настоящей статьи мы сосредоточим внимание на общих закономерностях института соучастия в преступлении в преломлении к преступлениям, которые способствуют совершению террористических актов. И в первую очередь обратимся к изучению международно-правовых стандартов криминализации террористических преступлений, которые отражают универсальные подходы международного сообщества к уголовно-правовому противодействию терроризму.

Как неоднократно отмечалось, секторальные антитеррористические конвенции ООН обязывают национальные государства криминализовать в своем внутреннем уголовном законодательстве определенные террористические деяния. Причем во всех универсальных конвенциях, содержащих требования о криминализации, особо оговаривается необходимость установления ответственности за соучастие в преступлении *(п. «b» ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., подп. «b» п. 2 ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г., подп. «e» п. 1 ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г., подп. «b» п. 2 ст. 1 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г., подп. «b» п. 2 ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и др.)*.

Анализ международных актов, образующих правовую основу борьбы с терроризмом, демонстрирует тенденцию к последовательному расширению нормативных оснований ответственности соучастников соответствующих преступлений. Так, например, положения Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. распространяются только на соучастников преступления на борту воздушного судна в полете. Иными словами, Конвенция признает соучастником террористического преступления лишь то лицо, которое оказывает содействие исполнителю «здесь и сейчас». Однако в последующем наблюдается отход от этой крайне узкой трактовки соучастия. Сфера действия принятой в 1971 г. Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, была расширена, с тем чтобы криминализовать деяния соучастников преступления, где бы они ни находились *(см.: Руководство по осуществлению законодательства по универсальному правовому режиму против терроризма. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf)*.

Расширение международно-правовой трактовки института соучастия прослеживается и в части регламентации видов соучастников, подлежащих уголовной ответственности за совершенные террористические акты. Если в первых антитеррористических конвенциях, принятых в 1960–1970 гг., к соучастникам преступления отнесены лишь подстрекатель и пособник, то в последующих международных договорах в сфере борьбы с терроризмом зафиксирована обязанность государств-участников установить во внутреннем законодательстве ответственность организаторов соответствующих террористических деяний. Ответственность организатора террористических преступлений на конвенционном международном уровне впервые предусмотрена в Конвенции о физической защите ядерного материала 1979 г. В подп. «a»–«h» п. 1 ст. 7 указанной Конвенции перечислены деяния, которые требуют криминализации (незаконный оборот ядерного материала, его хищение, вымогательство, контрабанда, воздействие на ядерную установку, угрозы неправомерного использования ядерного материала, покушение на указанные деяния), в подп. «i» содержится традиционное указание на наказуемость соучастия в перечисленных деяниях. При этом в подп. «j» предписано установить уголовную ответственность за «действие любого лица, которое организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из правонарушений, указанных в подпунктах a)–h)», а в подп. «k» — за «действие, которое способствует совершению какого-либо из правонарушений, указанных в подпунктах a)–h), группой лиц, действующих с общей целью», при условии, что «такое действие является преднамеренным и совершается: i) либо в целях поддержки преступной деятельности или преступных целей этой группы, когда такая деятельность или цель предполагает совершение одного из правонарушений, указанных в подпунктах a)–g); ii) либо при осознании умысла этой группы совершить одно из

правонарушений, указанных в подпунктах a)–g)». *(«Конвенция о физической защите ядерного материала» (Вместе с «Уровнями физической защиты, применяемой при международной перевозке ядерного материала», «Классификацией ядерного материала») (Заключена в г. Вене 26 октября 1979 г.))*.

В последующем предписания о криминализации организаторских действий включены в п. 3 ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.: «Любое лицо также совершает преступление, если оно: *a*) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи; или *b*) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи; или *c*) любым другим образом способствует совершению одного или более преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи...».

Признавая важность отмеченных трансформаций института соучастия в преступлении по международному уголовному праву, нельзя не отметить, что его адаптация для целей борьбы с терроризмом имеет свои пределы, связанные, в первую очередь, с акцессорной природой соучастия. В кратком изложении суть акцессорной теории соучастия заключается в том, что соучастники, непосредственно не выполняющие объективную сторону преступления (подстрекатель, пособник, организатор), признаются акцессорными (от лат. *accessorium* — дополнительный, несамостоятельный), т.е. дополнительными, второстепенными соучастниками, вследствие чего их ответственность «привязывается» к ответственности исполнителя преступления.

Акцессорная модель соучастия, а также составляющие ее правила квалификации неоднократно анализировались в уголовно-правовой литературе [3, с. 27–30; 4, с. 29–34; 5, с. 102–112; 6, с. 120–126] и хорошо известны специалистам, что избавляет нас от их детального рассмотрения. Обозначим лишь ключевые позиции, отражающие сущность акцессорной ответственности соучастников:

— поскольку основным соучастником и «главным виновником» признается исполнитель преступления, то его отсутствие исключает соучастие как таковое. Следовательно, если преступление (хотя бы неоконченное) не совершено, если его исполнение по тем или иным причинам не состоялось, то организаторские, подстрекательские, пособнические действия не образуют соучастия в преступлении;

— ответственность акцессорных, второстепенных соучастников «привязывается» к ответственности исполнителя преступления. Эта «привязка» может быть иметь разные проявления: при ограниченной акцессорности она выражается главным образом в квалификационной зависимости (при этом наказание соучастников индивидуализируется с учетом их вклада в преступление), а при так называемой «строгой» акцессорности ответственность иных соучастников связана с ответственностью исполнителя не только в части квалификации, но и в части наказания.

Несмотря на известные различия правовых систем, относящихся к традициям общего и континентального уголовного права, в них имплементированы сходные по своей сути акцессорные правила уголовно-правовой оценки соучастия в преступлении. Обращая внимание на это обстоятельство, разработчики Руководства по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом указывают, что «в большинстве национальных законодательств соучастник наказывается лишь в том случае, если преступник совершил основное преступление и/или на него также налагается наказание». По этой причине «статьи уголовных кодексов, касающиеся соучастия, зачастую оказываются недостаточными для квалификации финансирования терроризма как преступления» *(см.: Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf)*. Так, например, в Германии в силу акцессорности соучастия ответственность подстрекателя наступает лишь при условии, что в результате подстрекательских действий исполнитель совершил хотя бы покушение на преступление. Если же посягательство на правоохраняемое благо не состоялось, то соучастие не образуется, поскольку отсутствовал исполнитель преступления [7, с. 602–603]. На тех же позициях базируется институт соучастия в уголовном праве Франции: в силу требований акцессорной доктрины соучастия, таковое возникает, если исполнитель совершил противоправное деяние или хотя бы начал его совершать [8, p. 473]. Акцессорные правила ответственности второстепенных соучастников преступления содержатся и в английском уголовном праве, о чем свидетельствует требование совершения преступления исполнителем или, как минимум, *actus reus* преступления: в отсутствие совершенного *actus reus* преступления (или покушения на последнее) лицо может быть осуждено при наличии к тому оснований только за неоконченную преступную деятельность (например, за сговор), но не за соучастие в преступлении [9, с. 78–79; 10, с. 22].

Не является исключением в этом плане и российское уголовное право. В отечественной уголовно-правовой доктрине подчеркивается, что множественность субъектов как обязательный признак соучастия в преступлении предполагает, что «как минимум один из субъектов, совместно участвующих в совершении преступления, должен выполнять функции исполнителя. Отсутствие исполнителя преступления исключает наличие соучастия, даже если иными лицами были совершены умышленные совместные действия, направленные на совершение умышленного преступления» [11, с. 173].

Эти же акцессорные правила заложены во все универсальные антитеррористические конвенции, принятые в 1963–1997 гг. Так, например, в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников указано, что лицо совершает преступление, если оно «принимает участие в качестве сообщника любого лица, которое совершает или пытается совершить (выделено мною. — *Д.Б.*) акт захвата заложников» (подп. «b» п. 2 ст. 1). *(«Международная конвенция о борьбе с захватом заложников» (Заключена в г. Нью-Йорке 17 декабря 1979 г.))* Таким образом, для признания лица соучастником в захвате заложников требуется, чтобы это преступление было исполнено. В противном случае, то есть при отсутствии лица, которое «совершает или пытается совершить» захват заложников, соучастие не возникает, следовательно, нет и оснований для привлечения к ответственности лиц, фактически выполнявших функции «сообщника».

Предельно четко это акцессорное положение отражено в Руководстве по осуществлению законодательства по универсальному правовому режиму против терроризма. Комментируя положения Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., предусматривающие ответственность соучастников, представители Управления ООН по наркотикам и преступности отмечают, что «по условиям пункта 3 *c)* статьи 2 Конвенции о бомбовом терроризме данная норма подлежит применению только при совершении преступления» *(см.: Руководство по осуществлению законодательства по универсальному правовому режиму против терроризма. Управление Организации Объединенных Наций по* наркотикам и преступности. *(URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf)*. На этом основании в руководящих документах ООН констатируется, что антитеррористические конвенции и протоколы о борьбе с терроризмом, принятые в 1963–1997 гг., «предусматривают главным образом уже совершенные уголовные преступления», что исключает ответственность несостоявшихся «соучастников» *(см.: Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2006 (п. 14))*. Причем исключает практически полностью, поскольку международные конвенции (по крайней мере, универсального характера), как правило, не предусматривают ответственности за приготовление к преступлению.

В российском уголовном праве этот пробел частично компенсируется за счет института неоконченного преступления. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ нерезультативное склонение к совершению преступного деяния образует состав приготовления к соответствующему преступлению. Аналогичным образом (т.е. как приготовление к преступлению) квалифицируются и неудавшиеся организаторские и пособнические действия, которые не привели к исполнению преступления. Однако вполне очевидно, что подобная квалификация не способна адекватно отразить высочайшую общественную опасность деяний, направленных на организацию террористических нападений, подстрекательство к ним и способствование их совершению, что формирует «спрос» на альтернативные средства уголовно-правового воздействия.

Область действия института соучастия в преступлении лимитирует еще одно обстоятельство, относящееся к субъективной стороне (*mens rea*) действий соучастников. Соучастие может быть констатировано лишь при условии единства умысла соучастников: «Каждый из соучастников осознает, что совершает преступление совместно хотя бы с одним лицом, способным нести уголовную ответственность (двусторонняя субъективная связь). ... Если же преступный результат объективно достигается совместными усилиями нескольких лиц, однако осознает данное обстоятельство только один из участников содеянного (например, одно лицо, зная о намерении другого совершить убийство, подбрасывает ему оружие), соучастие в преступлении отсутствует» [11, с. 175]. Только двусторонняя субъективная связь между соучастником (подстрекателем, пособником, организатором) и исполнителем преступления дает основания для квалификации преступления как общего, а, следовательно, и как совершенного в соучастии [12, с. 51; 13, с. 15; 14, с. 218–219; 15, с. 70].

Применительно к соучастию в террористических преступлениях этот подход имеет международно-правовое основание. Требование о двусторонней субъективной связи соучастников преступления зафиксировано на конвенционном уровне. В частности, в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. предписания об ответственности соучастников преступления сопровождаются следующей оговоркой: «Такое содействие должно оказываться умышленно и либо в целях поддержки общего характера преступной деятельности или цели группы, или же с осознанием умысла группы совершить соответствующее преступление или преступления» (подп. «c» п. 3 ст. 2).

В уголовно-правовой доктрине справедливо отмечается, что «единство умысла соучастников можно констатировать лишь там, где происходит совпадение интеллектуально-волевых процессов (намерений, осознания, предвидения, желаний) взаимодействующих субъектов. ... Проще говоря, единый умысел соучастников — это “зона пересечения” их личных умыслов, которая возникает на основании соглашения соучастников. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает только в этой “зоне” применительно к общему для всех преступному деянию, согласованному всеми лицами» [16, с. 66]. К сказанному следует добавить, что общность умысла соучастников предполагает осознание всеми ими видовых характеристик совместно совершаемого преступления — объекта посягательства, сущности деяния, характера причиняемых последствий. В противном случае соучастие отсутствует: если лицо было непосредственно причастно к преступной деятельности, но не имело представления о том, какому именно преступлению оно способствует, его нельзя считать соучастником. Как отметил Верховный Суд Российской Федерации в решении по конкретному делу, «пособник, оказывая содействие исполнителю преступления, должен сознавать, какое совершается преступление, в котором он исполняет роль соучастника» (постановление № 609п2002 по делу Цуцкиридзе и Воронцова *(Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2002 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 7)*.

Однако проблема состоит в том, что деяния, направленные на совершение террористических актов другими лицами, зачастую не соответствуют этим субъективным признакам соучастия в преступлении. Деяния, образующие инфраструктуру терроризма, отличаются сложностью, технологичностью; они осуществляются в условиях конспирации, с использованием приемов манипуляции и «социальной инженерии», нередко в дистанционном формате, в отсутствие прямого контакта между субъектами террористической деятельности. Так, вербовка исполнителей террористических нападений, как правило, происходит с использованием идеологической обработки и обмана, в режиме «*step by step*», когда объекту вербовки вначале предлагается присоединиться к группе «единомышленников», участвовать в их собраниях, пройти подготовку, совершить ненасильственные действия, направленные на обеспечение функционирования террористического объединения, выполнение его задач, и лишь затем следует предложение принять участие в совершении террористического акта (причем, чаще всего, без какой-то конкретики). Нередко исполнителей терактов просто обманывают, используют «вслепую», что исключает единство умысла и, как следствие, соучастие в преступлении.

Не прослеживаются субъективные признаки соучастия в преступлении и при совершении значительного массива деяний, направленных на финансирование и иное материально-техническое оснащение (включая вооружение) субъектов террористической деятельности, а также их подготовку. Специалисты отмечают, что «лица, снабжающие террористов предметами вооружения (на возмездной или безвозмездной основах), по соображениям конспирации часто не ставятся в известность о том, где и когда будут применены соответствующие предметы. Задача поставщиков вооружения заключается лишь в том, чтобы предоставить террористам оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства; знать же планы террористов относительно применения предметов вооружения им вовсе не обязательно. Это в полной мере относится и к инструкторам, осуществляющим подготовку членов террористических групп (обучение их навыкам обращения с оружием, минно-взрывного дела, диверсионной деятельности и т.п.), которые могут и не знать (и, как правило, действительно не знают), где и при каких обстоятельствах обучающиеся будут применять полученные знания, умения, навыки. Аналогичным образом обстоит дело и с лицами, осуществляющими финансирование терроризма. Террористическая деятельность в России во многом финансируется за счет денежных средств иностранных организаций и граждан (подданных), которые в большинстве случаев не имеют представления

о том, как именно (т.е. для совершения каких конкретно преступлений террористического характера) будут использованы соответствующие средства» [17, с. 45–46]. При таких обстоятельствах двусторонняя субъективная связь между взаимодействующими субъектами и общность их умысла отсутствуют, что опять же исключает возможность уголовно-правовой оценки соответствующих инфраструктурных деяний с позиции института соучастия в преступлении.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что положения об акцессорной ответственности соучастников и единстве их умысла с неизбежностью ограничивают сферу применения института соучастия в преступлении к деяниям, образующим инфраструктуру терроризма. За ее пределами, в частности, остаются: так называемое «неудавшееся соучастие», то есть организационная, подстрекательская, пособническая деятельность, которая не завершилась исполнением террористического акта (нападения); различные формы содействия совершению террористических преступлений, осуществляемые с неопределенным умыслом, в отсутствие двусторонней субъективной связи между исполнителем и содействующими ему лицами. Указанные деяния, хотя и не создают соучастия в преступлении, но обладают достаточно высокой общественной опасностью, которая многократно возрастает в случае их направленности на совершение террористических актов, что требует адекватного уголовно-правового реагирования.

Теоретически преодолеть отмеченную недостаточность института соучастия в преступлении можно либо посредством отказа от положений акцессорного соучастия и построения этого института на основе доктрины персональной (личной) ответственности соучастников, либо за счет конструирования самостоятельных нормативных оснований уголовной ответственности за деяния, создающие условия и возможности для совершения террористических преступлений другими лицами, то есть норм об ответственности за соучастие sui generis (особого рода).

В международном уголовном праве, как известно, реализован второй подход, предполагающий криминализацию инфраструктурных террористических деяний в качестве самостоятельных преступлений, акцессорно не связанных с непосредственным исполнением насильственных террористических нападений. Первым международным актом, в котором предусмотрена обязанность государств установить ответственность за соучастие «особого рода» в террористических актах, стала Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. Конвенция «разорвала» акцессорную связь финансирования с исполнением перечисленных в ней насильственных террористических преступлений, установив за это деяние самостоятельную ответственность. В п. 3 ст. 2 Конвенции подчеркивается: «Для того чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1, не обязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения преступления». Иными словами, ответственность должна наступать за само финансирование терроризма, даже если средства не дошли до получателя (террористического объединения, его руководителя или участника) и даже если финансирование оказалось нерезультативным, то есть не привело к непосредственному совершению (исполнению) террористического акта. Таким образом, Конвенция активизировала раннепревентивный потенциал уголовно-правовых запретов и существенно расширила основания уголовной ответственности лиц, содействующих террористическим нападениям посредством финансирования.

Этому способствовала и широкая трактовка признаков финансирования терроризма, выработанная в практике международных организаций: «Рекомендация 5 ФАТФ и пояснительная записка к ней ... требуют от государств криминализировать финансирование террористических организаций и отдельных террористов более широко, даже при отсутствии связи с конкретным террористическим актом или актами. Это обязательство подтверждается в пункте 17 резолюции 2253 (2015) и пункте 18 резолюции 2368 (2017), где Совет отмечает, что рекомендация 5 касается финансирования террористических организаций или отдельных террористов в любых целях, включая (но не ограничиваясь этим) вербовку, обучение или поездки, даже если отсутствует связь с каким-либо конкретным террористическим актом. В пункте 5 резолюции 2462 (2019) Совет постановляет, чтобы уголовная ответственность за умышленное финансирование террористических организаций или отдельных террористов для любых целей устанавливалась даже в отсутствие связи с каким-либо конкретным террористическим актом» *(см.: Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций (п. 39): приложение к Письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27 декабря 2019 г. на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf).*

Впоследствии нормативная конструкция соучастия *sui generis*, успешно апробированная в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., была «масштабирована» и применена в целях уголовно-правового противодействия иным деяниям, образующим инфраструктуру терроризма — вербовке террористов, их обучению, совершению поездок с террористическими целями, оказанию поддержки в совершении террористических актов. В резолюциях Совета Безопасности ООН, универсальных и региональных антитеррористических конвенциях особо оговаривается, что соответствующие инфраструктурные деяния признаются самостоятельными преступлениями и наказываются вне зависимости от того, было ли совершено «основное» террористическое преступление, совершению которого лицо оказывало содействие.

Таким образом, следует констатировать, что международное право служит значимым ориентиром для самостоятельной криминализации соучастных деяний, образующих инфраструктуру терроризма, в российском уголовном законодательстве.

Выполняя свои международные обязательства в области борьбы с терроризмом, Российская Федерация имплементировала во внутригосударственное уголовное законодательство большинство международно-правовых норм об ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, включая нормы о соучастии sui generis.

В настоящее время арсенал уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие особого рода в совершении террористических преступлений представлен ст. 205.1, 205.2 УК РФ, ч. 1 ст. 208 УК РФ (в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования), которые предусматривают самостоятельную ответственность за организаторские, подстрекательские, пособнические действия, выступающие в качестве инфраструктуры иных террористических деяний.

В отличие от положений Общей части УК РФ, составляющих институт соучастия, антитеррористические нормы об ответственности за соучастие *sui generis* построены на началах самостоятельной ответственности соучаствующих субъектов, что дает целый ряд преимуществ в плане раннего уголовно-правового предупреждения и проактивного правоприменения.

Во-первых, для применения самостоятельных норм о соучастии в террористических преступлениях не нужно дожидаться, чтобы исполнитель совершил преступление, тогда как классическое соучастие невозможно без исполнения общего для всех соучастников преступного деяния. Так, например, в рамках «стандартной» модели, изложенной в главе 7 УК РФ, неудавшееся подстрекательство к совершению террористического акта нельзя признать соучастием в преступлении; его следует квалифицировать как приготовление к преступлению (ч. 5 ст. 34 УК РФ), что вдвое сокращает санкцию (ч. 2 ст. 66 УК РФ). А ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ позволяет квалифицировать те же подстрекательские действия как самостоятельное оконченное преступление вне зависимости от их результативности, что отражает базовую идею теории личной ответственности соучастников преступления, согласно которой каждый из них несет ответственность за свои действия. Таким образом, нормативные предписания о «специальном» подстрекательстве дают возможность применять уголовно-правовую репрессию в полном объеме на ранних стадиях криминальной активности, не дожидаясь исполнения преступления.

Во-вторых, достоинство самостоятельных норм об ответственности лиц, осуществляющих организаторские, подстрекательские, пособнические функции, заключается в том, что они преодолевают «стадийную» акцессорную зависимость квалификации деяний соучастников, характерную для классического соучастия [4, с. 29–34]. Согласно общей норме, изложенной в ч. 5 ст. 34 УК РФ, в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Получается, что если преступное деяние по независящим от исполнителя причинам не доведено до конца, то действия организатора, подстрекателя, пособника должны квалифицироваться как соучастие в неоконченном преступлении, хотя их усилия направлены на совершение преступления оконченного *(практическое применение этого правила см.: апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 г. № 51-АПУ13-4; определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2016 г. № 5-УД 15–82*). Квалификация соучастных деяний, перечисленных в ст. 205.1 и 205.2 УК РФ, подчиняется иному правилу: они признаются юридически оконченными преступлениями уже с момента их совершения, вне зависимости от завершенности или незавершенности «главного» деяния и, более того, даже в отсутствие такового. Нормы о соучастии *sui generis* не увязывают уголовно-правовую оценку соучастных деяний с ква-

лификацией исполнительских действий (в том числе, с их завершенностью), а переносят акцент на личные действия соучастника: как только соучастник выполнил свою «криминальную функцию», соучастие «особого рода» образует оконченный состав преступления, что также «работает» на реализацию задачи раннего уголовно-правового предупреждения.

Причем подобный акцент на самостоятельную уголовно-правовую оценку действий каждого соучастника, «оторванную» от квалификации исполнительских действий, имеет прочный международно-правовой фундамент: резолюции Совета Безопасности ООН 1373 (2001), 1624 (2005), 2178 (2014), 2354 (2017), 2396 (2017) требуют того, чтобы государства — участники ООН предусмотрели уголовную ответственность за вербовку террористов, подстрекательство к террористическим актам, их планирование, финансирование терроризма и оказание поддержки террористам, предоставление им обучения как за самостоятельные преступления, которые должны преследоваться вне зависимости от того, совершено насильственное террористическое преступление или нет. Того же требуют универсальные антитеррористические конвенции, например Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., а также региональные международные акты. Так, например, в ст. 8 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. особо подчеркивается принцип «независимости от фактического совершения террористического преступления», в силу которого «для того, чтобы деяние составило преступление, указанное в статьях 5–7 настоящей Конвенции *(публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка террористов, подготовка террористов. — Д.Б.)*, необязательно фактическое совершение террористического преступления».

В-третьих, самостоятельные составы соучастия в террористических преступлениях не предполагают столь строгих субъективных оснований уголовной ответственности, которых требует классическое соучастие. Так, для вменения состава финансирования терроризма (ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) достаточно осознания того, что средства «предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений». Конкретизация умысла не требуется даже в части базовых характеристик финансируемого преступления (исполнители, время, место, способ совершения) и вида террористического объединения (террористическое сообщество, террористическая организация или НВФ). Для привлечения «финансиста» к ответственности достаточно того, чтобы он понимал, что деньги или иные средства предоставлены субъектам террористической деятельности, тогда как для признания его соучастником конкретного преступления этого явно мало.

Различие между «общим» и «специальным» соучастием отчетливо можно проследить и на примере такого деяния, как обучение лица в террористических целях. Задача инструктора заключается в том, чтобы научить человека, примкнувшего к террористической группе, обращению с огнестрельным оружием (разборка, сборка, обслуживание) и стрельбе, способам изготовления взрывного устройства и приведения его в действие. На этом этапе применить положения ч. 5 ст. 33 УК РФ о пособничестве невозможно, поскольку преступление, для которого осуществляется обучение, еще не совершено, да и к тому же у инструктора и обучающегося, как правило, нет единства умысла на совместное совершение конкретного преступного деяния. Но это не препятствует применению ст. 205.1 УК РФ — для констатации состава обучения вполне хватает осознания инструктором того, что обучение осуществляется в террористических целях.

Таким образом, имеются убедительные основания для того, чтобы констатировать: институт соучастия в преступлении, предусмотренный Общей частью УК РФ, и нормы о соучастии *sui generis,* это разные по назначению, содержанию, порядку применения нормы.

Литература

1. *Cassese A.* (2008). International Criminal Law, 2-nd edition. Oxford: Oxford University Press.

2. *Schuurman B., Bakker E., Gill P., Bouhana N.* Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis // Journal of Forensic Sciences. July 2018, Vol. 63, No. 4. P. 1191–1200.

3. *Пушкин А. В.* Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. 2001. № 3. С. 27–30.

4. *Ображиев К. В.* Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8 (982). С. 29–34.

5. *Пудовочкин Ю. Е.* Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8(260). С. 102–112.

6. *Украинчик А. В.* Основания акцессорности в российской конструкции соучастия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 120–126.

7. *Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2013.

8. *Pradel J.* Droit penal. T. 1. Paris, 1997.

9. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001.

10. *Есаков Г. А.* Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д -ра юрид. наук. М., 2007.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Том 1. Общая часть / под науч. ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М.: Проспект, 2023.

12. *Тельнов П. В.* Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974.

13. *Дядькин Д. С.* Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

14. Квалификация преступлений: учеб. пособ. / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М.: Юритинформ, 2016.

15. *Некоз А. С.* Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

16. *Гюлбанкян А. А.* Эксцесс исполнителя и других соучастников преступления: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.

17. *Докуев А. А.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.

References

1. *Cassese A.* (2008). International Criminal Law, 2-nd edition. Oxford: Oxford University Press.

2. *Schuurman B., Bakker E., Gill P., Bouhana N.* Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis // In *Journal of Forensic Sciences.* July 2018, Vol. 63, No. 4. P. 1191–1200.

3. *Pushkin A. V.* Principy akcessornoj i samostojatel'noj otvetstvennosti souchastnikov prestuplenija [Principles of accessory and independent liability of accomplices to a crime] // In *Zakonnost' [Legality].* 2001. № 3. S. 27–30. (In Russian)

4. *Obrazhiev K. V.* Vlijanie rezul'tatov ugolovno-pravovoj ocenki dejstvij (bezdejstvija) ispolnitelja na kvalifikaciju dejanij inyh souchastnikov prestuplenija [The influence of the results of criminal-legal assessment of the actions (inactions) of the perpetrator on the qualification of the acts of other accomplices to a crime] // In *Zakonnost' [Legality].* 2016. № 8 (982). S. 29–34. (In Russian, abstract in English)

5. *Pudovochkin Yu. E.* Koncepcija souchastija: opyt teoreticheskoj razrabotki i normativnogo zakreplenija [The concept of complicity: experience of theoretical development and normative consolidation] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law].* 2018. № 8(260). S. 102–112. (In Russian, abstract in English)

6. *Ukrainchik A. V.* Osnovanija akcessornosti v rossijskoj konstrukcii souchastija [Grounds of accessory in the Russian construction of complicity]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (88). S. 120–126. (In Russian, abstract in English)

7. *Frister G.* Ugolovnoe pravo Germanii. Obshhaja chast' [Criminal law of Germany. General part]. 5-e izd. M.: Infotropik Media, 2013.

8. *Pradel J.* Droit penal. T. 1. Paris, 1997.

9. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. Obshhaja chast' [Criminal law of foreign states. General part] / pod red. i s predisl. I. D. Kozochkina. M.: IMPJe im. A. S. Griboedova, 2001.

10. *Esakov G. A.* Uchenie o prestuplenii v stranah sem'i obshhego prava [The doctrine of crime in common law countries]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2007.

11. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 3 t. Tom 1. Obshhaja chast' [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 3 volumes. Volume 1. General part] / pod nauch. red. K. V. Obrazhieva, N. I. Pikurova. M.: Prospekt, 2023.

12. *Tel'nov P. V.* Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii [Responsibility for complicity in a crime]. M.: Jurid. lit., 1974.

13. *Djad'kin D. S.* Sovershenstvovanie ugolovno-pravovogo instituta souchastija v prestuplenii [Improvement of the criminal-legal institution of complicity in a crime]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002.

14. Kvalifikacija prestuplenij: ucheb. posob. [Qualification of crimes: textbook] / pod red. K. V. Obrazhieva, N. I. Pikurova. M.: Yurlitinform, 2016.

15. *Nekoz A. S.* Ugolovnaja otvetstvennost' za podstrekatel'stvo k prestupleniju [Criminal liability for incitement to a crime]: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019.

16. *Gjulbankjan A. A.* Jekscess ispolnitelja i drugih souchastnikov prestuplenija: problemy ugolovno-pravovoj teorii i pravoprimenitel'noj praktiki [Excess of the perpetrator and other accomplices to a crime: problems of criminal-legal theory and law enforcement practice]: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2024.

17. *Dokuev A. A.* Ugolovnaja otvetstvennost' za sodejstvie terroristicheskoj dejatel'nosti: monografija [Criminal liability for assistance to terrorist activity]. M.: Yurlitinform, 2016.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Бимбинов Арсений Александрович

Цель: *обосновать проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, с учетом современного состояния законодательства и правоприменительной практики, а также предложить варианты их решения.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Приводится детальный анализ статистических данных о преступлениях, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, и обосновывается вывод, что структура таких преступлений существенно изменилась за последние годы не столько в силу криминологических факторов, сколько в результате неоднократных реформ уголовного законодательства. В заключение предлагается концепция реформирования ст. 134 и 135 УК РФ, направленная на устранение правовой неопределенности, гармонизацию уголовно-правового регулирования и повышение эффективности защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних без избыточной криминализации.*

Научная и практическая значимость. *Особое внимание уделяется критике действующих норм, предусматривающих дифференциацию уголовной ответственности за ненасильственные половые преступления в зависимости от биологических и половых признаков участников, а также формы сексуального контакта. Доказывается, что такой подход не отражает реальной степени общественной опасности деяний. На основе анализа судебно-медицинских и психолого-психиатрических последствий различных форм сексуального воздействия на несовершеннолетних предлагается в качестве критерия для дифференциации ответственности использовать вероятность и тяжесть последствий для потерпевшего как объективный фактор общественной опасности.*

В работе также рассмотрены дискуссионные аспекты квалификации бесконтактных развратных действий, в том числе в свете примечания к ст. 131 УК РФ, которое нередко приводит к признанию таких деяний насильственными, несмотря на отсутствие физического контакта. Анализируются конкретные судебные дела, демонстрирующие несоразмерность санкций и нарушающие принципы справедливости и индивидуализации наказания.

Ключевые слова: *половая неприкосновенность, несовершеннолетний, половые преступления, сексуальные преступления, изнасилование, насильственные действия, сексуальный характер, сексуальные действия, развратные действия, половое сношение, мужеложство, развратные действия.*

Действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, как правило, образуют преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, ответственность за которые предусмотрена ст. 131–135 (глава 18) УК РФ. По данным Главного

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-75-82

информационно-аналитического центра МВД России за последние 18 лет (смена поколения в XXI в.) регистрируемое количество таких преступлений существенных изменений не претерпело (17 217 преступлений в 2008 г. и 17 547 преступлений в 2024 г.), однако структура преступности преобразилась кардинальным образом. Ниже представлена таблица, где указано количество преступлений, предусмотренных соответствующей нормой УК РФ, зарегистрированных в означенных отчетных годах.

Таблица

Статья УК РФ / год	2008	2012	2015	2020	2022	2024
ст. 131	6208	4486	3936	3535	3311	3104
ст. 132	4842	5590	6724	7433	7929	7036
ст. 133	108	74	82	236	222	194
ст. 134	4479	1852	4327	5319	4836	4175
ст. 135	1580	1770	1115	2192	2958	3038

Важно отметить, что столь существенные изменения в количестве совершенных изнасилований (ст. 131 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) и развратных действий (ст. 135 УК РФ) в основном обусловлены не криминологическими причинами, включая поведение виновных, а реформированием уголовного закона.

Наиболее существенные изменения произошли в 2009 г., когда отдельные квалифицированные составы перешли в категорию особо квалифицированных, ответственность за ненасильственные половые преступления стала дифференцироваться в зависимости от возраста потерпевшего, а санкции обзавелись дополнительными наказаниями *(Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // СПС «КонсультантПлюс»).* В 2012 г. ответственность в том числе и за ненасильственные посягательства в отношении несовершеннолетних была серьезным образом усилена, включая дополнение санкций за деяния, совершенные лицами, имеющими судимость за подобные посягательства, наказанием в виде пожизненного лишения свободы, и признание возраста до наступления двенадцати лет беспомощным состоянием *(Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс»).* Эти корректировки расставили акценты таким образом, что многие бесконтактные формы сексуального воздействия стали рассматриваться в качестве насильственных действий сексуального характера, а отдельные правонарушения или злоупотребления в качестве преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Наряду с иными законодательными преобразованиями глава 18 УК РФ с момента введения уголовного закона в действие подвергалась редакционной правке около десяти раз, однако основные проблемы уголовно-правовой оценки рассматриваемых деяний так и не удалось устранить.

К сожалению, дифференциация ответственности за действия сексуального характера, совершаемые с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, по-прежнему зависит не от характера и степени общественной опасности содеянного, а от половых признаков виновного и потерпевшего и формы их сексуального контакта.

Так, совершеннолетнему мужчине за пенильно-вагинальный сексуальный контакт с девочкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, грозит наказание до четырех лет лишения свободы, поскольку такое деяние считается половым сношением и квалифицируется по ч. 1 ст. 134 УК РФ *(приговор Кошехабльского районного суда Республики Адыгея от 22 февраля 2023 г. по делу № 1-13/2023 // СПС «КонсультантПлюс»).* Любые другие ненасильственные действия сексуального характера, включая пенильно-анальный и пенильно-оральный сексуальные контакты, совершенные этим мужчиной с той же несовершеннолетней, рассматриваются в качестве развратных действий и квалифицируются по ч. 1 ст. 135 УК РФ *(постановление Хамовнического районного суда г. Москвы от 2 апреля 2021 г. по делу № 1-71/21 // СПС «КонсультантПлюс»),*

предусматривающей ответственность за преступление небольшой тяжести.

Если совершеннолетний мужчина вступает в пенильно-анальный сексуальный контакт с мальчиком, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, то ему грозит наказание вплоть до шести лет лишения свободы, так как содеянное образует мужеложство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 134 УК РФ *(приговор Нагатинского районного суда от 8 декабря 2020 г. по делу № 01-0607/2020 // СПС «КонсультантПлюс»)*. Любые другие действия сексуального характера, совершенные этим мужчиной с тем же несовершеннолетним, надлежит считать развратными действиями, которые максимально наказываются по ч. 1 ст. 135 УК РФ тремя годами лишения свободы *(кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-4361/2022 // Архив Второго кассационного суда общей юрисдикции)*.

Совершеннолетней женщине грозит шесть лет лишения свободы за любые действия сексуального характера, совершенные с девочкой, не достигшей шестнадцатилетнего возраста, поскольку подобные действия во всех случаях признаются лесбиянством и квалифицируются по ч. 2 ст. 134 УК РФ *(приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 19 марта 2014 г. по делу № 1-255-14 // Архив Якутского городского суда Республики Саха (Якутия))*. Если же эта женщина вступит в пенильно-вагинальный сексуальный контакт с мальчиком, не достигшим шестнадцати лет, то содеянное будет считаться половым сношением и наказываться максимально четырьмя годами лишения свободы в соответствии с ч. 1 ст. 134 УК РФ и тремя годами лишения свободы — за любые другие действия сексуального характера с тем же мальчиком согласно ч. 1 ст. 135 УК РФ.

Изложенное с очевидностью свидетельствует о несовершенстве существующего в законе подхода к дифференции уголовной ответственности за ненасильственные действия сексуального характера в отличие от, например, ответственности за насильственные половые преступления, нормы уголовного закона о которых устанавливают единые границы наказуемости полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера, совершенных с применением насилия, угрозой применения насилия или использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Дифференциацию уголовной ответственности логично проводить, учитывая вероятность и тяжесть последствий, которые могут наступить в результате преждевременного сексуального опыта ребенка.

В трудах отечественных ученых последствия ненасильственных сексуальных преступлений лишь изредка упоминаются. Например, авторы отмечают, что сексуальные посягательства против несовершеннолетних могут повлечь разрыв девственной плевы, разнообразные болезни, в том числе ВИЧ-инфекцию [1, с. 525], кроме того, действия сексуального характера с несовершеннолетними могут вызвать у потерпевшей беременность, различные неврозы и болезни полового аппарата [2, с. 291].

Последствия для здоровья несовершеннолетнего от действий сексуального характера являются объектом исследования медицинских работников, поэтому для изучения их этиологии и опасности для человека следует обращаться к медицинским источникам.

Основным документом в области судебно-медицинского исследования постсексуальных явлений являются Методические рекомендации «Методика проведения судебно-медицинской экспертизы живых лиц», утвержденные директором Российского центра судебно-медицинской экспертизы и рекомендованные к использованию Минздравом России *(письмо Минздрава России от 27 декабря 2024 г. № 30-7/И/2-26067 «Об использовании методических рекомендаций по проведению различных видов судебно-медицинских экспертиз» // СПС «КонсультантПлюс»)*. Данный акт характеризует последствия применительно к той либо иной форме действий сексуального характера.

Действия сексуального характера без проникновения в тело (интенсивные прикосновения к половым органам, трение половым членом о тело, мастурбация и другое), квалифицируемые по закону как развратные действия или лесбиянство, могут повлечь разнообразные неопасные поверхностные повреждения, например ссадины, кровоподтеки, кровоизлияния в области лобка, наружных половых органов, в промежности, на бедрах, груди, лице, шее и других частях тела. Интенсивные сексуальные контакты могут вызвать отек и гиперемию слизистых оболочек преддверья влагалища.

Действия сексуального характера с проникновением в тело (половое сношение, мужеложство, пенильно-анальный сексуальный контакт разнополых партнеров, действия сексуального характера с использованием фаллозаменяющих приспособлений и частей тела) могут повлечь как незначительные поверхностные повреждения, так и вызвать различные последствия органического и функционального характера, включая заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией, приводящие к стойкому расстройству здоровья,

психическим заболеваниям, утрате способности к совокуплению и зачатию. Характерными признаками пенильно-вагинального контакта (полового сношения), а также длительного и систематического совершения иных действий сексуального характера, квалифицируемых в качестве развратных действий (давления половым членом или манипуляций руками), являются зияние половой щели, воронкообразное углубление, атрофия и изменение цвета кожных покровов в области промежности, задней спайки и ладьевидной ямки. Пенильно-анальный сексуальный контакт (в том числе мужеложство) может являться причиной повреждений в области заднепроходного отверстия и прямой кишки (кровоподтеки, ссадины, надрывы и разрывы слизистой оболочки и другое), желудочно-кишечных заболеваний, сопровождающихся запорами или поносами, а также выпадения прямой кишки *(Методические рекомендации «Методика проведения судебно-медицинской экспертизы живых лиц», утвержденные Российским центром судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ. 2024 // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rcsme.ru/Expertise/method/%D0%9C%D0%A0_%D0%A1%D0%9C%D0%AD_%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D0%BB%D0%B8%D1%86.pdf)*.

Специалисты в области медицины, психологии и права отмечают, что так называемые «бесконтактные формы сексуального воздействия» на несовершеннолетних, к которым относятся, в частности, совершение сексуальных действий в присутствии ребенка, демонстрация порнографических материалов, а также ведение откровенных бесед на темы сексуального характера, представляют серьезную угрозу для нормального психического и нравственного развития личности подростка.

Согласно данным клинических наблюдений и анализа соответствующей научной периодики, подобные формы воздействия могут стать причиной ряда психопатологических нарушений, включая формирование сексуальной зависимости, развитие отчужденности от реальности, проявления немотивированной агрессии и гнева (вследствие восприятия сексуальности как проявления физической силы), социальной изоляции, трудностей в установлении межличностных контактов, страха перед интимной близостью, отвращения к сексу, а также дефицита навыков социального общения. К числу иных возможных последствий относятся расстройства сексуального влечения, навязчивое стремление к поиску сексуального партнера, а также дисморфофобия — расстройство, при котором индивид испытывает патологическую озабоченность реальными или мнимыми недостатками своей внешности.

Наряду с указанными психологическими последствиями, следует отметить и риски, связанные с нарушением нравственного становления личности несовершеннолетнего. Так, у пострадавших лиц могут наблюдаться признаки выраженного цинизма, повышенного эгоцентризма, искаженного мировосприятия, ориентации на телесные удовольствия, деформированного понимания сексуальности, утраты связи с понятием любви, духовности и семейных ценностей. В ряде случаев формируется либо чрезмерно либеральное отношение к сексуальным отношениям, либо их полное неприятие. Также фиксируются случаи повышенного сексуального интереса, игнорирования социальных и правовых норм, регулирующих половое поведение, а также закрепления девиантных моделей сексуального удовлетворения, противоречащих традиционным культурным и правовым установлениям.

Контактные формы сексуального воздействия на несовершеннолетних, включая действия сексуального характера с проникновением во влагалище, анальное отверстие либо ротовую полость, согласно результатам опросов медицинских специалистов, могут повлечь за собой не только вышеописанные психоэмоциональные и поведенческие нарушения, но и вызвать иные, нередко более тяжелые, последствия, затрагивающие физическое, психическое и нравственное развитие ребенка [3, с. 4–5].

Даже в тех случаях, когда сексуальные действия совершаются без проникновения в естественные полости тела, наблюдаются многочисленные негативные последствия. Медицинские работники указывают на риск формирования личностных девиаций, включая чувство вины, склонность к эгоцентризму, депрессивные состояния, инфантилизм, повышенную раздражительность и другие нарушения эмоционально-волевой сферы. Кроме того, фиксируются телесные повреждения в виде гематом, ссадин и других видов травматизации, а также нарушения физиологического характера, такие как преждевременное половое созревание и расстройства сексуальной функции [4].

В случаях совершения сексуальных действий с проникновением в естественные полости тела несовершеннолетнего перечень негативных последствий значительно расширяется. Помимо уже перечисленных нарушений, специалисты подчеркивают вероятность наступления подростковой беременности, а также развития тяжелых соматических и психических состояний. К ним, в частно-

сти, относятся: гормональные дисфункции (включая гиполибидемию), расстройства сексуальной идентичности и самоопределения, глубокие психотравмы, органические и функциональные повреждения половых органов, различные психические расстройства, а также высокая вероятность инфицирования заболеваниями, передающимися половым путем, включая венерические инфекции и ВИЧ-инфекцию [5].

Очевидно, что данные нарушения не исчерпывают всего круга возможных последствий сексуального воздействия на несовершеннолетнего, однако их достаточно для вывода о том, что сексуальные действия с проникновением в полости тела представляют бóльшую опасность для несовершеннолетнего, чем сексуальные действия без проникновения, которые в свою очередь более опасны, чем бесконтактные формы сексуального воздействия (бесконтактные развратные действия) в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Представляется, что этот вывод должен быть учтен при дифференциации уголовной ответственности за совершение ненасильственных половых преступлений. Уголовно-политическая (для конструирования норм УК РФ) оценка сексуальных действий должна основываться на возможных негативных последствиях для несовершеннолетнего потерпевшего, так как они (эти последствия) объективно отражают характер и степень общественной опасности ненасильственных действий сексуального характера.

Вместе с тем при принятии решений на законодательном уровне предлагаемые новые редакции ст. 134 и 135 УК РФ должны быть полно и всесторонне оценены и обсуждены профессиональным юридическим сообществом, чтобы не допустить создания ситуации, при которой уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних станет неадекватной либо заложенная в законе уголовная ответственность и репрессия при ее реализации перестанут отвечать конституционным, уголовно-правовым и уголовно-процессуальным принципам.

Некоторые законодательные преобразования главы 18 УК РФ, к сожалению, приводили к подобным ситуациям, например, дополнение ст. 134–135 УК РФ криминообразующим признаком о недостижении половой зрелости в соответствии с Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ *(Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс»)*. Обновленная этим же законом редакция ст. 131 УК РФ также оказалась несколько противоречивой.

До принятия указанного закона в главе о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности существовала четкая грань между насильственными и ненасильственными посягательствами. Разграничение по признаку применения насилия служило объективным критерием дифференциации ответственности за сексуальные преступления с учетом характера и степени их общественной опасности. Однако появившееся в результате рассматриваемой реформы примечание к ст. 131 УК РФ изменило это положение. Согласно закону изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера отныне являются любые сексуальные действия (в самом широком смысле), совершенные в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста.

Если применительно к половому сношению или мужеложству с ребенком позиция законодателя оправдана (эти действия даже без применения насилия представляют серьезную угрозу для столь юного организма и его психического и нравственного развития), то в отношении бесконтактных развратных действий данное правило вызывает вопросы. В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ совершение бесконтактных развратных действий, например демонстрация половых органов или интернет-переписка, в процессе которой направляются текстовые, графические, фото- или видеофайлы сексуального содержания, надлежит квалифицировать по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ как насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, предусмотренное наказание за которые сравнимо по строгости с наказанием за убийство несовершеннолетнего.

Ошибочно полагать, что строгость санкции прямо пропорциональна эффективности уголовно-правового противодействия общественно опасному поведению. Напротив, чрезмерное, избыточное наказание может влечь распространение деликта в случаях, когда виновному уже нечего терять либо он совершает новые, в том числе объективно более тяжкие преступления, скрывая событие или следы своего деяния в целях воспрепятствования своему изобличению. Уголовное право РСФСР знает подобные истории, связанные с ответственностью за половые преступления: начиная с 80-х гг. лица, совершившие изнасилование при особо опасном рецидиве либо совершившие изнасилование малолетней, дабы

избежать нового сурового наказания (смертную казнь, добавленную в санкцию ст. 117 УК РСФСР Указом Президиума ВС РСФСР от 7 мая 1980 г. *(Указ Президиума ВС РСФСР от 7 мая 1980 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс»),* убивали изнасилованных ими потерпевших.

Наказание должно соответствовать общественной опасности деяния, его пределы, указанные в санкции, должны быть соразмерны потенциалу причиняемого вреда, а также гармонизировать с наказуемостью других преступлений, схожих по характеру общественной опасности. Предусмотренные в действующей редакции УК РФ меры ответственности за бесконтактные развратные действия в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, не отвечают этим положениям, а также не позволяют индивидуализировать наказание в необходимых случаях.

Так, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой в том числе потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, совершенное в отношении малолетнего, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Похищение несовершеннолетнего максимально наказывается лишением свободы на срок до 12 лет (п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ), торговля несовершеннолетними — на срок до десяти лет (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ). При этом наказание за развратные действия в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, в соответствии с законом назначается на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы.

Скованные этими рамками санкции суды порой избирают лицам, виновным в таких действиях, наказания суровее, чем за убийства малолетних.

Так, приговором Кировского районного суда города Астрахани У. приговорен в том числе к 13 годам лишения свободы за текстовую переписку развратного характера в социальной сети с несовершеннолетним, не достигшим двенадцатилетнего возраста *(приговор Кировского районного суда города Астрахани от 28 марта 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс»)*. Приговором Сальского районного суда Ростовской области К. приговорен к 13 годам лишения свободы за отправление несовершеннолетнему, не достигшему двенадцатилетнего возраста, в мессенджере сообщения с материалом порнографического характера *(приговор Сальского районного суда Ростовской области от 10 сентября 2024 г. по делу № 1-12/2024 // СПС «КонсультантПлюс»)*. При этом наказания за убийства малолетних (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) нередко назначаются продолжительностью в восемь лет лишения свободы[1], девять лет и шесть месяцев лишения свободы[2], десять лет лишения свободы[3].

Кроме того, важно отметить, что взаимосвязанные положения примечания к ст. 131 и 134–135 УК РФ не в полной мере отвечают принципу правовой определенности. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия); неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты от произвольного уголовного преследования, осуждения и наказания *(постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян»; постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных право-*

[1] Приговор Верховного суда Республики Калмыкия от 20 декабря 2024 г. по делу № 2-6/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приговор Краснодарского краевого суда от 15 августа 2024 г. по делу № 2-53/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Новосибирского областного суда от 18 сентября 2024 г. по делу № 2-040/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

нарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова»; определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 323-О «По жалобе гражданина Газаряна Сурена Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

Несмотря на то что примечание к ст. 131 УК РФ уже было предметом проверки Конституционного Суда РФ, в ходе которой оно не было признано нарушающим конституционные права, его уголовно-правовой смысл, в том числе в части признания бесконтактных развратных действий и отдельных иных действий сексуального характера, совершаемых без применения насилия, насильственными действиями сексуального характера, продолжает вызывать вопросы у правоприменителей по всей стране *(приговор Светлогорского городского суда Калининградской области от 26 июля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс»).*

Таким образом, с учетом всего вышеизложенного представляется возможным рассмотреть вопрос о необходимости внесения изменений в действующие редакции примечания к ст. 131 и 134 УК РФ, которые повлияют в том числе на содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 135 УК РФ.

В качестве проекта для обсуждения предлагается следующая редакция.

«**Статья 131. Изнасилование**

...

Примечание. К преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 настоящей статьи, а также п. «б» ч. 4 статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей — пятой статьи 134 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

...

Статья 134. Действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста

1. Действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста,—

...

2. Действия сексуального характера с проникновением в тело в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста,—

...».

При этом ч. 2 ст. 135 для обеспечения системности УК РФ предлагается исключить.

Необходимость предлагаемых изменений в уголовном законодательстве обусловлена задачей дифференциации уголовной ответственности, а также стремлением к устранению терминологических несоответствий между наименованием ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее фактическим содержанием. Кроме того, действующая редакция статьи утрачивает актуальность в части перечисления отдельных форм сексуальных контактов (в частности, полового сношения, мужеложства, лесбиянства), что не только не отражает всей полноты содержания противоправных деяний, но и затрудняет правоприменительную практику.

Формальный подход к квалификации, основанный на ограниченном перечне действий сексуального характера, не учитывает иные, не указанные в нынешней редакции ст. 134 УК РФ, действия сексуального характера, что снижает эффективность уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. Более того, указание на конкретные формы сексуальных контактов представляется излишним и неуместным в контексте задач уголовного законодательства, направленного на защиту интересов ребенка.

В связи с этим предлагается перейти от перечневого способа описания противоправных деяний к использованию обобщающего понятия «действия сексуального характера», уже применяемого в ряде иных уголовно-правовых норм. Такой подход обеспечит большую юридическую определенность и устранит пробелы в квалификации деяний, выходящих за рамки установленного перечня.

В целях дифференциации уголовной ответственности в рамках предложенной редакции ст. 134 УК РФ предполагается разграничение действий сексуального характера в зависимости от наличия или отсутствия проникновения в тело потерпевшего. Учитывая повышенную общественную опасность деяний, сопряженных с проникновением в естественные полости тела, законодательно обоснованным представляется установление более строгой ответственности за указанные формы сексуального взаимодействия. Напротив, действия сексуального характера, не предполагающие физического проникновения, подлежат отдельной правовой оценке и должны квалифицироваться как менее опасные, но также наказуемые.

Такое структурное разграничение позволит не только унифицировать ответственность за все виды сексуальных действий, совершенных с проникновением, независимо от конкретной формы полового контакта, но и обеспечить правовую определенность в отношении иных действий сексуального характера.

В свою очередь, это повлечет за собой корректировку содержания ст. 135 УК РФ, которая должна быть ограничена исключительно бесконтактными формами развращающего воздействия на несовершеннолетних. При этом указанные деяния не должны квалифицироваться как насильственные преступления в соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ, поскольку объективно не содержат признаков насилия (не предполагают даже физического контакта).

Таким образом, предлагаемая реформа направлена на повышение эффективности уголовно-правового механизма защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также на устранение терминологических и квалификационных проблем, осложняющих правоприменительную практику.

Данный проект не предусматривает кардинальной либерализации уголовно-правовой политики в сфере противодействия посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Он лишь снижает избыточную репрессию отдельных норм в отношении лиц, не имевших прямого физического контакта с несовершеннолетним и, как правило, в принципе доступа к нему, проект направлен на гармонизацию действующего уголовно-правового регулирования рассматриваемых общественных отношений, его принятие обеспечит правоприменителю возможность дифференциации ответственности с учетом всех социально значимых факторов.

Литература

1. *Баев О. Я., Бебия З. Р., Борбат А. В., Гильмутдинов А. Р., и др.* Руководство для следователей / под ред. Мозякова В. В. М.: Экзамен, 2005. 912 с.

2. *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия. М.: Республика. 1996, 592 с.

3. *Бимбинов А. А.* Вред здоровью несовершеннолетнего как объективный критерий дифференциации уголовной ответственности за совершение с ним ненасильственных действий сексуального характера // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. Т. 59, № 2. С. 4–6.

4. *Marques N. M., Belizario G. O., de Almeida Rocca C. C., Saffi F., de Barros D. M., de Pádua Serafim A.* Psychological evaluation of children victims of sexual abuse: development of a protocol // Heliyon. Vol. 6. Issue 3, 2020, e03552, https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03552.

5. *Choi S. S., Yang S. B., Lim M. H., Lim J. Y., Kim K. M., Lee Y., Shim S. H., Kim M. S., Chang H. Y.* Psychological aftereffects experienced by sexually abused children: Psychopathological characteristics revealed by the K-CBCL // Medicine (Baltimore). 2023. Sep. 22. Vol. 102 (38), e34699, doi: 10.1097/MD.0000000000034699. PMID: 37747024; PMCID: PMC10519488.

References

1. *Baev O. Ya., Bebiya Z. R., Borbat A. V., Gil'mutdinov A. R. and others.* Rukovodstvo dlya sledovatelei [A Guide for Investigators] / ed. V. V. Mozyakov. M.: Ekzamen Publ., 2005, 912 p. (In Russian)

2. *Kraft-Ebing R. Polovaya psikhopatiya* [Sexual psychopathy]. M.: Respublika Publ., 1996. 592 p. (In Russian)

3. *Bimbinov A. A.* Vred zdorov'yu nesovershennoletnego kak ob''ektivnyi kriterii differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti za sovershenie s nim nenasil'stvennykh deistvii seksual'nogo kharaktera [Harm to the health of a minor as an objective criterion for differentiating criminal liability for committing non-violent acts of a sexual nature with him] // In *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza [Forensic medical examination]*. 2016. Vol. 59, № 2. P. 4–6. (In Russian)

4. *Marques N. M., Belizario G. O., de Almeida Rocca C. C., Saffi F., de Barros D. M., de Pádua Serafim A.* Psychological evaluation of children victims of sexual abuse: development of a protocol // *Heliyon*. Vol. 6. Issue 3, 2020, e03552, https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03552. (In English)

5. *Choi S. S., Yang S. B., Lim M. H., Lim J. Y., Kim K. M., Lee Y., Shim S. H., Kim M. S., Chang H. Y.* Psychological aftereffects experienced by sexually abused children: Psychopathological characteristics revealed by the K-CBCL // *Medicine (Baltimore)*. 2023. Sep. 22. Vol. 102 (38), e34699, doi: 10.1097/MD.0000000000034699. PMID: 37747024; PMCID: PMC10519488. (In English)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Голубев Станислав Игоревич, Талан Мария Вячеславовна, Покровский Игорь Рустемович

Цель: *основной целью данного исследования является всесторонняя характеристика составов преступлений, указанных в главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание в работе уделяется составам преступлений, субъектами которых выступают лица, находящиеся на правоохранительной службе. Кроме того, с целью совершенствования уголовного закона анализируется иностранный опыт урегулирования ответственности за данный вид преступлений.*

Методология: *формально-юридический, анализ, синтез, диалектический, системный, логический, сравнительно-правовой методы.*

Выводы. *Преступления, направленные против отношений, складывающихся в рассматриваемой сфере, обладают высокой степенью угрозы, поскольку они влекут за собой повышение уровня преступности и нигилистического отношения граждан к государству и праву.*

Научная и практическая значимость *работы заключается в возможности дальнейшего изучения рассматриваемой темы, базирующегося на сделанных в статье выводах. Практическая значимость работы заключается в том, что сделанные выводы могут лечь в основу изменений текущего законодательства.*

Ключевые слова: *преступления против правосудия, состав преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

Принятая в 1993 г. Конституция закрепила положение о том, что Российская Федерация является правовым государством *(Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ)*. В таком государстве должны признаваться, гарантироваться и охраняться права и свободы человека как от других лиц, так и самого государства. Воплощение в жизнь законодательно установленных прав и свобод служит фундаментом для полноценного развития индивидуума, его возможности целенаправленно воздействовать на социальные и государственные процессы, а также реализации его естественных, материальных, социальных и идеальных нужд. Судебная защита, являясь центральным юридическим инструментом, выполняет функции охраны прав и свобод и устранения преград, затрудняющих их осуществление.

Без сомнения, основной формой реализации судебной власти является отправление правосудия. В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, суд — это единственный орган, уполномоченный осуществлять данный вид деятельности. Часть 2 ст. 118 Конституции РФ выделяет конституционный, гражданский, арбитражный, административный и уголовный виды судопроизводства, отличающиеся материально-правовым содержанием, обуславливающим процедурные особенности.

Анализируя вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что под правосудием следует понимать систему действий, выполняемую имеющими на то полномочия специализированными органами государственной власти, т.е. судами, направленную на разрешение юридических конфликтов и вынесение по ним правовых решений

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-83-87

[1, с. 578]. Это регламентированный процессуальными нормами вид государственной деятельности, в ходе которого осуществляется судебная власть.

Изучая этимологию термина «правосудие», можно заметить его связь со словосочетанием «правый суд». Если главное слово имеет значение «мнения» или «заключения», а зависимое определяется как «стремящееся к справедливости, правде» [1, с. 578], то понятие «правый суд» означает «правдивый суд», то есть орган государства, «принимающий решение, направленное на преодоление спора, в согласии со своей совестью и законом». Платон считал, что рассматриваемый термин имеет значение «справедливого решения дела, спора» [2, с. 567]. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что «правосудие» базируется на положениях Конституции РФ и иных нормативных правовых актов. Оно характеризуется полной регламентацией процедуры и имеет цель честного и непредвзятого урегулирования конфликта с принятием по нему отвечающего началам законности и справедливости решения [3, с. 31–32].

В контексте обеспечения стабильности и безопасности Российской Федерации попытки нарушения существующей системы правосудия представляют собой одну из наиболее серьезных угроз, так как данный вид посягательств дезорганизует установленный законом порядок осуществления правосудия и значительно понижает эффективность деятельности, направленной на противодействие преступности, что может привести к усилению напряженности в обществе. Поэтому существует необходимость принятия решительных мер уголовно-правового характера, направленных на защиту судебной системы.

Вышеуказанные обстоятельства демонстрируют важность средств, направленных на защиту системы правосудия. Поэтому присутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее также — УК РФ) главы *(Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. т. 2954)*, нормы которой устанавливают уголовную ответственность за нанесение вреда отношениям, складывающимся в системе правосудия, представляется обоснованным.

Составы преступлений против правосудия имеют ряд особенностей:

1. Согласно ст. 20 УК РФ совершение преступления против правосудия возможно только лицами, возраст которых на момент совершения преступления составляет шестнадцать лет *(Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954)*. Отдельную категорию субъектов образуют лица, находящиеся на правоохранительной службе. Кроме того, субъектами преступления могут выступать иные лица, участвующие в уголовном процессе, а также лица, отбывающие наказание. Так, специальный субъект указан в следующих статьях УК РФ: 299–303, 305, 307, 308, 310, 311, ч. 1 ст. 312, 313–315 *(Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954)*.

Б. В. Здравомыслов по критерию субъекта преступления выделяет три группы [4, с. 436]:

1) преступления, которые совершаются работниками органов правосудия при выполнении возложенных на них функций (например, ст. 299, 300 УК РФ);

2) преступления, совершаемые лицами, в отношении которых применены меры правового принуждения (например, ст. 313, 314 УК РФ);

3) преступления, совершаемые лицами, обязанными по закону или в силу гражданского долга содействовать правосудию или не препятствовать его осуществлению (например, ст. 294, 295 УК РФ).

2. Субъективная сторона характеризуется исключительно умышленной формой вины, которая находит отражение через используемые законодателем грамматические приемы. Например, в описаниях преступлений содержатся такие формулировки, как «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»; «заведомо ложный донос о совершении преступления»; «вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

3. Обычно под объектом подразумеваются общественные отношения, на которые направлено посягательство. В науке существуют различные точки зрения по поводу установления объекта преступления против правосудия.

Ю. В. Радзевановская [5, с. 130] и Е. С. Иванов [6, с. 213] под объектом преступлений против правосудия понимают законную деятельность органов правосудия по реализации конституционных принципов осуществления государственной власти. Данная точка зрения представляется не совсем верной, поскольку таким образом сужается круг общественных отношений, охраняемых данной главой. Объект также содержит отношения, возникающие в связи с деятельностью иных правоохранительных органов, направленной на содействие осуществлению правосудия.

А. А. Пионтковский считал, что объектом является правильная деятельность по решению за-

дач и по достижению целей правосудия [7, с. 90]. Похожую дефиницию дал И. С. Власов, определяя объект преступлений против правосудия как «деятельность по осуществлению задач правосудия» [8, с. 7]. Представляется, что данные определения сформулированы нечетко, в связи с чем могут толковаться расширительно.

По мнению Б. В. Здравомыслова, объект составляет совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование органов правосудия [4, с. 436]. В данном определении упоминаются лишь отношения, выполняющие обеспечительную функцию, однако отсутствует указание на отношения, связанные с реализацией данной деятельности.

Ш. С. Рашковская определяла в качестве родового объекта правильную деятельность суда, органов дознания, следствия и прокуратуры, направленную на обеспечение охраны интересов государства и законных прав граждан от преступных посягательств [9, с. 8–9]. В данный список также стоит включить деятельность органов исполнения наказаний.

Сопоставляя эти точки зрения, можно сделать вывод о том, что объект составляет система общественных отношений, связанных с осуществлением регламентированной законом деятельности правоохранительных органов по осуществлению задач и целей правосудия.

В зависимости от непосредственных объектов можно провести классификацию следующим образом:

1) посягающие на отношения, связанные с реализацией конституционных принципов правосудия (ст. 297, 298.1, ст. 311 УК РФ);

2) посягающие на отношения, складывающиеся при осуществлении органами правосудия и правоохранительными органами деятельности в соответствии с их целями и задачами (ст. 294–296, 299, 300, 305, 310 УК РФ);

3) нарушающие процессуальный порядок получения доказательств по делу (ст. 302, 303, 307–309 УК РФ);

4) посягающие на отношения, складывающиеся при осуществлении правоохранительными органами деятельности по своевременному пресечению и раскрытию преступлений (ст. 301, 304, 306, 316 УК РФ);

5) посягающие на отношения по реализации судебного акта (ст. 312–315 УК РФ).

4. Объективной стороной всех преступлений против правосудия следует считать деяния (действия или бездействие, или их сочетание), наносящие вред или несущие угрозу нанесения такого вреда системе общественных отношений, связанных с осуществлением регламентированной законом деятельности правоохранительных органов по осуществлению задач и целей правосудия.

Можно провести классификацию по форме деяния:

1) Действия: незаконное освобождение от уголовной ответственности, фальсификация доказательств, разглашение информации о предварительном расследовании, побег из-под стражи, ареста, из мест лишения свободы.

2) Бездействие: отказ от дачи показаний свидетеля или потерпевшего, неисполнение приговора, решения судебного решения, акта, уклонение от отбывания наказания.

Кроме того, И. И. Голубов выделяет присутствие в деянии насильственного аспекта в качестве классификационного признака, и предлагает выделять пять групп [10, с. 40]:

1) преступления против правосудия, сопровождающиеся причинением насилия без указания степени опасности (ст. 302);

2) преступления против правосудия, сопровождающиеся причинением насилия, не опасного для жизни и здоровья (ст. 296 и 309 (ч. 3) УК РФ);

3) преступления против правосудия, сопровождающиеся причинением насилия, опасного для жизни и здоровья (ст. 296, 309 (ч. 4) и 313 УК РФ);

4) преступления против правосудия, сопровождающиеся причинением психического насилия (ст. 296 (ч. 1–2), ст. 302; 309, 313);

5) преступления против правосудия, не сопровождающиеся причинением физического или психического насилия.

Таким образом, преступления против правосудия можно определить как умышленные и запрещенные уголовным законом деяния, наносящие вред или несущие угрозу нанесения такого вреда общественным отношениям, складывающимся в связи с регламентированной законом деятельностью правоохранительных органов, направленной на осуществление задач и целей правосудия.

Среди преступлений против правосудия следует выделить преступления, совершаемые лицами, находящимися на правоохранительной службе. Это объясняется тем, что осуществление эффективного и справедливого правосудия напрямую влияет на степень доверия общества по отношению к государственной власти. Кроме того, такие преступления чаще всего имеют скрытый характер.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 *(Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954)* назначение

наказания осуществляется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Следует отметить, что цель наказания за вышеназванные преступления имеет свои особенности. Так, при назначении наказания цель исправления уходит на второй план, поскольку после отбывания наказания у лица отсутствует возможность восстановиться на ранее занимаемой должности ввиду установленных федеральными законами запретов для имевших судимость лиц заниматься правоохранительной деятельностью. Поэтому наказания в отношении сотрудников правоохранительных органов должны носить более строгий характер в соответствии с целями восстановления социальной справедливости и предупреждения преступлений.

Вышеуказанные обстоятельства дают основания полагать, что санкции за совершение следующих видов преступлений (ст. 301, 302, 303, 305, ч. 1 312, ч. 2 315 УК РФ) следует ужесточить, исключив из них альтернативные лишению свободы виды наказания. Такие меры в первую очередь будут направлены на выполнение функции предупреждения преступлений, так как должностные лица чаще будут отказываться от совершения преступления ввиду строгости наказания. Также будет выполняться функция восстановления социальной справедливости, что можно объяснить повышенной для государства и общества опасности таких деяний.

В пример соразмерной санкции за такой вид преступления можно привести наказание для судей в Уголовном Уложении Федеративной Республики Германия *(Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 311 с.)*. Так, обход закона судьей с целью принести пользу или навредить какой-либо стороне имеет последствие в виде уголовной ответственности согласно § 339 Уголовного Уложения Германии. Санкция статьи закрепляет, что такое деяние может влечь за собой исключительно лишение свободы. Аналогичная норма содержится в Уголовном Кодексе КНР *(Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А. И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. 312 с.)*. Статья 399 предусматривает такой вид наказания, как лишение свободы, которое может назначаться вплоть до 10 лет. При этом в санкции также отсутствуют альтернативные виды наказания.

Подводя итоги, стоит отметить, что преступления против правосудия обладают высоким уровнем угрозы для стабильности общества, поскольку препятствуют деятельности правоохранительных органов, тем самым повышая уровень преступности. Наиболее вредными следует признать преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов, так как они искажают представление граждан о деятельности государства, порождая в общественном сознании правовой нигилизм.

Литература

1. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник. 1997. С. 939.

2. *Платон.* Диалоги / пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль. 1986. С. 607.

3. *Амиров К. Ф.*, *Сидоров Б. В.*, *Харисов К. Н.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества / под общ. ред. Б. В. Сидорова. Казань, 2003. С. 301.

4. Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М.: ЮристЪ, 1996. С. 558.

5. *Радзевановская Ю. В.* Преступления против правосудия в истории законодательства России // Вестник Димитровградского инженерно–технологического института. 2016. № 3 (11). С. 130–134.

6. *Иванов Е. С.* Классификация преступлений против правосудия // Вестник Омского университета. Серия: Право: Науч. журн. / ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского». Омск: Изд-во ОмГУ. 2004. ISSN1990-5173. 2016. № 2. С. 213–216.

7. Курс советского уголовного права: Часть особенная: В 6 т. Т. 6 / [Авт. т. В. Ф. Кириченко; Ш. С. Рашковская, Н. А. Стручков и др.]. Редкол.: А. А. Пионтковский и др. Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1971. С. 558.

8. *Власов И. С.* Преступления против советского социалистического правосудия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 16.

9. *Рашковская Ш. С.* Преступления против социалистического правосудия // Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1957. С. 55.

10. *Голубов И. И.* Виды насилия в преступлениях против правосудия: классификация, понятие и квалификация // Российский следователь. 2012. № 24. С. 36–40.

References

1. *Ozhegov S. I.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka 80000 slov i frazeol. vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language 80,000 words and phraseology. expressions] / S. I. Ozhegov i N. Yu. Shvedova; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. B. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik. 1997. S. 939. (In Russian)

2. *Platon.* Dialogi [Dialogues] / per. s drevnegrech.; sost., red. i avt. vstupit. stat'i A. F. Losev; avt. primech. A. A. Taxo-Godi. M.: Mysl'. 1986. S. 607. (In Russian)

3. *Amirov K. F., Sidorov B. V., Xarisov K. N.* Otvetstvennost' za prestupnoe vmeshatel'stvo v deyatel'nost' licz, osushhestvlyayushhih pravosudie i ugolovnoe presledovanie: problemy teorii i zakonotvorchestva [Liability for Criminal Interference in the Activities of Persons Administering Justice and Criminal Prosecution: Theoretical and Legislative Issues] / pod obshh. red. B. V. Sidorova. Kazan', 2003. S. 301. (In Russian)

4. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' [Criminal Law of Russia. Special Part] / otv. red. B. V. Zdravomyslov. M.: YuristЪ, 1996. S. 558. (In Russian)

5. *Radzevanovskaya Yu. V.* Prestupleniya protiv pravosudiya v istorii zakonodatel'stva Rossii [Crimes against Justice in the History of Russian Legislation] // In *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-texnologicheskogo instituta [Bulletin of the Dimitrovgrad Engineering and Technology Institute].* 2016. № 3 (11). S. 130–134.

6. *Ivanov E. S.* Klassifikaciya prestuplenij protiv pravosudiya [Classification of Crimes against Justice] // In *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University].* Seriya: Pravo: Nauch. zhurn. / FGBOU VPO OmGU im. F. M. Dostoevskogo. Omsk: Izd-vo OmGU. 2004. ISSN1990–5173. 2016. № 2. S. 213–216. (In Russian)

7. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: Chast' osobennaya [Course of Soviet Criminal Law: Special Part]: V 6 t. T. 6 / [Avt. t. V. F. Kirichenko; Sh. S. Rashkovskaya, N. A. Struchkov i dr.]. Redkol.: A. A. Piontkovskij i dr. Akad. nauk SSSR, In-t gosudarstva i prava. M.: Nauka, 1971. S. 558. (In Russian)

8. *Vlasov I. S.* Prestupleniya protiv sovetskogo socialisticheskogo pravosudiya [Crimes against Soviet Socialist Justice] / Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1964. S. 16. (In Russian)

9. *Rashkovskaya Sh. S.* Prestupleniya protiv socialisticheskogo pravosudiya [Crimes against Socialist Justice] // Lekcii dlya studentov VYuZI. M. 1957. S. 55. (In Russian)

10. *Golubov I. I.* Vidy nasiliya v prestupleniyax protiv pravosudiya: klassifikaciya, ponyatie i kvalifikaciya [Types of violence in crimes against justice: classification, concept and qualification] // In *Rossijskij sledovatel' [Russian investigator].* 2012. № 24. S. 36–40. (In Russian)

ОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Граматчиков Владимир Андреевич

Цель: *целью настоящего исследования является выявление и комплексный анализ существующих коллизий в уголовном праве, связанных с привлечением несовершеннолетних к уголовной ответственности, а также оценка недавних изменений в уголовно-правовом регулировании, направленных на усиление защиты малолетних лиц от вовлечения во взрослую преступную деятельность. Особое внимание уделяется вопросам соотношения возраста субъекта и объекта преступления связанных с психологическими аспектами несовершеннолетних.*

Методология: *В работе использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа. Исследование базируется на изучении действующего законодательства, его новейших изменений, статистических данных о преступности среди несовершеннолетних, а также психолого-правовых характеристик подросткового возраста. Особое внимание уделяется проблеме ответственности малолетних по отношению к различным составам преступлений.*

Выводы. *Установлено, что до недавнего времени несовершеннолетние, не достигшие 14-летнего возраста, de-jure использовались взрослыми в качестве инструментов совершения преступлений, что не находило должного отражения в уголовном праве. Поправки к ст. 150 УК РФ, вступившие в силу 28 декабря 2025 г., устранили этот пробел, установив отдельную квалификацию для вовлечения малолетних, а также для случаев, когда деяние совершается в отношении двух и более несовершеннолетних. Это свидетельствует о переходе к модели, в которой несовершеннолетний признается не просто участником, а объектом уголовно-правовой охраны. Также в работе предложено устранение законодательных противоречий, касающихся ст. 205.6 УК РФ, с уточнением возрастного порога ответственности, и рассматривается целесообразность изменения минимального возраста привлечения к ответственности по ряду статей (281, 295, 318 УК РФ), с учетом уровня осознанности и правового развития подростков.*

Научная и практическая значимость. *Материал статьи актуален для законодателей, правоприменителей и исследователей в сфере уголовного права и криминологии, так как позволяет более точно определить границы уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом современных реалий. Также исследование будет полезно специалистам в области педагогики и подростковой психологии, поскольку работа представляет собой симбиоз права и психологии и подчеркивает значимость психологических аспектов при оценке преступного поведения несовершеннолетних и формулировании мер правового реагирования. Результаты работы могут быть использованы при совершенствовании законодательства и выработке рекомендаций по индивидуализации ответственности подростков в зависимости от уровня их правосознания и степени вовлеченности в преступную деятельность.*

Ключевые слова: *уголовное право, общественная опасность, преступления несовершеннолетних, девиантное поведение, подростковый возраст, криминализация действий, пересмотр возраста, психологические аспекты, допустимость декриминализации, статистика преступлений.*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-88-94

Введение

Вопрос о пересмотре возрастных границ установления уголовной ответственности приобретает особую актуальность в условиях стремительно меняющейся социокультурной среды, в которой формируется личность современного подростка. Сегодняшние несовершеннолетние демонстрируют более высокий уровень информированности, поведенческой автономии и цифровой социализации, чем предыдущие поколения, что прямо влияет на характер и степень осознания ими противоправности совершаемых деяний. Уровень правосознания подростков значительно повысился, что требует пересмотра устоявшихся представлений о психологической и социальной незрелости лиц, не достигших определенного возраста.

Если анализировать современные тенденции в регулировании данной сферы ориентированы на комплексный подход, включающий анализ не только юридических критериев, но и психологических, социальных, образовательных и семейных факторов, оказывающих влияние на способность несовершеннолетнего осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими. Это особенно важно в условиях роста числа преступлений, совершаемых подростками по инициативе или под влиянием взрослых лиц, которые используют несовершеннолетних как инструмент реализации преступных намерений, зная о сниженной ответственности последних.

Существующее российское уголовное законодательство, несмотря на свою последовательность в охране прав малолетних, порой демонстрирует пробелы и противоречия, особенно в части регулирования вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. На этом фоне необходимость выработки новых подходов к определению возрастных границ уголовной ответственности становится очевидной. Эти подходы должны базироваться не только на формальном критерии возраста, но и учитывать уровень социальной зрелости, мотивационные установки, психоэмоциональное состояние и степень правового понимания несовершеннолетнего. Все это требует как законодательного анализа, так и переосмысления со стороны правоприменителя.

§ 1. Психологические аспекты осознания общественной опасности несовершеннолетними

Общественная опасность — это основной критерий криминализации деяний в российском уголовном праве, который является отправной точкой для признания деяния преступным. Критерий предполагает, что совершенные действия наносят или могут нанести ущерб общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Понимание несовершеннолетними опасности их деяний во многом определяется уровнем развития когнитивных способностей и эмоциональной зрелости, а также тем, что эмоциональные свойства несовершеннолетних преступников базируются на крайнем эгоцентризме, обуславливающем отношение не только к окружающему миру, но и формирование субъективного восприятия действительности через невозможность, а в большинстве случаев — нежелание управлять своей эмоциональной неустойчивостью, агрессивностью и раздражительностью [1, с. 30–31]. В подростковом возрасте продолжается активное формирование префронтальной коры головного мозга, ответственной за самоконтроль, планирование и оценку последствий действий. Это объясняет, почему подростки демонстрируют повышенную импульсивность и недостаточную способность к прогнозированию отдаленных последствий своих поступков.

Способность несовершеннолетних осознавать общественную опасность своих действий формируется постепенно и зависит от множества факторов, включая уровень интеллекта, эмоциональную стабильность микро- и макросреды несовершеннолетних (окружения), а также воздействие на психофизическое состояние несовершеннолетнего исходя из его половозрастных характеристик [2, с. 80–81].

Новообразованием, возникающим в конце переходного периода, являются самоопределение и нравственные убеждения, которые возникают и оформляются только в переходном возрасте, хотя основа для их возникновения была заложена гораздо раньше. Социальная среда, семейные условия и уровень образования также оказывают значительное влияние на формирование правового сознания несовершеннолетних, но в подростковом возрасте структура возрастных потребностей и интересов определяется в основном социально-классовой принадлежностью подростка, однако влияние среды, по мнению Обухова, имеет самое большое значение в подростковом возрасте [3, с. 321–337].

Однако по данным психолога-педагога Кона в 12 лет ребенок осознает свои поступки, но не осознает собственных психических состояний. Дети младше 12 лет воспринимают свои чувства и эмоции как нечто объективно сопутствующее действиям и предметам [4, с. 41–54].

Вопрос, является ли «достаточной» опасностью для признания деяния преступным, и «неочевидность» опасности часто становятся объектом обсуждения в правовой практике и теории. Одним из

ключевых аспектов является то, что общественная опасность не всегда является очевидной, например действия, совершенные несовершеннолетними, могут выглядеть несерьезными, но на деле нести значительный риск для общества.

Подростки находятся в процессе формирования личности, что отражается на их эмоциональной нестабильности, повышенной внушаемости и склонности к импульсивным действиям, и может немного отставать в развитии от сверстников. При проведении судебно-психиатрической экспертизы учитываются интеллектуальные способности подростка, его способность понимать незаконность своих действий и управлять своим поведением [5, с. 217–231]. Несовершеннолетний может быть признан отстающим в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством не подлежит ответственности, однако такой субъект обычно является социально опасным, и поэтому должна быть введена норма, позволяющая временно изолировать несовершеннолетних в специальном образовательном учреждении [6, с. 165].

Риски ужесточения или, напротив, необоснованного смягчения ответственности несовершеннолетних связаны с балансом между необходимостью защиты общества и учетом особенностей подростковой психики. Чрезмерная жесткость наказания может привести к разрушению личности подростка и повторному совершению преступлений, тогда как излишне мягкое отношение может сформировать у несовершеннолетнего ощущение безнаказанности и снизить превентивный эффект уголовного закона.

§ 2. Допустимость декриминализации или депенализации за деяния, совершаемые несовершеннолетними

Согласно ст. 20 УК РФ уголовная ответственность наступает с 14 лет, исходя из этого критерии криминализации преступлений несовершеннолетних основываются на двух взаимодополняющих аспектах: объективной степени общественной опасности деяния и субъективной осознанности подростком последствий своих поступков. Объективная опасность определяется масштабом и тяжестью вреда, который деяние может нанести обществу, государственным институтам или гражданам. В то же время субъективный компонент подразумевает оценку способности несовершеннолетнего осознавать противоправный характер и потенциальную общественную опасность своих действий. Подростки зачастую не в полной мере способны оценить последствия своих поступков, что должно учитываться при назначении наказания.

Можно рассмотреть исторический опыт СССР по отношению к планке возрастной ответственности. В ст. 18 УК РСФСР 1922 г. было установлено, что наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. в ст. 7 установили критерии малолетства и несовершеннолетия, при этом точный возраст определялся в республиканском законодательстве. К малолетним правонарушителям можно было применять только меры медико-педагогического характера, к несовершеннолетним — в исключительных случаях — меры судебно-исправительного характера. Первая редакция УК РСФСР 1926 г. (в ред. от 25 ноября 1935 г.) содержала норму, аналогичную ст. 18 УК 1922 г. Впоследствии было принято постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», утвердившее изменения в ст. 12 УК, ужесточающие ответственность несовершеннолетних. Так, несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста, подлежали уголовной ответственности за кражу, причинение телесных повреждений, убийство или покушение на убийство. То есть советский законодатель выделил перечень преступлений, который несовершеннолетний мог осознавать в данном возрасте. Статья 22 ограничивала применение расстрела к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста в момент совершения преступления. Основным же видом наказания для несовершеннолетних были меры социальной защиты медико-педагогического характера, а именно: а) отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, родственников, если таковые имеют возможность его содержать, или иных лиц и учреждений; б) помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение [7, с. 192–193].

Если переходить к текущим реалиям, то некоторые преступления требуют понижения возраста привлечения к ответственности с 16 до 14 лет, поскольку несовершеннолетние осознают их общественную опасность и потенциальные последствия, например — диверсия (ст. 281 УК), ее можно рассматривать в контексте терроризма, за который уже предусмотрена уголовная ответственность с 14 лет. Хотя диверсия в некоторых случаях может казаться подросткам менее опасной, ее последствия для общественной безопасности сопоставимы с терактами.

В то же время существует ряд преступлений, по которым возраст привлечения к ответственности целесообразно повысить с 14 до 16 лет. Например, преступления, связанные с посягательством на жизнь государственного или политического деятеля (ст. 277 УК) или лиц, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК), так как они могут не осознаваться подростками в полной мере. Уголовное преследование за подобные преступления требует более зрелого уровня правосознания, который формируется ближе к 16 годам. Иначе с такой логикой можно привлекать к ответственности за покушение на здоровье и жизнь следователей и судей (ст. 295 УК) и представителей власти (ст. 318 УК), так как куда проще осознать статус следователя и судьи, чем лица, пользующегося международной защитой. Поэтому видится целесообразным поднять возрастную планку по ст. 277 и 360 УК до 16 лет или альтернативный вариант — понижение возраста по ст. 318 и 295 УК до 14 лет, так как законодатель предполагает, что 14-летние обладают зрелым уровнем правосознания и осознают объект преступления и последствия, чтобы понимать сложные правовые аспекты, предписанные ст. 360 УК, и эти составы схожи с вышеперечисленными по объекту. На данный момент по ст. 295 УК в 14 лет деяния переквалифицируются на ст. 105 УК, так какпо решению суда лицо не понимает, что это лицо осуществляет правосудие или предварительное расследование.

Также остается неясным вопрос о составах преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК (ст. 205.1, 205.2, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 208, ст. 220, 221, 278, 279), в ч. 2 ст. 20 УК отсутствуют. То есть 14-летние не могут нести ответственность за эти преступления, но несут ответственность за их несообщение? В этой коллизии необходимо либо все вышеперечисленные преступления внести в ст. 20 УК, чтобы с 14 лет за них была ответственность, либо в ст. 205.6 сделать примечание, что в 14 лет за них не несут ответственность.

Если рассматривать актуальные материалы по этой теме, можно встретить выступление Трапаидзе К. З. на конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», где он поднимал вопрос, что в различные годы в Государственную Думу вносились законопроекты, касающиеся установления уголовной ответственности несовершеннолетних за определенные преступления с пониженного возраста, однако большинство из них не были поддержаны законодателем.

26 октября 2001 г. депутат Государственной Думы Лысенко внес Законопроект № 113450-3, предусматривающий уголовную ответственность за организацию притона (ст. 232 УК). Законопроект был отклонен Государственной Думой, поскольку несовершеннолетние, вовлеченные в оборот наркотиков, рассматривались не как преступники, а как жертвы наркобизнеса, нуждающиеся в медицинской и социальной реабилитации.

2 декабря 2009 г. ныне покойный депутат, Владимир Вольфович Жириновский предложил в законопроекте № 293093-5 установить уголовную ответственность с 12-летнего возраста за большинство статей в ст. 20 УК. Однако данное предложение не получило поддержки правового управления Думы, поскольку в соответствии с нормами законодательства полная дееспособность наступает с 14 лет. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что ежегодно выявляется более 300 тысяч деяний, совершенных несовершеннолетними, из которых около 100 тысяч совершаются детьми, не достигшими возраста 14 лет, что освобождает их от уголовной ответственности. Но в 2010 г. законопроект был отклонен.

Единственной инициативой по этой теме, которая была принята, стал законопроект № 1039149-6, внесенный 7 апреля 2016 г. депутатами Яровой и Озеровым, устанавливающий уголовную ответственность с 14-летнего возраста за террористические преступления. Указанный закон был оперативно рассмотрен и принят Думой 6 июля 2016 г.

Возрастной порог уголовной ответственности, установленный в советское время и действующий по сегодняшний день, оценивается учеными неоднозначно. Советские психологи, исходя из характеристики интеллектуального, волевого, личностного уровня развития несовершеннолетних, в основном соглашаются с законодателем, что рамки ответственности установлены верно [8, с. 362–368]. Юристы же, опираясь на анализ сложившейся криминогенной обстановки, данные о численности правонарушителей, не достигших возраста уголовной ответственности, выступают за понижение возрастного порога [9, с. 159]. При этом и юристы, и психологи говорят о необходимости проведения «репрезентативных исследований уровня психического и личностного развития», «соответствующих криминологических и психолого-психиатрических исследований» [10, с. 112].

§ 3. Статистика преступлений, совершенных несовершеннолетними

По данным МВД и Генеральной прокуратуры, наблюдается тенденция к уменьшению количества уголовно наказуемых деяний, совершенных подростками.

В 2020 г. зарегистрировано 31,9 тысячи преступлений подростков, в 2021 г. уже 30,5 тысячи. За 10 месяцев 2023 г. МВД выявило 18091 несовершеннолетнего преступника, т.е. подростки совершили около 2,4% от общего числа преступлений [11, с. 251–252]. За 8 месяцев 2024 г. правоохранительными органами расследованы уголовные дела в отношении 13,5 тысячи подростков. Также в 2024 г. возросло более чем вдвое число особо тяжких деяний подростков-мигрантов — с 53 до 108[1].

В 1995 г. число подростков, содержавшихся в воспитательных колониях, составляло 20,8 тысячи, в следственных изоляторах и тюрьмах — 19,7 тысячи, в 2000 г. — соответственно, 17,2 и 11,1 тысячи, в 2005 г.– 14,5 и 8,2 тысячи., в 2012 г.– 2808, а в 2021 г. — всего 1836 (888 и 948 по полам соответственно).

Какие преступления совершали молодые представители разных полов с 2009 по 2023 г.? Доля девочек, лишивших жизни другого, выросла на 4% — с 14 до 18, а доля мальчиков на 0,2 — с 6,1 до 6,3. Наркотические составы: если в 2009 г. осужденных было всего 1,5%, то в 2023 г.– 27,5%. Не лучше обстоят дела с преступлениями сексуального характера (ст. 132 УК) — их число выросло в два раза (с 6 до 12). Если обобщать данные: на 1-м месте наркотики, на 2-м ненасильственные действия сексуального характера, на 3-м причинение тяжких телесных повреждений, на 4-м кража, на 5-м убийства[2]. Данные о деяниях, совершенных в возрасте 7–13 лет, отсутствуют, поскольку лица данного возраста не считаются способными осознавать общественную опасность своих действий и не подлежат привлечению к уголовной ответственности.

Заключение

Пересмотр возрастных границ привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних требует не только политико-правового решения, но и глубокого научного осмысления, основанного на данных криминологии, психологии и социологии. В условиях трансформации информационного и цифрового пространства подростки получают доступ к объемам информации, которые ранее были недоступны взрослым, что формирует у них более высокий уровень осведомленности и, как следствие, более выраженное понимание общественно опасных последствий противоправных действий. В этой связи возникает объективная необходимость в обновлении возрастных границ ответственности с учетом этих реалий.

Современный уголовный закон должен учитывать не только формальный критерий возраста, но и реальную степень осознания подростком сущности своих действий, их общественной опасности и возможных правовых последствий. Криминализация деяний несовершеннолетних не должна быть универсальной или чрезмерной, но и не может оставлять пробелов, которыми активно пользуются взрослые преступники, вовлекающие подростков в свою деятельность, пользуясь их сниженным уровнем ответственности.

На этом фоне обоснованным представляется вопрос о пересмотре отдельных положений ст. 20 УК РФ. Так, деяния, сопряженные с посягательством на жизнь государственных или общественно-политических деятелей (ст. 277 УК РФ), а также на представителей иностранных государств, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ), обладают высокой степенью формального состава, предполагают наличие политической или идеологической мотивации, что редко полностью осознается подростками. В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность повышения минимального возраста уголовной ответственности по данным составам до 16 лет, сохранив баланс между необходимостью охраны указанных объектов и принципами справедливости и индивидуализации ответственности.

В то же время ряд иных составов преступлений, обладающих очевидной разрушительной силой и направленных на жизненно важные интересы личности и государства, напротив, требуют снижения возрастного порога с 16 до 14 лет. Это относится, в частности, к диверсии (ст. 281 УК РФ), посягательству на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), и применению насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Эти преступления предполагают прямое насилие, нередко совершаются с высокой степенью организованности и целенаправленности, и, как показывает практика, подростки в возрасте 14–15 лет способны не только понять общественную опасность таких деяний, но и осознанно участвовать в их подготовке и реализации. Следовательно, законодательный перенос ответственности за эти преступления на более ранний возраст отвечает

[1] [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://tass.ru/proisshestviya/22127791 (дата обращения: 20.07.2025).

[2] [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.mk.ru/social/2023/12/28/statistiki-podschitali-podrostkovprestupnikov-rezultaty-uzhasnuli.html (дата обращения: 29.07.2025).

как задачам индивидуализации ответственности, так и требованиям общественной безопасности.

Особое внимание требует решение правовой коллизии, связанной с применением ст. 205.6 УК РФ, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении террористического характера. Включение этой статьи в перечень состава преступлений, за которые наступает ответственность с 14 лет, создало парадоксальную ситуацию: несовершеннолетний может быть привлечен за несообщение о преступлении, за которое сам он еще не может быть привлечен к ответственности. Для устранения данной коллизии целесообразно либо внести все предусмотренные в диспозиции ст. 205.6 УК РФ преступления в перечень ст. 20 УК РФ (например, ст. 205.1, 205.2, 205.4, 208, 220, 221, 278, 279), либо, в качестве альтернативы, дополнить ст. 205.6 специальным примечанием, исключающим возможность привлечения к ответственности несовершеннолетних за несообщение о деяниях, за которые они сами не могут нести уголовную ответственность.

Задача законодательного регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних должна решаться с позиций системности, логики и социальной адекватности. Учет реальной способности подростков к правовой рефлексии, а также устранение внутренних противоречий и коллизий в уголовном законодательстве, представляют собой необходимое условие справедливости и эффективности правоприменения.

Литература

1. *Шуняева В. А.* Возрастная невменяемость: значение, содержание, причины // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 29–31.

2. *Шуняева В. А.* Коррекция личности несовершеннолетнего преступника: значение, задачи, возможности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 3. С. 80–82.

3. *Обухова Л. Ф.* Возрастная психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 460 с.

4. *Кон И. С.* Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1979. 175 с.

5. *Датий А. В.* Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция». М.: Центр РИОР, 2011. 297 с.

6. *Байбарин А. А.* Психическая незрелость // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 163–165.

7. *Зорькина А. А.* Некоторые особенности советского законодательства об ответственности несовершеннолетних // Символ науки. 2017. № 3. С. 191–193.

8. *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. Л.: Печатный двор, 1935. С. 362–368.

9. *Пудовочкин Ю. Е.* Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: проблемы теории // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 150–162.

10. *Ситковская О. В.* Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 272 с.

11. *Смирнова И. А.* Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2025. № 2 (553). С. 249–253.

References

1. *Shunyaeva V. A.* Vozrastnaya nevmenyaemost': znachenie, soderzhanie, prichiny [Age-related insanity: meaning, content, causes] // In *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation],* 2017, no. 6, pp. 29–31. (In Russian)

2. *Shunyaeva V. A.* Korrektsiya lichnosti nesovershennoletnego prestupnika: znachenie, zadachi, vozmozhnosti [Correction of the personality of a juvenile offender: significance, tasks, possibilities] // In *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal [Business in law. Economic and legal journal],* 2015, no. 3, pp. 80–82. (In Russian)

3. *Obukhova L. F.* Vozrastnaya psikhologiya: uchebnik dlya bakalavrov [Developmental psychology: textbook for bachelors]. M.: Yurait, 2013. 460 p. (In Russian)

4. *Kon I. S.* Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: problemy formirovaniya lichnosti [Psychology of adolescence: problems of personality formation]. M.: Prosveshchenie, 1979. 175 p. (In Russian)

5. *Datii A. V.* Sudebnaya meditsina i psikhiatriya: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" i napravleniyu "Yurisprudentsiya" [Forensic medicine and psychiatry: textbook for law students]. M.: Tsentr RIOR, 2011. 297 p. (In Russian)

6. *Baibarin A. A.* Psikhicheskaya nezrelost' [Mental immaturity] // In *Biznes v zakone [Business in law],* 2007, no. 4, pp. 163–165. (In Russian)

7. *Zor'kina A. A.* Nekotorye osobennosti sovetskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Some features of Soviet legislation on the responsibility of minors] // In *Simvol nauki [Symbol of science],* 2017, no. 3, pp. 191–193. (In Russian)

8. *Rubinshtein S. L.* Osnovy psikhologii [Fundamentals of psychology]. Leningrad, Pechatnyi dvor, 1935, pp. 362–368. (In Russian)

9. *Pudovochkin Yu. E.* Otvetstvennost' nesovershennoletnikh v ugolovnom prave: problemy teorii [Responsibility of minors in criminal law: problems of theory] // In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence],* 2002, no. 6 (245), pp. 150–162. (In Russian)

10. *Sitkovskaya O. V.* Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti [Psychology of criminal responsibility]. M.: Norma Publ., 1998. 272 p. (In Russian)

11. *Smirnova I. A.* Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological characteristics of juvenile delinquency] // In *Molodoi uchenyi [Young scientist]*, 2025, no. 2 (553), pp. 249–253. (In Russian)

ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»), КАК ПРИЗНАК ПОБОЕВ

Дмитренко Андрей Петрович,
Куцык Валерия Павловна

Цель: *дать доктринальное толкование отдельных признаков побоев, совершенных с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).*

Методология: *анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *На основе проведенного исследования уточнено содержание побоев, совершенных с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Сделан вывод, согласно которому публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), в преступлении, предусмотренном ст. 116 УК РФ, может выступать альтернативно либо в качестве обстановки его совершения, либо в качестве самостоятельного деяния, которое в совокупности с побоями или иными насильственными действиями, причинившими физическую боль, образует единое сложное преступление. Обосновано, что нанесение побоев, совершенное с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), осуществляемой путем размещения соответствующих материалов в этих средствах или сетях, является длящимся преступлением. С учетом этого обстоятельства уточнены особенности юридического и фактического моментов окончания преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.*

Научная и практическая значимость. *На основе проведенного исследования сформулированы выводы теоретического характера, уточняющие толкование некоторых признаков побоев, совершенных с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Результаты исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования практики применения ст. 116 УК РФ.*

Ключевые слова: *побои, публичная демонстрация, средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, сеть «Интернет».*

В связи с принятием Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ *(Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2025))* норма об уголовной ответственности за побои претерпела изменения в части закрепления в ее диспозиции альтернативного конститутивного признака, предполагающего их совершение с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Несмотря на то обстоятельство, что до принятия названного Закона данный признак ранее использовался при описании иных престу-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-95-99

плений (например, преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ), актуальность рассмотрения сопряженных с ним отдельных теоретико-прикладных вопросов по-прежнему сохраняется.

Акцентируя внимание на одном из значимых аспектов, следующем из законодательной формулировки исследуемого признака, публичная демонстрация побоев не ограничивается ее осуществлением только в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), о чем свидетельствует используемый союз «в том числе», употребляемый в целях указания лишь на часть целого, о котором ведется речь [3, с. 237]. Исходя из сказанного применение ст. 116 УК РФ возможно и в тех случаях, когда побои совершены с их публичной демонстрацией, осуществленной вне обозначенных средств и сетей (например, когда побои совершены в условиях непосредственного присутствия неограниченного числа лиц), что подтверждается в том числе и судебной практикой по уголовным делам о других преступлениях, признаком которых она также является *(приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 23 мая 2022 г. по делу № 1-95/2022 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2025))*. На основании изложенного понимание данного признака как подразумевающего лишь использование этих средств и сетей [8] представляется спорным ввиду вытекающего из него сужения круга охватываемых ст. 116 УК РФ действий.

Вместе с тем существенным и в то же время дискуссионным в теории уголовного права является вопрос о том, каким признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, является публичная демонстрация.

На доктринальном уровне высказано несколько различных позиций относительно его разрешения. По смыслу одной из них данный признак указывает на способ совершения преступления [9, с. 86; 10, с. 42]. Однако с учетом общепризнанных представлений о последнем как о приемах и методах, применяемых лицом для совершения преступления [1, с. 71] или же обеспечивающих исполнение деяния, составляющего объективную сторону преступления [2, с. 96], следует констатировать, что в действительности ситуации, при которых публичная демонстрация могла бы выступать в этом качестве, невозможны. Публичная демонстрация не является ни приемом, ни методом, используемым непосредственно для нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль. Если и возможно вести речь о способе, то только имея в виду способ публичной демонстрации (использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть «Интернет»)), однако в этом аспекте он не является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, а следовательно, не имеет уголовно-правового значения.

В соответствии с иной точкой зрения в зависимости от фактических обстоятельств содеянного рассматриваемый признак может характеризовать как обстановку совершения преступления, так и выступать в качестве самостоятельного деяния, образующего наряду с другим объективную сторону преступления [6, с. 67]. Этот подход представляется более обоснованным.

Проецируя приведенный взгляд на преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, примером, при котором публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), будет являться обстановкой его совершения, может послужить та ситуация, когда нанесение побоев демонстрируется в прямом эфире, который ведется на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание. При этом в качестве иллюстрации того обстоятельства, что публичная демонстрация может представлять собой и деяние, образующее совместно с побоями объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, может выступать ситуация, когда виновный, имея соответствующий умысел, после совершения побоев, в процессе нанесения которых осуществлял видеозапись, размещает записанные материалы на личной странице в социальных сетях.

Затронув этот аспект, не может оставаться без внимания принципиально значимый вопрос о виде сложного единичного преступления, имеющего место тогда, когда рассматриваемый признак являет собой второе обязательное деяние, поскольку от ответа на него зависит определение момента окончания совершенного при таких обстоятельствах преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Так, исходя из позиции одних авторов публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), являясь деянием, образует совместно с другим объективную сторону составного преступления [4, с. 99]. Вместе с тем с учетом устоявшихся положений доктрины уголовного права о составном

преступлении рассматриваемое общественно опасное деяние не может быть признано таковым, поскольку ни побои, ни публичная демонстрация не предусмотрены в качестве самостоятельных преступлений.

По мнению сторонников другого подхода, выступающая в качестве деяния публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), образует наряду с другим деянием объективную сторону преступления с двумя действиями [5, с. 59]. Однако следует признать, что приведенное утверждение представляется в полной мере обоснованным относительно лишь части из всех возможных правоприменительных ситуаций. Так, например, преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, с точки зрения видов сложного единого преступления в действительности может являться преступлением с двумя действиями тогда, когда оно выразилось в совершении побоев с последующей демонстрацией записанных в процессе их нанесения видеоматериалов неопределенному кругу лиц с какого-либо компьютерного устройства непосредственным образом, но, как представляется, может иметь признаки и другого вида сложного единого преступления, также образуемого двумя действиями, тогда, когда оно было совершено при обстоятельствах, связанных со следующим за нанесением побоев размещением записанных видеоматериалов на интернет-страницах.

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 116 УК РФ, когда публичная демонстрация соответствующих материалов в связи с их размещением в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») наделяет данное общественно опасное деяние характером длительного нарушения установленного запрета, весьма интересным видится рассмотрение вопроса на предмет возможности его отношения к длящимся преступлениям.

Анализируя судебную практику, хотя и складывающуюся по поводу применения норм административно-деликтного законодательства, следует отметить, что правонарушения, выражающиеся в размещении какой-либо информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», в большинстве случаев относятся в соответствии с ней к числу длящихся *(постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2021 г. № 81-АД21-9-К8 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.02.2025); решение Свердловского областного суда от 18 августа 2022 г. по делу № 71-823/2022 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 13.02.2025))*.

Достаточно показательной в данном вопросе представляется позиция Конституционного Суда Российской Федерации, косвенно указавшего в одном из своих решений на длящийся характер административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, выразившегося в схожих действиях *(определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2025))*.

Исходя из правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации длящимся следует считать преступление, начинающееся с определенного преступного действия или бездействия, образующего состав конкретного преступления, и характеризующееся последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния *(постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2025))*.

В рассматриваемом аспекте обращает на себя внимание предложение, сформулированное Е.А. Русскевичем, по смыслу которого преступления, связанные с размещением в сети «Интернет» каких-либо запрещенных законом материалов или информации, к числу которых могут относиться те, что предусмотрены ст. 205.2, 242, 242.1, 280, 280.1, 282 и 354.1 УК РФ, следует рассматривать как длящиеся [7, с. 19].

Представляется, что таким же образом должен быть разрешен вопрос о виде сложного единичного преступления, к которому относятся побои, совершенные с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), состоящей, в свою очередь, в размещении в этих средствах или сетях материалов, содержание которых отражает процесс их нанесения. Этот вывод основывается главным образом на том обстоятельстве, что здесь имеет место непрерывное осуществление состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, поскольку демонстрация неопределенному кругу лиц нане-

сения побоев в данном случае происходит до тех пор, пока такие материалы не будут изъяты или удалены из соответствующих средств или сетей.

Применительно к длящимся преступлениям весьма важным значением обладает различение юридического и фактического моментов их окончания, так как первый из названных подлежит учету при их квалификации, а последний — при применении амнистии и исчислении сроков давности уголовного преследования.

Изложенное в своей совокупности делает возможным определить момент юридического окончания совершенного при рассматриваемых обстоятельствах преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, как размещение в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, отражающих нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а фактический — прекращение размещения таких материалов по воле виновного или вопреки его воле.

В связи с этим срок давности привлечения к уголовной ответственности за такое преступление должен исчисляться с учетом указанного фактического момента его окончания. Иное ввиду большого объема информации, находящейся в обозначенных средствах и сетях, зачастую обуславливающего долговременность ее обнаружения, а также других обстоятельств существенно ограничило бы возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших такие деяния.

Литература

1. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

2. *Панов Н. И.* Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. 161 с.

3. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. 1209 с.

4. *Шкеле М. В., Кузнецова Н. И.* Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 97–100.

5. *Шарапов Р. Д.* Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47). С. 51–61.

6. *Иванова Л. В.* К вопросу о публичной демонстрации как квалифицирующем признаке жестокого обращения с животными // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против здоровья населения и общественной нравственности): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 66–71.

7. *Русскевич Е. А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Русскевич Евгений Александрович. М., 2020. 52 с.

8. *Питулько К. В.* Квалификация экологических преступлений: учебное пособие / К. В. Питулько, В. В. Коряковцев. М.: КНОРУС, 2023. 144 с.

9. *Филатова Н. Ю.* Публичная демонстрация жестокого обращения с животными // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития: Сборник материалов XXX международной очно-заочной научно-практической конференции. В 4-х томах, Москва, 7 июня 2023 года. Том 3. М.: Научно-издательский центр «Империя», 2023. С. 84–86.

10. *Сверчков В. В.* Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 224 с.

References

1. *Kudryavtsev V. N.* Ob’’ektivnaya storona prestupleniya [Objective side of a crime. Moscow]. M.: Gosyurizdat, 1960. 244 s.

2. *Panov N. I.* Sposob sovershеniya prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost’ [Way of committing a crime and criminal responsibility.]. Khar’kov: Izd-vo pri Khar’k. un-te, 1982. 161 s.

3. *Efremova T. F.* Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation.]. M.: Rus. yaz., 2000. T. 1: A–O. 1209 s.

4. *Shkele M. V., Kuznetsova N. I.* Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnuyu demonstratsiyu prestuplenii protiv zhivotnykh v seti «Internet» [Criminal liability for public demonstration of crimes against animals on the Internet] // In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2018. № 1(77). S. 97–100.

5. *Sharapov R. D.* Ugolovnaya otvetstvennost' za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi [Criminal responsibility for cruel treatment of animals] // In *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]*. 2019. № 1(47). S. 51–61.

6. *Ivanova L. V.* K voprosu o publichnoi demonstratsii kak kvalifitsiruyushchem priznake zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi [The question of public demonstration as a qualifying sign of cruelty to animals] // In *Ugolovnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy (prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoi nravstvennosti): materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Volzhenkinskie chteniya», Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2020 goda [Criminal law of Russia: state and prospects (crimes against public health and public morals): proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference «Volzhenkinskie readings»]*. SPb.: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2020. S. 66–71.

7. *Russkevich E. A.* Differentsiatsiya otvetstvennosti za prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii, i problemy ikh kvalifikatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Differentiation of responsibility for crimes committed with the use of information and communication technologies, and the problems of their qualification: autoref. dis.]: 12.00.08 / Russkevich Evgenii Aleksandrovich. M., 2020. 52 s.

8. *Pitul'ko K. V.* Kvalifikatsiya ekologicheskikh prestuplenii: uchebnoe posobie [Qualification of environmental crimes: textbook] / K. V. Pitul'ko, V. V. Koryakovtsev. M.: KNORUS, 2023. 144 s.

9. *Filatova N. Yu.* Publichnaya demonstratsiya zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi [Public demonstration of cruelty to animals] // In *Sovremennye nauka i obrazovanie: dostizheniya i perspektivy razvitiya: Sbornik materialov XXX mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh tomakh [Modern science and education: achievements and prospects of development: Proceedings of the XXX international full-time scientific-practical conference. In 4 volumes]*, Moskva, 7 iyunya 2023 goda. Tom 3. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Imperiya», 2023. S. 84–86.

10. *Sverchkov V. V.* Prestupleniya protiv ekologii: sistema, yuridicheskaya kharakteristika, osobennosti i problemy primeneniya ugolovnogo zakonodate'stva: uchebnik dlya vuzov [Crimes against ecology: system, legal characteristics, features and problems of application of criminal legislation: a textbook for universities]. M.: Yurait, 2025. 224 s.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СОДЕРЖАНИЯ В ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН

Бражин Юрий Юрьевич,
Дубов Егор Игоревич,
Лукьянов Руслан Игоревич

Цель: *осуществить аналитическо-сравнительное сопоставление особенностей реализации уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части согласно отечественному уголовному законодательству и законодательству Азербайджанской Республики.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

Выводы. *По результатам проведенного исследования выработано понимание специфики осуществления рассматриваемой меры наказания, определены существенные предпосылки формирования имеющейся в уголовном законодательстве модели регулирования деятельности военнослужащих, а также предложено авторское видение дальнейшего развития уголовной регулятивно-воспитательной работы с военнослужащими на основе положительного опыта Азербайджанской Республики.*

Научная и практическая значимость. *Представлена повышенной актуальностью обстоятельного исследования специфики реализации уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. С научной стороны, предлагаемые доктринальные идеи и позиции позволяют обогатить подходы к пониманию данной меры наказания с учетом имеющейся азербайджанской уголовно-правовой практики ее реализации. С практической стороны, исследование реализации уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части двух независимых государств будет способствовать совершенствованию регулятивно-воспитательного механизма отечественной уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *мера наказания, дисциплинарная воинская часть, военнослужащие, уголовное законодательство.*

В нынешних политико-правовых реалиях вопрос, связанный с обеспечением суверенитета и территориальной целостности государства, является архиважным. Для достижения вышеуказанных положений силовым блоком государства на перманентной основе реализуется комплекс защитно-охранительных процедур, ключевым звеном в котором являются вооруженные силы. В зависимости от того, насколько воинские формирования подготовлены и дисциплинированы, а также готовы оказывать противодействие предпринимаемым в отношении страны актам агрессии, будут зависеть качество и успех проводимых оборонительных действий. Традиционно, одним из самых эффективных средств стимулирования положительно-активной деятельности и воздержания от нежелательной (негативной) является принуждение. Данное средство координации деятельности людей применяется и в отношении военнослужащих, что обусловлено общественной

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-100-104

значимостью осуществляемых ими функций [1]. Поддерживаем мнение В. В. Сурина о том, что «прохождение военной службы часто сопряжено с повышенными физическими и морально-психологическими нагрузками, порой военнослужащие выполняют свои должностные обязанности в условиях риска для их жизни» [2, с. 94]. Тем не менее отметим, что принуждение военнослужащих отличается от аналогичного средства, применяемого к гражданским лицам.

Для поддержания порядка в рядах вооруженных сил законодатель избрал специфическую модель принуждения, состоящую не только в сугубо репрессивном подходе, но включающую еще и воспитательную работу. Одним из наиболее радикальных средств принуждения, применяемым к указанной категории субъектов, является содержание в дисциплинарной воинской части, назначаемое судом за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок.

Содержание в дисциплинарной воинской части — один из основных видов уголовных наказаний, применяемых в ряде зарубежных стран [3].

Содержание в дисциплинарной воинской части представляет собой один из основных видов наказаний, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации. Рассматриваемая санкция нашла свое место в п. «к» ст. 44 УК РФ, главы 33 обозначенного ранее нормативного правового акта и применяется в отношении специального субъекта — военнослужащего. Вопросами диалектического осмысления особенностей назначения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части и сравнительного правоведения уголовного законодательства в области исполнения данного вида наказания занимались многие отечественные ученые: А. Г. Ибадов [4], Р. А. Гюльалиева [5], В. Е. Батюкова [6], А. П. Скиба, Н. С. Малолеткина [7], Л. В. Рябова [8], И. А. Давыдова [9] и др.

Кроме того, данная мера наказания имеет юридическое закрепление не только в отечественном уголовном законодательстве, но и в ряде других государств [10]. Несмотря на то, что многие страны отражают в своих внутригосударственных уголовных установлениях специализированный вид наказания для военнослужащих, трудно сказать, что они полностью корреспондируют аналогичной российской санкции. Различия проявляются во многих существенных вопросах, связанных с порядком реализации, перечнем лиц, в отношении которых оно назначается, наименовании, сроках и иных особенностях. Как нетрудно заметить, даже несмотря на внешнюю схожесть избранной законодательной модели координирования деятельности военнослужащих (учреждение специального вида наказания), становится очевидным и то, что российский механизм функционирует по своему специфическому вектору. Для достижения целей настоящего исследования полагаем наиболее целесообразным рассмотреть специфику отечественного вида наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, сопоставив ее с аналогичной мерой наказания в Республике Азербайджан. Представляется, что подобное сравнительно-аналитическое рассмотрение основных содержательных аспектов порядка функционирования изложенных выше институтов позволит выработать понимание предпосылок формирования сконструированной законодателем модели регулирования деятельности военнослужащих, оценить ее эффективность, а также выявить наиболее состоятельные (положительные) аспекты азербайджанской правовой модели, которая, по нашему убеждению, тесно коррелирует с российским правовым аналогом.

Полагаем, что дальнейшее сравнительно-правовое исследование целесообразно вести исходя из обозначенных нами ранее положений — наименования, порядка реализации, перечня лиц, в отношении которых данное наказание применяется, а также сроках его исполнения.

Таким образом, следует констатировать то, что даже несмотря на условную схожесть подходов законодателей к пониманию данного института наказания, прослеживаются и малозначительные на первый взгляд различия в нескольких позициях:

1) В Российской Федерации есть возможность зачесть срок отбытия наказания в общий срок военной службы, что выражает высокую степень гуманности государства по отношению к военнослужащим. Подобная концепция, на наш взгляд, обусловлена практическим воплощением конституционных постулатов на практике. Статья 17 Конституции Российской Федерации логично открывает соответствующую вторую главу, декларирующую общий правовой статус личности. Именно поэтому указанное правоположение является стержневым в концепции взаимоотношений личности и государства. В Конституции Республики Азербайджан также имеется структурная единица (глава 3), посвященная правовому статусу личности. Нетрудно заметить, что сконструированный

Таблица

Сравнительно-правовая таблица уголовного наказания «содержание в дисциплинарной воинской части» по законодательству Российской Федерации и Республики Азербайджан

Критерии	Российская Федерация	Республика Азербайджан
Наименование наказания	содержание в дисциплинарной воинской части	аналогично с РФ
Особенности последующих служебно-правовых последствий	время пребывания в дисциплинарной воинской части может быть зачтено в общий срок военной службы	время отбывания наказания осужденным в воинской части дисциплинарного характера не засчитывается в срок действительной срочной военной службы
Перечень лиц	военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, а также военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву	военнослужащие, проходящие действительную срочную военную службу по призыву, а также военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях рядового состава и состава прапорщиков, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы
Сроки исполнения	устанавливается на срок от трех месяцев до двух лет	назначается на срок от трех месяцев до двух лет
Социальные гарантии	для осужденных военнослужащих создаются необходимые жилищно-бытовые условия в соответствии с требованиями воинских уставов	аналогично с РФ, существуют также общественные советы осужденных

конституционный текст, аналогично с текстом Конституции Российской Федерации, представлен исходя из уровня общенародных ценностей. Упоминание прав и свобод человека и гражданина, после основ государства, свидетельствует о том, что последние имеют большее значение, а потому и активно развиваются в государственных актах и на практике деятельности аппарата управления. Как итог, выявленные особенности обуславливают и специфику исправительно-регулятивной работы с военнослужащими.

2) Социальные гарантии. В Уголовном кодексе Республики Азербайджан имеется норма (ст. 147), посвященная общественным советам осужденных в воинской части дисциплинарного характера. В указанной статье прописано, что «общественный совет помогает командиру воинской части в эффективном проведении воспитательных мероприятий и свободного времени осужденных, ведет индивидуальную разъяснительную работу с осужденным». Представляется, что данный институт имеет существенно большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Сама по себе легальная возможность осужденных военных влиять на порядок отбытия наказания свидетельствует о высокой степени поддержки и доверия по отношению к «лицам, отличающимся примерным поведением, добросовестным отношением к труду и военной службе». Полагаем, что предоставленные такой категории лиц преференции не направлены исключительно на улучшение их собственного положения, а позволяют создать действенный механизм самоорганизации осужденных, на началах самодеятельности и личной ответственности. В России подобного рода института никогда не существовало. Вместо этого, в рамках своеобразных «социальных гарантий», функционирует общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний, однако формируется он преимущественно из представителей общественности, к которым предъявляется ряд требований. Позволим себе заключить, что людям, далеким от внутренних реалий пенитенциарной среды, будет проблематично эффективно содействовать осужденным в защите их прав.

Резюмируя проведенное исследование, отметим то, что в рассматриваемых нами государствах подходы законодателя к определению данной меры наказания схожи, но имеют и ряд принципиально важных, по нашему мнению, различий. Полагаем, что советы осужденных, имеющиеся в арсенале отбывающих наказание военнослужащих в Республике Азербайджан, создают возможность на более высоком уровне гарантировать естественные права и свободы человека и гражданина, а также обеспечить доступ указанной категории лиц к администрации дисциплинарных воинских частей с целью решения наиболее насущных проблем. Помимо этого, считаем важным то, что азербайджанская правовая модель создает предпосылки самоорганизации военнослужащих, отбывающих соот-

ветствующий вид наказания, формируя при этом социально-активный тип постпенитенциарного поведения. В Российской Федерации, в отличие от Республики Азербайджан, имеется возможность зачесть неотбытый срок наказания. Данное положение позволяет военнослужащему, с одной стороны, в наиболее короткий промежуток времени прервать срок отбытия наказания, а с другой — продолжить службу по призыву или контракту, обеспечивая существование наиболее значимых основ конституционного строя страны (защита государственного суверенитета и территориальной целостности).

Представляется, что для дальнейшего совершенствования российской модели координации деятельности военнослужащих следует имплементировать опыт Азербайджанской Республики по созданию общественных советов осужденных, с возможностью самостоятельно решать насущные вопросы, а также влиять на специфику режима отбытия наказания. С учетом того, что при сравнительно-правовом анализе специфики данного вида деятельности, с другим демократическо-правовым государством, становится заметен ярко выраженный гуманистический подход, то имплементация опыта с советом осужденных военнослужащих логично подстроится под воспитательно-регулятивный механизм отечественной уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Специальная военная операция и уголовное право России: учебно-библиографическое пособие / И. А. Абдулханнянов, Ю. Ю. Бражин, Е. И. Дубов, П. А. Балак. Казань: ООО «Бук», 2024. 144 с.

2. *Сурин В. В.* Особенности исполнения и отбывания наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 4 (39). С. 93–101.

3. *Манелов Д. Е.* Наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 76–79.

4. *Ибадов А. Г.* Сравнительно-правовая характеристика системы наказаний по российскому и азербайджанскому уголовному законодательству // Сборник материалов по итогам международной научно-практической конференции «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений», Воронеж, 23 мая 2019 года. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 106–108.

5. *Гюльалиева Р. А.* Вопросы регламентации наказания в УК Азербайджана (сравнительно-правовой анализ) // Юридический журнал. 2012. № 3. С. 127–132.

6. *Батюкова В. Е.* Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации преступлений экстремистской направленности (на примере Модельного уголовного кодекса, уголовных кодексов Республик Азербайджан и Армения) // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 52–59.

7. *Скиба А. П.*, *Малолеткина Н. С.* Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 176–194.

8. *Рябова Л. В.*, *Габисония Э. С.* Пробация как уголовный вид наказания в зарубежном законодательстве // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 3 (32). С. 186–191.

9. *Давыдова И. А.*, *Коробова И. Н.*, *Гумбатов М. Г.* Сравнительный анализ правового регулирования контроля за учреждениями и органами, исполняющими наказания в России и Азербайджанской Республике: учебное пособие. Рязань: Альтернатива-Р, 2017. 100 с.

10. *Гумбатов М. Г.* Новеллы в законодательстве Азербайджанской Республики, связанные с уголовным наказанием в виде общественных работ // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. С. 217–221.

References

1. *Abdulkhannyanov I. A., Brazhin Yu. Yu., Dubov E. I., Balak P. A. Spetsial'naya voennaya operatsiya i ugolovnoe pravo Rossii: Uchebno-bibliograficheskoe posobie* [Special Military Operation and the Criminal Law of Russia: Educational and Bibliographic Guide]. Kazan, OOO "Buk", 2024. 144 p. (In Russian)

2. *Surin V. V.* Osobennosti ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya v vide soderzhaniya v distsiplinarnoi voinskoi chasti [Features of execution and serving of punishment in the form of confinement in a disciplinary military unit] // In *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii [Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia],* 2020, no. 4 (39), pp. 93–101. (In Russian)

3. *Manelov D. E.* Nakazanie v vide soderzhaniya v distsiplinarnoi voinskoi chasti v ugolovnom zakonodatel'stve zarubezhnykh stran [Punishment in the form of confinement in a disciplinary military unit in the criminal legislation of foreign countries] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2008, no. 12, pp. 76–79. (In Russian)

4. *Ibadov A. G.* Sravnitel'no-pravovaya kharakteristika sistemy nakazanii po rossiiskomu i azerbaidzhanskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu [Comparative legal characteristics of the system of punishments under Russian and Azerbaijani criminal legislation] // In *Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenii [Crime in the CIS: Problems of Prevention and Detection of Crimes]:* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 23, 2019. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019, pp. 106–108. (In Russian)

5. *Gyulalieva R. A.* Voprosy reglamentatsii nakazaniya v UK Azerbaidzhana (sravnitel'no-pravovoi analiz) [Issues of regulation of punishment in the Criminal Code of Azerbaijan (comparative legal analysis)] // In *Yuridicheskii zhurnal [Law Journal],* 2012, no. 3, pp. 127–132. (In Russian)

6. *Batyukova V. E.* Sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'noi reglamentatsii prestuplenii ekstremistskoi napravlennosti (na primere Model'nogo ugolovnogo kodeksa, ugolovnykh kodeksov Respublik Azerbaidzhan i Armeniya) [Comparative legal analysis of the legislative regulation of extremist crimes (based on the Model Criminal Code and the Criminal Codes of the Republics of Azerbaijan and Armenia)] // In *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy],* 2020, no. 4, pp. 52–59. (In Russian)

7. *Skiba A. P., Maloletkina N. S.* Zakonoproekt «O probatsii v Rossiiskoi Federatsii»: nekotorye aspekty obsuzhdeniya v 2021–2022 godakh [The draft law "On Probation in the Russian Federation": some aspects of discussion in 2021–2022] // In *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal-Executive Law],* 2022, no. 2, pp. 176–194. (In Russian)

8. *Ryabova L. V., Gabisoniya E. S.* Probatsiya kak ugolovnyi vid nakazaniya v zarubezhnom zakonodatel'stve [Probation as a criminal type of punishment in foreign legislation] // In *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the North-Caucasus State Technical University],* 2012, no. 3 (32), pp. 186–191. (In Russian)

9. *Davydova I. A., Korobova I. N., Gumbatov M. G.* Sravnitel'nyi analiz pravovogo regulirovaniya kontrolya za uchrezhdeniyami i organami, ispolnyayushchimi nakazaniya v Rossii i Azerbaidzhanskoi Respublike: uchebnoe posobie [Comparative Analysis of the Legal Regulation of Control over Institutions and Bodies Executing Punishments in Russia and the Republic of Azerbaijan: Textbook]. Ryazan, Al'ternativa-R Publ., 2017. 100 p. (In Russian)

10. *Gumbatov M. G.* Novelly v zakonodatel'stve Azerbaidzhanskoi Respubliki, svyazannye s ugolovnym nakazaniem v vide obshchestvennykh rabot [Novelties in the legislation of the Republic of Azerbaijan related to criminal punishment in the form of community service] // In *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal-Executive Law],* 2018, no. 2, pp. 217–221. (In Russian)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ КРИТЕРИЯХ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Кадников Николай Григорьевич,
Карпушкин Артем Вячеславович

Цель: *выработка с опорой на зарубежный нормотворческий и правоприменительный опыт предложений по оптимизации отечественного законодательства в данной сфере.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системный метод.*

Выводы. *Обобщение сравнительно-правового анализа законодательства государств СНГ в сфере причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, позволяет констатировать минимальные расхождения, допустимые для унификации в соответствии с положениями Модельного Уголовного кодекса СНГ, но с некоторыми особенностями. Терминологически корректным признается обозначение субъекта задержания как «лица, совершившего общественно опасное деяние» (опыт Беларуси, Узбекистана, Казахстана), а не исключительно «преступления». Данная конструкция обеспечивает правовую легитимность задержания при непосредственном наблюдении общественно опасного деяния, независимо от последующей уголовно-правовой квалификации. Обоснована целесообразность заимствования иерархии субъектов задержания: приоритет за сотрудниками правоохранительных органов при субсидиарном праве потерпевших и иных лиц (модель Узбекистана, Таджикистана, Казахстана), что в большей мере соответствует требования Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ. Позитивный зарубежный опыт подлежит дифференцированной адаптации для оптимизации отечественных норм и правоприменительной практики при обязательном учете негативных прецедентов несоразмерного причинения вреда, ведущих к нарушению прав задерживаемых.*

Научная и практическая значимость. *В настоящее время доктрина уголовного права в основном солидарна с наличием в главе 8 УК РФ в целом и ст. 38 УК РФ в частности оценочных понятий, затрудняющих применение указанных норм. Полученные в ходе авторского исследования выводы дополняют и развивают теорию уголовного права о возможных вариантах совершенствования причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления. С практической точки зрения нормативное закрепление предлагаемых ко вниманию заинтересованных лиц изменений уголовного закона должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующей нормы уголовного права.*

Ключевые слова: *причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обстоятельства, исключающие преступность деяния, сравнительный анализ, зарубежный опыт, сотрудник полиции.*

Статья 38 Уголовного кодекса Российской Федерации признает причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Данная норма устанавливает критерии правомерности причиняемого задержи-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-105-110

ваемому вреда и условия квалификации действий задерживающего как превышения мер, необходимых для задержания. Согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ, такое превышение характеризуется явным несоответствием применяемых мер характеру и степени общественной опасности преступления, совершенного задерживаемым, и конкретным обстоятельствам задержания, что влечет причинение явно чрезмерного, не обусловленного обстановкой вреда [1, с. 260].

В доктрине уголовного права неоднократно отмечалось, что конструкция ст. 38 УК РФ содержит оценочные понятия, создающие трудности в правоприменении, что актуализирует вопрос о ее совершенствовании [2, с. 56–59; 3, с. 41; 4, с. 228–239]. Приведенный тезис подтверждается и отечественной судебной практикой[1]. В этой связи представляется необходимым проведение компаративистского анализа зарубежных законодательных моделей, регламентирующих основания и пределы правомерности причинения вреда при задержании преступника.

Обеспечение деятельности правоохранительных органов по предупреждению, пресечению преступлений и задержанию лиц, их совершивших, представляет собой одну из ключевых государственных функций. Объективная возможность причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам сотрудниками правоохранительных органов в процессе задержания обуславливает потребность в детальной регламентации таких ситуаций нормами уголовного закона. При таких обстоятельствах особо актуальным видится сравнительно-правовой анализ соответствующих нормативных предписаний стран Содружества Независимых Государств (далее — СНГ).

Критерии оценки правомерности вреда, причиненного при задержании, и соответствия действий задерживающих лиц установленным требованиям демонстрируют существенные различия в национальных правовых системах. Данная дифференциация в уголовно-правовой квалификации случаев превышения мер, необходимых для задержания, обусловлена комплексом факторов, включая особенности государственно-правового устройства, специфику ведомственного нормотворчества, регулирующего применение физической силы и имеющегося вооружения, а также различия в доктринальных подходах к оценке правомерности действий должностных лиц при задержании.

Универсальная заинтересованность государств в обеспечении правопорядка обусловливает необходимость эффективного функционирования правоохранительных органов как элемента государственного механизма. Деятельность данных органов в пределах установленной компетенции направлена на достижение указанной цели.

Компаративистский анализ зарубежных моделей уголовно-правового регулирования, а именно критериев правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и оснований уголовной ответственности за превышение мер, необходимых для задержания, представляет существенную научную ценность для российской правовой доктрины. Без учета общемировых тенденций в данной сфере исследование теряет комплексность и системность [5, с. 67].

Несмотря на уникальность национальных правовых систем, особый научный интерес представляет законодательство государств — участников СНГ ввиду общности исторических условий формирования их уголовного законодательства. Статья 40 Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ (1996 г.) устанавливает, что действия по задержанию лица, совершившего общественно опасное деяние, признаются правомерными при одновременном наличии следующих условий:

1) цель задержания — передача органам власти или пресечение новых преступлений;

2) отсутствие превышения необходимых мер[2].

Учитывая рекомендательный статус Модельного кодекса, российский законодатель инкорпорировал данный институт в национальный уголовный закон как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, закрепив его в ст. 38 УК РФ под наименованием «Причинение

[1] См., например: приговор Приморского краевого суда № 22-192/2020 22-5658/2019 от 16 марта 2020 г. по делу № 1-189/19 // Судебные и нормативные акты РФ: [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/YEhQb (дата обращения: 16.07.2025). См. также: апелляционное определение Московского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 22-5979/19 // ГАС РФ «Правосудие»: [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/32NFhC (дата обращения: 16.07.2025); кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 августа 2020 г. № 77-541/2020 // Пятый кассационный суд общей юрисдикции: [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/YRkx9 (дата обращения: 16.07.2025).

[2] См.: Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ (рекомендательный акт, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».

вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Кроме того, Модельный Уголовный кодекс в ч. 3 ст. 40 закрепил право на причинение вреда при задержании, в первую очередь, специально уполномоченных на то лиц, а уже затем потерпевших и иных граждан. В отечественном уголовном законе названное положение не было отражено, а перечень лиц, наделенных правом на задержание лица, совершившего преступление, содержится в акте судебного толкования[1].

Уголовное законодательство Республики Беларусь (ст. 35 УК РБ) в целом реплицирует российскую модель обстоятельства, исключающего преступность деяния, с одним существенным отличием: субъектом задержания определено лицо, совершившее общественно опасное деяние[2]. Данная формулировка демонстрирует согласованность с Модельным УК СНГ 1996 г. Цели задержания в УК РФ и УК РБ совпадают, за исключением прямо указанной в УК РБ цели пресечения новых общественно опасных деяний. Примечательно, что ч. 3 ст. 35 УК РБ предоставляет право на задержание не только специально уполномоченным лицам, но также потерпевшим и иным гражданам. Санкции за убийство и умышленное причинение тяжкого/менее тяжкого вреда здоровью при превышении мер задержания дифференцированы в обособленных ст. 142 и 151 УК РБ, что системно соответствует ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ.

Отличительными чертами уголовного законодательства Азербайджанской Республики в исследуемой сфере выступают закрепленные в ст. 37 УК «необходимость использования всех иных способов воздействия на задерживаемого до причинения вреда, анализ соответствия применяемых средств и способов задержания со степенью общественной опасности деяния и совершившего его лица, а также обстоятельствам задержания»[3]. Максимальный размер наказания в виде лишения свободы за убийство при превышении мер, необходимых для задержания, согласно ч. 2 ст. 123 УК Азербайджана составляет три года, а за причинение тяжкого вреда здоровью, согласно ч. 2 ст. 130 — два года. Уголовная ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью при названных обстоятельствах в Особенной части Уголовного кодекса Азербайджана не предусмотрена.

В таком случае весьма затруднительно обосновать реализованные меры задержания российских граждан и причиненный в ходе задержания вред их здоровью[4], поскольку возникает логичный вопрос о том, было ли соблюдено требование об использовании всех иных способов воздействия на задерживаемого до причинения вреда. Единственным обоснованием видится отсутствие уголовной ответственности за причинение вреда здоровью средней тяжести в обстановке задержания. Отсутствие ответственности за вред средней тяжести фактически легализует его причинение, что противоречит принципу пропорциональности и международным стандартам защиты права на жизнь и здоровье, поскольку не обеспечивает адекватных гарантий для лиц, подлежащих задержанию. Таким образом, законодатель Азербайджанской Республики по своей сути допускает причинение вреда здоровью с превышением мер, необходимых для задержания, что, на наш взгляд, не в полной мере соответствует модели правового государства, где значимость жизни и здоровья лица, хоть и дискредитировавшего себя совершением преступления, не умаляется.

Указанная нормативная конструкция (включая неконкретность критериев ст. 37 УК АР) создает трудности при оценке правомерности задержания российских граждан с причинением вреда их здоровью. Ключевой вопрос — соблюдение требования исчерпания альтернативных мер.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан в ст. 39 содержит схожую с Модельным УК СНГ формулировку, акцентируя необходимость оценки: 1) момента попытки уклонения от задержания; 2) соразмерности применяемых средств

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31 мая 2022 г.) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17 февраля 2025 г.) // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 08.08.2025).

[3] См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 апреля 2025 г.) // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 08.08.2025).

[4] Что известно о задержанных в Баку россиянах // Forbes.ru: [Электронный ресурс]. — URL: https://www.forbes.ru/society/540973-cto-izvestno-o-zaderzannyh-v-baku-rossianah (дата обращения: 15.07.2025).

и методов; 3) психофизиологического состояния задерживающего лица[1]. Субъектом задержания определено лицо, совершившее общественно опасное деяние, при этом приоритетное право предоставлено уполномоченным лицам, а субсидиарное — потерпевшим и иным гражданам. Ответственность за убийство при превышении мер задержания, закрепленная в ст. 101 УК Узбекистана, аналогична ст. 108 УК РФ, тогда как ст. 108 УК Узбекистана криминализирует лишь причинение тяжкого вреда здоровью в аналогичных условиях[2].

Критический анализ выявляет противоречия: законодательное требование исчерпания всех иных мер несет риски дестабилизации процедуры задержания и угрозы жизни, в первую очередь, задерживающих лиц. Позитивным аспектом признается оценка общественной опасности не только деяния, но и личности виновного, обеспечивающая комплексность квалификации. Учет психоэмоционального состояния задерживающего (характерного как для сотрудников правоохранительных органов, так и частных лиц) как фактора, влияющего на объективность оценки ситуации и выбор средств воздействия, как представляется, обуславливает методологически обоснованный подход.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики (ст. 49 УК КР) отличается: 1) приоритетом права на задержание за потерпевшими перед иными лицами, что создает риски подмены правомерного задержания актами самоуправства и игнорирует неспособность потерпевших от насильственных преступлений к адекватным действиям; 2) ограничением временных рамок правомерного вреда периодом «непосредственно во время или после совершения уголовно-противоправного посягательства»; 3) расширительным определением задерживаемого субъекта (включая лиц, не подлежащих уголовной ответственности)[3]. Ответственность за превышение мер наступает по ст. 132 УК КР за причинение тяжкого вреда здоровью или по ст. 124 УК КР за причинение смерти (категория менее тяжких преступлений, санкция — до 5 лет лишения свободы против 3 лет по ч. 2 ст. 108 УК РФ)[4].

Причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов регламентировано ст. 50 УК КР («Исполнение закона, приказа, обязанностей по должности»), формально коррелирующей с российским институтом исполнения приказа (ст. 42 УК РФ), но с расширительным основанием освобождения от ответственности — соблюдение не только закона, но и ведомственных нормативных актов. Данный подход усложняет уголовно-правовую оценку правомерности причиненного вреда и действий задерживающего, требующую одновременного анализа ст. 49 УК КР, ст. 50 УК КР и ведомственных предписаний, создавая риски правовой неопределенности.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (ст. 33 УК РК) устанавливает условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего уголовно наказуемое деяние[5]. При этом ч. 2 данной нормы, определяющая превышение мер задержания, тождественна ч. 2 ст. 38 УК РФ, тогда как ч. 3 фиксирует иерархию субъектов задержания: приоритет за специально уполномоченными лицами (сотрудниками правоохранительных органов), за которыми следуют потерпевшие и иные граждане. Уголовная ответственность за превышение мер регламентирована: за убийство — ст. 103 УК РК, за причинение тяжкого вреда здоровью — ст. 113 УК РК. Выявлена терминологическая непоследовательность законодателя РК в обозначении субъекта задержания («совершившее посягательство», «уголовно наказуемое деяние», «совершившее преступление»). Санкции за убийство сопоставимы с УК РФ, однако ответственность за тяжкий вред здоровью ниже, а причинение вреда средней тяжести декриминализировано.

Уголовный кодекс Таджикистана (ст. 41 УК РТ) в ч. 1–2 воспроизводит конструкцию ст. 38 УК РФ. В то же время ч. 3 УК РТ дублирует иерархию субъектов задержания по казахстанской модели, а ч. 4 детализирует обстоятельства для оценки превышения мер: попытки уклонения задержи-

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27 июня 2025 г.) // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 08.08.2025).

[2] Там же.

[3] См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 08.08.2025).

[4] В УК РФ — категория средней тяжести.

[5] См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 мая 2025 г.). // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/xQpf8 (дата обращения: 08.08.2025).

ваемого; физические и психологические возможности задерживающего; его душевное состояние[1]. Санкции за превышение мер задержания: убийство (ч. 2 ст. 107 УК РТ) и тяжкий вред здоровью (ч. 2 ст. 115 УК РТ) предусматривают одинаковый максимум наказания — 2 года лишения свободы, что противоречит принципу пропорциональности из-за разной степени общественной опасности этих деяний. Причинение вреда средней тяжести криминализировано ч. 1 ст. 115 УК РТ.

Обобщение сравнительно-правового анализа законодательства государств СНГ в сфере причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, позволяет констатировать минимальные расхождения, допустимые для унификации в соответствии с положениями Модельного Уголовного кодекса СНГ. Наличие в национальных УК стран Содружества норм, аналогичных ст. 38 УК РФ, подтверждает системную значимость уголовно-правового регулирования данных отношений. Отдельные элементы зарубежного регулирования подлежат взвешенной рецепции в российское законодательство при условии соблюдения историко-правовой преемственности и стратегических ориентиров уголовной политики РФ [6, с. 34–45], что актуально для следующих аспектов.

Во-первых, терминологически корректным признается обозначение субъекта задержания как «лица, совершившего общественно опасное деяние» (опыт Беларуси, Узбекистана, Казахстана), а не исключительно «преступления». Данная конструкция обеспечивает правовую легитимность задержания при непосредственном наблюдении общественно опасного деяния, независимо от последующей уголовно-правовой квалификации.

Во-вторых, целесообразно заимствование иерархии субъектов задержания: приоритет за сотрудниками правоохранительных органов при субсидиарном праве потерпевших и иных лиц (модель Узбекистана, Таджикистана, Казахстана), что в большей мере соответствует требования Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ.

Взвешенной критике подлежит противоположный подход Кыргызстана, предоставляющий первоочередное право потерпевшим, что создает риски подмены процессуальных процедур самоуправством.

Проблемным аспектом в законодательстве Азербайджана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана остается декриминализация причинения вреда здоровью средней тяжести при задержании, не соответствующая принципу соразмерности ответственности. Таким образом, позитивный зарубежный опыт подлежит дифференцированной адаптации для оптимизации отечественных норм и правоприменительной практики при обязательном учете негативных прецедентов несоразмерного причинения вреда, ведущих к нарушению прав задерживаемых.

Литература

1. Уголовное право России. Общая часть: учебник / [А. А. Абдульманов]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2025. 557 с.

2. *Клюев А. А.* Правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 56–59.

3. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С. В. Борисов, А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич, М. М. Дайшутов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2012. 189 с.

4. *Никуленко А. В.* Право на необходимую оборону при защите имущественных и личных неимущественных прав: иллюзорное или реальное / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 228–239.

5. *Карпушкин А. В.* Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, по отечественному и зарубежному уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. / М., 2023. 300 с.

6. *Карпушкин А. В.* К вопросу о зарубежном опыте оценки причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, сотрудниками правоохранительных органов // Legal Bulletin. 2022. Т. 7. № 2. С. 34–45.

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14 мая 2025 г.). // Юрист: [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/xRGDx (дата обращения: 08.08.2025).

References

1. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik [Criminal Law of Russia. General Part] / [A. A. Abdulmanov]; edited by Doctor of Law, Professor N. G. Kadnikov. M.: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 557 p. (In Russian)

2. *Klyuev A. A.* Pravomernost' prichineniya vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie [Legality of Causing Harm During the Detention of a Person Who Has Committed a Crime] // In *Rossijskaya yusticiya [Russian Justice].* 2015. No. 5. Pp. 56–59. (In Russian)

3. Neobkhodimaya oborona, krajnyaya neobkhodimost', zaderzhanie prestupnika (pravovaya ocenka dejstvij sotrudnikov policii) [Necessary Defense, Extreme Necessity, Detention of a Criminal (Legal Assessment of the Actions of Police Officers)] / S. V. Borisov, A. P. Dmitrenko, E. A. Russkevich, M. M. Daishutov. M.: Institute of Legislation and Comparative Law, 2012. 189 p. (In Russian)

4. *Nikulenko A. V.* Pravo na neobkhodimuyu oboronu pri zashchite imushchestvennykh i lichnykh neimushchestvennykh prav: illyuzornoe ili real'noe [The right to necessary defense in the protection of property and personal non-property rights: illusory or real] / A. V. Nikulenko, M. A. Smirnov // In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2024. No. 3 (103). Pp. 228–239. (In Russian)

5. *Karpushkin A. V.* Ugolovno-pravovaya ocenka prichineniya vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie, po otechestvennomu i zarubezhnomu ugolovnomu zakonodatel'stvu [Criminal-legal assessment of harm caused during the detention of a person who has committed a crime, under domestic and foreign criminal legislation]: Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. M., 2023. 300 p. (In Russian)

6. *Karpushkin A. V.* K voprosu o zarubezhnom opyte ocenki prichineniya vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie, sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov [On the issue of foreign experience in assessing harm caused during the detention of a person who has committed a crime by law enforcement officers] // In *Legal Bulletin*. 2022. T. 7. № 2. Pp. 34–45. (In Russian)

СТАТУС ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЗА РАМКАМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Куфлева Валентина Николаевна

Цель: *в статье рассматривается статус лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений. Исследование направлено на углубление понимания сложной структуры правового статуса лица, совершившего преступление, и выявление сложностей, возникающих в связи с его ограничениями. Особое внимание уделяется ограничениям, вытекающим из уголовного наказания, которые занимают центральное место в регулировании уголовно-правовых отношений, а также взаимосвязи уголовно-правовых ограничений с публично-правовыми и частноправовыми видами ответственности*

Методология *включает в себя сравнительно-правовой анализ, а также изучение действующего законодательства и юридической практики (отдельное внимание уделено позициям Конституционного Суда РФ), что позволяет глубже понять специфику исследуемых правоотношений. Кроме того, используются методы логического анализа для выявления взаимосвязей между правовыми нормами и реальными правами и обязанностями лиц, совершивших преступление.*

Выводы. *В результате анализа было установлено, что уголовно-правовое отношение, как правовая связь между государством и лицом, совершившим преступление, характеризуется специфическими ограничениями, которые не исчерпываются рамками уголовного законодательства. Установлено, что правоотношения, возникающие в результате совершенного преступления, имеют многогранный характер, где важную роль играют материально-правовые и процессуальные компоненты. Совокупность существующих за рамками уголовно-правовых отношений ограничений для лиц, совершивших преступления, может быть сведена в три основных блока: (а) предусмотренные нормами уголовно-исполнительного и иного законодательства ограничения, связанные с необходимостью обеспечения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия; (б) ограничения, связанные с реализацией иных, кроме уголовной, видов ответственности за обнаруженное преступлением поведение и (или) причинение вреда; (в) общие ограничения, установленные для лиц, совершивших преступления, в целях минимизации исходящих от них рисков возможного причинения вреда. Эти ограничения различаются основанием, целями, содержанием, периодом применения.*

Научная и практическая значимость *исследования заключается в обосновании необходимости пересмотра существующих подходов к правовому статусу лиц, совершивших преступления, с целью более точного определения объема правоограничений, которые они терпят. Полученные выводы могут послужить основой для дальнейших исследований в области уголовного права и прав человека.*

Ключевые слова: *уголовно-правовые отношения, правовой статус, преступление, наказание, уголовный закон, права, обязанность, правоограничение, судимость.*

Введение

Уголовно-правовое отношение, как порожденная преступлением правовая связь между государством и лицом, совершившим это преступление, имеет строго очерченное содержание и временные параметры существования. В рамках этого правоотношения реализуются взаимные притязания государства и лица, совершившего преступление, по поводу только одного объекта — уголовно-правового статуса лица, виновно совершившего запрещенное уголовным законом деяние.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-111-121

Вместе с тем не требует специальных доказательств и не является научным открытием суждение о том, что, во-первых, уголовное правоотношение — не единственная правовая связь, в которой пребывает лицо, совершившее преступление, и, во-вторых, правоограничения, порожденные фактом совершения преступления, не исчерпываются сферой уголовно-правовых отношений. Эти обстоятельства и связанные с ними сложности отмечались в литературе более века тому назад [1, с. 824]. В современных условиях проблема ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление, за рамками уголовного правоотношения и не средствами уголовного закона не только не утратила своей актуальности, но и приобрела дополнительный стимул к обсуждению, учитывая, что объем и суровость таких ограничений нарастают, а сами они становятся все более значимым компонентом правового статуса лица, совершившего преступление.

Структура правового статуса лица, совершившего преступление, достаточно сложна. Будучи модусом правового статуса личности в целом, он формируется либо ограничением прав и законных интересов, наложением дополнительных обязанностей, либо наделением дополнительными правами [2, с. 69]. Эта давно представленная в науке позиция в целом правильная. Однако она требует уточнения в трех моментах:

— во-первых, специальные права, которые входят элементом в статус лица, совершившего преступление, являются весьма специфичными в том плане, что они не создают привилегий и дополнительных возможностей для такого лица по сравнению со всеми остальными гражданами, поскольку никто не может создавать себе преимуществ за счет нарушения закона;

— во-вторых, акцентируя внимание на обязанностях и запретах, которые объективно составляют ядро правового статуса лица, совершившего преступление, важно указать, что в их общей массе для целей уголовно-правового анализа имеют значение лишь те, что непосредственно связаны с совершением преступления, вызваны им, а не каким-либо иным юридическим фактом;

— в-третьих, всегда необходимо различать связанные с совершенным преступлением «материально-правовые» и «процессуальные» компоненты правового статуса, а внутри материально-правовых различать собственно уголовно-правовые обязанности и обязанности и ограничения, являющиеся элементом содержания иных правоотношений.

С учетом этих предварительных замечаний, правовой статус лица, совершившего преступление, для целей его уголовно-правового анализа может рассматриваться как некоторого рода исключение из общего правового статуса личности, как набор по преимуществу материально-правовых ограничений и обязательств, возлагаемых в связи с фактом совершения преступления и по поводу этого факта.

Ограничения, вытекающие из уголовного наказания

Лишение или ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление, составляют основное содержание государственной деятельности в рамках регулирования уголовно-правовых отношений. На это прямо указывает легальное определение уголовного наказания, закрепленное в ч. 1 ст. 43 УК РФ. Между тем реальный объем правоограничений, составляющих содержание уголовного наказания, из текста самого уголовного закона не определяется с должной степенью определенности. Лишение свободы в реальности не заключается только в наложении ограничений на право свободно определять место своего пребывания, а исправительные работы накладывают ограничения не только на размер вознаграждения осужденных за равный по сравнению с иными работниками труд. Вопрос установления реального объема правоограничений, связанных с уголовным наказанием, — это всегда вопрос комплексного и системного анализа положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

В теоретическом и прикладном отношении важно отличать обязанности и ограничения, которые составляют суть уголовно-правового статуса (обязанность претерпеть меры воздействия), от обязанностей и ограничений, предопределенных статусом лица в качестве участника уголовно-исполнительных отношений. Ограничения, вытекающие из требований уголовно-исполнительного закона, сосуществуют наряду с уголовно-правовыми и выступают, хотя и взаимосвязанными, но относительно самостоятельными элементами правового статуса.

Применительно к наказанию в виде лишения свободы этот вопрос неоднократно становился предметом анализа со стороны Конституционного Суда РФ. В ряде решений он прямо указал, что применение к лицу, совершившему преступление, наказания в виде лишения свободы предполагает изменение привычного уклада жизни осужденного, его отношений с окружающими и оказание на него определенного морально-психологического воздействия, чем затрагиваются его права и свободы как гражданина и изменяется его статус как личности. Лицо,

совершающее умышленное преступление, должно предполагать, подчеркивал Суд, что в результате своих действий оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, а следовательно такое лицо сознательно обрекает себя и своих близких на ограничения, в том числе в правах на общение с членами семьи, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну *(определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2024 г. № 3549-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Данильченко Богдана Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision808605.pdf (дата обращения: 14.07.2025))*.

Отталкиваясь от этих суждений, Конституционный Суд РФ не усматривает нарушения конституционных прав граждан, осужденных к лишению свободы, в том, что наряду с собственно лишением свободы, они ограничиваются в праве собственности *(определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2156-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Акопяна Григория Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, пунктом 19 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и пунктом 6 приложения № 3 к данным Правилам». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision790849.pdf (дата обращения: 14.07.2025))*; праве на личную неприкосновенность *(определение Конституционного Суда РФ от 28 апреля 2022 г. № 1113-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андреева Романа Александровича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 176, пунктом 1 части 1 статьи 329 и пунктом 6 части 2 статьи 330 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также частью пятой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision609941.pdf (дата обращения: 14.07.2025))*, праве на свободу и тайну переписки и иных сообщений *(определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богатырева Василия Аркадьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 91 и частью первой статьи 95 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части 1 статьи 45 и частью 1 статьи 95 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision410102.pdf (дата обращения: 14.07.2025))*, праве на неприкосновенность частной жизни *(определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2024 г. № 250-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Игоря Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision742469.pdf (дата обращения: 14.07.2025))* и др.

К ограничениям, не составляющим содержания наказания, но связанным с ним, следует отнести и некоторые иные. Часть из них обусловлены необходимостью обеспечить исполнение наказания, как, например, запрет на выезд условно осужденных лиц за пределы страны *(постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”в связи с жалобами граждан В. Ф. Алдошиной и Т. С. — М. Идалова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1)*; другие ограничения выступают следствием установленных особенностей правового регулирования некоторых видов правоотношений (например, безусловное увольнение военнослужащего — контрактника при осуждении его за умышленное преступление к условному лишению свободы) *(определение Конституционного Суда РФ от 13 января 2022 г. № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартынова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом “е. 1” пункта 1 статьи 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” и пунктом 14 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision580369.pdf (дата обращения: 15.07.2025))*.

Все эти ограничения воспринимаются как неотъемлемая часть инфраструктуры исполнения уголовного наказания. Это не дополнительные к уголовному наказанию ограничения прав и свобод, не установленные уголовным законом, а регламентированные уголовно-исполнительным правом ограничения, составляющие часть режима исполнения собственно уголовного наказания. Их необходимо отчетливо противопоставлять друг другу, не смешивать как минимум по двум причинам:

— во-первых, чтобы связанные с исполнением наказания ограничения не вторгались в сферу ограничения прав и свобод, составляющих суть уголовного наказания и предусмотренных уголовным законом (этот момент хорошо иллюстрируют известные ситуации с предоставлением длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы *(постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 1)*, нелегитимным лишением осужденных к лишению свободы права пользования жилым помещением *(постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглоблина, А. Н. Ващука» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3)*, лишением осужденных права участвовать в голосовании *(постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5)* и др.);

— во-вторых, чтобы обеспечить соблюдение требований принципа законности в части регламентации вопросов обратной силы правоограничений, поскольку ограничения, связанные с режимом исполнения наказания, изъяты из общего оправила запрета обратного действия.

Ограничения, связанные с иными видами ответственности

Вопрос о возможности реализации нескольких видов правовой ответственности в случае совершения преступления относится к числу и дискуссионных, и сложных. Внимательный анализ теоретических источников позволяет выявить три основных подхода к его решению.

Некоторые авторы, ссылаясь на ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и придавая ей не только уголовно-правовое, но и общеправовое значение, категорически указывают на недопустимость за одно правонарушение привлекать к нескольким видам ответственности [3, с. 27].

Другая группа юристов исходят из принципиально иной теоретической посылки: допуская возможность юридической квалификации одного и того же акта поведения в качестве нескольких правонарушений, они настаивают на возможности совмещения различных видов ответственности за каждое из них. Отсюда и тезисы о принципиальной совместимости, например, гражданской и уголовной ответственности [4, с. 63], дисциплинарной и административной [5, с. 6], а также общий тезис о том, что возможность применения нескольких видов юридической ответственности вполне оправданна и не противоречит правовым принципам [6, с. 55].

Наконец, третью группу авторов составляют юристы, которые допускают сочетание за одно нарушение нескольких видов ответственности, при условии, что они будут обладать различной природой [7, с. 89–90]. Например, И. В. Шишко пишет о возможности сочетания частноправовой и публично-правовой ответственности и о недопустимости сочетания различных видов публично-правовой ответственности за одно правонарушение [8, с. 179–180].

Идея, заложенная в третьем из представленных подходов, является наиболее перспективной.

Такой подход позволяет констатировать, прежде всего, недопустимость совмещения лицом, совершившим преступление, статуса участника одновременно уголовно-правовых и административно-деликтных отношений. В силу отмеченной Конституционным Судом РФ общности целей, задач, принципов уголовной и административной ответственности, которые в публично-правовом пространстве существенно дополняют друг друга *(постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5)*, никто не может нести одновременно административную и уголовную ответственность за одно и то же деяние. В этом — одна из ключевых гарантий принципа справедливости (non bis in idem) в той его трактовке, которую предложил в свое время Европейский Суд по правам человека *(постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. «Дело Сергей Золотухин (Sergey*

Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1) и которая существенным образом способствовала оптимизации отечественной правоприменительной практики *(постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. № 77-3385/2023)*.

В то же время совершение преступления не исключает возможности привлечения лица к мерам частноправовой ответственности. С теоретической точки зрения важно уточнить: речь не идет о привлечении к той или иной частноправовой ответственности за совершенное преступление. За преступление может следовать только уголовная ответственность. Речь идет о том, что совершенное лицом деяние либо само по себе, либо в связи с теми последствиями, которое оно вызвало, может обладать качеством юридического факта, порождающего те или иные правоотношения, в рамках которых и будет реализована иная, кроме уголовной, ответственность. Это не обязательно должны быть последствия, описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ при конструировании состава преступления. Это могут быть и иные последствия, проявляющие себя в самых различных сферах и касающиеся самых разных лиц и обстоятельств, последствия, которые в науке принято именовать «социальными».

Понятие юридического факта в данном случае центральное. Не анализируя его детально, акцентируем внимание на том, что фактическое действие (бездействие), каким бы оно ни было, само по себе не влечет никаких юридических последствий. Оно может их вызвать лишь при условии, что на то будет государственная воля, выраженная в правовой норме, что государство опишет это действие (бездействие) соответствующим образом и свяжет именно с таким, а не каким иным описанием этого действия (бездействия) определенные правовые последствия. Как пишет по этому поводу В. В. Долинская, «в основе определенного правового результата находится не само явление действительности, а зафиксированная в норме права соответствующая ему правовая модель» [9, с. 93].

Эта модель может включать (и включает в действительности) описание тех аспектов или характеристик совершенного деяния и его последствий, которые значимы для регулирования отношений, составляющих предмет той или иной отрасли права. И поскольку таковых аспектов множество, законодатель вправе отразить это множество во множестве моделей юридических фактов в самых разных отраслях права, предусмотрев в каждой из них определенные правовые последствия.

На этой теоретической основе строится сосуществование различных видов правовой ответственности: внешне как бы на основании одного деяния, но по существу — на основании различных правовых моделей этого деяния, на основании различных юридических фактов. Такое понимание теории позволяет в практической деятельности избежать существенных ошибок, связанных с реализацией мер частноправовой ответственности лиц, совершивших преступление, которые, как показывает анализ практики, наиболее часто связаны с двумя обстоятельствами: а) непризнание или напротив, признание преюдициальной силы решения по уголовному делу, в котором подтвержден факт совершения преступления; б) игнорирование того обстоятельства, что основанием применения мер частноправовой ответственности выступает не преступление само по себе, а связанные с ним обстоятельства, в том числе находящиеся за рамками состава преступления. Именно сочетание, с одной стороны, силы преюдиции, а с другой стороны, недостаточности установленных в преюдиционном решении обстоятельств служит значимым источником проблем.

Как известно, наиболее часто сочетание ответственности проявляет себя в процессе решения вопроса о возмещении материального или морального вреда, причиненного преступлением. Компенсация вреда, как мера гражданско-правовой ответственности, требует, с одной стороны, доказанности факта совершения преступления конкретным лицом и причинения им вреда, а с другой стороны, требует самостоятельного и независимого определения размера возмещения этого вреда. Отсюда:

— признание в приговоре суда за гражданским истцом права на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением, означает установление судом общих условий наступления деликтной ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя, а также специальных ее условий, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий *(определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 ноября 2022 г. № 21-КГ22-6-К5)*. В этом случае приговор суда не может рассматриваться как обычное письменное доказательство, обладающее свойством преюдициальности, так как этим приговором разрешен по существу гражданский иск о праве. Отказ суда, рассматривающего в порядке гражданского судо-

производства вопрос о размере возмещения причиненного преступлением вреда, руководствоваться таким приговором, являлся бы прямым нарушением принципа общеобязательности судебного решения *(определение Конституционного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № 1442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision280192.pdf (дата обращения: 16.07.2025))*. В соответствии с условиями преюдиции (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ) тот факт, имело ли место определенное действие (преступление) и совершено ли оно конкретным лицом, не должны подлежать доказыванию, и суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика. Он может разрешать вопрос лишь о размере возмещения *(определение Верховного Суда РФ от 25 января 2011 г. № 70-В10-7)*. При этом в решении суда, помимо ссылки на приговор по уголовному делу, следует приводить иные имеющиеся в гражданском деле доказательства, обосновывающие размер присужденной суммы (например, учет имущественного положения ответчика или вины потерпевшего) *(постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2);*

— аналогичным образом ст. 61 ГПК РФ предусматривает преюдициальное значение приговора по уголовному делу, в котором гражданский иск не предъявлялся или не был разрешен, а также в котором он был оставлен без рассмотрения. В указанных случаях отсутствуют препятствия для предъявления гражданским истцом своих требований в порядке гражданского судопроизводства, и такие требования рассматриваются с учетом общего преюдициального значения вступившего в законную силу приговора. В то же время приговор не может предрешать устанавливаемый в гражданском деле размер возмещения вреда, причиненного преступлением, что обусловлено особенностями гражданско-правовой ответственности *(определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2020 г. № 297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крючкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 3)*;

— если в рамках уголовного судопроизводства факт виновного причинения вреда конкретным лицом не подтвержден приговором, то в рамках гражданско-правового разбирательства требуется самостоятельное установление основания ответственности. Это значит, в частности, что решение об освобождении лица от уголовной ответственности или решение об отказе в возбуждении уголовного дела не обладает преюдиционным значением в смысле ч. 4 ст. 61 ГПК РФ. Содержащиеся в таком процессуальном решении данные, включая сведения об установленных фактических обстоятельствах совершенного деяния, не обладают доказательственной силой. Привлечение к деликтной ответственности лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, требует установления судом состава гражданского правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину *(определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2023 г. № 16-КГ23-11-К4)*.

Схожие по существу проблемы и правила существуют при реализации иных видов частноправовой ответственности.

Так, одной из мер ответственности по семейному праву выступает лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ). Оно является крайней мерой ответственности, которая применяется судом только за виновное поведение родителей и только в том случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным *(постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1; определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2024 г. № 3446-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки К. на нарушение ее конституционных прав абзацем седьмым статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision810898.pdf (дата обращения: 16.07.2025))*. Факт совершения родителем преступления против ребенка должен быть подтвержден вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа

предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию *(апелляционное определение Ленинградского областного суда от 13 сентября 2022 г. № 33-567/2022)*. Однако самого по себе факта преступления недостаточно для принятия решения о лишении родительских прав. Необходимо, чтобы совершившее преступление лицо осуществляло родительские права в противоречии с интересами ребенка и что общение с ним причиняет несовершеннолетнему вред.

В трудовом праве законодатель (в ст. 81 ТК РФ) предусмотрел возможность расторжения трудового договора в случае совершения ряда деяний, которые коррелируют с преступными (могут содержать в себе признаки преступления или быть частью преступного деяния), в том числе разглашение охраняемой законом тайны, совершение виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, представление работником работодателю подложных документов при заключении трудового договора, нарушение требований охраны труда. Прямо названы в ряду оснований увольнения такие установленные вступившим в законную силу приговором суда преступления, как совершенные по месту работы хищения, растрата, умышленное уничтожение или повреждение имущества. В строгом соответствии с законом, и на это обращают специальное внимание исследователи, увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания является правом, а не обязанностью работодателя, реализация которого надлежащим образом может быть достигнута только в случаях, предусмотренных ТК РФ [10, с. 184]. Соответствующие основания к увольнению, если они проявились в преступлении, должны быть подтверждены приговором по уголовному делу, который в данном случае абсолютно преюдиционен. При этом увольнение само по себе не является проявлением «двойной» ответственности. Не предполагая произвольного применения, соответствующее основание увольнения направлено на соблюдение баланса интересов сторон трудового договора *(определение Конституционного Суда РФ от 31 октября 2023 г. № 2764-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белозерова Игоря Олеговича на нарушение его конституционных прав подпунктом “г” пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision719866.pdf (дата обращения: 17.07.2025))*. Оно представляет собой неблагоприятные правовые последствия невыполнения стороной трудового договора принятых на себя обязательств *(определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 707-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никифорова Бориса Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом “г” пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132476.pdf; определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 1676-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рубисовой Екатерины Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьей 193 Трудового кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision694981.pdf (дата обращения: 17.07.2025))*.

Таким образом, в гражданском, семейном, трудовом праве предусмотрены самостоятельные основания и меры ответственности, которые в установленном порядке могут быть применены к лицу, совершившему преступление, существенным образом определяя его статус за рамками уголовно-правовых (и уголовно-исполнительных) отношений. Такая ответственность, еще раз подчеркнем, наступает не за преступление, а в связи с юридическим фактом, который в той или иной степени включает в себя обстоятельства и признаки деяния, которое в уголовном праве оценено в качестве преступления. Отсюда одновременно и требования преюдиционности решений, принимаемых в рамках уголовного судопроизводства, и требования самостоятельности в оценке юридического основания применения мер частно-правовой ответственности, и «параллельное» сосуществование правоограничений, вытекающих из факта привлечения лица, совершившего преступление, к различным видам ответственности. В любом случае важно подчеркнуть, что иноотраслевые правоограничения вызываются к жизни обстоятельствами совершения преступления.

Ограничения предупредительной направленности

Анализ нормативных источников свидетельствует, что ограничение прав за пределами уголовной и иной ответственности лиц, совершивших преступление, основывается, как правило, на категории судимости, хотя в некоторых ситуациях (например, при поступлении на службу в органы государственной безопасности, государственной охраны, принудительного исполнения или при решении вопроса о возможности усыновлении) оно связывается и с фактом прекращения уголовного

преследования по нереабилитирующим обстоятельствам, которым, как известно, констатируется совершение преступления конкретным лицом без установления его вины.

При этом важно подчеркнуть, что между содержанием правоограничения и особенностями совершенного преступления далеко не всегда устанавливается предметная связь. Если, к примеру, в качестве эксперта для проведения экспертизы информационной продукции для несовершеннолетних вполне логично не могут выступать лица, имеющие или имевшие судимость за некоторые преступления против личности, против половой неприкосновенности и половой свободы, против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности *(Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ст. 17) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48)*, то на службу в органы и организации прокуратуры не может быть принято лицо, которое имело или имеет судимость за любое преступление *(Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 40.1) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472)*. Это обстоятельство не позволяет поддержать высказанную в науке мысль о том, что такие ограничения в качестве своего материального основания (юридического факта) имеют общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом [11, с. 7, 9–10; 12, с. 145–153]. Ограничения, как можно судить на основе анализа правовых источников, не определяются преступлением, и совершенно точно не следуют за ним как необходимое последствие за юридическим фактом. В основе этих правоограничений иная идея и иная правовая конструкция, а именно идея несовместимости выполнения некоторых видов общественно значимой деятельности (не только профессиональной, кстати, но и иной) лицами с запятнанной репутацией.

Лицо, совершившее преступление, (причем не важно, осуждено оно за это преступление или нет) представляет собой источник «социального напряжения». Эту мысль косвенно признает Конституционный Суд РФ, сформулировавший в своих решениях два связанных тезиса:

— на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений;

— прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям само по себе не исключает потенциальную опасность лица, в отношении которого уголовное преследование не было доведено до вынесения судом приговора *(постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 7. Ст. 735)*.

Именно опасность лица, совершившего преступление, создает потенциальные риски для конституционно значимых ценностей, тогда как защита этих ценностей предопределяет введение некоторых ограничений для потенциально опасных лиц. Сами эти правоограничения в настоящий момент не систематизированы и не проанализированы в должной мере, их правовая природа остается во многом дискуссионной.

В общем виде эти правоограничения, как было указано, связаны с судимостью. Значение судимости не ограничивается только сферой уголовно-правовых отношений. За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера. Эти правовые последствия судимости не преследуют цель реализации уголовной ответственности. Они проявляют себя в иных отраслях и связаны с установлением административного надзора *(определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы” и Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision113201.pdf (дата обращения: 17.07.2025))*, запретом на занятие определенных должностей (в частности, судей, работников прокуратуры, сотрудников полиции и др.) либо на занятие определенными видами профессиональной деятельности *(постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331*

и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189), на обращение с предметами повышенной опасности (например, оружием *(определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулина Вадима Исмагиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части двадцатой статьи 13 Федерального закона "Об оружии"». [Электронный ресурс]: URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision816892.pdf (дата обращения: 17.07.2025))*, на реализацию некоторых прав (например, пассивного избирательного права *(постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1)* и др.

Важно указать, что целевая установка этих неуголовно-правовых последствий судимости в определенный момент и при определенных обстоятельствах позволяет законодателю разорвать их темпоральную связь с судимостью. Конституционный Суд РФ отметил, что общеправовые последствия судимости, по общему правилу, должны соответствовать срокам судимости. Однако в порядке исключения, если это необходимо в целях защиты конституционных ценностей, вопрос о сроках может быть решен в федеральном законе иным образом — с учетом предмета регулирования и при соблюдении критериев разумности и соразмерности, в связи с чем некоторые общеправовые последствия судимости могут проявлять себя в отношении лица, совершившего преступление, пожизненно *(постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации," части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова»)*.

Заключение

Подводя итоги анализу правового статуса лица, совершившего преступление, за рамками уголовно-правовых отношений, представляется возможным сформулировать основные выводы:

— правовой статус лица, совершившего преступление, если его рассматривать с точки зрения специальных прав, обязанностей и ограничений, формируется за счет совокупности обременений, существующих в рамках уголовно-правовых отношений и на основании уголовно-правовых норм, и иных ограничений, реализуемых за рамками уголовно-правовых отношений;

— исследование ограничений, существующих за рамками уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления, диктуется необходимостью формирования полного представления о правовом статусе таких лиц в целях (а) постановки этих ограничений под контроль конституционных положений о правах человека и принципах права; (б) адекватной оценки государственных усилий, предпринимаемых в направлении гуманизации уголовно-правовой политики;

— совокупность существующих за рамками уголовно-правовых отношений ограничений для лиц, совершивших преступления, может быть сведена в три основных блока: (а) предусмотренные нормами уголовно-исполнительного и иного законодательства ограничения, связанные с необходимостью обеспечения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия; (б) ограничения, связанные с реализацией иных, кроме уголовной, видов ответственности за обнаруженное преступлением поведение и (или) причинение вреда; (в) общие ограничения, установленные для лиц, совершивших преступления, в целях минимизации исходящих от них рисков возможного причинения вреда;

— эти ограничения различаются основанием, целями, содержанием, периодом применения, но будучи соотнесенными с уголовно-правовыми ограничениями, требуют: (а) соблюдения принципа законности и недопустимости наполнения режима исполнения наказания ограничениями, не вытекающими из сущности о наказания, являющимися не предусмотренным уголовным законом дополнительным лишением или ограничением прав; (б) соблюдения принципа non bis in idem и недопустимости совмещения различных видов публично-правовой ответственности за одно правонарушение; (в) соблюдения условий и пределов преюдиционной силы судебных постановлений по уголовным делам при разреше-

нии вопросов о реализации мер частно-правовой ответственности с осознанием самостоятельности оснований и целей применения этих мер; (г) соблюдения конституционных стандартов соразмерности и пропорциональности при введении общих ограничений для лиц, совершивших преступление, особенно в ситуациях когда они вводятся за пределами срока судимости.

Литература

1. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая: в 2-х томах. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 816–1460.

2. *Луничев Е. М.* Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М.: Проспект, 2012. 144 с.

3. *Алиев Я. Л., Сальников С. П., Султыгов М. М.* Недопустимость удвоения ответственности при совершении правонарушения — важнейшая гарантия защиты прав сотрудников полиции // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 25–28.

4. *Михлин А. С.* Последствия преступления. М.: Юридическая литература, 1969. 104 с.

5. *Носова Ю. Б.* Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 24 с.

6. *Жукова Ю. А.* Дисциплинарная ответственность работников как правовое средство обеспечения исполнения трудовых обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 22 с.

7. *Мирошниченко Н. В.* Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. М.: Юрлитинформ, 2014. 380 с.

8. *Шишко И. В.* Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 305 с.

9. *Долинская В. В.* Понятие и классификации юридических фактов: очерк систематизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 91–102.

10. *Шаронов С. А.* Увольнение работника как вид дисциплинарного взыскания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 178–185.

11. *Манахова М. П.* Профессиональные запреты для лиц с криминальным прошлым: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 22 с.

12. *Пимонов В. А.* Профессиональные запреты для лиц с криминальным прошлым как правовое последствие преступления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 145–153.

References

1. *Tagantsev N. S.* Russkoye ugolovnoye pravo. Chast' obshchaya: v 2-kh tomakh. T. 2. [Russian criminal law. General part: in 2 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg: Gos. tip., 1902. Pp. 816–1460. (In Russian).

2. *Lunichev E. M.* Status nesovershennoletnego v ugolovnom prave Rossii. [Status of a minor in the criminal law of Russia]. M.: Prospect, 2012. 144 p. (In Russian)

3. *Aliyev Ya. L., Sal'nikov S. P., Sultygov M. M.* Nedopustimost' udvoyeniya otvetstvennosti pri sovershenii pravonarusheniya — vazhneyshaya garantiya zashchity prav sotrudnikov politsii [Inadmissibility of doubling responsibility when committing an offense is the most important guarantee of protecting the rights of police officers] // In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' [Legal science: history and modernity].* 2012. № 1. Pp. 25–28. (In Russian, abstract in English)

4. *Mikhlin A. S.* Posledstviya prestupleniya [Consequences of a crime]. M.: Yuridicheskaya literatura, 1969. 104 p. (In Russian)

5. *Nosova Yu. B.* Distsiplinarnaya otvetstvennost' gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii [Disciplinary responsibility of state civil servants of the Russian Federation: author's abstract]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2008. 24 p. (In Russian)

6. *Zhukova Yu. A.* Distsiplinarnaya otvetstvennost' rabotnikov kak pravovoye sredstvo obespecheniya ispolneniya trudovykh obyazannostey [Disciplinary responsibility of employees as a legal means of ensuring the fulfillment of labor duties]. Dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2005. 22 p. (In Russian)

7. *Miroshnichenko N. V.* Teoreticheskiye osnovy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannyye s narusheniyem professional'nykh funktsiy [Theoretical foundations of criminal liability for crimes related to the violation of professional functions]. M.: Yurlitinform, 2014. 380 p. (In Russian)

8. *Shishko I. V.* Ekonomicheskiye pravonarusheniya: voprosy yuridicheskoy otsenki i otvetstvennosti [Economic offenses: issues of legal assessment and liability]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 305 p. (In Russian)

9. *Dolinskaya V. V.* Ponyatiye i klassifikatsii yuridicheskikh faktov: ocherk sistematizatsii [Concept and classification of legal facts: an essay on systematization] // In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice].* 2018. № 4. Pp. 91–102. (In Russian, abstract in English)

10. *Sharonov S. A.* Uvol'neniye rabotnika kak vid distsiplinarnogo vzyskaniya [Dismissal of an employee as a type of disciplinary sanction] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2024. № 5. Pp. 178–185. (In Russian, abstract in English)

11. *Manakhova M. P.* Professional'nyye zaprety dlya lits s kriminal'nym proshlym [Professional prohibitions for persons with a criminal past: author's abstract]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2008. 22 p. (In Russian)

12. *Pimonov V. A.* Professional'nyye zaprety dlya lits s kriminal'nym proshlym kak pravovoye posledstviye prestupleniya [Professional prohibitions for persons with a criminal past as a legal consequence of a crime] // In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Tver State University. Series: Law].* 2015. № 2. Pp. 145–153. (In Russian)

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 314.1 УК РФ

Мельников Евгений Александрович

Цель: *дать характеристику de lege lata и de lege ferenda объекту и объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, с учетом существующих в науке и правоприменительной практике дискуссионных вопросов.*

Методология: *В качестве ключевого методологического подхода при исследовании применен формально-логический метод, позволивший соотнести нормы законодательства с их теоретическим толкованием специалистами в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, а также разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Посредством диалектического подхода автором сделан ряд предложений de lege ferenda по совершенствованию диспозиции норм, содержащихся в ч. 1 и ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Кроме того, автором были задействованы дискурсивный, текстуальный, межотраслевой и институциональный методы научного познания.*

Выводы. *Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, концептуально не отличается от объекта посягательств, предусмотренных ст. 314 и 315 УК РФ. Им являются общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Подобное понимание основного непосредственного объекта данного преступления должно исключать возможность квалификации действий одного и того же лица, многократно нарушающего обязанности административного надзора, по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ по совокупности преступлений.*

Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, имеет свои особенности. Для привлечения к уголовной ответственности по данной статье недостаточно установить факт неоднократного нарушения поднадзорным лицом ограничения или ограничений административного надзора. Такая неоднократность должна быть дополнительно сопряжена с совершением данным лицом иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Таким образом, данное преступление посягает не только на интересы правосудия, но и на иную группу общественных отношений. Поэтому вопрос о возможной совокупности преступлений в действиях одного и того же лица, которое выполнив объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, допускает новое нарушение ограничений административного надзора, сопряженное с совершением иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, является дискуссионным.

Представляется правильным, чтобы наряду с общественно опасными деяниями, предусмотренными ч. 1 и ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, было криминализировано и любое злостное неисполнение ограничения или ограничений административного надзора, в том числе без цели уклонения от него.

Научная и практическая значимость. *Реализация изложенных в статье подходов позволит усовершенствовать механизм уголовно-правого обеспечения института административного надзора.*

Ключевые слова: *преступление, административное правонарушение, правосудие, порядок управления, преюдиция, уклонение, административный надзор, обязанность, объект, объективная сторона.*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-122-130

Проблемы объекта преступления

В доктрине вопрос об объекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, является дискуссионным. Это обусловлено и историей становления и развития этого института в отечественном законодательстве.

В дореволюционный период существовал «полицейский надзор», который получил окончательное юридическое оформление в связи с принятием Положения о полицейском надзоре 12 марта 1882 г. Полицейский надзор был нескольких видов: подследственный, судебный и административный. В зависимости от вида он мог назначаться как в судебном, так и в административном порядке. Помимо видов полицейского надзора, законодательством было предусмотрено несколько его режимов: секретный (негласный) и гласный, который подразделялся на обыкновенный и строгий [1, с. 101; 2, с. 194].

После Октябрьской революции 1917 г. и до середины 1966 г. административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, не устанавливался и не осуществлялся.

В 1966 г. Указом Президиума ВС СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI *(Ведомости ВС СССР. 1966. № 30. Ст. 597)* было утверждено Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, институт административного надзора был возвращен. В п. 16 Положения об административном надзоре было указано, что лица, нарушившие правила административного надзора, привлекаются к административной или уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством союзных республик. Указом Президиума ВС СССР от 4 августа 1966 г. «О внесении изменений в дополнение в Уголовный кодекс РСФСР» в УК РСФСР в главу 9 «Преступления против порядка управления» была введена ст. 198.2 «Злостное нарушение правил административного надзора».

Основанием привлечения к уголовной и административной ответственности являлось нарушение правил административного надзора, совершенное с целью уклонения от него. Указанная цель понималась «как обязательное субъективное основание ответственности за правонарушение» [3, с. 249].

Нарушение правил административного надзора с целью уклонения от него признавалось злостным, если оно было совершено умышленно и без уважительных причин лицом, которое дважды в течение года подвергалось административному взысканию за подобные нарушения, если с момента применения этих мер за второе нарушение не истек один год *(п. 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 июля 1974 г. № 6 «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1974. № 4)*.

Позже ст. 198.2 УК РСФСР Указом Президиума ВС СССР от 13 сентября 1983 г. «О внесении изменений в дополнение в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» *(Ведомости ВС СССР 1983. № 37. Ст. 1334)* была дополнена ч. 2, в которой была установлена уголовная ответственность за общественно опасные деяния, аналогичные тем, за которые в настоящее время предусмотрена уголовная ответственность в ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

Таким образом, в рассматриваемый период злостное нарушение правил административного надзора было отнесено законодателем к преступлениям против порядка управления, при том, что объективные стороны общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 198.2 УК РСФСР 1960 г. и ч. 1 ст. 314.1 УК РФ аналогичные.

Представляется, что важным аргументом для принятия подобного решения, по нашему мнению, был внесудебный порядок установления административного надзора (п. 10 Положения об административном надзоре).

Уголовная ответственность, предусмотренная ст. 198.2 УК РФ, была отменена Законом РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР». В УК РФ на момент принятия уголовная ответственность за уклонение от административного надзора предусмотрена не была [4, с. 62–63].

КоАП РФ на момент принятия также не предусматривал какой-либо ответственности за нарушение правил административного надзора. Статья 19.24 КоАП РФ устанавливала ответственность за «невыполнение лицом, освобожденным из мест лишения свободы, обязанностей, установленных в отношении него судом в соответствии с федеральным законом». Однако на момент вступления в силу КоАП РФ соответствующего федерального закона об административном надзоре принято не было. Формально продолжало действовать Положение об административном надзоре 1966 г., предусматривающее внесудебный порядок его установления.

Таким образом, с 1 июля 2002 г. какой-либо ответственности за нарушение правил администра-

тивного надзора в законодательстве фактически предусмотрено не было.

Институт административного надзора в России был восстановлен в 2011 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Параллельно были внесены изменения в УК РФ и КоАП РФ — установлена ответственность за уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ) и за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ) *(Федеральный закон 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"» // СПС «КонсультантПлюс»)*.

В проекте Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «воспрепятствование осуществлению административного надзора» (ст. 321.1 УК РФ — в проекте) было отнесено к преступлениям против порядка управления *(Законопроект № 136972–5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"» // СПС «КонсультантПлюс»)*. Однако после второго чтения данное посягательство вошло в перечень преступлений против правосудия (глава 31 УК РФ).

Сопоры об объекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, также порождает ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, которая была введена в УК РФ в 2014 г. *(Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)*. Данная норма устанавливает уголовную ответственность за «неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях)...». При этом правонарушение, предусмотренное ст. 19.24 КоАП РФ, отнесено законодателем также к числу правонарушений против порядка управления.

В КоАП РФ нет отдельного раздела, объединяющего правонарушения против правосудия. Поэтому законодательное определение объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1, не может являться аргументом в пользу отнесения данного деяния к числу преступлений против порядка управления. Полагаем, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, имеет иной объект, не связанный с общественными отношениями, характеризующими авторитет правосудия либо нормальный порядок управления. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен ниже при анализе объективной стороны указанного состава преступления.

В отличие от внесудебного порядка установления административного надзора, предусмотренного Положением об административном надзоре 1966 г., в настоящее время административный надзор может быть установлен только по судебному решению даже в тех случаях, когда его установление является обязательным в соответствии с законодательством. Статья 314.1 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение поднадзорного лица от исполнения обязанностей, установленных судебным решением, то есть за уклонение от исполнения судебного постановления. В этом аспекте основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, концептуально не отличается от объекта посягательств, предусмотренных ст. 314 и 315 УК РФ. В данном случае также идет речь о посягательстве на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия [5, с. 63; 6, с. 26]. Это в полной мере относится к ч. 1 ст. 314.1 УК РФ и с определенными оговорками к ч. 2 рассматриваемой статьи.

В юридической науке нет единой точки зрения о правовой природе института административного надзора [7, с. 201]. Мы согласны с позицией тех специалистов, которые считают, что административный надзор имеет уголовно-правовую природу [8, с. 55; 9, с. 1711].

Вместе с тем административный надзор не является уголовным наказанием, на что обращал внимание Конституционный Суд РФ *(определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. № 1740-О // СПС «КонсультантПлюс»)*.

Некоторые российские специалисты находят схожесть административного надзора иных мер уголовно-правового характера [10, с. 37]. В частности, в доктрине отмечается, что иные меры уголовно-правового характера являются принудительными мерами; назначаются только от

имени государства судом; применяются к лицам, совершившим преступные деяния; не содержатся в санкциях статей УК РФ; по своей сути и содержанию связаны с определенными ограничениями, но не имеют непосредственно карательного свойства; направлены на предупреждение и недопущение совершения виновными лицами новых преступных деяний [11, с. 6–17]. Все это также относится и к административному надзору, который, тем не менее, не отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера.

С учетом сказанного полагаем, что составы преступлений, предусмотренные ст. 314.1 УК РФ и ч. 3 ст. 314 УК РФ, концептуально схожи. Считаем, что в целях систематизации уголовного законодательства уголовная ответственность за их совершение могла бы быть предусмотрена в соответствующей части единой статьи УК РФ.

Проблемы объективной стороны преступления

Количество уголовных дел, которые возбуждаются в отношении поднадзорных лиц по ст. 314.1 УК РФ, ежегодно увеличивается [12, с. 41–42].

Несмотря на значительное количество возбужденных уголовных дел, объективные стороны общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 314.1 УК РФ, имеют ряд недостатков.

В ч. 1 ст. 314.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за два альтернативных деяния: неприбытие без уважительных причин к избранному лицом месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок или самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения. Оба деяния должны быть совершены с целью уклонения от административного надзора. Если данная цель установлена не будет, то состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, будет отсутствовать (п. 4, 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации») *(апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тульского областного суда от 15 августа 2024 г. по делу № 22-1894 [Электронный ресурс]: // URL: https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/84926595/extended (дата обращения: 06.07.2025))*.

Анализ судебной практики показал, что если поднадзорное лицо не прибыло без уважительных причин к избранному им месту жительства или пребывания в установленный срок и не встало на учет в органе внутренних дел, либо самовольно без уважительных причин оставило место жительства, пребывания или фактического нахождения и в последующем не являлось в орган внутренних дел для регистрации, то такие обстоятельства уже свидетельствуют о намерении лица уклониться от административного надзора: «В ходе розыскных мероприятий было установлено, что ФИО8 ..., не уведомив орган внутренних дел за три рабочих дня до изменения места жительства, пребывания или фактического нахождения, самовольно покинул место жительства и, без уведомления ОВД по месту фактического нахождения, в период времени с ... по ... проживал в доме у своей матери Ш.» *(приговор Крапивинского районного суда Кемеровской области от 14 декабря 2023 г. по делу № 1-114/2022 [Электронный ресурс]: // URL: https://sudact.ru/regular/doc/4bRssw13WMVt/ (дата обращения: 06.07.2025))*.

В большинстве случаев лица, которые привлекаются к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, признают свою вину, что упрощает задачу установления цели уклонения от административного надзора. Однако иногда в действительности в подобных ситуациях речь все же идет не об уклонении от административного надзора, а о небрежном отношении к исполнению его ограничений.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» даны разъяснения и уточнения по ряду иных признаков (самовольность, неприбытие без уважительных причин и др.) объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ. Ряд этих признаков носит оценочный характер и подлежит установлению судом в каждом конкретном случае.

Место жительства или пребывания в соответствии с ч. 6 ст. 173.1 УИК РФ указывается в предписании администрации исправительного учреждения. Однако не во всех случаях лица, подлежащие постановке под административный надзор, по разным причинам могут реально находиться по избранному ими месту жительства или пребывания. Столкнувшись с этой проблемой, «поднадзорные» лица в ряде случаев не исполняют обязанность прибыть к избранному ими месту жительства или пребывания в определенный срок и явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия, в связи с чем такие лица в последующем привлекаются к уголовной от-

ветственности: «К. с целью уклонения от административного надзора по избранному им месту жительства в установленный в предписании срок не прибыл. Сам по себе довод, приводимый К., об отсутствии у него необходимости являться по избранному им адресу, поскольку В. проживала с другим мужчиной, не может быть расценен как объективное препятствие для исполнения им обязанности, указанной в предписании» *(апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 3 марта 2021 г. по делу № 22–354/2021 [Электронный ресурс]: // URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=92696 (дата обращения: 06.07.2025))*.

Отсутствие места жительства или пребывания не освобождает лицо от обязанности явиться в соответствующий орган внутренних дел для постановки на учет. Кроме этого, в целях урегулирования вопроса об осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и не имеющих постоянного места жительства или пребывания, в 2017 г. в законодательство введено понятие места фактического нахождения *(Федеральный закон от 28 мая 2017 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс»)*.

Вне зависимости от личных обстоятельств законодательство в целом предусматривает возможность для исполнения поднадзорным лицом обязанностей административного надзора, в том числе и когда оно по каким-то причинам изначально либо в последующем не может проживать по избранному им месту жительства или пребывания.

Однако стоит отметить, что в специальной литературе указывается на ряд технических сложностей, связанных с исполнением обязанностей административного надзора, в случае трудоустройства поднадзорного лица на работу, предусматривающую вахтовый метод (ст. 297 ТК РФ). Такая работа зачастую подразумевает работу в труднодоступных местах, а также периодичность — когда лицо по окончании очередной вахты возвращается на место жительства или пребывания. Специфика данной работы ставит вопрос о целесообразности пересылки материалов дела административного надзора по месту работы поднадзорного, а также о возможности исполнения поднадзорным лицом обязанностей административного надзора в труднодоступных местах [13, с. 75–76]. Сугубо формальный подход в данной ситуации приведет к тому, что цели административного надзора достигнуты не будут.

В случае, если лицо совершило одно из деяний, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, то его последующая добровольная явка в орган внутренних дел не освобождает его от уголовной ответственности: «... понимая, что нарушает установленный в отношении него административный надзор, он уехал ... на заработки, где работал на строительных объектах, в известность инспектора административного надзора не поставил, о своем переезде ... на длительное время никого не оповестил... Вернувшись в г. Оренбург ... по месту жительства не поехал ..., проживал с М., затем узнал, что его разыскивают, явился в инспекцию». Приговором суда указанное лицо было осуждено на 6 месяцев лишения свободы *(приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 5 октября 2017 г. по делу № 1-569/2017 [Электронный ресурс]: // URL: https://sud-praktika.cloud/precedent/547946.html (дата обращения: 06.07.2025))*.

Суды в ряде случаев усматривают совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, в действиях одного и того же лица, многократно нарушающего обязанности административного надзора.

Например, по одному из дел судом было установлено, что поднадзорное лицо самовольно оставило место жительства, не уведомив об этом в должном порядке уполномоченных лиц органа внутренних дел, а также перестало являться для регистрации. О месте своего пребывания и причинах неявки в орган внутренних дел уполномоченным лицам сообщено не было. Позже данное лицо было задержано, тем самым были пресечены преступные действия данного лица, направленные на уклонение от административного надзора. После того, как данное лицо было отпущено, ситуация с самовольным оставлением избранного места жительства и неявкой в орган внутренних дел для регистрации повторилась. Суд усмотрел в данных деяниях совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314.1 УК РФ *(приговор Рудничного районного суда города Кемерово Кемеровской области от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-81/2024 [Электронный ресурс]: // URL: https://sudact.ru/regular/doc/nEFe12fxB7Wl (дата обращения: 06.07.2025); приговор Крапивинского районного суда Кемеровской области от 14 декабря 2023 г. по делу № 1-114/2022 [Электронный ресурс]: // URL: https://sudact.ru/regular/doc/4bRssw13WMVt/ (дата обращения: 06.07.2025))*.

На наш взгляд, подобная практика не соответствует объекту данного посягательства — обще-

ственным отношениям, характеризующим авторитет правосудия. После того как поднадзорное лицо выполнило объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, оно уже считается уклонившимся от административного надзора, а потому оно не должно привлекаться к уголовной ответственности отдельно за каждое последующее самовольное оставление места жительства, пребывания с целью уклонения от административного надзора.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, имеет свои особенности. В указанной статье установлена уголовная ответственность за неоднократное несоблюдение «поднадзорным» лицом административных ограничения или ограничений, сопряженное с совершением данным лицом одного из административных правонарушений, перечень которых в обобщенном виде определен в этой же статье. В примечании к ст. 314.1 УК РФ отмечено, что неоднократным несоблюдением «поднадзорным» лицом административных ограничения или ограничений признается несоблюдение им административных ограничения или ограничений при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию только со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Таким образом, если правонарушение было совершено в период, когда постановление о назначении административного наказания за предыдущее правонарушение еще не вступило в силу, то совокупность правонарушений будет отсутствовать — данное правонарушение не будет считаться «повторным».

Как показал анализ правоприменительной практики, данное обстоятельство не всегда учитывается судами.

Так, отменяя судебные постановления по одному из дел, Второй кассационный суд общей юрисдикции указал: «Д. на момент нарушения установленного ему ограничения 24 июля 2018 г. был подвергнут административным наказаниям за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, 27 декабря 2017 г., 24 января 2018 г. и 28 февраля 2018 г. Между тем, совокупность правонарушений, совершенных 27 декабря 2017 г., 24 января 2018 г. и 28 февраля 2018 г., в силу ст. 4.6 КоАП РФ повторности не образует, поскольку все судебные решения по ним вступили в силу после 28 февраля 2018 г. При таких данных очередное нарушение Д. установленного ему ограничения 24 июля 2018 г. по отношению к предыдущим трем административным правонарушениям образует лишь повторность, но не неоднократность, являющуюся одним из обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ *(кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2021 г. по делу № 77-3119/2021 [Электронный ресурс]: // URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1042222&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 06.07.2025))*.

Возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ обусловлена совершением «поднадзорным» лицом как минимум трех административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ, образующих совокупность с учетом положений ч. 1 ст. 4.6 КоАП РФ. При таких условиях третье нарушение ограничения или ограничений административного надзора будет считаться уже не «повторным» (ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ), а «неоднократным» (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). При этом неоднократность таких нарушений должна быть сопряжена с совершением административного правонарушения, предусмотренного главами 6, 19 или 20 КоАП РФ: нарушение ограничения или ограничений административного надзора «может быть простым (ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ), повторным (ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ) или неоднократным (прим. к ст. 314.1 УК РФ), причем повторное нарушение предполагает более строгую административную ответственность, а неоднократное, в случае его сопряжения с административным правонарушением, указанным в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, — влечет уголовную ответственность...» *(кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2021 г. по делу № 77-3119/2021)*.

Нарушение «поднадзорным» лицом ограничений административного надзора только два раза, даже если в каждом случае такое нарушение было сопряженно с совершением иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, не образует состав преступления: «Совершение осужденным административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, учитывается как квалифицирующий признак только при наличии третьего факта

несоблюдения ограничения или ограничений, установленных решением суда» *(кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2022 г. по делу № 77-606/2022 [Электронный ресурс]: // URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8197292&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 06.07.2025))*.

Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, выделяет его из ряда иных преступлений с административной преюдицией (например, ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.3, 212.1, 215.4, 264.1, 282, 315 УК РФ). Некоторые специалисты предлагают разделять нормы УК РФ с «простой» административной преюдицией, когда уголовная ответственность устанавливается за повторное совершение деяния с признаками однородного административного правонарушения, и «двойной», когда уголовная ответственность устанавливается за третье деяние с признаками однородного административного правонарушения [14, с. 9]. К последней группе предлагают относить преступления, предусмотренные ст. 212.1 УК РФ и ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Однако характер административной преюдиции в указанных статьях УК РФ принципиально отличается. Мы полагаем, что ч. 2 ст. 314.1 УК РФ нужно отнести к составам преступлений не с «двойной», а со сложной административной преюдицией. Для привлечения к уголовной ответственности по данной статье недостаточно установить факт неоднократного нарушения поднадзорным лицом ограничения или ограничений административного надзора. Такая неоднократность должна быть сопряжена с совершением данным лицом иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 314.1 УК РФ.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ поднадзорное лицо должно совершить административное правонарушение, предусмотренное главами 6, 19 или 20 КоАП РФ (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), одновременно с нарушением ограничения или ограничений административного надзора [15, с. 496]. Другими словами, если лицо, которое считается трижды подвергнутым административному наказанию за нарушение ограничений административного надзора, совершит административное правонарушение, предусмотренное главами 6, 19 или 20 КоАП РФ (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), при этом не допустив каких-либо нарушений ограничений административного надзора, то состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, будет отсутствовать *(кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 февраля 2021 г. по делу № 77-288/2021 [Электронный ресурс]: // URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5932589&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 06.07.2025))*.

Изложенные выше особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, также нашли свое отражение в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Встречаются ситуации, когда поднадзорное лицо уже выполнило объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, однако через какой-то промежуток времени оно вновь допускает нарушение ограничений административного надзора, сопряженное с совершением иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Суды в подобных случаях усматривают совокупность преступлений *(приговор Брасовского районного суда Брянской области от 24 сентября 2024 г. по делу: № 1-65/2024 [Электронный ресурс]: // URL: https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/84952559/extended (дата обращения: 06.07.2025))*.

Если в качестве объекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, рассматривать исключительно общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия, то возможность подобной квалификации должна быть исключена (по аналогии с ч. 1 ст. 314.1 УК РФ). Однако целесообразность подобного подхода в данном случае вызывает вопросы, так как поднадзорное лицо каждый раз будет нарушать не только обязанности административного надзора, но и совершать иное административное правонарушение, то есть совершать посягательство на иную группу общественных отношений, охраняемых законом.

Необходимо отметить, что ст. 314.1 УК РФ не устанавливает уголовную ответственность за злостное неисполнение ограничений административного надзора без цели уклонения от него. Таким образом, лицо может быть привлечено к административной ответственности в течение года, например, пять и более раз по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, однако если оно не имело цели уклониться

от административного надзора либо нарушение ограничений административного надзора не связано с совершением иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, привлечь его уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ будет невозможно. Так, по одному из дел поднадзорное лицо было привлечено к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ пять раз (за отсутствие по месту жительства без уважительной причины), при этом привлечь его к уголовной ответственности (по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ) стало возможным только тогда, когда он, вновь отсутствуя по месту жительства, совершил административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ (нахождение в общественном месте в состоянии опьянения) *(приговор Климовского районного суда Брянской области от 3 октября 2024 г. по делу № 1-52/2024 [Электронный ресурс]: // URL: https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/84799590/extended (дата обращения: 06.07.2025))*.

Если исходить из того, что данное деяние посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия, то злостное неисполнение ограничения или ограничений административного надзора должно быть криминализировано и закреплено в ст. 314.1 УК РФ. Аналогичный вывод можно встретить в работах и иных специалистов, посвященных рассматриваемому преступлению [12, с. 137].

Литература

1. *Токарева С. Н.* Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

2. *Дуюнов В. К.* Административный надзор как иная мера (мера безопасности) уголовно-правового характера // Вопросы российского и международного права. 2020. № 10–1. С. 192–206.

3. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2015. 288 с.

4. *Майстренко Г. А.* Причины и условия рецидивной преступности // Российский следователь. 2018. № 9. С. 61–64.

5. *Курганов С.* Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.

6. *Астахова А. О.*, *Галимова М. А.* К вопросу о правовой обусловленности запрета на уклонение от административного надзора и неоднократного нарушения установленных ограничений // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 22–30.

7. *Дуюнов В. К.* Административный надзор как иная мера (мера безопасности) уголовно-правового характера // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 10А. С. 192–206.

8. *Фильченко А. П.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспектива законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 54–57.

9. *Сергеев Д. Н.* Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1709–1715.

10. *Звечаровский И.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 36–39.

11. *Мартыненко Н. Э.*, *Мартыненко Э. В.* Иные меры уголовно-правового характера: монография. М.: Проспект, 2022. 152 с.

12. *Баркаев Г. Р.* Уголовно-правовое предупреждение уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 198 с.

13. *Бархатова Е. Н.* Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 7 (140). С. 72–81.

14. *Богданов А. В.* Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 25 с.

15. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2023. 560 с.

16. *Алексеев С. В.*, *Теллин Д. А.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2014. № 10. С. 59.

References

1. *Tokareva S. N.* Politseiskii nadzor v Rossiiskoi imperii [Police surveillance in the Russian Empire] // In *Voprosy istorii [Questions of History]*, 2009, no 6, pp. 94–104.

2. *Duyunov V. K.* Administrativnyi nadzor kak inaya mera (mera bezopasnosti) ugolovno-pravovogo kharaktera [Administrative supervision as another measure (security measure) of a criminal law nature] // In *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Questions of Russian and International Law]*, 2020, no 10–1, pp. 192–206.

3. Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: monografiya [Criminal law impact: a monograph] / Ed. A. I. Rarog. M.: Prospekt, 2012, available at: SPS «Konsul'tantPlyus» (accessed 15 July 2025).

4. *Maistrenko G. A.* Prichiny i usloviya retsidivnoi prestupnosti [Causes and conditions of recidivism] // In *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2018, no 9, available at: SPS «Konsul'tantPlyus» (accessed 15 July 2025).

5. *Kurganov S.* Mery ugolovno-pravovogo kharaktera [Criminal law measures] // In *Ugolovnoe parvo [Criminal Law]*. 2007, no 2, pp. 59–63.

6. *Astakhova A. O., Galimova M. A.* K voprosu o pravovoi obuslovlennosti zapreta na uklonenie ot administrativnogo nadzora i neodnokratnogo narusheniya ustanovlennykh ogranichenii [On the issue of the legal conditionality of the ban on evading administrative supervision and repeated violations of established restrictions] // In *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia],* 2016, no 2 (23), pp. 22–30.

7. *Duyunov V. K.* Pravovoe vozdeistvie kak reaktsiya gosudarstva na pravonarushenie: obshcheteoreticheskie i otraslevye aspekty [Legal impact as the State's response to an offense: General theoretical and sectoral aspects]. M., Yurlitinform, 2019, 328 p.

8. *Fil'chenko A. P.* Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: pravovaya priroda i perspektiva zakonodatel'nogo regulirovaniya [Administrative supervision of persons released from prison: the legal nature and perspective of legislative regulation] // In *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Process],* 2012, no 2, pp. 54–57.

9. *Sergeev D. N.* Pravovaya priroda postpenitentsiarnogo administrativnogo nadzora [The legal nature of post-penitentiary administrative supervision] // In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of Russian Law],* 2014, no 8, pp. 1709–1715.

10. *Zvecharovskii I.* Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatie, sistema, vidy [Other criminal law measures: concept, system, types] // *In Zakonnost' [Legality], 1999*, no 3, pp. 36–39.

11. *Martynenko N. E., Martynenko E. V.* Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: monografiya [Other criminal law measures: monograph]. M., Prospekt, 2022, 152 p.

12. *Barkaev G. R.* Ugolovno-pravovoe preduprezhdenie ukloneniya ot administrativnogo nadzora ili neodnokratnogo nesoblyudeniya ustanovlennykh sudom v sootvetstvii s federal'nym zakonom ogranicheniya ili ogranichenii. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal law prevention of evasion from administrative supervision or repeated non-compliance with restrictions or restrictions established by a court in accordance with federal law. Cand. Dis.]. M., 2024, 198 p.

13. *Barkhatova E. N.* Voprosy zakonodatel'noi konstruktsii i osobennosti primeneniya na praktike stat'i 314.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Issues of legislative structure and specifics of practical application of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation] // In *Lex Russica [Russkii zakon],* 2018, no 7 (140), pp. 72–81.

14. *Bogdanov A. V.* Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave Rossii. avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative prejudice in Russian criminal law. Abstract of Cand. Dis.]. M., 2019, 25 p.

15. Prestupleniya protiv pravosudiya (gl. 31 UK RF): monografiya [Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph] / Ed. N. A. Lopashenko. M., Yurlitinform, 2023, 560 p.

16. *Alekseev S. V., Tellin D. A.* Administrativnyi nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody [Administrative supervision of persons released from prison] // In *Zakonnost' [Legality]*. 2014. no 10. p. 59.

ФИКТИВНОСТЬ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Никифорова Алена Анатольевна

Цель: *предложение мер по совершенствованию норм уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод.*

Выводы. *Представленная статья вносит вклад в вопросы уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности через призму технико-юридического конструирования норм уголовного законодательства. В современных условиях исследуемая сфера нуждается в практически безукоризненном правовом обеспечении с целью обеспечения эффективного функционирования внешнеэкономических и внешнеполитических вопросов. С учетом многообъектности норм об ответственности за совершение контрабанды особенности регламентации норм об ответственности за ее совершение приобретают все большее значение.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость исследования заключается в выявлении технико-юридических особенностей конструирования норм об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, а именно в выявлении фиктивных норм, препятствующих качественному правоприменению. Практическая значимость статьи состоит в предложении автором мер по совершенствованию действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность и освобождение от нее за совершение контрабанды наличных денежных средств или инструментов, так как сложившаяся практика демонстрирует отсутствие единого подхода в данном направлении.*

Ключевые слова: *преступление, внешнеэкономическая деятельность, контрабанда, денежные средства, денежные инструменты, фиктивность, уголовный закон.*

Отношения в сфере внешнеэкономической деятельности приобретают в современном мире все большее значение, что обусловлено увеличением объемов производства, расширением рынков сбыта и доступом к новым технологиям. Так, только за январь-июль 2025 г. темп роста экспорта составил 95,3%, а импорта — 100,8%, тогда как за весь 2024 г. показатели темпов роста экспорта составили 102,0%, а экспорта — 99,2% *(Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов. Официальный сайт Федеральной таможенной службы // URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 19.09.2025))*. Кроме того, она является важным инструментом в формировании новых и поддержании уже имеющихся международных отношений, а также способствует укреплению мира, стабильности и взаимопонимания между государствами, создавая прочную основу для долгосрочного сотрудничества.

Одновременно с этим достаточно динамично развивается отечественное законодательство, призванное регулировать в том числе и отношения в сфере внешнеэкономической деятельности. Эти трансформации, как правило, сопровождаются определенными изъянами, потому что законодателю зачастую необходимо принимать экстренные меры для урегулирования конкретных проблем-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-131-136

ных ситуаций. К числу таковых следует отнести и фиктивные нормы, не позволяющие в полной мере реализовывать действующее законодательство. Так, И.А. Абдулханнянов определяет фиктивные правовые нормы в уголовном законе как фактически не реализуемые в силу различных объективных причин при своем формальном существовании норм права [1, с. 31]. О.А. Курсова также к фиктивным нормам отнесла такие правовые нормы, которые закрепляют внешне реальное, возможное в принципе положение, но не нашедшее своего воплощения в силу каких-либо причин [2, с. 51].

Представляется, что следует обратить внимание на показатели правоохранительной деятельности таможенных органов по производству неотложных следственных действий и предварительному расследованию в форме дознания наблюдается снижение фактов возбужденных уголовных дел по ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»: за 2020 г. возбуждено 72 уголовных дела, за 2021 – 99, за 2022 – 103, за 2023 – 82, за 2024 – 65, за I полугодие 2025 г.– 37 *(Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации. Официальный сайт Федеральной таможенной службы // URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/649022 (дата обращения: 19.09.2025))*. Согласно представленным статистическим показателям, прослеживается уменьшение количества преступлений по ст. 200.1 УК РФ. Полагаем, что одной из причин выступают недостатки технико-юридического конструирования уголовно-правовых запретов в отношении преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности автором, потому предлагается рассмотрение двух проблемных ситуаций, которые, по мнению автора, препятствуют эффективному противодействию данным противоправным деяниям в силу фиктивности норм.

Первая проблема: фиктивность нормы об освобождении от уголовной ответственности за совершение контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Примечание 4 к ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» содержит основание освобождения лица от уголовной ответственности в случае, если виновным добровольно были сданы наличные денежные средства или денежные инструменты. Вместе с этим уточняется, что не может признаваться добровольной сдачей таких предметов их обнаружение при применении форм таможенного контроля. Такая формулировка условия освобождения лица от уголовной ответственности обязывает правоприменителя к определению момента начала таможенного контроля, так как после того, как он начнет осуществляться, применение Примечания 4 к ст. 200.1 УК РФ уже будет невозможно, следовательно, освободить лицо от уголовной ответственности по данному основанию не получится.

Согласно п. 7 ст. 310 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза «при предварительном таможенном декларировании и периодическом таможенном декларировании таможенный контроль в отношении объектов таможенного контроля ... проводится с момента регистрации таможенной декларации» *(Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Официальный сайт Евразийского экономического союза // URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 25.06.2025))*. Одновременно с этим ч. 2 ст. 14 этого закона указывает: «Товары Союза, вывозимые с таможенной территории Союза, находятся под таможенным контролем с момента регистрации таможенной декларации». Данное положение предусмотрено для случаев, когда лицо осуществляет действия по декларированию предметов, которые планирует переместить через таможенную границу.

Для ситуаций, при которых лицо не подает таможенную декларацию, таким моментом начала таможенного контроля следует признавать совершение действий, непосредственно направленных на осуществление вывоза товаров с таможенной территории Союза.

Соответственно, если у виновного имеется умысел на контрабандное перемещение наличных денежных средств или инструментов, то возможность добровольно их сдать для освобождения от уголовной ответственности наличествует в двух случаях: либо до подачи таможенной декларации, либо до совершения действий, непосредственно направленных на осуществление вывоза товаров с таможенной территории Союза.

Согласно п. 5 ст. 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, под вывозом товаров с таможенной территории Союза понимается совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза любым способом. То есть фактически с момента, когда лицо, у которого имеется умысел на контрабандный вывоз с территории России наличных денежных средств или денежных инструментов,

проходит, например, в аэропорту досмотровые мероприятия в зоне таможенного и пограничного контроля, то он уже подвергается таможенному контролю, так им предпринимаются действия по вывозу этих предметов из России. При этом возможность добровольной сдачи денег у него уже невозможна, как и освобождение от уголовной ответственности на основании Примечания 4 к ст. 200.1 УК РФ.

Вместе с этим до того, как в отношении лица начнутся досмотровые мероприятия, им еще не выполняется объективная сторона контрабанды, поэтому вновь применение положений уже упомянутого основания освобождения от уголовной ответственности не представляется возможным, так как нет даже состава преступления.

На основании вышесказанного следует вывод о том, что с момента начала совершения преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 200.1 УК РФ, отсутствует период времени, когда Примечание 4 к ст. 200.1 УК РФ может быть применимо, поэтому исключаются любые варианты его применения, а значит, и оснований освобождения от уголовной ответственности субъекта контрабанды. Согласимся с А. В. Кузнецовым в том, что «применение правил о добровольном отказе от преступления в данном случае невозможно, так как оно уже считается доведенным до конца с момента незаконного перемещения наличных денежных средств или денежных инструментов через таможенную границу» [3, с. 130].

Статья 200.1 была введена в действующий уголовный закон в 2013 г. вместе с Примечанием 4 к ней. Несмотря на отсутствие практики освобождения от уголовной ответственности по нему, противоречивость законодательных формулировок и современных реалий, высказываемой критики в доктрине, до настоящего момента (в течение 12 лет) законодателем не принято мер для решения сложившейся ситуации с неприменяемой нормой уголовного закона.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда уголовно-правовая норма закрепляет положение, позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности (де-юре), но при этом реальной возможности его реализовать нет (де-факто). Налицо фиктивный характер правовой нормы, описываемый В. К. Бабаевым следующим образом: «Они закрепляют то, что реально не существует» [4, с. 30]. Именно поэтому данную норму уголовного закона следует признать фиктивной, учитывая отсутствие реальных оснований ее применения. Потому она, на наш взгляд, либо подлежит исключению из УК РФ, либо требует внесения изменений в действующую редакцию, в рамках которых будет более корректно сформулирован временной период, позволяющий добровольно сдать лицу имеющиеся у него денежные средства и денежные инструменты.

Вторая проблема: фиктивность норм об уголовной ответственности за совершение контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 200.1 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное перемещение в крупном размере через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) наличных денежных средств или денежных инструментов, под которым на основании положений п. 25 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС понимается перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС:

— вне мест, через которые должно или может осуществляться перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС;

— вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах;

— с сокрытием от таможенного контроля;

— с недостоверным таможенным декларированием товаров;

— с недекларированием товаров;

— с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах;

— с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации.

Наиболее распространенными способами совершения контрабанды наличных денежных средств или денежных инструментов выступает перемещение таких предметов посредством их недекларирования либо недостоверного декларирования, что подтверждается примерами судебной практики. При этом Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» установлен запрет вывоза с территории России наличной иностранной валюты или денежных инструментов в иностранной валюте в сумме свыше 10 000 долларов США со 2 марта 2022 г. *(Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1466)*. Исходя из этого следует, что совершение контрабанды денежных средств или инструментов в рамках недекларирования или

недостоверного их декларирования предусматривает следующие возможные варианты совершения преступления.

1. Вывоз с территории России наличных денежных средств или инструментов в российской валюте в крупном или особо крупном размере.

Так, 20 февраля 2024 г. Минераловодским городским судом Ставропольского края ФИО2 был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, за то, что, прибыв в Аэропорт г. Минеральные Воды с целью выезда с территории Российской Федерации в Грузию, имея при себе наличные денежные средства в размере два миллиона девятьсот пятьдесят тысяч рублей, не воспользовавшись до момента входа в зону таможенного контроля бланками пассажирских таможенных деклараций, находящихся в международном секторе вылета аэропорта, не выбрав форму таможенного контроля, предусматривающую декларирование товаров, предметов, денежных средств, осуществляемого в «красном коридоре», вошел в зону таможенного контроля «зеленый коридор», заявив тем самым по умолчанию таможенному органу сведения об отсутствии при нем товаров, предметов, наличной валюты, подлежащих обязательному письменному декларированию, тем самым совершил незаконное перемещение через границу Таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличные денежные средства в крупном размере, то есть на сумму, превышающую в эквиваленте десяти тысяч долларов США (приговор № 1-144/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-144/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/oeRhEkvtSYNf/ (дата обращения: 25.06.2025)).

2. Ввоз на территорию России наличных денежных средств или инструментов в российской или иностранной валюте в крупном или особо крупном размере.

Так, 8 июля 2024 г. Минераловодским городским судом Ставропольского края ФИО1 был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, за то, что 8 ноября 2023 г. он прибыл в Аэропорт г. Минеральные Воды с целью въезда на территории Российской Федерации авиарейсом сообщением г. Стамбул (Турецкая Республика) — г. Минеральные Воды (Россия), имея при себе наличные денежные средства 30406 долларов США, 9600 российских рублей и 15 турецких лир, не воспользовавшись до момента входа в зону таможенного контроля бланками пассажирских таможенных деклараций, находящихся в международном секторе прилета аэропорта г. Минеральные Воды, не выбрав форму таможенного контроля, предусматривающую декларирование товаров, предметов, денежных средств, осуществляемое в «красном коридоре», ФИО1 в период времени с 16 ч. 00 мин. по 16 ч. 35 мин. 8 ноября 2023 г. вошел в зону таможенного контроля «зеленый коридор», заявив тем самым по умолчанию таможенному органу сведения об отсутствии при нем товаров, предметов, наличной валюты, подлежащих обязательному письменному декларированию, тем самым пересек Таможенную границу Евразийского экономического союза (приговор № 1-283/2024 от 8 июля 2024 г. по делу № 1-283/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/qAcWC0vg1LL5/ (дата обращения: 25.06.2025)).

Действия, связанные с вывозом из России в крупном или особо размере через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств или денежных инструментов в иностранной валюте, не охватываются ст. 200.1 УК РФ, так как ранее упомянутый Указ Президента Российской Федерации не позволяет перемещение гражданами таких предметов в иностранной валюте ни в каком случае, в том числе посредством их декларирования, если сумма составляет свыше 10 000 долларов США. То есть варианта задекларировать денежные иностранные средства или инструменты в иностранной валюте и вывезти их законным путем в сумме свыше десяти тысяч долларов в настоящее время не имеется, следовательно, и совершить контрабанду денежных средств или инструментов в иностранной валюте посредством ее вывоза с территории России невозможно. Можно сделать вывод о том, что данный Указ фактически ограничивает возможность применения ст. 200.1 УК РФ в отношении вывозимой из России иностранной валюты.

Однако возникает вопрос о соблюдении положения ст. 1 УК РФ, согласно которому единственным источником уголовного законодательства является уголовный закон, то есть только на основании закрепленных в нем норм имеется возможность привлечения лиц к уголовной ответственности. В связи с этим мы сталкиваемся с ситуацией, при которой Указ Президента России ограничивает возможность применения Уголовного кодекса России, не являясь при этом источником уголовного законодательства и обладая силой подзаконного акта, а не закона.

При этом стоит отметить, что практика применения ст. 200.1 УК РФ в случае вывоза с территории нашей страны иностранной валюты свыше разрешенных пределов в настоящее время все-таки присутствует, но не совсем понятно, чем руководствуется правоприменитель в такой ситуации: либо он не в полной мере имеет представление о том, каким образом Указ Президента

России влияет на правоприменение действующих уголовно-правовых норм, либо на основании положения ст. 1 УК РФ в вопросе привлечения лица к уголовной ответственности основывается исключительно на уголовном законе. Тем не менее, несмотря на противоречивость статей уголовного законодательства и рассматриваемого подзаконного акта, в приговорах суд ссылается на Указ Президента России, не видя сложностей в его применении, но привлекая лицо к уголовной ответственности за контрабанду.

Так, 5 июля 2024 г. приговором Химкинского городского суда ФИО1И был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, за то, что, находясь в зале вылета терминала С международного аэропорта Шереметьев, имея при себе наличные денежные средства, подлежащие обязательному письменному декларированию, проследовал на вылет рейса № QR338 Москва — Доха через специальный проход — «зеленый» коридор, предназначенный для перемещения физическими лицами через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (таможенную границу ЕАЭС) в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, не подлежащих таможенному декларированию в письменной форме и пересек линию его входа, тем самым, в соответствии с п. 3 ст. 257 Таможенного кодекса ЕАЭС, заявил об отсутствии товаров, подлежащих таможенному декларированию. Во время следования по «зеленому» коридору ФИО1И. был опрошен инспектором ОСТП № 1 таможенного поста Аэропорт Шереметьево Шереметьевской таможни ФИО7 о сумме перемещаемых наличных денежных средств. ФИО1И. заявил, что имеет при себе наличные денежные средства в сумме 52 000 долларов США, предъявив к таможенному досмотру 51 567 долларов США.

В дальнейшем ФИО1И. в ходе предварительного следствия в качестве подозреваемого пояснил, что до вылета он не ознакомился с правилами перемещения наличных денежных средств через таможенную границу ЕАЭС, так как не придавал этому должного значения. Об Указе Президента Российской Федерации о запрете вывоза из России более 10 000 долларов США в эквиваленте, ему было неизвестно (приговор № 1-433/2024 от 5 июля 2024 г. по делу № 1-433/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3bTgZ2PiUSW8/ (data обращения: 25.06.2025)).

В данной ситуации привлекает внимание несколько фактов:

1. правоприменительные органы привлекают ФИО1И за недекларирование денежных средств в иностранной валюте в сумме свыше десяти тысяч долларов, тогда как процедура декларации в настоящее время в отношении данной категории денежных средств невозможна на основании Указа Президента, из чего следует, что ФИО1И не должен был и не мог их задекларировать в силу отсутствия такой юридической возможности;

2. в тексте самого приговора указывается Указ Президента и говорится о том, что ФИО1И были озвучены его положения правоприменителями, но при этом трактованы они таким образом, что данный Указ запрещает вывоз с территории России иностранной валюты, потому перемещение ее сверх установленного лимита влечет уголовную ответственность за совершение контрабанды, что, безусловно, не является корректной интерпретацией этого подзаконного акта.

Представляется, что та ситуация, которая возникла в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81, превратила норму уголовного законодательства в фиктивную в части, касающейся недекларирования или недостоверного декларирования денежных средств или денежных инструментов в иностранной валюте: в уголовном законе запрет присутствует, однако подзаконный нормативный акт не позволяет его применить, и деяние из разряда преступлений переходит в разряд ненаказуемых деяний, то есть произошла частичная декриминализация, которую можно осуществить, только внеся изменения в УК РФ. При этом такая фиктивность является «временной» в связи с тем, что предполагается изменение внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации, а потому и прекращение действия запрета на вывоз с территории Российской Федерации денежных средств или денежных инструментов в иностранной валюте в размере, превышающем 10 000 долларов.

Стоит отметить, что в настоящее время отсутствуют дополнительные законодательные меры, направленные на решение сложившейся ситуации, также нет соответствующих разъяснений судебных органов, позволивших обеспечить грамотное толкование действующих нормативных правовых актов и последующее их применение.

Таким образом, фиктивные нормы представляется необходимым относить к неким изъянам законодательной техники. В этом вопросе следует согласиться с М. М. Бабаевым и Ю. В. Пудовочкиным, относящими фиктивные правовые нормы к «мертвым» нормам, возникающим в связи с просчетами законотворческой и правоприменительной деятельности [5, с. 7–8]. К причинам, способствующим возникновению фиктивных правовых норм, L. L. Fuller относил следующее:

противоречивость норм права; законодательное закрепление предписаний, требующих от лиц совершения или отказа от совершения того, что реализовать невозможно; принятие норм, которые не согласуются с иными законодательными актами [6, с. 124].

Потому, исследовав фиктивные уголовно-правовые нормы, закрепляющие положения об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, а также доктринальные подходы к такому явлению, как «фиктивная» правовая норма, приходим к выводу о том, что в сложившейся ситуации фиктивность негативно сказывается на уголовно-правовом механизме противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности, потому требуется внесение изменений в действующее законодательство с целью устранения имеющихся сложностей правоприменения. Так, предлагается исключить из Примечания 4 к ст. 200.1 УК РФ указание на момент, с которого невозможна добровольная сдача предмета контрабанды, в виде «их обнаружения при применении форм таможенного контроля». Кроме этого, видится необходимость в дополнении ч. 1 ст. 200.1 УК РФ запретом на вывоз с территории России наличной иностранной валюты или денежных инструментов в иностранной валюте в сумме свыше 10 000 долларов США. То есть в таком случае на уровне федерального законодательства данное деяние будет признаваться контрабандой.

Литература

1. *Абдулханнянов И. А.* Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. П. Кузнецова. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

2. *Курсова О. А.* Фикции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 193 с.

3. *Кузнецов А. В.* Проблемы освобождения от уголовной ответственности по примечанию 4 к ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 129–135.

4. *Бабаев В. К.* Презумпция в советском праве: учеб. пособие. Горький, 1974. 124 с.

5. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* «Мертвые» нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

6. *Fuller Lon L.* The Morality of Law. New Heaven-London: Yale University Press, 1964. 202 p.

References

1. *Abdulkhannyanov I. A.* Fiktsiya v ugolovnom prave: teoretiko-prikladnoe issledovanie: monografiya [Fiction in Criminal Law: Theoretical and Applied Research: Monograph] / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A. P. Kuznetsova. M.: Yurlitinform, 2024. 224 s. (In Russian)

2. *Kursova O. A.* Fiktsii v rossiiskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk [Fictions in Russian Law: Diss. ... Cand. of Law]. N. Novgorod, 2001. 193 s. (In Russian)

3. *Kuznetsov A. V.* Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti po primechaniyu 4 k st. 200.1 Ugolovnogo kodeksa RF [Problems of Exemption from Criminal Liability under Note 4 to Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation] // In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of Russian Law].* 2016. № 8. S. 129–135. (In Russian)

4. *Babaev V. K.* Prezumptsiya v sovetskom prave: ucheb. posobie [Presumption in Soviet Law: Textbook]. Gor'kii, 1974. 124 s. (In Russian)

5. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* «Mertvye» normy v ugolovnom kodekse: problemy i resheniya ["Dead" Norms in the Criminal Code: Problems and Solutions] // In *Ugolovnoe parvo [Criminal Law].* 2010. № 6. S. 4–10. (In Russian)

6. *Fuller Lon L.* The Morality of Law. New Heaven-London: Yale University Press, 1964. 202 p. (In English)

ПОРЯДОК ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Разогреева Анна Михайловна

Цель: *на основе функционального анализа типов высказываний в текстах избранных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения уголовного закона (квалификация, назначение наказания, ввод теории) обосновать новый подход в дискуссии об их правовой природе как источников права.*

Методология: *функциональный анализ текста, анализ высказываний, дискурс-анализ, теория бюрократии, герменевтика.*

Выводы. *В результате исследования выявлено, что основной тип высказываний в текстах рассмотренных постановлений — не толкование признаков уголовного закона через определения или перечни (10–15%), а прямые указания по правоприменению для типовых практических ситуаций — квалификация по совокупности или без нее, последовательность учета специальных правил назначения наказания или необходимости их одновременного учета (порядка 60%). Значительный объем в содержании текстов постановлений также занимают технические требования к написанию приговора (15–20%). В единичных ситуациях постановления Пленума достраивают норму уголовного закона, что можно рассматривать как прямое судебное правотворчество нормативного, а не прецедентного характера.*

Научная и практическая значимость. *На основе проведенного анализа и полученных данных автор предлагает рассматривать постановления Пленума в текущий период как синтетические нормативные акты, содержащие разные типы высказываний (инструктивные, интерпретационные и правовые) (научная значимость), а в будущем — ограничить их содержание правовосполняющими разъяснениями и нормами интрепретационного характера, перераспределив инструктивные высказывания между правоприменительной практикой по исправлению судебных ошибок и организационно-методическими мероприятиями в судебной системе (практическая значимость), что в перспективе может повысить качество правоприменения по критерию единообразие*

Ключевые слова: *источники права, постановление Пленума, праворазъяснение, Верховный Суд, доктрина, толкование, правотворчество, единообразие правоприменения, судебная практика.*

Постановление Пленума Верховного Суда как текст: исследовательская перспектива

Дискуссия о правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда в российской правовой науке ведется давно и активно. На сегодняшний день она сосредоточилась вокруг двух вопросов: 1) являются ли разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда, нормами права [1, с. 41] или это внутрисистемные судейские акты, подобной силой не обладающие [2, с. 96]; 2) при признании за ними нормативно-правовой природы обсуждается вопрос об их форме — нормативный правовой акт или судебный прецедент [3, с. 10]. Внутри этой разметки располагается множество промежуточных позиций — это источник судебной практики, источник правоприменения, источник для коррекции закона [4, с. 218]. При широком репертуаре высказанных позиций, все эти работы объединяет общий методологический подход — постановле-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-137-144

ния Пленума ВС РФ рассматриваются в своем единстве и ответы на постановленные в них вопросы формулируются применительно к постановлениям в целом. Как на нерасчлененное единство на постановления Пленума смотрят, в том числе, и авторы специальной главы о практике судов Российской Федерации при отправлении правосудия по уголовным делам в фундаментальной монографии Института законодательства и сравнительного правоведения «Судебная практика в современной правовой системе России», признавая регулятивную для уголовно-правовых отношений природу [5, с. 405–418].

При работе с цитированием постановлений Пленума ВС РФ по вопросам применения уголовного закона в приговорах и иных судебных актах я обратила внимание на то, что в качестве цитат используются разные по функции фрагменты постановлений — как содержащие разъяснения относительно содержания и порядка применения уголовно-правовых норм, так и не имеющие содержательного значения для решения уголовно-правового вопроса (в частности, воспроизводство содержания статей УК РФ в тексте постановления или общую установку на правильность применения уголовного закона). Фрагментарный характер использования текстов постановлений Пленума ВС РФ при цитировании естественным образом привел меня к выводу о том, что постановления Пленума — сложный синтетический акт, содержащий в себе разные по своей природе высказывания.

Соответственно, следующий исследовательский шаг — попытка выяснить, из каких высказываний состоят постановления Пленума. Для этого их необходимо «разобрать» до минимально возможных содержательных единиц. Таковой единицей применительно к любому тексту, каковыми являются и постановления, выступает высказывание. Базовое для дискурс-анализа понимание высказывания приводит М. Фуко в «Археологии знания», который определяет его как «функцию существования, которая полностью принадлежит знакам и исходя из которой, путем анализа или благодаря интуиции, мы можем впоследствии решить, есть ли в них смысл, в соответствии с каким правилом они возникают друг за другом или располагаются в ряд, знаком чего они являются и какого рода акт осуществляется через их формулировку (устную или письменную)» [6, с. 173].

В качестве материала для анализа я взяла три постановления Пленума ВС РФ по вопросам применения уголовного права: 1) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (*https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893)* — как образцовое постановление по вопросам квалификации отдельной группы преступлений; 2) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» — как базовое и самое цитируемое при решении судами вопросов наказания *(https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932);* 3) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» *(https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554)* — как пример интервенции со Пленума Верховного Суда РФ на территорию уголовно-правовой доктрины.

Особенностью анализа такого рода является акцент не на содержание высказывания (хотя и этот пласт будет присутствовать), а на его вид и форму. При этом базовые способы лингвистического анализа (с их делением на личные и безличные, повествовательные, повелительные и вопросительные) являются лишь вспомогательными инструментами. Равно применительно к текстам постановлений напрямую не работает анализ модальности (через различие модельных глаголов), так как замена глаголов долженствования (следует, надлежит, подлежит) глаголами или наречиями возможности (возможно, может) не меняет характера большинства высказываний как обязательных для применения указаний (возможно/можно используется в тех ситуациях, когда рекомендация сконструирована через открытый перечень). Не работают на прояснение характера высказывания и вводные фразы — «по смыслу закона» или «обратить внимание судов» или «необходимо указывать». «По смыслу закона» далеко не всегда предшествует толкованию — после нее может идти и напоминание, и указание, а «обратить внимание» или «необходимо указывать» могут предшествовать толкованию. Таким образом, различие формулировок, грамматических конструкций и модальностей не определяет силу высказывания. Ключевым становится функциональный критерий — попытка применительно к каждому высказыванию ответить на вопрос, что именно делает в этом случае Пленум Верховный Суд РФ: толкует ли признак состава преступления, достраивает ли норму закона в случае пробельности законодательного регулирования, дает ли указания по исследованию фактических обсто-

ятельств либо написанию приговора, напоминает о содержании уголовного закона или прямо воспроизводит его текст?

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»

Преамбула и 22 пункта данного постановления содержат 62 высказывания. За пределами анализа здесь и в других постановлениях остается обозначение цели и обоснование принятия постановления, а также заключительные положения, в которых перечисляются утратившие силу ранее принятые постановления.

В тексте постановления лишь 4 случая чистого толкования закона — ситуации, когда конструктивному признаку придается значение через определение (служебная деятельность, выполнение общественного долга, беспомощность, общеопасный способ). К ним добавляются 4 толкования через примерные перечни (уточнение признаков «выполнение общественного долга», «особая жестокость», «корыстные побуждения» и примеры обстоятельств, по которым преступление считается не доведенным до конца по не зависящим от лица обстоятельствам — п. 2 постановления). Следует отметить, что иногда толкование дается при использовании конструкции «квалифицируется» (особая жестокость, найм, сопряженность при разбое, вымогательстве и бандитизме и она же при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера). В последнем примере обращает на себя внимание расхождение в понимании сопряженности — применительно к изнасилованию/насильственным действиям сексуального характера она расширяется до включения в свое понимание не только убийства в процессе совершения преступления, но и убийства по мотивам мести за оказанное сопротивление — абз. 4 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» *(https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782)*.

В некоторых случаях указание на требуемую квалификацию сочетается с толкованием (квалификация простого убийства и набор типовых примеров, набор обстоятельств при разграничении убийства и тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего). В постановлении представлен еще один вариант толкования — абз. 2–4 п. 10 содержит примеры толкования нормы общей части применительно к конкретному составу либо через введение положения из теории права (о присоединившемся соисполнителе). Также (через ссылку на доктрину) в постановлении формулируется указание на возможность квалификации покушения на убийство только с прямым умыслом. Так или иначе, общее число высказываний со всеми приемами толкования не превышает двадцати.

Несколько высказываний — прямая ссылка на текст уголовного закона с общим указанием на необходимость квалифицировать содеянного именно по этому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ при наличии того или иного признака (абз. 1 п. 6 или абз. 1 п. 10). Это тип высказывания скорее следует обозначить не как указание, а как некоторое общее напоминание о норме закона и технический прием построения текста постановления: вводная перед толкованием или квалификационным указанием. Сами по себе эти высказывания не несут дополнительного смысла, так как являются самоочевидными.

Четыре высказывания напоминают судам о необходимости устанавливать все фактические обстоятельства по делам об убийствах — в начале текста (п. 1 в качестве общей установки) и в конце (п. 20–21 для решения вопроса о наказании и применении мер для устранения причин и условий совершения преступления).

Одно высказывание (абз. 2 п. 17) — указание о порядке действий в ситуации, когда при вменении нескольких квалифицирующих признаков, обвинение по некоторым из них не подтвердилось (содержательно очень любопытное — про признание обвинения по тем или иным пунктам необоснованным при невозможности даже частичного оправдания).

Максимальное количество высказываний (порядка сорока) в данном постановлении — прямые указание судам о том, как как квалифицировать убийство в типовой (конкретизированной через примеры) ситуации. По сути дела, в этих случаях Пленум ВС РФ разъясняет нижестоящим судам, как правильно (с его точки зрения) применять закон, формально отсылая к общим правилам квалификации преступлений. При этом внутреннее согласованное следование правилам квалификации не проявляется. Так, в одном случае предлагается квалифицировать содеянное по направленности умысла (при разграничении убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего), в другом — направленность умысла игнорируется (как в случае квалификации по совокупности оконченного убийства и покуше-

ния на убийство двух или более лиц при едином конкретизированном умысле именно на убийство определенных лиц). Текстуально эти указания могут быть представлены как разъяснение признака закона либо через типовой перечень подпадающих под признак фактических обстоятельств, но может быть представлена и формула квалификации — ссылки на конкретные статьи (части и пункты) (абз. 3 п. 13). Содержательно значительная часть из них — требования квалификации по совокупности во всех возможных ситуациях: от надругательства над телом умершего до дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (в том числе и в случае, когда работник соответствующей организации убит по мотиву мести за его профессиональную деятельность).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

Преамбула и 67 пунктов данного постановления содержит 270 высказываний.

14 высказываний напрямую воспроизводят содержания статей Уголовного кодекса. 35 высказываний напоминают судьям, назначающим наказание, о наличии в законе соответствующей статьи или о ее содержании (путем перефразирования) (п. 12, например: «При применении к осужденному данного вида наказания судам наряду с тяжестью преступления следует учитывать и другие указанные в статье 60 УК РФ обстоятельства»). Наличие подобных высказываний можно объяснить управленческой логикой: повторяющиеся ситуации очевидных для проверочных инстанций множественных ошибок при назначении наказания можно предупредить, напомнив на уровне постановления Пленума об однозначно понимаемых положениях УК РФ, не требующих толкования (так по крайней мере функционально работает высказывание, содержащееся в абз. 2 п. 17 — «Суд не вправе установить осужденному ограничения и возложить на него обязанности, не предусмотренные статьей 53 УК РФ»).

17 высказываний — указания на то, каким образом и в какой части приговора необходимо прописывать принятое решение относительно назначенного наказания или его обоснование (например, в п. 59: «Если суд придет к выводу об отсутствии оснований для назначения дополнительных наказаний, указав на это в описательно-мотивировочной части приговора, то в резолютивной его части не требуется указывать, что основное наказание назначается без того или иного вида дополнительного наказания (например, лишение свободы без штрафа, без ограничения свободы)». Эта группа высказываний носит технический характер, уточняя не столько правила назначения наказания, сколько требования к постановлению приговора.

14 высказываний — указания о том, каким образом конкретизировать в приговоре правоограничения, заложенные в те или иные виды наказаний (так, п. 18 применительно к ограничению свободы требует высокой степени детализации при определении территориальных границ исполнения этого вида наказания — «Если в состав населенного пункта, в котором проживает осужденный, входят несколько муниципальных образований, то суд вправе установить соответствующие ограничения в пределах территории такого населенного пункта»).

Так же, как и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» основной массив высказываний в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» составляют указания по применению уголовно-правовых норм. Но здесь есть принципиальное отличие в самой ткани закона: давая разъяснения по вопросам квалификации какого-то преступления или группы преступлений, Пленум ВС РФ работает с относительно небольшой группой норм, воплощенных в статьях уголовного закона, содержащих признаки составов данных преступлений. Из-за этого множественные указания в части квалификации, которые разработаны в доктрине и не являются нормативно урегулированными, в постановлении по убийству не распознаются как уточнение норм уголовного закона, что имеет место в постановлении о назначении наказания, так как правила назначения наказания нормативно урегулированы. Хотя по своему функциональному назначению специальные правила назначения наказания очень близки к правилам квалификации — это профессиональные инструменты по применению уголовного закона лицами, уполномоченными на то соответствующим образом, удельная доля разъяснений текста закона в постановлении о наказании формально выше.

Более половины высказываний в анализируемом постановлении тематически отнесены к специальным правилам назначения наказания — и большинство разъяснений, которые, по сути,

являются прямыми императивными указаниями о порядке действий в той или иной ситуации, формально выглядят как толкование или даже достройка уголовно-правовых норм.

Вытекающая из этих вводных особенность данного постановление — некоторое количество высказываний, которые напрямую можно рассматривать в качестве специальных правовых норм в сфере назначения наказания, восполняющих пробельность уголовного закона в сфере регламентации назначения наказания. В частности, именно в качестве создания новой уголовно-правовой нормы, отсутствующей в уголовном законе, есть смысл считать следующие специальные правила назначения наказания, сформулированные в тексте постановления Пленума:

1) Отсутствие необходимости ссылаться на ст. 64 УК РФ при назначении более мягкого наказания, нежели предусмотрены санкцией статьи Особенной части, в вынужденных для правоприменителя ситуациях (п. 25, 26, 27, 34, 48 постановления);

2) Правило сложения сроков, а не процентов удержаний при назначении исправительных и принудительных работ (п. 16 и 22.4 постановления);

3) При этом в п. 22 применительно к ограничению свободы правило сложения сроков и правоограничений формулируется иначе — «При назначении ограничения свободы... срок ограничения свободы необходимо указывать за каждое из таких преступлений, а соответствующие ограничения и обязанность — после назначения окончательного наказания».

В качестве критерия признания высказывания в постановлении Пленума достройкой уголовного закона является ситуация, когда предложенное в постановлении правило не базируется на одной или нескольких статьях уголовного закона, а систематическое толкование закона может обосновать и альтернативное сформулированному правило.

Множественность специальных правил назначения наказания в уголовном и уголовно-процессуальном законе приводит к тому, что значительная часть высказываний в постановлении представляют собой примеры систематического толкования, которые представлены в тексте итоговыми алгоритмами последовательного или конкурирующего порядка учета множества правил одновременно, зачастую сопровождаемой наглядным примером расчета (абз. 1 п. 48, в частности, содержит пример такого расчета — «...за преступление, предусмотренное частью 3 статьи 161 УК РФ, с учетом положений части 2 статьи 68 УК РФ не может быть назначено менее 6 лет лишения свободы — низшего предела этого вида наказания за данное преступление, хотя одна треть от максимального наказания за это преступление составляет 4 года»).

Но при этом обращает внимание отказ от использования в постановлении единого алгоритма учета нескольких специальных правил. Так, п. 42 исключает одновременное применение смягчения при снисхождении со стороны присяжных и положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, равно как при досудебном соглашении не применяются одновременно положения ч. 1 ст. 62 УК РФ. В то же время смягчение при выборе особого порядка судебного разбирательства последовательно сочетается с применением смягчения, предусмотренного ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Содержательно постановление заходит и на территорию правил установления фактических обстоятельств (доказывания), причем применительно к учету опьянения как отягчающего обстоятельства расширяя способы его установления в сравнении с доказыванием его же в качестве признака состава преступления: «Судам следует иметь в виду, что при совершении преступлений, предусмотренных частями 2, 4, 6 статьи 264 и статьей 264.1 УК РФ, состояние опьянения устанавливается в соответствии с примечанием 2 к статье 264 УК РФ. В остальных случаях состояние лица может быть подтверждено как медицинскими документами, так и показаниями подсудимого, потерпевшего или иными доказательствами» (абз. 2 п. 31).

В постановлении в небольшом количестве (не более 10) используются традиционные приемы толкования уголовно-правового признака конкретного наказания через определение (абз. 3 п. 2 — «К иным доходам следует относить доходы, подлежащие налогообложению в соответствии с действующим законодательством») или через перечень примерных конкретизирующих ситуаций (абз. 2 п. 28, приводящий примерный перечень возможных смягчающих наказание обстоятельств).

Часть высказываний в анализируемом тексте — и это новое в сравнении с постановлением об убийстве — воспроизведение для решения прикладных задач доктринальных положений уголовного права (п. 3 и 4 абз. п. 1 разъясняют количественный и качественный параметр общественной опасности, связывая эти теоретические признаки (характер и степень) с признаками состава преступления, обстоятельствами совершения преступления и наличием/отсутствием

смягчающих/отягчающих обстоятельств). Эти высказывания можно было бы назвать примерами классического толкования. Но его предметом выступает не норма (статья) уголовного закона, а положение из науки уголовного права (ввод в ткань разъяснений доктринальных положений). С теоретическими конструкциями длящегося и продолжаемого преступления Пленум ВС РФ работает в п. 54 постановления (при этом формируя правовую позицию по поводу фактического окончания, которую озвучит позднее в профильном постановлении).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»

Специфическое содержание данного постановления — инструментализация теоретических понятий для нужд правоприменения– определяет и характер высказываний. Термин «инструментализация» введен в отечественную науку уголовного права А. Э. Жалинским, который понимал ее как «описание технологий исследования и практической реализации уголовного права» [7, с. 30]. В настоящем тексте инструментализация понимается как набор приемов и средств для прямого (судебного) применения теоретических понятий.

Преамбула и 12 пунктов постановления объединяют 21 высказывание. Среди них 2 определения (п. 2 и 4 постановления), сопровождаемые пояснениями со ссылкой на фактические обстоятельства (абз. 2 ст. 4) и конкретными примерами (открытые перечни — абз. 1 п. 4, п. 2) и одно общее высказывание, проясняющее правовую природу длящегося и продолжаемого преступления как форм сложного единичного преступления (абз. 2 п. 1).

Задачам инструментализации служат не только вводимые дефиниции и уточнение их отдельных признаков, но и случаи каузального толкования (уточнение момента начала и окончания длящихся и продолжаемых преступлений — абз. 2 п. 3 и п. 6). Обращает внимание, что в этих ситуациях постановление не просто воспроизводит доктринальное определение с примерами, но и вводит не самое очевидное для доктрины понятие «фактического окончания преступления».

Как и в иных постановлениях, в этом присутствуют прямые указания, что и как надлежит делать судам в конкретных правовых ситуациях (п. 5, п. 10, п. 11 — как квалифицировать, что учесть в качестве смягчающего обстоятельства, как писать приговор, исключив эпизоды из описания).

Особенность данного постановления, вполне объяснимая его рамочным по форме и доктринальным по содержанию характеру, наличие высказываний-ссылок (п. 9), связывающих общие разъяснения данного постановления с иными профильными постановлениями Пленума.

Выводы и предложения

Проведенный функциональный анализ текстов специально отобранных постановлений Пленума ВС РФ по вопросам применения уголовного закона, позволяет сформулировать ряд выводов и предложений теоретического и правоприменительного характера.

Основной теоретический вывод — подтверждение синтетической (мозаичной, нелинейной) природы постановлений Пленума, собранных из высказываний разного типа.

При этом нормативно-правовой природой обладают только следующие типы высказываний:

1) разъяснения, достраивающие (восполняющие) отсутствие каких-либо норм в уголовном законе. Среди попавших в поле анализа, такой природой обладают высказывания о возможности назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление, в «вынужденных» для судьи в силу пола, возраста или иных особенностей лица вариантах, когда ни одно из предусмотренных в санкции статьи наказания применено быть не может;

2) разъяснения, обладающие свойствами интерпретирующей (вспомогательной) нормы уголовного закона, в которых дается определение тех или иных признаков, содержащихся в уголовном законе, что делает понятным его содержание не только для правоприменителя, но и для населения (которому, в первую очередь, адресованы нормы уголовного закона).

Нормативно-правовую природу подобных разъяснение признает и Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в своем постановлении от 19 февраля 2025 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О. В. Панова» (*https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498978)* он использует следующую формулировку — «...Таможенный кодекс Евразийского экономического союза и Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходят из того, что одним из способов незаконного перемещения товаров является недостоверное декларирование», по форме и по сути приравнивающий толкование,

содержащееся в тексте постановления Пленума к норме Таможенного кодекса.

Ситуации, когда в постановление Пленума вводится доктринальное понятие или его толкование, по моему мнению, не относится к нормотворческой деятельности Верховного Суда РФ. Это лишь подтверждение признания силы источника права за доктриной. С наличием постановления Пленума или без него понятие длящегося и продолжаемого преступления будут применяться судами для решения конкретных вопросов. В этом смысле, их проявленность в тексте постановления — своего рода легитимация их природы в качестве нормы уголовного права. По сути дела, постановления в этих случаях дают вспомогательные разъяснения догматическим понятиям, которые сами по себе выступают прямыми источниками права: также, как они это делают с легальными дефинициями.

Большая часть высказываний в текстах постановлений Пленума ВС РФ не обладают силой нормативного правового акта, а носят инструктивный характер. И как любая инструкция по применению (в данном случае уголовного закона или доктринальных положений) содержат директивные указания (как действовать в конкретной ситуации квалифицировать, писать приговор, учитывать фактические обстоятельства и пр.).

Еще один блок высказываний — многочисленные напоминания об общепонятном содержании закона в целях упреждения судебных ошибок — являются способом повышения качества правоприменения и обеспечения его единообразия.

Исходя из подобного понимания сущности и природы постановления Пленума ВС РФ по вопросам применения уголовного закона, и помня, что основной целью их принятия является обеспечения единообразия в судебной практике, можно высказать ряд рекомендаций по их подготовке. При этом важный фактор, который нужно учитывать, — множественность форм и способов унификации судебной практики. Она осуществляется не только путем принятия постановлений Пленума, но и в иных формах публичного высказывания со стороны Верховного Суда РФ (подготовка и опубликование обзоров и обобщений, ответов на вопросы, публикация отдельных значимых решений в Бюллетене Верховного Суда РФ). Также важной является организационно-управленческая деятельность (в виде съездов судей и совещаний, на которых до их сведения доводятся актуальные установки). И нельзя забывать о собственно процессуальной деятельности Верховного Суда в качестве пересмотровой инстанции (выборочная кассация и надзор), что позволяет не только исправить ошибки в конкретном деле, но и в силу открытого доступа к решению на официальном сайте, обозначить свою позицию в целом.

Здесь соображения следующие:

1. Постановления Пленума по вопросам применения уголовного закона (и не только) — форма высказывания, обладающая максимальной силой и авторитетом в силу порядка принятия. Желательно, чтобы они работали долго и стабильно, изменения в них не могут быть частыми. Полагаю, что их число тоже должно быть ограниченным — приниматься они должны по ключевым вопросам правоприменения, которые в своей совокупности могут обеспечить реализацию принципа справедливости. При этом их текстовый объем отдельных постановлений не может быть слишком велик. Что должно обязательно присутствовать в постановлениях Пленума по вопросам применения уголовного закона? Полагаю, что достаточно ограничиться выше обозначенными ситуациями, когда требуется восполнить пробел в уголовном законе (с одновременной законодательной инициативой), истолковать через определение или перечень неясный уголовно-правовой признак (интерпретационные нормы, повышающие определенность содержание), инструментализировать важные для судебной практики теоретические понятия. Многочисленные напоминания с целью предупреждения ошибок оптимально включать в БВС РФ через конкретные примеры и доводить до сведения на совещаниях в качестве общей установки. Для этой же задачи можно использовать Обзоры. Вновь возникающие вопросы низовых судов (при изменении уголовного закона или обстановки) оптимально разрешать через форму официальных ответов (разъяснений).

2. Учитывая, что при подобном подходе постановления Пленума (их содержательное ядро) вполне можно рассматривать как нормы права, оптимально использовать единое толкование типовых признаков закона (тот же признак беспомощности в судебной практике по делам об убийствах и изнасилованиях/насильственных действиях сексуального характера различается) и единые алгоритмы квалификации (например, всегда квалифицировать деяние, подпадающие под признаки двух и более составов преступлений, не совпадающих по видовому или родовому объекту, по правилам идеальной совокупности) и назначения наказания (почему, например, порядок определения правоограничений при ограничении свободы при совокупности преступлений устанавливается после сложения сроков, а для исправительных и принудительных работ по каждому преступлению, входящему в совокупность).

Литература

1. *Ображиев К. В.* Постановления пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 40–44.

2. *Клепицкий И. А.* Обязательность разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в уголовном праве // Lex russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 95–107.

3. *Наумов А. В.* Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8–11.

4. *Пестерева Ю. С.*, *Рагозина И. Г.*, *Чекмезова Е. И.* Роль Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании судебной практики // Правоприменение. 2021. № 5 (4). С. 209–225.

5. *Хабриева Т. Я.*, *Лазарев В. В.*, *Габов А. В.* и др. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА М, 2017. 432 с.

6. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

7. *Жалинский А. Э.* О построении общей инструментально-целевой теории уголовного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4. С. 23–32.

References

1. *Obrazhiev K. V.* Postanovleniya plenuma Verhovnogo Suda RF kak formal'nye (yuridicheskie) istochniki rossijskogo ugolovnogo prava [Rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as formal (legal) sources of Russian criminal law] // In *Ugolovnoe parvo [Criminal Law]*. 2008. № 4. S. 40–44. (In Russian, abstract in English)

2. *Klepickij I. A.* Obyazatel'nost' raz''yasnenij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v ugolovnom prave [The obligation of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal law] // In *Lex russica*. 2021. T. 74. № 6. S. 95–107. (In Russian, abstract in English)

3. *Naumov A. V.* Sudebnyj precedent kak istochnik ugolovnogo prava [Judicial precedent as a source of criminal law] // In *Rossijskaya yusticiya [Russian Justice]*. 1994. № 1. S. 8–11. (In Russian)

4. *Pestereva Yu. S., Ragozina I. G., Chekmezova E. I.* Rol' Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v formirovanii sudebnoj praktiki [The role of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the formation of judicial practice] // In *Law Enforcement Reviw [Law Application]*. 2021; 5(4). S/ 209–225. (In Russian, abstract in English)

5. *Habrieva T. Ya., Lazarev V. V., Gabov A. V. i dr.* Sudebnaya praktika v sovremennoj pravovoj sisteme Rossii: monografiya [Judicial practice in the modern legal system of Russia: a monograph] / pod red. T. Ya. Habrievoj, V. V. Lazareva. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. M.: Norma: INFRA M, 2017. 432 s. (In Russian)

6. *Fuko M.* Arheologiya znaniya [The archeology of knowledge] / Per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Yu. Serebryannikovoj; vstup. st. A. S. Kolesnikova. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004. 416 s. (In Russian, abstract in English)

7. *Zhalinskij A. E.* O postroenii obshchej instrumental'no-celevoj teorii ugolovnogo prava [On the construction of a general instrumental and target theory of criminal law] // In *Law. Journal of the Higher School of Economics [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2011. № 4. S. 23–32. (In Russian, abstract in English)

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Соловьев Владислав Сергеевич

Цель: *систематизация правовых рисков, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий сексуального характера, распространенных в свинг-субкультуре.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, опросы организаторов и участников публичных мероприятий сексуального характера, контент-анализ интернет-сайтов и Telegram-каналов, включенное криминологическое наблюдение, анализ судебной практики.*

Выводы. *Описаны риски в информационно-коммуникационной среде (онлайн-риски), возникающие на этапах организации, проведения и после завершения публичных мероприятий сексуального характера, а также риски, связанные с непосредственным проведением мероприятий (офлайн-риски). К наиболее актуальным из них относятся пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, распространение порнографии, вовлечение несовершеннолетних, нарушение неприкосновенности частной жизни, мошенничество и вымогательство, занятие проституцией, незаконный оборот наркотических средств, распространение заболеваний, передающихся половым путем. Предложены конкретные критерии для квалификации действий как пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, включающие: участие представителей ЛГБТ-сообщества, демонстрацию однополых отношений, использование ЛГБТ-символики и ее отображение в анонсах или медиаматериалах. Установлено, что даже при устранении перечисленных факторов сохраняется риск привлечения организаторов к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ из-за неопределенности понятия «нетрадиционные сексуальные отношения». Полное устранение рисков объективно недостижимо вследствие специфики мероприятий и коллизий законодательства. Для каждого вида рисков разработан комплекс профилактических мер, позволяющих минимизировать вероятность привлечения как организаторов, так и участников мероприятий к уголовной или административной ответственности, что способствует сохранению баланса между защитой общественных интересов и обеспечением свободы выбора форм реализации сексуальной активности.*

Научная и практическая значимость. *Работа восполняет пробел в исследованиях правового регулирования публичных мероприятий сексуального характера, их информационного сопровождения, предлагает критерии для квалификации действий как пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, исследует роль публичных мероприятий сексуального характера в детерминационном комплексе различных видов преступности. Практическая значимость работы состоит в том, что для организаторов публичных мероприятий сексуального характера предложены механизмы снижения рисков, для правоприменителей — уточнены критерии пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, разграничения ЛГБТ- и гетеросексуальных практик.*

Ключевые слова: *свинг-субкультура, публичные мероприятия сексуального характера, нетрадиционные сексуальные отношения, традиционные ценности, пропаганда, порнография, проституция, незаконный оборот наркотиков, частная жизнь, вымогательство.*

Введение

Сфера сексуальной жизни людей традиционно является максимально закрытой от публичности и правового регулирования. Лишь в самых крайних случаях, когда удовлетворение сексуальных потребностей сопряжено с посягательствами на жизнь и здоровье, половую свободу, половую неприкосновенность и общественную нравствен-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-145-157

ность, государство обязано вмешиваться. Однако существует сфера, которая привлекает значительное количество людей, но в то же время находится в «серой» зоне правового регулирования. Сфера эта — сексуальные отношения, связанные с обменом партнерами и сопровождающиеся проведением тематических мероприятий, «вечеринок», организацией закрытых клубов. Для описания таких отношений обычно используются термины «свинг» или «свингерство». Сразу следует оговориться, что статья посвящена отношениям между гетеросексуальными партнерами и мероприятиям с их участием.

Изначально явление представляло собой способ разнообразить интимную жизнь супругов или постоянных партнеров, однако со временем переросло в полноценную субкультуру. В качестве объекта научного исследования свингеры находятся в поле зрения зарубежных сексологов и социологов с середины XX в. [1] по наши дни [2]. В отечественной социологии также существуют работы, затрагивающие этот социальный феномен. В частности, описаны основные признаки, отличающие свинг от полиамории. Во-первых, взаимодействие свингеров основывается в первую очередь на сексуальном контакте; дружеское общение допустимо, но не является обязательным. Во-вторых, их отношения предполагают сексуальную немоногамию при строгом сохранении эмоциональной верности постоянному партнеру. В-третьих, участниками практически всегда являются сложившиеся пары, что структурно регламентирует их связи [3, с. 44]. В то же время практически не изучены юридические аспекты организации и проведения тематических мероприятий, их информационного сопровождения, а также обсуждения в сети Интернет. Именно эти сферы становятся зонами потенциального конфликта между сообществом свингеров и консервативной частью общества, придерживающейся иных взглядов на сексуальные отношения. В настоящей статье такие мероприятия, сопровождающиеся публичными сексуальными отношениями, именуются публичными мероприятиями сексуального характера. Под публичностью в данном случае понимается доступность сексуальных отношений для восприятия иными лицами, независимо от того, являются ли эти лица посторонними наблюдателями или другими участниками сексуальных действий. Разумеется, нельзя рассматривать данные мероприятия как публичные в смысле Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» *(СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485)*, поскольку их цели и характер принципиально отличаются от форм публичного выражения мнений, регулируемых этим законом.

Контент-анализ интернет-сайтов и Telegram-каналов, объединяющих российских свингеров, выявил, что количество аккаунтов (профилей) людей, идентифицирующих себя как свингеры, превышает 60 тысяч на момент исследования. Кроме того, еженедельно по всей стране проводится не менее нескольких десятков публичных мероприятий сексуального характера, включая мероприятия в постоянно действующих тематических клубах. Правовые риски организации и проведения публичных мероприятий сексуального характера, включая вопросы их соответствия законодательству, значительно усиливаются в контексте активной государственной политики, направленной на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей *(Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977)*. Ввиду отсутствия научных исследований данных правовых рисков, методология настоящей работы основывалась на опросах организаторов и участников публичных мероприятий сексуального характера, контент-анализе интернет-сайтов и Telegram-каналов для анонсирования, трансляции и обсуждения указанных мероприятий, а также включенном криминологическом наблюдении на самих мероприятиях.

Типология рисков

Комплексное применение перечисленных методов позволило сформировать следующую типологию правовых рисков, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий сексуального характера:

1. Риски в информационно-коммуникационной среде, проявляющиеся в период организации мероприятий, их проведения, а также после их окончания (онлайн-риски, риски информационного характера):

— пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений в анонсах мероприятий, их онлайн-обсуждении во время проведения и по окончании, а также в содержании онлайн-общения между организаторами мероприятий, их потенциальными участниками и иными лицами, в том числе в виде публикаций фото- и видеоматериалов;

— распространение порнографических материалов, в частности, фото- и видеоматериалов с мероприятия, а также аналогичных материалов,

изготовленных участниками соответствующих сетевых сообществ самостоятельно (не в ходе мероприятия);

— риск присутствия несовершеннолетних среди участников онлайн-сообществ, посвященных организации и проведению мероприятий;

— нарушение неприкосновенности частной жизни, которое может выражаться в публикации фото- и видеоматериалов, позволяющих идентифицировать участников мероприятий, а также в разглашении фактов их участия;

— вероятность появления среди участников сетевых сообществ мошенников и вымогателей (как правило, выманивающих у других участников фото- или видеоматериалы эротического/порнографического характера, затем шантажирующих их и требующих оплату за неразглашение компрометирующей информации).

2. Риски, возникающие при непосредственном проведении мероприятия (офлайн-риски):

— пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений во время мероприятий, выражающаяся в публичных заявлениях об их привлекательности со стороны организаторов, ведущих или участников при одобрении или молчаливом согласии организаторов. При этом проведение «тематических» мероприятий, ориентированных на участие людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, однозначно расценивается как пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений;

— риск присутствия несовершеннолетних среди участников мероприятия;

— оказание сексуальных услуг за плату участниками мероприятия, включая организацию проституции со стороны организаторов мероприятий;

— риски, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

— риски передачи инфекций, передающихся половым путем, включая ВИЧ, через незащищенные контакты между участниками.

Рассмотрим подробнее каждый из этих рисков и пути их возможной минимизации.

Риск пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений

Риск пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений одинаково актуален для организации и проведения мероприятия, а также для его информационного сопровождения (анонсы, онлайн-обсуждения во время и после мероприятия, коммуникация между организаторами, участниками и третьими лицами, включая публикацию фото- и видеоматериалов). При анализе данного риска ключевая проблема заключается в трактовке термина «нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения». В научных исследованиях, посвященных юридическому анализу административных правонарушений, связанных с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, не удается найти исчерпывающий ответ на вопрос, какие же сексуальные отношения следует относить к нетрадиционным. Авторы либо ограничиваются критикой законодательной терминологии, либо предлагают дефиниции, раскрывающие одни оценочные категории через другие, что препятствует их использованию в правоприменительной практике.

Среди первой группы авторов следует выделить позицию Г. Б. Романовского, который считает, что «понятие “нетрадиционные сексуальные отношения” настолько неопределенный термин, что его введение в число правонарушений (даже и административных) не приведет к достижению поставленной цели — улучшению нравственного воспитания молодежи» [4, с. 15]. Также отмечается, что ««“нетрадиционные сексуальные установки” является термином, заимствованным скорее из психологии, где он весьма неоднозначно понимается и речь в диспозиции (ст. 6.21 КоАП РФ. — В.С.) идет о неопределенном понятии, которое каждый раз может толковаться судами произвольно (например, как замена нормальной дискуссии “спонтанными мнениями чиновников, которые считают их популярными”, модными). Разделение на “традиционные и нетрадиционные сексуальные отношения” никогда прежде не фигурировало в российской юридической практике и, очевидно, потребует еще серьезного теоретического, в том числе и понятийного изучения и толкования. В предыдущих редакциях закона предлагалась необходимость в ограничении информации о таких формах сексуальности, как мужеложство, лесбиянство, бисексуальность, трансгендерность. Но законодатели, вероятно, решили, что подобный список слишком явно указывает на конкретные группы граждан. В связи с чем законодатель отказался от списка сексуальных идентификаций. Их место занял неопределенный термин “нетрадиционные сексуальные отношения”, под которыми в законе понимается все новое, чужое и, следовательно, запрещенное» [5, с. 64–73]. Комментируя обсуждение законопроекта о внесении поправок в КоАП РФ, Ю. Е. Федотова справедливо задается вопросом, почему в число нетрадиционных сексуальных отношений авторы не включили извращенные формы отношений между мужчиной и женщиной [6, с. 59].

Примером подхода второй группы авторов служит позиция М. Ю. Водяной и А. В. Мирошниченко, определяющих нетрадиционные сексуальные отношения как «совокупность извращенных предпочтений и действий, которые формируют черты физиологического, психического и духовного составляющих лица, наделяя его конкретной формой (или набором форм) сексуального отклонения, а также сам процесс поиска и установления извращенного сексуального контакта с объектом влечения». Авторы считают, что «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений охватывает все виды сексуальных девиаций, выразившихся в любой форме, и ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ полном объеме отражает запрет таких действий» [7, с. 45–61]. К сожалению, из указанных цитат невозможно понять, как следует трактовать термины «извращенные предпочтения и действия», «сексуальное отклонение», «извращенный сексуальный контакт», «все виды сексуальных девиаций».

А. С. Медведева полагает, что «в контексте сексуальных предпочтений людей осуществить градацию “традиционный — нетрадиционный” возможно только в рамках культуры конкретного общества, поскольку существуют разные традиции, в том числе в реализации сексуального поведения. Пропаганда нетрадиционных сексуальных предпочтений может пониматься как убеждение в правильности и целесообразности принятия идеи о том, что наилучшими объектами сексуального влечения выступают те, которые в культуре российского общества таковыми не являются» [8, с. 253–254]. Как и в предыдущем случае, категория «объекты сексуального влечения в культуре российского общества» является неопределенной и оценочной.

В научной литературе встречаются предложения о законодательной конкретизации действий, подпадающих под понятие «нетрадиционные сексуальные отношения», однако адекватные варианты такой конкретизации отсутствуют. П. А. Волков и А. А. Пушечников указывают, что «так как закон о запрете пропаганды ЛГБТ содержит не конкретные формулировки, а лишь оценочные суждения, одним из наших предложений является внесение изменений в ст. 6.21 КоАП РФ, а именно: четкий перечень действий, которые относятся к пропагандирующим нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, смену пола, равно как направленным на формирование нетрадиционных сексуальных установок и их привлекательности. ... примером данных действий может послужить появление в медиа-пространстве лиц мужского пола в женской одежде, с нанесенной косметикой и т.д.» [9, с. 37–42]. Вряд ли добавление названных действий в качестве составляющей объективной стороны правонарушения, предусмотренного ст. 6.21 КоАП РФ, решит проблему юридического понимания нетрадиционных сексуальных отношений.

При этом большинство научных работ однозначно отождествляют нетрадиционные сексуальные отношения с гомосексуальными практиками или ЛГБТ-сообществом. К примеру, Д. К. Григорян под нетрадиционными сексуальными отношениями предлагает понимать «гомосексуальные (между представителями одного пола) и транссексуальные взаимодействия между людьми» [10, с. 63].

По схожему пути идет и судебная практика. Большинство судебных решений о привлечении к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ описывают правонарушения с отчетливым гомосексуальным или транссексуальным контекстом. Устоялась практика привлечения к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ участников публичных мероприятий, чей внешний вид не соответствует их полу. Так, «А. находился на массовом мероприятии — тематической вечеринке с участием более 90 человек, где путем демонстрации своего внешнего вида, а именно будучи одет в женский корсет, обтягивающую футболку с надписью “Future milf”, что в переводе означает «Будущая милфа» (является сленговым выражением, акронимом английского словосочетания, обозначающим сексуально привлекательную зрелую женщину), с украшением из бисера на шее, тем самым пропагандировал нетрадиционные сексуальные отношения, направленные на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений» *(постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 октября 2024 г. по делу № 16-6529/2024)*. За участие в том же мероприятии к ответственности были привлечены Ч., который «был одет в корсет женского фасона на голое тело, коротки черный пиджак, на руках надета черная сетка, на ореолах сосков наклеены кресты из черного скотча — пытался вызвать у окружающих интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям несоответствием своего внешнего вида и половой принадлежности» *(решение Советского районного суда г. Тулы Тульской области от 1 июля 2024 г. по делу № 12-96/2024)*, а также К., противоправные действия которого

выразились в том, что он «путем демонстрации своего внешнего вида — окрашенных в темно-оранжевый цвет волос, татуажа красного цвета в виде орнамента на лице, одетого в кимоно на обнаженное тело, короткие брюки, носки розового цвета, пытался вызвать у окружающих интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям несоответствием своего внешнего вида и половой принадлежности» *(решение Советского районного суда г. Тулы Тульской области от 8 июля 2024 г. по делу № 12-94/2024)*. В последнем решении суда зафиксированы показания очевидцев, пояснивших, что «они прибыли в кафе, в котором проводилась тематическая вечеринка “Сексуальность, открытость и свобода отношений”. На вечеринке присутствовало большое количество людей, среди которых находились молодые мужчины, одетые в женскую одежду, имели женский макияж, ярко окрашенные волосы и яркий маникюр. Своим поведением, манерой общения, танцами они давали понять, что придерживаются нетрадиционных сексуальных отношений и призывали участников вечеринки к аналогичным действиям».

В решении Кировского областного суда описан «факт выражения нетрадиционных сексуальных отношений (невербального взаимодействия двух лиц) между посетителями одного биологического пола (гражданами Т. и Р.)» *(решение Кировского областного суда от 29 мая 2024 г. по делу № 7-39/2024)*. П. привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 6.21 КоАП РФ за то, что «находясь в общественном месте — торгово-развлекательном комплексе совершил пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, выразившуюся в совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений с применением сети Интернет, а именно раздевшись до нижнего белья, лег на выставочную кровать под одеяло с однополым неизвестным, который также был раздет до нижнего белья, совершив имитацию полового акта, после чего опубликовал данное видео в сети Интернет — телеграм-канале» *(постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июля 2024 г. по делу № 16-2528/2024)*.

Пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений признается размещение объявлений о предоставлении платных гомосексуальных услуг. К. совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 7 ст. 6.21 КоАП «путем размещения на открытой странице профиля “Алибекжон Тошбойив” информационно-коммуникационной сети Интернет текстовых сообщений о предоставлении интимных услуг нетрадиционных отношений. В указанных выше текстовых сообщениях содержится информация о том, что пользователь “Алибекжон Тошбойив” имеет гомосексуальную позицию (“уни”, “пас”), сексуальная ориентация — “гей”, имеются фото мужчины в обнаженном виде с предложением вступления в нетрадиционные сексуальные половые отношения с указанием абонентского номера телефона» *(постановление Щекинского районного суда Тульской области от 19 сентября 2024 г. по делу № 5-481/2024)*.

Толкование нетрадиционных сексуальных отношений как отношений «не между мужчиной и женщиной» содержится в решении Московского городского суда *(решение Московского городского суда от 21 февраля 2024 г. по делу № 7-2116 / 2024)*.

Единственным прецедентом, где пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений не была связана с гомосексуализмом, стало решение о привлечении к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ рэпера Vacio (Н. М. Васильева) за участие в вызвавшей общественной резонанс «голой вечеринке» в декабре 2023 г. Однако в чем конкретно выразилась пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, в решении суда указано не было. Там лишь констатируется, что «21 декабря 2023 года в 22 часа 00 минут был выявлен гражданин В., который участвовал в тематической вечеринке в ночном клубе “Мутабор”, направленной на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, выразившуюся в распространении информации, направленной на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений с применением средств массовой информации сетей Интернет, которую опубликовал в Телеграм в свободном доступе для неограниченного круга людей» *(постановление Лефортовского районного суда г. Москвы от 22 декабря 2023 г. по делу № 05-2472/2023)*. Аналогичный текст содержит и решение Московского городского суда по жалобе защитника Н. М. Васильева, которым постановление судьи Лефортовского районного суда оставлено без изменения *(решение Московского городского суда от 23 июля 2024 г. по делу № 7-11054/2024)*. Однако данное решение едва ли может считаться практикообразующим именно в силу широкого общественного резонанса.

Таким образом, научные исследования и правоприменительная практика в большинстве своем

демонстрируют солидарность в отождествлении нетрадиционных сексуальных отношений с гомосексуальными.

В 2012 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей (об установлении административной ответственности за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних)». Его первоначальная редакция предусматривала ответственность именно за пропаганду гомосексуализма; в пояснительной записке этот термин встречался 8 раз. Также было отмечено, что «пропаганда гомосексуализма приняла в современной России широкий размах» и «необходимо оградить в первую очередь подрастающее поколение от воздействия гомосексуальной пропаганды, эту цель и преследует настоящий законопроект». В дальнейшем авторы отказались от термина «гомосексуализм». В стенограмме обсуждения законопроекта отмечено, что «термин “гомосексуализм” в данном законопроекте не используется, мы отказались от его применения, заменив термином “нетрадиционные сексуальные отношения”, исходя из судебной практики. Мы проанализировали вместе с экспертами решения судов общей юрисдикции, Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, и однозначно утверждается, что этот термин имеет определенное правовое содержание и его применение не вызывает каких-либо сложностей у судей. Суды исходят из того, что в традиционном понимании, воспринятом от предков, традиционные сексуальные отношения — это отношения мужчины и женщины, то есть такие отношения, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, и именно эти отношения нуждаются в особой защите со стороны государства» *(О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей (об установлении административной ответственности за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних) // [Электронный ресурс]: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/44554-6 (дата обращения: 19.06.2025))*. В данном случае была практически дословно воспроизведена формулировка решения Санкт-Петербургского городского суда по жалобе об оспаривании законности ст. 7.1 и Примечания к ней Закона Санкт-Петербурга от 12 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», установившей административную ответственность за публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних *(решение Санкт-Петербургского городского суда от 24 мая 2012 г. № 3-97/12)*. Этот же текст вошел и в постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» *(постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489)*.

Опрос организаторов публичных мероприятий сексуального характера показал, что основной контингент таких мероприятий — стабильные гетеросексуальные пары в возрасте около 35 лет, чаще женатые. В ходе интервьюирования было отмечено, что «свингеры — это крепкие семейные пары, которые хотят быть вместе навсегда. Научившись разговаривать друг с другом, они фактически исключили возможность развода из-за измен. Либидо человека устроено так, что всегда хочется “налево”. Это является основной причиной разводов в России *(по данным ВЦИОМ, супружеская измена является причиной 18% разводов, у молодежи этот показатель еще выше и составляет 25%) (Разводы в России: мониторинг. Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения // [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (дата обращения: 11.06.2025))*. Свингеры не практикуют беспорядочные половые связи, кандидатуры партнеров для сексуальных контактов проходят строгий отбор».

Организаторам и участникам публичных мероприятий сексуального характера был задан вопрос об их отношении к традиционным семейным ценностям и соответствии таким ценностям их вовлеченности свинг-практики. Практически все из опрошенных подтвердили свою приверженность традиционным семейным ценностям, а участие в публичных мероприятиях сексуального характера назвали способом укрепления супружеских

отношений. Также они подчеркнули, что вступают исключительно в традиционные, по их оценке, формы сексуальных отношений. Около 80% респондентов выразили негативное отношение к практике гомосексуальных отношений на мероприятиях; остальные 20% отнеслись бы к таким отношениям безразлично, но не хотели бы быть их свидетелями. Однако если бы в анонсе мероприятия фигурировало то, что оно рассчитано на гомосексуальную аудиторию, никто из опрошенных такое мероприятие бы не посетил.

Организаторам и участникам публичных мероприятий сексуального характера был задан вопрос о мотивах их посещения. Около 90% респондентов указали, что основной мотив — получение эмоций от атмосферы сексуальности и раскрепощенности, знакомство с интересными людьми без обязательного сексуального контакта. Около половины опрошенных, состоящих в браке, признали, что после вовлечения в свинг-культуру стали оценивать свой брак как более крепкий.

На основе проанализированной научной информации можно выделить критерии отнесения мероприятия или его информационного сопровождения к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений:

— наличие в анонсе мероприятия информации об участии лиц с гомосексуальной ориентацией или транссексуальной внешностью (включая одежду, макияж и/или аксессуары, традиционно ассоциирующиеся с противоположным полом);

— совершение действий сексуального характера между лицами одного пола в рамках мероприятия. Исключение составляют лишь случаи женских бисексуальных контактов в рамках гетеросексуальной групповой сексуальной активности. Акцент на женских бисексуальных отношениях объясняется тем, что, согласно опросам, организаторы и участники публичных мероприятий сексуального характера единодушно негативно воспринимают подобные проявления между мужчинами. В таких случаях участники прекращали бы взаимодействие, а организаторы потребовали бы покинуть мероприятие.

— наличие на мероприятии людей с транссексуальной/трансгендерной внешностью;

— публичные высказывания, поддерживающие гомосексуальные отношения, трансгендерную идентичность или ЛГБТ-движение

— позиционирование ведущими или организаторами мероприятия себя как представителей ЛГБТ-сообщества;

— размещение в публичных источниках (социальные сети, мессенджеры, специализированные интернет-сайты), связанных с информационным сопровождением публичных мероприятий сексуального характера, в том числе в содержании онлайн-коммуникации между организаторами мероприятий, их реальными или потенциальными участниками, иными лицами материалов, изображающих и (или) поддерживающих гомосексуализм, трансгендерную идентичность, ЛГБТ-символику или идеологию.

Следует учитывать, что публичность в ее юридическом понимании будет иметь место независимо от того, открытым (с неограниченным или минимально ограниченным кругом реципиентов информации) или закрытым является источник распространения информации.

Однако даже устранение всех перечисленных рисков не гарантирует правомерность публичного мероприятия сексуального характера, главным образом, ввиду неопределенности термина «нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения» в ст. 6.21 КоАП РФ. В случае привлечения организаторов и участников мероприятий к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ, организаторы также автоматически подпадают под ст. 20.2.2 КоАП РФ за организацию массового одновременного пребывания граждан в общественных местах, повлекшего нарушение общественного порядка. Факт привлечения к ответственности по ст. 6.21 КоАП РФ при этом будет иметь преюдиционное значение. Так произошло с организатором упоминавшейся ранее «голой вечеринки» А. Ивлеевой, которая «организовала и приняла личное участие в проведении массового мероприятия, не являющего публичным, фотовыставки концерта “ALMOST NAKED”, в котором приняло участие не менее 200 человек, в ходе проведения которого были допущены нарушения общественного порядка, в виде нахождения граждан в общественном месте в голом, оскорбляющем человеческое достоинство виде, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, нецензурная брань в общественном месте, что влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 20.2.2 КоАП РФ» *(постановление Лефортовского районного суда города Москвы от 29 декабря 2023 г. по делу № 05-2559/2023)*.

Распространение порнографических материалов

Следующим онлайн-риском является возможность распространения порнографических материалов, снятых на мероприятиях, а также материалов, изготовленных участниками сетевых сообществ самостоятельно (не в ходе мероприятия), что вле-

чет ответственность по ст. 242 УК РФ. Опрос организаторов публичных мероприятий сексуального характера показал, что эти риски учитываются и минимизируются. В частности, на своих ресурсах (соцсети, мессенджеры, специализированные сайты) организаторы размещают требования к контенту: изображения потенциально порнографического характера должны быть обработаны в графическом редакторе с размытием гениталий. Кроме того, администраторы ресурсов осуществляют постоянный мониторинг контента с целью недопущения распространения порнографии.

Риск причинения вреда несовершеннолетним

Существует риск появления несовершеннолетних как в онлайн-сообществах, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий сексуального характера, так и среди участников таких мероприятий. В случае, если несовершеннолетний становится участником онлайн-сообщества и знакомится с размещаемой там информацией, нарушается п. 3 ст. 9 и (или) п. 5 ст. 10 (в зависимости от возраста несовершеннолетнего) Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» *(СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48)*, что влечет ответственность по ст. 6.17 КоАП РФ. Присутствие несовершеннолетнего на публичном мероприятии сексуального характера влечет риски совершения преступлений, предусмотренных ст. 134, 135, 240.1 УК РФ. При этом важно отметить, что организаторы мероприятий предпринимают значительные усилия для минимизации подобных рисков. Как правило, с потенциальными участниками проводится предварительное собеседование, в ходе которого, среди прочего, проверяется их возраст. При возникновении сомнений организаторы вправе потребовать предъявления документа, подтверждающего возраст. Кроме того, организаторы общаются с участниками непосредственно после их прибытия на мероприятие. Согласно данным опроса организаторов, минимальный возраст участников устанавливается выше совершеннолетия, как правило, от 25 лет. Для девушек возможны исключения с понижением возрастного ценза, однако обязательным условием во всех случаях остается достижение совершеннолетия.

Значительно сложнее обеспечить ограничение доступа несовершеннолетних к информационным ресурсам, публикующим материалы о подготовке и проведении публичных мероприятий сексуального характера. Учитывая, что субъективная сторона состава правонарушения, предусмотренного ст. 6.17 КоАП РФ, характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины [11], недостаточность мер по фильтрации участников сообщества может повлечь административную ответственность за распространение информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей. Путями минимизации рисков являются создание закрытых сообществ с обязательной регистрацией и модерацией вступления, а также проведение предварительных собеседований с кандидатами, включая верификацию посредством видеосвязи. Согласно оценкам организаторов публичных мероприятий сексуального характера, существующие меры контроля позволяют достаточно эффективно минимизировать риски. Однако их полное устранение объективно невозможно в силу специфического характера распространяемого в сообществах контента и повышенного интереса к нему со стороны несовершеннолетних.

Риск нарушения неприкосновенности частной жизни

Организация и проведение публичных мероприятий сексуального характера неизбежно влечет риск нарушения неприкосновенности частной жизни в виде возможного распространения фото- и видеоматериалов, позволяющих идентифицировать конкретных участников мероприятий, а также риск разглашения самих фактов участия. Как правило, большинство публичных мероприятий сексуального характера сопровождается фото- и (или) видеосъемкой со стороны организаторов. Участникам запрещено использовать личные устройства, при помощи которых возможно проводить съемку. Правилами проведения мероприятий предусмотрена или сдача устройств на хранение, или заклеивание объективов камер стикерами. Нарушители этих правил подлежат удалению с мероприятия. Материалы фото- и видеосъемки, изготовленные организаторами, используются для публикации отчетов о мероприятиях, создания промо-контента и других рекламных материалов, а также предоставляются по запросу участникам. Все публично распространяемые материалы подвергаются анонимизации — лица участников размываются для предотвращения идентификации. На материалах, предоставляемых участникам по запросу, размываются лица всех запечатленных лиц, кроме самого получателя.

Факты участия в публичных мероприятиях сексуального характера, а также изображения, позволяющие идентифицировать участников, могут являться сведениями о частной жизни лица, составляющими его личную или семейную тайну

применительно к ст. 137 УК РФ. Оговорка «могут являться» обусловлена спецификой предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Она заключается в том, что только само лицо вправе определять, какие именно сведения составляют его личную или семейную тайну. Это подтверждается разъяснениями Конституционного Суда РФ, указавшего, что «исходя из предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер *(определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О и от 27 мая 2010 г. № 644-О-О)*. Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации» *(определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации»)*. Аналогичные позиции содержатся и в доктринальных разъяснениях по применению ст. 137 УК РФ [12]. Также следует учитывать положения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)». Согласно им, уголовная ответственность не наступает за собирание или распространение сведений о частной жизни гражданина, если эти сведения ранее были преданы огласке им самим или по его воле.

Следует отдельно отметить, что к фото- и видеоматериалам, изготовленным в ходе публичных мероприятий сексуального характера, неприменимы положения подп. 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ. Данная норма разрешает обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) только с его согласия за исключением случаев, когда изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях). Публичные мероприятия сексуального характера затрагивают интимную сферу личности, в связи с чем их нельзя относить к перечню, установленному указанной нормой Гражданского кодекса. Кроме того, в данном случае применим абз. 3 п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому «если изображенные на коллективном фотоснимке граждане очевидно выразили свое согласие на фотосъемку и при этом не запретили обнародование и использование фотоснимка, то один из этих граждан вправе обнародовать и использовать такое изображение без получения дополнительного согласия на это от иных изображенных на фотоснимке лиц, за исключением случаев, если такое изображение содержит информацию о частной жизни указанных лиц (пункт 1 статьи 152.2 ГК РФ)». Любой фотоснимок или видеозапись, сделанные на публичном мероприятии сексуального характера, содержат информацию о частной жизни изображенных лиц. Их распространение без согласия участников должно влечь уголовную ответственность по ст. 137 УК РФ.

Риски совершения вымогательства и мошенничества

Сетевая коммуникация последователей свинг-субкультуры, включающая знакомство участников и обсуждение мероприятий сексуального характера, создает повышенные риски появления в таких сообществах вымогателей и мошенников. Вымогательство обычно выражается в выманивании у участников фото- или видеоматериалов эротического (порнографического) характера, сохранении фрагментов переписки, содержащих сведения о частной жизни, и последующем шантаже с требованием денежных средств за неразглашение компрометирующей информации. Мошенниче-

ство предполагает попытки завладения денежными средствами жертв путем обмана под различными предлогами, например, организации фиктивных совместных встреч (социальная инженерия) [13, с. 71–76]. Анализируя риски использования мобильных приложений для знакомств, исследователи подчеркивают, что «характер раскрываемой информации и обстоятельства знакомства при использовании дейтинг-приложений определяют специфическую черту противоправной деятельности — злоупотребление доверием, оказанным ввиду возникших романтических, дружеских или иных подобных отношений. Этот способ, используемый наряду с обманом, делает преступное деяние более изощренным и оттого более опасным» [14, с. 186]. Данный вывод в равной степени применим и к коммуникации в сообществах свингеров в цифровом пространстве. Осознавая свою принадлежность к социальной группе, в определенной степени дистанцированной от общества из-за специфики сексуальных предпочтений, такие люди проявляют повышенную склонность доверять другим членам этой группы.

Риск занятия проституцией

Существенным правовым риском при организации публичных мероприятий сексуального характера выступает потенциальная возможность занятия проституцией во время их проведения. Опрос организаторов показал, что занятие проституцией на публичных мероприятиях сексуального характера может осуществляться в одной из трех форм:

— самостоятельное предложение услуг сексуального характера за материальное вознаграждение отдельными участниками либо без ведома организаторов мероприятия, либо при их осведомленности, но без принятия мер противодействия. В таких случаях лица, оказывающие сексуальные услуги, подлежат ответственности по ст. 6.11 КоАП РФ, а организаторы, допустившие указанные нарушения, — по ст. 20.2.2 КоАП РФ;

— самостоятельное оказание отдельными участниками услуг сексуального характера за материальное вознаграждение при условии, что организаторы осведомлены о такой деятельности и получают процент от доходов, но при этом сами не выполняют функций по организации занятия проституцией. В этом случае лица, оказывающие сексуальные услуги, подлежат ответственности по ст. 6.11 КоАП РФ, а организаторы — по совокупности ст. 6.12 КоАП РФ и ст. 20.2.2 КоАП РФ;

— привлечение организаторами к участию лиц, занимающихся проституцией, для создания атмосферы раскрепощенности и стимулирования активности других участников с последующим распределением прибыли. Несмотря на отсутствие сложившейся судебной практики привлечения по ст. 241 УК РФ в аналогичных случаях, действия организаторов содержат все признаки состава данного преступления, поскольку они целенаправленно осуществляют организационные функции в отношении занятия проституцией на мероприятиях [15, с. 288–294]. Фактически организаторы публичных мероприятий сексуального характера предоставляют инфраструктуру для занятия проституцией, формируют потенциальный круг потребителей сексуальных услуг, могут рекламировать такие услуги, например, делая их частью сюжетной линии мероприятия, обеспечивают безопасность и распределяют доходы (участвуют в их распределении). Таким образом, организаторы мероприятий подлежат ответственности по ст. 241 УК РФ, а лица, оказывающие сексуальные услуги, — по ст. 6.11 КоАП РФ.

Риск потребления и распространения наркотиков

Серьезным риском публичных мероприятий сексуального характера, по оценкам как организаторов, так и участников, является распространение и потребление наркотических средств во время проведения таких мероприятий. Это обусловлено феноменом «химического секса» [16, с. 88–92] — практики рекреационного употребления психоактивных веществ, специально используемых для повышения сексуальной расторможенности, усиления полового возбуждения и достижения состояния эйфории. К наиболее распространенным веществам этого типа относятся кристаллический метамфетамин, мефедрон и гамма-гидроксибутират (GHB). Основная причина обращения к практике «химического секса» связана с феноменом «поиска ощущений» — стремлением к получению интенсивного сенсорно-эмоционального сексуального опыта [17]. Потребители наркотиков могут чувствовать себя неуязвимыми для возможных негативных последствий, чрезвычайно самоуверенными и сексуально изобретательными, испытывать обостренное чувство удовольствия и обладать выносливостью, позволяющей бодрствовать в течение нескольких дней [18].

По свидетельствам опрошенных организаторов публичных мероприятий сексуального характера, случаи потребления и распространения наркотических средств (преимущественно мефедрона) носят систематический характер. Соответственно возникают риски совершения преступлений,

предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, а также административных правонарушений, ответственность за которые установлена ст. 6.8, 6.9, 6.13 КоАП РФ. Тщательный отбор участников через предварительные собеседования и систему рекомендаций позволяет снизить, но не исключить полностью риски незаконного оборота наркотиков во время мероприятий. Большинство организаторов выражает готовность к сотрудничеству с подразделениями по контролю за оборотом наркотиков правоохранительных органов, включая допуск оперативных сотрудников на мероприятия с целью выявления и пресечения противоправных действий, связанных с оборотом наркотических средств. Однако следует учитывать, что, согласно данным опросов, многие организаторы не только допускают употребление наркотиков на мероприятиях, но и активно участвуют в их распространении — от предоставления «безопасных» условий для приема веществ до изготовления и продажи коктейлей с психоактивными компонентами, искусственно стимулирующими сексуальную активность.

Риск распространения заболеваний, передающихся половым путем

В силу специфики публичных мероприятий сексуального характера очевидными рисками являются риски распространения заболеваний, передающихся половым путем, в том числе ВИЧ-инфекции, что при определенных условиях может повлечь ответственность по ст. 121, 122 УК РФ и ст. 6.1 КоАП РФ. В целях снижения указанных рисков организаторами мероприятий вводятся правила обязательного использования средств барьерной контрацепции, которые предоставляются участникам бесплатно и в достаточном количестве.

Заключение

Помимо перечисленных рисков нельзя не отметить налоговые риски, связанные с получением организаторами мероприятий доходов, а также риски работы с персональными данными участников. Однако данные риски не являются специфичными исключительно для публичных мероприятий сексуального характера, поскольку характерны для любой коммерческой деятельности, связанной с получением доходов и обработкой персональных данных.

Проведенное исследование позволило выявить комплекс правовых рисков, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий сексуального характера, а также их информационным сопровождением. Несмотря на усилия организаторов по минимизации этих рисков, их полное устранение невозможно из-за специфики таких мероприятий и неоднозначности законодательных формулировок.

Литература

1. *Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin* Sexual Behavior in the Human Male. W. B. Saunders Company, 1948.

2. *Curtis R. Bergstrand, Jennifer Blevins Sinski* Swinging in America: Love, Sex, and Marriage in the 21st Century. Bloomsbury Academic, 2010.

3. *Григоренко О. В.* Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 139–155.

4. *Романовский Г. Б.* О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений // Гражданин и право. 2014. № 1. С. 3–15.

5. *Поздеева О. С.* Проблемы применения ст. 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» // В сборнике: Законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях: после реформы, перед реформой. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Д. Н. Бахраха. Екатеринбург, 2022. С. 64–73.

6. *Федотова Ю. Е.* Статья 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы толкования // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 1 (97). С. 58–59.

7. *Водяная М. Ю., Мирошниченко А. В.* Предпосылки правового запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений в российском законодательстве // Административное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 45–61.

8. *Медведева А. С.* Правовой, объяснительный и экспертный потенциалы понятий, использованных законодателем при установлении запрета пропаганды ЛГБТ // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 2. С. 251–262.

9. *Волков П. А.*, *Пушечников А. А.* Вопросы привлечения к административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 3 (57). С. 37–42.

10. *Григорян Д. К.* Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений в эпоху цифровизации как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 62–67.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Б. В. Россинского. М.: Библиотечка РГ, 2014.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный; издание одиннадцатое, перераб. и доп.) / коллектив авторов; под ред. докт. юрид. наук Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2023.

13. *Старостенко Н. И.* Криминалистическое понимание механизма совершения мошенничества с использованием методов социальной инженерии // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 71–76.

14. *Бимбинов А. А.* Уголовно-правовые риски использования мобильных приложений для знакомств // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2. С. 181–190.

15. *Климов Д. В.* Характеристика способов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией, осуществляемых участниками организованных преступных формирований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 288–294.

16. *Скрябин В. Ю.*, *Романов А. С.*, *Хоряев Д. С.*, *Шипицын В. В.*, *Брюн Е. А.* «Химический секс» (обзор литературы) // Наркология. 2018. Т. 17. № 3. С. 88–92.

17. *Melendez-Torres G. J., Bourne A.* Illicit drug use and its association with sexual risk behaviour among MSM: More questions than answers? // Current Opinion in Infectious Diseases 2016; 29(1): 5863. http://dx.doi.org/10.1097/qco.0000000000000234

18. *Page E. E., Nelson M.* Hepatitis C and sex // Clinical Medicine (London) 2016; 16(2): 189–192. doi: 10.7861/clinmedicine.16-2-189.

References

1. *Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin* Sexual Behavior in the Human Male. W. B. Saunders Company, 1948.

2. *Curtis R. Bergstrand, Jennifer Blevins Sinski* Swinging in America: Love, Sex, and Marriage in the 21st Century. Bloomsbury Academic, 2010.

3. *Grigorenko O. V.* Fenomen poliamorii v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz [The phenomenon of polyamory in modern society: sociological analysis] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow state university bulletin. Series 18. Sociology and political science].* 2018. T. 24. № 2, pp. 139–155. (In Russian)

4. *Romanovskii G. B.* O zaprete propagandy netraditsionnykh seksual'nykh otnoshenii // In *Grazhdanin i pravo [Citizen and law].* 2014. № 1, pp. 3–15. (In Russian)

5. *Pozdeeva O. S.* Problemy primeneniya st. 6.21 KOAP RF «Propaganda netraditsionnykh seksual'nykh otnoshenii sredi nesovershennoletnikh» // V sbornike: Zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: posle reformy, pered reformoi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati D. N. Bakhrakha. Ekaterinburg, 2022, pp. 64–73. (In Russian)

6. *Fedotova Yu. E.* Stat'ya 6.21. Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: problemy tolkovaniya // In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian law: education, practice, research].* 2017. № 1 (97), pp. 58–59. (In Russian)

7. *Vodyanaya M. Yu., Miroshnichenko A. V.* Predposylki pravovogo zapreta propagandy netraditsionnykh seksual'nykh otnoshenii v rossiiskom zakonodatel'stve [Prerequisites for the legal prohibition of propaganda of non-traditional sexual relations] // In *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo [Administrative and municipal law*]. 2024. № 1, pp. 45–61. (In Russian)

8. *Medvedeva A. S.* Pravovoi, ob''yasnitel'nyi i ehkspertnyi potentsialy ponyatii, ispol'zovannykh zakonodatelem pri ustanovlenii zapreta propagandy LGBT [The legal, explanatory, and expert aspects of the

concepts utilized by lawmakers in enacting the prohibition of LGBT propaganda] // In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie [Siberian law review]*. 2024. T. 21. № 2, pp. 251–262. (In Russian)

9. *Volkov P.A., Pushechnikov A.A.* Voprosy privlecheniya k administrativnoi otvetstvennosti za propagandu netraditsionnykh seksual'nykh otnoshenii i (ili) predpochtenii, smeny pola v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti Internet [Issues of bringing to administrative responsibility for the promotion of non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment in the internet information and telecommunications network] // In *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of law-enforcement activity]*. 2024. № 3 (57), pp. 37–42. (In Russian)

10. *Grigoryan D.K.* Propaganda netraditsionnykh seksual'nykh otnoshenii v ehpokhu tsifrovizatsii kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Propaganda of non-traditional sexual relations as a threat to the national security of the Russian Federation] // In *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2024. № 2 (109), pp. 62–67. (In Russian)

11. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, professora B.V. Rossinskogo. M.: Bibliotechka RG, 2014. (In Russian)

12. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi; izdanie odinnadtsatoe, pererab. i dop.) / kollektiv avtorov; pod red. dokt. yurid. nauk G.A. Esakova. M.: Prospekt, 2023. (In Russian)

13. *Starostenko N.I.* Kriminalisticheskoe ponimanie mekhanizma soversheniya moshennichestva s ispol'zovaniem metodov sotsial'noi inzhenerii [Criminalistic understanding of the mechanism of committing fraud using social engineering methods] // In *Obshchestvo i pravo [Society and law]*. 2021. № 1 (75), pp. 71–76. (In Russian)

14. *Bimbinov A.A.* Ugolovno-pravovye riski ispol'zovaniya mobil'nykh prilozhenii dlya znakomstv [Criminal law risks of using mobile dating apps] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian journal of criminology]*. 2024. T. 18. № 2, pp. 181–190. (In Russian)

15. *Klimov D.V.* Kharakteristika sposobov vovlecheniya v zanyatie prostitutsiei i organizatsii zanyatiya prostitutsiei, osushchestvlyaemykh uchastnikami organizovannykh prestupnykh formirovanii [Characteristics of methods of involvement in prostitution and organization of prostitution carried out by participants in organized criminal groups] // In *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia]*. 2024. № 3 (67), pp. 288–294. (In Russian)

16. *Skryabin V. Yu., Romanov A.S., Khoryaev D.S., Shipitsyn V.V., Bryun E.A.* «Khimicheskii seks» (obzor literatury) [Chemsex: literature review] // In *Narkologiya [Narcology]*. 2018. T. 17. № 3, pp. 88–92. (In Russian)

17. *Melendez-Torres G. J., Bourne A.* Illicit drug use and its association with sexual risk behaviour among MSM: More questions than answers? // Current Opinion in Infectious Diseases 2016; 29(1): 5863. http://dx.doi.org/10.1097/qco.0000000000000234

18. *Page E.E., Nelson M.* Hepatitis C and sex // Clinical Medicine (London) 2016; 16(2): 189–192. doi: 10.7861/clinmedicine.16-2-189.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Долгополов Кирилл Андреевич

Цель: *рассмотреть особенности назначения наказания в виде обязательных работ и показать, что в законодательном плане назначение обязательных работ нуждается в дальнейшем совершенствовании.*

Методология: *формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *В статье показано, что обязательные работы достаточно мягкий вид наказания, поэтому в системе наказания, закрепленной в ст. 44 УК РФ, он указан четвертым. Детализируются основания назначения наказания в виде обязательных работ. Указываются основные особенности назначения такого вида наказания, как обязательные работы. Приводится и анализируется статистика санкций Особенной части УК РФ, содержащих обязательные работы как вид уголовного наказания. Делается анализ круга лиц, которым не может быть назначено наказание в виде обязательных работ. Предлагается дополнить список лиц, которым не может быть назначено наказание в виде обязательных работ. Обсуждается вопрос о необходимости конкретизации видов обязательных работ. Перечисляются обстоятельства, которые правоприменителю следует принимать во внимание при назначении наказания в виде обязательных работ. Отмечается, что обязательные работы не могут быть назначены условно, а также виновное лицо не может быть условно-досрочно освобождено от их дальнейшего отбывания. Приводятся аргументы в пользу того, чтобы условно-досрочное освобождение распространить и на обязательные работы. В заключении отмечается, что обязательные работы — это удачная альтернатива лишения свободы, но в законодательном плане они нуждаются в дальнейшем совершенствовании.*

Научная и практическая значимость. *Статья вносит вклад в развитие науки уголовного и уголовно-исполнительного права. Практическая значимость работы состоит в том, что предложения по законодательному совершенствованию обязательных работ позволят применять данный вид наказания более эффективно.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, назначение уголовного наказания, вид уголовного наказания, обязательные работы, размер уголовного наказания, уголовное право, санкция статьи.*

Обязательные работы — это один из тех видов наказаний, который появился одновременно с вступлением в силу УК РФ 1996 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что у обязательных работ в российской системе наказаний были предшественники. Так, в ст. 34 и 55 Свода законов Российской империи (Законы уголовные) 1832 г. были предусмотрены как городские работы, так и работы у частных лиц. Они назначались лицам из низших сословий. В современном уголовном законодательстве обязательные работы подробно раскрываются в ст. 49 УК РФ 1996 г. Обращает на себя внимание тот факт, что в.Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик от 2 июля 1991 г № 2281-I обязательные работы не указаны в числе видов наказаний *(«Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик» (приняты ВС СССР 2 июля 1991 г. № 2281-1). Документ утратил силу // СПС «КонсультантПлюс»).* Это означает, что идея сделать обязательные работы видом уголовного наказания появилась уже после 1991 г. Своим появлением обязательные работы обязаны заимствованию зарубежного опыта, в частности положений французского уголовного права.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-158-163

Как при назначении любого вида наказания, так и при назначении обязательных работ правоприменителем преследуются определенные цели. Помимо целей, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, обязательные работы помогают сэкономить средства муниципального бюджета, так как позволяют бесплатно осуществлять те виды работ, за которые обычно выплачивается заработная плата. Зачастую благоприятно воздействие обязательных работ и на окружающую среду. Это особенно характерно для тех видов работ, которые связаны с уборкой твердых бытовых отходов.

Термин «обязательные работы» состоит из двух слов, каждое из которых наделено своим собственным значением. Слово «обязательный» в русском языке означает «безусловный для исполнения, непременный, связанный с обязательствами, относящийся к обязательству» [1, с. 587]. Точно такое же значение слово «обязательный» имеет и применительно к рассматриваемому виду наказания. Как и любой вид наказания, обязательные работы исполняются принудительно, независимо от согласия на это виновного лица. И в этом кроется главный недостаток использования слова «обязательный» в названии данного вида наказания, поскольку такое слово ничего не говорит о самом характере наказания в виде обязательных работ, его специфики. Поэтому лучше было бы термин «обязательные работы» заменить на термин «общественные работы», так как назначение наказания в виде обязательных работ направлено на достижение общественно полезных целей.

Под словом «работа» в русском языке понимается осуществление какой-либо деятельности, дело, труд, круг занятий, обязанностей [2, с. 12]. Указание во множественном числе данного слова в уголовном законе подразумевает, что виновным лицам в качестве наказания могут быть назначены различные виды работ.

Принудительное привлечение виновного лица к труду составляет основное карательное содержание наказания в виде обязательных работ. Сами работы, составляющие сущностную часть рассматриваемого вида наказания, характеризуются следующими признаками.

Во-первых, они выполняются бесплатно. Лицо, отбывающее обязательные работы, не получает заработную плату, ему не предоставляются иные выгоды финансового, имущественного или материального характера.

Во-вторых, обязательные работы обладают дополнительным характером по отношению к тому основному месту работы или учебы, на котором уже находится осужденное лицо. Отбывание обязательных работ возможно только в свободное от основной работы или учебы время. В данном случае обращает на себя внимание термин «основная работа или учеба». Он означает, что если виновное лицо участвует в каких-либо подработках, приработках и т.д., то есть во всем том, что нельзя считать основной работой, время отбывания обязательных работ может с такими дополнительными видами трудовой деятельности совпадать. И в этом случае виновный обязан отбывать именно обязательные работы, а не заниматься подработками.

В-третьих, обязательные работы обладают общим характером, то есть они не требуют какой-либо специальной профессиональной подготовки, каких-либо навыков, знаний и умений, на которые нужно учиться или к которым нужно длительно готовиться. Для осуществления обязательных работ требуется то, что принято называть общей трудоспособностью.

В-четвертых, обязательные работы должны быть определенными. В приговоре суда указывается срок обязательных работ (в часах), к отбыванию которых приговаривается виновное лицо.

В-пятых, обязательные работы носят принудительный характер. Это означает, что виновный, которому были назначены обязательные работы, не может по собственной воле отказаться от их выполнения. В случае, если виновный злостно уклоняется от исполнения обязательных работ, данный вид наказания в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ заменяется более строгим видом наказания, а именно принудительными работами или лишением свободы.

В-шестых, обязательные работы имеют общественно полезный характер. Это означает, что они делаются на благо всего общества или государства и не могут преследовать узкие частные интересы.

В-седьмых, объектом карательного воздействия при обязательных работах является свобода труда, которая согласно ст. 2 Трудового кодекса РФ является принципом трудового законодательства. Лицо, осужденное к обязательным работам, не может само выбирать их вид и место отбывания: за него это делает муниципалитет, согласуя место работы осужденного с уголовно-исполнительной инспекцией.

В-восьмых, обязательные работы должны быть подконтрольными. Учет срока отбывания обязательных работ и контроль за их исполнением осуществляет уголовно-исполнительная инспекция.

В-девятых, объем обязательных работ определяется, по сути дела, только их сроком. В данном случае сложно не согласиться с мнением Т. Ю. По-

госяна, который считает, что объем обязательных работ должен определяться не только сроком этих работ, но и их характером [3, с. 516].

В-десятых, в соответствии с принципом гуманизма обязательные работы не должны быть опасными для жизни и здоровья осужденного. Например, обязательные работы не должны проводиться в радиоактивно зараженной местности, с агрессивными химическими препаратами. Лицам, страдающим сильным головокружением, не должны назначаться обязательные работы на высоте.

Обязательные работы — достаточно мягкий вид наказания. Именно по этой причине он указан четвертым в ст. 44 УК РФ, в которой закреплена «иерархия» наказаний. Как вид наказания, он обладает следующими признаками: 1) является основным видом наказания; 2) не связан с изоляцией осужденного лица от общества; 3) выражается в принудительном привлечении к общественно полезным работам; 4) является срочным видом наказания, так как реализуется в течение определенного уголовным законом и приговором суда промежутка времени.

Являясь основным видом наказания, обязательные работы назначаются самостоятельно и не могут быть присоединены к другим видам наказания. Это правило распространяется и на те случаи, когда обязательные работы закреплены в таких санкциях статей Особенной части УК РФ, в которых закреплены и иные виды наказания, обладающие большим карательным потенциалом, например лишение свободы на определенный срок.

Изоляция осужденного лица от общества — это изъятие виновного лица из той социальной микросреды, в которой он находился до момента назначения ему соответствующего уголовного наказания и помещение его в учреждение уголовно-исполнительной системы РФ, в частности в колонию-поселение, колонию общего режима и т.д. Лица, которым назначено наказание в виде обязательных работ, не изолируются от общества и продолжают сохранять имевшиеся у них семейные и социальные связи, с которыми они взаимодействовали до момента осуждения. Отсутствие изоляции осужденного от общества — одно из тех качеств, которые позволяют рассматривать обязательные работы как альтернативный лишению свободы вид наказания. В связи с этим можно отметить, что обязательные работы наиболее эффективны при назначении их за преступления небольшой тяжести, в меньшей степени их эффективность проявляется при назначении за преступления средней тяжести. Целесообразность назначения обязательных работ за тяжкие и особо тяжкие преступления, особенно корыстно-насильственного характера, вызывает большие сомнения. Это подтверждается и судебной практикой. По данным за 2024 г. за преступления небольшой тяжести обязательные работы назначались 53 474 раза, за преступления средней тяжести — 10 630 раз, за тяжкие преступления — 617 раз и за особо тяжкие — 2 раза [3]. Можно сделать вывод, что обязательные работы рассматриваются судами как обоснованная альтернатива лишению свободы только при назначении наказания за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Наказание в виде обязательных работ назначается в следующих случаях:

1) когда оно прямо предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК РФ;

2) когда оно назначается в качестве замены штрафу в случае злостного от него уклонения в порядке ч. 5 ст. 46 УК РФ;

3) когда обязательные работы назначаются по основаниям, установленным ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом) и 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания).

Особенности назначения обязательных работ как вида уголовного наказания связаны со следующими моментами: а) с карательным содержанием данного вида наказания, которое уже было выше рассмотрено; б) с установленными уголовным законом минимальным и максимальным пределами обязательных работ; в) с порядком исчисления обязательных работ; г) с определением вида обязательных работ и места их отбывания; д) с перечнем тех преступлений, за которые в качестве наказания предусмотрены обязательные работы; е) с социальными, возрастными и иными свойствами виновных лиц, которым назначаются обязательные работы; ж) с определенными характеристиками тех лиц, которым не могут быть назначены обязательные работы как вид уголовного наказания.

Минимальный и максимальный срок обязательных работ устанавливается в зависимости от возраста виновного лица. Для лиц, достигших 18-летнего возраста, минимальный предел обязательных работ равен 60 часам, а максимальный — 480 часам. Для несовершеннолетних лиц пределы наказания в виде обязательных работ установлены в размере от 40 до 160 часов в день. Таким образом, сроки обязательных работ для несовершеннолетних лиц, особенно в максимальной их части, существенно снижены.

Для совершеннолетних лиц также в ч. 2 ст. 49 УК РФ указано, что они могут отбывать обязательные работы на срок не свыше четырех часов в день. Такое ограничение установлено для соблюдения норм ТК РФ, ведь предполагается, что, помимо обязательных работ, у осужденного есть еще основное место работы или учебы. Практика применения обязательных работ показывает, что их суммарное количество за неделю, как правило, не превышает 12 часов. Если у осужденного имеется единственный выходной по основному месту работы или учебы, то этот день не может быть занят обязательными работами.

Относительно количества часов в день отбывания обязательных работ несовершеннолетними лицами законодательный подход дифференцирован. Продолжительность отбывания обязательных работ для несовершеннолетних осужденных лиц в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а для несовершеннолетних лиц шестнадцати и семнадцатилетнего возраста — трех часов в день.

Следует отметить, что обязательные работы в соответствии с ч. 1 ст. 72 УК РФ 1996 г. исчисляется в часах. Поэтому его нельзя в приговорах судов указывать в днях, месяцах и годах даже в том случае, когда, переведя эти единицы измерения в часы, правоприменитель укладывается в минимальный и максимальный пределы, предусмотренные санкцией статьи Особенной части УК РФ, установленной за соответствующее преступление, по которому он рассматривает или разрешает уголовное дело [9].

Хотя в уголовном законе на этот счет нет специальных оговорок, судебная практика показывает, что общий срок наказания в виде обязательных работ указывается в часах, обозначаемых круглым числом, то есть таким числом, которое оканчивается на ноль. Суды не назначают обязательные работы в размере, например, 165 или 178 часов, но они могут назначить данный вид наказания в размере 160 или 180 часов. При этом важно обратить внимание на то обстоятельство, что суд во избежание ошибки, указывая в своем приговоре количество часов обязательных работ, делает это как в числовой форме, так и прописью. Выглядит это следующим образом: назначить осужденному наказание в виде обязательных работ сроком на 180 (сто восемьдесят) часов [4].

Как вид уголовного наказания обязательные работы предусмотрены в 194 санкциях статей Особенной части УК РФ. Это составляет примерно 18,5% от числа всех санкций, закрепленных в Особенной части УК РФ. Важно также отметить, что минимальные и максимальные пределы обязательных работ в разных санкциях установлены различные. Так, на срок до 480 часов предусмотрены обязательные работы в 111 санкциях, до 450 часов в 1 санкции, до 440 часов в 2 санкциях, до 400 часов в 6 санкциях, до 360 часов в 53 санкциях, до 320 часов в 2 санкциях, до 300 часов в 1 санкции, до 240 часов в 7 санкциях, от 100 до 180 часов в 1 санкции, от 180 до 240 часов в 5 санкциях, до 200 часов в 2 санкциях, до 180 часов в 2 санкциях, до 160 часов в 1 санкции. Отсюда можно сделать несколько выводов. Во-первых, большинство санкций статей, предусматривающих наказание в виде обязательных работ, устанавливают его в тех же пределах, в которых это сделано в ч. 2 ст. 49 УК РФ. Во-вторых, в санкциях статей, предусматривающих в качестве вида наказания обязательные работы, крайне редко устанавливается его минимальный предел (всего в шести санкциях). В-третьих, в подавляющем большинстве случаев максимальный предел обязательных работ превышает максимальный предел обязательных работ, установленный для несовершеннолетних. В-четвертых, обнаружено неравномерное распределение количества санкций, закрепляющих в качестве вида наказания обязательные работы по различным минимальным и максимальным пределам данного вида наказания.

Кроме того, анализ санкций статей Особенной части УК РФ показал, что обязательные работы очень редко усиливаются дополнительными видами наказаний и данный вид наказания содержится только в альтернативных санкциях. Последнее обстоятельство означает, что в санкциях статей Особенной части УК РФ, в которых закреплены обязательные работы, наряду с этим видом наказания имеются и другие основные виды наказания. Это объясняется, в частности, тем, что обязательные работы не могут быть назначены всем виновным лицам. В ч. 4 ст. 49 УК РФ перечислены те категории виновных лиц, которым не может быть назначено наказание в виде обязательных работ. В числе обстоятельств, которые препятствуют назначению обязательных работ, в уголовном законе указаны: 1) инвалидность I группы; 2) беременность; 3) если осужденная женщина с детьми до трех лет; 4) прохождение военной службы по призыву; 5) прохождение военной службы по контракту на должностях рядового или сержантского состава, если на момент вынесения приговора не был отслужен весь срок службы по призыву. Очевидно, что список лиц, указанных в ч. 4 ст. 49 УК РФ, является исчерпывающим,

но принцип гуманизма настоятельно требует его расширить. Например, лицам, являющимся инвалидами II группы, также надо запретить назначать обязательные работы, поскольку у них имеются серьезные проблемы со здоровьем, а большинство видов обязательных работ требуют немалого физического напряжения. Мужчинам, которые уходят в декрет в связи с рождением ребенка, тоже следует запретить назначать обязательные работы, так как они не смогут полноценно выполнять свои обязанности по уходу за ребенком.

Если в процессе отбытия наказания в виде обязательных работ у осужденного появились обстоятельства, препятствующие его назначению (например, он стал инвалидом I группы), то он освобождается от дальнейшего отбывания данного вида наказания.

Ни в уголовном законе, ни в конкретном приговоре вид назначаемых обязательных работ не конкретизируется. Это обусловлено положением ч. 1 ст. 49 УК РФ, где сказано, что вид работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Как правило, к обязательным работам относятся уборка различных отходов, покрасочные работы, погрузочно-разгрузочные работы, размещение стендов и расклеивание плакатов, сезонно-полевые работы и т.д.

Следует отметить, что поскольку вид работ и объекты, на которых они осуществляются, определяется только муниципальным органом по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией, необходимо в законодательстве закрепить примерный перечень тех работ, которые могут назначаться в качестве обязательных, а также установить ориентировочный список тех предприятий и организацией, готовых принять осужденных. Это следует сделать для того, чтобы виновных, которым обязательные работы будут определяться разными муниципалитетами, исходя из своих собственных предпочтений, не поставить в неравные условия.

Мысль о том, что виды обязательных работ и объекты, на которых они будут отбываться, важно конкретизировать, не является новой. Так, в частности, И. К. Джанмирзаев и А. И. Магомедова предлагают детально регламентировать комплекс обязанностей осужденного к обязательным работам лица, а также ограничить список предприятий, на которых могут отбываться обязательные работы [4, с. 35].

При назначении наказания в виде обязательных работ правоприменителю следует принимать во внимание следующие обстоятельства: 1) характер и степень общественной опасности деяния; 2) возраст виновного лица; 3) состояние здоровья виновного лица; 4) желание виновного лица трудиться; 5) вид и характер назначаемой работы; 6) график основного места работы или учебы; 7) профессиональные навыки осужденного.

Согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ обязательные работы относятся к тем видам наказания, которые не могут быть назначены условно. Таким образом, лица, осужденные к обязательным работам, обязаны их выполнять только реально, то есть действительно лично выполняя поручения органов местного самоуправления. Это обусловлено тем, что обязательные работы не имеет смысла назначать условно, так как этот вид наказания обладает сравнительно небольшим превентивным (сдерживающим) потенциалом, способным удержать лиц от совершения ими новых преступлений.

Лицо, которому назначено наказание в виде обязательных работ, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ не может быть условно-досрочно освобождено от отбывания данного вида наказания. Это положение уголовного закона можно считать непроработанным, поскольку разные осужденные различным образом относятся к исполнению своих трудовых обязанностей. И тех, которые добросовестно относятся к труду, порученную работу делают качественно и в срок, строго придерживаются графика отбывания обязательных работ, целесообразно мотивировать условно-досрочным освобождением.

Обязательные работы могут назначаться не только за единичное преступление, но и по совокупности преступлений. В этом случае окончательное наказание в виде обязательных работ не может превышать установленные ч. 2 ст. 49 УК РФ для данного вида наказания предельные сроки, которые равняются 480 часам. Вместе с тем следует отметить, что не все суды, к сожалению, придерживаются данного правила. С. А. Сторожев приводит пример из судебной практики, когда по совокупности преступлений назначалось 700 часов обязательных работ [5, с. 42].

Опыт применения обязательных работ наглядно показал, что этот вид наказания — удачная альтернатива лишению свободы, особенно за преступления небольшой и средней тяжести. Одним словом, обязательные работы состоялись как самостоятельный эффективный вид наказания, но требующий дальнейшего совершенствование норм, с помощью которых осуществляется регламентация обязательных работ.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Т. 8 «О». М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 1840 с.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Т. 12 «Р». М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 1676 с.
3. *Ковалев М. И.*, *Козаченко И. Я.*, *Кондрашова Т. В.*, *Погосян Т. Ю.*, *Незнамова З. А.* и др. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 790 с.
4. *Джанмирзаев И. К.*, *Магомедова А. И.* Наказание в виде обязательных работ // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 4. С. 32–36.
5. *Сторожев С. А.* Назначение обязательных работ по совокупности преступлений // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 41–44.
6. *Лопашенко Н. А.* Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48.
7. *Ходжалиев С. А.* Назначение наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 229–231.
8. *Казакова А. А.* Назначение наказания по совокупности преступлений // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 5 (68). С. 581–585.
9. *Ходжалиев С. А.* Принципы назначения наказания в российском уголовном праве: теоретико-правовые аспекты и практика применения // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 3–1. С. 136–141.
10. *Андреева Я. В.* Анализ дополнительных обстоятельств, учитываемых при назначении наказания несовершеннолетним // Юридическая наука. 2024. № 8. С. 243–249.

References

1. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 volumes]. V 17 tomakh. T. 8 «O». M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 1840 s. (In Russian)
2. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 volumes]. V 17 tomakh. T. 12 «R». M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 1676 s. (In Russian)
3. *Kovalev M. I., Kozachenko I. Ya., Kondrashova T. V., Pogosyan T. Yu., Neznamova Z. A. i dr.* Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov [Criminal Law. General Part: Textbook for Universities]. M.: Norma, Infra-M, 1998. 790 s. (In Russian)
4. *Dzhanmirzaev I. K., Magomedova A. I.* Nakazanie v vide obyazatel'nykh rabot // In *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Punishment in the Form of Compulsory Community Service].* 2020. № 4. S. 32–36. (In Russian)
5. *Storozhev S. A.* Naznachenie obyazatel'nykh rabot po sovokupnosti prestuplenii [Assignment of Compulsory Community Service for Multiple Offenses] // In *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute].* 2018. № 2 (35). S. 41–44. (In Russian)
6. *Lopashenko N. A.* Ob ugolovnom nakazanii v Rossii: zametki na polyakh Ugolovnogo kodeksa (ot nastoyashchego k budushchemu) [On Criminal Punishment in Russia: Notes on the Margins of the Criminal Code (from the Present to the Future)] // In *Zakon [Law].* 2021. № 12. S. 33–48. (In Russian)
7. *Khodzhaliev S. A.* Naznachenie nakazaniya s uchetom smyagchayushchikh i otyagchayushchikh obstoyatel'stv // In *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [Assignment of Punishment Taking into Account Mitigating and Aggravating Circumstances. Civil Service and Personnel].* 2024. № 3. S. 229–231. (In Russian)
8. *Kazakova A. A.* Naznachenie nakazaniya po sovokupnosti prestuplenii // In *Alleya nauki [Assignment of Punishment for Multiple Offenses. Alley of Science].* 2022. T. 1. № 5 (68). S. 581–585. (In Russian)
9. *Khodzhaliev S. A.* Printsipy naznacheniya nakazaniya v rossiiskom ugolovnom prave: teoretiko-pravovye aspekty i praktika primeneniya // In *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal [Principles of Sentencing in Russian Criminal Law: Theoretical and Legal Aspects and Practical Application].* 2025. № 3–1. S. 136–141. (In Russian)
10. *Andreeva Ya. V.* Analiz dopolnitel'nykh obstoyatel'stv, uchityvaemykh pri naznachenii nakazaniya nesovershennoletnim [Analysis of Additional Circumstances Taken into Account When Sentencing Minors] // In *Yuridicheskaya nauka [Legal Science].* 2024. № 8. S. 243–249. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ

НЕЙРОКРИМИНОЛОГИЯ: МОЖНО ЛИ ПРЕДСКАЗАТЬ ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПО АКТИВНОСТИ МОЗГА?

Йулдошева Алина Козимжон кизи,
Рыбушкин Николай Николаевич

Цель: *всестороннее изучение возможностей нейрокриминологического подхода в прогнозировании преступного поведения через анализ нейробиологических механизмов.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Результаты показывают, что определенные особенности работы мозга действительно связаны с повышенной склонностью к преступному поведению. В частности, у лиц с антисоциальными наклонностями часто наблюдаются изменения в префронтальной коре (которая отвечает за самоконтроль). Однако важно понимать, что особенности мозга — лишь один из многих факторов, влияющих на поведение человека. Наши выводы свидетельствуют, что преступное поведение нельзя объяснить только биологическими причинами. Гораздо правильнее рассматривать его как результат сложного взаимодействия между врожденными особенностями, психологическими характеристиками и социальной средой.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость заключается во вкладе в развитие современной криминологической науки путем систематизации и критического анализа новейших достижений нейрокриминологии, что позволяет расширить теоретические представления о биологических основах преступного поведения. Практическая значимость проявляется в возможности использования полученных результатов для совершенствования деятельности правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений, поскольку выявленные закономерности взаимосвязи между функционированием мозга и склонностью к преступному поведению могут быть применены при разработке более эффективных методов профилактики преступности.*

Ключевые слова: *криминология, нейрокриминология, прогнозирование преступности, предупреждение преступности, преступное поведение, мозговая активность, повреждение мозга.*

Ученые на протяжении длительного времени пытаются выделить ряд причин и условий преступного поведения человека с целью разработки устойчивой системы борьбы, однако сложность и индивидуальность данного вопроса приводят к тому, что многие предположения в данном вопросе становятся неактуальными, что в дальнейшем создает новую почву для размышлений. Так, в последние годы многие ученые стали обращать внимание на влияние нейронной активности на поведение человека, насколько некоторые девиации в данной области могут повлиять на то, совершит ли человек общественно опасное деяние или нет, возможно ли предсказание подобного с помощью современной медицинской техники, и насколько данная концепция причинности преступности жизнеспособна [1, с. 95–99].

Современное состояние медицинской техники в области анализа головного мозга человека позволяет ученым активно развиваться в данном направлении, способствуя появлению подтвержденных экспериментальным путем сведений, устанавливающих факт связи между наличием ряда особенностей в отделах мозга и последующим совершением разного рода преступлений [2, с. 145–147]. Данные исследования привели к созданию нового направления в криминологии, так называемой нейрокриминологии, которое за-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-164-167

ключается в изучении связи между данными отличиями и преступным поведением, разработке способов исследования мозговой активности людей и последующем прогнозировании совершения возможных общественно опасных деяний с целью их предотвращения [3, с. 76–80].

Несмотря на новизну данных исследований, стоит отметить, что они базируются на идеях, получивших свое развитие еще в XIX в. под руководством Чезаре Ломброзо, итальянского психиатра, исследовавшего порядка 400 черепов преступников и разработавшего теорию о том, что преступником рождаются, а не становятся, и заложившего основу для развития биологической теории преступности [4, с. 1–7].

Сегодня же, если говорить о нейрокриминологии, то исследования в основном касаются вопросов, связанных с влиянием мозговой активности, а также поврежденных участков мозга на возможное совершение лицами преступлений. Так, например, большой вклад в данную отрасль привнес британской психолог Адриан Рейн, посвятивший этой проблеме более тридцати дет своей научной деятельности и исследовавший вопрос о нейробиологических и биосоциальных причинах агрессивного поведения у детей и взрослого населения, результаты которых были представлены в его книге «The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime».

Основной целью своего исследования он ставил комплексный анализ 40 преступников, совершивших в основном деяния насильственного характера, мозг которых не подвергался никаким внешним воздействиям и не был поврежден в результате стороннего вмешательства в отличие от исследования, о котором мы будем говорить ниже.

Как говорил сам Рейн, вопросы мозговой активности преступников всегда интересовали его, потому что «...они выглядели обычно. Мы забываем, что 99,9% своей жизни убийцы такие же, как и мы с вами. Вот почему они всегда кажутся нашими соседями. Трагические события, произошедшие в несколько мимолетных мгновений, отличают убийц от нас. Но также, как мы впоследствии увидим, их отличает работа мозга» [5, с. 88–90]. И он был прав в своих суждениях, поскольку по итогу исследования было выявлено, что префронтальная кора у преступников была недоразвита. Именно этот отдел мозга отвечает за умственные процессы, принятие решений, планирование и многие другие важные аспекты человеческой деятельности.

Результатом данной девиации становится потеря контроля над основными, примитивными эмоциями, что в свою очередь приводит к тому, что человек начинает руководствоваться гневом, яростью. Он становится безответственным, теряет способность влиться в социум, что в последующем приводит к нарушению установленных правил в обществе, а это в свою очередь уже говорит о способности человека совершить общественно опасное деяние.

Изменения в указанной части мозга также становятся причиной в увеличении импульсивности у человека, проявляется неспособность подавлять негативные эмоции, как итог неспособность выстраивать свое поведение в обществе, опираясь на общепринятые нормы, а не на свое эмоциональное состояние. Подумайте о том, насколько хорошо это описывает преступников, совершающих насильственные действия.

Недоразвитость префронтальной коры может быть толчком для проявления и других причин преступности, так, например, она ведет к снижению умственных способностей у человека, что может приводить к ухудшению успеваемости в школе, университете, иных образовательных учреждениях, что может стать причиной травли среди сверстников, ухудшению взаимодействия с ними, а также неспособности в дальнейшем в связи с этим устроиться на хорошо оплачиваемую работу, и как итог экономические и социальные проблемы, которые, как нам известно, являются одними из основных детерминантов преступности.

Главная задача, которую хотел решить Рейн, заключалась в подтверждении своей идеи и возможности донести до других людей, в частности до «вершителей правосудия» [5, с. 90–91], что преступники зачастую бывают больными людьми, которых возможно попытаться вылечить, особенно с учетом нынешнего развития в медицинской сфере. Он даже сравнивал эти отклонения в мозге с лейкемией, отмечая схожесть происходящих в организме процессов. В частности, говоря о новых лейкоцитах, образующихся при болезни, которые подвергают разрушению иммунную систему человека из-за своего неправильного развития, так и в случае недоразвитости префронтальной коры меняется привычное поведение человека, становясь более агрессивным. Но как справедливо заметил Адриан Лейн, рак крови уже лечат, возвращая пациентов в привычное состояние, существовавшее до болезни. Так может, стоит начать «лечить» потенциальных преступников с целью предотвращения насилия с самого его зарождения без последующего применения карательных методов?

В дополнение к рассмотренному выше исследованию можно привести еще одно, прово-

димое уже в 2017 г. в Гарвардской медицинской школе группой ученых под руководством Майкла Д. Фокса, суть которого была связана с обнаружением причинной связи между физическим внешним воздействием на черепную коробку человека и последующими совершаемыми преступлениями. Для проведения эксперимента были приглашены 17 человек, которые имели погашенную судимость, а также документально подтвержденные различные травмы головы. Большая часть исследуемых (12 человек) были осуждены за насильственные преступления, в основном за убийство и изнасилование, остальные же 5 были «белыми воротничками», как их назвали сами исследователи, то есть отбывших наказание за кражу, мошенничество и иные преступления в сфере экономики [6, с. 1–25].

Результаты исследования показал, что у всех лиц были повреждены разные отделы головного мозга, однако было и то, что их объединяло, все поражения были функционально связаны с областями, отвечающими за моральные решения, а именно за их принятие. Но лишь части, которые отвечали за принятие решений на основе ценностей (согласно исследованиям та часть головного мозга, которая отвечает за принятие решений исходя из ценностей определенного человека), повреждения не задели отделы, связанных с эмпатией и когнитивными способностями.

То есть исходя из вышеназванного можно сделать вывод о том, что в результате травм головы у лиц, впоследствии совершивших общественно опасные деяния, меняется ценностное восприятие окружающей среды, что приводит к неправильному принятию решений, отличных от общепринятых стандартов.

Таким образом, подводя итоги двух исследований, связанных с анализом активности головных отделов, можно сделать вывод о том, что преступники совершают общественно опасные деяния из-за нарушений в мозговой деятельности, которые «диктуют» им другую модель поведения, что приводит к нарушениям установленных обществом и законом правил. В таком случае возникает закономерный вопрос о вине данных лиц, их вменяемости [7, с. 134–148] и возможном освобождении от уголовной ответственности [8, с. 9–37], однако это уже лежит в плоскости другого исследования.

Если отвечать на вопрос, поставленный в названии исследования, о возможности предсказать преступное поведение по активности мозга, то ответ скорее будет «да», поскольку это подтверждается многими исследованиями. Исходя из двух вышеприведенных исследований, проводившихся в разное время с учетом разных особенностей строения головного мозга исследуемых, можно сделать вывод о том, что на самом деле у людей, совершающих преступные действия, сильно отличается строение префронтальной коры, что делает возможным «предсказания» преступного поведения лиц. Однако сложность и неоднозначность данной методики сильно тормозит ее применение.

Несомненно, если говорить об исследовании, проводимом Адрианом Рейном, оно дает большую область для рассуждений и имеет немаловажное значение для предупреждения преступности, поскольку, если исходить из информации, представленной в его работе, можно сделать вывод о том, что лицо рождается с недоразвитостью отдела головного мозга, что в последующем приводит к совершению преступления. И данный факт можно спрогнозировать и предупредить, например, начиная с рождения ребенка, когда он на протяжении нескольких лет наблюдается у врачей, следящих за его правильным развитием. Данную причину преступности можно выявить в нужный момент, чего нельзя сказать о других детерминантах, таких как социальные и экономические, за которыми невозможно осуществлять постоянный контроль и вмешиваться в любое время с целью предотвращения негативного влияния на человека.

Однако, с другой стороны, проблема недоразвитости отдела мозга не всегда является единственной причиной, способствующей последующему преступному поведению, это может быть лишь первоисточник, на который впоследствии накладываются социальные и экономические причины, что может привести к бесполезности лечения данных лиц, поскольку нет возможности спрогнозировать полную модель жизни человека без влияния негативных факторов.

Результаты гарвардского исследования также являются неоднозначными, потому что, несмотря на подтвержденный факт влияния травм на последующее преступное поведение, остаются также люди, которые с идентичными повреждениями сохраняют привычный, законопослушный концепт поведения благодаря своим внутренним убеждениям, что говорит о невозможности стопроцентного применения полученных результатов на практике.

В связи с чем можно говорить о пользе нейрокриминологии для прогнозирования и предупреждения преступности, однако, на наш взгляд, сложно рассматривать ее как отдельную причину, для достижения лучшего результата необходимо говорить о комплексе разных факторов, куда, несомненно, будут входить нейронные процессы.

Литература

1. *Гомонов Н. Д., Труш В. М., Тимохов В. П.* Нейрокриминология: прогнозирование и предупреждение насильственной преступности // Юридическая наука. 2021. С. 95–99.

2. *Гомонов Н. Д., Труш В. М., Пирогов В. М., Тимохов В. П.* Криминологические аспекты криминальной агрессии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 147–155.

3. *Гомонов Н. Д., Труш В. М., Пирогов П. П., Тимохов В. П.* Криминальное обеспечение защиты: анализ концептуальных подходов // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 76–80.

4. *Дворецкий М. Ю., Авдеев Р. В.* Причины и условия преступности // Вестник ТГУ. 2014. № 12 (140). С. 1–7.

5. *Raine A.* The anatomy of violence: the biological roots of crime. New York: Pantheon Books, 2013. 621 с.

6. *Darby R. R., Horn A., Cushman F.*, *Fox M. D.* Lesion network localization of criminal behavior, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.1706587115.

7. *Хилюта В. В.* Нейробиология и свобода воли в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138). С. 134–148.

8. *Полубинская С. В.* Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 5. С. 9–37.

References

1. *Gomonov N. D., Trush V. M., Timohov V. P.* Nejrokriminologija: prognozirovanie i preduprezhdenie nasil'stvennoj prestupnosti [Neurocriminology: Predicting and Preventing Violent Crime] // In *Juridicheskaja nauka [Legal Science]*. 2021. 95–99 p. (In Russian)

2. *Gomonov N. D., Trush V. M., Pirogov P. P., Timohov V. P.* Kriminologicheskie aspekty kriminal'noj agressii [Criminological aspects of criminal aggression] // In *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost' [Legal Science: History and Modernity]*. 2019. № 8. 147–155 p. (In Russian)

3. *Gomonov N. D., Trush V. M., Pirogov P. P., Timohov V. P.* Kriminal'noe obespecheniezashhity: analiz konceptual'nyh podhodov [Criminal Security: An Analysis of Conceptual Approaches] // In *Juridicheskaja nauka [Legal Science]*. 2019. № 4. 76–80 p. (In Russian)

4. *Dvoreckij M. Yu., Avdeev R. V.* Prichiny i uslovija prestupnosti [Causes and conditions of crime] // In *Vestnik TGU [Bulletin of TSU]*. 2014. № 12 (140). 1–7 p. (In Russian)

5. *Raine A.* The anatomy of violence: the biological roots of crime. New York: Pantheon Books, 2013. 621 p.

6. *Darby R. R., Horn A., Cushman F., Fox M. D.* Lesion network localization of criminal behavior, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.1706587115.

7. *Hiljuta V. V.* Nejrobiologija i svoboda voli v ugolovnom prave [Neuroscience and Free Will in Criminal Law] // In *Aktual'nye problem rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2022. № 5 (138). 134–148 p. (In Russian)

8. *Polubinskaja S. V.* Ispol'zovanie dannyh nejronauk v doktrine ugolovnogo prava i sudebnoj praktike [The use of neuroscience data in criminal law doctrine and judicial practice] // In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2019. № 5. 9–37 p. (In Russian)

ЭКОВИКТИМОЛОГИЯ (OIKOSVIKTIMOLOGOS): СОСТАВНОЙ МОДУЛЬ ЭКОКРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНО-МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ (ЧАСТНЫЙ ЭКОКРИМИНОВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ) ЧАСТЬ 5[1]

Тангиев Бахаудин Батырович

Цель: *1) обосновать концептуальные основы экоцентрической (биогеноцентрической) парадигмы переходного периода, обусловливающие необходимость создания новых научных направлений, а именно: «эковиктимология», «экокриминовиктимология» и «эковиктималистика». Закрепление научно-понятийного аппарата. Определение роли в трансдисциплинарно-мультимодальной экокриминолого-криминалистической архитектуры Системы экобезопасности и ее значение в государственном экомониторинге. Это необходимо для получения верифицируемых, репрезентативных данных об экокриминогенной, экокриминальной виктимизации социума и необратимых процессах и факторов, способствующих исключительной эковиктимизации общества.*

2) раскрыть взаимосвязь и установить отличия по предмету и объекту рассматриваемых дисциплин в контексте экокриминовиктимологического анализа;

3) вовлечь ученых молодежного отделения Союза криминалистов и криминологов, других объединений в орбиту перспективных и по объекту познания уникальных трансдисциплинарно-мультимодальных исследований в той области, от которой, по сути, и зависит дальнейшее устойчивое существование «Homo sapiens» как существа разумного, способного самому не стать экожертвой и не только реально обеспечить право каждого на благоприятную окружающую среду, но и найти научно-обоснованный (допустимый) баланс между действенностью Системы экобезопасности и непомерно-потребительской экспансии экосистемы — возрастающей эксплуатацией окружающей природной среды (невосполнимых ресурсов) обществом всеобщего потребления, которое само продуцирует развитие транснациональной экопреступности и детерминирует глобальную экокриминогенную и экокриминальную виктимизацию, этого все более ускоряющегося эковиктимизационного необратимого процесса.

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, и авторский впервые апробированный в России трансдисциплинарно-мультимодальный интегрированный метод Экокриминологии.*

Выводы. *На основе достигнутых ранее исследовательских результатов, полученных автором в период разработки инновационных технологий и систем противодействия транснациональной экопреступности автору удается на основе своих разработок сконструировать искомую мультимодальную экокриминолого-криминалистическую матричную модель интегрированных цифровых технологий и модульных систем (подсистем) в обеспечении действенности.*

[1] Часть 4 опубликована в № 3 2025 г. — *Прим. ред.*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-168-183

В итоге разработана и предложена авторская мультимодальная концепция в формате пилотного проекта (для дальнейшей пробации), обосновывающая создание новых взаимосвязанных и взаимообусловленных модульных дисциплин с последовательным преобразованием в научные направления: «Экокриминовиктимология»; «Эковиктимология»; «Эковиктималистика». Анализируется постановка проблемы соотношений экокриминального и экокриминогенного составляющих в эковиктимизации социума, затрагивающих все слои населения, социальные институты и экосистемы без исключения. Обосновывается систематизация профильного тезауруса, научно-понятийный аппарат, типологизация и классификация с учетом главных отличий порождения эковиктима от всех известных видов преступлений и виктимологических учений об этих жертвах.

***Научная и практическая значимость.** Полученные результаты позволяют: 1. готовить кадры на уровне экспертов, отвечающих современным экориск-ориентированным запросам правоприменительной практики; 2. проводить трансдисциплинарно-мультимодальные исследования, определяемые степенью неразрешенных системных проблем в данной области научных изысканий; 3. эковиктимология заставляет нас (общество) познать взаимозависимые закономерности эковиктимологической и экосоциальной философии глубинных процессов причин, условий, детерминируемого феномена происхождения экожертв (экопотерпевших) и раскрыть дифференцированную обусловленность экокриминальных и экокриминогенных составляющих, порождаемых эковиктимологических факторов, устойчивых процессов всеобщей социальной эковиктимизации; 4. обеспечить релевантность проведения объективной эковиктимологической аналитики (верификацию). Тем самым обусловливается необходимость получения репрезентативных эковиктимологических и экокриминовиктимологических аналитических данных наряду с другими экокриминолого-криминалистическими показателями в структуре единого экомониторинга на всей территории России.*

***Ключевые слова:** эковиктимология, экокриминовиктимология, эковиктималистика, эковиктимологический мониторинг, экокриминальная и экокриминогенная виктимизация социума, эковиктима, экожертва, экопотерпевший, экодевиантология, экокриминология, криминалистика охраны окружающей среды, многофункциональная мультимодальная система в обеспечении экобезопасности.*

X. Какое место должен занимать «Эковиктимологический мониторинг» в структуре создаваемого ФГИС «Экомониторинг»?

Если в предыдущем разделе IX ч. 4 (№ 3. 2025): **«Эковиктимологический мониторинг»** (виктиммониторинг окружающей среды) мы рассмотрели перспективы внедрения, то в настоящей публикации мы постараемся доказать необходимость его включения в единую Федеральную государственную информационную систему мониторинга окружающей среды как неотъемлемую часть системы (подсистемы), играющей ключевую роль в структуре многофункциональной цифровой платформы ФГИС «Экомониторинг» — основного критерия, определяющего степень зрелости правового экологизированного государства. Также мы надеемся привлечь внимание научного сообщества в решении возникающих проблем именно на этапе прохождения пробации реализуемого Проекта.

По результатам проводимых поэтапных экокриминологических трансдисциплинарно-мультимодальных исследований (по обозначенному эковиктимологическому мониторинговому сегменту) мы пришли к экспертному заключению о том, что полноценная реализация многофункциональной ФГИС «Экомониторинг» должна быть прозрачной и находиться под пристальным компаративистским контролем научного и экспертного сообщества, с освещением проблем, затрагивающих становление и дальнейшее развитие запущенного и проходящего в настоящее время пробацию этого долгожданного Проекта. Важно достичь эффективности КПД по внедрению мониторинговых систем (подсистем, блоков и модулей) экокриминолого-криминалистической, эковиктимологической поддержки именно на стадии пробации. При рассмотрении существующей Системы экобезопасности и обеспечения ее функциональной действенности становится очевидным, что основным ее структурным подразделением — составной частью социально-правового механизма и контроля должна выступать мониторинговая подсистема **экокриминолого-криминалистическо-виктимной безопасности (ЭККВБ).** В трансформативно-цифровом формате единого ФГИС «Экомониторинг» система ЭККВБ может быть представлена в виде блоков (подсистем) поддержки программного мониторингового интерфейса Системы экобезопасности. Более подробно информационно-криминологическая технология получения интегрированных оценок экокриминолого-криминалистических, эковиктимологических процессов по результатам автоматизированного диагностического мониторинга в различных экосистемах для прогнозирования развития экокриминогенной и эковиктимогенной ситуаций, прогнозируемых последствий и выработки про-

филактических мероприятий на основе математического экокриминологического моделирования процессов переноса загрязнений, закрепления доказательной базы, определения эколого-правовой ответственности (с учетом размера ущерба, вреда, параметров накопительного эффекта) и неотвратимости наказания виновного юридического или физического лица представлены автором в серии монографических исследований, первых тематических учебных пособиях и *публикация*х [см.: основные труды в хронологическом порядке представлены в прилагаемой литературе 1–32]. На начальных этапах исследований (1995–2006 гг.) и в последующем разрабатываемая отечественная экокриминология (экологическая криминология) и ее оригинальная геоинформационная экокриминологическая технология и системы (ГИЭКТ; ГИЭКС; ЭКОВОС и др.), как основная, прикладная методология, уже в то время представлявшая **экокриминологическую цифровую трансформацию** в криминологической науке, только создавалась, поэтому приходилось опираться исключительно на результаты своих изысканий и разработок на основе трансдисциплинарного подхода.

Таким образом, концепт экокриминологической трансдисциплинарно-мультимодальной доктрины, представленной в формате частного пилотного проекта [33–41], обосновывает создание новых взаимосвязанных и взаимообусловленных модульных дисциплин с последовательным преобразованием в научные направления: «Экокриминовиктимология», «Эковиктимология»; «Эковиктималистика» — прикладное значение которых никогда не будет обеспечено без релевантных мониторинговых мультимодальных параметров в едином экомониторинге. При этом основная цель данного этапа исследования — научно обосновать и доказать, что взаимосвязанное наличие составных указанных мониторинговых систем (подсистем, модульных блоков поддержки) в единой Системе ФГИС «Экомониторинг» и подготовка кадрового потенциала соответствующего уровня может достигаться только на основе трансдисциплинарно-мультимодального подхода, что также лаконично согласуется с новой национальной концепцией в системе высшего образования (вступившими в силу изменениями с сентября 2025 г.). Без этого никогда и никому не удастся подготовить грамотного правоприменителя, обладающего современными представлениями экориск-ориентированного подхода в условиях повышенных экзистенциальных угроз, эковиктимизирующих неуправляемых (необратимых) процессов. По моему глубокому убеждению, отсутствие матричной институциональной мониторинговой эковиктимологической модели в Проекте создаваемого ФГИС «Экомониторинг» не приведет к ожидаемой степени эффективности системы экобезопасности и эковиктимологической защиты социума, не говоря уже о том, что развитие самой дисциплины «эковиктимология» в полной мере без присущего мониторингового обеспечения не просматривается, поскольку изначально носит прикладной характер. Именно этот фактор на данном этапе пробации указанного Проекта должен привлечь внимание не только экокриминологов, эковиктимологов, экодевиантологов, криминалистов охраны окружающей среды (экокриминалистов), экспертов и специалистов экологического права, но и ученых смежных областей знаний.

Остается надежда, что настоящий Проект ФГИС «Экомониторинг» не постигнет известная участь тематического проекта по созданию в Российской Федерации **ЕГСЭМ**, принятого во исполнение **постановления Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 24 ноября 1993 г. № 1229 «О создании Единой государственной системы экологического мониторинга» (ЕГСЭМ)** и поручения Правительства Российской Федерации от 4 января 1995 г. № ВЧ-П9-00155. Проект, как известно, не реализовав свои цели и задачи, утратил силу, а поскольку без соответствующего, хотя бы продекларированного, «экомониторинга» не просматривается, то было предложено формально руководствоваться Положением об организации и осуществлении государственного мониторинга окружающей среды (государственного экологического мониторинга), утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 177. Что ж, хотя бы так. Мы не возражаем, если это позволило бы достичь ожидаемых многофункциональных экокриминологических мониторинговых и смежных взаимосвязанных релевантных результатов по виктимологическим показателям. Надеемся, не придется вновь возвращаться к реализации этого же Проекта в новой трансформативно-цифровой конфигурации с учетом прошедших апробацию экокриминологических специальных методов и ГИЭКС-технологий.

Полагаем, что только на основе полноценных достоверных аналитических данных, получаемых и обрабатываемых экомониторинговой системой и ее подсистемами (модулями), обеспечивается адекватная релевантность оценки, в том числе и верификация экокриминологической методологии, эковиктимогенного моделирования с по-

мощью ГИЭКС и других технологий, анализа и прогнозирования экокриминогенной, эковиктимогенной ситуаций и последствий в различных экосистемах (воздействия на разновидность биоты и их выживаемость). Подробно результаты данных исследований представлены частями (по разделам) в популярном профориентированном журнале, входящем в перечень ВАК,– «Союз криминалистов и криминологов» [33, с. 81–91; 35, с. 27–33 — ч. 1 и далее в каждом последующем издании] и освещаются в «Летописи Санкт-Петербургского международного криминологического клуба» *(https://www.criminologyclub.ru/letopis)*.

Правореализационное внедрение указанных разработок нашло свое воплощение благодаря Президенту Российской Федерации В. В. Путину, давшему прямое указание Правительству о создании государственной информационной системы мониторинга состояния окружающей среды на основе ГИС-технологий, включающей экокриминологические ГИЭКС-технологии, обеспечивающие не только выявление в ранней фазе развития экопреступлений (экоправонарушений), но и оценку причиняемого вреда и неотвратимость наказания [33, с. 81–91; 35, с. 27–33]. В целях реализации прямого указания Президента РФ был принят и вступил в силу с 1 марта 2024 г. **Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»** (за исключением положений, для которых установлены иные сроки вступления в силу — 1 января 2026 г.). Тем самым для нас и специалистов в данной области этот факт ознаменовался долгожданным историческим событием, связанным с созданием единой цифровой платформы, о которой мы так долго мечтали и доказывали правоприменительную значимость. Ее содержательной целью является максимальный охват комплексной системой мониторинга состояния окружающей среды, способной обеспечить сбор и обработку данных, поступающих с различных источников экомониторинга. Как предполагается, на первоначальном этапе будут задействованы 15 существующих систем в 250 городах России, а в перспективе и другие подлежащие внедрению и прошедшие апробацию подсистемы описываемого многопроцессорного экомониторинга. Как ни покажется странным, хоть и со значительным опозданием, но регулятор в данной области все же осознал необходимость перехода от ручного сбора и обработки неструктурированных данных к управлению качеством окружающей среды и прогнозированию ее изменений в экокриминологическом цифровом формате [42]. О том, что именно такой должна быть система экомониторинга, с разработкой основных систем и подсистем (блоков мультимодульной мониторинговой поддержки) в обеспечении действенности Системы экобезопасности, мы с упорством доказывали и представляли полученные результаты экокриминологических исследований, позволяющих повысить качество искомых верифицируемых данных, в обеспечении оперативности в обработке и получении комплексной экокриминолого-криминалистическо-виктимогенной информации об источниках загрязнения, их необратимого влияния на неуправляемые эковиктимизирующие процессы, выявлять, оценивать, прогнозировать состояние окружающей среды, в т.ч., по степени ее защищенности, соответствия охранительных комплексных мероприятий, с учетом воздействия природных и антропогенных факторов и структурировать по направлениям деятельности профилактические мероприятия (основные разработки по ГИС-технологиям, ГИЭКС — геоинформационная экокриминологическая система, ЭКОВОС — экокриминологическая оценка воздействия на окружающую среду) и по др. составляющим подсистемам, прошедшим длительную апробацию обобщены, систематизированы, и результаты исследований были представлены в профильные комитеты ГосДумы и аппарат Президента России [см. указ. источники].

По нашему убеждению, самым важным в период пробации в тестовом режиме запуска государственной информационной системы мониторинга окружающей среды (ФГИС «Экомониторинг») с последующим охватом всех городов (в первую очередь промышленных регионов и мегаполисов) будут являться анализ и оценка получаемых результатов по способности системы агрегировать данные по всем показателям, включая параметры экокриминолого-криминалистического и эковиктимологического мониторинга и прогнозирования (а не только по ранее существующим ограниченным показателям), состояния воздуха, водных объектов, почв и других составляющих компонентов экосистемы, радиационной обстановки, об обращении с отходами, о состоянии и развитии экокриминогенной, эковиктимологической обстановки и предпринимаемых мер профилактического воздействия. Поэтому вполне очевидно, что самыми востребованными на данном этапе становятся исследования ученых, способных доказать и обосновать полноценность создаваемой ФГИС с учетом всех указанных мониторинговых составляющих. Хочется верить, что этот проект

будет реализован в полной мере. Его не постигнет участь предшествующих, продекларированных законодательных новелл в основополагающей сфере и в мониторинговой системе экобезопасности. В рассматриваемом аспекте как нельзя кстати уместно процитировать общеизвестные строки из стихотворения Л. Н. Толстого «Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года», которые не случайно озвучил Президент В. В. Путин в заявлении на одном из совещаний Правительства по реализации отдельных положений Послания к Федеральному Собранию: «...Иначе у нас будет так, как бывает иногда: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги"» или, как говорил премьер-министр В. С. Черномырдин: «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда». Чаще всего именно в сфере охраны окружающей среды поспешно принимаются нормативные правовые акты (далее НПА) без тщательно проработанных правоприменительных и технологичных правореализационных механизмов, лишь затем происходит замедленная реакция регулятора (законодателя) на критические замечания ученых-экспертов и только в случаях, если на это будет прямое указание Президента РФ. В частности, указанный **Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу,** единая цифровая платформа начала работать, запущен ФГИС «Экомониторинг». В связи с чем напрашивается закономерный вопрос: В какой степени регулятор (оператор — Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и цифровая платформа ГИС «Ростеха») подготовлены к этому запуску?

XI. Нужен ли правовому государству эковиктимологический мониторинг (ecovictimomonitoring — мониторинг экожертв)?

В рассматриваемом Законе, как, впрочем, и в самом Проекте, ничего не говорится о самом востребованном эковиктимологическом мониторинге (в виде подсистемы или блока поддержки) и будет ли ФГИС «Экомониторинг» полноценной матричной мониторинговой системой, планируемой на всей территории России, без учета этих концептуальных показателей? И наконец, какими силами и средствами, профессионально подготовленным кадровым потенциалом обладает такая Система? Для нас также остается невыясненным вопрос отсутствия нового (до вступления в силу указанного НПА) государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, так как предшествующий утратил свою силу *(см.: постановление Правительства Российской Федерации от 7 мая 2022 г. № 830 «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» (СЗ РФ. 2022. № 20. Ст. 3295). См. также: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий»)*. Очевидно, что в первую очередь эти объекты должны браться регулятором под особый эковиктимологический мониторинговый контроль. Профильные комитеты Государственной Думы и регулятор проводили консультации с бенефициарами означенных крупных компаний (монополистов) или лоббирование с их стороны и в меньшей степени (или вовсе отсутствия) экспертных заключений со стороны ведущих специалистов экологического права, экокриминологов и криминалистов охраны окружающей среды. Мы больше всего опасаемся, что не будут учтены вышеназванные Президентом России «овраги», определяющие на современном этапе экзистенциальную экориск-ориентированную угрозу. Например, остался непроработанным вопрос о размещении доступной информации в отношении стратегически важных объектов, хоть и представляющих потенциальную угрозу загрязнения окружающей среды, но относящихся к категории критически важных объектов. Особую опасность представляют потенциально опасные объекты (ПОО) первого типа (в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14 августа 2020 г. № 1225, а постановлением Правительства РФ от 24 июня 2021 г. № 981 утверждены правила формирования и утверждения перечня критически важных объектов, вступившие в силу с 1 марта 2022 г.). Отсюда встает проблемный вопрос, который нельзя игнорировать. Рассматриваемые объекты **в части обеспечения информационной безопасности** относятся к объектам критической инфраструктуры и подпадают в поле правового регулирования критической информационной инфраструктуры (КИИ) *(Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», а также Указа Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 887 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 "О мерах по обеспечению технологи-*

ческой независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”»).

Таким образом, о праве каждого на доступную информацию в отношении означенных потенциально опасных объектов в части размещения на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в открытом доступе сведений, указанных в подп. «б» и «н» п. 14 и подп. «б» и «г» п. 15 и п. 18 указанных Правил *(см.: постановление Правительства РФ от 7 мая 2022 г. № 830 «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» (СЗ РФ. 2022. № 20. Ст. 3295))*. При этом признается утратившим силу постановление Правительства Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 572 «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» *(СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4474))*, соответственно придется повременить (или вовсе забыть), как ориентировочно определяется до 31 декабря 2027 г. постановлением Правительства *(см.: постановление Правительства РФ от 5 августа 2024 г. № 1051 «О приостановлении действия пункта 18 правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду»)*. В этом предстоит разобраться ученым — экспертам и практикам, поэтому не будем форсировать события и лишь отметим, что по непонятным причинам указанной информацией в полном объеме владеют западные спецслужбы, но не граждане нашей страны. Ученым усложняется задача по получению достоверных сведений об объектах, представляющих потенциальную опасность и причиняющих вред окружающей среде и здоровью населения. Полагаем, что достаточно сложным процессом представляется (по полученным результатам проводимого эксперимента) дальнейшая разработка объективных методических рекомендаций, экспертных заключений, документов и предложений по НПА, регламентирующих функционирование единой платформы (многофункциональной Системы экобезопасности), с полноценной информационной системой ФГИС «Экомониторинг» на постоянной основе с последующим охватом всей территории России.

Не получил своей должной проработки и вопрос нормативно-правового регулирования **по принятию решения** в обеспечении информационной безопасности и финансирования при экориск-ориентированном подходе, не определены сроки перевода существующих отраслевых государственных информационных систем (ГИС; ГИЭКС) на единую цифровую платформу «Гостех». С определенной степенью вероятности можно прогнозировать, что ни одно министерство и ведомство, в чьей подведомственности находится подконтрольная ГИС-технология, никогда в добровольном порядке не согласятся на перевод своих систем (подсистем) на платформу (в подчинение) единой Системы «Гостех», потому что они лишаются не только возможности корректировать (коэффициенты корреляции и пр.) получаемые показатели, но и целевых ассигнований из бюджета (статья IT-бюджета). Каким образом завершится данный эксперимент и как будет воплощаться концепция Проекта, покажет только время, практика обеспечения и независимая позиция научного сообщества, в том числе по вопросам информационной доступности (пусть даже известных ученых, имеющих соответствующий допуск и делегированных профессиональным научным сообществом).

Как представляется, приведенные в качестве наглядности важные проблемы, затрагивающие качество законодательной и юридической техники, степень подготовительных мероприятий и уровень принимаемых решений без участия и экспертных заключений экокриминологов, экокриминалистов, эковиктимологов и других специалистов в рассматриваемой области, приводит к последующей отмене или приостановке вступивших в юридическую силу концептуальных положений посредством вынужденно принимаемых Правительством РФ отдельных постановлений. Они являются темой отдельного исследования: мы лишь хотели обратить внимание исследователя на то, с чем придется сталкиваться в решении задач ФГИС «Экомониторинг». Без разрешения этих и других основополагающих целей данный Проект теряет свою ожидаемую эффективность и в принципе заложенный законодателем (регулятором) концептуальный смысл самой концепции.

В достаточной степени становится очевидным, что обеспечить действенность Системы экобезопасности без учета всех составляющих эковиктимологической, экокриминолого-криминалистической безопасности и «СУПЭКР» (система управления и профилактики экокриминогенными рисками) на основе только частичного агрегирования данных с помощью ФГИС «Экомониторинг» не представляется возможным. Поэтому целесообразно именно на этапе тестирования указанной платформы провести весь

комплекс необходимых мероприятий, в том числе разработку и внедрение эковиктимологических мониторинговых показателей (параметров, критериев, индексов), и определиться с единообразной терминологической системой и подготовкой кадров экспертного уровня на основе предложенного междисциплинарного и трансдисциплинарно-мультимодального подхода.

В последнее десятилетие все чаще указывают на необходимость создания эковиктимологического мониторинга и исследования этих вопросов в рамках экокриминологии при помощи ее прикладной методологии. Ряд ведущих экспертов и специалистов, в частности экокриминолог и эковиктимолог С. Т. Фаткулин, в своих исследованиях убедительно доказывает, что решение назревших проблем, связанных с отсутствием эковиктимологического мониторинга, обусловливает латентный рост **«преступления без жертв»**, наличие значительных трудностей при установлении реальной жертвы (эковиктима. — *Авт.*), отсутствие виктимологического предупреждения и использование именно экокриминологических методов, позволяющих локализовать этот пробел в деятельности правоохранительных органов [43, с. 434–445; 44, с. 41–45; 45, с. 31–33]. Проводя системный анализ существующих и тенденции развития современных направлений криминальной (криминологической) виктимологии, ведущий ученый — криминолог и виктимолог П. А. Кабанов в своем исследовании [46, с. 10] определяет среди прочих значимость экологической виктимологии как наиболее актуального направления в структуре экокриминологии, раскрывает значительные перспективы развития экологической виктимологии (виктимологии экологической преступности) как отрасли экокриминологических знаний, исследует особенности жертв экологической преступности и предлагает меры по девиктимизации и профилактики. При этом, по нашим результатам исследований, особая роль должна отводиться экокриминологическим трансдисциплинарным методам и мониторинговым системам, структурированным по мультимодальной технологии, в том числе в решении проблем полноценной эковиктимологической информированности и защищенности [33, с. 81–91; 35, с. 27–33]. В частности, П. А. Кабанов указывает: «Одним из наиболее доступных инструментов данного направления мог бы стать виктимологический мониторинг ситуации в российских регионах, поэтому научная разработка теоретических основ виктимологического мониторинга может стать важнейшим направлением современной российской криминальной (криминологической) виктимологии, которое позволит сформировать в отдаленной перспективе виктимологическую регионалистику» [46, с. 9]. На основе проведенных ретроспективных системных исследований П. А. Кабанову удается впервые опубликовать систематизированное учебное пособие такого рода, охватывающее все существующие и перспективные отраслевые направления современной криминологии, провести не только содержательный анализ структур, методик и тенденций развития, но и обосновать необходимость приращения криминологических знаний, не ограничиваясь сугубо исследовательскими задачами, а сочетая с теоретико-прикладными эффективными формами обучения [47, с. 50–52]. В этом учебном пособии также акцентируется внимание на необходимости создания отраслевого виктимологического мониторинга для исследования виктимологии экологической преступности и ее жертв, а также для разработки мер по их девиктимизации [47, с. 83–85]. На наш взгляд, данное учебное пособие и выбранный оригинальный контент, отражающий потенциал отечественной криминологической науки, закладывает эмпирическую основу для создания в перспективе востребованного академического учебника.

В этом процессе следует обратить особое внимание на необходимость унификации терминологического аппарата в уголовно-правовых отношениях, связанных с использованием цифровых технологий и их регулированием соответствующими НПА, о чем в своих исследованиях убедительно доказывает известный ученый-эксперт М. Г. Жилкин на примере ретроспективного анализа киберпреступности. В связи с этим пристального внимания и поддержки заслуживают серьезные предложения законодательного уровня, разработанные М. Г. Жилкиным, которые позволяют устранить существующие недостатки как самой терминологической системы уголовно-правового законодательства, так и правильной оценки и квалификации по преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий [48, с. 7–12].

В поисках решения назревших проблем известный виктимолог и криминолог В. Е. Квашис со своими учениками обращаются к отраслевому потенциалу экокриминологии и ее методам, в том числе при рассмотрении виктимологического аспекта, и находят неоспоримые ответы на эти, казалось бы, неразрешимые вопросы [49, с. 6–13]. Выдающийся криминолог Д. А. Шестаков обосновывает основной потенциал экокриминологии в решении указанных проблем с помощью оригинальной методологии, связанной с геоинформа-

ционными технологиями по выявлению, контролю, оценке и прогнозированию экопреступности и ее детерминантов [50, с. 18–19]. В своем монографическом исследовании признанный экокриминолог Н. И. Кузнецова обосновывает решение экологических проблем при реализации новой уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности сквозь экокриминологическую мониторинговую призму в качестве основного критерия в оценке соответствия выстраиваемой уголовной и экологической политики. На основе анализа публикаций по экокриминологии она приходит к объективному выводу, что основная миссия экокриминологической концепции — обеспечить выход из экологического тупика, грозящего потерей экологического равновесия, угрозой вымирания человека как биологического вида [51, с. 50–51]. Ряд ведущих ученых объективно обосновывают определяющую прикладную значимость экокриминологии и ее методологии при решении экориск-ориентированных задач экологической безопасности в эпоху цифровых технологий [52; 53; 54 и др.].

Полученные результаты проводимых нами исследований доказывают, что никому и никогда в данной области не удастся решить системные проблемы, опираясь исключительно на ограниченную область знаний, определяемых одной или даже двумя профильными специализациями. Междисциплинарный подход позволяет произвести не только охват (в решении искомой проблемы) на стыке всех задействованных в данном отраслевом сегменте наук (дисциплин), но и раскрыть потенциальные возможности при взаимодействии этих дисциплин в получении новых знаний в оптимизации профессиональной правоприменительной деятельности, когда законодательство базируется на такой теории, которая реально способна реализоваться на практике. При этом также асимметрично рождаются ответы на ранее возникавшие дискуссионные вопросы и устраняются многие, в том числе и неразрешимые, противоречия в получении и освоении комплексных знаний в решении обозначенных проблем. В проводимых исследованиях использование трансдисциплинарно-мультимодального подхода и соответствующей экокриминологической методологии позволяет не только выйти за рамки границ, очерченных отдельными дисциплинами, но и вывести рассматриваемый предмет (являющийся или относящийся до настоящего времени неразрешимой проблемой, в силу недостатка требуемых знаний) за существующие (искусственные) рамки таких границ, что в итоге позволяет достичь совсем иных качественных составляющих научного экологизированного мировоззрения при использовании мультимодальных методов и механизмов экокриминолого-криминалистической и эковиктимологической мониторинговой цифровой трансформации.

Литература

1. *Тангиев Б. Б.* Модели оценивания и прогнозирования экологической ситуации в экосистемах на основе интеграции данных в автоматизированном мониторинге (междисциплинарное уголовно-правовое, криминолого-криминалистическое исследование в технико-технологическом формате). Монография. СПб.: СПГУВК, 2001. 200 с.

2. *Тангиев Б. Б.* Совершенствование геоинформационных технологий и автоматизированных систем экологического мониторинга по обеспечению безопасности акваэкосистемы региона на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Монография. СПб.: СПГУВК, 2003. 212 с.

3. *Тангиев Б. Б.* Экологическая преступность — основная угроза национальной безопасности России (уголовно-правовое исследование). Монография // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев. СПб.: ГеоГраф, 2004. 182 с.

4. *Тангиев Б. Б.* Криминология. «Экокриминология»: учебное пособие // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев (первое учебное пособие по экокриминологии). СПб.: СПбГУВК, 2004. 152 с.

5. *Тангиев Б. Б.* Криминология. Технология выявления, управления, оценки и прогнозирования экокриминогенной ситуации с помощью геоинформационных систем: учебно-практическое пособие // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев. СПб.: СПбГУВК, 2005. 88 с.

6. *Тангиев Б. Б.* Криминология. Методология выявления и контроля экопреступности при помощи автоматизированной системы экокриминологического мониторинга (АСЭКМ): учебное пособие (авторский текст лекций) // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев. СПб.: СПбГУВК, 2005. 83 с.

7. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscriminologos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, предисловие Д. А. Шестакова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 432 с.

8. *Тангиев Б. Б.* Криминология экологической преступности: учебное пособие // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев. СПб.: СПбГУВК, 2005. 64 с.

9. *Тангиев Б. Б.* Геоинформационные технологии и автоматизированные системы эколого-правового (криминологического) мониторинга в решении проблемы обеспечения контроля экологической преступности // Вестник СПбУ МВД России № 4 (28) 2005. С. 80–85.

10. *Тангиев Б. Б.* Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография (в приложении программа спецкурса: экокриминология). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 342 с.

11. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология и ее научно-понятийный аппарат // Государство и право. РАН. Институт государства и права. 2006. № 4. М.: Наука. № 3093.

12. *Тангиев Б. Б.* Автоматизированные системы эколого-правового мониторинга (АСЭПМ) и геоинформационные криминологические системы (ГИКС, ГИЭКС), как инновационная технология противодействия транснациональной экологической преступности // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 5 (9). С. 146–150.

13. *Тангиев Б. Б.* Правоохранительные органы России и их деятельность в области обеспечения экологической безопасности, надзора и охраны окружающей среды. Учебное пособие // Серия: «Уголовно-правовые основы: Теория и правоприменительная практика», автор Серии Б. Б. Тангиев. СПб.: ПаркКом, 2007. 159 с.

14. *Тангиев Б. Б.* «Нарастающий ущерб» и учет «Свойств» как необходимый признак правильной квалификации составов экологических преступлений // Вестник СПб университета МВД России. 2007. № 3 (35).

15. *Тангиев Б. Б.* Частная криминология. Учебник // *Тангиев Б. Б.* Раздел IV экологические преступления: Глава 1. Криминологическая характеристика экологических преступлений. Глава 2. Объяснение экологических преступлений. Глава 3. Противодействие экологическим преступлениям // Частная криминология / отв. ред. д.ю.н., проф., засл. деят. науки. Д. А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 771 с. № 4994.

16. *Тангиев Б. Б.* «Экологическая девиантология»: эколого-криминогенные девиации // Научно-аналитический журнал: Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. СПб университет ГПС МЧС России. 2009. № 4 (5). С. 20–27.

17. *Тангиев Б. Б.* Автоматизированные системы эколого-криминологического мониторинга как инновационная технология предупреждения чрезвычайных экологических ситуаций и противодействия транснациональной экологической преступности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. 2010. № 4. С. 69–77.

18. *Тангиев Б. Б.* Теоретические и практические проблемы частных криминалистических методик расследования экологических преступлений и предупреждения чрезвычайных экологических ситуаций // Научно-аналитический журнал: Право. Безопасность, Чрезвычайные ситуации. СПб университет ГПС МЧС России. 2010. № 2 (7). С. 74–83.

19. *Тангиев Б. Б.* Проблемы и перспективы применения экокриминологической инноватики и технологий в подготовке квалифицированных специалистов по предупреждению ЧС и обеспечению экобезопасности // Научно-аналитический журнал: Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2010. № 4 (9). СПбУ ГПС МЧС России.

20. *Тангиев Б. Б.* Проблемы и перспективы применения экокриминологической инноватики и технологий в подготовке квалифицированных специалистов по обеспечению экологической безопасности // Пленарный доклад V Международная НПК: «Безопасность личности, общества, государства». Материалы 5-й Международной НПК. Под девизом: «Строительство гражданского общества всем миром». СПб.: UT, 2010.

21. *Тангиев Б. Б.* Научный эколого-криминологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности. Монография (в приложении программы для подготовки специалистов). СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. 515 с.

22. *Тангиев Б. Б.* Международная экологическая криминология: концепция мониторинга и контроля в обеспечении геоэкологической безопасности // Гражданин и право. 2011. № 9. С. 42–52.

23. *Тангиев Б. Б.* Экологическая криминология: вопросы методологии. Криминология: вчера, сегодня, завтра: РГПУ им. Герцена. Труды СПб межд. крим. клуба. РГПУ им. Герцена. 2011. № 3 (22). С. 29–35.

24. *Тангиев Б. Б.* Необходимость реализации конституционных основ законодательной деятельности в области охраны окружающей среды и противодействия экопреступности // Конституционные основы деятельности органов государства и местного самоуправления в субъекте РФ (посвящается памяти А. В. Зиновьева): Материалы региональной НПК 21 апреля 2011 г. / под общей. ред. И. А. Соболя. СПб.: Изд. СПбУ МВД России, 2011. 208 с.

25. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология в условиях глобализации // Гражданин и право. 2011. № 6. С. 42–59.

26. *Тангиев Б. Б.* Концептуальные основы правового обеспечения системы экологической безопасности. Криминология: вчера, сегодня, завтра: РГПУ им. Герцена. Труды СПб межд. крим. клуба. РГПУ им. Герцена. 2012. № 3 (26). СПб., 2012. С. 27–30.

27. *Тангиев Б. Б.* Научная криминолого-криминалистическая инноватика в обеспечении модернизации Системы экобезопасности и предупреждения ЧЭС. Дом Ученых РАН им. М. Горького (СПб., 21.02.2012). СПб.: НИУ ИТМО, ИМБИП, 2012.

28. *Тангиев Б. Б.* К условиям ВТО: Экокриминология и криминалистика охраны окружающей среды в решении проблем обеспечения безопасности продовольствия. IV Международный форум: Продовольственная безопасность России. 23–24 октября 2012 г. Правительство ЛО, СЗНЦ РАСН, Министерство сельского хозяйства РФ.

29. *Тангиев Б. Б.* Единая концепция обеспечения геоэкологической безопасности евроазиатского пространства. Евразийский научный форум: «Евразийская экономическая интеграция. Становление и развитие. МПА ЕврАзЭС. 23.11.2012 Таврический дворец. СПб.: МИЭП, 2012.

30. *Тангиев Б. Б.* Энциклопедия уголовного права. Т. 23. Экологические преступления // *Тангиев Б. Б.* Глава I. С. 3–71. Понятие и виды экологических преступлений. Издание профессора Малинина. СПбГКА. СПб., 2013. 559 с.

31. *Тангиев Б. Б.* Система «ЕврАзЭкоб» (единая ЕвроАзиатская система экобезопасности): информационно-правовая модель обеспечения экологической безопасности евроазиатского пространства. ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ». СПб.: ООО «Издательство «Левша. Санкт-Петербург». 2013. С. 369–383.

32. *Тангиев Б. Б.* Экологическая криминология. Проблемы теории и методологии исследования экологической транснациональной преступности. Монография. Науч. — практ. изд. Серия: «Сервис экобезопасности» / Автор серии Б. Б. Тангиев. Palmarium Academic Publishing — Германия (немецкая национальная библиотека), 2014. 450 с.

33. *Тангиев Б. Б.* «Экокриминология–Oikoscriminologos» — трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление и ее значение в интеграции и синхронизации модульных дисциплин (систем и интегрированных технологий) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3. С. 81–91.

34. *Тангиев Б. Б.* Криминологическая носеология и синергетика Д. А. Шестакова: значение для меня и моих исследований при разработке трансдисциплинарно-мультимодального научного направления: «Экокриминология-Oikoscriminologos» // Невско-Волжская школа — маяк преступностиведения: сборник материалов. СПб.: Печатный элемент, 2024. 145 с. С. 96–105.

35. *Тангиев Б. Б.* Эковиктимология (oikosvictimologos): составной модуль экокриминологической трансдисциплинарно-мультимодальной концепции (частный экокриминовиктимологический пилотный проект). Часть I // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 4. С. 27–33.

36. *Тангиев Б. Б.* Рецензия на монографию кандидата юридических наук Натальи Ивановны Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности» / Санкт-Петербургский университет МВД России // СПб., 2024. 164 с. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(2): 205–211.

37. *Тангиев Б. Б.* Преступностиведческая школа Шестакова Д. А. К 75-летнему юбилею Д. А. Шестакова — основателя научной школы // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 2. С. 159–164.

38. *Тангиев Б. Б.* Правильное название учебной и научной дисциплины по направлению «Экокриминология — Oikoscriminologos» // Гражданин и право. 2023. № 8. С. 61–75.

39. *Тангиев Б. Б.* К вопросу качества подготовки криминологов и дипломированных специалистов в области обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды // Криминология вчера, сегодня, завтр. 2009. № 2 (17). С. 141–146.

40. *Тангиев Б. Б.* Модульные технологии. Методология построения модульного образования по юридическим дисциплинам. Таможенные чтения — 2012. Т. 2. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности (20–21.11.2012). Сб. мат. Всероссийской НПК с межд. участием. СПб.: им. Бобкова филиал РТА, 2012.

41. *Тангиев Б. Б.* Единая концепция обеспечения геоэкологической безопасности евроазиатского пространства. Евразийский научный форум: «Евразийская экономическая интеграция. Становление и развитие. МПА ЕврАзЭС. СПб.: МИЭП, 2012.

42. В России запущена ГИС мониторинга состояния окружающей среды // Эл. ресурс: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект: Комплексная_система_мониторинга_окружающей_среды#.D0.9F.D1.83.D1.82.D0.B8.D0

43. *Фаткулин С. Т.* Предупреждение экологических преступлений методами экологической криминологии (виктимологический аспект) // Виктимология. Т. 11, 2024. № 3. С. 434–445.

44. *Фаткулин С. Т.* Виктимологический аспект экологических преступлений (в плане постановки проблемы) // Виктимология. 2015. № 4(6). С. 41–45.

45. *Фаткулин С. Т.* Виктимологический аспект экологических преступлений // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 31–33.

46. *Кабанов П. А.* Современная криминологическая виктимология: тенденции и некоторые перспективные направления развития // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 5–15.

47. *Кабанов П. А.* Современная криминология: структура, методика и тенденции развития: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 125 с.

48. *Жилкин М. Г.* Терминологические и содержательные аспекты понятий, связанных с описанием использования цифровых технологий в уголовно-правовых отношениях // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 4. С. 7–12.

49. *Квашис В. Е.*, *Случевская Ю. А.* Виктимологический аспект экологической криминологии // Виктимология. 2018. № 4 (18). С. 6–13.

50. *Шестаков Д. А.* Предисловие / под общ. ред. В. П. Сальникова: предисловие Д. А. Шестакова // Экокриминология (oikoscriminologos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 18–19.

51. *Кузнецова Н. И.* Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности. Монография / предисловие С. Ф. Милюкова. СПб.: СПбУ МВД России, 2023. 164 с.

52. *Зиядова Д. З.*, *Диева М. Г.*, *Гусейнов А. Э.*, *Гусейнова Н. О.* Роль региональной экологической криминологии в эпоху цифровых технологий // Юг России: экология, развитие. 2023. Т. 18, № 2. С. 175–182.

53. *Забавко Р. А.* Эколого-криминологическое прогнозирование / *Zabavko R.* Ecological and criminological forecasting // Эл. ресурс: Забавко Экокрим. прогнозирование.pdf

54. *Гельдибаев М. Х.*, *Мальцагов И. Д.* Инновационные цифровые технологии криминологических отраслей на примере «ЭКОКРИМИНОЛОГИЯ». ЧОУ ВО «БГИ» С. 76–85 // Актуальные вопросы экономики и управления, права, психологии и образования. Сборник научных статей ежегодной Всероссийской конференции с международным участием научно-педагогических работников / отв. ред. Е. В. Федосенко, Л. Ф. Уварова. СПб.: Ниц Арт; ИП Сергеев, 2024. 86 с. (Материалы конференции научно-педагогических работников).

References

1. *Tangiev B. B.* Modeli otsenivaniya i prognozirovaniya ekologicheskoi situatsii v ekosistemakh na osnove integratsii dannykh v avtomatizirovannom monitoringe (mezhdistsiplinarnoe ugolovnopravovoe, kriminologokriminalisticheskoe issledovanie v tekhnikotekhnologicheskom formate) [Models for assessing and forecasting the environmental situation in ecosystems based on the integration of data in automated monitoring

(an interdisciplinary criminallaw, criminological and forensic study in a technical and technological format)]. Monografiya. SPb.: SPGUVK, 2001. 200 s. (In Russian)

2. *Tangiev B. B.* Sovershenstvovanie geoinformatsionnykh tekhnologii i avtomatizirovannykh sistem ekologicheskogo monitoringa po obespecheniyu bezopasnosti akvaekosistemy regiona na primere SanktPeterburga i Leningradskoi oblasti [Improvement of geoinformation technologies and automated systems of environmental monitoring to ensure the safety of the aquatic ecosystem of the region, exemplified by St. Petersburg and the Leningrad Region]. Monografiya. SPb.: SPGUVK, 2003. 212 s. (In Russian)

3. *Tangiev B. B.* Ekologicheskaya prestupnost' — osnovnaya ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii (ugolovnopravovoe issledovanie) [Environmental crime — the main threat to Russia's national security (a criminallaw study)]. Monografiya // In Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: CriminalLaw Fundamentals: Theory and LawEnforcement Practice]. SPb: GeoGraf, 2004. 182 s. (In Russian)

4. *Tangiev B. B.* Kriminologiya. "Ekokriminologiya": uchebnoe posobie [Criminology. "Ecocriminology": a textbook] // In *Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: Criminal-Law Fundamentals: Theory and Law-Enforcement Practice].* SPb.: SPbGUVK, 2004. 152 s. (In Russian)

5. *Tangiev B. B.* Kriminologiya. Tekhnologiya vyyavleniya, upravleniya, otsenki i prognozirovaniya ekokriminogennoi situatsii s pomoshch'yu geoinformatsionnykh sistem: uchebnoprakticheskoe posobie [Criminology. Technology for detecting, managing, assessing, and forecasting the ecocriminogenic situation using geoinformation systems: a teaching and practical manual] // In *Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: Criminal-Law Fundamentals: Theory and Law-Enforcement Practice].* SPb.: SPbGUVK, 2005. 88 s. (In Russian)

6. *Tangiev B. B.* Kriminologiya. Metodologiya vyyavleniya i kontrolya ekoprestupnosti pri pomoshchi avtomatizirovannoi sistemy ekokriminologicheskogo monitoringa (ASEKM): uchebnoe posobie (avtorskii tekst lektsii) [Criminology. Methodology for identifying and controlling environmental crime using the automated system of ecocriminological monitoring (ASEKM): a textbook (author's lecture text)] // In *Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: Criminal-Law Fundamentals: Theory and Law-Enforcement Practice].* SPb.: SPbGUVK, 2005. 83 s. (In Russian)

7. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya (oikoscrimenlogos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya [Ecocriminology (oikoscrimenlogos). Paradigm and theory. Methodology and law enforcement practice]. Monografiya / pod obshch. red. V. P. Sal'nikova, predislovie D. A. Shestakova. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2005. 432 s. (In Russian)

8. *Tangiev B. B.* Kriminologiya ekologicheskoi prestupnosti: uchebnoe posobie [Criminology of environmental crime: a textbook]. In *Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: Criminal-Law Fundamentals: Theory and Law-Enforcement Practice].* SPb.: SPbGUVK, 2005. 64 s. (In Russian)

9. *Tangiev B. B.* Geoinformatsionnye tekhnologii i avtomatizirovannye sistemy ekologopravovogo (kriminologicheskogo) monitoringa v reshenii problemy obespecheniya kontrolya ekologicheskoi prestupnosti [Geoinformation technologies and automated systems of ecological and legal (criminological) monitoring in solving the problem of controlling environmental crime] // In *Vestnik SPb universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2005, № 4 (28), pp. 80–85. (In Russian)

10. *Tangiev B. B.* Kriminologiya: Kontrol' i protivodeistvie ekologicheskoi prestupnosti [Criminology: Control and counteraction to environmental crime]. Monografiya (v prilozhenii programma spetskursa: «Ekokriminologiya»). SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2006. 342 s. (In Russian)

11. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya i ee nauchnoponyatiinyi apparat [Ecocriminology and its scientific and conceptual framework] // In *Gosudarstvo i pravo RAN, Institut gosudarstva i prava [State and Law (Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law)*], 2006. № 4. M.: Nauka. (In Russian)

12. *Tangiev B. B.* Avtomatizirovannye sistemy ekologopravovogo monitoringa (ASEPM) i geoinformatsionnye kriminologicheskie sistemy (GIKS, GIEKS) kak innovatsionnaya tekhnologiya protivodeistviya transnatsional'noi ekologicheskoi prestupnosti [Automated systems of ecological and legal monitoring (ASEPM) and geoinformation criminological systems (GIKS, GIEKS) as an innovative technology for countering transnational environmental crime] // In *Vestnik SeveroKavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the North Caucasus State Technical University],* 2006, № 5 (9), pp. 146–150. (In Russian)

13. *Tangiev B. B.* Pravookhranitel'nye organy Rossii i ikh deyatel'nost' v oblasti obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti, nadzora i okhrany okruzhayushchei sredy. Uchebnoe posobie [Law enforcement bodies of Russia and their activities in ensuring environmental safety, supervision and protection of the environment: a textbook] // In *Seriya: «Ugolovnopravovye osnovy: Teoriya i pravoprimenitel'naya praktika» [Series: Criminal-Law Fundamentals: Theory and Law-Enforcement Practice].* SPb.: ParkKom, 2007. 159 s. (In Russian)

14. *Tangiev B. B.* "Narastayushchii ushcherb" i uchet "Svoistv" kak neobkhodimyi priznak pravil'noi kvalifikatsii sostavov ekologicheskikh prestuplenii ["Accumulating damage" and consideration of "properties" as a necessary criterion for correct qualification of environmental crime components] // In *Vestnik SPb universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2007, № 3 (35). (In Russian)

15. *Tangiev B. B.* Chastnaya kriminologiya. Uchebnik. Razdel IV: Ekologicheskie prestupleniya. [Private Criminology. Textbook. Section IV: Environmental Crimes — Chapter 1: Criminological characteristics of environmental crimes; Chapter 2: Explanation of environmental crimes; Chapter 3: Counteraction to environmental crimes] // In *Chastnaya kriminologiya [Private Criminology]* / otv. red. D. A. Shestakov. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2007. 771 s. (In Russian)

16. *Tangiev B. B.* "Ekologicheskaya deviantologiya": Ekologokriminogennye deviatsii ["Environmental deviantology": Ecological and criminogenic deviations] // In *Nauchnoanaliticheskii zhurnal «Psikhologopedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva» [Scientific and Analytical Journal "Psychological and Pedagogical Problems of Human and Societal Security"]*, SPb University GPS MChS Rossii, 2009, № 4 (5), pp. 20–27. (In Russian)

17. *Tangiev B. B.* Avtomatizirovannye sistemy ekologokriminologicheskogo monitoringa kak innovatsionnaya tekhnologiya preduprezhdeniya chrezvychainykh ekologicheskikh situatsii i protivodeistviya transnatsional'noi ekologicheskoi prestuplennosti [Automated systems of ecological and criminological monitoring as an innovative technology for preventing emergency ecological situations and countering transnational environmental crime] // In *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii [Law. Security. Emergencies],* FGBOU VO SanktPeterburgskii universitet GPS MChS Rossii, 2010, № 4, pp. 69–77. (In Russian)

18. *Tangiev B. B.* Teoreticheskie i prakticheskie problemy chastnykh kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenii i preduprezhdeniya chrezvychainykh ekologicheskikh situatsii [Theoretical and practical problems of specific forensic methods for investigating environmental crimes and preventing emergency ecological situations] // In *Nauchnoanaliticheskii zhurnal «Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii» [Scientific and Analytical Journal "Law. Security. Emergencies"]*, SPb University GPS MChS Rossii, 2010, № 2 (7), pp. 74–83. (In Russian)

19. *Tangiev B. B.* Problemy i perspektivy primeneniya ekokriminologicheskoi innovatiki i tekhnologii v podgotovke kvalifitsirovannykh spetsialistov po preduprezhdeniyu ChS i obespecheniyu ekobezopasnosti [Problems and prospects of applying ecocriminological innovations and technologies in training qualified specialists for emergency prevention and ensuring environmental safety] // In *Nauchnoanaliticheskii zhurnal «Psikhologopedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva» [Scientific and Analytical Journal "Psychological and Pedagogical Problems of Human and Societal Security"]*, 2010. № 4 (9). SPbU GPS MChS Rossii. SPb., 2010. (In Russian)

20. *Tangiev B. B.* Problemy i perspektivy primeneniya ekokriminologicheskoi innovatiki i tekhnologii v podgotovke kvalifitsirovannykh spetsialistov po obespecheniyu ekologicheskoi bezopasnosti [Problems and prospects of applying ecocriminological innovations and technologies in training qualified specialists in ensuring environmental safety] // In *Plenarnyi doklad V Mezhdunarodnoi nauchnoprakticheskoi konferentsii "Bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva" [Plenary Report at the 5th International Scientific Practical Conference "Security of the Individual, Society and the State"]* under the motto "Building Civil Society Together." SPb.: UT, 2010. (In Russian)

21. *Tangiev B. B.* Nauchnyi ekologokriminologicheskii kompleks (NEKK) po obespecheniyu ekologicheskoi bezopasnosti i protivodeistviyu ekoprestupnosti. Monografiya (v prilozhenii programmy dlya podgotovki spetsialistov) [Scientific ecological and criminological complex (NECC) for ensuring environmental safety and counteracting environmental crime. Monograph (with attached training programs for specialists)]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2010. 515 s. (In Russian)

22. *Tangiev B. B.* Mezhdunarodnaya ekologicheskaya kriminologiya: kontseptsiya monitoringa i kontrolya v obespechenii geoekologicheskoi bezopasnosti [International environmental criminology: the concept of

monitoring and control in ensuring geoenvironmental security] // In *Grazhdanin i pravo [Citizen and Law]*, 2011, № 9, pp. 42–52. (In Russian)

23. *Tangiev B. B.* Ekologicheskaya kriminologiya: voprosy metodologii [Environmental criminology: issues of methodology] // In Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow] // In *RGPU im. A. I. Gertsena, Trudy SPb mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba [Proceedings of the St. Petersburg International Criminological Club]*, № 3 (22), 2011, pp. 29–35. (In Russian)

24. *Tangiev B. B.* Neobkhodimost' realizatsii konstitutsionnykh osnov zakonodatel'noi deyatel'nosti v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy i protivodeistviya ekoprestupnosti [The need to implement the constitutional foundations of legislative activity in the field of environmental protection and counteraction to environmental crime] // In *Konstitutsionnye osnovy deyatel'nosti organov gosudarstva i mestnogo samoupravleniya v sub''ecte RF [Constitutional Foundations of State and Local Government Activity in a Constituent Entity of the Russian Federation]* (Materialy regional'noi nauchnoprakticheskoi konferentsii, 21 April 2011, SPbU MVD Rossii) / pod obshch. red. I. A. Sobolya. SPb.: Izd. SPbU MVD Rossii, 2011. 208 s. (In Russian)

25. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya v usloviyakh globalizatsii [Ecocriminology under conditions of globalization] // In *Grazhdanin i pravo [Citizen and Law],* 2011, № 6, pp. 42–59. (In Russian)

26. *Tangiev B. B.* Kontseptual'nye osnovy pravovogo obespecheniya sistemy ekologicheskoi bezopasnosti [Conceptual foundations of legal support for the environmental safety system] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]* / RGPU im. A. I. Gertsena, Trudy SPb mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba, 2012, № 3 (26), pp. 27–30. (In Russian)

27. *Tangiev B. B.* Nauchnaya kriminologokriminalisticheskaya innovatika v obespechenii modernizatsii sistemy ekobezopasnosti i preduprezhdeniya ChES [Scientific criminological and forensic innovation in ensuring the modernization of the environmental safety system and the prevention of emergencies] // In *Dom Uchenykh RAN im. M. Gor'kogo [House of Scientists of the Russian Academy of Sciences named after M. Gorky]* (Scientific event, St. Petersburg, 21.02.2012). SPb.: NIU ITMO, IMBIP, 2012. (In Russian)

28. *Tangiev B. B.* K usloviyam VTO: Ekokriminologiya i kriminalistika okhrany okruzhayushchei sredy v reshenii problem obespecheniya bezopasnosti prodovol'stviya [Toward WTO conditions: Ecocriminology and environmental forensics in addressing problems of food security] // In *Materialy IV Mezhdunarodnogo foruma "Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii" [Proceedings of the 4th International Forum "Food Security of Russia"]*, 23–24 October 2012. SPb.: Pravitel'stvo LO, SZNTs RASN, Ministerstvo sel'skogo khozyaistva RF. (In Russian)

29. *Tangiev B. B.* Edinaya kontseptsiya obespecheniya geoekologicheskoi bezopasnosti evroaziatskogo prostranstva [Unified concept for ensuring geoenvironmental security of the Eurasian space] // In *Evraziiskii nauchnyi forum "Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: Stanovlenie i razvitie" [Eurasian Scientific Forum "Eurasian Economic Integration: Formation and Development"]*, MPA EvrAzES, Tavricheskii Dvoretz, 2012. SPb.: MIEP, 2012. (In Russian)

30. *Tangiev B. B.* Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 23. Ekologicheskie prestupleniya. Glava I. Ponyatie i vidy ekologicheskikh prestuplenii [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 23. Environmental Crimes. Chapter I: Concept and types of environmental crimes]. SPb.: Izdanie professora Malinina, SPbGKA, 2013. 559 s. (In Russian)

31. *Tangiev B. B.* Sistema «EvrAzEkob» (edinaya EvroAziatskaya sistema ekobezopasnosti): informatsionnopravovaya model' obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti evroaziatskogo prostranstva [The "EvrAzEkob" system (the Unified Eurasian Environmental Safety System): an informationlegal model for ensuring environmental security of the Eurasian space] // In *Evraziiskii nauchnyi forum "Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: Stanovlenie i razvitie" [Eurasian Scientific Forum "Eurasian Economic Integration: Formation and Development"]*, OOO «Izdatel'stvo Levsha. SanktPeterburg». SPb., 2013, pp. 369–383. (In Russian)

32. *Tangiev B. B.* Ekologicheskaya kriminologiya. Problemy teorii i metodologii issledovaniya ekologicheskoi transnatsional'noi prestuplennosti. Monografiya [Environmental criminology. Problems of the theory and methodology of studying environmental transnational crime. Monograph]. Palmarium Academic Publishing, Germany (German National Library), 2014. 450 s. (In Russian)

33. *Tangiev B. B.* «Ekokriminologiya — Oikoscriminologos» — transdistsiplinarnomul'timodal'noe nauchnoe napravlenie i ee znachenie v integratsii i sinkhronizatsii modul'nykh distsiplin (sistem i integrirovannykh tekhnologii) ["Ecocriminology — Oikoscriminologos": a transdisciplinary multimodal scientific field and its importance for integration and synchronization of modular disciplines (systems and integrated technologies)] //

In *Zhurnal «Soyuz kriminalistov i kriminologov» [Journal "Union of Criminalists and Criminologists"],* 2023, № 3, pp. 81–91. (In Russian)

34. *Tangiev B. B.* Kriminologicheskaya gnoseologiya i sinergetika D. A. Shestakova: znachenie dlya menya i moikh issledovanii pri razrabotke transdistsiplinarnomul'timodal'nogo nauchnogo napravleniya «Ekokriminologiya — Oikoscriminologos» [Criminological gnoseology and synergetics of D. A. Shestakov: their importance for my research in developing the transdisciplinary multimodal scientific field "Ecocriminology — Oikoscriminologos"] // In *NevskoVolzhskaya shkola — mayak prestuplistiki: sbornik materialov [NevskyVolga School — Beacon of Criminology: Collected Proceedings].* SPb.: Pechatnyi element, 2024, pp. 96–105. (In Russian)

35. *Tangiev B. B.* Ekoviktimologiya (oikosvictimologos): sostavnoi modul' ekokriminologicheskoi trans distsiplinarnomul'timodal'noi kontseptsii (chastnyi ekokriminoviktimologicheskii pilotnyi proekt. Chast' I) [Ecovictimology (oikosvictimologos): a component module of the ecocriminological transdisciplinary multimodal concept (a private ecocriminovictimological pilot project. Part I)] // In *Zhurnal «Soyuz kriminalistov i kriminologov» [Journal "Union of Criminalists and Criminologists"],* 2024, № 4, pp. 27–33. (In Russian)

36. *Tangiev B. B.* Retsenziya na monografiyu kandidata yuridicheskikh nauk Natal'i Ivanovny Kuznetsovoi «Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti» / SanktPeterburgskii universitet MVD Rossii [Review of the monograph by PhD in Law Natalia Ivanovna Kuznetsova "Criminal Policy in the Field of Ensuring Environmental Safety" / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia] // In *Izvestiya YugoZapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo [Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law],* 2024, 14 (2), pp. 205–211. (In Russian)

37. *Tangiev B. B.* Prestuplistvedcheskaya shkola *Shestakova D. A.* K 75letnemu yubileyu D. A. Shestakova — osnovatelya nauchnoi shkoly [The Criminological School of D. A. Shestakov: on the 75th anniversary of D. A. Shestakov, the founder of the scientific school] // In *Zhurnal «Soyuz kriminalistov i kriminologov» [Journal "Union of Criminalists and Criminologists"],* 2024, № 2, pp. 159–164. (In Russian)

38. *Tangiev B. B.* Pravil'noe nazvanie uchebnoi i nauchnoi distsipliny po napravleniyu «Ekokriminologiya — Oikoscriminologos» [The correct name of the academic and scientific discipline in the field of "Ecocriminology — Oikoscriminologos"] // In *Zhurnal «Grazhdanin i pravo» [Journal "Citizen and Law"], 2023,* № 8, pp. 61–75. (In Russian)

39. *Tangiev B. B.* K voprosu kachestva podgotovki kriminologov i diplomirovannykh spetsialistov v oblasti obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti i okhrany okruzhayushchei sredy [On the issue of training quality of criminologists and certified specialists in ensuring environmental safety and environmental protection] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow],* 2009, № 2 (17), pp. 141–146. (In Russian)

40. *Tangiev B. B.* Modul'nye tekhnologii. Metodologiya postroeniya modul'nogo obrazovaniya po yuridicheskim distsiplinam [Modular technologies. Methodology for building modular education in legal disciplines] // In *Tamozhennye chteniya — 2012. T. 2. Rossiya v menyayushchemsya mire: vyzovy i vozmozhnosti [Customs Readings — 2012. Vol. 2. Russia in a Changing World: Challenges and Opportunities]* (20–21 Nov 2012). Sb. mat. Vserossiiskoi NPK s mezhdunarodnym uchastiem. SPb im. Bobkova filial RTA, 2012. (In Russian)

41. *Tangiev B. B.* Edinaya kontseptsiya obespecheniya geoekologicheskoi bezopasnosti evroaziatskogo prostranstva [Unified concept for ensuring geoenvironmental security of the Eurasian space] // In *Evraziiskii nauchnyi forum "Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: Stanovlenie i razvitie" [Eurasian Scientific Forum "Eurasian Economic Integration: Formation and Development"],* MPA EvrAzES. SPb.: MIEP, 2012. (In Russian)

42. V Rossii zapushchena GIS monitoringa sostoyaniya okruzhayushchei sredy [A GIS monitoring system for the state of the environment has been launched in Russia] // In *Elektronnyi resurs [Electronic Resource]:* https://www.tadviser.ru/index.php/Proekt: Kompleksnaya_sistema_monitoringa_okruzhayushchey_sredy. (In Russian)

43. *Fatkulin S. T.* Preduprezhdenie ekologicheskikh prestuplenii metodami ekologicheskoi kriminologii (viktimologicheskii aspekt) [Prevention of environmental crimes through methods of environmental criminology (victimological aspect)] // In *Viktimologiya [Victimology],* 2024, vol. 11, № 3, pp. 434–445. (In Russian)

44. *Fatkulin S. T.* Viktimologicheskii aspekt ekologicheskikh prestuplenii (v plane postanovki problemy) [The victimological aspect of environmental crimes (as a problem statement)] // In *Viktimologiya [Victimology],* 2025, 4 (6), pp. 41–45. (In Russian)

45. *Fatkulin S. T.* Viktimologicheskii aspekt ekologicheskikh prestuplenii [The victimological aspect of environmental crimes] // In *Rossiiskaya yustitsiya [Russian Justice]*, 2012, № 4, pp. 31–33. (In Russian)

46. *Kabanov P. A.* Sovremennaya kriminologicheskaya viktimologiya: tendentsii i nekotorye perspektivnye napravleniya razvitiya [Modern criminological victimology: trends and some promising directions of development] // In *Viktimologiya [Victimology],* 2017, No 3 (13), pp. 5–15. (In Russian)

47. *Kabanov P. A.* Sovremennaya kriminologiya: struktura, metodika i tendentsii razvitiya: uchebnoe posobie [Modern criminology: structure, methodology, and development trends: a textbook]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2018. 125 s. (In Russian)

48. *Zhilkin M. G.* Terminologicheskie i soderzhatel'nye aspekty ponyatii, svyazannykh s opisaniem ispol'zovaniya tsifrovykh tekhnologii v ugolovnopravovykh otnosheniyakh [Terminological and content aspects of concepts related to the use of digital technologies in criminallaw relations] // In *Zhurnal «Soyuz kriminalistov i kriminologov» [Journal "Union of Criminalists and Criminologists"],* 2024, № 4, pp. 7–12. (In Russian)

49. *Kvashis V. E., Sluchevskaya Yu. A.* Viktimologicheskii aspekt ekologicheskoi kriminologii [The victimological aspect of environmental criminology] // In *Viktimologiya [Victimology],* 2018, No 4 (18), pp. 6–13. (In Russian)

50. *Shestakov D. A.* Ekokriminologiya (oikoscriminologos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya [Paradigm and Theory. Methodology and Law Enforcement Practice]. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2005, pp. 18–19. (In Russian)

51. *Kuznetsova N. I.* Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti. Monografiya / predislovie S. F. Milyukova ["Criminal Policy in the Field of Ensuring Environmental Safety." Monograph / Preface by S. F. Milyukov]. SPb: SPbU MVD Rossii, 2023. 164 s. (In Russian)

52. *Ziyadova D. Z., Dieva M. G., Guseinov A. E., Guseinova N. O.* Rol' regional'noi ekologicheskoi kriminologii v epokhu tsifrovykh tekhnologii [The role of regional environmental criminology in the era of digital technologies] // In *Yug Rossii: ekologiya, razvitie [The South of Russia: Ecology, Development]*, 2023, Vol. 18, № 2, pp. 175–182. (In Russian)

53. *Zabavko R. A.* Ekologokriminologicheskoe prognozirovanie / *Zabavko R.* Ecological and criminological forecasting [Ecological and criminological forecasting] // In *Elektronnyi resurs [Electronic Resource]:* Zabavko Ekokrim. prognozirovanie.pdf. (In Russian)

54. *Gel'dibaev M. Kh., Mal'tsagov I. D.* Innovatsionnye tsifrovye tekhnologii kriminologicheskikh otraslei na primere «Ekokriminologiya» [Innovative digital technologies in criminological fields using "Ecocriminology" as an example] // In *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya, prava, psikhologii i obrazovaniya: sbornik nauchnykh statei ezhegodnoi Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem nauchnopedagogicheskikh rabotnikov [Topical Issues of Economics and Management, Law, Psychology and Education: Proceedings of the Annual AllRussian Conference with International Participation of Scientific and Pedagogical Workers]* / otv. red. E. V. Fedosenko, L. F. Uvarova. SPb.: NITs Art; IP Sergeev, 2024, pp. 76–85. (In Russian)

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕЙ И ОБОРОТОМ РЕДКИХ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ[1]

Антонян Елена Александровна,
Клещина Елена Николаевна

Цель: *в определении основных криминологических факторов, способствующих развитию преступности, связанной с незаконной добычей и оборотом редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, а также в выявлении недостатков нормативного регулирования и практики его применения в сфере охраны особо ценных биологических ресурсов.*

Методология: *основана на системном и междисциплинарном подходах, включающих анализ действующего законодательства Российской Федерации и международных договоров (включая CITES).*

Выводы. *Незаконная добыча и оборот редких животных представляют собой сложный криминальный феномен, характеризующийся трансграничностью, высокой латентностью, вовлечением организованных групп и устойчивым спросом на биообъекты, включенные в Красную книгу Российской Федерации и международные списки охраняемых видов.*

Научная и практическая значимость. *В обосновании направления модернизации нормативно-правовых механизмов охраны редких животных, предложении мер по повышению эффективности межведомственного взаимодействия, а также формировании комплексного криминологического подхода к профилактике и пресечению рассматриваемого вида преступности. Полученные результаты могут быть использованы при разработке законодательных инициатив, совершенствовании правоохранительной практики.*

Ключевые слова: *незаконная добыча животных, редкие виды, Красная книга РФ, организованная преступность, экологические преступления.*

Незаконная добыча и оборот редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных представляет собой сложную криминологическую проблему. Устойчивый спрос на объекты живой природы, включенные в Красную книгу Российской Федерации и списки CITES, способствует активному вовлечению в подобные деяния организованных преступных групп, что существенно повышает уровень их общественной опасности. Эффективность противодействия данным проявлениям во многом определяется качеством нормативно-правовой базы, эффективностью механизмов контроля и надзора, а также степенью налаженности межведомственного взаимодействия уполномоченных органов.

Проблема охраны и сохранения биологического разнообразия, в особенности тех представителей животного мира, которые находятся под угрозой исчезновения. Неконтролируемое истребление живых организмов ведет либо к сокращению их численности, либо к полному вымиранию отдельных видов, что неизбежно нарушает естественное равновесие экосистем и оказывает воздействие на состояние окружающей среды [2, с. 21].

Для более глубокого понимания сущности рассматриваемого вида преступности представляется

[1] Проект реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-184-188

необходимым выделить и проанализировать ее основные составляющие.

Во-первых, экологическая составляющая проявляется в непосредственном воздействии на состояние биоты и устойчивость экосистем. Речь идет не только о сокращении численности конкретных видов, включенных в Красную книгу РФ и Приложения CITES, но и о нарушении трофических связей, изменении структуры биосообществ и ослаблении способности экосистем к саморегуляции. Уничтожение основных видов хищников (крупных кошек, птиц), опылителей, редких рыб приводит к цепной реакции экологических изменений: одни популяции начинают чрезмерно разрастаться, другие, напротив, деградируют. Опасность таких деяний выражается не только в абстрактном «ущербе природе», но и в реальном подрыве экологической безопасности, ухудшении качества окружающей среды, формировании долгосрочных рисков для здоровья населения, экономической устойчивости регионов и национальной безопасности в целом [7, с. 5–6].

Во-вторых, экономическая составляющая проявляется в том, что незаконная добыча и оборот редких видов формируют устойчивый и высокорентабельный теневой рынок. Спрос на объекты животного мира стимулирует вовлечение в преступную деятельность как отдельных лиц, так и организованных групп, поскольку соответствующие товары обладают высокой стоимостью и низкой вероятностью обнаружения в силу специфики каналов сбыта. Объекты фауны используются в качестве:

— предметов роскоши и символов социального статуса (шкуры, чучела, живые животные для частных зоопарков и «домашних коллекций»);

— сырья для псевдомедицинских и «традиционных» лечебных средств;

— декоративных и коллекционных объектов (экзотические птицы, рептилии, редкие виды рыб и др.).

Высокая прибыльность подобных операций приводит к воспроизводству преступной деятельности, расширению каналов нелегальной торговли и укреплению связей между браконьерскими группами, перевалочными структурами и конечными покупателями, что не только усиливает криминогенный потенциал данной сферы, но и осложняет работу правоохранительных органов по выявлению таких преступлений и пресечению их.

Для приграничных и депрессивных территорий незаконный промысел нередко становится своеобразной альтернативой легальной занятости, что повышает его устойчивость и объективно затрудняет профилактику. Такая экономическая зависимость местного населения от браконьерства способствует расширению теневых сетей и укреплению криминальных связей. При этом причиняемый ущерб далеко не ограничивается стоимостью изымаемых объектов животного мира. Он включает снижение туристической привлекательности регионов, утрату потенциала устойчивого природопользования, подрыв инвестиционной привлекательности территорий, а также значительные государственные расходы на охрану, восстановление и мониторинг редких и исчезающих популяций. В совокупности эти последствия формируют выраженный негативный экономический эффект, влияющий как на локальный, так и на национальный уровень.

В-третьих, трансграничный характер рассматриваемой преступности обусловлен тем, что цепочка «добыча — транзит — конечный потребитель» в значительной части случаев пересекает несколько юрисдикций. Животные или их части добываются на территории Российской Федерации, затем через сложную систему маршрутов и подложных документов перемещаются в другие государства, где существует наиболее платежеспособный спрос. Это означает, что преступление «разрывается» в пространстве: место добычи, место оформления фиктивных документов, место хранения и продажи могут находиться в разных странах. И для криминологии это важно, поскольку латентность и сложность раскрытия таких преступлений напрямую зависят от того, как организовано международное сотрудничество, обмен оперативной информацией, взаимодействие таможенных и правоохранительных органов.

Отдельного внимания заслуживает фактор организованной преступности. Рост спроса на объекты живой природы, включенные в Красную книгу РФ и CITES, закономерно ведет к «профессионализации» деяний:

— формируются устойчивые группы, специализирующиеся на незаконной добыче, транспортировке, хранении, легализации происхождения редких животных;

— появляются посредники, отвечающие за подделку разрешительных документов, ветеринарных сертификатов, CITES-сертификатов;

— используются устойчивые коррупционные связи для беспрепятственного пересечения границы, прохождения таможенного и ветеринарного контроля.

Организованный характер преступности повышает уровень общественной опасности минимум по трем направлениям: во-первых, масштабируется ущерб (добываются не единичные особи,

а десятки и сотни); во-вторых, создается устойчивая криминальная инфраструктура (каналы поставок, схроны, коррумпированные чиновники); в-третьих, происходит интеграция незаконной торговли животными в более широкий комплекс транснациональной преступности (отмывание денег, контрабанда иных объектов, финансирование иных криминальных практик).

В связи с этим эффективность противодействия напрямую зависит от двух ключевых параметров: качество нормативной базы и организация межведомственного взаимодействия. В первом случае речь идет не только об уголовно-правовых нормах, но и о системе подзаконных актов, регулирующих порядок включения видов в перечни охраняемых (Красная книга РФ, региональные Красные книги, списки CITES и т.п.), критерии и методику определения ущерба, режимы добычи, содержания, разведения и оборота животных, требования к документированию происхождения (сертификаты, лицензии, электронные паспорта). Любая неопределенность, оценочность формулировок, несогласованность между разными нормативными массивами (федеральными, региональными, международными) создает благоприятные возможности для преступников и усложняет квалификацию, доказывание и назначение справедливого наказания.

Во втором случае противодействие незаконной добыче и обороту редких животных по своей природе межведомственно. В него вовлечены правоохранительные органы, природоохранные ведомства, таможня, пограничная служба, прокуратура, органы ветеринарного и санитарного контроля. В случае отсутствия четко выстроенных каналов обмена информацией, единых баз данных, согласованных алгоритмов реагирования и распределения компетенций возникают следующие проблемы: одни и те же факты либо не попадают в поле зрения всех ведомств, либо рассматриваются неполно; невозможно оперативно сопоставлять сведения о добыче, перевозке, экспорте, легализации животных; усиливается риск дублирования функций, формального реагирования и ведомственного интереса, когда каждое ведомство стремится минимизировать свои нагрузки, перекладывая ответственность на других участников.

Таким образом, незаконная добыча и оборот редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных — это не специфическая экологическая проблема, а сложный криминологический феномен.

Именно поэтому совершенствование борьбы с данными деяниями требует системной корректировки как нормативной базы, так и институциональной архитектуры взаимодействия между правоохранительными, природоохранными, таможенными и международными структурами.

Анализ современной криминогенной ситуации в сфере незаконной добычи и оборота редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных позволяет выделить ряд устойчивых тенденций, определяющих специфику угроз экологической безопасности России и формирующих особенности правоприменения в данной сфере.

Особенностями правонарушений, связанных как с незаконной добычей, так и с оборотом объектов живой природы на современном этапе являются:

— расширение географии преступлений (так, если ранее они совершались в Дальневосточном и Сибирском регионах, то сегодня значительное их число выявляются в Центральной части России, на Северном Кавказе и в Поволжье);

— увеличение доли преступлений, связанных не с добычей, а с оборотом, включая хранение, перевозку, сбыт, экспорт и попытки легализации происхождения животных;

— рост числа преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованными группами, что характеризует профессионализацию браконьерства.

Отдельное внимание заслуживает продажа животных через интернет, где ежегодно выявляются тысячи предложений по реализации объектов, подпадающих под регулирование Красной книги и CITES, зачастую под видом «домашних питомцев» или «потомства, полученного в неволе».

Нелегальная торговля редкими животными давно стала частью глобальной транснациональной преступности, где Российская Федерация одновременно выступает страной-источником, страной-транзитером и рынком сбыта для отдельных редких коллекционных видов.

Транснациональный характер преступления проявляется в наличии устойчивых каналов вывоза биоресурсов (в Китай, Южную Корею, Вьетнам и ряд стран Ближнего Востока); в использовании международных логистических схем, включающих поддельные документы, пересылку через несколько государств («многоступенчатый транзит»), чтобы затруднить идентификацию происхождения животного; во включении в преступные схемы граждан различных государств, выступающих связующими звеньями — от заказчиков до специалистов по «легализации» товара; использование криптовалют и даркнета для сокрытия финансовых операций и анонимного контакта между участниками.

Важно подчеркнуть, что международные сети обладают развитой коррупционной инфраструк-

турой, что затрудняет выявление преступлений на стыке юрисдикций.

Экологическая преступность традиционно характеризуется повышенной латентностью, однако в отношении незаконной добычи редких видов она достигает критических значений (по оценкам специалистов, не выявляется до 90% фактов браконьерства), причинами которой являются:

— отдаленность мест обитания редких видов, малодоступные природные территории, сложность контроля в заповедниках и национальных парках;

— минимальное количество свидетелей и отсутствие очевидцев на местах добычи;

— использование высокотехнологичных средств сокрытия (приборов ночного видения, бесшумного оружия, дронов для разведки маршрутов);

— наличие заранее подготовленных маршрутов вывоза, исключающих соприкосновение с официальными контрольными точками;

— коррупция местных должностных лиц;

— формальное отношение к регистрации нарушений, когда значительная часть выявленных фактов оформляется как административные правонарушения, а не преступления.

В результате статистические данные в значительной степени отражают не реальное состояние преступности, а лишь эффективность ее выявления.

Незаконная добыча редких животных приводит к постепенному сокращению таких популяций, как амурский тигр (несмотря на некоторое восстановление популяции, ежегодно фиксируются случаи добычи и вывоза дериватов; дальневосточный леопард (одна из самых редких кошек планеты, чувствительная к любым воздействиям, включая отлов ради продажи в частные коллекции); сокол-кречет и другие хищные птицы (ежегодно фиксируются десятки попыток контрабанды, ориентированных на рынок стран Ближнего Востока, где цена на кречета может превышать десятки тысяч долларов); осетровые (несмотря на запрет промышленного вылова, продолжается незаконная добыча черной икры с использованием браконьерских сетей и самоловов).

Снижение популяций создает эффект «усиления» преступности: чем меньше животных остается в природе, тем выше их цена на черном рынке и тем активнее развиваются незаконные формы добычи, что формирует порочный круг, разрушающий экосистемы и стимулирующий криминальную активность.

Современное состояние проблемы свидетельствует о том, что незаконная добыча и оборот редких видов животных представляют собой быстро развивающийся, усложняющийся и глобализированный криминогенный процесс, который требует укрепления правового регулирования, совершенствования механизмов выявления и расследования, развития международного сотрудничества, внедрения цифровых и экспертных технологий, а также системного межведомственного взаимодействия.

Экологическая преступность требует высокой научно-экспертной оценки, поскольку идентификация видов, определение ущерба и доказательство происхождения невозможны без специализированных знаний. Однако в России в этой сфере сохраняется ряд существенных проблем, к числу которых относятся:

1) недостаток генетических исследований и ДНК-идентификации. Современное расследование преступлений против редких животных требует ДНК-анализа для точного определения вида, установления подлинности заявленного происхождения, выявления незаконного разведения и подмены животных;

2) недостаток генетических лабораторий, которые представлены лишь в нескольких регионах. Они перегружены экспертизами по другим уголовным делам, не обеспечены устойчивым финансированием, не имеют единого протокола для экспертиз по объектам животного мира;

3) недостаток специалистов биологических профилей для качественного доказывания. Сегодня требуются зоологи, орнитологи, ихтиологи, эксперты по дериватам (кости, шкуры, органы), ботаники, судебные экологи. Однако подобные специалисты крайне редки в ведомственных экспертных учреждениях и зачастую работают в научных организациях, которые либо не всегда имеют статус судебно-экспертных учреждений, либо не всегда могут быть привлечены, либо не всегда готовы брать на себя ответственность за уголовно-значимые заключения;

3) проблемы оценки биологического и экономического ущерба, связанные с тем, что органам предварительного расследования сложно: провести оценки экосистемного вреда; рассчитать ущерб на основе редких или исчезающих видов; обосновать суду значимость вреда. А отсутствие четких методик приводит к долгим экспертизам, расхождениям в заключениях и к оспариванию данных в суде;

4) длительные сроки экспертиз из-за перегруженности лабораторий и нехватки специалистов могут достигать 2–6 месяцев, что затягивает расследование.

Несмотря на то что Российская Федерация является участником CITES и активно работает в рамках международных природоохранных соглашений, существующие механизмы недостаточны для противодействия глобализированной преступности. Оперативные каналы обмена информацией с государствами — участниками CITES недостаточно развиты и не обеспечивают быструю передачу данных о передвижении подозреваемых, не включают механизмов верификации разрешительных документов, не создают единого реестра криминальных угроз. Поэтому часто отечественные правоохранительные органы не могут отследить дальнейшую судьбу животных, вывезенных за границу.

Несмотря на то что Российская Федерация участвует в ряде международных операций, реальная вовлеченность остается ограниченной. Наблюдаются несистемное участие в совместных рейдах, редкое предоставление сведений о преступных группах, несогласованность с зарубежными правоохранительными органами.

Современный теневой оборот редких животных переместился в закрытые группы, защищенные мессенджеры, используются криптовалютные транзакции и функционирует на теневых платформах даркнета, что требует создания или взаимодействия уже созданных специализированных подразделений и международного обмена данными. Ограничения доступа к зарубежным платформам, отсутствие совместных кибероперация, минимизация обмена информацией делают пресечение высокотехнологичных преступлений применительно к незаконной добыче и обороту редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных крайне затруднительным.

Литература

1. *Антонов В.А.* Экологическая преступность: криминологический анализ. М.: Юрлитинформ, 2021.

2. *Антонян Е.А., Афанасьева О.Р.* Преступность в сфере охраны и использования объектов животного мира: состояние, тенеднции и детерминанты // Юридическое образование и наука. 2025. № 11. С. 21–28.

3. *Злотников А.Г.* Незаконный оборот биоресурсов: правовые и криминологические проблемы. СПб.: Юридический центр, 2020.

4. *Колотова Е.В.* Уголовно-правовая охрана редких видов животных. М.: Юстицинформ, 2018.

5. *Махов В.Н.* Экологическая безопасность: правовое регулирование. М.: Проспект, 2021.

6. *Минаев Е.П.* Экологическая преступность как объект криминологического исследования. М.: Юрлитинформ, 2018.

7. *Морозов В.В., Несоленов Г.Ф.* Основы экологической безопасности. Самара, 2003. 387 с.

References

1. *Antonov V.A.* Ekologicheskaya prestupnost': kriminologicheskiy analiz [Environmental Crime: A Criminological Analysis]. M.: Yurlitinform, 2021. (In Russian)

2. *Antonyan E.A., Afanas'yeva O.R.* Prestupnost' v sfere okhrany i ispol'zovaniya ob''yektov zhivotnogo mira: sostoyaniye, tenedntsii i determinanty [Crime in the Sphere of Protection and Use of Wildlife: Status, Trends, and Determinants] // In *Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka [Legal Education and Science]*, 2025, № 11. S. 21–28. (In Russian)

3. *Zlotnikov A.G.* Nezakonnyy oborot bioresursov: pravovyye i kriminologicheskiye problemy [Illegal Trafficking in Bioresources: Legal and Criminological Issues]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2020. (In Russian)

4. *Kolotova E.V.* Ugolovno-pravovaya okhrana redkikh vidov zhivotnykh. [Criminal-Legal Protection of Rare Animal Species]. M.: Yustitsinform, 2018.

5. *Makhov V.N.* Ekologicheskaya bezopasnost': pravovoye regulirovaniye [Environmental Safety: Legal Regulation]. M.: Prospekt, 2021. (In Russian)

6. *Minayev E.P.* Ekologicheskaya prestupnost' kak ob''yekt kriminologicheskogo issledovaniya [Environmental crime as an object of criminological research]. M.: Yurlitinform, 2018. (In Russian)

7. *Morozov V.V., Nesolenov G.F.* Osnovy ekologicheskoy bezopasnosti [Fundamentals of Environmental Safety]. Samara, 2003. 387 s. (In Russian)

КРИМИНАЛИСТИКА

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Борисова Оксана Владимировна,
Воронков Дмитрий Валерьевич

Цель: *рассмотрение способов выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков при помощи программных средств, имеющихся в арсенале сотрудников правоохранительных органов.*

Методология: *систематизации, диалектический метод познания, правовой анализ, синтез и обобщение, проектирование.*

Выводы. *Полученные данные позволили выработать некоторые схемы получения информации о совершаемых наркопреступлениях и круг использованных при этом прекурсоров и химических средств используемых для изготовления наркотических средств. Раскрыты наиболее распространенные способы получения информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений, на примере конкретных информационных технологий, таких как OSINT, GEOINT, ручной поиск в сети «Интернет», АИС «Киви», АИС «Перевод», АИС «Незаконный оборот наркотиков», «АИПСИН — АнтиНаркотики», АИПС «АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-R».*

Научная и практическая значимость. *Выработанные схемы могут использоваться сотрудниками правоохранительных органов для выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, могут использоваться для профессиональной подготовки. Полученные результаты исследования демонстрируют необходимость поиска новых подходов к систематизации данных, улучшение существующих инструментов, с учетом информатизации общественных процессов.*

Ключевые слова: *выявление преступлений, раскрытие преступлений, оборот наркотиков, автоматизированные информационные системы, электронные ресурсы, электронные учеты.*

В настоящее время одним из основных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности является усиление роли государства в борьбе с незаконным распространением наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим перед оперативными подразделениями органов внутренних дел, как основному государственному правоохранительному органу, стоит задача противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ путем выявления, пресечения, раскрытия преступлений, а также оперативного сопровождения уголовных дел.

С учетом существенных изменений в структуру преступности вносятся и изменения в структуру работы оперативных подразделений, занимающихся выявлением и раскрытием преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Поскольку начальным этапом построения преступной цепочки является незаконное изготовление наркотических средств, основными источниками получения информации о расследуемом событии являются: источники формирования и распространения прекурсоров и оборудования для изготовления наркотических средств; лица, причастные к привлечению сил и средств совершения преступлений (курьеры, пособники, администраторы и др.); помещения для изготовления; коррупционные связи в органах власти.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-189-195

Информация такого рода может быть получена либо при документировании преступных действий по непосредственному изготовлению наркотических средств, например при установлении наркопроизводств и изъятии прекурсоров, находящихся на территории незаконного производства. Либо при задержании лиц при изготовлении тайника-«закладки» с химическими веществами или его приобретении.

На первоначальном этапе необходимо получить информацию о лицах, приобретающих химические вещества, которые используются в производстве наркотических средств на постоянной основе. Это можно сделать при получении адресатами посылок — как объемных, так и стандартных, но в значительном количестве, а также посылок с определенными наборами веществ и специальной химической посудой (информацию об этом можно получить от работников почтовых отделений, а также служб безопасности транспортных и логистических компаний). Так, например, известно, что небольшие партии наркотических средств из Китая пересылаются в сантехническом оборудовании (например, коленах и патрубках водосточных труб), маскируются под сувенирную продукцию, ввозятся по подложным документам, где выдаются за безопасные вещества.

Не менее значимые сведения можно получить:

— из промышленных, коммерческих структур;

— по информации из материалов уголовных дел по фактам организации подпольных нарколабораторий на предмет обмена лицами химическими формулами, способами синтеза и информацией о постовщиках;

— из мониторинга сети Интернет в переписке на интернет-форумах, специальных сайтах, а также в мессенджерах и социальных сетях по продаже прекурсоров и лабораторного оборудования;

— от производителей, поставщиков, оптовых и розничных торговцев прекурсорами, реквизитами, растворителями;

— о заказах упомянутых химических компонентов в больших количествах;

— от субъектов различных этапов цепочки преступной деятельности: «потребитель — сбытчик — посредник — оптовый сбытчик — организатор лаборатории — производитель наркотиков»;

— на основе оперативной информации, имеющейся у сотрудников правоохранительных органов (как оперативных, так и не уполномоченных на ОРД);

— из других российских или иностранных правоохранительных органов (например, Главным управлением по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь, при иных формах международного сотрудничества);

— по сообщениям граждан, общественных организаций, СМИ и т.д.

Особое внимание следует обращать на следующих лиц:

— на постоянной основе меняющих процедуру заказа;

— приобретающих товары за наличные денежные средства;

— направляющих заказы по почте на бланках неизвестных или иностранных фирм и организаций;

— оформляющих заказ с последующей поставкой его по месту жительства или в конкретный пункт, почтовое отделение;

— оформляющих заказ по телефону или «онлайн», указывая принадлежность к организациям.

Информационный контроль за выявлением вышеперечисленных признаков, указывающих на незаконный оборот прекурсоров или деятельность по изготовлению наркотиков, становится особенно актуальным в условиях свободы предпринимательства и посреднических услуг в сфере фармацевтического производства [1, с. 24].

На этапе выявления фактов преступной деятельности можно использовать информационные ресурсы с применением поисковых систем (Google, Yandex, Rambler и т.п.). При выявлении подозрительных информационных ресурсов принимаются меры к установлению личности организаторов сайтов через установление организации-регистратора «домена» и арендатора «хостинга». Целесообразно при работе с поисковыми ресурсами использовать операторы поиска — ключевые символы и слова, фильтрующие поисковую выдачу. Например, оператор «+», обеспечивающий обязательное включение в текст запроса слова, стоящего после символа «+»; оператор «–» используется для исключения (фильтрации) из запроса определенных слов, а оператор «*» способен заменить произвольное количество неизвестных (искомых) символов в поисковом запросе (например, про поиске разных псевдонимов одного лица).

Преступные деяния в сфере незаконного оборота наркотиков преимущественно осуществляются при помощи информационной сети «Интернет». Особенностью, которая характеризует компьютерные сети, является наличие и фиксация информации о действиях пользователя, которая всегда сохраняется. Для выявления и установления участников преступной деятельности допустимо применять различные системы интер-

нет-разведки (OSINT, GEOINT), возможности программного обеспечения сайтов и приложений, которые позволяют осуществить поиск, выбор и сбор информации, полученной из общедоступных открытых источников в сети «Интернет», и некоторый их анализ. Так, например, информация о подписках на Телеграм-каналы аккумулируется и группируется отдельными «ботами», анализирующими увлечения пользователей, к которым могут относиться такие хобби, как «химия» или «садоводство». Зачастую открытый поиск сводится к использованию уже известных фамилии, имени, отчества и даты рождения для автоматизированного поиска в телеграм-боте «EYE OF GOD», позволяющем обычному пользователю на платной основе (для правоохранительных органов предусмотрена возможность бесплатного подключения и использования сервиса) получать биографическую информацию, данные о транспортных средствах, социальных сетях, номерах телефонов, адресах мест жительства, различного рода сведений финансового характера. Также программное обеспечение бота позволяет получать информацию о возможных связях лица по корреляции с местом жительства, пребывания, совместных авиаперелетах.

Типичный алгоритм использования «EYE OF GOD» состоит в:

1. Указании номера телефона, либо фамилии, имени, отчества и даты рождения в сообщении к боту.

2. Получив первичную информацию о регионе нахождения абонентского номера, бот выдает информацию о социальных сетях и мессенджерах объекта путем сличения, представляется возможным определить настоящие аккаунты, прикрепленные к номерам телефонов, в которых выставлены фамилия и имя, либо личные фотографии.

3. Также бот предоставляет информацию о некоторых паспортных данных, о месте проживания, что создает возможность точечного «прибытия на адрес».

4. По месту жительства также устанавливаются сожители, родственники, в том числе с помощью информации о рассадке мест в самолете по посадочным талонам, далее по соответствующему алгоритму устанавливаются данные этих лиц.

5. Анализ информации, представленной в персональных аккаунтах в социальных сетях, редко является продолжением информационно-аналитического поиска, однако посредством групп и подписок возможно получить информацию о пребывании лица в публичных заведениях, местах работы или обучения, об увлечениях лица, предположительном уровне интеллектуального развития, анализ комментариев, «лайков», «подарков» систематизирует информацию о круге и характере общения объекта, метаданные о геолокации зачастую содержатся на фотографиях в различных социальных сетях, также при помощи сторонних сайтов, собирающих статистику о посещении объектом своих социальных сетей, представляется возможным сделать вывод об устройстве, с которого осуществляется выход в сеть, частоту, а также дневное расписание (сон, работа, учеба).

6. Последовательное изучение и анализ сторонних сайтов и групп, к которым установилась принадлежность объекта, предположительно позволит найти фотографии объекта, его рабочее место, занимаемую должность, часы работы, учебы, информацию о коллегах. Использование указанного бота — это лишь начальная информация, «отправная точка» для дальнейших действий в процессе мониторинга сети «Интернет». Если пользователем является человек, личность которого напрямую соотносится с описанием личности преступника в структуре криминалистической характеристики — это уже может вызвать необходимость детального изучения действий такого пользователя для привлечения к ответственности. Аналогичным образом могут быть использованы базы данных коммерческих структур.

Отдельное место в поиске информации по открытым источникам занимает метод «GEOINT», суть которого заключается в детальном анализе фотографий, представленных пользователем и последовательном обнаружении местонахождения различных предметов. Например, имеется возможность обозначить на изображении место, являющееся искомой точкой, при этом какие-либо указания на его географические координаты отсутствуют. Задача поиска — сложный информационный анализ, в ходе которого оперативный сотрудник выделяет такие первичные сведения, как: государственные регистрационные знаки транспортных средств, названия компаний, улиц, иные условные знаки, время дня, части света. Для сопоставления используются актуальные 3D-визуализации улиц, представленные сервисами «Яндекс карты», «Гугл карты» и т.п.

Знаковыми объектами могут служить: автомобили, информационные таблички, иные предметы, имеющие частные признаки идентификации.

При помощи широкого инструментария открытых ресурсов по поиску информации, которые в настоящее время собраны в каталоги, предоставляются возможности для геопоиска сведений о ре-

гистрации транспортных средств, а также поиска юридических лиц на картах большинства стран мира, в том числе Российской Федерации.

Отдельно стоит отметить каталоги, представленные для проведения открытого информационно-аналитического поиска сведений, представляющих оперативный интерес, в информационно-телекоммуникационных сетях:

Телеграм-канал «GEOINT» (https://t.me/geoint/4070), являющийся авторским проектом по проведению соревнований открытого информационно-аналитического поиска, а также по повышению владения навыками аналитического мышления, где представлены инструменты, позволяющие:

— примерно предполагать местоположение сделанной фотографии;

— определять тип растительности;

— сравнивать примерный вид рельефа из разных точек путем анализа интерактивной карты гор;

— осуществлять поиск различных артефактов и следов редактирования фотографий;

— стирать содержимое с картинки для лучшей поисковой выдачи;

— моделировать расположение тени в зависимости от времени суток;

— осуществлять поиск через сервис, в который интегрированы большинство популярных поисковиков фотографий;

— осуществлять поиск водного и воздушного транспорта, в том числе в режиме реального времени и в режиме ретроспективы; алгоритм комплексного изучения визуализированных моделей движения, падения лучей солнечного света, сопоставление данных перелета воздушных судов, в частности, позволяет получать точные данные о конкретных событиях, произошедших на фотографии, примером является авторская методика «Schwarz_Osint» *(Mirror «Отслеживание Рейсов в целях GEOINT». URL: https://mirror.xyz/0xf37cde2B46CaDFfb728923720C89ae985B08d933/LQcv98hb60VSuOg8nrfoRnFvvump7zSZuQDhahSbj1w)*;

— также представлено множество различных инструментов для работы по картам для анализа погодных условий и пожаров на участках местности.

Сайт https://hackcontrol.org/OSINT/Domain_name.html представляет интерактивную карту с выбором тематики поиска с более широкими разведывательными функциями.

Также заинтересованными сообществами создаются проекты по созданию браузеров, имеющих специфику — поиск информации в сети «Интернет», примером которого является «Venator X».

Фактически, доступ сотрудника правоохранительных органов к данным системам не является исключительным, однако знание о возможности использования данных инструментов, умении ими пользоваться, представлении, какую именно информацию возможно получить, дает потенциал точечной «выжимки» сведений из ограниченного объема данных на начальном этапе расследования [2].

Дополнительной особенностью в использовании методов поиска и сбора информации является обучение, которое сотрудник может пройти самостоятельно по материалам, размещенным в открытом доступе.

Таким образом, перспектива использования предполагает, что сотрудник, имея базовые знания о наличии нескольких методов, в частности OSINT, GEOINT, заимствование методик «доксинга», авторские методики «Schwarz_Osint», использование каталогов и браузеров специальной направленности, «по умолчанию» становится участником программы обучения ведения открытого информационно-аналитического поиска сведений, представляющих оперативный интерес, в информационно-телекоммуникационных сетях.

Переходя к рассмотрению более специфичного информационного обеспечения правоохранительных органов, стоит отметить необходимость детального изучения субъектов противодействия преступникам возможностей как специализированных учетов, так и общедоступных способов мониторинга сети «Интернет». Эти методы позволяют получать информацию быстрее и, учитывая объем данных, более частную относительно личности преступника. Кроме того, могут быть затронуты вопросы типологии личности преступника среди пользователей интернет-ресурсами, что позволит определять лиц, склонных к совершению преступлений или уже причастных к незаконному обороту наркотиков исходя из набора используемых интернет-ресурсов, приложений, динамики использования, поисковых запросов и прочих категорий.

В 2017 г. разработан и внедрен программный комплекс, предназначенный для вскрытия методов конспирации, используемых наркодилерами при движении электронных финансовых потоков. В него входят АИС «Киви», формируемая за счет аккаунтов системы «Visa QIWI Wallet», и аналогичная АИС «Перевод», работающая по банковским счетам [3, с. 149]. Ситуация использования платежных систем в обществе очень изменчива, этот инструмент разрабатывался своевременно повсеместному использованию «QIWI Wallet» с целью противостояния наркопреступности, использующей онлайн расчеты с целью анонимизации поль-

зователей платежных систем. В настоящее время АИС «Киви» включена в «инструмент» правоохранительных органов, однако используется в значительно меньшем объеме.

В 2023 г. в России создана и внедрена автоматизированная информационная система «Незаконный оборот наркотиков» (АИС «НОН» — база данных оперативной информации по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков и банк данных нераскрытых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков). В базу вносятся данные о сбытчике и обстоятельствах приобретения задержанным лицом наркотического средства. Ее формирование осуществляется на основе учетных карточек, отражающих информацию о фигуранте уголовного дела и неустановленном лице, сбывшем ему наркотическое средство, с указанием используемых при сбыте абонентских номеров «никнеймов» (псевдонимов), IP-адресов, MAC-адресов, номеров учетных записей в различных программах, электронных платежных системах, банковских счетов, «КИВИ-кошельках» [3, с. 150], а также картографических координат и адресов мест размещения тайников с наркотическими средствами и химическими веществами, различных хранилищ. Информационная система позволяет выявлять и дополнительные эпизоды преступной деятельности лиц путем установления совпадений информации по нескольким параметрам: псевдоним, известный абонентский номер, номер счета оплаты, способ размещения тайника и другие критерии, указанные в формах системы. Кроме того, ресурс обладает возможностью использования способностей искусственного интеллекта для соотношения некоторых внутренних параметров информационной системы, что позволяет определение возможных связей между преступниками.

Эффективность информационного ресурса «АИС-НОН» во многом зависит от качества его пополнения и корректности вносимых данных.

В МВД Беларуси и России успешно эксплуатируется информационно-поисковая система «АИПСИН — АнтиНаркотики» — программный продукт, предназначенный для оказания информационной поддержки при идентификации и исследовании наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, разработанный одним из ведущих IT-предприятий Республики Беларусь — ЗАО «Белхард Групп», партнером которой в России является ОАО «Рособоронэкспорт».

Автоматизированная информационно-поисковая система «АИПСИН — АнтиНаркотики» является одним из программных продуктов «АИПСИН» — семейства программных продуктов, предназначенных для информационного обеспечения деятельности государства в сфере противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Данное программное обеспечение предназначено для обеспечения деятельности государственных органов, осуществляющих контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Указанная система используется в комплексе с специализированным оборудованием экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Состоит из более чем 30 информационных модулей, содержащих сведения по большому объему информации для идентификации наркотических веществ, их использования и вызываемых последствиях *(АИПС «АИПСИН-АНТИНАРКОТИКИ» [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. с библ. масс-спектров «AIPSIN.3170» (4543 Мб). Минск: «Belhard Group», 2019. 1 DVD).* Система содержит нормативную документацию, данные об упаковках оригинальной фармацевтической продукции и лекарственных препаратов. Доступ к такой системе данных позволяет специалистам не только поддерживать высокий уровень эффективности и качества работы, но и быть в курсе всех последних тенденций и научных открытий в сфере. Содержащиеся в данной информационной системе библиотеки помогают определить подконтрольность конкретных соединений и препаратов на территории стран СНГ и некоторых других.

Эта база данных может использоваться в химической промышленности, фармацевтических компаниях, научных исследованиях и образовательных целях. Они помогают ученым и специалистам быстро находить нужную информацию о веществах, их характеристиках и свойствах, а также о методах анализа и синтеза. Наличие таких баз данных способствует повышению эффективности и точности исследований, а также сокращению времени и затрат на их проведение.

В информационных модулях программы содержатся данные по веществам и их производным, разбавителям, прекурсорам, промежуточным и вспомогательным веществам, описания фармацевтических препаратов, изготавливаемых на основе подконтрольных наркотических веществ.

Реализованная в системе АИПС «АИПСИН — АнтиНаркотики» схема применима для различных ведомств и позволяет организовать не только исследование, но и другие официальные процедуры в сфере контроля незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.

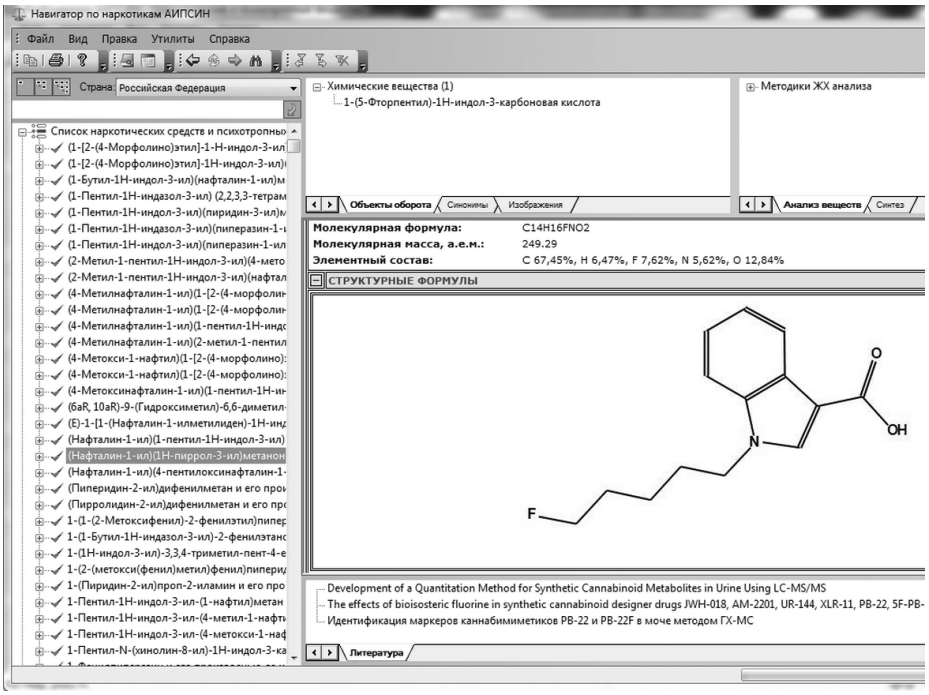

Рисунок. *Интерфейс навигатора химических веществ «АИПСИН – АнтиНаркотики»*

Кроме того, обмен подобной информацией может быть организован в рамках модернизации международной системы Международного Комитета по контролю за наркотиками (МККН) ООН «Ионикс», а также при помощи онлайн-ресурсов МККН ООН в области контроля за оборотом прекурсоров «Пен-онлайн» (легальные операции) и «Пикс» (задержания за нелегальные операции).

Другим программным, информационным средством противодействия незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ является АИПС «АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-R». Данная программа позволяет реконструировать технологию получения криминального амфетамина-рацемата. В настоящее время программа защищена патентом на изобретение № 2018610736 (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ) [4, с. 118].

В результате применения программы по результатам проведения криминалистического исследования криминальных образцов амфетамина становится возможным устанавливать способ их синтеза — конкретную схему получения и круг использованных при этом прекурсоров.

Эффективность применения программ «АИПСИН-АнтиНаркотики» и «АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-R» подтверждена при проведении экспертиз и исследований наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Полученная информация о прекурсорах, использовавшихся для синтеза изъятых наркотиков, передается в оперативные подразделения, что способствует эффективному выявлению незаконных наркопроизводств.

Учитывая, что наркопреступность финансируется с помощью латентных финансовых операций, важным аспектом рассматриваемой темы является изучение криптовалютных транзакций. Полагаем критически важной разработку отечественных аналогов таких систем, как зарубежные Chainalysis и Elliptic, используемые в странах НАТО. Они позволяют в автоматическом и полуавтоматическом режимах анализировать криптовалютные транзакции и сообщения в даркнете.

Указанные примеры являются показательными фактами о повышении эффективности борьбы с преступностью при осуществлении международного взаимодействия в применении и использовании специфического программного обеспечения. Отметим, что описанные нами источники и информационные системы имеют в первую очередь ориентирующий характер. Ориентирующая информация по своей сути не может быть использована в качестве подтверждения или опровержения тех или иных фактов, однако доказательственное значение она может приобрести в случае ее прохождения через определенные уголовно-процессуальные процедуры.

Знания о существующих автоматизированных системах и программных средствах существенно

повышают эффективность работы по выявлению преступлений, а также качество и скорость работы с информацией оперативными сотрудниками. Эти знания необходимо структурировать и передавать практическим и обучающимся сотрудникам правоохранительных органов для повышения эффективности их оперативно-служебной деятельности, качества раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011 (https://rscf.ru/project/23-78-10011/).

Литература

1. *Овсянников А. В., Саранчин Д. В., Сыпачев А. Ю.* Деятельность подразделений МВД России по контролю за оборотом наркотиков: инструктивно-методическое издание. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 64 с.

2. *Мурашов Д. Ю.* Поиск в открытых источниках как направление выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес // Вестник КРУ МВД России. 2023. № 1 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-v-otkrytyh-istochnikah-kak-napravlenie-vyyavleniya-lits-i-faktov-predstavlyayuschih-operativnyy-interes (дата обращения: 20.01.2025).

3. *Нугаева Э.Д. О* некоторых особенностях проведения доследственной проверки фактов незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, совершенных дистанционным способом / Э. Д. Нугаева, З. И. Харисова // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 4 мая 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 148–154.

4. *Кузовлев В. Ю.* Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством. Домодедово: Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 238 с.

References

1. *Ovsyannikov A. V., Saranchin D. V., Sypachev A. Yu.* Deyatel'nost' podrazdelenii MVD Rossii po kontrolyu za oborotom narkotikov: instruktivno-metodicheskoe izdanie [The activities of the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the control of drug trafficking: an instructional and methodological publication]/ Tyumen': Tyumenskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2021. 64 s.

2. *Murashov D. Yu.* Poisk v otkrytykh istochnikakh kak napravlenie vyyavleniya lits i faktov, predstavlyayushchikh operativnyi interes [Search in open sources as a way to identify persons and facts of operational interest] // In *Vestnik KRU MVD Rossii [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2023. № 1 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-v-otkrytyh-istochnikah-kak-napravlenie-vyyavleniya-lits-i-faktov-predstavlyayuschih-operativnyy-interes (data obrashcheniya: 20.01.2025).

3. *Nugaeva E. D.* O nekotorykh osobennostyakh provedeniya dosledstvennoi proverki faktov nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, sovershennykh distantsionnym sposobom [On some features of conducting pre-investigation verification of the facts of illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances committed remotely / E. D. Nugaeva, Z. I. Kharisova] / E. D. Nugaeva, Z. I. Kharisova // In *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Criminalistics: current issues of theory and practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference],* Rostov-na-Donu, 4 maya 2023 goda. Rostov-na-Donu: Rostovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2023. S. 148–154.

4. *Kuzovlev V. Yu.* Kriminalisticheskoe obespechenie bor'by s nezakonnym laboratornym narkoproizvodstvom [Criminalistic support for combating illegal laboratory drug production]. Domodedovo: Vserossiiskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2021. 238 s.

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИХ ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ

Рахматуллин Рамиль Рашитович

Цель: *определить особенности следственных и иных процессуальных действий в ходе раскрытия преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию.*

Методология: *выбор методологического аппарата исследования обусловлен его целью и задачами. Основу методологии составил общенаучный диалектический метод познания объективной действительности, абстрагирование, анализ, синтез, социологический метод, системно-деятельностный и ситуационные подходы.*

Выводы. *Раскрытие преступлений требует максимальной концентрации сил и средств, комплексного и оперативного применения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств. Наряду со следственными действиями имеется необходимость одновременного (параллельного) принятия иных процессуальных решений, направленных на раскрытие преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию: о применении мер безопасности в отношении добросовестных участников уголовного процесса (их близких); об изоляции обвиняемого (подозреваемого), оказывающего деструктивное влияние на таких лиц; о стимулирования положительного поведения обвиняемого (подозреваемого) и иных лиц, склонных к противодействию; для обеспечения сохранности предметов и документов, имеющих криминалистическое значение и др.*

Научная и практическая значимость *статьи состоит в построении системы аргументированных выводов, совокупность которых позволяет сформировать научно-теоретическую базу для выработки предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование следственных и иных процессуальных действий по раскрытию преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию.*

Ключевые слова: *криминалистика, раскрытие, расследование, соотношение, противодействие, познание, выявление, нейтрализация, обвинение, следователь, истина.*

Проблемы, поднимаемые в настоящей статье, исследуются автором на протяжении последних нескольких лет. Известно, что ни одно уголовное дело не может быть расследовано и направлено в суд (или прекращено по нереабилитирующим основаниям), если преступление не будет раскрыто. Согласно статистическим данным ежегодно нераскрытыми остаются почти половина официально зарегистрированных преступлений.

Результаты многочисленных исследований показывают, что в практической деятельности по раскрытию преступлений еще много различных недостатков, многие преступления не раскрываются вследствие несвоевременного производства следственных и иных процессуальных действий, допускаемых при их производстве следственных ошибок, неполноты исследования всех обстоятельств уголовного дела, иных пробелов и недостатков, допускаемых правоохранителями. Не всегда учитываются особенности их производства в условиях противодействия.

Особенности тактики производства отдельных следственных действий в ходе раскрытия преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию заключаются в том, что наряду с преимущественной их направленностью на

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-196-202

установление события преступления и лица, его совершившего, принимаются меры по нейтрализации противодействия установлению истины.

Данные обстоятельства предрекают необходимость принятия соответствующих решений, направленных на нейтрализацию противодействия раскрытию. К их числу мы можем отнести принятие решений о применении мер безопасности в отношении добросовестных участников уголовного процесса (их близких); об изоляции обвиняемого (подозреваемого), оказывающего деструктивное влияние на таких лиц; о стимулировании положительного поведения обвиняемого (подозреваемого) и иных лиц, склонных к противодействию; об обеспечении сохранности предметов и документов, имеющих криминалистическое значение, и др.

В целях быстрого и наиболее полного раскрытия преступлений в условиях противодействия их выявлению и расследованию указанные особенности требуют детального рассмотрения. Особо выделяется тактико-криминалистическая ценность поисковых следственных действий (следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки), которые носят ярко выраженный поисково-познавательный характер [1, с. 160–165].

Поисковые следственные действия, выступая преимущественно первоначальными следственными действиями, объективно в процессе раскрытия преступлений применяются в ситуации с незначительным объемом криминалистически значимой информации. Так, результаты изученных автором уголовных дел свидетельствуют, что по большинству из них (87%) в момент начала осмотра места происшествия не имелись данные о личности преступника или предполагаемый преступник скрылся, что свидетельствует, прежде всего, о том, что действия злоумышленников были направлены на сокрытие своей преступной деятельности.

Производство осмотра места происшествия нацелено на получение максимального объема материально отображаемой доказательственной и ориентирующей информации о совершенном преступлении. Предпосылками высокого качества и эффективности данного поискового следственного действия выступают исходящая от следователя инициатива и его непосредственное личное восприятие обстановки при строгом соблюдении следующих тактических условий, обеспечивающих эффективность осмотра: неотложность производства, полнота и объективность; методичность и последовательность; наличие необходимых технико-криминалистических средств.

Результаты наших исследований свидетельствуют, что несоблюдение указанных условий ведет к низкой эффективности осмотра. Всего осмотры места происшествия зафиксированы в 842 случаях (88% изученных нами дел). Следственно-оперативная группа выезжала на место происшествия в полном составе (следователь, сотрудник оперативного аппарата (УР, БЭП), участковый инспектор милиции, специалист-криминалист, инспектор-кинолог со служебно-розыскной собакой и др.) только в 346 случаях (41% всех изученных дел). В остальных 494 случаях (59%) СОГ выезжала не в полном составе, из них в 174 случаях один сотрудник (следователь, работник органа дознания) (35%).

Методичность и последовательность осмотра места происшествия предполагает значительные затраты времени для его производства. По результатам одного из наших исследований было установлено: по 24,6% изученных нами дел с осмотром данное следственное действие проводилось менее 30 минут; по 46,3% дел на проведение осмотра затрачивалось до 1 часа; по 18,9% дел — до 2 часов; лишь по 3,3% дел — до 3 часов; по 6,8% дел эти сведения не отмечены [2, с. 138]. Несомненно, результаты практики такого «скоростного» метода осмотра в дальнейшем крайне негативно сказываются на эффективности раскрытия преступления, а в дальнейшем на качестве расследования.

На месте происшествия следы преступления и иные материальные объекты были изъяты по 682 делам (81% изученных дел с осмотром). При этом следы рук изымались в 291 случаях (35% дел с осмотром); следы обуви — в 114 случаях (14%); волосы, кровь, иные биологические следы — в 161 случае (19%); микрообъекты, запаховые следы — в 111 случаях (13%); следы транспорта в 93 случаях (11%); цифровые следы в 57 случаях (7%), иные следы и предметы — в 195 случаях (23%).

Таким образом, в ходе осмотра места происшествия изымается в среднем немногим более одного следа преступления, что примерно соответствует данным ЭКЦ МВД РФ, приведенным в одной из работ А. Ф. Волынского. Как справедливо полагает этот известный российский ученый в области технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, это свидетельствует о низкой результативности работы российских экспертов, в зарубежных странах этот показатель выше в три-четыре раза [3, с. 89–94].

Результаты нашего исследования, обзоры практики и другие аналитические данные свидетельствуют о том, что одним из резервов по улучшению работы по раскрытию преступлений

является полнота познания обстановки места происшествия, т.е. в какой мере следователь способен ее правильно проанализировать.

Дополнительным резервом раскрытия преступлений может стать деятельность следователя, направленная на выявление признаков и факторов противодействия. Первые сигналы о противодействии (признаки) проявляются уже в ходе осмотра. Например, улики поведения могут быть выявлены в ходе специального наблюдения за действиями определенных индивидов, в том числе в ходе просмотра видеосюжетов с места происшествия.

Также в ходе осмотра важно учитывать факторы, способствующие как противодействию раскрытию преступлений, так и более успешной деятельности следователя по их раскрытию. Так, исходя из особенностей места происшествия и конкретного времени совершения преступления следователь может выдвинуть версию о личности преступника. Уже на этапе осмотра следователь, прогнозируя возможность утечки информации, может принять дополнительные меры по сохранности в тайне определенной информации, полученной в ходе данного следственного действия.

Всестороннему и объективному осмотру места происшествия способствуют современные достижения науки и техники. В частности, в целях установления в короткие сроки полной картины события преступления используется аэросъемка с применением как пилотных, так и беспилотных летательных аппаратов.

Успешность раскрытия преступления зависит от своевременного и качественного проведения осмотра. Примечателен следующий пример из следственной практики. В ходе обыска сотрудником ОВД изъят планшет подозреваемого И. с активным сеансом интернет-соединения, а затем передан следователю. При этом, как впоследствии выяснилось, на планшете представляла интерес информация, содержащаяся в аккаунте И. в мессенджере «Телеграм». К осмотру планшета следователь приступил через некоторое время и при проведении следственного действия обнаружил, что аккаунт удален, то есть информация, имеющая значение для расследования уголовного дела, утрачена. В ходе допроса подозреваемый И. сообщил, что в настройках его аккаунта мессенджер «Телеграм» он установил автоматическое удаление аккаунта при его неиспользовании на протяжении определенного времени [4, с. 194–197].

Ведущее место по эффективности применения в процессе раскрытия преступлений занимает обыск. Такой вывод подтверждается результатами данного исследования: хотя обыск в практике расследования использовался относительно редко — по 34% изученных нами дел, однако положительные результаты были достигнуты в 62,8% случаев из всех изученных дел с обысками.

Успешность раскрытия преступления находится в прямой связи от своевременного проведения обыска. Результаты нашего исследования показали, что наибольшая результативность обыска достигается при проведении его в первые сутки после совершения преступления (88,2%), значительно менее результативными оказались обыски, проведенные после 10 суток (48%). Своевременный и на высоком уровне проведенный обыск является наиболее мощным средством нейтрализации противодействия раскрытию преступлений. Отмечается, что наибольшую эффективность дает обыск, проводимый в рамках тактической комбинации «Обыск».

Следующую группу следственных действий с учетом содержательного аспекта приоритетной деятельности при их совершении составляют *коммуникативные следственные действия* — допрос, очная ставка.

В ходе допроса для решения задачи нейтрализации противодействия раскрытию должны применяться, прежде всего, известные (традиционные) тактические приемы. Такие приемы могут носить логический (предъявление уличающих доказательств, демонстрация возможностей судебной экспертизы), психологический (установление психологического контакта с допрашиваемым; убеждение его в необходимости изменить свою позицию по делу, некоторые варианты использования фактора внезапности, например сообщение о свидетеле, которого он считал убитым, и т.п.), тактический (внезапность, допущение легенды, отвлечение внимания на косвенный допрос, проговорка, и др.), или комплексный характер.

По мнению автора, отдельные существующие методики по тактике допроса не стали отвечать потребностям практики. В частности, они не учитывают участие в допросе обвиняемого (подозреваемого) его защитника, вступающего в процесс на самых ранних его этапах (в т.ч. до возбуждения уголовного дела), что не позволяет эффективно использовать в следственной практике многие тактические приемы, соответствующие критериям допустимости.

Адвокат является процессуальным оппонентом следователя, но с ним желательно установить хороший деловой контакт на обоюдно выгодных условиях. Так, в отдельных случаях следователь может проинформировать защитника относительно замысла допроса, его отдельных частей. В свою

очередь, защитник, фактически привлеченный следователем к совместному обсуждению плана проведения допроса, может просить скорректировать этот план. В частности, с учетом состояния и личностных особенностей обвиняемого — не задавать ему вопросов определенного характера или предъявить дополнительные те или иные доказательства.

Также адвокат в целях более эффективного выполнения своих функций по защите прав своего клиента заинтересован в более глубоком изучении его личности. При этом адвокат, действуя из интересов своего подзащитного, способен из различных источников добыть дополнительную информацию о роли обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, об его волевых и интеллектуальных качествах, интересах, темпераменте и иных свойствах его личности, об отношениях с соучастниками. Следователь в тактических целях может воспользоваться любой такой информацией, поступившей от адвоката и иных участников уголовного процесса со стороны защиты и их близких.

Конечно, в ходе допроса следователь может воспользоваться традиционными тактическими приемами. Так, он может создать у стороны защиты иллюзию повышенного представления о своей осведомленности об отдельных обстоятельствах, для чего сообщает обвиняемому или его защитнику отдельные незначительные, но достоверно установленные факты. При этом линия поведения следователя должна быть взвешенной на основе уверенности и убежденности в раскрытии преступления. В результате сторона защиты под впечатлением об осведомленности следователя о важных обстоятельствах преступления может избрать линию сотрудничества со следствием.

Эффективными будут действия следователя при предъявлении уличающих доказательств и, особенно, сопряженные с демонстрацией возможностей судебной экспертизы. Показателен приведенный в научной литературе пример из практики. С целью более эффективного использования при допросе результатов судебно-баллистической экспертизы, изобличающей допрашиваемого в совершении умышленного убийства, следователь не только предъявил обвиняемому и его защитнику заключение экспертизы, но и продемонстрировал видеозапись, на которой был зафиксирован ход проведения экспертизы и результаты экспериментов. После этого версия о случайном выстреле выглядела менее убедительной и обоснованной [5, с. 194–197]. Применение данного приема будет более эффективным, если следователь предложит защитнику наедине разъяснить допрашиваемому суть подобных доказательств и их значение для дела.

Применение при допросе аудио- и видеозаписи позволяет фиксировать до мелочей ход допроса, всю вербальную и невербальную информацию, в том числе эмоциональное состояние его участников, реакцию на поставленные вопросы, а в дальнейшем позволяет предотвратить или опровергнуть ложные заявления о применении незаконных методов при допросе, что также следует отнести к одному из средств нейтрализации противодействия.

Все чаще для диагностики лжи и неискренности стал использоваться профайлинг (англ. «profile» — профиль), — методика «чтения людей» по их невербальным жестам и другим поведенческим реакциям. В отдельных случаях для проверки искренности опрошенных лиц может быть использован на условиях добровольности полиграф, результаты которого имеют ориентирующее значение и служат основанием для проведения дополнительных проверочных мероприятий.

В современных условиях в целях раскрытия преступлений существует необходимость подготовки новых методик по получению показаний при проверке сообщения о преступлении. Так, важным процессуальным действием является опрос (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). По результатам отдельных исследований, через сутки человек может воспроизвести лишь 60% ранее полученной им информации, через двое суток — уже только 30% [6, с. 194–197].

Результаты исследований показывают, что значительная часть информации, полученной в ходе опроса, находит подтверждение в протоколе допроса. Так, объяснения, полученные в процессе проверки сообщений о преступлениях, по данным одного исследования, в 96,3% случаев были идентичны содержанию протоколов их допросов [7, с. 110]. В другом исследовании такая идентичность была обнаружена в 100% случаев [8, с. 134].

В отдельных материалах проверок встречается термин «протокол перекрестного опроса», который, по сути, напоминает протокол очной ставки и проводится при получении противоречивых объяснений, полученных у разных лиц. Приступая к опросу, следователь предварительно опрашивает лиц, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой, что оказывает влияние на выбор тактических приемов его производства. Затем следователь предлагает лицам поочередно рассказать о событии преступления, после чего

следователь может задать вопросы каждому из участвующих в опросе лиц. Лица, между которыми проводится перекрестный опрос, могут, с разрешения следователя, задавать друг другу вопросы, о чем делается отметка в протоколе. Опрос производится по правилам получения объяснения, по одним и тем же обстоятельствам и с внесением сведений в один общий протокол.

Хотя протокол перекрестного объяснения весьма сложно считать способом собирания доказательств, однако информация, полученная в ходе его проведения, может благоприятно повлиять на быстрое и объективное установление обстоятельств совершенного общественно опасного деяния.

Следует иметь в виду, что опросы, в отличие от допросов, могут быть осуществлены в самых неожиданных ситуациях. Например, опросом, видимо, можно считать получение важной криминалистически значимой информации от фигурантов при вооруженном захвате членов банды или террористической группы, застигнутой непосредственно в момент подготовки к теракту. Здесь ключевую роль может сыграть фактор неожиданности.

При рассмотрении следующей группы в системе следственных действий, называемых блокирующими следственными действиями, отмечается, что наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ) нередко являются наиболее эффективными действиями при раскрытии преступлений в условиях противодействия выявлению и расследованию.

Эти действия производятся в целях: а) выявления всех фигурантов уголовного дела; б) установления мест, где скрываются преступники; в) выявление мест сокрытия, добытого преступным путем имущества, орудий преступления, содержания заложников и т.п.; г) выявления дополнительных доказательств и т.п.

К числу типичных экспериментальных следственных действий относятся предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте.

Эффективным средством раскрытия преступлений в условиях противодействия, упреждения негативных для расследования действий обвиняемого (подозреваемого) является применение мер пресечения. При этом индивидуальный подход к применению мер пресечения может стимулировать участника преступления к позитивной активности, направленной на содействие процессу раскрытия преступления.

Таким образом, эффективность применения меры пресечения в ходе раскрытия преступления значительно возрастает, если следователем учитываются тактические аспекты при их применении. Это позволяет оказывать положительное влияние как на поведение соучастников обвиняемого (подозреваемого), так и лиц, не являющихся субъектами расследуемого преступления, но в силу каких-либо причин вынужденных оказывать содействие преступнику в уклонении от ответственности. Например, арест высокопоставленного чиновника может развеять миф об его широких возможностях для уклонения от ответственности и способствовать получению от свидетелей более полных и достоверных показаний об обстоятельствах совершенного деяния.

Статистические данные свидетельствуют о существенной динамике определенных мер пресечения. Так, мера пресечения в виде заключения под стражу применялась: в 2017 г.– 113 269 раз, в 2019 г.– 94 632 раза, в 2022 г.– 87 687 раз *(Statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date of reference: 19.05.2023))*. Конечно, существенное снижение мер пресечения в виде заключения под стражу свидетельствует, прежде всего, о гуманизации нашего законодательства. Одновременно это можно объяснить тем, что применение данной меры или отказ от ее применения нередко связывается с решением следователем тактических задач в ходе раскрытия и расследования преступлений.

С криминалистических позиций задержание подозреваемого следует рассматривать в виде тактической комбинации, представляющей собой совокупность различных по правовому режиму актов правоохранительной деятельности: следственных и иных процессуальных действий, оперативно-разыскных, административно-правовых и организационно-технических мероприятий. Особое внимание должно быть уделено вопросам задержания подозреваемых на этапе захвата. Фактическое задержание и доставление задержанного, являясь не столько процессуальным, сколько оперативно-разыскными и административными мероприятиями, прекрасно вписываются в содержание тактической комбинации.

Хотя захват подозреваемого осуществляет не следователь, а работники полиции, но более желательным представляется личное участие следователя в захвате. Если это невозможно, следует

обратить внимание участников захвата на необходимость сохранения криминалистически значимых следов и предметов, тщательного осмотра места задержания с целью обнаружения типичных следов преступления или предметов, от которых может попытаться освободиться подозреваемый. Грамотное и умелое задержание является залогом предупреждения какого-либо противодействия раскрытию и расследованию, а в целом — успешного расследования по уголовному делу.

Все изложенное свидетельствует, что раскрытие преступлений требует максимальной концентрации сил и средств, комплексного и оперативного применения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств (п. 32 ст. 5 УПК РФ). Наряду со следственными действиями имеется необходимость одновременного принятия иных процессуальных решений, направленных на нейтрализацию противодействия раскрытию: о применении мер безопасности в отношении добросовестных участников уголовного процесса (их близких); об изоляции обвиняемого (подозреваемого), оказывающего деструктивное влияние на таких лиц; о стимулирования положительного поведения обвиняемого (подозреваемого) и иных лиц, склонных к противодействию; об обеспечении сохранности предметов и документов, имеющих криминалистическое значение и др.

Литература

1. *Ахмедшин Р. Л.* Поисковые следственные действия в системе следственных действий: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 160–165.

2. *Рахматуллин Р. Р.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика упреждения, выявления и преодоления: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 219 с.

3. *Волынский А. Ф.* Мифы и предубеждения в основе организации расследования преступлений по УПК России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 89–94.

4. *Григорович В. Л., Ходасевич А. В.* Проведение обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации / Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции (Могилев, 19 апреля 2024 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: А. В. Лубенков (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилевский институт МВД, 2024. С. 194–197.

5. *Закатов А. А., Цветков С. И.* Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами. М., 1998. 35 с.

6. *Рубежов Г. С., Баренбойм П. Д.* Психологические вопросы судопроизводства // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 92–93.

7. *Копылова О. П.* Проверка заявлений и сообщений о преступлении. Тамбов, 2010. 160 с.

8. *Zaitsev O. A., Dzhagaev U. F.* On the issue of testimony in criminal proceedings // Society and Law. 2013. № 2 (44). С. 134.

References

1. *Akhmedshin R. L.* Poiskovye sledstvennye deistviya v sisteme sledstvennykh deistvii: kriminalisticheskii aspect [Search investigative actions in the system of investigative actions: criminalistic aspect] // In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2015. № 399. S. 160–165. (In Russian)

2. *Rakhmatullin R. R.* Protivodeistvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii: teoriya i praktika uprezhdeniya, vyyavleniya i preodoleniya: monografiya [Counteraction to the detection and investigation of crimes: theory and practice of preempting, detecting and overcoming: monograph]. M.: Yurlitinform, 2018. 219 s. (In Russian)

3. *Volynskii A. F.* Mify i predubezhdeniya v osnove organizatsii rassledovaniya prestuplenii po UPK Rossii [Myths and prejudices in the basis of the organization of crime investigation under the CPC of Russia] // In *Vestn. ekon. Bezopasnosti [Vestn. ekon. security]*. 2016. № 5. S. 89–94. (In Russian)

4. *Grigorovich V. L., Khodasevich A. V.* Provedenie obyska pri rassledovanii khishchenii imushchestva putem modifikatsii komp'yuternoi informatsii [Conducting a search in the investigation of theft of property by modifying computer information] // In *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov KhII*

Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Mogilev, 19 aprelya 2024 goda) [Fighting crime: theory and practice: abstracts of reports of the XII International Scientific and Practical Conference (Mogilev, April 19, 2024)] / Ministerstvo vnutrennikh del Respubliki Belarus', uchrezhdenie obrazovaniya «Mogilevskii institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus'»; redkol.: A. V. Lubenkov (otv. red.) [i dr.]. Mogilev: Mogilevskii institut MVD, 2024. S. 194–197. (In Russian)

5. *Zakatov A. A., Tsvetkov S. I.* Taktika doprosa pri rassledovanii prestuplenii, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi gruppami. [Tactics of interrogation in the investigation of crimes committed by organized criminal groups]. M., 1998. 35 s. (In Russian)

6. *Rubezhov G. S., Barenboim P. D.* Psikhologicheskie voprosy sudoproizvodstva [Psychological issues of legal proceedings] // In *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 1986. T. 7. № 3. S. 92–93. (In Russian)

7. *Kopylova O. P.* Proverka zayavlenii i soobshchenii o prestuplenii [Verification of statements and reports on crime]. Tambov, 2010. 160 s. (In Russian)

8. *Zaitsev O. A., Dzhagaev U. F.* On the issue of testimony in criminal proceedings [On the issue of testimony in criminal proceedings] // In *Society and Law*. 2013. № 2 (44). S. 134.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О «НОВОЙ УСТНОСТИ» ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Верхолетова Елена Юрьевна

Цель: *рассмотреть целесообразность использования термина «новая устность» при исследовании, в том числе экспертном, наиболее значимых аспектов речевой коммуникации в сети Интернет. Обсуждается наблюдаемое в последнее время смещение в сторону все большей «разговорности» публичной сферы и СМИ, размытости границ между стилями и все меньшей определенности дефиниций, что обусловлено не только чрезвычайной сложностью и неоднородностью самого феномена речи, но и обратным влиянием технологий на обыденный язык. При этом и в поле «обычной» разговорной речи, как будто не связанной с цифровыми технологиями, и в сфере ее научного описания также происходит смещение в сторону все большего разнообразия и все меньшей ясности терминов. То есть «коллоквиализация» всех видов современной русской речи становится проблемой, осложняемой к тому же стремительным развитием технологий.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, системный метод, структурно-динамический подход.*

Выводы. *При всей своей привлекательности термин «новая устность» по целому ряду причин оказывается не вполне адекватным для обозначения границ крайне неоднородного явления, описываемого этим термином.*

Научная и практическая значимость. *Устная речь представляет собой объект, постоянно изучаемый, но так до конца и не изученный в силу своей объективной сложности и неоднородности. Чрезвычайно важным представляется подход к речи именно как к процессу становления, то есть к хаотической диссипативной структуре, что приближает нас к реальному живому опыту, но в то же время затрудняет любую регламентацию речи, в том числе научную, правовую или лексикографическую. Для экспертной практики важно учитывать объективные и релевантные характеристики речи.*

Ключевые слова: *новая устность, устная речь, коллоквиализация, спонтанность, необратимость, становление, память, письменность, интонация, пунктуация.*

Стремительное и глобальное распространение цифровых средств фиксации речевой информации, равно как и причины собственно экспертного характера, например сложности, которые возникают при производстве автороведческих и фоноскопических экспертиз, затруднения, связанные с отнесением того или иного текста к письменной или устной речи, проблемы диагностики спонтанности/подготовленности речи при проведении фоноскопической экспертизы. Все это заставляет заново ставить вопросы о природе такого феномена, как устная речь, поскольку в выявлении природы объекта и состоит сущность диагностических задач [1, с. 130].

Устная речь в качестве объекта исследования всегда составляла проблему в силу сложной, неопределенной, даже хаотической природы — именно это когда-то послужило для Ф. де Соссюра поводом вовсе исключить речь из научного рассмотрения [2].

Попадая в поле зрения исследователей, на протяжении практически целого столетия устная разговорная речь как будто «переоткрывалась» заново в зависимости от конкретных задач и с учетом имеющегося опыта. Статус ее при этом оставался не вполне определенным: она могла входить в дихотомию «язык — речь» («литературный язык — разговорная речь» или «система — функционирование»); могла называться «особой» системой с «особыми» функциями: разговорный стиль, противопоставленный книжным стилям литературного языка, — сама антиномичность речи оставалась неизменной.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-203-209

Так, в исследованиях конца XX в. разговорная речь (*далее — РР*) противопоставлялась, с одной стороны, кодифицированному литературному языку *(далее — КЛЯ)*, поскольку ««говорить на КЛЯ нельзя» [3, с. 42], с другой стороны — просторечию: «разговорная речь входит в литературный язык, просторечие стоит за пределами литературного языка» [4, с. 69], хотя в точности определить, кто является носителем литературной РР, а кто — носителем просторечия, то есть провести границу между разговорной речью и просторечием, — не получается до сих пор.

К концу века был заявлен приоритет функциональности, что привело скорее к большему разнообразию и разделению направлений, чем к изменению прежних тенденций. В новом веке началось новое «переоткрытие» устной речи.

Разговорная речь vs повседневная речь. Функциональный подход и пристальное внимание к звучащей речи, характерные для Петербургской лингвистической школы, послужили основой для создания звуковых корпусов повседневной русской речи, а затем привели «к мысли о создании такой разновидности дескриптивного словарного направления, как *речевая лексикография* (выделено автором. — *Е.В.*)» [5, с. 5], что и было успешно реализовано в словаре «прагматических маркеров» («дискурсивных единиц», «автоматизмов» и т.д. — существуют варианты их обозначения): *в общем, в смысле, в принципе, всякое такое, и все дела, пятое-десятое*, *так сказать* и т.п.

Отметим, что термин «повседневная речь» трактуется авторами словаря в объеме и функциях, выходящими за пределы привычной «разговорной речи». «Очевидно, что в течение дня мы постоянно “переключаем регистры”, переходя с официальной речи на неофициальную, с бытовой-разговорной на публичную или научную и т.д. Повседневная речь, таким образом, функционально столь же разнообразна, как и сам язык. И не только разнообразна, но и не поддается строгой функциональной дифференциации. ... повседневная речь — это *дискурс* в самом широком смысле слова, поскольку вбирает в себя характеристики не только говорящего и его собеседника (как социальные, так и психологические), но и всей коммуникативной ситуации в целом» [5, с. 12].

Об общем движении «разговорности» в публичную сферу, в СМИ говорит и Л. П. Крысин: «Лингвисты пишут о невиданной прежде и не характерной для предшествующих этапов развития русского языка **коллоквиализации** (здесь и далее в цитатах выделение автора. — *Е.В.*) публичных сфер общения (то есть насыщения их разговорными элементами). ...можно говорить об определенной **разношёрстности** лексики, которая используется в спонтанной устной речи горожан» [6, с. 41–42].

Таким образом, в поле «обычной» разговорной речи, как будто не связанной с цифровыми технологиями, и ее научного описания происходит смещение в сторону все большего разнообразия, размытости границ между стилями и все меньшей определенности дефиниций. Можно предположить, что это обусловлено не только чрезвычайной сложностью и неоднородностью самого феномена речи, но и обратным влиянием тех самых технологий на обыденный язык: невозможно жить в эпоху технологий и быть полностью от них свободным.

Устная речь vs «новая устность». Некоторое время назад новое «переоткрытие» разговорной речи началось и в сетевом формате, что, собственно, и послужило появлению в научном обиходе термина «новая устность». Ср. «Лингвисты отмечают новую форму общения в интернете как устно-письменную коммуникацию, ***коллоквиализацию*** (выделено мной. — *Е.В.*) письменной речи. Но в интернет-пространстве функционирует не просто устно-письменный тип общения, а формируется новый (медийный) вариант языка, реализующий “новую устность” интернет-эпохи» [7, с. 185].

Подобные довольно смелые заявления — о формировании «нового варианта языка», «о неизбежной трансформации русского литературного языка, его исторически сложившихся норм, поскольку язык должен будет обеспечивать коммуникацию цифрового общества» [7, с. 189], будучи при этом подкреплены примерами, — возможно, и казались бы убедительными, если бы не опирались на весьма спорные основания. Во-первых, в приведенной публикации утверждается, что «категория разговорности призвана наиболее точно воспроизвести в письменной речи имитацию речи устной (здесь и далее подчеркнуто мной. — *Е.В.*), что отвечает базовой установке интернет-коммуникации на интерактивный диалог. Категория разговорности не только придает интернет-коммуникации устно-письменный характер, но и реализует важнейшую функцию языка — креативную, поскольку пользователи интернета прибегают к различным не-узуальным способам передачи устности на письме» [7, с. 186].

Едва ли можно согласиться с тем, что речь интернета — имитация устной речи ради установки на диалог и реализации важнейшей — креативной — функции языка. Здесь, возможно, мы имеем дело с описанным П. Бурдье явлением, когда «логичные вещи» принимаются за «логику вещей» [8, с. 95],

что дополнительно подтверждается и следующей фразой: «Ориентация на “новую устность” стимулировала развитие мультимедиальных знаков и способствовала созданию и развитию приемов имитации на письме устной речи» [7, с. 188]. Получается, что все участники коммуникации сознательно и намеренно «ориентируются на новую устность» и тем самым ее создают. Думается, ориентируются участники коммуникации прежде всего на то, чтобы быть услышанными и понятыми, а появляющиеся при этом формы могут быть и не новыми, и не вполне устными.

Вторым — теоретическим, но также небесспорным — основанием концепции «новой», или «второй», устности, равно как и источником самого термина «устность» является книга американца У. Онга, написанная им еще в 1982 г.

«Вторичная устность» (“secondary orality”), или «новая устность», согласно Онгу, — устность современной интернет-эпохи (здесь и далее подчеркнуто мной. — *Е.В.*), с ее революционными цифровыми технологиями. «Вторичная устность» репрезентирует новый этап развития общества, когда человек в новой технологической среде возвращает некоторые черты, присущие дописьменной культуре» [7, с. 187]. Сам У. Онг действительно писал об электронном веке как веке «вторичной устности», но имел в виду «устность» телефонов, радио и телевидения, которые обязаны своим существованием письму и печати (*The electronic age is also an age of ‘secondary orality’, the orality of telephones, radio, and television, which depends on writing and print for its existence)*» [9, с. 2].

Полагаем, что в данном пункте можно согласиться лишь с констатацией изменений в том числе в устной речи, вызванных эпохой радио и телевидения, которую сегодня можно счесть промежуточным этапом между собственно книжно-письменной культурой и современной цифровой эпохой, то есть, следуя логике, нынешняя «новизна» должна быть не второй, а как минимум третьей. Кроме того, данная концепция предлагает принять на веру характеристики некоторого «дописьменного» состояния общества, к которому мы якобы частично в результате «цифровой революции» возвращаемся, и обозначить это частичное возвращение как «новую устность», в других источниках — как «вторую» или «вторичную устность» [10].

Память vs письменность. Отметим, что отечественные ученые Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, исходившие из культурно-исторической концепции развития психики и из социальной природы человека, исследовали память, мышление и речь так называемого «примитивного» человека, то есть феномен так называемой «первичной устности», со всей глубиной и основательностью.

Так, развитие и совершенствование памяти, как говорится в «Этюдах» [11], с возникновением письма больше не самостоятельный процесс, а зависимый и подчиненный, определяемый изменениями, идущими извне — из социальной среды, окружающей человека; эта память развивается уже односторонне. Память «*...приспосабливается к тому виду письма* (выделено мной. — *Е.В.*), который господствует в данном обществе, и, следовательно, во многих других отношениях она не развивается вовсе, а деградирует, инволюционирует, то есть свертывается или претерпевает обратное развитие. Так, например, выдающаяся натуральная память примитивного человека в процессе культурного развития сходит все более и более на нет, ... всякая эволюция есть в такой же мере инволюция, т.е. всякий процесс развития заключает в себе, как свою составную часть, и обратные процессы свертывания, отмирания старых форм» [11, с. 92].

Обратим внимание на термины, согласующиеся в целом с концепцией культурно-исторического развития психики: *естественное развитие памяти*, *натуральная память* свойственны именно «примитивному» человеку; под *культурным развитием* подразумевается освоение письма. Дальнейшая эволюция оказывается связана с письмом как средством «овладеть памятью». «Нельзя представить историю более замечательную и более характерную для психологии человека, чем историю развития письма, историю, показывающую, как человек стремится овладеть своей памятью. Таким образом, решительный шаг в переходе от естественного развития памяти к культурному заключается в перевале, который отделяет мнему от мнемотехники, пользование памятью — от господствования над ней, биологическую форму ее развития — от исторической, внутреннюю — от внешней» [11, с. 93]. В целях нашего рассмотрения можно констатировать, что память человека бесписьменного общества, описываемая как фантастическая или выдающаяся, никогда уже не восстановится, то есть в данном пункте мы в целом можем согласиться с тем, что данное весьма ценное качество «первичной устности» нам недоступно.

Устная речь vs письменность. Если в отечественной традиции предполагалось, что устная речь первична по отношению к письму, то у европейских авторов в данном вопросе существовал некоторый разброс мнений. Французский лингвист К. Ажеж даже вводит специальные обозначения: «скриптофилы» — для отстаивающих первенство письма, и «вербофилы» — для приверженцев уст-

ной речи как первичной. Так, по мнению скриптофилов, «до Потопа должны были существовать естественные письмена, те самые, которые Адам разгадывал на бегающих и летающих тварях, ... чтобы дать им имя». А вербофилы «...ополчаются против опасной амнезии книжного происхождения, виновником которой считают распространение в странах Запада печатного слова» [12, с. 68].

Последнее можно считать вполне справедливым. Доказано, что изобретение книгопечатания сыграло решающую роль в очень многих последовавших за ним процессах. «Культурные народы» стали воспринимать бесписьменные — примитивами и дикарями, а их язык — чем-то текучим и бесформенным. «Это предвзятое мнение лишь подкреплялось наивными рассказами миссионеров, лишенных лингвистических познаний и не способных постичь изысканную сложность и историческую непрерывность многочисленных устных языков. Подобные воззрения в разных видах господствовали на Западе, начиная по крайней мере с эпохи Возрождения» [12, с. 68].

Иное находим в «Этюдах»: «... нас поражает с первого взгляда то, что примитивный человек отличается от культурного не только тем, что его язык оказывается беднее средствами, грубее и менее развитым, чем язык культурного человека, — все это, конечно, так, но одновременно с этим язык примитивного человека поражает нас именно огромным богатством словаря. Вся трудность понимания и изучения этих языков заключается в том, что они неизмеримо превосходят языки культурных народов по степени богатства, обилия и роскоши различных обозначений, отсутствующих в нашем языке вовсе» [11, с. 95].

В свою очередь письменный текст по сравнению с устной речью многими авторами описывается как «неестественный», «искусственный». Так, У. Онг называет письмо технологией [9], Л. С. Выготский сравнивает письмо по отношению к речи в процессе освоения письма ребенком с алгеброй по отношению к арифметике [13, с. 221]. Именно в силу своей искусственности письмо и не могло появиться у всех народов, оно возникало только в некоторых обществах и, по всей видимости, лишь там и тогда, где и когда это было обусловлено высокой степенью сложности социальных связей и наличием иерархической структуры.

Отсюда следует, что письмо невозможно считать результатом естественной эволюции человека, оно результат культурной эволюции, но в какой степени мы можем рассматривать его как определяющее свойство современного человека — вопрос пока открыт.

Спонтанность vs подготовленность. Уточним, что наряду с термином «новая устность» для описания той же интернет-коммуникации используются также термины *«спонтанная письменная речь», «текстинг», «письменная разговорная речь», «новая промежуточная форма языка», «устно-письменная форма речи», «непринужденная письменная речь»* [14].

Наиболее подходящими можно считать термины *«спонтанная письменная речь»* и *«письменная разговорная речь»* (практически оксюморон), поскольку они так или иначе связаны с понятием «становление». Идея становления — «языка в речи» у Бахтина М. М. [15] и «мысли в слове» у Выготского Л. С. [13] — является именно потому общей для столь разных ученых, что составляет самую суть процесса речи, пусть и трудноуловимую. Речь становится в непрерывном социальном взаимодействии, с одновременным включением разнотипных обратных связей как внутреннего порядка (память–ассоциации–мысли), так и внешнего порядка (ситуация–собеседники–обстановка), и все пребывает в динамическом (хаотическом) состоянии, все изменяется и развивается. Уже самое понятие непрерывного становления исключает, на наш взгляд, категоричное понятие новизны — речь всегда обновляется, что-то в ней воспроизводится постоянно, что-то исчезает, едва появившись.

Общим для говорящего и слушающего является ориентация в данном социальном контексте и в данной социальной ситуации, но и сама ориентация развивается вместе с ситуацией. Социальная ориентация становится вместе с речью и является составляющей любого высказывания. В интернет-коммуникации имеются как «регистры» полностью спонтанные (быстрый обмен репликами), так и более-менее подготовленные (посты, поздравления, видео, комментарии к важным событиям). И все же полной спонтанности, свойственной устной повседневной речи, здесь не наблюдается. Можно сравнить спонтанность с естественностью (как в живой устной речи), а подготовленность — с деланностью, искусственностью (как на письме). Тогда можно предположить, что, например, простые сленгизмы *кринж, пруф, дроп, жиза, тильт, роффл, окак, сигма, промт, рилс* и т.п. — попадут в спонтанный «регистр», а чуть более сложные — *кибербуллинг, дед инсайд, вумен момент*, *ред флаг, подкрадули (примеры взяты из составленного студентами словаря актуального студенческого интернет-жаргона; подобные примеры типичны для работ по «новой устности»)* — в «квазиспонтан-

ный» или подготовленный «регистр», впрочем, так же, как в устной речи, все и всегда зависит от целого комплекса неосознаваемых самим говорящим-пишущим факторов. Предварительно можно заключить, что данный вид коммуникации не является ни устным, ни письменным, ни спонтанным, ни подготовленным. «Устность» не является и в данном случае безусловной.

Обратимость vs необратимость. Одной из главных характеристик устной речи (не только спонтанной) является необратимость. Если текст существует и может быть прочитан в любое время и в любом порядке, то произнесение речи моментально, однократно, и самый звук тут же после произнесения диссипирует (рассеивается).

Для преодоления необратимости в собственно устной речи используются повторы всех видов и форм, именно повтор мы рассматривали в качестве единицы структурной самоорганизации спонтанной речи [16]. В интернет-коммуникации средствами связи могут быть, разумеется, и повторы, но иные по форме и функциям: это может быть возвращение какой-то ранее написанной реплики, чтобы отреагировать на нее, это может быть переспрос и вообще любые формы *рекуррентного* взаимодействия. Текст формально письменный может считаться в силу скорости и объемов переписки до некоторой степени необратимым (как устная речь), но преодолевается эта необратимость другими способами. То есть можно констатировать, что и здесь «устность» лишь условная: тексты в Сети и обратимы, и необратимы.

Интонация vs пунктуация. Добавим сюда едва ли не главную черту, присущую «новой устности»: заимствованные из письменной речи и усовершенствованные за счет иных систем знаки пунктуации, призванные компенсировать отсутствие интонации. «В письме ... знаки пунктуации как раз и маркируют, весьма несовершенным и неопределенным образом, модуляции голоса, паузы, интонационные контуры. Ни одна современная письменность не позволяет точно копировать интонацию; точки и запятые, знаки вопроса и восклицания и т.д. — все это лишь слабый отблеск звучащей речи ...» [12, с. 89]. Мы можем констатировать наличие связи между пунктуацией и интонацией, которую еще только предстоит использовать и исследовать в полной мере, но и здесь речь идет скорее о разговорности письменной речи, чем об устности как таковой.

Обобщая сказанное, можно заключить следующее: 1. Речь современного человека — как в естественном виде, так и в цифровом — это сложная многофункциональная система, которая приводится в действие множеством внутренних и внешних импульсов, и существует (функционирует) подобно непрерывному переключению регистров. 2. Нынешняя эпоха с невиданными ранее масштабами и скоростью изменений всей социальной «ткани» заставляет по-новому отнестись и к идее становления речи. Поскольку «действительность языка и есть его становление» [15, с. 350], то увеличение скорости коммуникации усиливает и хаотизацию, и диссипацию в процессе становления речи, ускоряет все виды изменений, протекавших прежде в совершенно ином темпе. И если прежде речь шла в основном о становлении в конкретный момент у конкретного говорящего некоторого речевого продукта, то сегодня это также и непрерывное становление новых речевых жанров и даже новых языков (ср. языки *блогеров, геймеров, тиктокеров, инфлюэнсеров* и т.п.), становление общего нового — «сетевого» — языка, и скорость этого становления составляет проблему, с одной стороны, для традиционных словарей или корпусов, но, с другой — также и для нейросетей, которые едва ли смогут угнаться за естественным хаосом речи с ее повторами и автоматизмами. То есть признаки хаотичности, сбоев, повторов, неопределенности могут служить надежными показателями естественности речи в противовес текстам, сгенерированным нейросетью. 3. Термин «новая устность» является в значительной степени условным и будет, вероятно, заменен более подходящим: во-первых, понятие «новизны» вступает в некоторое противоречие с непрерывным процессом становления, а во-вторых, едва ли возможно с его помощью обозначить даже не границы — контуры действительно нового явления, масштабы которого, равно как и масштабы тотальных перемен, породивших его — неисчерпаемы и неизмеримы.

Литература

1. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 368 с.
2. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: УРСС, 2003. 400 с.

4. *Земская Е. А. Китайгородская М. В.*, *Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис // Ин-т русского языка АН СССР; отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1981. 276 с.

5. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

6. *Крысин Л. П.* Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 41–43.

7. *Клушина Н. И.* Русская разговорная речь в Интернете: от категории разговорности к «новой устности» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 3. С. 185–192.

8. *Бурдье П.* Практический смысл / пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

9. *Walter J. Ong.* Orality and literacy. The Technologizing of the Word. Toylor& Francis Group. London and New York, 1982. 214 p.

10. *Коломиец Я. Ю.* Концепция «второй устности» У. Онга и ретрайбализация общества посредством социальных сетей в XXI веке // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 418–429.

11. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.

12. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.

13. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

14. *Занадворова А. В.* О терминах «письменная разговорная речь» и «непринужденная письменная речь» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 3. С. 86–96.

15. *Бахтин М. М.* Марксизм и философия языка // Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 298–456.

16. *Верхолетова Е. Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис... канд. филол. наук. 10.02.19. Пермь, 2010. 19 с.

References

1. Teoriya sudebnoy ekspertizy (Sudebnaya ekspertologiya): uchebnik / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; pod red. E. R. Rossinskoy [Theory of forensic examination (Forensic expertology)]: 2-ye izd., pererab. i dop. M.: Norma: Infra-M, 2016. 368 p. (In Russian)

2. *Sossyur F.* Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. M.: Yeditorial URSS, 2004. 256 p. (In Russian)

3. *Lapteva O. A.* Russkiy razgovornyy sintaksis [Russian colloquial syntax]. M.: URSS, 2003. 400 p. (In Russian)

4. *Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N.* Russkaya razgovornaya rech': Obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis [Russian colloquial speech: General issues. Word formation. Syntax] / In-t russkogo yazyka AN SSSR; otv. red. E. A. Zemskaya. M.: Nauka, 1981. 276 p. (In Russian)

5. Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya [Pragmatic markers of Russian everyday speech] / sost., otv. red. i avtor *predisloviya N. V.* Bogdanova-Beglaryan. SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 520 p. (In Russian)

6. *Krysin L. P.* Povsednevnaya rech' kak ob''yekt leksikografii [Everyday speech as an object of lexicography] (Trinadtsatyye Shmelevskiye chteniya): tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (23–25 fevralya 2020 g.) / otv. red. L. P. Krysin. M.: In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2020. pp. 41–43. (In Russian)

7. *Klushina N. I.* Russkaya razgovornaya rech' v Internete: ot kategorii razgovornosti k «novoy ustnosti» [Russian colloquial speech on the Internet: from the category of colloquialism to the "new orality"] // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, no 3, 2024. pp. 185–192. (In Russian)

8. *Burd'e P.* Praktičeskij smysl [Practical sense] / per. s franc. SPb.: Aletejâ, 2001. 562 p. (In Russian)

9. *Walter J. Ong.* Orality and literacy. The Technologizing of the Word. Toylor& Francis Group. London and New York, 1982. 214 p. (In English)

10. *Kolomiyets Ya. Yu.* Kontseptsiya «vtoroy ustnosti» U. Onga i retraybalizatsiya obshchestva posredstvom sotsial'nykh setey v XXI veke [The concept of "second orality" by W. Ong and the retribalization of society

through social networks in the 21st century] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. no 3. pp. 418–429. (In Russian)

11. *Vygotskiy L. S., Luriya A. R.* Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Studies in the History of Behavior: Monkey. Primitive. Child]. M.: Pedagogika-Press, 1993. 224 p. (In Russian)

12. *Azhezh K.* Chelovek govoryashchiy: Vklad lingvistiki v gumanitarnyye nauki [The Speaking Man: The Contribution of Linguistics to the Humanities]. M.: Editorial URSS, 2006. 304 p. (In Russian)

13. *Vygotskiy L. S.* Myshleniye i rech [Thinking and speech]. M.: Labirint, 1999. 352 p. (In Russian)

14. *Zanadvorova A. V.* O terminakh «pis'mennaya razgovornaya rech'» i «neprinuzhdennaya pis'mennaya rech'» [On the terms "written colloquial speech" and "casual written speech"] // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2024, no 3, pp. 86–96. (In Russian)

15. *Bakhtin M. M.* Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and philosophy of language] // Tetralogiya. M.: Labirint, 1998. pp. 298–456. (In Russian)

16. *Verkholetova E. Yu.* Strukturno-dinamicheskiy podkhod k sotsial'noy stratifikatsii ustnoy rechi [Structural-dynamic approach to social stratification of oral speech]: avtoref. dis... kand. filol. nauk.10.02.19. Perm', 2010. 19 p. (In Russian)

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕРТОВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Дьяконова Оксана Геннадьевна

Цель: *на основе определения областей специальных знаний сформулировать основные подходы к подготовке экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.*

Методология: *вопрос о формировании компетентности эксперта в области антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов рассматривается на основании применения диалектического подхода, методов формальной логики, а также сравнительно-правового и формально-юридических методов исследования. Исследуются позиции ученых о формах и программах подготовки экспертов, об областях специальных знаний, которые должны составить базу для формирования компетентности.*

Выводы. *Автор предлагает дифференцировать профессиональную подготовку по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» при наличии определенных критериев: высшего образования, стажа работы и первичной подготовки. Предлагается тематический план обязательной дисциплины «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» для обучающихся, получающих высшее образование по некоторым юридическим специальностям. В содержание указанной дисциплины следует включить компоненты, определяющие помимо сущности, понятия, задач, целей и организационно-правовых аспекты антикоррупционной экспертизы, также методическое обеспечение и стадии выполнения антикоррупционной экспертизы, особенности применения общенаучных и частнонаучных методов при проведении антикоррупционной экспертизы, особенности составления заключения антикоррупционной экспертизы и другие аспекты. Делается вывод о важности обеспечения комплексного подхода к подготовке эксперта антикоррупционной экспертизы исходя из необходимости формирования специфического экспертного мышления, основанного на специальных знаниях в области юриспруденции, юридической лингвистики, а также той области специальных знаний, правоотношения в которой регулируются или будут регулироваться исследуемым актом.*

Научная и практическая значимость. *Сформулированные выводы и предложения могут способствовать выработке единого подхода к подготовке экспертов антикоррупционной экспертизы, установлению четких нормативных требований к их компетенции и повышению профессионализма за счет разработки практикоориентированной программы обучения.*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза, эксперт, компетентность, подготовка эксперта, образование.*

Введение. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее — АКЭ) представляет собой исследование нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта, проводимое по методике или с применением соответствующих методов сведущим лицом (экспертом), обладающим специальными знаниями, в целях

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-210-223

обнаружения в нем коррупциогенных факторов и принятия мер к их устранению, результаты которого оформляются в виде заключения и учитываются в правотворческой деятельности соответствующего органа.

Одним из важнейших требований в отношении эксперта АКЭ выступает компетентность. С позиции судебной экспертологии компетенция эксперта представляет собой объем знаний, навыков, которыми эксперт должен владеть и степень, в которой он ими владеет. Компетентность эксперта — это субъективная характеристика, отражающая объем знаний, практических навыков, умений, опыта, личных качеств конкретного сведущего лица, полученных им в процессе подготовки, обучения, повышения квалификации, в одной или нескольких областях специальных знаний и применяемых им при осуществлении профессиональной деятельности.

Вопрос о формировании компетентности эксперта АКЭ в настоящее время имеет особое значение, поскольку от качества осуществляемых экспертиз зависит качество нормативного правового акта. Предлагается рассматривать вопрос компетентности эксперта АКЭ с позиций экспертологического подхода, выработанного в рамках науки судебная экспертология.

1. Позиции ученых о компетентности эксперта

Ученые сходятся во мнении, что требования к компетентности судебного эксперта в рамках одного и того же вида или рода судебной экспертизы должны быть едиными для любых экспертов, независимо от места работы. Такая позиция справедлива и нацелена в будущем в том числе на упрощение проверки и оценки компетентности судебного эксперта. Поскольку определение единых требований к специальным знаниям, навыкам и умениям эксперта позволит ввести документы единого образца, выдаваемые аккредитованными на дачу образования организациями. Следовательно, если эксперт прошел соответствующее обучение, переподготовку, контроль знаний, а в последующем повышение квалификации, получил подтверждающий документ, очевидно, что он является компетентным.

Однако такая идеальная ситуация пока недостижима ни в судебной экспертизе, ни, тем более, в находящейся на этапе становления антикоррупционной. В подготовке судебных экспертов нередко участвуют получившие лицензию организации, имеющие слабое представление не только о судебной экспертологии, методологии видов/родов судебных экспертиз, правовом статусе и компетентности эксперта, в целом судебно-экспертной деятельности, считая ее разновидностью предпринимательства, собственно, такое же отношение у них и к образовательной деятельности. Отсутствуют четкие требования к образовательным программам подготовки, переподготовки, повышения квалификации, которые очень часто проводятся формально, без надлежащего представления обучающего материала и сдачи итогового экзамена. В то же время функционируют организации, которые в действительности обеспечивают предоставление качественного судебно-экспертного образования. Это вузы, осуществляющие подготовку по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», медицинские вузы, подготавливающие специалистов в области психиатрических и медицинских экспертиз. Вузы, которые готовят специалистов по различным направлениям подготовки и специальностям, очевидно, дают качественное образование в соответствующей сфере, но это не образование в области судебной экспертизы. После получения такого базового образования необходима переподготовка по экспертной специальности. И снова встает проблема, кто осуществляет переподготовку. Это и различные образовательные организации, и судебно-экспертные организации, получившие соответствующее разрешение, и те, о которых речь шла выше.

В области подготовки экспертов антикоррупционной экспертизы все еще более проблематично. Во-первых, разработанные программы подготовки и повышения квалификации, реализуемые некоторыми вузами, не получили широкого распространения по разным причинам. В то же время Интернет пестрит предложениями пройти «обучение» и получить сертификат по программе «Антикоррупционная экспертиза». Форма обучения и стоимость варьируются, и далеко не везде зависят от количества затрачиваемых на обучение часов. Во-вторых, поскольку на уровне государства отсутствуют требования к направлению образования эксперта антикоррупционной экспертизы, то отсутствует и утвержденная образовательная программа.

В целях надлежащего проведения антикоррупционной экспертизы, подготовки и принятия качественных нормативных правовых актов, совершенствования действующих актов, требуется изменение ситуации, но процесс этот совсем не быстрый. Тем не менее авторами высказываются идеи о направлениях подготовки судебных экспертов. Так, Н. П. Алешкова предлагает «с целью поддержания компетентности экспертов в актуальном состоянии необходимо регулярное про-

ведение для них профессиональных тренингов, проблемных семинаров, а также повышение их квалификации в специализированных учебных заведениях» [1]. Такое предложение не лишено смысла, однако оно не способно коренным образом исправить ситуацию по подготовке экспертов антикоррупционной экспертизы. Поскольку тренинги, семинары, мастер-классы будут полезны для тех, кто уже является экспертом антикоррупционной экспертизы, имеет специальные знания и хочет их совершенствовать.

Т. Я. Хабриева полагает возможным использовать существующие базовые учебные программы в рамках курсов повышения квалификации государственных служащих: «Учебная программа может быть адаптирована с учетом профессиональных интересов различных групп и категорий государственных служащих. Учебная программа может стать обязательным элементом государственного стандарта высшего образования по ряду специальностей, в частности: “Государственное и муниципальное управление” (061000), “Менеджмент” (521500), “Управление персоналом” (062100), “Налоги и налогообложение” (351200), “Юриспруденция” (521400), “Таможенное дело” (350900) (коды специальностей приводятся здесь по состоянию на 2009 г.) и др. Изучение правовых основ противодействия коррупции в отношении указанных специальностей возможно в рамках дисциплин и курсов по выбору студентов, устанавливаемых каждым вузом самостоятельно. Но больший эффект возможен в случае изучения данной проблематики в качестве одной из тем федерального компонента образовательной программы» [2]. Можно поддержать эту позицию, поскольку процесс запуска новой образовательной программы достаточно сложен, а готовить экспертов антикоррупционной экспертизы следует уже сейчас. Поэтому требуется адаптировать существующие образовательные программы под нужды подготовки таких экспертов.

И. С. Романова считает, что «предварять процедуру аккредитации может специальное обучение лиц и получение соответствующего сертификата. ...это должны делать вузы, реализующие программы повышения квалификации. Уже разработаны соответствующие учебные программы, научно-практические пособия. Реализацию на практике затрудняют организационные моменты, в частности, кто будет финансировать обучение независимых экспертов. Представляется разумным, если данную обязанность возьмет на себя государство» [3]. Данное мнение заслуживает поддержки, но следует разобраться, идет ли речь о подготовке эксперта антикоррупционной экспертизы «с нуля», либо это программа профессиональной переподготовки, либо повышения квалификации. Если речь идет о повышении квалификации, то очевидно, что повышать следует уже приобретенную квалификацию. А значит, требуется подготовить экспертов антикоррупционной экспертизы в рамках образовательных программ высшего образования либо программ профессиональной переподготовки.

Р. О. Долотов предлагает ввести «квалификационный экзамен на знание методики и порядка проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, требований, предъявляемых к форме заключения независимой антикоррупционной экспертизы, а также в целях проверки навыков по обнаружению коррупциогенных факторов в тексте нормативных правовых актов. Организацию подобного экзамена предлагается возложить на территориальные управления Минюста России» [4]. Без сомнения, обучение экспертов антикоррупционной экспертизы должно завершаться контролем знаний. Однако, как и обучением, контролем знаний должны заниматься вузы, а не органы Минюста России. В противном случае, предполагается, что в территориальных управлениях Минюста России должны работать ведущие специалисты в области антикоррупционной экспертизы, прошедшие обучение в области антикоррупционной экспертизы, а также имеющие право осуществлять подготовку и контроль знаний у будущих экспертов.

Похожее мнение высказывает также В. Ю. Туранин, предлагая «разработать организационно-правовой механизм повышения квалификации независимых антикоррупционных экспертов... курсы повышения квалификации независимых антикоррупционных экспертов должны организовываться территориальными органами Министерства юстиции России и проводиться не реже одного раза за период аккредитации» [5].

Курсы повышения квалификации для экспертов антикоррупционной экспертизы, по мнению В. Ю. Туранина, должны быть бесплатными, «к их проведению должны привлекаться как практические работники, так и представители юридической науки:

— сотрудники Главных управлений Министерства юстиции России в регионах, занимающиеся экспертной деятельностью;

— наиболее опытные аккредитованные независимые антикоррупционные эксперты (в том числе, из других регионов);

— представители научного юридического сообщества (обладающие ученой степенью), в круг интересов которых входят данные (или близкие по сущности) проблемы» [5]. Следует поддержать предложение В. Ю. Туранина о необходимости регулярного, раз в пять лет, прохождения повышения квалификации для эксперта антикоррупционной экспертизы. Но можно дискутировать о том, кто должен осуществлять такое повышение квалификации. Поскольку предполагается, что этим должны заниматься специалисты, получившие образование и прошедшие специальную подготовку в области антикоррупционной экспертизы.

Другие авторы считают, что «наиболее удобной формой отбора кандидатов может выступать аттестация, включающая ряд специальных тестов, среди которых экспериментальная экспертиза нормативного акта (части нормативного акта), насчитывающего 25–30 статей (в течение определенного времени), а также собеседование с соискателем по ряду теоретических вопросов (среди которых понятие и сущность коррупции, ее основные проявления и типы, причины коррупции, негативные последствия коррупции, противодействие коррупции, основные запреты и ограничения, предъявляемые к государственным и муниципальным служащим, определение коррупциогенности нормативного правового акта) и т.д.» [6]. Эксперт антикоррупционной экспертизы должен уметь проводить исследование, применяя специальные юридические знания, а также знания в области юридической лингвистики, знать методологию антикоррупционной экспертизы. Проведение такой аттестации целесообразно только образовательными организациями с выдачей соответствующего подтверждающего документа, например диплома о прохождении программы переподготовки, либо диплома о высшем юридическом образовании, в приложении к которому указаны дисциплины, подтверждающие изучение методологии антикоррупционной экспертизы.

Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина полагают, что «не каждый человек может быть экспертом АКЭ. ...Необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях, то есть воспользоваться подходами, разработанными в общей теории экспертизы, владеть технологиями экспертного исследования, обладать специфической экспертной подготовкой. ...Для разрешения вопросов экспертизы необходимо применять целый ряд частнонаучных методов... При наличии у эксперта только филологического образования представить себе успешное проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов без наличия системных знаний в области юриспруденции нельзя. Иными словами, антикоррупционная экспертиза должна проводиться экспертами, компетентными в области юриспруденции правовой лингвистики и отраслях знаний, соответствующих предмету правового регулирования нормативного правового акта, а также смежных областях» [7].

Указанные авторы полагают, что «формирование компетенции эксперта антикоррупционной экспертизы вполне возможно в рамках подготовки по экспертной специализации “речеведческие экспертизы”, предусмотренной ФГОС по специальности 40.05.03. Кроме того, возможна подготовка и в рамках магистратуры, как ранее в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) осуществлялась подготовка специалистов в области правовой лингвистики, а также в будущем в рамках специализированной магистерской программы» (Россинская, 2014, 89).

Действительно, очевидна необходимость формирования у экспертов антикоррупционной экспертизы специфического экспертного мышления. Одно из основных отличий эксперта от иных специалистов — знания и умение применять экспертную методику, экспертные технологии. И еще более очевидно, что эксперты антикоррупционной экспертизы должны иметь знания и навыки по исследованию столь специфического объекта, как нормативный правовой акт (проект), обладать глубокими знаниями в соответствующей акту правовой отрасли.

Ученые высказывали предложения обучать экспертов антикоррупционной экспертизы по программе дополнительного профессионального образования. Дополнительное профессиональное образование, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» *(Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25 декабря 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. Далее — ФЗ об образовании),* осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки). Профессиональная переподготовка нацелена на получение новой профессии, когда на базу уже имеющихся у субъекта знаний (высшее или среднее профессиональное образование), накладываются новые знания, субъект получает новые навыки и готов их реализовывать в новом для

себя виде профессиональной деятельности. Также в ч. 2 ст. 76 ФЗ об образовании установлено, что проходить обучение по программе переподготовки могут не только лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование, но и получающие его. Применительно к антикоррупционной экспертизе отметим, что речь может идти только о лицах, имеющих высшее образование.

2. О нормативном регулировании подготовки экспертов в области антикоррупционной экспертизы

Следует отметить, что законодатель уделил внимание развитию профессиональной подготовки по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов». В соответствии с п. 4 ч. 7 ст. 76 ФЗ об образовании типовая дополнительная профессиональная программа в области противодействия коррупции утверждается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной гражданской службы, по разработке и организации внедрения и консультативно-методическому обеспечению мер, направленных на предупреждение коррупции в организациях, по контролю за выполнением этих мер, по методическому обеспечению мер, направленных на развитие муниципальной службы. 31 мая 2022 г. Минтруд России принял «Типовую дополнительную профессиональную программу повышения квалификации в области противодействия коррупции "Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов"» *(приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 331н «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ повышения квалификации в области противодействия коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.08.2025))*.

Намерение государства упорядочить подготовку экспертов антикоррупционной экспертизы заслуживает поддержки. Однако указанная выше типовая программа вызывает вопросы.

Во-первых, данным приказом устанавливается, что обучение проводится по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации в области противодействия коррупции, разработанной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, на основе Типовой программы. То есть речь идет именно о повышении квалификации, а не о переподготовке. Как уже отмечалось, повышать квалификацию можно только в том случае, если она уже имеется. Весьма странно звучит повышение квалификации в области антикоррупционной экспертизы для субъекта, который не имеет подготовку в этой сфере.

Во-вторых, в п. 3 Типовой программы указано, что «к освоению Программы допускаются лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование, а также лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование». Союзы «и/или» означают, что субъект может иметь как среднее профессиональное образование, наряду с высшим, так и только среднее профессиональное образование. При этом возникает риторический вопрос, зачем субъекту, имеющему среднее профессиональное образование, проходить обучение по такой программе при условии, что стать аккредитованным экспертом антикоррупционной экспертизы он не сможет ввиду неудовлетворения требованиям, установленным в приказе Минюста России № 57 *(приказ Минюста России от 29 марта 2019 г. № 57 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.08.2025))*.

Во-третьих, срок обучения по программе определен минимально в 18 часов. Образовательная организация вправе его увеличить. Однако обзор предложений по обучению позволил сделать вывод, что объем либо не увеличивается вовсе, либо до 24 часов. Предполагается, что за период обучения по данной программе произойдет повышение уровня профессиональных компетенций за счет освоения и(или) углубления знаний и умений в области противодействия коррупции. Очевидно, что повышение квалификации в срок от 18–24 часов возможно только в случае, если субъект уже обладает определенной квалификацией.

В-четвертых, программа нацелена на формирование следующих компетенций: способность и готовность к осознанию значимости своей профессиональной деятельности, добросовестному исполнению профессиональных обязанностей, соблюдению принципов этики, морали и нравственности, проявлению нетерпимости к кор-

рупционному поведению (ПК-1); способность и готовность соблюдать меры по предупреждению коррупции (ПК-2). При этом в технологиях и средствах формирования обеих компетенций указаны лекции, практические занятия и тестирование. Речь не идет даже о лабораторной работе, в процессе которой субъект осуществляет учебную антикоррупционную экспертизу. При этом в п. 14 Типовой программы указано, помимо прочего, что слушатель должен уметь «проводить антикоррупционную экспертизу». Не очень понятно, каким образом он научится это делать, если в процессе повышения квалификации его этому не обучают.

В-пятых, представленный в Типовой программе учебный план не выдерживает критики с точки зрения содержания. В табл. 1 приведен «Учебный план Типовой программы повышения квалификации в области противодействия коррупции "Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов"» из рассматриваемой Типовой программы.

Таблица 1

Учебный план Типовой программы повышения квалификации в области противодействия коррупции «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов»

№ п/п	Наименование раздела	Количество учебных часов		
		Всего	В том числе	
			лекции	практические занятия
1.	Коррупция как угроза безопасности Российской Федерации	2	2	–
2.	Общая характеристика системы противодействия коррупции в Российской Федерации	4	4	–
3.	Нормативное правовое обеспечение института антикоррупционной экспертизы	4	4	–
4.	Основные подходы в проведении антикоррупционной экспертизы	6	4	2
5.	Итоговая аттестация	2	–	–
	Итого	18	14	2
Общая трудоемкость 0,5 зачетной единицы				

Анализ представленных в учебном плане тем позволяет сделать вывод об их обобщенном характере, что подтверждается изложенным в Рабочей программе в п. 19 Типовой программы. Первые две темы не имеют прямого отношения к антикоррупционной экспертизе. Без сомнения, АКЭ является одним из средств противодействия коррупции, но отводить на изучение общих тем 6 часов лекций нецелесообразно, поскольку общие темы о понятии коррупции, коррупционном поведении, характеристике системы противодействия коррупции человек, умеющий анализировать и критически осмысливать информацию, способен изучить и понять самостоятельно.

В рамках темы «Нормативное правовое обеспечение института антикоррупционной экспертизы» предусмотрено освещение следующих аспектов: правовая основа антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов; понятие и принципы проведения антикоррупционной экспертизы; объект и предмет антикоррупционной экспертизы; субъекты, осуществляющие антикоррупционную экспертизу; требования к независимым экспертам и аннулирование аккредитации независимого эксперта; правовое значение результатов антикоррупционной экспертизы. Далеко не все из указанных аспектов нормативно урегулированы, некоторые относятся к теоретико-методологической основе антикоррупционной экспертизы, которая должна базироваться на научных исследованиях.

В содержание темы «Основные подходы в проведении антикоррупционной экспертизы» включены следующие вопросы: общая характеристика правил и методики проведения антикоррупционной экспертизы; понятие «коррупциогенные факторы» и их виды; особенности процедуры проведения антикоррупционной экспертизы; методика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе норма-

тивных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» *(постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 10 июля 2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084; 2017. № 29. Ст. 4374);* примеры и рекомендации по устранению коррупциогенных факторов; требования к заключению по результатам антикоррупционной экспертизы; учет заключений антикоррупционной экспертизы; содержание коррупциогенных факторов; выявление коррупциогенных факторов и иллюстрация их конкретных проявлений посредством рассмотрения и поиска недостатков в проектах нормативных правовых актов. К сожалению, утвержденная указанным выше постановлением Правительства от 26 октября 2010 г. № 96. Методика не содержит методических рекомендаций, в ней не указаны приемы и способы проведения экспертного исследования, что не позволяет данный документ признать методикой экспертного исследования. Отметим, что в условиях отсутствия методики антикоррупционной экспертизы в процессе обучения рассматриваются различные методические подходы, что приводит к расхождениям и в выводах экспертов, а кроме того, усложняет и проверку заключения антикоррупционной экспертизы. Необходимо обратить внимание и на время, отведенное на изучение этой, пожалуй, наиболее важной темы в рамках учебного плана. В сравнении с другими темами на эту тему отводится 6 часов, включая 2 часа практического занятия. Представляется, что за указанное время (4 часа лекций и 2 часа практического занятия) невозможно освоить методику проведения экспертизы, не говоря уже о различных методических подходах, получить навыки ее применения.

Следует отметить, что представленный учебный план и рабочая программа совершенно непрактичны для целей повышения квалификации и явно недостаточны для целей профессиональной переподготовки. Поскольку, если пройти программу профессиональной переподготовки решит слушатель, имеющий какое-либо высшее образование, за исключением юридического, то у него лишь сформируется общее представление об антикоррупционной экспертизе как средстве противодействия коррупции. Если прохождение обучения по данной программе будет осуществляться субъектом, имеющим высшее юридическое образование, то в изучении первых двух тем совершенно нет необходимости, поскольку эта тематика входила в программу обучения по юридической специальности.

3. Предложения по совершенствованию профессиональной подготовки экспертов АКЭ и формированию их компетентности

Представляется, что профессиональная подготовка по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» должна дифференцироваться в зависимости от следующих критериев:

1) наличие высшего образования: высшее юридическое образование или высшее образование по другим направлениям;

2) наличие первичной или последующей подготовки по данной программе;

3) наличие стажа работы экспертом антикоррупционной экспертизы (должностным лицом соответствующего государственного органа или организации, в чьи полномочия входило проведение антикоррупционной экспертизы, либо аккредитованным независимым экспертом): не имеет стажа работы, имеет стаж от 1 года и более.

Все критерии должны учитываться совместно.

Так, если субъект впервые планирует проходить обучение по данной программе, то ему должна быть доступна только *программа профессиональной переподготовки* «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов». Если же ранее субъект уже проходил такую программу, то в дальнейшем он может проходить *повышение квалификации* по этой программе.

Далее учитываются совместно два других критерия. Если субъект имеет высшее юридическое образование по одной из специальностей 40.05.01, 40.05.03, 40.05.04 и стаж работы в качестве эксперта антикоррупционной экспертизы, то минимум один раз в 5 лет он обязан пройти *повышение квалификации* по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов». Это необходимо, поскольку совершенствуются экспертные методики, обновляется нормативное регулирование антикоррупционной экспертизы, происходят изменения организационного характера.

Если субъект имеет высшее образование по другим направлениям подготовки, за исключением юридического, и стаж работы в качестве эксперта антикоррупционной экспертизы, то минимум один раз в 5 лет он обязан пройти *повышение квалификации* по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов».

Если субъект имеет высшее юридическое образование или высшее образование по другим направлениям подготовки, за исключением юридического, и не имеет стажа работы в качестве эксперта антикоррупционной экспертизы, то ему должна

быть доступна только *программа профессиональной переподготовки* «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов». При этом должно быть предусмотрено различие в содержании программы для лица, имеющего юридическое образование и не имеющего такового.

Таблица 2

Вариативность профессиональной подготовки по программе «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов»

	Первичная подготовка		Последующая подготовка	
	Высшее юридическое образование	**Высшее образование**	**Высшее юридическое образование**	**Высшее образование**
Нет стажа работы экспертом АКЭ	программа профессиональной переподготовки	программа профессиональной переподготовки	–	–
Стаж работы экспертом АКЭ от 1 года и более	повышение квалификации	повышение квалификации	повышение квалификации	повышение квалификации

Приведенные выше аспекты подготовки экспертов антикоррупционной экспертизы сформированы исходя из существующих реалий и насущной необходимости в специалистах, компетентных осуществлять такое исследование. Однако в соответствии со ст. 10 ФЗ об образовании наиболее подходящим уровнем профессионального образования для достижения целей подготовки экспертов антикоррупционной экспертизы является высшее образование — специалитет, магистратура.

Исходя из этого предлагается осуществлять подготовку экспертов антикоррупционной экспертизы в зависимости от первоначального уровня их образования по нескольким направлениям:

1. Для получающих высшее образование абитуриентов:

— в рамках ФГОС высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» *(приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.03.2024))*. В образовательную программу для студентов, обучающихся по государственно-правовой специализации, необходимо включить обязательную к освоению дисциплину, в содержание которой должно включаться: сущность и понятие антикоррупционной экспертизы, ее цель и задачи, правовая основа и организационно-правовые аспекты ее осуществления, виды антикоррупционной экспертизы и соотношение со смежными видами экспертиз, правовой статус субъектов, реализующих политику в области антикоррупционной экспертизы, контроль за ее проведением и непосредственно осуществляющих антикоррупционную экспертизу, требования к компетенции экспертов антикоррупционной экспертизы, методическое обеспечение и стадии антикоррупционной экспертизы, особенности применения общенаучных и частнонаучных методов при проведении антикоррупционной экспертизы, особенности составления заключения антикоррупционной экспертизы, его проверка и оценка, возможности его использования в правотворческой и правоприменительной деятельности и др.;

— в рамках ФГОС высшего образования — специалитет по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» *(приказ Минобрнауки России от 18 августа 2020 г. № 1058 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность» // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.03.2024))*. В образовательную программу для студентов, обучающихся по специализации «Прокурорская деятельность» необходимо включить обязательную к освоению дисциплину, с тождественным изложенному выше содержанием.

— в рамках ФГОС высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза». В образовательную программу для студентов, обучающихся по всем специализациям, за исключением криминалистических экспертиз, необходимо включить обязательную к освоению дисциплину, с тождественным изложенному выше содержанием.

2. Для получающих высшее образование по программе магистратуры «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» должна быть включена дисциплина, формирующая знания о: сущности и понятии антикоррупционной экспертизы, ее цели и задачах, правовой основе и организационно-правовым аспектам ее осуществления, видах антикоррупционной экспертизы и соотношение со смежными видами экспертиз, правовом статусе субъектов, реализующих политику в области антикоррупционной экспертизы, контроле за ее проведением и непосредственно осуществляющих антикоррупционную экспертизу, требованиях к компетенции экспертов антикоррупционной экспертизы, методическом обеспечении и стадиях антикоррупционной экспертизы, особенностях применения общенаучных и частнонаучных методов при проведении антикоррупционной экспертизы, особенностях составления заключения антикоррупционной экспертизы, его проверке и оценке, возможностях его использования в правотворческой и правоприменительной деятельности.

3. Для имеющих высшее образование по различным направлениям, в т.ч. юридическому, филологическому и другим: обучение по программе дополнительной переподготовки «Антикоррупционная экспертиза», содержательное наполнение которой должно соответствовать изложенному выше.

Для обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» предлагается изучение дисциплины «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», относящейся к обязательной части Блока 1 основной профессиональной образовательной программы высшего образования.

Содержанием указанной дисциплины являются следующие темы:

Тема 1. Правовые основы антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов

История становления и развития антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Международные правовые акты об антикоррупционной экспертизе. Российское законодательство об антикоррупционной экспертизе нормативных *правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Опыт стран ЕАЭС в регулировании антикоррупционной экспертизы* нормативных *правовых актов и проектов нормативных правовых актов.*

Тема 2. Теоретические основы антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов

Наука судебная экспертология как теоретическая основа антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Понятие, принципы, цели и задачи антикоррупционной экспертизы. Предмет и объекты антикоррупционной экспертизы. Понятие и признаки правового акта, нормативного правового акта, нормативного акта. Виды антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Понятие, предмет, объект и задачи судебно-нормативной экспертизы. Соотношение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов со смежными видами экспертиз.

Тема 3. Субъекты антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов

Понятие и виды экспертов антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Требования к компетенции эксперта антикоррупционной экспертизы. Подготовка эксперта антикоррупционной экспертизы. Правовой статус эксперта антикоррупционной экспертизы.

Тема 4. Организационные особенности осуществления антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов органами прокуратуры

Нормативная регламентация и особенности деятельности органов Прокуратуры РФ и Минюста РФ по проведению антикоррупционной экспертизы. Нормативная регламентация и особенности деятельности иных органов государственной и муниципальной власти по проведению антикоррупционной экспертизы. Порядок аккредитации экспертов и экспертных организаций для проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Взаимодействие органов прокуратуры, иных органов государственной власти и экспертов антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов при ее проведении.

Тема 5. Методическое обеспечение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов

Теоретическая основа методического обеспечения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Виды экспертных методик: родовая (видовая), типовая, конкретная. Их характеристика и структура. Понятие комплексной экспертной методики. Понятие коррупциогенных факторов и правила их выявления. Виды коррупциогенных факторов по их содержанию. Содержание коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. Содержание коррупциогенных факторов, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные

требования к гражданам и организациям. Стадии антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Методические рекомендации (методика) проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов.

Тема 6. Заключение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов и его использование в правотворческой и правоприменительной деятельности

Понятие и сущность заключения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Структура заключения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. Способы нейтрализации или ликвидации коррупциогенного фактора. Особенности проведения прокурором оценки и использования заключения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов в правотворческом и правоприменительном процессе.

Для обучающихся по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» в зависимости от специализации дисциплина «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» с приведенным ниже содержанием по темам дисциплины может быть как обязательной к изучению, так и дисциплиной по выбору. Так, для специализаций инженерно-технические экспертизы, экспертизы веществ, материалов и изделий, экономические экспертизы, речеведческие экспертизы такая дисциплина должна входить в Блок 1 в число обязательных к изучению дисциплин. Для специализации криминалистические экспертизы дисциплина «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» может входить в вариативную часть основной профессиональной образовательной программы высшего образования. Кроме того, возможна корректировка часов, отведенных на обучение по данной дисциплине для обучающихся по специализации «Речеведческие экспертизы», за счет снижения часов для изучения темы 5 «*Методическое обеспечение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов*». *П*оскольку обучающиеся в рамках профильных дисциплин специализации изучают методы и методики, применение которых возможно в антикоррупционной экспертизе.

Объем дисциплины, входящей в Блок 1 обязательных к освоению дисциплин, должен составлять не менее 4 зачетных единиц (144 академических часа) с формой промежуточного контроля — экзамен. Для дисциплины, входящей в Блок 1 дисциплин по выбору, должен составлять не менее 3 зачетных единиц (108 академических часа) с формой промежуточного контроля — зачет.

Предполагается, что основой для изучения такой дисциплины являются теория государства и права, история государства и права, правоохранительные органы, административное право, уголовное право, уголовный процесс, прокурорский надзор (данная дисциплина изучается в рамках специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» и не является обязательной для иных специальностей), криминология, криминалистика, гражданское право, гражданский процесс, экспертиза в судопроизводстве (теория судебной экспертизы).

Для обучающихся по специализации «Речеведческие экспертизы» в качестве основы, помимо перечисленных выше, выступают профильные дисциплины, например общее языкознание и современный русский язык, судебное речеведение, судебная лингвистическая экспертиза. Это предполагает, что дисциплина должна изучаться на 4 или 5 курсе обучения по специальности.

*Тематический план дисциплины «*Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» *можно представить следующим образом (табл. 3).*

Следует отметить, что результатом проведения лабораторных практикумов должно стать заключение учебной антикоррупционной экспертизы.

Отметим, что программу повышения квалификации для субъектов, уже прошедших обучение в рамках высшего юридического образования по указанным специальностям и имеющим компетенцию в области антикоррупционной экспертизы, равно как и прошедшим первичную программу переподготовки по антикоррупционной экспертизе, следует корректировать за счет возможного исключения общетеоретических тем по антикоррупционной экспертизе (темы 1–2, представленные в плане), а также снижения количества часов по темам 3 и 4. Указанные темы следует включать в программу повышения квалификации при наличии изменений в нормативном регулировании, а также в научном подходе к антикоррупционной экспертизе. Упор при повышении квалификации следует делать именно на методологическое обеспечение антикоррупционной экспертизы.

Имеется также особенность для обучающихся по программам магистратуры. По действующему законодательству любой желающий может пройти обучение по программе магистратуры, например в рамках юридического образования. И не требуется базовое юридическое образование, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 69 ФЗ об образовании «к освоению программ магистратуры допускаются лица, имеющие высшее образование любого уровня». Достаточно предъявить документ о высшем

Таблица 3

Тематический план дисциплины «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»

№ п/п	Темы дисциплины	Виды учебной деятельности и объем (в академических часах)				Технология образовательного процесса	Форма текущего контроля/ Форма промежуточной аттестации
		Лекции	Практические занятия	Лабораторный практикум	Самостоятельная работа		
1	Тема 1. Правовые основы антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов	2	4		8	дискуссия, публичные выступления, презентации	Опрос, контрольные задания
2	Тема 2. Теоретические основы антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов	2	4		12	дискуссия, публичные выступления, презентации	Опрос, контрольные задания
3	Тема 3. Субъекты антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов	2	6		12	дискуссия, публичные выступления, презентации	Опрос, контрольные задания
4	Тема 4. Организационные особенности осуществления антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов органами прокуратуры	2	4		14	дискуссия, публичные выступления, презентации	Опрос, контрольные задания
5	Тема 5. Методическое обеспечение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов	4	8	6	30	дискуссия, публичные выступления, презентации, выполнение антикоррупционной экспертизы	Опрос, контрольные задания
6	Тема 6. Заключение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов и его использование в правотворческой и правоприменительной деятельности	2	4		18	дискуссия, публичные выступления, презентации	Опрос, контрольные задания
	Всего	14	30	6	94	Экзамен	

образовании и о квалификации и пройти вступительные испытания, установление перечня и проведение которых осуществляется образовательной организацией самостоятельно *(приказ Минобрнауки России от 21 августа 2020 г. № 1076 (ред. от 10 февраля 2023 г.) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2024))*. В настоящее время многие вузы осуществляют обучение по программе магистратуры «Антикоррупционная деятельность».

В Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) проводится обучение по данной программе, разработанной в соответствии с ФГОС *(приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2020 г. № 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.08.2025)),*

в рамках которой изучаются дисциплины: философия права, сравнительное правоведение, актуальные проблемы права и правоприменения, информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (legal tech), техника юридического письма, правовые основы антикоррупционной деятельности, актуальные проблемы предупреждения коррупционных преступлений, особенности реализации уголовной ответственности за коррупционные преступления, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, психологические механизмы формирования антикоррупционного поведения, антикоррупционная политика, коррупционные риски в финансово-кредитной сфере, криминологическая антикоррупционная экспертиза, антикоррупционный комплаенс, противодействие коррупции на государственной службе, служебные преступления в экономике, административная ответственность за коррупционные правонарушения, криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной направленности, прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства и другие.

Программа обучения составлена таким образом, чтобы подготовить специалиста в области противодействия коррупции, который имел бы знания и владел бы умениями и навыками проведения антикоррупционной экспертизы. Юридические дисциплины в такой программе представлены в достаточном объеме, что позволяет сделать вывод о возможности прохождения обучения по такой программе субъектом, не имеющим юридического образования. Однако представляется, что в таком случае требуется корректировать программу обучения, включив в нее дисциплины, раскрывающие сущность государства и права, административной деятельности, а также особенности уголовной, гражданской и административной ответственности за правонарушения коррупционной направленности и другие.

Таким образом, варьирование содержания программы обучения для различных категорий субъектов, желающих впоследствии связать свою профессиональную деятельность с антикоррупционной экспертизой, связано с направлением образования и стажа работы такого субъекта. В этой связи необходима разработка профессионального стандарта, который бы позволил сформулировать более четкие требования к эксперту антикоррупционной экспертизы. В соответствии со ст. 195.1 ТК РФ «профессиональный стандарт — характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции». Квалификация работника представляется собой уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. «Требования профессиональных стандартов не зависят от формы собственности организации или статуса работодателя и являются обязательными для работодателя на основании статей 57, 195.3 ТК РФ» *(письмо Минприроды России от 18 января 2021 г. № 25–50/321-ОГ «О рассмотрении обращения по вопросу обязательности применения профессионального стандарта» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 30.08.25))*. То есть, в соответствии со ст. 195.3 ТК РФ, если ТК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения работодателями.

Следует отметить, что с 1 марта 2023 г. действует профессиональный стандарт «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений» *(приказ Минтруда России от 8 августа 2022 г. № 472н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.06.2024))*. В данном стандарте приводятся квалификационные требования к трем видам специалистов: руководителю подразделения (службы) по предупреждению коррупционных правонарушений, главному специалисту в сфере предупреждения коррупции и специалисту в сфере предупреждения коррупции. Общие положения, устанавливающие требования к специалистам в сфере предупреждения коррупции, казалось бы, должны охватывать и антикоррупционную экспертизу, однако с учетом установленных критериев этому вопросу в указанном акте внимание не уделяется. Анализ этого документа подтверждает отсутствие единообразных требований к компетентности эксперта в области антикоррупционной экспертизы.

Возможно, для целей антикоррупционной деятельности и конкретно антикоррупционной экспертизы в отдельной организации можно считать достаточным наличие указанной в действующих нормативных правовых актах, приведенных в статье, подготовки (образования, дополнительной переподготовки, повышения

квалификации). Однако представляется, что для достижения цели антикоррупционной экспертизы эксперт должен обладать специальными знаниями, навыками и умениями в области юриспруденции, юридической (правовой) лингвистики и той сферы правоотношений, которая регулируется исследуемым нормативным правовым актом (или проектом исследуемого нормативного правового акта). И поскольку требования стандарта не сопоставимы с деятельностью по осуществлению антикоррупционной экспертизы, его действие вряд ли можно распространить на должностных лиц организаций, в том числе государственных органов, которые обязаны осуществлять антикоррупционную экспертизу. Не говоря уже о независимых экспертах антикоррупционной экспертизы. В этой связи разработка профессионального стандарта позволит обеспечить единообразный подход к обучению эксперта антикоррупционной экспертизы.

Вывод. Специальные знания, на которых базируется антикоррупционная экспертиза, — это знания в области юриспруденции, юридической лингвистики, а также той области, правоотношения в которой регулируются (или предполагается их регулирование) исследуемым в рамках антикоррупционной экспертизы актом. В этой связи необходимо обеспечить комплексный подход к подготовке экспертов антикоррупционной экспертизы. Удобнее всего на сегодняшний день осуществлять такую подготовку «с нуля» на базе юридического образования, постепенно добавляя в него компоненты, которые позволят обеспечить формирование у обучающегося комплексной компетенции.

Изложенные предложения по подготовке экспертов антикоррупционной экспертизы могут способствовать унификации подхода к обучению экспертов, нормативному определению компетентностных требований к таким экспертам и, как следствие, повышению их квалификационного уровня.

Литература

1. *Алешкова Н. П.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики. Lambert Academic Publishing, 2013. 93 с.

2. *Хабриева Т. Я.* Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 5–13.

3. *Романова И. С.* Компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2014. № 1 (73). С. 65–69.

4. *Долотов Р. О.* Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 44–45.

5. *Туранин В. Ю.* Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: миф или реальность? // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 210–215.

6. *Власов И. С., Кошаева Т. О., Найденко В. Н.*, *Колесник А. А.*, *Спектор Е. И.*, *Тихомиров Ю. А.*, *Цирин А. М.* Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов»: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Анкил, 2012. 152 с.

7. *Россинская Е. Р.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики: монография / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 160 с.

References

1. *Aleshkova N. P.* Antikorrupcionnaja jekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov: voprosy teorii i praktiki [Anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: issues of theory and practice]. Lambert Academic Publishing, 2013. 93 p. (In Russian)

2. *Habrieva T. Ya.* Formirovanie pravovyh osnov antikorrupcionnoj jekspertizy normativnyh pravovyh aktov [Formation of the legal basis for the anti-corruption expertise of regulatory legal acts] // In *Zhurnal rossijskogo prava* [*Journal of Russian Law].* 2009. № 10 (154). Pp. 5–13. (In Russian)

3. *Romanova I. S.* Kompetentnost' lic, provodjashhih antikorrupcionnuju jekspertizu normativnyh pravovyh aktov i ih proektov [Competence of persons conducting anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects] // In *Administrativnoe i municipal'noe pravo* [*Administrative and municipal law].* 2014. No. 1 (73). Pp. 65–69. (In Russ., abstract in Eng.); 2014. № 1 (73). Pp. 65–69. (In Russian)

4. *Dolotov R. O.* Jeffektivnost' instituta nezavisimoj antikorrupcionnoj jekspertizy normativnyh pravovyh aktov i proektov normativnyh pravovyh aktov [Effectiveness of the Institute of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts] // In *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava [Russian journal of economics and law].* 2015. No. 4. Pp. 44–45. (In Russian)

5. *Turanin V. Yu.* Nezavisimaja antikorrupcionnaja jekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov: mif ili real'nost'? [Independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: myth or reality?] // In *Juridicheskaja tehnika [Legal technique].* 2022. No. 16. Pp. 210–215. (In Russian)

6. *Vlasov I. S., Koshaeva T. O., Najdenko V. N., Kolesnik A. A., Spektor E. I., Tihomirov Yu. A., Cirin A. M.* Antikorrupcionnaja jekspertiza proektov normativnyh pravovyh aktov: nauchno-prakticheskoe posobie [Anti-corruption expertise of draft normative legal acts: a scientific and practical guide]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF; Ankil, 2012. 152 p. (In Russian)

7. *Rossinskaja E. R., Galyashina E. I.* Antikorrupcionnaja jekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov: problemy teorii i praktiki: monografija [Anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: problems of theory and practice: monograph]. M.: Norma: INFRA-M, 2023. 160 p. (In Russian)

МЕТОДЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОСЕТЕЙ

Захарова Наталья Вячеславовна, Россинская Елена Рафаиловна, Бодров Николай Филиппович, Мыскина Ксения Михайловна, Гайдук Арсений Янович, Сюняков Тимур Сергеевич, Бережная Карина Сергеевна, Сабанова Виктория Давыдовна

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030.

Цель: *рассмотреть существующие научные разработки по исследованию психического состояния человека при помощи нейронных сетей и обозначить перспективы будущих исследований.*

Методология: *диалектический метод, методы анализа и синтеза, системный метод.*

Выводы. *В России накоплен значительный теоретический базис по выявлению значимых признаков объектов при производстве судебных экспертиз. Использование нейросетей в рамках правоприменительной деятельности требует создания методологической и технологической основы использования нейронных сетей как нового инструментария экспертных исследований. Для разработки экспертных методик на основе нейросетей необходимо создание баз данных для анализа и машинного обучения. Это могут быть наборы верифицированных структурированных (например, таблицы), или неструктурированных (например, текстовые документы или изображения) данных с регламентированной системой доступа, которые можно использовать как основу для создания новых судебно-экспертных методик.*

Научная и практическая значимость. *Коллективом авторов разных специальностей проведена масштабная работа по сбору медицинских, биометрических, технических и иных сведений, массив больших данных которых позволит, согласно планам проекта, создать комплексное нейросетевое решение, применяемое в целях медицинской, а также криминалистической диагностики.*

Ключевые слова: *психическое состояние, нейронная сеть, судебная экспертиза, почерковедческая экспертиза, диагностический комплекс, методы исследования.*

На основе собираемого эмпирическим путем массива больших данных (Big Data) авторский коллектив настоящей статьи ставит целью разработку комплекса, предназначенного для медицинской, а также криминалистической диагностики.

Распространенность стрессовых и постстрессовых состояний с учетом особого внимания исследователей на варианты реагирования населения в условиях современных угроз увеличилась в 2,5 раза во время пандемии COVID-19. Современные технологии позволяют проводить мониторинг состояния населения посредством телемедицинских технологий, качественное использование которых требует строгой регламентации. При этом основным методом оценки психического состояния является личное освидетельствование опытным врачом, а объективизация диагностических выводов возлагается на психометрические шкалы и самоопросники, заполнение которых сопряжено с риском субъективного искажения, преодолеть который можно путем мониторинга физиологических показателей (Rousseau and Kapralos 2023; Pu et al. 2025) [1].

Классики психиатрии подчеркивали важность оценки не только жалоб пациентов, но и мимической активности, изменения психомотор-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-224-229

ных паттернов поведения, речи (Kraepelin and Defendorf 1904) [2]. Таким образом, субъективное мнение врача может быть стандартизовано путем обработки аудио- и видеоданных, анализ которых повышает достоверные изменения психомоторики и реактивности у пациентов с психическими расстройствами (Pappa and Dazzan 2009; Kopala 1996) [3]. Дискуссии ведутся относительно перечня речевых, визуальных, слуховых характеристик (сниженная общая двигательная активность, сутулая поза, вариабельность движений головы, выразительность лица, особенности речевой продукции и тд). Автоматизированное измерение этих клинических признаков открывает возможность объективной автоматизированной оценки. Учитывая, что аудио- и видеоисточники данных могут быть получены удаленно, это также дает возможность значительно расширить охват и частоту оценки.

Цифровые технологии позволяют автоматизировать обработку данных методами глубокого машинного обучения, представляющими собой алгоритмы искусственной нейронной сети. Рассмотрим несколько реализованных проектов в этой области.

Lang He et al. предложили самоадаптирующуюся сеть (SAN) для улучшения неопределенной маркировки для автоматического определения депрессии. Архитектура состоит из четырех модулей: 1) ResNet-18 и ResNet-50 используются в модуле глубокого извлечения признаков (DFEM) для извлечения информативных глубоких характеристик; 2) модуль самовнимания (SAM) используется для обучения весов; 3) модуль регуляризации квадратичного ранжирования (SRRM) для создания высоких разделов и низких и 4) модуль перемаркировки (RM) используется для перемаркировки неопределенных аннотаций в низких разделах (He et al. 2022) [4].

Проект по объективным измерениям с использованием технологии вычислительной психиатрии (PROMPT) (Kishimoto et al. 2020) [5]. Черты лица извлекаются из видеозаписей с помощью программного обеспечения, например, OKAO Vision и Openface. Извлеченные данные включают прогнозируемое выражение лица испытуемого в каждом кадре видеозаписи записи, а также обратное расстояние между верхним и нижним веком глаза. Были использованы два подхода к архитектуре машинного обучения: один из них, основанный на алгоритмах машинного обучения без глубокого обучения, использующий отбор признаков из разработанных признаков и мета-моделей; и второй, основанный на алгоритмах глубокого обучения.

Kong et al. разработали метод распознавания депрессии на основе изображений лица с использованием глубокой конволюционной нейронной сети (Kong et al. 2022) [6]. Основанный на двумерных изображениях, этот метод позволил количественно решить проблему бинарной классификации и отличал пациентов с депрессией от здоровых участников. Обучение сети состояло из двух этапов: 1) использовались 1020 фотографий пациентов с депрессией и 1100 фотографий здоровых участников, которые были разделены на обучающее множество, тестовое множество и валидационное множество в соотношении 7: 2: 1; и 2) были обучены модели полностью подключенной сверточной нейронной сети (FCN), визуальной геометрической группы 11 (VGG11), визуальной геометрической группы 19 (VGG19), глубокой остаточной сети 50 (ResNet50) и сверточной нейронной сети Inception версии 3.

Shangguan et al. (Shangguan et al. 2023) [7] предлагают слабо контролируемый подход к обучению, использующий обучение по множественным экземплярам (MIL) на 150 видеозаписей, полученных от 75 человек с депрессией и 75 человек, не имеющих каких-либо психических расстройств. Этот метод, названный ADDMIL, использует максимальный пулинг на уровне экземпляров для сбора информации о симптомах и далее интегрирует вклад каждого экземпляра, используя весовые коэффициенты внимания.

Abbas et al. (Abbas et al. 2021) был разработан метод оценки эффективности лечения антидепрессантами с применением нейросети [8]. Визуальные и слуховые маркеры получены с помощью автоматизированного программного обеспечения на смартфоне, которое измеряет характеристики лица, голоса и движения головы в течение четырех недель лечения. Сопоставление данных проводили с привлечением психометрического инструментария и независимых экспертных мнений нескольких врачей. Достоверные результаты получены и об изменении цифровых маркеров — выразительности мимики, движений головы, объема речи при снижении паттернов страха и гнева.

Эмпирические данные для уточнения и более качественного обучения нейросети предложены Guo et al. (Guo et al. 2021) [9]. Испытуемые выполняли задания, направленные на изменение фона настроения, которые фиксировали на аудио и видео, включая 3D-информацию выражения лица с помощью Kinect. Обучение нейросети по распознаванию потенциального риска депрессии проводили на основе двух видов различных глубоких сетей убеждений (DBN). Одна модель извлекала

двумерные признаки внешности из изображений лица, собранных оптической камерой, а другая модель извлекает 3D динамические признаки из трехмерных точек лица, полученных с помощью Kinect. Окончательное решение принимается на основе комбинации этих двух моделей.

Pampouchidou et al. (A. Pampouchidou et al. 2016) [10] предлагают два алгоритма оценки психического состояния, один из которых основан на исследовании отдельных кадров, а второй на изучении видео, оба используют преобразование Кривелета и локальные бинарные шаблоны. Основное преимущество этих методов заключается в том, что они имеют значительно меньшие вычислительные требования, поскольку извлекаемые признаки имеют очень низкую размерность. Это достигается путем модификации ранее предложенного алгоритма, который рассматривает три ортогональные плоскости, только на парные ортогональные плоскости. Эффективность алгоритмов проверена на эталонном наборе данных, предоставленном Audio/Visual Emotion Challenge 2014, при этом система, учитывающая особенности конкретного человека, достигла 97,6% точности классификации, а система, не учитывающая особенности конкретного человека, достигла 97,6% точности классификации.

Практическое применение такой технологии авторы предлагают в виде системы помощи принятия решений, основанной на характеристиках, извлеченных из геометрии выражения лица и речи путем интерпретации невербальных проявлений депрессии (A. Pampouchidou et al. 2017). Предложенная система протестирована как в гендерно-независимом, так и в гендерно-ориентированном режимах, а также с использованием различных методов слияния с достижением точности 94,8% для обнаружения лиц с высокими баллами шкалам самоотчета по депрессивной симптоматике. Оптимальная производительность системы получена с помощью классификатора ближайших соседей на основе слияния геометрических признаков в режиме независимости от пола и аудиопризнаков в режиме независимости от пола; отдельные визуальные и аудиорешения были объединены с помощью бинарной операции OR.

Birnbaum et al. (Birnbaum et al. 2022) [11] стремились выяснить, можно ли извлечь надежные выводы, в том числе психиатрические признаки, симптомы и диагнозы из аудиовизуальных паттернов в записанных оценочных интервью участников с расстройствами шизофренического спектра и биполярным расстройством. Они получили аудиовизуальные данные от 89 участников (средний возраст 25,3 года; мужчины: 48/89, 53,9%; женщины: 41/89, 46,1%): лиц с расстройствами шизофренического спектра ($n = 41$), лиц с биполярным расстройством ($n = 21$) и здоровых добровольцев ($n = 27$). Авторы разработали модели машинного обучения на основе акустических характеристик и характеристик движения лица, извлеченных из интервью участников, для прогнозирования диагнозов и выявления нейропсихиатрических симптомов, кодируемых клиницистом, и оценили эффективность модели с помощью площади под кривой операционной характеристики приемника (AUROC) при 5-кратной перекрестной валидации. Модель успешно дифференцировала расстройства спектра шизофрении и биполярное расстройство (AUROC0,73) при объединении признаков лица и голоса.

Несколько работ нацелено на учет возможных смещений результатов при различных «зашумлениях» при анализе множества пространственно-временных характеристик (Tadalagi and Joshi 2021; de Melo, Granger, and Hadid 2022) [12]. Точность может повысить метод слияния различных C3D-предсказаний, где пространственно-временные признаки извлекаются из глобальных (все лицо) и локальных (глаза) областей субъекта. Это позволяет сосредоточиться на локальной области лица, которая имеет большое значение для анализа психического состояния за счет эффективного обобщения пространственно-временных признаков. Кроме того, предложены различные подходы математической обработки экспериментального материала (видеозаписей) с использованием барицентрических координат лицевых ориентиров и матрицы вращения трехмерного движения головы на основе алгебры Ли (Kacem et al. 2018) [13], либо при сопоставлении визуальных данных с результатами по спектральным низкоуровневым дескрипторам и кепстральным коэффициентам мел-частот из коротких аудиофрагментов (Jan et al. 2018) [14].

В России инициатива подобного проекта с глубоким обучением нейросети предложена М. А. Барулиной и Н. В. Захаровой (Barulina et al. 2024). В настоящее время проводится сбор первичного материала для проведения экспертиз [15].

Стоит отметить, что в России при этом накоплен значительный теоретический базис по выявлению значимых признаков объектов при производстве судебных экспертиз. В разрезе рассматриваемой проблемы это особенно актуально ввиду того, что постановка диагнозов и исследование психического состояния человека актуально в том числе в рамках судебных психиатрических и медицинских экспертиз. Использование нейросетей в рамках правоприменительной деятельности требует создания методологической и тех-

нологической основы использования нейронных сетей как нового инструментария экспертных исследований, так и как новых экспертных объектов.

Помимо судебных психиатрических и медицинских экспертиз вопросы диагностики болезненного состояния лица, в том числе вызванного нервным заболеванием или психическим расстройством, изучается и в рамках судебного почерковедения. Подобные состояния методики относят в категории внутренних сбивающих факторов [16, с. 66].

В отдельных работах формулируются диагностические комплексы признаков, позволяющие эксперту сделать вывод о выполнении рукописи при изменении состояния пишущего, вызванного наличием у лица психических расстройств. В частности, к таким признакам относят нарушение координации движений, замедленность темпа, переход на печатные конструкции при выполнении отдельных букв, необычное размещение текста в пределах листа и другие [16, с. 89]. Тем не менее уточнение данных признаков и конкретизация способов их выражения на настоящий момент по-прежнему являются актуальной задачей, поскольку сходные диагностические комплексы характеризуют и иные необычные состояния лица, такие как алкогольное и наркотическое опьянение, нервное возбужденное состояние, различные поражения центральной нервной системы и другие. Кроме того, нельзя забывать о такой важной задаче, как отграничение перечисленных сбивающих факторов от намеренного искажения почерка или выполнения рукописей с подражанием почерку конкретного лица.

Исследования в данной сфере подразумевают изучение большого массива рукописей, их анализ и выделение на их основе уточненных комплексов диагностических признаков. В связи с этим необходимо отметить перспективность как использования нейросетевых технологий в процессе первичной обработки рукописей и их каталогизации, так и дальнейшее обучение нейросетей, которые в будущем могут стать полезным инструментом при проведении почерковедческих экспертиз.

Безусловно, это непростой и трудоемкий процесс. Для обучения нейронных сетей потребуется сформировать большую базу данных, включающую в себя рукописи, исполнители которых имеют психические патологии, а также размеченные признаки, диагностирующие наличие подобных состояний.

Важно учесть и причины, по которым использование нейронных сетей в судебной экспертизе может привести к ошибочным выводам, они заключаются в некорректности моделей, недостаточности данных, неправильном алгоритме обучения нейросети, неправильной интерпретации результатов, в том числе получение результатов, искаженных галлюцинациями нейросетей.

Для разработки экспертных методик на основе нейросетей необходимо создание баз данных (Dataset) для анализа и машинного обучения — совокупностей данных по различным объектам судебной экспертизы, для решения типичных экспертных задач. Это могут быть наборы верифицированных структурированных (например, таблицы), или неструктурированных (например, текстовые документы или изображения) данных. Для их хранения необходимо организовать репозитории (хранилища) наборов данных по родам (видам) судебных экспертиз — централизованные места для хранения с регламентированной системой доступа, которые можно использовать как основу для создания судебно-экспертных методик.

Dataset и репозитории для хранения и систематизации данных обеспечат возможность сравнения результатов различных исследований, контроль качества данных и верификацию (воспроизводимость) моделей. Если модель была обучена год назад, то факты, которые имели место за последний год, ей недоступны для оперирования, поэтому процесс обучения и верификации должен осуществляться на постоянной основе с разумной периодичностью [17, с. 25].

Литература

1. *Rousseau Jean-Jacques, Bill Kapralos*. 2023. Pattern Recognition, Computer Vision, and Image Processing. ICPR2022 International Workshops and Challenges: Montreal, QC, Canada, August 21–25, 2022, Proceedings, Part I. Springer Nature.

2. *Kraepelin Emil, Allen Ross Defendorf*. 1904. Clinical Psychiatry: A Text-Book for Students and Physicians: Abstracted and Adapted from the 6th German Edition of Kraepelin's "Lehrbuch Der Psychiatrie."

3. *Pappa S., P. Dazzan*. 2009. "Spontaneous Movement Disorders in Antipsychotic-Naive Patients with First-Episode Psychoses: A Systematic Review." Psychological Medicine 39 (7): 1065–76.

4. *He Lang, Prayag Tiwari, Chonghua Lu, Wenshuai Wu, Liyong Guo*. 2022. "Reducing Noisy Annotations for Depression Estimation from Facial Images." Neural Networks: The Official Journal of the International Neural Network Society 153 (September): 120–29.

5. *Kishimoto Taishiro, Akihiro Takamiya, Kuo-Ching Liang, Kei Funaki, Takanori Fujita, Momoko Kitazawa, Michitaka Yoshimura et al.* 2020. "The Project for Objective Measures Using Computational Psychiatry Technology (PROMPT): Rationale, Design, and Methodology." Contemporary Clinical Trials Communications 19 (September):100649.

6. *Kong Xinru, Yan Yao, Cuiying Wang, Yuangeng Wang, Jing Teng, Xianghua Qi*. 2022. "Automatic Identification of Depression Using Facial Images with Deep Convolutional Neural Network." Medical Science Monitor: International Medical Journal of Experimental and Clinical Research 28 (July): e936409.

7. *Shangguan Zixuan, Zhenyu Liu, Gang Li, Qiongqiong Chen, Zhijie Ding, Bin Hu*. 2023. "Dual-Stream Multiple Instance Learning for Depression Detection With Facial Expression Videos." IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering: A Publication of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society 31 (February): 554–63.

8. *Abbas Anzar, Colin Sauder, Vijay Yadav, Vidya Koesmahargyo, Allison Aghjayan, Serena Marecki, Miriam Evans, Isaac R. Galatzer-Levy*. 2021. "Remote Digital Measurement of Facial and Vocal Markers of Major Depressive Disorder Severity and Treatment Response: A Pilot Study." Frontiers in Digital Health 3 (March): 610006.

9. *Guo Weitong, Hongwu Yang, Zhenyu Liu, Yaping Xu, Bin Hu*. 2021. "Deep Neural Networks for Depression Recognition Based on 2D and 3D Facial Expressions Under Emotional Stimulus Tasks." Frontiers in Neuroscience 15 (April): 609760.

10. *Pampouchidou A., O. Simantiraki, C.-M. Vazakopoulou, C. Chatzaki, M. Pediaditis, A. Maridaki, K. Marias et al.* 2017. "Facial Geometry and Speech Analysis for Depression Detection." Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. Annual International Conference 2017 (July): 1433–36.

11. *Birnbaum Michael L., Avner Abrami, Stephen Heisig, Asra Ali, Elizabeth Arenare, Carla Agurto, Nathaniel Lu, John M. Kane, Guillermo Cecchi.* 2022. "Acoustic and Facial Features From Clinical Interviews for Machine Learning-Based Psychiatric Diagnosis: Algorithm Development." JMIR Mental Health 9 (1): e24699.

12. *Tadalagi Manjunath, Amit M. Joshi*. 2021. "AutoDep: Automatic Depression Detection Using Facial Expressions Based on Linear Binary Pattern Descriptor." Medical & Biological Engineering & Computing 59 (6): 1339–54.

13. *Kacem Anis, Zakia Hammal, Mohamed Daoudi, Jeffrey Cohn*. 2018. "Detecting Depression Severity by Interpretable Representations of Motion Dynamics." Proceedings of the ... International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition. IEEE International Conference on Automatic Face & Gesture Recognition 2018 (May): 739–45.

14. *Jan Asim, Hongying Meng, Yona Falinie Binti A. Gaus, Fan Zhang*. 2018. "Artificial Intelligent System for Automatic Depression Level Analysis through Visual and Vocal Expressions." IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems 10 (3): 668–80.

15. *Barulina M. A., Zakharova N. V., Nasyrova R. F., Ivashinenko D. M., Dvoryankina M. A., Rakhmatullin A. I.* 2024. "Possibilities of Analyzing the Speech of Patients with Mental Disorders Using Mathematical Methods and Artificial Intelligence Algorithms." Personalized Psychiatry and Neurology 4 (4): 2–10.

16. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов: Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: Наука, 2007. 341 с.

17. *Россинская Е. Р.* Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 21–33.

References

1. *Rousseau Jean-Jacques, Bill Kapralos*. 2023. Pattern Recognition, Computer Vision, and Image Processing. ICPR2022 International Workshops and Challenges: Montreal, QC, Canada, August 21–25, 2022, Proceedings, *Part I*. Springer Nature. (In English)

2. *Kraepelin Emil, Allen Ross Defendorf*. 1904. Clinical Psychiatry: A Text-Book for Students and Physicians: Abstracted and Adapted from the 6th German Edition of Kraepelin's "Lehrbuch Der Psychiatrie."

3. *Pappa S., P. Dazzan*. 2009. "Spontaneous Movement Disorders in Antipsychotic-Naive Patients with First-Episode Psychoses: A Systematic Review." Psychological Medicine 39 (7): 1065–76. (In English)

4. *He, Lang, Prayag Tiwari, Chonghua Lv, Wenshuai Wu, and Liyong Guo*. 2022. "Reducing Noisy Annotations for Depression Estimation from Facial Images." Neural Networks: The Official Journal of the International Neural Network Society 153 (September): 120–29. (In English)

5. *Kishimoto Taishiro, Akihiro Takamiya, Kuo-Ching Liang, Kei Funaki, Takanori Fujita, Momoko Kitazawa, Michitaka Yoshimura et al*. 2020. "The Project for Objective Measures Using Computational Psychiatry Technology (PROMPT): Rationale, Design, and Methodology." Contemporary Clinical Trials Communications 19 (September): 100649. (In English)

6. *Kong Xinru, Yan Yao, Cuiying Wang, Yuangeng Wang, Jing Teng, Xianghua Qi*. 2022. "Automatic Identification of Depression Using Facial Images with Deep Convolutional Neural Network." Medical Science Monitor: International Medical Journal of Experimental and Clinical Research 28 (July): e936409. (In English)

7. *Shangguan Zixuan, Zhenyu Liu, Gang Li, Qiongqiong Chen, Zhijie Ding, Bin Hu*. 2023. "Dual-Stream Multiple Instance Learning for Depression Detection With Facial Expression Videos." IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering: A Publication of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society 31 (February): 554–63. (In English)

8. *Abbas Anzar, Colin Sauder, Vijay Yadav, Vidya Koesmahargyo, Allison Aghjayan, Serena Marecki, Miriam Evans, Isaac R. Galatzer-Levy*. 2021. "Remote Digital Measurement of Facial and Vocal Markers of Major Depressive Disorder Severity and Treatment Response: A Pilot Study." Frontiers in Digital Health 3 (March): 610006. (In English)

9. *Guo Weitong, Hongwu Yang, Zhenyu Liu, Yaping Xu, Bin Hu*. 2021. "Deep Neural Networks for Depression Recognition Based on 2D and 3D Facial Expressions Under Emotional Stimulus Tasks." Frontiers in Neuroscience 15 (April): 609760. (In English)

10. *Pampouchidou A., O. Simantiraki, C.-M. Vazakopoulou, C. Chatzaki, M. Pediaditis, A. Maridaki, K. Marias et al*. 2017. "Facial Geometry and Speech Analysis for Depression Detection." Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. Annual International Conference 2017 (July): 1433–36. (In English)

11. *Birnbaum Michael L., Avner Abrami, Stephen Heisig, Asra Ali, Elizabeth Arenare, Carla Agurto, Nathaniel Lu, John M. Kane, Guillermo Cecchi*. 2022. "Acoustic and Facial Features From Clinical Interviews for Machine Learning-Based Psychiatric Diagnosis: Algorithm Development." JMIR Mental Health 9 (1): e24699. (In English)

12. *Tadalagi Manjunath, Amit M. Joshi*. 2021. "AutoDep: Automatic Depression Detection Using Facial Expressions Based on Linear Binary Pattern Descriptor." Medical & Biological Engineering & Computing 59 (6): 1339–54. (In English)

13. *Kacem Anis, Zakia Hammal, Mohamed Daoudi, Jeffrey Cohn*. 2018. "Detecting Depression Severity by Interpretable Representations of Motion Dynamics." Proceedings of the ... International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition. IEEE International Conference on Automatic Face & Gesture Recognition 2018 (May): 739–45. (In English)

14. *Jan Asim, Hongying Meng, Yona Falinie Binti A. Gaus, Fan Zhang*. 2018. "Artificial Intelligent System for Automatic Depression Level Analysis through Visual and Vocal Expressions." IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems 10 (3): 668–80. (In English)

15. *Barulina M. A., Zakharova N. V., Nasyrova R. F., Ivashinenko D. M., Dvoryankina M. A., Rakhmatullin A. I.* 2024. "Possibilities of Analyzing the Speech of Patients with Mental Disorders Using Mathematical Methods and Artificial Intelligence Algorithms." Personalized Psychiatry and Neurology 4 (4): 2–10. (In English)

16. Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza: osobennaya chast': issledovanie rukopisnykh tekstov [Forensic handwriting examination: special part: study of handwritten texts:]: Izd. 2-e, pererab. i dop. / Gos. uchrezhdenie Ros. feder. tsentr sudebnoi ekspertizy pri Minyuste Rossii. M.: Nauka, 2007. 341 p. (In Russian)

17. *Rossinskaya E. R.* Neiroseti v sudebnoi ekspertologii i ekspertnoi praktike: problemy i perspektivy [Neural networks in forensic expertology and expert practice: problems and prospects] // In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)]*. 2024. № 3 (115). P. 21–33. (In Russian)

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ ИНФОРМАЦИИ

Купин Алексей Федорович

Цель: *проанализировать методы, которые могут быть использованы для выявления признаков подделки электронных документов и электронных образов документов. Продемонстрировать возможности использования некоторых методов при проведении экспертных исследований документов в цифровом формате.*

Методология: *анализ, синтез, описание, сравнение, системный, диалектический, формально-логический методы.*

Выводы. *Реализация представленного комплекса методов и инструментов позволяет осуществлять системный анализ электронных документов и электронных образов документов, устанавливать факты внесения в них изменений различными способами. Рассмотренные методы судебной технико-криминалистической экспертизы документов и судебной компьютерной экспертизы при исследовании документов в цифровом формате дополняют друг друга и в совокупности позволяют успешно решать задачи криминалистического исследования документов, обеспечивая тем самым полноту и всесторонность исследования, снижая количество ошибочных выводов, которые периодически допускаются экспертами.*

Научная и практическая значимость. *Результаты исследования, изложенные в статье, способствуют развитию методических подходов к судебно-экспертному исследованию электронных документов и электронных образов документов, углублению теоретических знаний о возможностях отдельных методов при изучении цифровых документов. Возможности реализации этих методов на практике, в ходе комплексного анализа цифровых документов, позволяют успешно выявлять признаки внесения изменений и подделки документов.*

Ключевые слова: *электронный документ, электронное изображение, экспертные методы, цифровые технологии, изменение документа.*

Введение

В настоящее время, в связи с развитием электронного документооборота цифровые документы стали одним из распространенных видов доказательств, используемых в целях установления обстоятельств совершенных преступлений. Точка зрения о том, что документ может существовать и в иных формах, а не только в традиционной, бумажной, активно поддерживается научным сообществом и не вызывает возражений и споров [1. с. 24; 2. с. 6–7]. Складывающаяся практика использования электронных документов, а также электронных образов документов в качестве доказательств неразрывно связана с возможностями фальсификации их как источников информации. Применение традиционных криминалистических методов исследования в отношении электронных документов и электронных образов документов малоэффективно. Для всестороннего исследования таких источников информации экспертам необходим более широкий арсенал методов, относящихся к разным видам экспертиз: технико-криминалистической экспертизе документов, компьютерной экспертизе, почерковедческой экспертизе и некоторым другим. Комплексное изучение материалов уголовных дел, по которым назначались судебно-почерковедческие и технико-криминалистические экспертизы копий документов *(Исследование выполнено согласно заявке на проведение работы по научному сопровождению криминалистической и судебно-экспертной деятельности № вдпск-113/1-23329-21/ Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации)*, проведенное в 2022 г., показало, что

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-230-235

в настоящее время происходит трансформация способов подделки документов. Одним из распространенных способов изменения первоначального содержания документов становится компьютерно-технический монтаж, связанный с подбором и соединением частей существующих документов (как в электронном, так и в бумажном виде) друг с другом или с вновь создаваемыми реквизитами посредством использования программного обеспечения и приданием им вида единого документа [3, с. 66–73; 4, с. 95–103]. Как правило, в ходе такого монтажа происходит создание цифровой копии документа — изображения, полученного посредством фотографирования или ксерокопирования, содержащегося на материальном носителе. В этой связи представляется необходимым обратиться к возможностям изучения электронных документов и электронных образов документов и раскрыть возможности отдельных методов, которые могут применяться судебными экспертами в процессе исследования таких объектов. Как представляется, подробное описание методов, применяемых для установления признаков технической подделки, должно способствовать повышению возможностей раскрытия и расследования преступлений.

Методы исследования цифровых документов

Для выявления признаков изготовления и неправомерного использования документов в цифровой форме могут применяться методы и средства, основанные на применении математических алгоритмов, нейронных сетей и некоторых иных современных технологических приемов обработки изображений документов и (или) их отдельных реквизитов. В частности, для исследования рукописных текстов, подписей, меток и других графических элементов, содержащихся в документах, возможно применение алгоритмов компьютерного зрения, таких как ORB, SIFT, SURF, а также классификаторов на базе нейронных сетей, позволяющих эффективно выявлять и сегментировать участки документов с признаками технической подделки.

Электронные документы и электронные образы документов могут исследоваться в рамках таких экспертиз, как компьютерная, почерковедческая, технико-криминалистическая, лингвистическая, автороведческая, фоноскопическая и других. Такие экспертизы назначаются не только при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, но и многих других преступлений, например преступлений, связанных с фальсификацией доказательств [5, с. 33]. Бесспорно, что активное внедрение любых технологий, в том числе информационных технологий, определяется конкретными условиями развития окружающей среды, уровнем развития техники и средств производства [6], в связи с чем роль документов на электронных носителях информации в доказывании будет только возрастать.

В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 149) приведено определение электронного документа, в соответствии с которым он понимается так: документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Помимо ФЗ № 149, важными правовыми источниками, раскрывающими сущность и возможности применения электронных документов в различных видах делопроизводства, являются и другие нормативные правовые и нормативные технические акты. Так, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает условия признания электронных документов с электронной подписью равнозначными бумажным документам с собственноручной подписью.

Действовавший до 2025 г. ГОСТ Р 7.0.8–2013 под электронным документом предлагал понимать документ, информация которого представлена в электронной форме. В пришедшем ему на смену ГОСТ Р 7.0.8–2025 определение электронного документа отсутствует. Однако в этом нормативном техническом акте сформировано определение документа как «зафиксированной на носителе информации с реквизитами и/или метаданными, позволяющими ее идентифицировать», включающее в себя по смысловому содержанию электронные документы.

Методы исследования электронных документов могут затрагивать анализ метаданных, проверку электронной подписи, восстановление удаленной информации, анализ файловой системы и др. Например, анализ метаданных позволяет установить временные рамки создания и изменения документа, а также определить программное обеспечение, использованное при его создании. В свою очередь, проверка электронной подписи как обязательного реквизита электронных документов осуществляется с использованием программных средств, таких как КриптоПро и Рутокен, которые позволяют получить сведения о сроке действия сертификата, на основе которого была проставлена подпись. Метод проверки электронной подписи предполагает анализ криптографических алгоритмов и механиз-

мов шифрования, чтобы убедиться, что подпись не была подделана и что она действительно принадлежит указанному лицу. Помимо этого могут применяться и другие приемы, позволяющие устанавливать факты подделки или неправомерного использования усиленной квалифицированной электронной подписи, а также меры организационного и технического характера, направленные на предотвращение незаконного получения и использования усиленной квалифицированной электронной подписи [7, с. 146–147].

Исследование структуры файла и формата документа позволяет выявить изменения в структуре, которые могут указывать на попытку технической подделки документа, поскольку каждый электронный документ имеет определенный формат (например, DOCX, PDF) и внутреннюю структуру данных. Анализ этой структуры помогает установить, каким программным обеспечением был создан документ, были ли внесены изменения в его формат, нет ли в документе скрытых данных или вредоносного кода. Для проверки электронного документа на предмет внесения в него определенных изменений может проводиться также анализ хеш-сумм. Хеш-сумма — это уникальный цифровой отпечаток файла, рассчитанный по определенному алгоритму. Для расчета хеш-сумм применяются программы HashCalc и HashMyFiles, которые позволяют получить точные значения хешей и удостовериться в неизменности документа.

Также необходимо обратить внимание на методы выявления монтажа в электронных образах документах. Они основаны на выявлении специфических признаков, к которым, в частности, относятся неоднородность текстуры и шума, разная четкость и резкость. Так, при исследовании файлов графического формата.JPEG, в случаях, когда документ был переведен в электронный формат посредством фотографирования/сканирования, может применяться метод анализа уровня ошибок, он же Error Level Analysis (ELA). Метод основан на выявлении различий искажений, вносимых алгоритмами сжатия в измененных и неизмененных областях изображения. Каждый раз при сохранении файла формата.JPEG этот файл сохраняется с определенным уровнем сжатия, что отражается на качестве изображения в целом. В случае, когда вносятся изменения на определенном участке документа, то при дальнейшем сохранении алгоритмы сжатия применятся к этому участку в отличной степени, чем на участках, которые не были затронуты изменениями. В оригинальном изображении, не подвергавшемся редактированию, весь фон и объекты будут иметь одинаковый уровень искажений. Если какие-то участки были вставлены позже (например, даты, подписи), они будут выделяться ка-к яркие пятна или будут иметь менее яркий вид по отношению к остальным фрагментам изображения.

В процессе редактирования, конвертации файла в другой формат, обработки с использованием различных программ происходит изменение или полная перезапись метаданных. Метаданные могут быть просмотрены с использованием таких программных инструментов, как Exiftool, PDFInfo, IrfanView, Metadata++, PDF Xchange Editor и др. В PDF-документах метаданные хранятся в виде XMP-блоков (Extensible Metadata Platform) и заголовков объектов документа, таких как «Author», «Creator», «Producer», «CreationDate», «ModDate». При любом изменении содержания файла (добавление текста, удаление страниц, изменение шрифтов или графики) автоматически обновляется значение ModDate, а также может измениться Producer — поле, отражающее программное обеспечение, использованное для редактирования или сохранения. Например, при создании файла формата «.docx» и последующем его конвертировании в «.pdf» в поле «Producer» будет отображаться наименование программы, использованной для конвертирования, или название онлайн-ресурса, иногда с URL-ссылкой.

Еще одним методом установления факта внесения изменений в документ является анализ его содержимого в шестнадцатеричном редакторе, поскольку при каком-либо вмешательстве в его структуре появляются характерные изменения структуры данных. Эти изменения связаны как с непосредственной модификацией пользовательских данных, так и с обновлением или перезаписью структуры и метаданных файлового формата. Файл формата «.pdf» состоит из объектов, представленных в виде отдельных структур. Соответственно, внесение изменений в такой документ отражается в представлении этих объектов, имеющих свой уникальный идентификатор и фиксированное смещение (байтовое положение) внутри файла. При правке содержимого происходит создание новых версий объектов, при этом старые версии могут сохраняться внутри файла в первоначальном виде. При редактировании документа новые версии объектов обычно добавляются в конец файла — то есть не перезаписывают существующие — для обеспечения совместимости и обратимости изменений. Редактирование проявляется в добавлении новых структурных блоков — новых объектов, которые

в шестнадцатеричном представлении видны, как отдельные новые группы байт, начинающиеся с ключевого «obj» (объект) и заканчивающиеся «endobj» (конец объекта), чаще всего в конце файла. Кроме самих объектов изменяется таблица кросс-ссылок (xref). Эта таблица содержит информацию о том, где именно по смещению в файле начинается каждый объект. Поскольку новые объекты располагаются в новых местах файла, требуется обновить таблицу кросс-ссылок, чтобы указать их актуальные расположения. В шестнадцатеричном редакторе появляются новые строки с адресами объектов.

При внесении изменений в изображение с использованием средств графического редактора в hex-структуру могут быть добавлены новые маркеры метаданных, например, FFE2. Это происходит, потому что графические редакторы «встраивают» свои данные в структуру файла посредством добавления новых сегментов. Редактирование содержимого изображения в формате «.jpeg», даже при внесении мелких визуальных изменений, приводит к определенным преобразованиям в шестнадцатеричном представлении файла. Как известно, данный формат использует методику сжатия, которая приводит к потере качества при каждом последующем сохранении.

Метод цветовых преобразований может быть применен как способ обнаружения добавленных объектов, таких как графические элементы, чаще всего, дополнительные слои в виде прямоугольных вставок в цвет фона для перекрытия той или иной информации, текстовые блоки, изображения и так далее. При применении метода необходимо настроить соответствующие параметры цвета для «выделения» внесенных изменений в виде добавленных объектов. Данный метод эффективен только при выявлении «вставленных» объектов и не работает в случаях, когда объекты были редактированы. Это происходит, главным образом, потому что программа «реагирует» на малейшие изменения в цветовом тоне объектов и окрашивает отличные от общего цвета объекты в выбранный пользователем цвет, а при редактировании программа перенимает данные о цвете обрабатываемого объекта: как при редактировании текста в Word, при правке текста изменения вносятся тем же цветом, шрифтом, кеглем, которые указаны в свойствах редактируемого текста. Недостатками метода является то, что в случаях, когда изменения выполнены с абсолютным совпадением цвета и цветового пространства, преобразование цвета не выявит изменений, здесь потребуется дополнительный спектральный или послойный анализ документа. Кроме того, результаты применения метода и его эффективность напрямую зависят от заданных пользователем параметров.

При проведении исследования могут быть использованы системы и средства контроля версий создания документа. В случае, если электронный документ создан в системе электронного документооборота, анализ может включать проверку версий документа, зарегистрированных в этой системе.

Представляется целесообразным обозначить возможности отдельных методов и инструментов с помощью ряда примеров изучения цифровых документов:

— программное обеспечение «PDF Xchange Editor» позволяет путем использования инструмента «Преобразование цвета» анализировать изменения цветовой схемы изображения и тем самым устанавливать закономерности изменения в цветовом пространстве отдельных фрагментов документов формата «PDF»;

— онлайн-инструмент «Forensically» позволяет эффективно применять различные методы, в частности: анализ уровня ошибок, анализ главных компонент в изображении, анализировать изображения при высоком яркостном контрасте. Для анализа уровня ошибок ресурс предоставляет инструмент «Error Level Analysis», который автоматически пересохраняет загруженное изображение для дальнейшего исследования, но уже с заданным уровнем сжатия (обычно 95%), и вычисляет разницу между загруженным пользователем изображением и пересохраненной версией. Результат выводится в виде контрастного изображения, где различия в уровнях ошибок отображаются пятнами разных цветов, легко различимыми при визуальном осмотре. При отсутствии признаков редактирования вся область изображения имеет примерно одинаковый уровень ошибок. Для анализа главных компонент изображения ресурс «Forensically» предоставляет инструмент «Principal Component Analysis (PCA)», позволяющий выявлять скрытые статистические закономерности в изображении путем математического выделения главных компонент пиксельных данных. Результат применения метода может быть визуализирован в виде изменений или распределения цвета в изображении. Исследование увеличенных пикселей изображения в условиях высокого контраста возможно при применении инструмента «Magnifier», который является модулем для локального увеличения изображения без «дорисовывания» промежуточных пикселей, то есть без искажений. Так можно обнаружить

пиксельные «ступеньки» или «рваные» контуры, неравномерные края, отличия в цвете пикселей;

— метода конвертирования документа формата PDF в формат Scalable Vector Graphics (Далее — SVG). SVG-формат в своей природе более прозрачен для анализа: позволяет отследить последовательность наложения объектов, их координаты и параметры, что затруднительно сделать в исходном PDF-формате без специализированного программного обеспечения. Перевод в SVG-формат позволяет «разложить» документ на его структурные компоненты: текстовые поля, графические примитивы, изображения, векторные линии и многоугольники, образующие в своей совокупности уникальный код документа. Для этого после конвертации документа в формат «.svg» необходимо его изучить с помощью программы — текстового редактора, например «Notepad++» и таким образом исследовать структуру файла. Признаки нарушения логической последовательности записи svg-кода, которые отображаются в виде аномального расположения элементов кода (очередность выполнения символов в коде отличается от очередности выполнения символов в самом документе), указывают на внесенные в структуру документа изменения. Таким образом, изучение документа в формате SVG позволяет выявить наличие несоответствий между логическим построением документа и его визуальным представлением.

Выводы

Проведенный анализ рассмотренных методов и инструментов, применяемых для исследования электронных документов и электронных образов документов, показал, что ни один из них не является универсальным и идеальным. Для достижения наилучших результатов целесообразно использовать гибридный подход, предполагающий комбинированное использование совокупности методов в зависимости от специфики задачи, возможностей исследования в конкретной ситуации, первоначальных сведений об условиях изготовления документов, особенностей изучаемых объектов (выбора порогов схожести, нормализации изображений, качественной предобработки данных, а также адаптации моделей под конкретные условия), а также некоторых иных обстоятельств, известных эксперту на момент начала исследования. Изучение документов в цифровом формате, на предмет установления признаков технической подделки, как правило, носит комплексный характер. Эксперт в области компьютерной экспертизы исследует документ как файл, в определенном формате, определяя свойства файла и признаки внесенных в структуру документа изменений [8], а затем этот документ распечатывается и исследуется экспертом в области технико-криминалистической экспертизы документов [9, с. 91–99]. При этом, если имеет место сравнительный анализ, сравнение проводится по одинаковым по своей природе объектам. Так, например, если был обнаружен файл, который предположительно является электронной версией найденного ранее документа в бумажном виде, изъятого при осмотре места происшествия, то файл распечатывается для проведения сравнительного анализа и дальнейшего исследования экспертом в области технико-криминалистической экспертизы документов.

Литература

1. *Россинская Е. Р.* Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 20–32.

2. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. докт. юрид. наук С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

3. *Купин А. Ф.*, *Коваленко А. С.* Выявление компьютерного монтажа в электронных образах документов как задача судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20. № 1. С. 66–73.

4. *Шведова Н. Н.* Установление способа изготовления документа как задача технико-криминалистической экспертизы документов // Судебная экспертиза. 2021. № 3 (67). С. 95–103.

5. *Попов В. П.*, *Кручинина Н. В.* Расследование преступлений, связанных с фальсификацией доказательств: монография. М., 2025. 168 с.

6. *Волынский А. Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. в форме науч. доклада ... д-раюрид. наук. М., 1999. 65 с.

7. *Ларичев В. Д.* Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи: монография. М., 2021. 160 с.

8. *Усов А. И.* Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 402 с.

9. *Купин А. Ф.* Копии и изображения документов как источник получения доказательственной информации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1 (43). С. 91–99.

References

1. *Rossinskaya E. R.* Sistema teorii tsifrovizatsii sudebno-ekspertnoi deiatelnosti [System of Theory of Digitalization of Forensic Activity] // In *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Examination]*. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 20–32. (In Russian)

2. Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. Monografiia. Ed. S.V. Zuiev. M., Yurlitinform Publ., 2019. 400 p. (In Russian)

3. *Kupin A. F., Kovalenko A. S.* Vyyavlenie komp'yuternogo montazha v elektronnykh obrazakh dokumentov kak zadacha sudebnoi ekspertizy [Identification of computer editing in electronic images of documents as a task of forensic examination] // In *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Examination]*. 2025. Vol. 20. No. 1. Pp. 66–73. (In Russian)

4. *Shvedova N. N.* Ustanovlenie sposoba izgotovleniya dokumenta kak zadacha tekhniko-kriminalisticheskoi ekspertizy dokumentov [The establishment of a method of document production as a task of technical and forensic examination of documents] // In *Sudebnaya ekspertiza [Forensic Activity]*. 2021. No. 3 (67). Pp. 95–103. (In Russian)

5. *Popov V. P., Kruchinina N. V.* Rassledovanie prestuplenii, svyazannykh s fal'sifikatsiei dokazatel'stv [Investigation of crimes related to falsification of evidence]. Monografiia. M., 2025. 168 p. (In Russian)

6. *Volynskiy A. F.* Kontseptual'nye osnovy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii [Conceptual foundations of technical and criminalistic support for the detection and investigation of crimes]. Dis. v forme nauch. doklada ... d-ra yurid. nauk. M., 1999. 65 pages. (In Russian)

7. *Larichev V. D.* Protivodeistvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem usilennoi kvalifitsirovannoi elektronnoi podpisi [Countering crimes committed using enhanced qualified electronic signatures]. Monografiia. M., 2021. 160 p. (In Russian)

8. *Usov A. I.* Kontseptual'nye osnovy sudebnoi komp'yuterno-tekhnicheskoi ekspertizy [Conceptual foundations of forensic computer-technical expertise]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2002. 402 p. (In Russian)

9. *Kupin A. F.* Kopii i izobrazheniya dokumentov kak istochnik polucheniya dokazatel'stvennoi informatsii [Copies and images of documents as a source of obtaining evidentiary information] // In *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya [Investigation of crimes: problems and solutions]*. 2024. No. 1 (43). Pp. 91–99. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ДОКУМЕНТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Моругина Надежда Анатольевна

Цель: *провести историко-правовой анализ изменений, произошедших в оформлении и использовании документа в уголовном судопроизводстве; выявить ключевые факторы, способствующие переходу от бумажной к электронной форме документа; исследовать законодательные нормы и стандарты, устанавливающие отправные начала правового регулирования документа в электронной форме.*

Методология: *методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания. В статье использованы общенаучные методы исследования (индукция, дедукция), а также частные: формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, технико-юридический и др.*

Выводы. *Автор пришел к выводу об отсутствии целостной системы электронной формы процессуальных документов в связи с фрагментарным закреплением в УПК РФ, а также о необходимости их унификации. Полагаем, что действующая форма принятия заявления о преступлении устарела и не отвечает требованиям современной действительности, обосновывается необходимость закрепления в УПК РФ требований к подаче электронного заявления о преступлении, среди которых: идентификация заявителя, формы реализации возможности подачи заявлений о преступлении в электронной форме и условия его подачи.*

Научная и практическая значимость. *Переход на электронный документооборот и его интеграция в правовую систему позволят оптимизировать работу органов предварительного расследования и суда, обеспечат открытый и непрерывный доступ к таким документам, что будет способствовать более эффективному, прозрачному и справедливому разрешению уголовного дела.*

Ключевые слова: *документ, электронный документ, аудиовизуальный документ, кинодокумент, фонодокумент, видеодокумент, фотодокумент, электронное заявление о преступлении, электронная подпись.*

Документ в уголовном судопроизводстве — это любой предмет (материальный носитель), в котором информация запечатлена в символическо-знаковой форме (текста) или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи или их сочетания с применением кодов, шифров, автоматической (машинной) регистрации либо других технических средств для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования или хранения, с реквизитами, позволяющими установить аутентичность такой информации, понять ее смысл, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях определить ее источник и происхождение [1, с. 23]. Научный интерес представляет развитие документа как носителя информации в контексте различных исторических периодов и технологических изменений.

1 этап: дописьменная эпоха передачи информации

Перуанские индейцы обменивались необходимой информацией благодаря узелковому письму — кипе, с помощью которого инки передавали важную статистическую и юридическую информацию. Содержание «текста» изучали, перебирая пальцами узелки. Данная мнемоническая и счетная система была необходима для сбора, хранения и учета информации специалистами – кипукамайоки.

Далее распространение получил жестовый метод передачи информации. Жесты, созданные для общения, донесли до нас наскальные рисунки, петроглифы, пиктограммы и идеограммы, которые содержали в себе большое количество ин-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-236-248

формации, основанной на ключевой концепции символа.

2 традиционный этап: от печати-штампа к зарождению письменности

Развитие «документа» и его элементов связано с появлением в Месопотамии **печати-штампа**, который использовали для нанесения оттисков на глиняные таблички для удостоверения переписки.

Сверху «документа» **ставили печать**, своего рода «подпись», **как обязательный реквизит документа** *(Обязательный элемент оформления официального документа // ГОСТ Р 51141–98 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: Изд-во стандартов, 1998 (дата обращения: 20.03.2025))*, придававший ему юридическую силу и способность идентификации автора.

Необходимо отметить, что если кто-то вскрывал табличку, то конверт рассыпался на фрагменты, что свидетельствовало о «несанкционированном доступе» к «документу».

Известно, что Законы Хаммурапи **выбивались на каменных плитах** клинописью с двух сторон и выставлялись на всеобщее обозрение. Такой вариант нанесения печати можно считать одним из приемов юридической техники **создания документа** и его **опубликования.**

3 этап: унификация документа

С развитием письменности *(3500-е гг. до н.э. Шумеры разработали клинопись, а египтяне – иероглифическую письменность // [Электронный ресурс]: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 20.01.2025))* как средства передачи информации между людьми на большие расстояния (о чем речь шла ранее) были изобретены бумажные носители информации, предполагающие восприятие, а также долгий срок хранения. Необходимо упомянуть, что до изобретения бумаги основными письменными носителями информации считались:

— *папирус* (самый известный судебный акт того времени – **это Туринский юридический папирус** — древнеегипетский документ судебного разбирательства по делу об убийстве фараона Рамсеса III);

— *береста* (большинство документов, написанных на бересте, это судебные документы, посвященные разным тяжбам, подделать такой документ было практически невозможно из-за стиля написания текста);

— *пергамент* («прародитель» документа, выполненный на бумажном носителе как более практичном материале, из сыромятной кожи животных, имевший наивысшую «степень защиты», так как любая попытка внести правки оставляла на поверхности видимый дефект).

— *бумажный документ* (материальный объект, который содержит в зафиксированном виде информацию [2, с. 218]).

В соответствии с Соборным уложением 1649 г. при расследовании преступлений уполномоченные лица должны были зафиксировать «судное дело» «набело», то есть на бумажный документ как носитель информации с обязательной подписью составителя — «закрепити своею рукою» *(«Судное дело напишет набело, и дияку, справя то дело с прежнею запискою, закрепити своею рукою». – Выверено по изданию: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года // [Электронный ресурс]: URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения: 18.01.2025))*.

В ст. 481 главы 10 «О заключении следствия» Устава уголовного судопроизводства Российской империи уже описан порядок систематизации уголовного дела и реквизиты бумажного документа: «Бумаги, относящиеся к следствию, сшиваются по порядку времени составления или получения, перенумеровываются, скрепляются по листам и прошнуровываются “за печатью следователя”». «Бумагам сим составляется опись с указанием: на каком листе дела каждая из них находится» *(Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // [Электронный ресурс]: URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864 (дата обращения: 08.09.2024))*.

Напомним, что термин «документ» произошел от латинского слова «doseo» — «учить», «извещать». И в данном случае, согласимся с мнением Е. С. Герасимовой, сказавшей о потребности «создания или обновления соответствующей материальной базы, освоения новых принципов и методик работы с документами» [3, с. 84], ввиду значительного количества изменений в законодательстве, связанных с цифровизацией и переходом от бумажных документов к электронным.

4 – технический этап эволюции документа

С 1989 г. в Директиве стран Европы *(Директива Совета Европейского Союза от 3 октября 1989 г. «О координации определенных положений, установленных законодательно, регулятивно либо административно государствами-участниками в области осуществления телевизионного вещания» (директива «Телевидение без границ»), 89/552/еес, oj l 298 от 17 октября 1989 г., в редакции Директивы Европейского парламента от 19 июня 1997, 97/36/ec, oj l 202 60 от 30 июня 1997 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://continent-online.com/*

Document/?doc_id=1049536& (дата обращения: 08.09.2024)) существовал термин «аудиовизуальный», который подразделялся на:

1. «Статичный» (still image), т.е. фотодокумент (точное изображение технически созданного документа);

2. «Динамический/«движущийся» (moving; audio-visual), то есть кинодокумент, видеодокумент и аудиодокумент, воспроизводимый на специальном оборудовании [4, с. 85].

Однако лишь в 1996 г. Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации был впервые введен в действие ГОСТ 7.69-95 (ИСО 5127-11-83) *(ГОСТ 7.69-95 (ИСО 5127-11-83). Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Аудиовизуальные документы. Основные термины и определения // [Электронный ресурс]: URL: https://ifap.ru/library/gost/76995.pdf. (дата обращения: 08.09.2024))*, закрепляющий термин «аудиовизуальный документ» как документ, содержащий изобразительную и (или) звуковую информацию, воспроизведение которой требовало применения соответствующего оборудования.

Обозначенный нами ГОСТ к таким документам относил следующие **виды аудиовизуальных документов:**

1. Фонодокумент (от греч. phore – звук) – содержал звуковую информацию, которая записывалась на ленточный или дисковый носитель (оригинал граммофонной пластинки, граммофонная матрица, лаковый диск, фонодокумент на компакт-диске).

Звукозапись речевой информации – самый распространенный способ получения значимой информации, «имеющей не только ориентирующее, но и доказательственное значение» [5, с. 100]. Так как речь идет о «расширении коммуникационного инструментария ... правомерной фиксации аудиоданных в рамках уголовно-процессуальной процедуры...» [6, с. 235].

Согласимся с профессором С. В. Зуевым в том, что в настоящее время звукозапись, являющаяся объективным средством фиксации, осуществляемая посредством широкого спектра аудиозаписывающих устройств (сотовых телефонов, цифровых диктофонов, персональных компьютеров, аудиоплееров), не требует специальных знаний, дополнительных трудовых и материальных затрат при ее применении [7, с. 9].

2. Кинодокумент — пленочный носитель, содержащий зафиксированные на нем посредством кинематографической техники предметы в виде последовательно расположенных фотографических изображений (кинофильм, негатив кинодокумента, позитив кинодокумента, контратип и т.д.).

В начале XX в. киносъемку стали активно внедрять в работу правоохранительных органов.

В соответствии со ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства, которые в силу громоздкости или по иным причинам не могут храниться при уголовном деле; деньги, после производства необходимых следственных действий; животных, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания, фотографируют, снимают на видео- или *кинопленку*, приобщая к уголовному делу документ о месте нахождения доказательства.

Статья 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» разрешает применение *киносъемки,* а кинолента прилагается к протоколу при производстве следственного действия.

Статья 179 УПК РФ «Освидетельствование» разрешает проведение *киносъемки* с согласия освидетельствуемого лица.

В соответствии со ст. 191 УПК РФ проведение *киносъемки* обязательно при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний с участием несовершеннолетнего, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает, и т.д.

Особо хочется отметить, что ст. 84 УПК РФ «Иные документы» допускает в качестве доказательств материалы *киносъемки,* полученные, истребованные или представленные в соответствии с законом.

Так, в соответствии с приговором Московского районного суда г. Нижнего Новгорода, *«бумажный конверт с DVD диском, на котором имеется: файл с изображением кинопленки 293 (2019-10-25 13'25'15-2019-10-25 13'26'00)»* был признан доказательством по делу *(приговор Московского районного суда г. Нижнего Новгорода № 1-129/2020 от 3 июля 2020 г. по делу № 1-129/2020 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 08.02.2025))*.

Анализируя действующее законодательство, В. С. Латыпов оценил возможность кинофиксации при производстве следственных и процессуальных действий, таких как: а) хранение отдельных видов вещественных доказательств (подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 81, п. 4.1 ч. 2 ст. 81, п. 8 ч. 2 ст. 81, подп. «а», п. 9, ч. 2 ст. 81 УПК РФ); б) следственных действий (ст. 179, ст. 189, 190, 191, 192, ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ); в) судебного разбирательства (ч. 5 ст. 241, ч. 5 ст. 259, ч. 1 ст. 276, ст. 281 УПК РФ). Он небезосновательно сделал вывод

о том, что некогда прогрессивные нормы (перешедшие из УПК РСФСР 1960 г.), позволяющие запечатлеть в динамике проводимые следственные действия на киноаппаратуру, в настоящее время себя исчерпали как устаревшие и не оправдывающие своего предназначения. Наряду с этим развитие технологического процесса позволило практике найти иную жизнеспособную и действенную альтернативу — видеофиксацию.

Согласимся с мнением ученого о том, что киносъемка как невостребованный в практике применения метод фиксации должна подлежать исключению из современного законодательства [8, с. 117].

3. Видеодокумент — ленточный или дисковый носитель, содержащий информацию, зафиксированную на нем посредством видеозвукозаписи.

Вторя предыдущему автору, разделяем вывод Ю. Н. Миленина о возможности и необходимости использования видеодокументов в качестве доказательств по уголовному делу при их соответствии основным требованиям, предъявляемым в УПК РФ [9, с. 7].

4. Фотодокумент — содержит информацию, зафиксированную посредством фотографической техники в виде отдельных фотоизображений (фотонегатив, фотопозитив (фотоотпечаток), голограмма, слайд, стереослайд, документ на микроформе).

В 1826 г. Ж. Н. Ньепс с помощью камеры-обскуры создал первую гелиогравюру на битуме, ставшую прототипом современной фотографии [10, с. 29]. Уже в середине XIX в. судья-следователь из Австрии Г. Г. Гросс, расследуя дело о самоубийстве тяжелобольного, повесившегося на одной потолочной балке, зарисовал место происшествия, благодаря чему преступление было раскрыто *(10 преступлений, навсегда изменивших мировую криминалистику // [Электронный ресурс]: URL: https://picturehistory.livejournal.com/1767817.html?ysclid=m5uvstazmc129432752 (дата обращения: 08.02.2025))*.

С 1839 г. стали применять фотопленку для архивации печатных материалов — «микрофишей», хранящих в себе «микрооттиски», то есть отпечатки изображения.

В 1870 г. французский изобретатель Р. П. Даргон во время франко-прусской войны использовал микрофотографии, на которых были запечатлены сведения официальных документов. Помещенные в контейнеры-трубочки и прикрепленные к голубиному крылу, они передавались за линию фронта *(René Dagron // [Электронный ресурс]: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0ce8a31a-6763fafc-a596da57-74722d776562 (дата обращения: 08.02.2025))*.

В пособии В. И. Лебедева «Судебно-полицейская фотография», предназначенном для начальников сыскных отделений полиции, были приведены сведения о том, что с 1870 г. в некоторых городах Российской империи (Москва, Санкт-Петербург) стали применять фотографию для визуализации внешности задержанных и арестованных лиц, а с 1880 г. — для фиксации места происшествия, трупа и других объектов [11, с. 4–7].

В 1892 г. ученый Е. Ф. Буринский, основавший первую в мире судебно-фотографическую лабораторию для исследования объектов фотографическими методами [12, с. 69], восстановил древние письмена, позволив прочесть исчезнувший текст грамот XIV в., написанный на пергаменте.

В конце IX в. французская полиция стала применять фотографию для регистрации и расследования преступлений. Позднее фотографии обвиняемых в преступлении стали появляться в Бельгии, Швейцарии и других странах. Существенный вклад в развитие фотодокумента внес французский криминалист А. Бертильон. Он разработал специальную аппаратуру для фотографирования преступников, сконструировав фотокамеру для опознавательной съемки [13, с. 4].

В Российской империи в 1903 г. В. И. Лебедевым был издан первый «Справочный указатель для чинов полиции», в котором размещались фотографии преступников по категориям совершенных ими преступлений [14].

В 1960 г. в УПК РСФСР вводят нормы, закрепляющие возможность фотографирования информации при расследовании преступлений.

Так, к примеру:

1. Статья 84 УПК РСФСР «Хранение вещественных доказательств» разъясняла, что «вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколах осмотра, по возможности сфотографированы» ... «если те или иные предметы в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, они должны быть сфотографированы».

2. Статья 141 УПК РСФСР «Протокол следственного действия» указывала на то, что к протоколу «могут быть приложены фотографические снимки»;

3. Статья 179 УПК РСФСР «Порядок производства осмотра» и ст. 183 «Следственный эксперимент» закрепляли возможность в случае необходимости произвести фотографирование *(Закон об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г. (Утратил силу в связи с принятием*

Федерального закона от 18 декабря *2001 г. № 177-ФЗ) // [Электронный ресурс]: URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks (дата обращения: 08.02.2025))*.

В настоящее время при расследовании и раскрытии преступлений самым актуальным аудиовизуальным документом является фотодокумент.

5 – этап развития терминосистемы документа в электронной форме и его внедрение в уголовное судопроизводство

В 1964 г. на 5-м Международном конгрессе архивистов был впервые поднят вопрос о документе, создаваемом средствами вычислительной техники, после обсуждения которого было принято постановление Правительства СССР «Об ускорении работ по созданию унифицированных систем документации и классификаторов технико-экономической информации», и уже в 1972 г. на седьмом Международном конгрессе обсуждалась возможность создания архива для хранения машиночитаемых документов [15, с. 189].

Развитие терминосистемы документа в электронной форме: от машиноориентированного к электронному:

1) 1975 г. – утвержден ГОСТ 6.10.2-75 «Унифицированные системы документации. Термины и определения», впервые введя термин «машиноориентированный документ» как предназначенный для обработки части содержащейся в нем информации средствами вычислительной техники» *(ГОСТ 6.10.2-75. Унифицированные системы документации. Термины и определения // [Электронный ресурс]: URL: https://economy-ru.info/article/73490/?ysclid=m5us2k3tpj355886861 (дата обращения: 18.03.2025))*.

2) 1980 г. – принятым ГОСТ 24.402-80. «Система технической документации на АСУ. Учет, хранение и обращение» *(ГОСТ 24.402-80. Система технической документации на АСУ. Учет, хранение и обращение» // [Электронный ресурс]: URL: https://docs.cntd.ru/document/1200012078 (дата обращения: 11.03.2025))* в оборот вводится новый термин «машиночитаемый документ», т.е. документ, изготовленный на перфокарте и перфоленте, а также документ, выполненный на магнитном носителе (в соответствии с ГОСТ 6.10.4-84).

3) 1983 г. – в ГОСТ 6.10.2-83 «Унифицированная система документации. Запись информации унифицированных документов в коммуникативном формате» *(ГОСТ 1983 г. был заменен ГОСТ 6.10.1-88, который оставил термин без изменения // [Электронный ресурс]: URL: https://en.gostinfo.ru/catalog/Details/?id=4133472 (дата обращения: 11.03.2025))* впервые была описана структура информационной записи и информации унифицированного документа, а также предложено понятие «*информационная запись как документ* на магнитной ленте, который представляет собой набор логически связанных данных, относящихся к унифицированному документу».

Кроме того, указанный ГОСТ впервые обозначил модель унифицированного документа в коммуникативном формате, включающую в себя: контент, справочник и метаданные.

4) 1984 г. – принят ГОСТ 6.10.4-84 *(ГОСТ 6.10.4-84. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники // [Электронный ресурс]: URL: https://ohranatruda.ru/upload/iblock/0d1/4294850213.pdf?ysclid=m5utblqu1i502211753 (дата обращения: 11.03.2025))*, устанавливающий требования изготовления и разметки *документа на машинном носителе* для его идентификации и придания юридической силы.

5) 1988 г. – была разработана и принята ГСДОУ *(Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения Утверждена приказом Главархива СССР от 25 мая 1988 г. № 33 (Документ утратил силу, см. приказ Росархива от 8 октября 2020 г. № 131) // [Электронный ресурс]: URL: https://normativ.kontur.ru/document (дата обращения: 11.03.2025))* где, согласно п. 2.3.3.1, понятие «*машиночитаемого документа*» было расширено относительно ГОСТ 24.402-80, и он уже представлял собой «документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации. Основными видами носителей, применяемых при создании машиночитаемых документов, являются перфорационные (перфокарты, перфоленты) и магнитные (магнитные ленты, магнитные диски) носители записи».

6) 2001 г. – п. 3.2.22-3.3.28 ГОСТ Р 50.1.031-2001 «Информационные технологии поддержки жизненного цикла продукции. Терминологический словарь. Часть 1. Стадии жизненного цикла продукции», содержали такие понятия, как: «*документ электронный», «документ технический электронный – состоящие из оригинала, подлинника и копии; «документация электронная» и «электронная цифровая подпись» (ГОСТ Р 50.1.031-2001. Информационные технологии поддержки жизненного цикла продукции. Терминологический словарь. Часть 1. Стадии жизненного цикла продукции // [Электронный ресурс]: URL:*

https://docs.cntd.ru/document/1200028627 (дата обращения: 11.03.2025)), ставшие определенным шагом в развитии терминосистемы документа в электронной форме.

7) 2002 г. — Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» впервые на законодательном уровне вводится понятие *«электронный документ*, как документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме».

Впоследствии совершенствовались нормы законодательства *(Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5437/ (дата обращения: 11.03.2025)); Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»., положения стандартов // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 11.03.2025) и др.),* обобщая ранее принятые нормы и уточняя определение понятия «электронный документ».

Стоит отметить, что и мнения ученых в вопросе определения понятия «электронный документ» разделились:

О. В. Химичева и О. А. Мотякова под электронным документом понимают документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажный носитель, подписанный электронной подписью [16, с. 126].

О. А. Зайцев электронный документ рассматривает как «косвенное доказательство» [17, с. 49].

З. С. Лебедев считает, что электронный документ — это новый вид документа, в котором информация не отражена на материальном носителе, а представлена в цифровом виде [18, с. 113].

С. А. Рябчиков электронный документ рассматривает с позиции его процессуальной принадлежности. Согласно определению, которое предложил автор, электронный процессуальный документ — это зафиксированная информация о событиях и фактах, входящих в предмет доказывания, представленная в электронной форме, пригодной для восприятия человеком, с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах, заверенная электронной цифровой подписью лицом, его составившим, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, полученная в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса [19, с. 29].

Проанализировав вышеобозначенные определения, предлагаем под электронным документом понимать документированную электронную информацию, полученную в соответствии с требованиями закона, в том числе сгенерированную информационно-технологическим устройством, о событиях и фактах, имеющих значение для доказывания, удостоверенную посредством электронной подписи или электронной квалифицированной подписи и используемую при производстве по уголовному делу [20].

Стоит отметить, что в 2015 г. ГОСТ Р 7.0.95-2015 впервые был утвержден стандарт, устанавливающий основные виды электронных документов, классифицирующий их по природе основной информации следующим образом:

1.1. *Текстовый электронный документ*, содержащий в себе не только текстовую информацию, но и отдельные элементы графических образов объектов.

1.2. *Изобразительный электронный документ*, основу которого составляют целостные (графические) образы объектов, содержащие визуальное представление об объекте (к примеру, векторная графика), а также текстовую информацию.

1.3. *Электронный аудиодокумент*, который несет в себе информацию в форме, предназначенной для прослушивания.

1.4. *Мультимедийный электронный документ,* содержащий в себе элементы различной природы основной информации *(Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 9 декабря 2015 г. № 2127-ст) // [Электронный ресурс]: URL: https://www.libkem.su/assets/documents/pdf/metod/actdoc/gost/gost7-095-2015.pdf (дата обращения: 11.03.2025)).*

О необходимости постепенной (поэтапной) замены письменно-печатной формы на электронную, позволяющей создать и использовать полноценный электронный документ (аналог письменного документа) как источника значимой информации [21, с. 24–27], и их внедрения в форме комплексной электронной документной системы [22, с. 226–227] высказались многие ученые [18, с. 112; 23, с. 232; 24, с. 1484].

Кроме того, Верховный Суд РФ, опубликовав в 2024 г. единые правила ведения делопроизводства с использованием программных и технических средств автоматизированной информационной системы Суда, признал «главенствующую

роль» электронного документа над бумажным. Так, согласно инструкции при приеме электронного документа и аналогичных документов на бумажном носителе документы необходимо сопоставить с ранее поступившими и зарегистрированными в АИС на предмет идентичности их содержания и в случае совпадения зарегистрировать документы на бумажных носителях как копии *(Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации: утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 8 мая 2015 г. № 32-П (ред. от 9 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 20.12.2024))*.

Не вызывает сомнения позиция ученых в том, что первым шагом на пути к цифровизации всего российского уголовного процесса станет закрепление в УПК РФ определения понятия «электронного документа», а также «возможности его использования в уголовном судопроизводстве» [18, с. 114; 20; 25].

В некоторых странах данный процесс уже запущен. Например, в соответствии со ст. 7 УПК Республики Казахстан, разъясняющей понятия, используемые в законе, п. 15 содержит определение «электронного документа» *(Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 3 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=845;-20#pos=845;-20 (дата обращения: 11.12.2024))*. Кроме того, ст. 135 УПК Азербайджанской Республики признает документом ... электронный или иной носитель, отражающий информацию в форме букв, цифр, графических и иных знаков, содержащих сведения, имеющих значение для уголовного преследования *(Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 29 марта 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280& (дата обращения: 10.04.2024))*.

Положительно оценивая выводы ученых (С. В. Зуева [26, с. 14], О. И. Андреевой, О. А. Зайцева [27, с. 57], А. А. Дмитриевой, П. С. Пастухова [28, с. 282], К. В. Малыгина [22] и др.), допускающих использование электронного документа в уголовном судопроизводстве России в качестве замены бумажных документов, констатируем тот факт, что «в настоящее время еще рано говорить о существовании целостной системы электронной формы процессуальных документов по причине фрагментарности их закрепления в УПК РФ» [29, с. 76].

Так, в УПК РФ упоминается, что:

1) процессуальные документы могут быть выполнены... электронным способом (ч. 2 ст. 474);

2) к вещественным доказательствам относятся документы на электронных носителях (ч. 4 с. 81) [30, с. 310];

3) сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях (ч. 7 ст. 185);

4) копия обвинительного заключения с приложениями... изготовленная в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 3.1 ст. 222);

5) исполнительный лист вместе с копией приговора, определения, постановления суда может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 393);

6) ходатайство, заявление, жалоба или представление ... при наличии технической возможности могут быть поданы в суд в форме электронного документа и подписываются лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 1 ст. 474.1);

7) судебное решение... может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 4 ст. 474.1);

8) повестка или уведомление в электронном виде могут быть направлены посредством Единого портала (ч. 6 ст. 474.1; ч. 6 ст. 474.2);

9) копии постановления, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и копии иных процессуальных документов при наличии технической возможности могут быть изготовлены в форме электронного документа, который подписывается лицом, его изготовившим, усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 3, 5 ст. 474.2).

Электронное заявление о преступлении

Стоит отметить, что в некоторых странах система электронного документооборота (опыт США) начинает свое действие с регистрации заявлений о преступлении в электронном виде. И если гражданин принес заявление на бумажном носителе, в таком случае заявление сканируют, вносят в ИС и отдают обратно гражданину, делая в программе отметку «бумажный носитель» [31, с. 478–479]. Так же, как и в США, в ФРГ помимо устного

и письменного обращения в органы полиции на законодательном уровне предусмотрена возможность направления сообщения о преступлении посредством онлайн-сервиса (Onlinewache). Для этого лицу необходимо заполнить формуляр (бланк) заявления о преступлении, расположенный в отдельной опции на сайте органа полиции федеральной земли. Подписывать заявление не требуется, так как для идентификации заявителя используется его IP-адрес или личный кабинет [32, с. 219–220].

Однако законодательство России до настоящего времени исключает возможность подачи заявлений о преступлении в электронной форме (ст. 474.2 УПК РФ).

И в этой связи считаем обоснованным вывод М. С. Колосович и О. С. Колосович о том, что действующая форма принятия заявления о преступлении устарела и не отвечает требованиям современной действительности [33, с. 126].

А также П. А. Самойлова, который признает актуальным направлением развития и внедрения электронного документооборота в систему МВД России принятие нормы, позволяющей устранить необходимость личного присутствия гражданина, в том числе и при подаче заявления о преступлении [34, с. 44].

Кроме того, согласно опросу проведенного на платформе телеграмм канала РИТВУС (Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве), 68 респондентов указали на то, что заявление о преступлении может быть включено в электронный документооборот в досудебном производстве по уголовным делам.

17 апреля 2025 г. министр цифрового развития России М. Шадаев сообщил об обсуждении с МВД возможности подачи заявлений о преступлении через портал «Госуслуг».

В рамках обсуждения возможности предоставления такого права в разделе «Дискуссия» телеграмм канала РИТВУС действующие сотрудники правоохранительных органов регионов России (Красноярский край) поделились опытом рассмотрения электронных заявлений о преступлении.

Согласно данным за 2024–2025 гг., из 15 электронных заявлений о преступлении, поданных через официальный сайт МВД России:

1) 1 — рассмотрено как обращение (состав не выявлен), списано в номенклатурное дело;

2) 7 — зарегистрированы в КУСП и рассматривались согласно УПК РФ (признано как повод к возбуждению уголовного дела);

3) 7 — рассматривали 60 суток как обращение, по истечении срока рассмотрения, по каждому обращению составлен был рапорт об обнаружении признаков состава преступления, который был зарегистрирован в КУСП и рассмотрен в соответствии с УПК РФ.

Напомним, что каждый сайт МВД России содержит вкладку «Обращение», при подаче электронного заявления через сайт указываются следующие реквизиты: ФИО (полностью), число, месяц и год рождения, место проживания, адрес регистрации, место работы, семейное положение, документ, удостоверяющий личность, номер телефона и т.д. При заполнении электронного документа можно выбрать маршрут обращения: регион и отдел полиции, а также прикрепить к электронному заявлению документы, подтверждающие обоснованность поданного заявления (сканы с подписью заявителя). Респонденты, которые направляли таким образом заявление о преступлении, пояснили следующее: «Так как сканы документов содержали личную подпись, то вопрос об использовании электронной цифровой подписи на заявлении о преступлении у сотрудников полиции не возник. При направлении электронного заявления в окошке для текста обращения делается отметка «о направлении заявления о преступлении». В течение трех суток после обращения на электронную почту заявителя поступает уведомление о том, что обращение зарегистрировано, к которому прилагается номер для отслеживания статуса обращения».

Считаем, что для того чтобы «электронное заявление о преступлении» как электронный текстовый документ могло служить поводом для возбуждения уголовного дела, необходимо в УПК РФ закрепить следующие требования его подачи:

1) *идентификация заявителя:* заявитель должен быть зарегистрирован на Едином портале, откуда будет направлено электронное заявление о преступлении с указанием Ф.И.О, контактных и паспортных данных, адреса проживания/пребывания, адреса электронной почты для ответа на электронное обращение.

2) *форма подачи электронного заявления о преступлении:* электронное заявление о преступлении должно быть оформлено надлежащим образом и включать в себя описание преступления (обстоятельства, место, время, а также сведения о возможных очевидцах преступления либо иные электронные документы, подтверждающие обоснованность заявления), а также содержать необходимые реквизиты и подпись, электронную или биометрическую (отпечаток пальца, фотография лица, запись голоса).

3) *условия подачи электронного заявления о преступлении:* а) предупреждение об уголовной ответ-

ственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ; б) согласие на обработку персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ *(Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О персональных данных» // [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801. (дата обращения: 10.08.2024))*.

В целях реализации возможности подачи заявлений о преступлении в электронной форме представляется целесообразным предусмотреть в УПК РФ главу 56.1 «Сбор электронной информации о происшествии», в которой закрепить ст. 475.1 «Повод и основание сбора электронной информации о происшествии», регулирующую правовые отношения субъектов и лиц при размещении в цифровой платформе уголовного судопроизводства любой добровольной информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, полученной от физического либо должностного лица в виде электронного документа».

Подводя итог, выделим основные этапы развития документа в правовой системе:

1) Дописьменная эпоха (от 50–20 тыс. лет до н.э. — до конца 4 тыс. до н.э.) — это период, когда существовало слово, но не было способов его закрепления. С возникновением потребности сохранить и материализовать смысл появились знаки: узелки, метки, насечки и т.д., ставшие первыми документами и создавшие информационный ресурс, сохраняющий образ и смысл.

2) Традиционный этап (начало 4 тыс. до нашей эры) — использование печати штампа; зарождение письменности.

3) Этап унификации документа (XIX — начало XX в.) — введение бланков, установление правил применения гербовой печати, появление сборников образцов документов, создание трафаретных текстов.

4) Технический этап эволюции документа (начало XX в.) — формирование правового регулирования применения фото-, кино- и аудио доказательств для уголовного судопроизводства.

5) Этап внедрения электронного документооборота в уголовное судопроизводство (настоящее время) — в законодательство вводят некоторые элементы электронного документооборота по уголовному делу. В результате формат уголовного судопроизводства становится все больше смешанным (электронно-бумажного документооборот).

Основываясь на опыте зарубежных стран, в перспективе видится возможность перехода на электронную форму документооборота производства по делу и внедрение электронного уголовного дела для осуществления уголовно-процессуальной деятельности в цифровой среде.

Литература

1. *Пастухов П. С.* Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 454 с.

2. *Новицкий В. А.*, *Новицкая Л. Ю.* Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 2019. № (55). С. 213–221.

3. *Герасимова Е. С.* К вопросу о сроках хранения документов по личному составу // Делопроизводство. 2022. № 1. С. 82–86.

4. *Юмашева Ю. Ю.* Аудиовизуальные архивы в сети Интернет. Часть первая: «В начале было слово...» // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 84–110.

5. *Трифонова Н. А.* Использование в раскрытии и расследовании преступлений специальных знаний в области фоноскопии // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 100–104.

6. *Синеокий О. В.* Проблемы фонодокументирования и бездокументарных звукозаписей в адвокатской криминалистике: коммуникативно-правовой аспект // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 12. С. 230–238.

7. *Зуев С. В.* Цифровое видеопротоколирование следственных действий: возможности и перспективы // Сборник научных трудов конференции «Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики». Оренбург, 2020. С. 7–10.

8. *Латыпов В. С.* Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 113–118.

9. *Миленин Ю. Н.* Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

10. *Беляков В. К.* Художественные особенности процесса визуализации реальности на примере дореволюционного неигрового кино России: дис. ... д-ра искусств. М.: 2024. 324 с.

11. *Лебедев В. И.* Судебно-полицейская фотография: пособие для слушателей курсов, учрежд. при Деп. полиции для начальников сыск. отд-ний / тип. М-ва вн. дел, [1908]. 20 с.

12. *Лаппо Е. А.* Отдельные аспекты возникновения и развития криминалистической фотографии и фотосъемки // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2 (4). С. 68–73.

13. Технологии криминалистической фото- и видеосъемки: методические указания / сост.: А. В. Селезнев, Э. В. Сысоев. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 34 с.

14. *Лебедев В. И.* Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого словаря воровского языка. М., 1903. 160 с.

15. *Палли Х. Э.* ЭВМ и новые возможности хранения исторической информации // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М., 1977. С. 188–194.

16. *Химичева О. В.*, *Мотякова О. А.* Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России. № 4. 2021. С. 124–128.

17. *Зайцев О. А.* Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.4

18. *Лебедев З. С.* Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 1. С. 110–115.

19. *Рябчиков С. А.* Электронный документооборот в досудебном производстве по уголовным делам: современное состояние и развитие // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 4. С. 27–32. DOI: 10.14529/law230404.

20. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ. 2025. 312 с.

21. *Соколов Ю. Н.* Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 327 с.

22. *Малыгин К. В.* Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2024. 303 с.

23. *Янковая В. Ф.* Электронный документ как объект документоведения // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 229–235.

24. *Сергеева К. А.* О современных подходах к понятию электронного документа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1481–1487.

25. Основы теории электронных доказательств / Коллектив авторов; под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

26. *Зуев С. В.* Цифровая уголовно-процессуальная политика // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Алтайский государственный университет; отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 11–17.

27. *Андреева О. И.*, *Зайцев О. А.* Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–60.

28. *Дмитриева А. А.*, *Пастухов П. С.* Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (1). Pp. 270–295.

29. *Халиуллина Л. Г.* Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 75–79.

30. *Масленникова Л. Н.* К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве: Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 309–312.

31. *Сержантова Л. А.* Зарубежный опыт осуществления правосудия с применением цифровых технологий по уголовным делам // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики: сборник научных трудов юридического института, посвященный 50-летию юридического института/факультета Самарского университета и 80-летию Самарского университета. Вып. 4. Отв. ред. А. Г. Безверхов, науч. Ред. А. В. Юдин. Самара, 2022. 475–483.

32. *Масленникова Л. Н.*, *Сушина Т. Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 214–224. DOI: 10.17803/1994–1471.2020.115.6.214–224.

33. *Колосович М. С.*, *Колосович О. С.* Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 124–130.

34. *Самойлов П. А.* Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и в УПК РФ) // Вектор науки ТГУ. 2021. № 2. С. 44–50.

References

1. *Pastukhov P. S.* Modernizaciya ugolovno-processualnogo dokazyvaniya v usloviyah informacionnogo obshestva [Modernization of criminal procedural evidence in the conditions of the information society]: Dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 454 p. (In Russian)

2. *Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu.* Ponyatie i vidy cifrovyh dokazatelstv [The concept and types of digital evidence] // In *Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina [Leningrad State University named after A. S. Pushkin].* 2019. № (55). Pp. 213–221. (In Russian)

3. *Gerasimova E. S.* K voprosu o srokah hraneniya dokumentov po lichnomu sostavu [On the issue of storage periods for personnel documents] // In *Deloproizvodstvo [Office work].* 2022. № 1. Pp. 82–86. (In Russian)

4. *Yumasheva Yu. Yu.* Audiovizualnye arhivy v seti Internet. Chast pervaya: «V nachale bylo slovo...» [Audiovisual archives on the Internet. Part one: «In the beginning there was a word...»] // In *Istoricheskaya informatika [Historical computer science].* 2018. № 4. Pp. 84–110. (In Russian)

5. *Trifonova N. A.* Ispolzovanie v raskrytii i rassledovanii prestuplenij specialnyh znanij v oblasti fonoskopii [Use of special knowledge in the field of phonoscopy in solving and investigating crimes] // In *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Legal Bulletin].* 2007. № 4 (39). Pp. 100–104. (In Russian)

6. *Sineokiy O. V.* Problemy fonodokumentirovaniya i bezdokumentarnyh zvukozapisej v advokatskoj kriminalistike: kommunikativno-pravovoj aspekt [Problems of phonodocumentation and uncertificated sound recordings in legal forensics: communicative and legal aspect] // In *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina [Bulletin of the University. O. E. Kutafina].* 2017. № 12. Pp. 230–238. (In Russian)

7. *Zuev S. V.* Cifrovoe videoprotokolirovanie sledstvennyh dejstvij: vozmozhnosti i perspektivy [Digital video recording of investigative actions: opportunities and prospects] // In *Sbornik nauchnykh trudov konferentsii «Sovremennye problemy yuridicheskoi nauki i pravoprimenitel'noi praktiki». [Collection of scientific proceedings of the conference «Modern problems of legal science and law enforcement practice»].* Orenburg, 2020. P. 7–10. (In Russian)

8. *Latypov V. S.* Kinosemka licami, okazyvayushimi sodejstvie pravosudiyu, kak sposob fiksacii dokazatelstv v sovremennom ugolovnom processe Rossii [Filming by persons assisting justice as a way of recording evidence in modern criminal proceedings in Russia] // In *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2020. T. 11, № 1. Pp. 113–118. (In Russian)

9. *Milenin Yu. N.* Audio- i videodokumenty kak dokazatelstva v ugolovnom processe [Audio and video documents as evidence in criminal proceedings]: Author. Candidate of Law. Sciences. M., 2009. 24 pp. (In Russian)

10. *Belyakov V. K.* Hudozhestvennye osobennosti processa vizualizacii realnosti na primere dorevolyucionnogo neigrovogo kino Rossii [Artistic features of the process of visualizing reality using the example of pre-revolutionary non-fiction cinema in Russia]: dis. ... Doctor of Arts. M.: 2024. 324 pp. (In Russian)

11. *Lebedev V. I.* Sudebno-policejskaya fotografiya [Forensic police photography]: a manual for course participants, institutions. at the Department of Police for chiefs of investigation. department / type. M-va ext. cases, [1908]. 20 pp. (In Russian)

12. *Lappo E. A.* Otdelnye aspekty vozniknoveniya i razvitiya kriminalisticheskoj fotografii i fotosemki [Selected aspects of the emergence and development of forensic photography and photography] // In *Vestnik Mogilevskogo instituta MVD [Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs].* 2021. № 2 (4). P. 68–73. (In Russian)

13. Tehnologii kriminalisticheskoj foto- i videosyomki [Technologies for forensic photo and video filming]: guidelines /comp.: A.V. Seleznev, E.V. Sysoev. Tambov: Publishing house of the State Educational Institution of Higher Professional Education TSTU, 2011. 34 p. (In Russian)

14. *Lebedev V.I.* Spravochnyj ukazatel dlya chinov policii. Fotografii professionalnyh prestupnikov po kategoriyam s ocherkom antropometrii i prilozheniem kratkogo slovarya vorovskogo yazyka [Reference index for police officials. Photos of professional criminals by category with an outline of anthropometry and an appendix of a short dictionary of the thieves' language]. M., 1903. 160 pp. (In Russian)

15. *Palli H.E.* EVM i novye vozmozhnosti hraneniya istoricheskoj informacii [Computers and new possibilities for storing historical information] // In Source studies of Russian history: coll. Art. M., 1977. P. 188–194. (In Russian)

16. *Khimicheva O.V., Motyakova O.A.* Elektronnaya zhaloba v dosudebnom ugolovnom proizvodstve [Electronic complaint in pre-trial criminal proceedings] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* № 4. 2021. Pp. 124–128. (In Russian)

17. *Zaitsev O.A.* Osobennosti ispolzovaniya elektronnoj informacii v kachestve dokazatelstv po ugolovnomu delu: sravnitelno-pravovoj analiz zarubezhnogo zakonodatelstva [Features of the use of electronic information as evidence in a criminal case: comparative legal analysis of foreign legislation] // In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law].* 2019. № 4. Pp. 42–57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.4 (In Russian)

18. *Lebedev Z.S.* Elektronnye dokumenty v ugolovnom processe [Electronic documents in criminal proceedings] // In *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University].* 2022. T. 8. № 1. Pp. 110–115. (In Russian)

19. *Ryabchikov S.A.* Elektronnyj dokumentooborot v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: sovremennoe sostoyanie i razvitie [Electronic document management in pre-trial proceedings in criminal cases: current state and development] // In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of SUSU. Series «Law»].* 2023. T. 23. № 4. Pp. 27–32. DOI: 10.14529/law230404. (In Russian)

20. Pravovye i organizacionno-tehnologicheskie garantii cifrovogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Legal and organizational and technological guarantees of digital criminal proceedings]: monograph / ed. S.V. Zueva. M.: Yurlitinform. 2025. 312 pp. (In Russian)

21. *Sokolov Yu. N.* Informacionnye tehnologii i oborot cifrovyh dannyh v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki [Information technologies and digital data circulation in criminology: issues of theory and practice]: dis. ... Dr. Lawyer Sciences. Ekaterinburg, 2023. 327 pp. (In Russian)

22. *Malygin K.V.* Ispolzovanie elektronnyh dokumentov v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnyh stran [Use of electronic documents in criminal proceedings in Russia and foreign countries]: dis. ... Ph.D. Lawyer Sciences. Perm, 2024. 303 pp. (In Russian)

23. *Yankova V.F.* Elektronnyj dokument kak obekt dokumentovedeniya [Electronic document as an object of document management] // In [VolSU Bulletin. Series 2: Linguistics]. 2013. № 3. Pp. 229–235. (In Russian)

24. *Sergeeva K.A.* O sovremennyh podhodah k ponyatiyu elektronnogo dokumenta [On modern approaches to the concept of an electronic document] // In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Current problems of Russian law].* 2014. № 7 (44). S. 1481–1487. (In Russian)

25. Osnovy teorii elektronnyh dokazatelstv [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. A team of authors. Under ed. S.V. Zueva. M.: Yurlitinform, 2019. 400 pp. (In Russian)

26. *Zuev S.V.* Cifrovaya ugolovno-processualnaya politika [Digital criminal procedural policy] // In *Problemy bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh tsifrovizatsii: teoriya i praktika: sbornik statei KhVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae» [Problems of combating crime in the context of digitalization: theory and practice: collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference «Criminal procedural and forensic readings in Altai»].* Altai State University; rep. ed. S.I. Davydov, V.V. Polyakov. Barnaul: Publishing house Alt. university, 2020. Pp. 11–17. (In Russian)

27. *Andreeva O.I., Zaitsev O.A.* Perspektivy vedeniya rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate [Prospects for conducting Russian criminal proceedings in electronic format] // In *Ugolovnaya yustitsiya [Criminal justice].* 2018. № 12. Pp. 57–60. (In Russian)

28. *Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S.* Koncepciya elektronnogo dokazatelstva v ugolovnom sudoproizvodstve [Concept of electronic evidence in criminal proceedings] // In *Journal of Digital Technologies and Law [Journal of Digital Technologies and Law].* 2023. № 1 (1). Pp. 270–295. (In Russian)

29. *Khaliullina L. G.* Elektronnaya forma processualnyh dokumentov v ugolovnom processe: problemy teorii i praktiki [Electronic form of procedural documents in criminal proceedings: problems of theory and practice] // In *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice].* 2016. № 4. Pp. 75–79. (In Russian)

30. *Maslennikova L. N.* K voprosu o pravovom regulirovanii ispolzovaniya elektronnyh dokumentov v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of legal regulation of the use of electronic documents in criminal proceedings] // In [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Legal Sciences]. 2020. T. 6 (72), № 1. Pp. 309–312. (In Russian)

31. *Serzhantova L. A.* Zarubezhnyj opyt osushestvleniya pravosudiya s primeneniem cifrovyh tehnologij po ugolovnym delam [Foreign experience in administering justice using digital technologies in criminal cases] // In *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, istorii, teorii i praktiki: sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo instituta, posvyashchennyi 50-letiyu yuridicheskogo instituta/fakul'teta Samarskogo universiteta i 80-letiyu Samarskogo universiteta [State and law: issues of methodology, history, theory and practice: a collection of scientific works of the law institute dedicated to the 50th anniversary of the law institute/faculty of Samara University and the 80th anniversary of Samara University].* Vol. 4. Answer editor A. G. Bezverkhov, scientific editor A. V. Yudin. Samara, 2022. Pp. 475–483. (In Russian)

32. *Maslennikova L. N., Sushina T. E.* Opyt cifrovizacii ugolovnogo sudoproizvodstva Federativnoj Respubliki Germaniya i vozmozhnosti ego ispolzovaniya pri cifrovizacii ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii [Experience in digitalization of criminal proceedings in the Federal Republic of Germany and the possibility of its use in the digitalization of criminal proceedings in Russia] // In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Current problems of Russian law].* 2020. T. 15. № 6. Pp. 214–224. DOI: 10.17803/1994–1471.2020.115.6.214–224. (In Russian)

33. *Kolosovich M. S., Kolosovich O. S.* Elektronnaya forma zayavleniya kak povod dlya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Electronic application form as a reason for initiating a criminal case] // In *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2011. № 3 (18). Pp. 124–130. (In Russian)

34. *Samoilov P. A.* Elektronnoe zayavlenie o prestuplenii kak povod dlya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela (sravnitelnyj analiz pravovoj reglamentacii v normativnyh aktah MVD Rossii i v UPK RF) [Electronic statement of a crime as a reason to initiate a criminal case (comparative analysis of legal regulation in the regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)] // In *Vektor nauki TGU [Science vector of TSU].* 2021. № 2. Pp. 44–50. (In Russian)

ВНЕШНЯЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (ПРОТИВОСТОЯНИЕ) В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Панфилов Павел Олегович

Цель: *оценить состояние и выявить ключевые проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в контексте реализации внешней уголовно-процессуальной политики России и зарубежных стран.*

Методология: *в основе исследования лежит диалектический метод познания, который позволил выявить в международном сотрудничестве закономерности, деструктивно влияющие на достижение цели по противодействию преступности. В ходе исследования был использован функциональный метод познания, который позволил вывить реальное предназначение отдельных институтов международного сотрудничества с учетом той внешней уголовно-процессуальной политики, которую проводят государства. Использование сравнительно-правового метода позволило оценить различные подходы к реализации уголовно-процессуальной политики зарубежных государств. Формально-юридический метод использовался при анализе отдельных правовых норм, использующихся для регулирования тех или иных видов отношений, складывающихся при международном сотрудничестве по уголовным делам.*

Выводы. *В статье обосновано, что все современные направления и формы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не имеют никаких правовых механизмов, предохраняющих их от использования в качестве инструментов политической борьбы.*

В *работе обозначены некоторые негативные (с точки зрения доверия к ее результатам) тенденции использования универсальной юрисдикции в сфере уголовного судопроизводства.*

Доказано, *что в международном правосудии некоторые процессуальные гарантии либо девальвируются, либо совсем не предусмотрены, чем существенно уступают уровню обеспечения и проработанности базовых процессуальных гарантий в российской юрисдикции.*

На *международном уровне необходим комплекс правовых, организационно-технических, контрольных и даже санкционных мер, имеющих предохранительное воздействие от использования механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в деструктивных политических целях, однако, чтобы этот комплекс мер эффективно функционировал требуется достижение политического консенсуса суверенных государств.*

Научная и практическая значимость *статьи заключается в представлении международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве не как способа борьбы с преступностью, а как средства реализации внешней уголовно-процессуальной политики в целях внешнеполитического противостояния, расширения государственного суверенитета, продвижения национальных интересов за рубеж, оценки глобальных исторических событий в контексте политической конъюнктуры. Выявленные закономерности могут быть использованы как для дальнейших исследований в сфере уголовно-процессуальной политики, так и для выработки новых и совершенствования имеющихся механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-249-260

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная политика, международное сотрудничество, национальные интересы, международная уголовная юстиция, противодействие преступности, процессуальные гарантии, универсальная юрисдикция, политическое противостояние, безопасность общества и государства, экстерриториальная юрисдикция.*

Введение, или о связи внешней уголовно-процессуальной политики и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства

Уголовно-процессуальная политика, подчиняясь общим закономерностям выработки и реализации политики государства, может быть как внутренней, так и внешней. Традиционно научные исследования посвящены особенностям построения и реализации внутренней уголовно-процессуальной политики [3; 6; 8], между тем, как верно отмечается в литературе, нередко именно внешняя уголовно-процессуальная политика ставится в приоритет внутренней [11, с. 87] и определяет вектор развития всей системы уголовного судопроизводства государства. Внешние аспекты уголовно-процессуальной политики, как правило, исследователями связываются с различными направлениями международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, направленными на противодействие как внутригосударственной, так и транснациональной преступности [1, с. 21; 11, с. 87; 7, с. 63]. Вместе с тем стоит понимать внешнюю уголовно-процессуальную политику шире как с точки зрения выбираемых средств, так и в части целей. Так, средства внешней уголовно-процессуальной политики давно вышли за те классические направления международного сотрудничества, среди которых длительное время было принято называть выдачу, уголовное преследование, взаимную правовую помощь [2, с. 98–100]. В условиях необходимости противодействия отдельным видам трансграничных преступлений, связанных с цифровизацией общественных отношений, государствами создаются такие способы получения доказательств, которые не требуют задействования возможностей правоохранительных органов зарубежного государства (получение сведений напрямую у администрации криптобирж или интернет-провайдеров).

Что касается целей, то внешняя уголовно-процессуальная политика далеко не всегда преследует в качестве цели борьбу с преступностью. При всем многообразии направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и существующих институциональных моделей построения международной уголовной юстиции, есть основания полагать, что реальное их использование различными государствами в настоящее время обременено целями внешнеполитического противостояния [15, с. 8], расширения государственного суверенитета [12, с. 43], продвижения национальных интересов за рубеж [16, с. 172–174] и лишь субсидиарно связано с первоначальными целями, декларируемыми при их создании: противодействие транснациональной преступности, поддержание международного мира и безопасности.

Международное сотрудничество (соперничество) Китая и Европы

Иллюстрацией обозначенной проблемы является ситуация, складывающаяся вокруг практики экстрадиции обвиняемых из европейских государств в Китай, после решения Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 6 октября 2022 г. по делу «Лю против Польши» *(Case of Liu v. Poland (Application no. 37610/18) // [Электронный ресурс]: URL: https://laweuro.com/?p=19603 (дата обращения: 09.07.2025))*. Лю, гражданин Тайваня, обвинялся в экономических преступлениях. ЕСПЧ отменил решение Польши об экстрадиции в Китай из-за «общей ситуации насилия» в пенитенциарной системе Китая. Решение ЕСПЧ вступило в силу 30 января 2023 г. и является обязательным для всех государств — членов Совета Европы. После решения по делу «Лю против Польши» все запросы китайской стороны об экстрадиции, дошедшие до судебных разбирательств в Европе, были отклонены (кроме одной, где обвиняемый был согласен на экстрадицию *(Judicial precedents. Safegard Defenders // [Электронный ресурс]: URL: https://safeguarddefenders.com/en/extradition-center/judicial-precedents?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 09.07.2025))*. Следует отметить, что при принятии решения ЕСПЧ основывался на выводах из докладов Комитета ООН против пыток за 2008 и 2016 гг. (то есть с момента выхода докладов до принятия решения прошло 14 и 6 лет соответственно, в связи с этим об актуальности информации, содержащейся в них, говорить не приходится), а также на докладах Госдепартамента США *(Landmark decision could herald end to Europe's extraditions to China. Safegard Defenders // [Электронный ресурс]: URL: https://safeguarddefenders.com/en/blog/landmark-decision-*

could-herald-end-europes-extraditions-china (дата обращения: 09.07.2025)), различных правозащитных неправительственных организаций, финансируемых США и Великобританией (Amnesty International *(организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации)*, Human Rights Watch *(сайт организации в 2022 г. был заблокирован Роскомнадзором по требованию Генпрокуратуры России, в связи с выявленными нарушениями действующего законодательства Российской Федерации)* и Freedom House *(организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации)*, объективность которых также вызывает сомнения в условиях внешнеполитического противостояния этих государств с Китаем [13].

В свою очередь в отчете неправительственной испанской организации о состоянии экстрадиции между Европой и Китаем утверждается, что кампания против коррупции, развернутая в Китае, на самом деле выступает средством централизованного политического контроля со стороны Коммунистической партии Китая (далее — КПК), а запросы об экстрадиции выступают международным направлением этой кампании, через которую руководство государства влияет на общество, закладывая установки того, что побег, даже за границу, является невозможным или бесполезным, а жизнь за границей настолько ужасна, что лучше вернуться в Китай, чтобы предстать перед правосудием *(Returned without rights State of Extraditions to China. Safeguard Defenders. 2022. P. 10–13 // [Электронный ресурс]: URL: https://safeguarddefenders.com/sites/default/files/pdf/Returned%20Without%20Rights.pdf (дата обращения: 09.07.2025))*.

Таким образом, европейские негосударственные организации спекулируют на теме экстрадиции, указывая на то, что экстрадиция для Китая является не чем иным, как средством внутриполитической борьбы, а ее последствием являются казни и пытки, фактически подрывая у населения доверие к китайской системе правосудия. Решение ЕСПЧ является, по сути, средством давления на европейские государства, имеющие с Китаем договоры об экстрадиции, с целью приостановить действие таких договоров (следует признать, что успешно), дискредитировать китайскую систему уголовного правосудия, что открыто признается в соответствующих аналитических документах *(Landmark decision could herald end to Europe's extraditions to China. Safegard Defenders // [Электронный ресурс]: URL: https://safeguarddefenders.com/en/blog/landmark-decision-could-herald-end-europes-extraditions-china (дата обращения: 09.07.2025))*. Однако, как представляется, главный ущерб от такой внешней уголовно-процессуальной политики состоит в нанесении ущерба деятельности по противодействию преступности и обеспечению безопасности в государствах, которые отказывают в экстрадиции, поскольку в таком случае эти государства становятся местом, где можно скрыться от китайского правосудия.

Цифровизация как триггер поиска новых форм международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. Великобритания vs США: равные возможности и неравные результаты

В контексте использования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как инструмента уголовно-процессуальной политики с целью расширения государственного суверенитета интерес представляет «CLOUD Act» США *(Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act // [Электронный ресурс]: URL: https://www.crossborderdataforum.org/wp-content/uploads/2018/07/Cloud-Act-final-text.pdf (дата обращения: 10.07.2025))*. Данный нормативный правовой акт реализуется вместе с двусторонними исполнительными соглашениями с Великобританией (вступило в силу в 2022 г.) и Австралией (вступило в силу в 2024 г.), позволяя обеспечить ускоренное, в обход классического запроса в рамках международных договоров о взаимной правовой помощи, получение информации непосредственно у сервисов Microsoft, Google[1], Meta[2] и других поставщиков цифровых услуг, интернет-провайдеров, независимо от того, на сервере в США или в Великобритании, Австралии они физически хранятся.

В законе предусмотрена возможность провайдера подать ходатайство в суд США об изменении или отмене требования о выдаче информации, если интересующие американские правоохранительные органы данные принадлежат не американскому резиденту, а также, если раскрытие данных создаст существенный риск нарушения закона того иностранного государства, где расположены серверы. Кроме того, суд должен применить «обязательный

[1] Организация, в отношении которой действует запрет на распространение рекламы и ее информационных ресурсов.

[2] Организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

тест» при рассмотрении соответствующего ходатайства провайдера, оценив требование по следующим позициям: интересы США в расследовании; интересы иностранного государства, направленные на недопущение раскрытия сведений; риск санкций для провайдера за нарушение закона государства, где находятся серверы; связь лица, в отношении которого сделан запрос, с США / иным государством; связь провайдера с США; значимость данных для следствия; наличие альтернативных способов получить информацию с меньшими последствиями для нарушения прав и закона; интересы запрашивающего иностранного ведомства (если требование о предоставлении информации поступило от государства-партнера США по данной форме сотрудничества) [19].

Рядом зарубежных исследователей данный механизм был назван «изящным способом разрешения правовых проблем, возникающих у поставщиков цифровых услуг при взаимодействии с правоохранительными органами зарубежных стран по вопросам о собирании доказательств» *(Deedman Robert, Propp Kenneth. The U. K. — U. S. Data Access Agreement. Lawfare // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/the-u.k.-u.s.-data-access-agreement?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.07.2025))*. Кроме того, зарубежные исследователи обратили внимание на то, что «CLOUD Act» принимался в следующих целях: эффективное расследование тяжких преступлений, когда сведения в электронной форме находятся у американских провайдеров; снижение нагрузки на государственную систему США, обеспечивающую функционирование международной правовой помощи; защита американских компаний от неправового воздействия со стороны органов государственной власти иностранных юрисдикций *(Salgado Richard. First Insights Into the U.S. — U.K. CLOUD Act Agreement. Center for Strategic and International Studies // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/first-insights-into-the-u.s.-u.k.-cloud-act-agreement (дата обращения: 10.07.2025))*, например, требований по локализации данных на территории соответствующего государства *(Perault Matt, Salgado Richard. Untapping the Full Potential of CLOUD Act Agreements. Center for Strategic and International Studies // [Электронный ресурс]: URL: https://www.csis.org/analysis/untapping-full-potential-cloud-act-agreements?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.07.2025))*.

Л. В. Головко, соглашаясь с подходами ряда американских исследователей, обращает внимание на то, что «CLOUD Act» способствует неограниченному расширению юрисдикции США в отношении любых данных, контролируемых интернет-провайдерами, независимо от того, где эти данные находятся, отмечая угрозу, которая в результате создается для государственного суверенитета других стран со стороны США [12, с. 70].

Между тем опыт применения CLOUD Act между США и Великобританией, отраженный в отчете Министерства юстиции США, говорит о том, что опасения Л. В. Головко и некоторых зарубежных исследователей не оправдались, и во взаимодействии с Великобританией США выглядит скорее «донором», чем «реципиентом».

Во-первых, наибольшая часть центров обработки данных сети Интернет по состоянию на март 2025 г. располагается именно в США (5426 центров обработки данных, для сравнения в Германии, располагающейся на второй строчке,– 529, в Великобритании — 523, а в России — 251 *(Leading countries by number of data centers as of March 2025 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.statista.com/statistics/1228433/data-centers-worldwide-by-country/ (дата обращения: 12.07.2025))*, в связи с этим очевидно, что другие государства в большей степени заинтересованы в доступе к этим центрам (и, соответственно, во взаимодействии с провайдерами, которые их обслуживают), чем США. В действительности так и оказалось. По состоянию на октябрь 2024 г. Великобритания направила провайдерам США 20 142 запроса (98% — запросы на прослушивание телефонных переговоров и 2% — запросы о сохранение данных), в то время как американские правоохранительные органы направили британским провайдерам лишь 63 запроса (что объясняется малочисленностью провайдеров, обладающих глобальной базой пользователей).

Во-вторых, американский законодатель не смог решить задачу по снижению нагрузки на государственную систему США, обеспечивающую функционирование международной правовой помощи по уголовным делам. Как отмечается в отчете о реализации CLOUD Act, Великобритания продолжает использовать классическую процедуру международной правовой помощи с той же частотой, а 98% запросов о прослушивании телефонных переговоров, направленных в рамках CLOUD Act, не подпадают под действие договора о международной правовой помощи. При этом британская система оказания правовой помощи была несколько разгружена, поскольку 62 запроса из 63, направленные по CLOUD Act, могли бы поступить в рамках «классического» международного взаимодействия *(Salgado Richard. First Insights Into the U.S. — U.K. CLOUD Act Agreement. Lawfare Institute // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/first-insights-*

into-the-u.s.-u.k.-cloud-act-agreement (дата обращения: 10.07.2025)).

В-третьих, в литературе отмечается, что CLOUD Act обеспечивает интересы США и запрещает запрашивать у провайдеров информацию об американских резидентах (гражданах США и лицах, постоянно проживающих в США). Однако в этой части реализован принцип взаимности, поскольку американские правоохранительные органы также не могут запрашивать у британских провайдеров информацию о резидентах Великобритании, от чего в большей степени «выигрывает» Великобритания, поскольку большинство провайдеров на ее территории предлагают услуги только внутри страны (не имеют глобальной базы пользователей), что, в том числе, влечет небольшое количество запросов со стороны США.

В-четвертых, задача по защите американского бизнеса — IT-корпораций за рубежом за счет CLOUD Act не была решена. Так, британским законодателем были приняты некоторые правовые акты, которые направлены на снижение функций конфиденциальности и безопасности данных, находящихся у американских провайдеров, а также ограничивают возможности информировать Министерство юстиции США о запросах со стороны британских правоохранительных органов *(Salgado Richard. First Insights Into the U.S. — U.K. CLOUD Act Agreement. Lawfare Institute // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/first-insights-into-the-u.s.-u.k.-cloud-act-agreement (дата обращения: 10.07.2025))*.

Как можно убедиться из изложенных выше фактов, правильно выстроенное взаимодействие в рамках CLOUD Act не сделало Великобританию менее суверенным государством, а скорее наоборот, способствовало эффективному противодействию преступности (в первой половине 2024 г. взаимодействие по CLOUD Act способствовало 368 арестам, изъятию 3,5 тонны наркотиков, возврату 5 миллионов фунтов стерлингов, изъятию 94 единиц огнестрельного оружия и 745 патронов, а также выявлению 41 угрозы жизни и 100 угроз причинения вреда правоохранительными органами Великобритании *(Salgado Richard. First Insights Into the U.S. — U.K. CLOUD Act Agreement. Lawfare Institute // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/first-insights-into-the-u.s.-u.k.-cloud-act-agreement (дата обращения: 10.07.2025))*, что неизбежно способствует росту доверия к британской системе противодействия преступности со стороны общества, повышению качества обеспечения национальной безопасности, а значит, и укреплению суверенитета.

Как представляется, риски и угрозы суверенитету не в распространении CLOUD Act на национальные юрисдикции, а в том, что международные соглашения о его применении могут заключаться только с государствами, чья процедура работы с доказательствами и регулирование процесса доказывания удовлетворяют базовым представлениям Министерства юстиции США о надлежащей правовой процедуре. При этом зарубежная юрисдикция должна пройти соответствующую «сертификацию» со стороны США, и если законодательство государства-партнера будет удовлетворять всем требованиям, то соглашение может быть заключено.

Таким образом, если государство прошло проверку американской стороны, то упрощенные формы предоставления электронных доказательств реализуются, а если нет — то с государством сохраняется архаичная, длительная и для борьбы с киберпреступлениями, собирания цифровых следов неэффективная система взаимодействия в рамках международных договоров о правовой помощи. Такой подход, как и в предыдущем примере с Китаем и ЕС, фактически склоняет зарубежное государство (чтобы эффективно бороться с преступностью и не терять доверие со стороны своего населения) заимствовать модели, требуемые американским уполномоченным органом, интегрируя их в свою правовую систему, даже в ущерб тем правовым моделям, которые сложились в рамках национальной юрисдикции в ходе ее длительного исторического развития. И вот что интересно: несмотря на все обозначенные выше недостатки, американские исследователи предлагают расширять практику использования CLOUD Act, поскольку данный акт является способом продвижения национальных интересов США за рубеж *(Salgado Richard. First Insights Into the U.S. — U.K. CLOUD Act Agreement. Lawfare Institute // [Электронный ресурс]: URL: https://www.lawfaremedia.org/article/first-insights-into-the-u.s.-u.k.-cloud-act-agreement (дата обращения: 10.07.2025))*. Таким образом, американскими исследователями его реализация воспринимается как эффективный способ осуществления внешней уголовно-процессуальной политики.

Универсальная юрисдикция и международная уголовная юстиция как средства внешнеполитического противостояния

Одним из направлений международного сотрудничества выступает выработка и реализация различных механизмов «международной уголовной юстиции» [4, с. 303], среди них междуна-

родные уголовные трибуналы (Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (далее — МТБЮ), Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды (далее — МТР), а также Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов (далее — МОМУТ)), Международный уголовный суд (далее — МУС) и другие. Необходимо отметить, что каждый из действующих сегодня институциональных механизмов международной уголовной юстиции не лишен в той или иной мере политической составляющей, которая определяется не целями противодействия преступности против мира и безопасности человечества, а вопросами влияния или даже подчинения одного суверенного государства другому. Это обусловливает использование международной уголовной юстиции как средства политической борьбы, что влечет несправедливое уголовное преследование высших должностных лиц в целях отстранения их от власти или даже неконституционной смены власти в той или иной стране, необоснованное применение мер принуждения (например, выдача ордера на арест), а также ведет к ограничению государственного суверенитета. Иллюстрацией такой деструктивной направленности международной уголовной юстиции выступают деятельность Международного уголовного суда и использование отдельными государствами механизма универсальной юрисдикции, характерного для международной уголовной юстиции, в политических целях.

В настоящий момент правоохранительные органы Российской Федерацией документируют преступления, которые совершаются Вооруженными силами Украины и иными вооруженными формированиями на территории проведения специальной военной операции и за ее пределами (по состоянию на май 2025 г. Следственным комитетом Российской Федерации возбуждено 6999 уголовных дел о преступлениях, совершенных украинскими формированиями в отношении мирного населения и российских военнослужащих *(Председатель СК России провел совещание в Донецке // [Электронный ресурс]: URL: https://sledcom.ru/news/item/1977902/ (дата обращения: 10.07.2025))*. При этом очевидно, что такие преступления совершаются в отношении граждан Российской Федерации или против интересов Российской Федерации, поэтому здесь стоит говорить не об универсальной юрисдикции (когда у государства отсутствует фактическая или правовая связь с совершенным преступлением [5, с. 114]), а экстерриториальной [12, с. 43], что в полной мере соответствует всем международным подходам и российскому законодательству.

Однако зарубежные исследователи приводят примеры использования универсальной юрисдикции Литвой, Германий, Швейцарией, Чехией, Швецией для собирания показаний украинских беженцев *(Bardelle Arne, Mora Arie. «No safe haven» is not enough — universal jurisdiction and Russia's war of aggression. EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law // [Электронный ресурс]: URL: https://www.ejiltalk.org/no-safe-haven-is-not-enough-universal-jurisdiction-and-russias-war-of-aggression/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 14.07.2025))*. Одновременно с этим те же исследователи сомневаются в том, что такие доказательства приведут к привлечению к ответственности кого бы то ни было, однако отмечают, что получение показаний и собирание иных доказательств полезно, поскольку позволяет использовать уголовное судопроизводство для документирования и сохранения событий прошлого в историческом контексте. В тех же целях в 2025 г. международной организацией «Global Rights Compliance» был запущен проект «Карта универсальной юрисдикции Украины», где фиксируются факты уголовного преследования, связанные с боевыми действиями на Украине (согласно карте 25 европейских государств начали уголовное преследование в порядке универсальной юрисдикции *(Ukraine Universal Jurisdiction Map // [Электронный ресурс]: URL: https://globalrightscompliance.org/universal-jurisdiction-map-provides-an-overview-of-legal-proceedings-regarding-the-conflict-in-ukraine/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 14.07.2025))*, однако только о тех преступлениях, которые якобы совершены гражданами России или лицами, действующими в ее интересах.

В связи с этим следует отметить две негативные тенденции использования универсальной юрисдикции в сфере уголовного судопроизводства (с точки зрения доверия к ее результатам) со стороны зарубежных государств.

Во-первых, универсальная юрисдикция используется не для противодействия преступности против мира и безопасности человечества (именно для этого она и была придумана), а для фиксации событий в контексте истории и интерпретации этих событий в условиях политической конъюнктуры. Историческую значимость меха-

низмов уголовной юстиции отмечают американские исследователи, обращая внимание на то, что уголовный процесс не преследует цели создания полного исторического описания событий, однако может способствовать достижению этой цели, поскольку доказательства, подвергнутые оценке в ходе судебного разбирательства, могут считаться достоверными [17, с. 79]. И даже если в дальнейшем привлечь к ответственности никого не удастся (что объективно невозможно в отсутствии полного и всестороннего доказывания и доступа у представителей Чехии, Швейцарии, Швеции и других государств, занимающихся документированием, на место происшествия в условиях боевых действий и т.д.), то можно будет использовать зафиксированные факты, интерпретируя их исходя из деструктивных политических интересов.

Во-вторых, комплиментарность правосудия по отношению к украинскому государственному образованию и порицательность любых действий России, ее граждан, лиц, действующих в российских интересах, не свидетельствует о соблюдении минимальных международных стандартов справедливого правосудия, о стремлении к полному и всестороннему установлению обстоятельств происходящего.

В условиях этих тенденций необходима выработка подходов к тому, как Российской Федерации выстраивать свою универсальную юрисдикцию и как противодействовать универсальной юрисдикции со стороны государств, которые используют ее в политических целях, ориентируя внешнюю, в том числе и уголовно-процессуальную, политику против национальных интересов Российской Федерации. Фактически мы движемся к некоторой «войне универсальных и экстерриториальных юрисдикций», когда каждое государство формирует свою доказательственную базу, оценивая факты и интерпретируя события с такой позиции, которая одинаково не признается другой стороной конфликта.

Возможно, ситуация, которая складывается с универсальной юрисдикцией, результат того, что на международном уровне порядок ее реализации не урегулирован, и если Женевскими конвенциями были установлены правила ведения войны [10, с. 227], то, вероятно, на уровне ООН следует выработать правила применения и признания универсальной юрисдикции.

Не обошли две обозначенные негативные тенденции и некоторые органы международной уголовной юстиции, в частности Международный уголовный суд. Деятельность МУС подвергается обоснованной критике не только со стороны отечественных исследователей, но и во многих зарубежных работах по ряду позиций.

Во-первых, МУС необоснованно расширяет собственную юрисдикцию, возбуждая производства против высших должностных лиц государств, не являющихся участниками Римского статута. Так, заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев достаточно подробно изложил аргументы того, что решения МУС о выдаче ордеров на арест высших должностных лиц таких государств (в том числе и России) не соответствуют ни фундаментальным принципам международного права, ни тем целям и задачам, для которых создавался МУС [15, с. 8].

Во-вторых, имеется региональный дисбаланс лиц, которые привлекаются к ответственности. Так, из 54 человек, которым МУС предъявил обвинения, на сегодняшний день 47 являются африканцами, хотя не расследованы военные преступления, совершенные британскими войсками в Ираке, американскими войсками в Афганистане, израильскими войсками в Секторе Газа *(Hendrickse Melissa. A chance for Africa to counter the pitfalls of international criminal justice? // [Электронный ресурс]: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/04/a-chance-for-africa-to-counter-the-pitfalls-of-international-criminal-justice/ (дата обращения: 14.07.2025))*.

В-третьих, низкое качество расследования преступлений, что влечет ошибочные выводы о виновности. Например, в деле Жан-Пьера Бембы Гомбо, в отношении которого Апелляционная палата МУС отменила обвинительный приговор за военные преступления и преступления против человечности, оправдав его по всем пунктам обвинения, поскольку нижестоящая палата допустила ошибку в применении стандарта доказывания, а именно, не выполнив требование о необходимости доказывания вины вне разумных сомнений (*Decision on the appeals of the Prosecutor and Mr Jean-Pierre Bemba Gombo against the decision of Trial Chamber III of 21 June 2016 entitled «Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute» // The International Criminal Court [Электронный ресурс]: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2018_02985.PDF (дата обращения: 14.07.2025))*.

В-четвертых, низкая эффективность — длительные расследования при высокой стоимости производства. Так, в бюджете МУС на 2024 г. было заложено около 190 млн евро, в то время как всего в его производстве за 23 года работы находилось 32 дела *(The Court Today — Facts & Figures // The International Criminal Court [Электронный ресурс]: URL: https://www.icc-cpi.int/sites/*

default/files/2024-08/TheCourtToday-Eng.pdf (дата обращения: 14.07.2025)). При этом средняя длительность рассмотрения дела от регистрации до окончательного решения по апелляции составляет около 9–10 лет *(Report of the Court on key performance indicators (KPIs) Results and analysis of the KPIs in the International Criminal Court Strategic Plan (2023–2025) // The International Criminal Court [Электронный ресурс]: URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-07/2024-KPI-ENG.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 14.07.2025))*.

Таким образом, МУС являлся и является не чем иным, как средством внешнеполитического противостояния, а его позиционирование в качестве эффективного органа международного правосудия является лишь прикрытием для дальнейшего существования и финансирования.

С учетом обозначенных дефектов международной уголовной юстиции и современных особенностей реализации внешней уголовно-процессуальной политики вполне обоснованно, что В.Д. Зорькин приоритетной формой правосудия по преступлениям против мира и безопасности человечества называет эффективные национальные судебные системы и порядки, при этом допуская возможность создания и функционирования международных органов уголовной юстиции только в исключительных случаях, когда национальная система правосудия находится в упадке и не срабатывает, в случае разрушения государственности в результате военного поражения или гражданской войны [14, с. 190–191].

Об уровне обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в системе международной уголовной юстиции

Изучение правоприменительной практики деятельности органов международной юстиции свидетельствует о том, что в международном правосудии некоторые процессуальные гарантии либо девальвируются, либо совсем не предусмотрены, существенно уступая, например, уровню обеспечения и проработанности базовых процессуальных гарантий в российской юрисдикции.

Во-первых, необоснованно длительное содержание под стражей лиц, без соответствующих оснований и права на реабилитацию, отсутствие правил о невозможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, страдающих определенными заболеваниями.

В качестве примера можно привести дело Ратко Младича, в отношении которого органами международной юстиции было отклонено ходатайство о досрочном освобождении по гуманитарным соображениям или о разрешении отбывать оставшийся срок наказания в Сербии *(выступление заместителя постоянного представителя Марии Заболотской на брифинге СБ ООН, посвященном деятельности Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов // [Электронный ресурс]: URL: https://russiaun.ru/en/news/110624 (дата обращения: 27.06.2025))*.

Кроме того, в одном из своих выступлений на Петербургском международном юридически форуме Дж. Логлэнд *(Запись трансляции сессии «Международные суды против судов национальных: где выход?», Петербургский международный юридический форум — 2024. 26.06.2024 // [Электронный ресурс]: URL: https://legalforum.info/archive/2024/programme/business-programme/5356/#broadcast (дата обращения: 23.06.2025))*, обратил внимание, что по решению МУС бывший президент Кот-д'Ивуара провел под стражей более 7 лет, прежде чем он был этим судом оправдан, а стороной обвинения не было предъявлено достаточных доказательств виновности, при этом стороне защиты даже не понадобилась представлять оправдательные доказательства *(Ivory Coast ex-president Gbagbo freed by Hague court. Reuters // [Электронный ресурс]: URL: https://www.reuters.com/article/uk-warcrimes-ivorycoast-gbagbo-idUKKCN1PQ4RI/ (дата обращения: 06.07.2025))*.

Во-вторых, отсутствуют процессуальные гарантии участия в судопроизводстве для лиц, которые страдают психическим расстройством, свидетельствующем об утрате обвиняемым или подсудимым способности участвоватьв расследовании или в судебном заседании.

Например, дело руандийского предпринимателя, основателя радиостанции, призывавшей к убийству представителей племени тутси Фелисьена Кабуги. Так, судебно-медицинская экспертиза, проведенная в отношении Кабуги, установила, что у него имеются когнитивные нарушения, утрачены способности участвовать в судебном заседании в связи с прогрессирующей деменцией. При этом судебная камера МОМУТ приняла решение продолжить производство в рамках альтернативной процедуры вынесения решения, которая будет максимально похожа на судебный процесс, но без возможности вынесения обвинительного приговора. Однако апелляционная палата отменила это решение, поскольку нельзя принимать процессуальные решения по фактическим обстоятельствам дела без полноценного судебного разбирательства, это противоречит положениям Устава МОМУТ. В настоящее время принято ре-

шение бессрочно приостановить производство по делу ввиду неспособности Кабуги предстать перед судом. Это первый случай в истории международной юстиции, когда процесс был приостановлен, однако с этим решением не согласна сторона обвинения (прокуроры и потерпевшие), поскольку приостановление производства несправедливо по отношению к жертвам *(Kabuga, Félicien (MICT-13-38). The International Residual Mechanism for Criminal Tribunals // [Электронный ресурс]: URL: https://www.irmct.org/en/cases/mict-13-38 (дата обращения: 27.06.2025))*. Вместе с тем причиной такой ситуации является правовая неопределенность процедуры производства в отношении лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение (чего нельзя сказать, например, о российской юрисдикции, где предусмотрена глава 51 УПК РФ).

В-третьих, отсутствие достаточно обыденных для российской юрисдикции процессуальных гарантий, например, неизменность состава суда (ст. 242 УПК РФ). Так, например, по делу Купрешича судебная плата МТБЮ провела несколько заседаний, на которых оглашались показания свидетелей, в отсутствии одного из судей, что было признано допустимым в интересах быстрого судебного разбирательства. Только лишь апелляционная палата отменила такое решение, указав, что судебные палаты должны состоять из трех судей, единственный случай, когда двое судей могут продолжить рассмотрение дела, если получат на то разрешение Председателя Суда, а вопросы, которые будут рассматриваться, имеют «текущий», организационно-технический характер [18, с. 34].

В-четвертых, чуждость современным органам международной уголовной юстиции идеи о процессуальной экономии. Так, по официальным данным в МОМУТ в настоящее время работает 301 человек, а его годовой бюджет составляет более 65 миллионов долларов, при этом за время своего существования международные трибуналы, имевшие мандат ООН, потратили 5 миллиардов долларов: в приблизительном подсчете каждое обвинение обходится международному сообществу в 20 миллионов долларов *(выступление заместителя постоянного представителя Марии Заболотской на брифинге СБ ООН, посвященном деятельности Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов // [Электронный ресурс]: URL: https://russiaun.ru/en/news/110624 (дата обращения: 27.06.2025))*, что очевидно не свидетельствует о высокой эффективности такого правосудия, достижения максимального результата при минимальных затратах.

Одновременно с этим в международных судебных инстанциях действуют лимиты объема апелляций (30 страниц *(practice Direction on Lengths of Briefs and Motions // [Электронный ресурс]: URL: https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/legal-library/pd-appeal-briefs_en_fr.pdf (дата обращения: 29.06.2025))* и иные менеджерские меры (предварительный контроль вопросов, которые планируют задать стороны; жесткие временные сроки прений, ответа на реплику в прениях рассмотрения и заявления ходатайств и др.), которые апелляционная палата МОМУТ использует для ускорения разбирательств.

Указанные проблемы вряд ли могут быть решены системой каких-либо средств воздействия аналогичных тем, которые предпринимаются в рамках национальных юрисдикций, они так или иначе сопровождали и будут сопровождать международную юстицию на новых этапах ее развития, поскольку любое сближение национальных юрисдикций на уровне международных требует согласования набора процессуальных гарантий из разных национальных уголовно-процессуальных моделей, что проходит в условиях серьезного правового и политического противостояния. Однако дело даже не в этом противостоянии, а в той истории развития системы процессуальных гарантий, которые она, как правило, должна пройти. В этой части система международной юстиции характеризуется молодостью и незрелостью (несмотря на то, что о международном уголовном суде говорили как в период, так и после Первой мировой войны, свое начало современное международное уголовное правосудие берет с Нюрнбергского процесса, которым были заложены «нюрнбергские принципы» международного права [9, с. 274–275]), а ее развитию препятствуют процессы трансформации международного уголовного правосудия в механизм политического противостояния.

Обозначенные выше обстоятельства прямо указывают на то, что органы международной юстиции должны выступать скорее вынужденной мерой реагирования на преступления против международного мира и безопасности, когда национальное правосудие разрушено войной или не функционирует по иным причинам.

Заключение

Резюмируя изложенное, отметим, что в настоящее время никаких правовых механизмов, которые бы позволили исключить использование различных направлений международного сотрудничества в качестве инструментов политической борьбы в праве, не выработано. Фактически раз-

личные направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства используются так, что это влечет «правовую войну» [15, с. 14] и «битву юрисдикций», что, безусловно, негативно сказывается на доверии к международной уголовной юстиции как таковой, тем решениям, которые принимаются в результате ее работы. Использование инструмента международной уголовной юстиции во внешнеполитической борьбе является частью внешней государственной политики и вряд ли сможет быть остановлено теми или иными правовыми запретами или ограничениями. При этом реальный результат (в виде привлечения к уголовной ответственности конкретного лица) использования того или иного механизма международной уголовной юстиции возможен только в случае «политической слабости» государства, ограничения его суверенитета в результате военного поражения, невозможности или нежелания государственного аппарата обеспечить в международных отношениях защиту высших должностных лиц, в том числе и с применением военных средств воздействия. Такая ситуация представляется совершенно недопустимой с точки зрения сохранения и поддержания международного мира и безопасности.

Как из этой ситуации выходить? Как представляется, реализации и закреплению конструктивных правовых моделей на международном уровне всегда предшествует некоторый политический консенсус суверенных государств. Пока такой политический консенсус не достигнут, как классические, так и новые направления международного сотрудничества будут использоваться в качестве инструментов политического противостояния. Однако любое противостояние не может продолжаться бесконечно, рано или поздно объективная потребность, обусловленная внутренней национальной безопасностью, стимулирует такой консенсус. В связи с этим уже сейчас необходима выработка принципов и подходов, которые бы учитывали риски использования механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства для деструктивного внешнеполитического воздействия и содержали бы комплекс правовых, организационно-технических, контрольных и даже санкционных мер, имеющих предохранительное воздействие от использования в таких целях.

Литература

1. *Волеводз А. Г.* Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. М., 2002. 38 с.

2. *Волеводз А. Г.* Основания и механизм национально-правовой имплементации в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Военно-юридический вестник Приволжского региона: Сб. научных трудов. Вып. 1 / ВП ПУрВО, Приволжский окружной военный суд и Самарская гуманитарная академия. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2003. С. 97–118.

3. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. 208 с.

4. *Волеводз А. Г.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 303–323.

5. *Королев Г. А.* Универсальная юрисдикция: определение, основания применения // Журнал российского права. 2009. № 3 (147). С. 107–115.

6. *Ковтун Н. Н.* От инквизиции — к состязательности и обратно (векторы формирования российской уголовно-процессуальной политики) // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Казань: ЗАО «Новое знание», 2010. С. 28–35.

7. *Смирнова И. Г.* Уголовно-процессуальная политика: некоторые суждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 3. С. 61–67.

8. *Зайцев О. А.* Основные направления уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (2–3 ноября 2012 г.). Тюмень: ООО «Вектор Бук», Тюм. обл. Дума, ГАОУ ВПО ТО «ТГАМЭУП», 2012, Вып. 9. С. 25–30.

9. *Ализаде В. А., Волеводз А. Г.* Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала: семьдесят лет спустя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1(24). С. 271–294.

10. *Лобанов С. А.* Международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2018. 495 с.

11. *Дершиев Ю. В.* О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91.

12. *Головко Л. В.* Государство и его уголовное судопроизводство. М.: Издательский Дом «Городец», 2022. 464 с.

13. *Лукин А. В.* Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.

14. *Зорькин В. Д.* Лекции о праве и государстве. СПб., 2024. 352 с.

15. *Медведев Д. А.* Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение. 2025. Т. 69, № 1. С. 3–23.

16. *Vogler R.* A World View of Criminal Justice. Ashgate, 2006. 330 p.

17. *Safferling C.* International Criminal Procedure. OUP, 2012. 602 p.

18. *Gideon B., Natalie L. Reid, B. Don Taylor Iii, James L. Bischoff.* International Criminal Law Practitioner Library: Volume 3: International Criminal Procedure. (The International Criminal Law Practitioner.) Cambridge University Press, 2013. 486 p.

19. *Cantekin K.* Comity upon request. What does the *new U.*S. CLOUD Act tell us about the future of data flow regulation? // Big data and Public Law: new challenges beyond data protection. 1st Edition of the Seminars of the PhD School in Public, International and European Union law of «Università degli Studi di Milano». Eurojus.it. 2018. P. 79–95.

References

1. *Volevodz A. G.* Pravovye osnovy novykh napravlenii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugolovnogo protsessa [Legal bases of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09 / Nauch.-issled. in-t problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri Gener. prokurature RF. M., 2002. 38 p. (In Russian)

2. *Volevodz A. G.* Osnovaniya i mekhanizm natsional'no-pravovoi implementatsii v ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii mezhdunarodno-pravovykh norm o novykh napravleniyakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [The grounds and mechanism of national legal implementation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation of international legal norms on new directions of international cooperation in the field of criminal justice] // In *Voenno-yuridicheskii vestnik Privolzhskogo regiona: Sb. nauchnykh trudov.* Vyp. 1 / VP PUrVO, Privolzhskii okruzhnoi voennyi sud i Samarskaya gumanitarnaya akademiya. Samara: Izd-vo Samarskoi gumanitarnoi akademii, 2003. S. 97–118. (In Russian)

3. *Gavrilov B. Ya.* Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty [Modern Russian criminal policy: facts and figures]. M.: Prospekt, 2008. 208 s. (In Russian)

4. *Volevodz A. G.* Sovremennaya sistema mezhdunarodnoi ugolovnoi yustitsii: ponyatie, pravovye osnovy, struktura i priznaki [The modern system of international criminal justice: concept, legal framework, structure and features] // In *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: Sovremennye problem [International Criminal Justice: Contemporary Issues]* / pod red. G. I. Bogusha, E. N. Trikoz. M.: Institut prava i publichnoi politiki, 2009. S. 303–323. (In Russian)

5. *Korolev G. A.* Universal'naya yurisdiktsiya: opredelenie, osnovaniya primeneniya [Universal jurisdiction: definition, grounds for application] // In *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law].* 2009. № 3 (147). S. 107–115. (In Russian)

6. *Kovtun N. N.* Ot inkvizitsii — k sostyazatel'nosti i obratno (vektory formirovaniya rossiiskoi ugolovno-protsessual'noi politiki) // In *Vestnik nauchnykh trudov Nizhnekamskogo filiala Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta [Bulletin of Scientific Works of the Nizhnekamsk Branch of the Moscow Institute of Humanities and Economics].* Kazan': ZAO «Novoe znanie», 2010. S. 28–35. (In Russian)

7. *Smirnova I. G.* Ugolovno-protsessual'naya politika: nekotorye suzhdeniya o ee sushchnosti, sotsial'noi obuslovlennosti i meste v ugolovnoi politike // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]*. 2010. № 3. S. 61–67. (In Russian)

8. *Zaitsev O. A.* Osnovnye napravleniya ugolovno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii [The main directions of the criminal procedure policy of the Russian Federation] // In *Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–3 noyabrya 2012 g.) [Improving the activities of law enforcement agencies in combating crime in modern conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (November 2–3, 2012)]*. Tyumen': OOO «Vektor Buk», Tyum. obl. Duma, GAOU VPO TO «TGAMEUP», 2012, Vyp. 9. S. 25–30. (In Russian)

9. *Alizade V. A., Volevodz A. G.* Printsipy mezhdunarodnogo prava, priznannye Ustavom Nyurnbergskogo tribunala: sem'desyat let spustya [Principles of international law recognized by the Charter of the Nuremberg Tribunal: seventy years later] // In *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminologist's library. Scientific Journal]*. 2016. № 1(24). S. 271–294. (In Russian)

10. *Lobanov S. A.* Mezhdunarodnaya ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya [International criminal liability for war crimes]: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.10. M., 2018. 495 s. (In Russian)

11. *Derishev Yu. V.* O sovremennoi otechestvennoi ugolovno-protsessual'noi nauke v obshchem i organizatsii sledstvennogo apparata v chastnosti [About modern Russian criminal procedure science in general and the organization of the investigative apparatus in particular] // In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. [Bulletin of Tomsk State University]*. 2019. № 31. S. 74–91. (In Russian)

12. *Golovko L. V.* Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo [The State and its criminal proceedings]. M.: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2022. 464 s. (In Russian)

13. *Lukin A. V.* Amerikano-kitaĭskoe sopernichestvo v ATR: deklaratsii i real'nost' [US-China Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality] // In *Rossiya v global'noi politike [Russia in global politics]*. 2023. T. 21. № 1. S. 118–137. (In Russian)

14. *Zor'kin V. D.* Lektsii o prave i gosudarstve [Lectures on law and the State]. Spb, 2024. 352 s. (In Russian)

15. *Medvedev D. A.* Utrachennye illyuzii, ili Kak Mezhdunarodnyi ugolovnyi sud stal yuridicheskim nichtozhestvom [Lost Illusions, or How the International Criminal Court became a Legal nonentity] // In *Pravovedenie [Legal studies]*. 2025. T. 69, № 1. S. 3–23. (In Russian)

16. *Vogler R.* A World View of Criminal Justice. Ashgate, 2006. 330 p. (In English)

17. *Safferling C.* International Criminal Procedure. OUP, 2012. 602 p. (In English)

18. *Gideon B., Natalie L. Reid, B. Don Taylor Iii, James L. Bischoff.* International Criminal Law Practitioner Library: Volume 3: International Criminal Procedure. (The International Criminal Law Practitioner). Cambridge University Press, 2013. 486 p. (In English)

19. *Cantekin K.* Comity upon request. What does the *new U.*S. CLOUD Act tell us about the future of data flow regulation? // Big data and Public Law: new challenges beyond data protection. 1st Edition of the Seminars of the PhD School in Public, International and European Union law of «Università degli Studi di Milano». Eurojus.it. 2018. P. 79–95. (In English)

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

СОВРЕМЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФАКТУ ОБЪЕМНОГО ВЗРЫВА

Синюк Вадим Дмитриевич

Цель: *оценить эффективность использования специальных методов исследования при производстве судебных взрывотехнических экспертиз по фактам объемных взрывов, предложить современные технические средства, необходимые для применения специальных методов исследования, и сформировать методологическую основу производства нового вида судебных взрывотехнических экспертиз.*

Методология: *общий диалектико-материалистический метод, анализ и синтез, обобщение и систематизация,*

Выводы. *Автор приходит к выводу о необходимости формирования комплекса специальных методов судебной экспертизы по факту объемного взрыва, которая является новым видом судебной взрывотехнической экспертизы. Оптимальная совокупность современных методов позволит обеспечить рациональный подход к производству исследования, а также повысит доказательственную базу при расследовании уголовных дел по фактам объемных взрывов.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость статьи заключается в представлении результатов разработки методологической основы нового вида судебной экспертизы. На основе судебной и следственной практики определены области применения специальных методов. Практическая значимость заключается во внедрении современных технических средств для повышения эффективности применения обозначенных методов.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебная экспертология, методы судебной экспертизы, судебно-экспертная деятельность, заключение эксперта, криминалистическое взрывоведение, взрывотехническая экспертиза, взрыв, объемный взрыв, топливно-воздушная смесь, взрывчатые вещества.*

Производство судебной экспертизы по факту объемного взрыва представляет собой процесс познания от разнородных бессистемных сведений о произошедшем событии до установления фактов, имеющих доказательственное значение.

Заключение эксперта согласно ст. 8 ФЗ № 73 *(Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (опубликован в Собрании законодательства РФ от 4 июня 2001 г. № 23 ст. 2291*) должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Поэтому одним из основных критериев разработки теоретической базы нового вида судебной экспертизы является теоретическая разработка научных методов и технических средств и соответствующих алгоритмов для проведения исследования. Такого же мнения придерживается Ропот Р. М., который приходит к выводу, что *«разработка типовых систем и классификаций методов экспертного исследования, основанных на едином подходе к дифференциации экспертных задач, позволит повысить эффективность выбора и применения необходимых методов экспертного исследования» [*1].

Внедрение специальных методов в новый вид судебной экспертизы по факту объемного взрыва обусловлено необходимостью повышения эффективности дискретного использования этих методов при осуществлении судебно-экспертного исследования за счет индивидуального исследования

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-261-269

взрыва и его последствий. На месте объемного взрыва происходит видоизменение первоначальной обстановки и уничтожение материальных следов преступления. Этому способствуют основные составляющие взрыва, такие как взрывная волна, высокая температура и т.д., которые приводят к разрушению конструктивных элементов зданий и сооружений, обгоранию вещной обстановки. Кроме того, на месте происшествия происходит разбор завалов с целью спасения пострадавших, что также оказывает негативное влияние на сохранность следов. Поэтому важной задачей является разработка и внедрение научных методов, способствующих повышению доказательственного значения проводимых исследований.

На наш взгляд наиболее обоснованной структурой экспертных методов является система из трех уровней (базовый всеобщий метод, общенаучные методы и специальные методы), разработанная профессором Т. В. Аверьяновой. Она выделяет три уровня методов, использующихся в судебно-экспертной деятельности. К ним относятся:

1. Материалистическая диалектика. К которой относятся диалектическая и формальная логика.

2. Общенаучные методы. К группе данных методов относятся наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование, математические методы (расчетные методы), исторический метод, формализация, идеализация, аксиоматический и эвристический методы.

3. Специальные методы. Среди данных методов выделяются собственные методы данной науки и методы иных наук [2, с. 113, 114].

Если первая группа методов универсальна и применяется в любом виде судебной экспертизы, то среди специальных методов будут серьезные отличия. Это объясняется различным предметом исследования, пределами компетенции и вопросами, поставленными на разрешение экспертов. Например, по факту взрыва газового баллона, экспертом-биологом будут исследоваться микроколичества пота на вентиле баллона, а эксперт-взрывотехник будет определять природу взрыва и устанавливать его причину. Причем эксперт-биолог будет использовать, например, микроспектральный метод и метод тонкослойной хроматографии [3, с. 6, 7], эксперт-взрывотехник будет использовать методы инженерного анализа пожаровзрывоопасности объектов [4, с. 365], метод визирования [5, с. 28] и другие.

Исходя из анализа судебно-экспертной практики можно заключить, что для судебной экспертизы по факту объемного взрыва наиболее близкими видами экспертиз будут являться пожарно-техническая экспертиза (*далее по тексту — ПТЭ*) и взрывотехническая экспертиза исследования взрывчатых веществ, взрывных устройств и боеприпасов (*далее по тексту — ВТЭ*).

Результаты сравнения специальных методов позволяют заключить, что для решения частных задач возможно применение методов близких экспертиз. Однако круг задач, решаемых в рамках производства судебной экспертизы по факту объемного взрыва, значительно шире, и необходимо дополнение перечня применяемых специальных методов.

Первый уровень занимает материалистическая диалектика, которая является основным методом познания и применяется во всех сферах научной деятельности, в том числе и при производстве судебных экспертиз.

Второй уровень представляют общенаучные методы. Общенаучные методы подробно рассматриваются в работе [2], применительно к отдельным видам экспертиз в работе [6]. Они являются достаточно универсальными и в чистом виде практически не применяются. В основном их применение происходит в совокупности, например, при проведении какого-либо эксперимента необходимы измерения и описание результатов. К ним традиционно относятся: наблюдение, измерение, моделирование, описание, эксперимент, математические и эвристические методы.

Третий уровень составляют специальные методы, которые включают в себя собственно криминалистические методы и методы, заимствованные из других наук.

Соблюдая логику исследования, рассмотрим в первую очередь собственно криминалистические методы и после этого научные методы, заимствованные криминалистикой из других наук.

Методы криминалистической фотографии. Основным техническим средством, которое применяется на подавляющем большинстве всех осмотров, является фото- и видеоаппарат, которые опционально могут устанавливаться на беспилотные воздушные суда, различные робототехнические комплексы, для расширения области их применения. Кроме этого, для фиксации вещной обстановки применяются 3D-сканеры. Результаты применения такого оборудования в традиционных видах экспертиз представлены в работе [7].

В научной литературе принято выделять следующие виды криминалистической фотографии:

1) ориентирующая,

2) обзорная,

3) узловая,

4) детальная [8, с. 104].

Современные панорамные фото- и видеокамеры в основном используются для видеонаблюде-

ния на открытой местности и в помещениях, либо в развлекательных целях для съемки экстремальных видов спорта. Анализ практики показал, что для проведения осмотра места пожара возможно использовать видеокамеры, предназначенные для съемки спортивных тренировок и соревнований. Такие камеры обладают функцией съемки видео в формате 360 градусов, компактны, защищены от падений и попадания влаги, а также их программное обеспечение дает широкие возможности обработки фотоизображений и видеороликов.

Среди достоинств стоит отметить наличие автоматического «склеивания» видео без видимых швов, удаления из кадра штатива.

С помощью программного обеспечения имеется возможность конвертировать видео в стандартный двухмерный вид, для дальнейшего использования изображений. Также необходимо отметить, что данные, полученные при помощи панорамной камеры, представляют собой видеозапись, и соответственно порядок ее использования и хранения уже существует. Помимо этого, стоимость панорамных камер в десятки раз ниже, чем у комплексов трехмерного моделирования [9].

К недостаткам использования таких камер на месте происшествия можно отнести необходимость применения дополнительных источников света для подсветки темных частей помещений и отсутствие возможности измерений расстояний и размеров.

Подобные камеры положительно зарекомендовали себя при производстве осмотров мест взрыва газа, где происходило разрушение межквартирных перегородок. Фотоизображения, сделанные обычным способом, не предоставляли возможности оценить глубину и характер повреждений.

Современные панорамные камеры обладают преимуществами перед традиционной фотосъемкой, именно в плане автоматической постобработки фотоизображений и получения готовых трехмерных изображений и автоматического составления схем, осматриваемых помещений и монтажа готовых 3D-туров.

Так, например, при помощи панорамной камеры было получено изображение на месте пожара квартиры многоэтажного дома (рисунок). По данному изображению можно установить термические повреждения всего помещения, кроме того, имеется возможность вращать изображение вокруг своей оси.

Комплекс трехмерного моделирования осуществляет съемку различных объектов для создания высокоточных «цифровых двойников». Программное обеспечение осуществляет автоматическую сборку и предоставляет контролируемый доступ к модели.

Рисунок. *Фрагмент изображения сгоревшего помещения*

Среди преимуществ съемки места взрыва в формате «цифрового двойника» стоит отметить возможность измерения расстояний между объектами в помещениях. Зарубежными авторами приводятся результаты исследования, где 3D-сканер применяется в криминалистических экспертизах, что дает научному сообществу множество идей по использованию этого научного метода. Например, в работе коллектива авторов описываются результаты исследования поврежденного пожаром двухэтажного железобетонного ангара. В рамках исследования было проведено определение изменения геометрии межэтажного перекрытия в зоне наибольших повреждений. Объемное изображение позволило выделить максимальный прогиб, который составил 60 мм [10]. Подобные исследования возможно проводить и для объектов после взрыва.

Еще одним из направлений использования технологий трехмерного моделирования представляется его применение в криминалистических учетах, которые ведутся в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России. Порядок и форма ведения учета утверждены приказом МВД России № 70 *(приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте РФ от 14 апреля 2006 г. № 01/2913-Е 3)*. В настоящее время все объекты подлежат фотографированию, а составленные информационные карточки направляются в ЭКЦ МВД России, который занимается ведением учета. Введение учета электронных трехмерных моделей способствовало бы повышению количества выявленной информации по следующим основаниям:

— остается возможность исследовать объект в том виде, в котором он был представлен на исследование;

— автоматизированная съемка объекта минимизирует ошибки фотографирования (в случаях, когда объекты достаточно крупные и может быть утрачена часть признаков);

— нет необходимости в значительной степени производить демонтаж СВУ для пересылки на хранение в ЭКЦ МВД России;

— присутствует возможность выделять и группировать объекты для выявления общей конструкции.

Учитывая, что трехмерная модель может храниться неограниченное количество времени, такая возможность, несомненно, является значимой при производстве как дополнительных, так и повторных экспертиз. Кроме того, несомненным достоинством данного комплекса является программная постобработка изображений для устранения различий освещенности помещений, что особенно важно в условиях частичного разрушения здания и отсутствия централизованного или дополнительного освещения, резкий переход от темных участков помещения до естественного уличного света.

Однако при всех достоинствах данного метода, стоит отметить недостатки, к которым относится высокая стоимость оборудования для проведения трехмерной съемки, а также вопросы о сохранности трехмерного изображения и возможности внесения изменений в файлы с изображением.

Методы морфологического анализа (оптическая микроскопия, электронная микроскопия, ультразвуковая и рентгеновская дефектоскопия). Данные методы широко используются во многих видах судебных экспертиз, поэтому останавливаться на них мы не будем.

Методы анализа состава в судебной экспертизе представляют собой комплекс методов качественного и количественного определения состава веществ. Качественный анализ направлен на идентификацию химических элементов и соединений, в то время как количественный анализ позволяет определить их точное содержание в исследуемом образце. Методы анализа состава позволяют выявлять видимые признаки взрыва на объектах, обнаруживать микроследы, определять особенности структуры материалов и т.д.

Метод телеинспекции предназначен для исследования мест объемных взрывов, где требуется детальный осмотр конструкций и труднодоступных участков. Для это применяются специализированные роботизированные комплексы и эндоскопы.

Специализированный роботизированный комплекс состоит из колесного робота, на котором установлена видеокамера, а изображение поступает на пульт управления. Такие комплексы могут исследовать трубопроводы и газопроводы диаметром от 100 мм, длиной до 500 м, а также вентиляционные каналы, шахты и объекты после обрушения. Например, Sigma 100D *(Телеинспекция трубопроводов диаметром 100 мм. — Режим доступа: URL: https://taris.ru/teleinspekziya-truboprovodov/sigma-100d (дата обращения: 17.06.2025))*.

Комплекс способен самостоятельно перемещаться внутри системы и передавать изображение на экран, расположенный на пульте управления. Возможность увидеть поверхность труб и полостей (в частности, вентиляционных каналов) изнутри существенно ускоряет поиск места разгерметизации.

В общем случае эндоскоп состоит из оптико-механического адаптера с видеокамерой, присоединяемого к окуляру эндоскопа, блока управления и монитора. Вместо монитора возможно использование мобильного телефона, планшета или ноутбука.

На месте взрыва эндоскоп может применяться в следующих случаях:

— для осмотра двигателя, проверки состояния деталей и компонентов, а также для осмотра внутренних полостей транспортных средств;

— для определения состояния арматуры, трубопроводов и внутренних полостей;

— для осмотра внутренних компонентов механизмов крупногабаритных объектов (технологическое оборудование, морские и речные суда);

— для определения наличия износа, трещин или других дефектов, не разбирая оборудование;

— для осмотра сварных соединений и повреждений трубопроводов, бетонных конструкций, систем вентиляции и теплоснабжения;

— для осмотра мест обрушения строительных конструкций, когда разбор завалов без применения строительной техники неосуществим;

— для осмотров пустот, проходов и других недоступных пространств в потолках, в стенах и под полом.

Метод дополненной реальности. Одним из возможных направлений применения технологии дополненной реальности в судебной экспертизе по факту объемного взрыва на данный момент является использование программных комплексов, которые предназначены для распознавания объектов, представленных на фотоизображениях.

Так, например, при осмотре объекта взрыва можно применять программное обеспечение, основанное на дополненной реальности, типа Гугл-объектив (Google Lens), которое способно распознавать объекты, зафиксированные в объективе камеры смартфона, и выдавать информацию о названии объекта. Далее уже по названию объекта эксперт может провести реконструкцию первоначального состояния объекта и его взаимосвязи с произошедшим событием.

Метод нахождения трасс и повреждений изоляции подземных газопроводов. Предназначен для установления места прокладки подземных газопроводов методом определения наличия электрического контакта труба–земля, проверки изоляции участков газопроводов, определения глубины заложения газопровода.

К таким приборам можно отнести, например, АНТПИ-2 и АНТПИ-У *(АНТПИ-2 — аппаратура нахождения трасс и повреждений изоляции подземных газопроводов и других коммуникаций. — Режим доступа: URL: https://electroprogress.ru/catalog/izmerit/pribory-dlya-poiska-povrezhdenii-i-trassirovki-kabelei-i-truboprovodov/antpi-2-apparatura-nakhozhdeniya-trass-i-povrezhdenii-izolyacii-podzemnykh-gazoprovodov-i-drugikh-kommunikacii (дата обращения: 17.06.2025))*. Непосредственно на месте происшествия такой прибор позволит обнаружить места прохождения газопроводов с целью поиска поврежденного участка либо для проверки изоляции поврежденного участка газопровода, что необходимо для отработки версии о причине возникновения утечки в результате коррозии от активного грунта.

Метод измерения плотности воздуха. Важным источником исходной информации являются данные о движении воздуха в осматриваемых помещениях. Для определения величины атмосферного давления на уровне оголовка и вентиляционного канала помещения следует использовать барометр. Величина плотности воздуха необходима для вычисления скорости аварийного выхода газа или для расчета величины гравитационного давления в вентиляционном канале, а также для аэродинамического расчета дымохода.

При любой утечке на скорость скопления и величину концентрации газовоздушной смеси в помещении влияют скорость выхода газа из газового оборудования и воздухообмен помещения. Скорость аварийного выхода газа в помещение определяется с учетом давления газа в сети газопотребления, площади отверстия разгерметизации, атмосферного давления, температуры и других факторов. Воздухообмен в большинстве жилых помещений обеспечивается естественной приточно-вытяжной вентиляцией. Согласно нормам предоставления коммунальных услуг, в жилом помещении температура воздуха должна составлять от 18 °С до 22 °С. При повышении температуры наружного воздуха величина воздухообмена в помещении уменьшается. При превышении величины температуры воздуха у оголовка вентиляционного канала величины температуры воздуха внутри помещения останавливается. В этом случае воздухообмен может побуждаться только статичным разрежением в оголовке, создаваемым ветровой нагрузкой. Именно поэтому с наступлением теплого времени года увеличивается количество происшествий взрыва газовоздушной смеси. Следует учитывать, что ветровая нагрузка может как усиливать воздухообмен, так и блокировать его, если конструкция исполнения оголовка, его положение относительно конька крыши и других объектов создают условия для ветрового подпора. Нормативная величина воздухообмена заложена в проектной документации дома, которая изготавливалась в соответствии со СНиП, действовавшими на момент проектирования и возведения здания. Указанные нормы приведены для состояния системы вентиляции при температуре наружного воздуха + 5 °С. Это означает, что при наружной температуре ниже + 5 °С контролируемая величина воздухообмена не должна быть ниже нормативной. В то же время при температуре наружного воздуха выше необходимо учитывать, что приведенная нормативная величина воздухообмена будет уменьшаться. Расчетные параметры нормативной величины воздухообмена (90 м^3/час), приведенной к температуре наружного воздуха, например при температуре наружного воздуха 8 °С на уровне первого этажа составляет 71 м^3/час, а при температуре наружного воздуха 14 °С будет составлять 32 м^3/час.

Отсюда следует, что чем выше фактическая величина воздухообмена в помещении, тем ниже в газовоздушной смеси концентрация газа, выходящего из места утечки.

Еще одним методом исследования воздухообмена является определение скорости воздушного потока в вентиляционном канале. К таким техническим средствам относится анемометр, с диапазоном измерения не более чем 0,2 м/с и точностью 0,1 м/с. Например, комплект Testo 417 *(Комплект 2 Анемометр, набор воронок и выпрямитель тока Testo 417. — Режим доступа: URL: https://testoshop.ru/produktsiya/skorost-vozduha/komplekty-skorost-vozduha/komplekt-2-anemometr-nabor-voronok-i-vypryamitel-potoka-testo-417 (дата обращения: 17.06.2025))*, включающий в себя выпрямитель воздушного потока и воронки, который позволяет определять непосредственно величину воздухообмена помещения без определения площади живого сечения решетки вентиляционного отверстия. Для определения скорости ветра при визуализации зависимости воздушных потоков в каналах от порывов ветра целесообразно применять термоанемометры, которые имеют чувствительный элемент типа «горячая проволока» и не

имеют инертности при порывах и замедлениях воздушных потоков.

Метод измерения давления газа в газопроводах. К ним относятся контрольный манометр и дифференциальный манометр. Рабочий диапазон измерения контрольного манометра выбирается в зависимости от рабочего давления осматриваемого газового оборудования (низкое давление — до 5 КПа, среднее давление — от 5 кПа до 0,3 мПа, высокое давление — от 0,3 мПа до 1,2 мПа). На месте взрыва применяется для измерения рабочего давления газа в сети газопотребления или газораспределения, величина которого необходима для дальнейшего расчета скорости аварийного выхода газа.

Дифференциальный манометр предназначен для измерения перепада давлений. Применяется для измерения разреженности в дымовых каналах. Точность измерения не более 1 Па.

Метод определения состава газа. К таким приборам относятся газоанализаторы, например Laser Methane Smart *(LaserMethane Smart — дистанционный детектор утечек метана. Режим доступа: URL: https://www.pergam.ru/catalog/gas_leaks/portable-detectors/lasermethane-smart.htm (дата обращения: 17.06.2025))*. С помощью газоанализаторов определяется качественный или количественный состав смесей газов. На месте происшествия обеспечивает в первую очередь безопасность, так как газы тяжелее воздуха могут осаждаться в подвальных помещениях, под завалами, в емкостях, и перед тем, как зайти в помещение, необходимо определить состав окружающего воздуха. Это делается для предотвращения отравлений членов следственно-оперативной группы и возможных повторных взрывов топливно-воздушных смесей. Кроме этого, газоанализатор способствует определению места утечки газа, нарушений целостности газопроводов.

Метод определения наличия одорантов в магистральном газе. Углеводородные газы являются бесцветными и не обладают запахом, в связи с этим обнаружение утечек при их использовании является достаточно сложной задачей обычным пользователям газа. Для решения этой проблемы в углеводородные газы добавляются специальные компоненты, называемые одорантами, которые придают газу специфический запах. Одоризация природного газа происходит на газораспределительных станциях, и поэтому чем дальше находится потребитель газа, тем меньше концентрация одоранта в газе. Для измерения интенсивности запаха существуют лабораторный метод (газовая хроматография) и полевой метод. К полевому методу относится прибор одориметр, например ОРГО *(ОРГО одориметр органолептический стационарный. Режим доступа: URL: https://gazoanalit.ru/catalog/statsionarnye/odorimetr-orgo/?ysclid=mc0c1fussm249689917 (дата обращения: 17.06.2025))*, который применяется для создания газовоздушной смеси с определенным соотношением воздуха и исследуемых газов (природного газа, сжиженных углеводородных газов) с целью последующего органолептического определения интенсивности ее запаха. Применение прибора необходимо для определения достаточного насыщения газовоздушной смеси одорантом, позволяющим определить запах газа при наличии его утечки, что необходимо для установления обстоятельств, которые способствовали увеличению материального вреда от преступления.

Метод определения герметичности газового оборудования. Существуют электрические и ручные опрессовщики. С помощью опрессовщика производится проверка герметичности газопровода, резьбовых соединений, гибкой подводки и газоиспользующего оборудования. Опрессовка выполняется в соответствии с методикой проведения пневматических испытаний систем газораспределения, газопотребления и газоиспользующего оборудования путем нагнетания давления и отслеживания его падения. Этот метод будет способствовать выявлению непосредственного объекта, который явился причиной утечки газа и образования взрывоопасной газовоздушной смеси.

Метод определения герметичности дымовых и вентиляционных каналов. Для этого применяются дымовые шашки с цветным дымом. Так, например, такой метод был применен в расследовании обстоятельств взрыва в жилом доме, в результате которого произошло разрушение части наружной стены здания и обрушение плит перекрытия с 1 по 3 этажи. В рамках осмотра участка теплотрассы от колодца до подвала была применена дымовая шашка. Дымовая шашка была расположена в месте повреждения газопровода, и через 2 минуты появление дыма было зафиксировано в подвале дома, где произошел взрыв газа. Таким образом была подтверждена версия о возможности поступления газа из газопровода среднего давления по каналу теплотрассы, ведущей от газовой трубы до подвала разрушенного дома.

Расчетные методы. Расчетные методы получили широкое распространение при производстве судебных экспертиз. Так, они применяются в пожарно-технической экспертизе [11, 12] при решении вопросов о возможности возникновения пожара при определенных условиях, распространении горения по зданиям, расчете опасных факторов пожара и других параметров, имею-

щих значение для расследования уголовных дел. В строительно-технической экспертизе расчетные методы могут применяться при исследовании причин обрушения зданий и сооружений [13]. Для решения этих вопросов могут использоваться как компьютеры со специализированным программным обеспечением, так и расчеты самого эксперта по формулам.

Одними из основных вопросов, возникающих перед следствием, являются вопросы установления природы и мощности взрыва, источника и условий формирования взрывоопасной концентрации горючего компонента в воздушной среде, центра и технической причины инициирования воспламенения топливно-воздушной смеси (*далее — ТВС*).

Для количественной оценки случайных и преднамеренных взрывов широко применяется метод, основанный на сопоставлении адекватности разрушений, вызванных взрывами конденсированных взрывчатых веществ (*далее — КВВ*) и ТВС. Согласно этому методу, степень разрушения характеризуется тротиловым эквивалентом, т.е. определяется масса ТНТ (2,4,6-тринитротолуол), под которым понимается *«продукт нитрации толуола, представляющий бризантное взрывчатое вещество, широко используемое как в виде индивидуального соединения, так и в смеси с другими веществами в различных боеприпасах и промышленных изделиях»* [14, с. 47], которая требуется для достижения наблюдаемой степени разрушения.

Для практических целей более точным представляется сопоставление энергии детонации тротила с энергией экзотермической реакции горючего газа в смеси с воздухом.

Взрывы КВВ и ТВС в воздухе вызывают в окружающем пространстве изменение параметров среды, таких как давление, плотность, температура. Ударные волны, генерируемые взрывами ТВС, вследствие малой плотности, удельной объемной энергоемкости и других особенностей процесса сгорания горючего компонента в воздухе характеризуются более низкими параметрами.

К основным параметрам, характеризующим разрушающую способность ударной волны, относятся избыточное давление и импульс взрыва.

Избыточное давление определяется при наличии данных о расстоянии до ближайших поврежденных ударной волной зданий и сооружений либо элементах конструкции. В дальнейшем, сопоставив полученный результат со степенью разрушения здания из таблицы, при их соответствии, возможно утверждать, что тротиловый эквивалент найден достаточно точно.

Определение разрушающей способности взрыва ТВС по тротиловому эквиваленту и совмещению зависимостей радиуса разрушения и избыточного давления от приведенного расстояния оказалось приемлемым и широко используемым для оценки параметров взрыва ТВС. Несмотря на некоторую неадекватность высвобождения энергии различными энергоносителями, метод совмещения энергетического эквивалента ТНТ и основных принципов «кубического корня» позволяет достаточно точно по уровню разрушения объекта при взрывах ТВС определить параметры произошедшего взрыва.

Ударные волны при взрывах ТВС характеризуются конечным временем и низкими темпами нарастания давления, т.е. большим временем воздействия избыточного давления на объекты (в отличие от практически мгновенного нарастания давления и быстрого его спада при взрывах конденсированных ВВ).

Также расчетные методы применяются для определения следующих параметров:

— массы горючего компонента ТВС через избыточное давление и импульс фазы сжатия воздушной ударной волны (фронта пламени);

— эффективного энергетического запаса ТВС;

— предполагаемого режима взрывного превращения;

— максимального избыточного давления и импульса фазы сжатия воздушной ударной волны;

— количественной оценки массы горючих веществ, поступающих в окружающее пространство в результате возникновения пожароопасных ситуаций;

— расчета скорости истечения газа из трубопровода (при постоянном значении давления в трубопроводе) [15].

Рассмотренные специальные методы в своей совокупности позволяют решать задачи особо сложных комплексных и ситуалогических экспертиз [16, с. 7, 8] по фактам объемных взрывов для восстановления экспертным путем общей картины события в целом и отдельных его элементов.

Совокупность использования данных методов позволит обеспечить рациональный подход к производству исследования, а также повысит количество исходной информации на месте происшествия. Кроме того, применение новых методов исследования способствует разработке мер предотвращения объемных взрывов и ускорению раскрытия и расследования подобных происшествий.

Обозначенные специальные методы, с одной стороны, являются наукоемкими, с другой стороны, они доступны для освоения экспертами

в кратчайшие сроки и без значительного вложения финансовых средств и существенно повышают доказательственную ценность заключения эксперта в контексте требований ст. 204 УПК РФ *(Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 января 2024 г.) «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921).*

Литература

1. *Ропот Р. М.* Классификация методов экспертного исследования // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (39). С. 73–78.
2. *Аверьянова Т. В.* Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1994. 445 с.
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А. Ю. Семенова; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. 800 с.
4. *Таубкин И. С.* Судебная экспертиза техногенных взрывов. Организационные, методические и правовые основы. М.: Юрлитинформ, 2009. 592 с.
5. *Дильдин Ю. М.* и др. Место взрыва как объект криминалистического исследования: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКЦ МВД России, 1995. 98 с.
6. *Бутырин А. Ю.* Общенаучные методы в судебно-экспертных исследованиях обстоятельств аварий и разрушений в строительстве / А. Ю. Бутырин, И. А. Блиева // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 3. С. 89–91.
7. *Севастьянов П. В.* Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 162 с.
8. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. 2-е изд. М.: Контракт: Инфра-М, 2010. 780 с.
9. *Синюк В. Д., Дашко Л. В.* Перспективные методы фиксации следовой картины на местах взрывов топливно-воздушных смесей / Материалы III междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2023 г. Судебная экспертиза: теория и практика в современных условиях. Минск, 2023. С. 166–168.
10. *Vacca G.* Terrestrial laser scanner for monitoring the deformations and the damages of buildings / G. Vacca, F. Mistretta, F. Stochino, A. Dessi // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2016. XLI-B5. P. 453–460.
11. *Тумановский А. А.* Применение информационных технологий и расчетных методов в судебной пожарно-технической экспертизе / А. А. Тумановский, М. Ю. Принцева, С. Ф. Лобова // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 59–68.
12. *Зернов С. И.* Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. 88 с.
13. *Балабин Ю. А.* К вопросу об исследовании причин и механизма обрушения зданий и сооружений на компьютерных моделях при производстве строительно-технических судебных экспертиз // Недвижимость: экономика, управление. 2020. № 4. С. 59–64.
14. *Прозоров А. А.* Словарь основных терминов взрывотехнической экспертизы / А. А. Прозоров, А. Д. Стецкевич, В. В. Мартынов, А. Ю. Семенов, В. Н. Лимонов. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 72 с.
15. *Дашко Л. В., Старостин К. Д., Порошин П. В., Синюк В. Д., Шатохин А. А., Гусев С. Е., Гусев С. А.* Производство судебных экспертиз по фактам взрывов топливно-воздушных смесей: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 130 с.
16. *Владимиров В. Ю.* Судебная ситуалогическая экспертиза места происшествия: учебное пособие / В. Ю. Владимиров, А. В. Ковалев, И. Ю. Макаров, А. Ф. Кинле. М.: ООО «Принт», 2017. 55 с.

References

1. *Ropot R. M.* Klassifikatsiya metodov ekspertnogo issledovaniya [Classification of methods of expert examination] // In *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy [Issues of criminology, criminalistics and forensic examination]*. 2016. № 1 (39). P. 73–78. (In Russian)
2. *Aver'yanova, T. V.* Metody sudebno-ekspertnykh issledovanii i tendentsii ikh razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk [Methods of forensic examination and trends in their development]: 12.00.09. M., 1994. 445 p. (In Russian)

3. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. Ch. II [Typical expert methods for examining material evidence] / pod red. A. Yu. Semenova; obshch. red. V. V. Martynova. M.: EKTs MVD Rossii, 2012. 800 p. (In Russian)

4. *Taubkin I. S.* Sudebnaya ekspertiza tekhnogennykh vzryvov. Organizatsionnye, metodicheskie i pravovye osnovy [Forensic examination of man-made explosions. Organizational, methodological and legal foundations]. M.: Yurlitinform, 2009. 592 p.

5. *Dil'din Yu. M.* i dr. Mesto vzryva kak ob''ekt kriminalisticheskogo issledovaniya: uchebnoe posobie [Explosion site as an object of forensic examination: Textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: EKTs MVD Rossii, 1995. 98 p. (In Russian)

6. *Butyrin A. Yu.* Obshchenauchnye metody v sudebno-ekspertnykh issledovaniyakh obstoyatel'stv avarii i razrushenii v stroitel'stve / A. Yu. Butyrin, I. A. Blieva // In *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie [Real Estate: Economics, Management].* 2018. № 3. P. 89–91. (In Russian)

7. *Sevast'yanov, P. V.* Tsifrovye tekhnologii fiksatsii neverbal'noi dokazatel'stvennoi informatsii [General scientific methods in forensic examinations of the circumstances of accidents and destruction in construction]: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. M., 2024. 162 p. (In Russian)

8. *Ishchenko E. P.* Kriminalistika: uchebnik [Forensic Science: Textbook] / E. P. Ishchenko, A. A. Toporkov. 2-e izd. M.: Kontrakt: Infra-M, 2010. 780 p. (In Russian)

9. *Sinyuk V. D., Dashko L. V.* Perspektivnye metody fiksatsii sledovoi kartiny na mestakh vzryvov toplivno-vozdushnykh smesei [Promising Methods of Recording Trace Patterns at the Scenes of Fuel-Air Mixture Explosions] / In *Materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 26–27 apr. 2023 g. Sudebnaya ekspertiza: teoriya i praktika v sovremennykh usloviyakh [Proceedings of the III Int. Scientific and Practical Conf., Minsk, April 26–27, 2023. Forensic Science: Theory and Practice in Modern Conditions].* Minsk, 2023. P. 166–168. (In Russian)

10. *Vacca G.* Terrestrial laser scanner for monitoring the deformations and the damages of buildings / G. Vacca, F. Mistretta, F. Stochino, A. Dessi // In *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. 2016. XLI-B5. P. 453–460. (In English)

11. *Tumanovskii A. A.* Primenenie informatsionnykh tekhnologii i raschetnykh metodov v sudebnoi pozharno-tekhnicheskoi ekspertize [Application of information technologies and calculation methods in forensic fire-technical examination] / A. A. Tumanovskii, M. Yu. Printseva, S. F. Lobova // In *Sudebnaya ekspertiza [Forensic examination].* 2020. № 1 (61). P. 59–68. (In Russian)

12. *Zernov S. I.* Raschetnye otsenki pri reshenii zadach pozharno-tekhnicheskoi ekspertizy: uchebnoe posobie [Calculation estimates in solving problems of fire-technical examination: Tutorial]. M.: EKTs MVD Rossii, 1992. 88 p. (In Russian)

13. *Balabin Yu. A.* K voprosu ob issledovanii prichin i mekhanizma obrusheniya zdanii i sooruzhenii na komp'yuternykh modelyakh pri proizvodstve stroitel'no-tekhnicheskikh sudebnykh ekspertiz [On the Study of the Causes and Mechanism of Collapse of Buildings and Structures Using Computer Models in the Production of Construction and Technical Forensic Examinations] // Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie *[Real Estate: Economics, Management].* 2020. № 4. P. 59–64. (In Russian)

14. *Prozorov A. A.* Slovar' osnovnykh terminov vzryvotekhnicheskoi ekspertizy [Glossary of Basic Terms in Explosive Forensic Expertise] / A. A. Prozorov, A. D. Stetskevich, V. V. Martynov, A. Yu. Semenov, V. N. Limonov. M.: EKTs MVD Rossii, 1998. 72 p. (In Russian)

15. *Dashko L. V., Starostin K. D., Poroshin P. V., Sinyuk V. D., Shatokhin A. A., Gusev S. E., Gusev S. A.* Proizvodstvo sudebnykh ekspertiz po faktam vzryvov toplivno-vozdushnykh smesei: metodicheskie rekomendatsii [Forensic Examinations of Fuel-Air Mixture Explosions: Methodological Recommendations]. M.: EKTs MVD Rossii, 2021. 130 p. (In Russian)

16. *Vladimirov V. Yu.* Sudebnaya situalogicheskaya ekspertiza mesta proisshestviya: uchebnoe posobie [Forensic Situational Examination of the Crime Scene: A Tutorial] / V. Yu. Vladimirov, A. V. Kovalev, I. Yu. Makarov, A. F. Kinle. M.: OOO «Print», 2017. 55 p. (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Тарабрина Кристина Сергеевна

Цель: *на основе анализа статистических данных и судебной практики раскрыть особенности личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего с использованием цифровых технологий.*

Методология: *диалектический метод познания, анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, метод классификации, логический, статистический метод, контент-анализ, метод изучения документов.*

Выводы. *Современные преступники, совершившие сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий, демонстрируют быструю адаптацию к цифровым технологиям, используя их как инструмент для установления контакта с жертвами. Названные технологии упрощают для виновных лиц процесс поиска, изучения и вовлечения в противоправную деятельность несовершеннолетних жертв, что приводит к росту преступлений данного вида. Решение данной проблемы неразрывно связано с всесторонним изучением характеристики личности рассматриваемого преступника.*

Научная и практическая значимость. *По результатам проведенного исследования определены криминологически значимые черты преступника, совершившего сексуальное насилие над несовершеннолетними с использованием цифровых технологий, представлена теоретически обоснованная классификация личности исследуемого типа преступников. Проведенный анализ позволил установить взаимосвязь между преступником и несовершеннолетней жертвой. С практической точки зрения, полученные результаты позволят разработать предложения и рекомендации для проведения индивидуальной профилактики и исправления преступников, а также выработать эффективные меры предупреждения преступности данного вида.*

Ключевые слова: *личность, преступник, осужденный, несовершеннолетний, жертва, сексуальное насилие, классификация, цифровые технологии, виктимологическая профилактика.*

Исследование личности преступника не теряет своей актуальности ни в в теоретическом, ни в прикладном аспектах [1, 2]. Результаты изучения различных научных подходов позволили прийти к выводу о том, что личность преступника представляет собой очень сложную структуру. Преступное поведение личности, антиобщественная направленность и общественная опасность формируются под влиянием целого комплекса специфических социальных негативных свойств, признаков, а также мировоззренческих, идеологических, культурных, политических и иных взглядов.

Полученные знания о характерных признаках личности преступника, совершившего сексуальное насилие с использованием цифровых технологий, позволяют определить основные направления превентивного воздействия. Такой подход повысит продуктивность предупреждения названных преступлений. Источниками данных о личности преступника стали результаты анализа правоприменительной деятельности по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «а» ч. 5 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ; п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ; ст. 135 УК РФ за последние семь лет (2018–2024 гг.) *(Статистические данные опубликованы*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-270-277

на официальном сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, на портале ведомственной правовой статистики Главного информационно-аналитического центра МВД России, а также представлены результаты исследования более 127 приговоров, постановлений, решений и определений различных судебных инстанций по делам исследуемой категории, вынесенных с 2018–2024 гг.). Теоретическая база актуализирована на момент проводимого исследования и включает современные научные подходы к изучению лиц, совершивших сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. Такие преступления характеризуются высокой общественной опасностью, что обусловлено специфическими способами их совершения [9, с. 316–317]. Кроме того, они причиняют несовершеннолетним потерпевшим долговременный вред психическому здоровью. Преступник целенаправленно подавляет волю жертвы, действуя как при непосредственном контакте, так и дистанционно.

В криминологической науке сложилась традиция характеризовать личность преступника сквозь призму основных ее структурных компонентов. В рамках настоящего исследования исходя из трехкомпонентной структуры личности преступника предметом изучения стали социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические признаки личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего с использованием цифровых технологий.

К числу основных признаков личности преступника отнесены социально-демографические, поскольку составляют базис его криминологического изучения. Анализ условий жизнедеятельности и формирования личности, увлечений и интересов, социального положения и рода деятельности, семейных отношений позволил автору получить представление о личности преступника в исследуемой сфере. Более того, результаты анализа социально-демографических признаков личности рассматриваемого преступника позволили выявить ключевые закономерности, факторы, которые обуславливают совершение изучаемых преступлений. Так, результаты исследования свидетельствуют о том, что названные преступления преимущественно совершаются мужчинами (97%). Статистические данные свидетельствуют о значительно меньшей доле женщин (3%) среди осужденных за данные преступления, что коррелирует с выводами ряда исследований о гендерных различиях в структуре сексуальной преступности [5, с. 96]. Согласно результатам, полученным в ходе анализа правоприменительной деятельности, выявлены следующие факты. Женщины вовлекают несовершеннолетних в оборот детской порнографии, в занятие проституцией, а также организуют притоны для занятий проституцией с подростковой аудиторией. Для этих целей активно используются цифровые технологии. Представители женского пола создают и распространяют такой контент преимущественно из корыстных побуждений. Более того, они совершают чаще всего рассматриваемые преступления в группе по предварительному сговору.

Как отмечают специалисты, «половая принадлежность тесно связана с возрастом» [14, с. 120]. Согласно статистическим показателям, наиболее криминально активными возрастными группами представлены: 1) лица в возрасте от 18 до 24 лет (39%); 2) лица в возрасте от 30 до 49 лет (35%). По остальным возрастным категориям распределение выглядит следующим образом: 25–29 лет (14%), 14–17 лет (8%), 50 лет и старше (4%) *(Форма статистической отчетности № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.09.2025))*. Следует отметить, что лица, совершившие сексуальное насилие в возрасте от 25 до 49 лет, составляют 49%. Это указывает на совершение таких деяний гражданами разных поколений. Данный факт следует учитывать при разработке профилактических мер воздействия. Полученные результаты свидетельствуют и о тенденции к омоложению названной категории преступников (39%). Можно предположить, что недостаточно активная половая жизнь, отсутствие внимания со стороны противоположного пола, а также наличие психических аномалий и пережитого в раннем возрасте психотравмирующего сексуального опыта влияют на совершение данных общественно опасных деяний.

Анализ статистических сведений об уровне образования лиц, совершивших названные преступления, показал, что высшее образование имеют 6%; среднее специальное — 31%; среднее общее образование — 35%; основное общее, начальное или не имеют образования — 28%. Важно учитывать тот факт, что большинство лиц с высшим образованием не являются специалистами в сфере цифровых технологий. В ходе исследования была

выявлена закономерность: чем выше образовательный уровень, тем ниже вероятность совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, в том числе и с применением цифровых технологий. Обращают на себя внимание лица со средним специальным и средним общим образованием. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, составляют значительную долю рассматриваемых преступников, а во-вторых, противоправная деятельность в сфере цифровых технологий воспринимается ими как стратегия самоутверждения. В условиях социальной и профессиональной невостребованности она позволяет им подтверждать свою «значимость» за счет общения с несовершеннолетними.

Исследуемые преступники обладают технической грамотностью, успешно изучили базовые цифровые инструменты, в том числе направленные на анонимизацию в виртуальном пространстве. Они разрабатывают новые методы, затрудняющие связь факта использования компьютерных устройств с их личностью, успешно скрывают идентификационные свойства используемых ими компьютерных и сетевых средств, тем самым маскируя свою криминальную деятельность [10, с. 149]. Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что рассматриваемым лицам не хватает навыков и знаний, чтобы избегать уголовной ответственности. Они приобретают узкоспециальные навыки, например умеют обходить родительский контроль и используют в комментариях под фото- и видеоматериалами подростков словесные или цифровые специальные коды. Так, девочек называют — «белочками», а мальчиков — «зайчиками» и т.п. В 2025 г. в сети «Интернет» обнаружен форум, объединяющий лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией) из Российской Федерации, Украины, Беларуси и других стран СНГ. На этом форуме его участники не только обучаются, но и «обмениваются опытом совращения детей, публикуют запрещенные материалы и даже организуют сбор средств для Вооруженных сил Украины» *(«Белочки» и «зайчики»: крупнейший в СНГ форум для педофилов обнаружили в сети // [Электронный ресурс]: URL: https://riamo.ru/news/proisshestviya/belochki-i-zajchiki-krupnejshij-v-sng-forum-dlja-pedofilov-obnaruzhili-v-seti/ (дата обращения 20.10.2025))*.

Характеризуя социальное положение и род занятий исследуемых лиц, необходимо отметить, что на момент совершения преступных деяний 59% лиц, совершивших такое сексуальное насилие, относились к трудоспособным гражданам, не имеющим постоянного источника дохода. Остальные были распределены следующим образом: к рабочим — 22%, учащимся или студентам образовательных учреждений — 7%, нетрудоспособным — 3% и 9% –представителям иных профессий. Анализ судебной практики показывает, что преступники сознательно выбирали профессии (оказание услуг, преподавательская деятельность, руководители или директора образовательных учреждений и предприятий, производство товаров или услуг и др.) и активности, дающие легальный доступ к подростковой аудитории в сети «Интернет» (администрирование детских групп, игровых сервисов, образовательных платформ). Межличностное взаимодействие с целью совершения сексуального преступления в отношении несовершеннолетнего, согласно результатам изучения материалов судебной практики, осуществлялось путем создания: 1) «образовательных» чатов; 2) фейковой страницы от имени несуществующего подростка и установления доверительных отношений с детьми и т.д.

В основном названные преступления совершают граждане Российской Федерации (96,4%), 3,6% — иностранные граждане и лица без гражданства. Характерная поведенческая особенность рассматриваемых преступников –совершение сексуального насилия с использованием цифровых технологий, в местности, в которой постоянно проживали (90%), при этом 8% — жители иной местности, 2% без определенного места жительства. Важно отметить, что цифровые технологии усиливают географическую привязку преступника к его территории. Преступник, действуя в знакомой местности, использует для создания правдоподобного образа в сети «Интернет» имеющиеся знания, что существенно повышает уровень доверия у потенциальной несовершеннолетней жертвы. В таких условиях у данных лиц снижается тревожность, появляется чувство безопасности, что позволяет им дольше оставаться необнаруженными.

Для этой категории преступников основными преимуществами служат анонимность, дистанцированность, а также совершение одновременно в отношении нескольких несовершеннолетних общественно-опасных деяний [12, с. 338]. Так, более 74,5% исследуемых преступлений были совершены преступниками в городе, а 25,5% в сельской местности.

Не менее значимым социально-демографическим признаком, характеризующим личность преступника, выступает семейное положение. Неблагоприятные семейные отношения, а также сложное материальное положение в большинстве

случаев несут в себе криминальную нагрузку. На момент совершения преступлений 38% указанных лиц состояли в зарегистрированном браке, 62% не были связаны семейными узами, из них 40% на момент совершения преступления были разведены. Из числа лиц, состоящих в браке и разведенных, 30% не имели детей, 40% имели одного ребенка, 20% — двух детей. Можно предположить, что указанные лица могут состоять в зарегистрированном браке с целью скрыть свое истинное сексуальное влечение к детям, или совершить инцест с собственными детьми, в том числе в прямой трансляции, либо совершить фото- и видеосъемку названных действий и за их распространение получить денежное вознаграждение и др. К причинам, по которым рассматриваемые лица не создают семьи, можно отнести трудности в знакомствах и в длительном общении с противоположным полом, пережитый негативный сексуальный опыт на определенном жизненном этапе, например жертва сексуального насилия в детстве. Также эти люди проявляют особый интерес к детям до полового созревания и только при общении с ними получают сексуальное удовлетворение.

Анализ статистических данных позволил установить **уголовно-правовые признаки преступников, среди которых** названные преступления совершены единолично или в группе. Для удовлетворения личных реальных или виртуальных сексуальных потребностей чаще всего преступления совершались единолично. Названные преступления имеют и групповой характер преступного взаимодействия, который обусловлен общностью преступной мотивации и корыстно-насильственными мотивами.

Данные исследования также подтверждают и результаты, полученные А. С. Руденко и Д. М. Апкаевой. Они отмечают, что указанные преступления виновные совершали в основном в одиночку, и не было выявлено ни одного факта привлечения к уголовной ответственности в качестве участника организованной группы [13, с. 64].

Особое внимание следует обратить на лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения,– 17,6%. При употреблении алкоголя усиливаются сексуальное влечение и агрессивность, снижается самоконтроль. Данный признак учитывается судом в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания.

Рассмотрим следующий значимый признак — судимость. Среди лиц, совершивших рассматриваемые преступления, 27,1% ранее судимые *(Форма статистической отчетности № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ» / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.09.2025))*. Важно, что большинство судимостей — за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Этот факт имеет ключевое значение для изучения криминогенной направленности рассматриваемых лиц и выявления закономерностей роста преступности анализируемого вида в целом.

В структуре личности преступника особое место занимает его нравственно-психологическая характеристика, которая позволяет узнать внутреннее состояние человека, совершающего эти преступления. Как отмечает Л. Л. Бошаева, «в основе психологической потребности киберпреступника лежит внутренний конфликт, вызванный потребностью действовать и субъективным ощущением невозможности найти подходящие инструменты, способные изменить сложившуюся ситуацию в реальной жизни» [4, с. 119–120]. Автор приходит к выводу, что в связи с вышеуказанным лицо переносит в цифровую среду удовлетворение личных потребностей.

В связи с этим важно установить, ведут ли они активный образ жизни. Этот показатель позволяет оценить уровень их социальной адаптированности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на момент совершения указанных преступлений 84% имели положительные и удовлетворительные характеристики по месту жительства, работы или учебы, 16% — отрицательные. Для преступников, совершивших сексуальное насилие, характерно наличие психических отклонений или сексуальных девиаций (парафилий). Эти нарушения выражаются в различных формах, таких как половое влечение к детям, не достигшим половой зрелости, демонстрация гениталий несовершеннолетним по видеосвязи, тайное подглядывание за интимной жизнью людей (во время полового акта или в период раздевания, принятия ванны или душа и др.).

Также было выявлено, что пережитые психологические травмы и негативный сексуальный опыт формируют у преступников искаженное восприятие интимных отношений, что приводит к развитию девиантного поведения [11, с. 156]. Указанные лица, по мнению ряда авторов, обращаются к несовершеннолетним (в основном это маленькие девочки или подростки женского пола), у которых не сформировалось критическое мышление, пси-

хосексуальное развитие в силу возраста, не было сексуальных партнеров и сексуального опыта [3, с. 33–40]. Именно виртуальное пространство создает для таких лиц иллюзию контроля и компенсирует страх перед интимной близостью «офлайн». Основным мотивом лиц, совершивших исследуемые преступления, послужили сексуальные побуждения, выразившиеся в стремлении удовлетворить свое половое влечение.

Нельзя не отметить и корыстное побуждение преступников, направленное на личное обогащение и улучшение своего материального положения. Оно реализуется через изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних или использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов. Все указанные действия предназначены для продажи их в теневом сегменте сети «Интернет» и получения финансовой прибыли.

В ходе исследования были выявлены также и мотивы, вызванные деструктивными устремлениями: властью, унижением несовершеннолетних (в большинстве это лица женского пола), корыстью или местью, побуждением их к вступлению в половые отношения, что подчеркивает необходимость комплексного психолого-криминологического подхода к изучению таких лиц.

Нравственное и правовое сознание лица, совершившего сексуальное насилие в отношении подростка в цифровой среде, деформировано или ослаблено. Рассматриваемая категория преступников злоупотребляет цифровыми технологиями в следующих целях:

а) поиск единомышленников-педофилов. Они размещают в комментариях под фотоизображениями или видеоматериалами с участием несовершеннолетних в социальных сетях «активные гиперссылки, направленные на конкретные интернет-ресурсы (сообщества, чат-группы); подобные сообщества существуют не более одного дня и не являются основной площадкой для общения педофилов, а выступают переходной площадкой для дальнейшего вступления в иные сообщества, находящиеся в теневом сегменте сети “Интернет”» [8, с. 94];

б) осуществить целевой поиск несовершеннолетних с целью растления, совершения сексуальных действий и пр. (инициируют общение, собирают информацию о детях и подростках, устанавливают доверительное общение и переходят к активным действиям, если ребенок уязвим).

При этом важным социальным свойством личности преступника выступает способность и склонность к легкому установлению контактов и связей с несовершеннолетней жертвой в виртуальном пространстве. Цифровые технологии являются основными инструментами для манипуляции жертвами и реализации преступных схем [6, с. 287]. Исследуемые лица используют различные тактики для установления контакта и воздействия на жертвы. К ним относятся доверительное общение, установление дружеских связей и обмен интересным контентом. Делается это с разными целями: от психического манипулирования до получения порнографической продукции, вовлечения в сексуальную эксплуатацию или организации личной встречи для совершения сексуальных действий.

Для подтверждения закономерности социальных связей между преступником и жертвой была проанализирована судебная практика и оценены связанные с этим факторы уязвимости несовершеннолетних. Результаты анализа выявили следующее распределение этих связей: родственно-семейные (14,6%), отношения, возникающие в сфере образования (16,1%), знакомые несовершеннолетнего или его семьи (18%), отсутствие связи (51,3%).

Преступник в сети «Интернет» получает возможность одновременно общаться с десятками и сотнями потенциальных жертв по всему миру, условно «не выходя из дома». Для этого он использует игровые чаты, социальные сети, мессенджеры и различные форумы. Как видно из полученных данных, основную массу составляют несовершеннолетние жертвы, которые ранее не были знакомы с преступником, то есть полное отсутствие связи (51,3%). Из этого следует, что преступники в виртуальном пространстве осуществляют поиск наиболее виктимных лиц. Опасность заключается в том, что несовершеннолетние, учитывая особенности современных технологий, самостоятельно принимают решения о возможности общения с незнакомыми людьми, у них создается ложное чувство безопасности при ослаблении родительского контроля [7, с. 98–99].

Трансформация домашнего сексуального насилия в период распространения цифровых технологий приобрела новые формы. Так, преступники, имеющие родственно-семейную связь с несовершеннолетним (14,6%), для их подчинения могут применять современные технологии: цифровые преследования (мониторинг всех аккаунтов несовершеннолетнего, просмотр истории браузера и др.), шантаж и угрозы с целью создания сексуального контента, в том числе и под предлогом «игры». Опасность такой связи заключается в том, что угроза распространения названных материалов среди родственников, друзей становится инструментом согласия. Более того, результаты судебной практики

свидетельствуют о том, что родители, родственники создают порнографическую и эротическую продукции с участием несовершеннолетних в большинстве случаев из корыстной заинтересованности. Это подрывает уверенность в себе у несовершеннолетней жертвы и снижает восприятие реальности.

В правоприменительной практике встречаются случаи совершения исследуемых преступлений и знакомыми несовершеннолетнего или его семьи (18%). В эту категорию входят не только соседи, друзья со двора, но и виртуальные незнакомые лица, с которыми несовершеннолетний ранее не встречался, но проводит большую часть свободного времени в игровых чатах или социальных сетях. Преступник, устанавливая доверительное общение, использует интересы и персональную информацию из аккаунта социальной сети несовершеннолетними жертвами с целью сексуальной эксплуатации и насилия.

Использование мессенджеров лицами, работающими в сфере образования (16,1%), также открыло прямой канал связи с несовершеннолетними в неформальное время. Так, указанные лица задействуют служебное положение для совершения психического насилия, сексуального шантажа, сетевой сексуальной эксплуатации или для «дополнительных занятий» в чате.

Результаты анализа судебно-следственной практики позволили автору классифицировать лиц, совершивших названное преступление, в зависимости от направленности умысла на две группы. Представленную классификацию необходимо учитывать при определении особенностей организации и осуществления предупредительной деятельности.

Первая группа. Преступник, движимый сексуальными побуждениями в отношении несовершеннолетних, использует цифровые технологии и преследует определенные цели. Он пытается склонить несовершеннолетнего к передаче материалов сексуального характера или иной интимной информации, чтобы затем использовать их для сексуальной эксплуатации, включая сексуальный шантаж с угрозой распространения таких материалов.

Вторая группа. Преступник, движимый сексуальными побуждениями в виртуальной среде, не стремится к непосредственному физическому контакту. Данная группа преступников включает два подвида действий: первый — из корыстных побуждений для извлечения доходов от производства и распространения детской порнографии; второй — не связанных с сексуальной заинтересованностью или корыстью, чаще это любопытство, поиск острых ощущений или желание следовать деструктивным популярным интернет-трендам («ради развлечения»).

Итак, результаты криминологического анализа личности преступника, совершившего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего с использованием цифровых технологий, позволили прийти к выводу о том, что в большинстве случаев это мужчина (97%), гражданин РФ (96,4%). Следует отметить, что самый высокий уровень преступности приходится на возраст от 18 до 24 лет (39%), не имеющий высшего образования (94%) и постоянного источника дохода (59%), на момент совершения преступления не состоял в зарегистрированном браке (62%), ранее судимый (27,1%). Лицо, как правило, обладает базовой цифровой грамотностью, однако характеризуется наличием психологических отклонений сексуального характера, сочетающихся с искаженной структурой потребностей и ценностных ориентаций, что способствует нетипичному выбору объектов сексуального влечения. При этом оно обладает фрагментарными познаниями в детской психологии. Интернет-коммуникация с несовершеннолетними выстраивается на основе личного опыта и алгоритмов, найденных в сети «Интернет». Преступная деятельность совершается в одиночку; доминирующими побуждениями являются удовлетворение сексуальных потребностей болезненного характера либо корыстная заинтересованность.

Проведенное исследование позволило выявить особенность в механизме совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий, наличие закономерно повторяющихся социальных связей между преступником и несовершеннолетней жертвой. Выявленные связи превращают несовершеннолетнего в жертву сексуального насилия. В зависимости от направленности умысла следует разделить деяния лиц, совершивших названное преступление, на две группы: для удовлетворения личных реальных и виртуальных сексуальных потребностей; в коммерческих целях или в целях развлечений.

Таким образом, в современных реалиях удовлетворение сексуальной потребности достигается противоправными способами, а потерпевшими от сексуального насилия становятся наиболее незащищенные и уязвимые члены общества — несовершеннолетние. Пережитые сексуальные преступные посягательства оставляют в жизни подрастающего поколения отрицательные серьезные последствия, которые негативно влияют на психологическое и физическое состояние, а также искажают их сексуальное восприятие и развивают отклонения в поведении, в половой жизни.

Литература

1. *Абельцев С. Н.* Личность преступника и проблема криминального насилия. М.: Закон и право: ЮНИТИ,2000. 206 с.

2. *Антонян Ю. М.*, *Эминов В. Е.* Преступник: основные понятия и черты личности. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 383 с.

3. *Бадмаева В. Д.*, *Дозорцева Е. Г.*, *Чибисова И. А.*, *Нуцкова Е. В.* Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3. С. 33–40.

4. *Бошаева Л. Л.* Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 259 с.

5. *Гусарова М. В.* Личность сексуального преступника: криминологическая характеристика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 4 (54). С. 95–100.

6. *Жилкин М. Г.* Кибернасилие и неприкосновенность частной жизни: правовые вызовы и пути совершенствования уголовного законодательства // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 1, № 69. С. 287–290.

7. *Каранова Д. А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 254 с.

8. *Колбасин В. В.* Предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 238 с.

9. *Пинкевич Т. В.* Виктимизация несовершеннолетних в цифровой среде: результаты исследования // Уголовная политика и правоприменительная практика. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 316–323.

10. *Пинкевич Т. В.*, *Конев Д. А.* Риски использования искусственного интеллекта как орудия и средства совершения преступлений: проблемы правового регулирования и противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 148–153.

11. *Пинкевич Т. В.*, *Нынюк Р. Н.* Виктимизация несовершеннолетних от насильственных преступлений сексуального характера в условиях цифровизации: детерминация и предупреждение // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 149–159.

12. *Полянская Е. П.*, *Чуканова Е. С.* Преступления против несовершеннолетних в цифровой среде // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В. А. Уткина). М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2025. С. 338–341.

13. *Руденко А. С.*, *Апкаев Д. М.* Характеристика личности осужденного по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5 (46). С. 62–66.

14. *Ущекин С. Н.* Предупреждение хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 247 с.

References

1. *Abeltsev S. N.* Lichnost’ prestupnika i problema kriminal’nogo nasiliya [The personality of the criminal and the problem of criminal violence] // In *Zakon i parvo [Law and Law].* M.: UNITY, 2000. 206 p. (In Russian).

2. *Antonyan Yu. M., Eminov V. E.* Prestupnik: osnovnye ponyatiya i cherty lichnosti [The criminal: basic concepts and personality traits]. M., Norma: Infra-M, 2018. 383 p. (In Russian).

3. *Badmaeva V. D., Dozortseva E. G., Chibisova I. A., Nutskova E. V.* Psikhicheskie rasstroistva u detei i podrostkov, voznikayushchie v rezul’tate prestuplenii seksual’nogo kharaktera (klinicheskie i kliniko-psikhologicheskie aspekty) [Mental disorders in children and adolescents resulting from sexual crimes (clinical and clinical-psychological aspects)] // In *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Psychiatric Journal]*, 2014, no. 3, pp. 33–40 (In Russian, abstract in English).

4. *Boshaeva L. L.* Preduprezhdenie kiberprestupnosti v otnoshenii nesovershennoletnikh [Prevention of cybercrime against minors]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. M., 2025. 259 p. (In Russian).

5. *Gusarova M. V.* Lichnost’ seksual’nogo prestupnika: kriminologicheskaya kharakteristika [The personality of a sexual offender: criminological characteristics] // In *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*

[Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, vol. 14, no. 4, pp. 95–100 (In Russian, abstract in English).

6. *Zhilkin M. G.* Kibernasilie i neprikosnovennost' chastnoi zhizni: pravovye vyzovy i puti sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva [Cyber violence and privacy: legal challenges and ways to improve criminal legislation] // In *Yuridicheskaya nauka i praktika [Legal Science and Practice],* 2025, vol. 1, no.69, pp. 287–290. (In Russian).

7. *Karanova D. A.* Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie prestuplenii protiv lichnosti, sovershaemykh nesovershennoletnimi s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [Criminological characteristics and prevention of crimes against the person committed by minors using information and communication technologies]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. M., 2025. 254 p. (In Russian).

8. *Kolbasin V. V.* Preduprezhdenie nasil'stvennykh prestuplenii seksual'nogo kharaktera, sovershaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh [Prevention of violent sexual crimes committed against minors]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. M., 2024. 238 p. (In Russian).

9. *Pinkevich T. V.* Viktimizatsiya nesovershennoletnikh v tsifrovoi srede: rezul'taty issledovaniya [Victimization of minors in the digital environment: research results] // In *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika [Criminal Policy and Law Enforcement Practice],* 2025, pp. 316–323. (In Russian).

10. *Pinkevich T. V., Konev D. A.* Riski ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta kak orudiya i sredstva soversheniya prestuplenii: problemy pravovogo regulirovaniya i protivodeistviya [The risks of using artificial intelligence as a tool and means of committing crimes: problems of legal regulation and counteraction] // In *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and Order: History, Theory, Practice],* 2024, no 4(43), pp. 148–153. (In Russian, abstract in English).

11. *Pinkevich T. V., Ninyuk R. N.* Viktimizatsiya nesovershennoletnikh ot nasil'stvennykh prestuplenii seksual'nogo kharaktera v usloviyakh tsifrovizatsii: determinatsiya i preduprezhdenie [Victimization of minors from violent sexual crimes in the context of digitalization: determination and prevention] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 149–159. (In Russian, abstract in English).

12. *Polyanskaya E. P., Chukanova E. S.* Prestupleniya protiv nesovershennoletnikh v tsifrovoi srede [Crimes against minors in the digital environment] // In *Kriminologicheskaya politika i praktika protivodeistviya prestupnosti (pamyati professora kafedry V. A. Utkina) [Criminological policy and practice of combating crime (in memory of professor of the department V. A. Utkin)]*, 2025, pp. 338–341. (In Russian).

13. *Rudenko A. S., Apkaev D. M.* Kharakteristika lichnosti osuzhdennogo po delam o prestupleniyakh protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody [Characterization of the personality of a convicted person in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom] // In *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2021, no 5 (46), pp. 62–66. (In Russian, abstract in English).

14. *Oschekin S. N.* Preduprezhdenie khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha [Prevention of theft committed using electronic means of payment]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. M., 2025. 247 p. (In Russian).

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ, СВЯЗАННЫЕ С КОНТРОЛЕМ ЗА ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ МИГРАНТОВ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ИМИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Блохин Ярослав Анатольевич

Цель: *на основании анализа современного состояния деятельности правоохранительных органов и иных уполномоченных органов в сфере миграционного контроля и специализированных исследований по данной теме установить основные организационно-управленческие факторы детерминации преступности мигрантов, связанные с контролем за перемещением мигрантов и осуществлением ими трудовой деятельности.*

Методология: *диалектический метод, системный метод, анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический метод.*

Выводы. *Преступность мигрантов всегда сопутствует миграции, а ее состояние и уровень проявления непосредственно зависят от интенсивности и качественных характеристик миграционных процессов. Преступность мигрантов тесно взаимосвязана с иными видами преступности, прежде всего, с организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков, коррупционной преступностью и пр. Поиск эффективных мер воздействия на преступность мигрантов определяет необходимость установления всего комплекса объективных и субъективных факторов ее детерминации. При исследовании детерминации преступности мигрантов необходимо учитывать, что данный вид преступности непосредственно связан с миграционными процессами, что наряду с субъективными факторами преступного поведения мигрантов на первый план выводит исследование организационно-управленческих факторов. Анализ современного состояния деятельности правоохранительных органов и иных уполномоченных органов в сфере миграционного контроля позволил установить следующие основные организационно-управленческие факторы детерминации преступности мигрантов: связанные с перемещением мигрантов на территорию нашей страны; связанные с нелегальным пребыванием мигрантов на территории нашей страны; связанные с выявлением и высылкой нелегальных мигрантов за пределы территории нашей страны; связанные с осуществлением мигрантами трудовой деятельности.*

Научная и практическая значимость. *Установление организационно-управленческих факторов детерминации преступности мигрантов, связанных с контролем за перемещением мигрантов и осуществлением ими трудовой деятельности, обеспечивает возможность иметь более полное представление об объективных факторах детерминации и связанных с ними закономерностях проявления преступности мигрантов; определить направления дальнейшего научного осмысления феномена преступности мигрантов. Выявленная детерминистическая роль данных факторов позволяет определить направления совершенствования деятельности правоохранительных органов и иных уполномоченных субъектов по обеспечению миграционной безопасности и противодействию преступности мигрантов.*

Ключевые слова: *миграция, мигрант, преступление, преступность, детерминация, криминальный рынок труда, объективные факторы, управление, высылка, депортация, административное выдворение.*

Миграция является процессом, являющимся объективной характеристикой человеческой популяции, а его параметры и тренды прямо зависят от процессов глобализации в современном мире.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-278-287

Снятие пандемийных ограничений, стабилизация и интенсификация мировых экономик, а также современные геополитические процессы актуализировали миграционные процессы во всем мире, в том числе и России. Одним из явлений, сопутствующих миграции, выступает преступность мигрантов, которая имеет тесные взаимосвязи с иными видами преступности (организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков, коррупционной преступностью и пр.). Миграционная детерминанта, по справедливом утверждению С. Ф. Милюкова, оказывает существенное негативное влияние на криминологическую обстановку в России [1, с. 21]. При этом уровень криминальной активности мигрантов, как отмечают специалисты, прямо зависит от интенсивности миграционных процессов [2]. Необходимость поиска эффективных мер воздействия на преступность мигрантов определяет необходимость установления всего комплекса объективных и субъективных факторов ее детерминации.

Преступность, как открытая, динамическая, нелинейная, стохастическая, гетерогенная, поликомпонентная, самоорганизующаяся, адаптивная, биосоциальная, очень сложная система [3], связана не только с причинами, непосредственно ее порождающими, и условиями, способствующими ее существованию, но и множеством иных факторов, имеющих различное детерминистическое значение, определяемое характером их связей (причинных, функциональных, статистических, корреляционных и прочих) с преступностью. Поэтому, рассматривая детерминацию преступности, необходимо рассматривать все множество факторов, в том числе порождающих ее, способствующих либо препятствующих ей.

Следует отметить значительные усилия государства по урегулированию миграционных процессов, постоянному совершенствованию правового обеспечения и механизмов контроля за перемещением через государственную границу и нахождением иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России. Принят ряд законодательных мер по усилению государственного контроля за мигрантами (затрагивающие транзитные и иммиграционные правила, правила пребывания, передвижения и проживания на территории России), оснований и порядка их выдворения, ужесточения ответственности за преступления в сфере миграции, а также преступления, совершаемые мигрантами. Однако изменения количественно-качественных характеристик состояния преступности мигрантов обуславливают актуальность дальнейшего исследования факторов детерминации и выработки мер по их устранению.

При исследовании детерминации преступности мигрантов необходимо учитывать, что данный вид преступности непосредственно связан с миграционными процессами, что выводит на первый план наряду с субъективными факторами преступного поведения мигрантов [4] также организационно-управленческие факторы детерминации. Данные факторы имеют детерминационное значение как для формирования предпосылок существования преступности мигрантов, так и совершения мигрантами различных видов преступлений.

Указанное определяет целесообразность выделения следующих групп организационно-управленческих факторов детерминации преступности мигрантов, связанных с контролем за перемещением мигрантов и осуществлением ими трудовой деятельности.

1. Организационно-управленческие факторы, связанные с перемещением мигрантов на территорию нашей страны.

Выделяя основные факторы, оказывающие наиболее значимое влияние на состояние преступности мигрантов и криминальную ситуации в России в целом, специалисты указывают на такие организационно-управленческие факторы, как просчеты и недостатки в деятельности миграционных служб и иных правоохранительных органов по контролю над незаконной миграцией, действующий упрощенный порядок (в том числе в части визового режима) въезда и перемещения по России граждан стран СНГ, недостаточная охрана границы РФ с государствами СНГ на всей ее протяженности. Как отмечают В. И. Гладких и П. Н. Кобец, «ослабление контроля со стороны правоохранительных органов за пребыванием иностранцев в России, наличие “прозрачных” границ позволяет преступникам практически беспрепятственно проникать в Российскую Федерацию» [5, с. 126].

В качестве отдельного фактора следует выделить недостатки правового обеспечения и организации международного сотрудничестве в сфере контроля и учета за перемещением мигрантов, выступающие причиной неконтролируемых перемещений миграционных масс. Так, безвизовый режим на определенных участках границы РФ способствует проникновению в страну нелегальных мигрантов [6, с. 35].

Одним из основных факторов существования преступности мигрантов является такая разновидность криминального бизнеса, как организация нелегальной миграции. Кроме того, что сама по

себе организация нелегальной миграции является одним из распространенных видов преступной деятельности, именно на долю нелегальных мигрантов приходится большая часть совершаемых данной категорией лиц преступлений.

Недостаточные меры и просчеты организационно-управленческого характера при реализации деятельности государственных органов по противодействию организации нелегальной миграции имеют прямым следствием рост преступности мигрантов. При этом данный фактор способствует повышению уровня преступности мигрантов как за счет совершения ими преступных действий, направленных на нелегальное перемещение в страну пребывания (незаконное пересечение Государственной границы РФ и пр.), так и за счет совершения различных преступлений уже в стране пребывания.

Тесно связанным с указанными организационно-управленческими факторами является фактор коррупции в правоохранительных и иных органах государственной власти, обеспечивающих безопасность в сфере миграции.

Совершение преступлений коррупционной направленности позволяет мигрантам проникать на территорию нашей страны нелегальным путем, что повышает уровень криминализации общества и позволяет нелегальным мигрантам в дальнейшем совершать самые различные преступления в стране пребывания, а также в ряде случаев избегать ответственности за совершенные преступления.

Роль данных организационно-управленческих факторов в детерминации преступности мигрантов существенно возрастает в случае перемещения на территорию нашей страны криминально ориентированных мигрантов. Речь идет о лицах, проникающих на территорию страны с целью осуществления преступной деятельности (от краж, грабежей и разбоев в целях получения средств к существованию и криминального дохода, до участия в различных видах организованной преступной деятельности, включая профессиональную преступную деятельность [7; 8; 9]), в том числе «преступников-гастролеров» [10]. Отдельную проблему при этом представляет проникновение мигрантов в страну с целью участия в организации и осуществлении экстремистской и террористической деятельности [11; 12].

В качестве организационно-управленческого фактора детерминации преступности мигрантов следует рассматривать коррупцию. Коррупция в правоохранительных и иных органах государственной власти, обеспечивающих безопасность в сфере миграции, выступает распространенным фактором ситуативного совершения различных преступлений, а также непосредственно связана с существованием такого криминального феномена, как рынок криминальных услуг в сфере миграции [13]. Криминально ориентированные и коррумпированные представители государственной власти не только выступают в отдельных случаях организаторами незаконной миграции, но и широко вовлечены в оказание различного рода криминальных посреднических услуг в сфере организации незаконной миграции [14, с. 64].

Рынок криминальных посреднических услуг в сфере незаконной миграции представляет собой высокорентабельный сегмент криминальной деятельности и охватывает широкий спектр криминальных услуг, включая: помощь в перемещении через государственную границу; выдачу с нарушением законодательства документов или изготовление поддельных документов (удостоверяющих личность, миграционных карт, медицинских справок, разрешений на работу и др.); постановку на учет по месту пребывания, регистрацию по месту жительства; выдачу РВП, РВПО, ВНЖ; предоставление жилья; помощь в трудоустройстве и прочие [14, с. 64].

2. Организационно-управленческие факторы, связанные с нелегальным пребыванием мигрантов на территории нашей страны.

Отсутствие отлаженных механизмов учета мигрантов и низкая эффективность работы по контролю за нелегальными мигрантами имеет своим следствием то, что фактически бесконтрольной остается значительная масса неустроенных, предоставленных самим себе лиц. В сложившихся реалиях рост нелегальных мигрантов, чаще всего совершающих преступления, обусловлен тем, что иностранный гражданин, как отмечает А. Ш. Колозян, «исчезает из поля зрения государства после пересечения границы» [15, с. 297]. Отсутствие надлежащего контроля за нахождением иностранцев в России и перемещением нелегальных мигрантов по территории страны существенно снижает возможности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию совершаемых ими преступлений, приводит к новым жертвам и делает во многих случаях невозможным привлечение виновных к уголовной ответственности [6, с. 32–33]. Последствием неконтролируемой миграции является также восприятие в обществе всех мигрантов как потенциальных правонарушителей [16], что является серьезным криминогенным и виктимогенным фактором.

Рассматриваемую группу факторов детерминации преступности мигрантов также образуют коррупция и вовлеченность представителей ор-

ганов государственной власти, обеспечивающих безопасность в сфере миграции, в оказании криминальных услуг в сфере незаконной миграции. Указанные факторы не только детерминируют преступность мигрантов, но и нивелируют эффективность принимаемых мер государственного контроля в сфере миграции.

Отдельной проблемой при этом выступает не только возможность проникновения на территорию страны нелегальных мигрантов, но и отсутствие эффективных механизмов контроля за лицами, утратившими основания легального пребывания на территории нашей страны.

Как отмечалось нами ранее, коррупционные механизмы взаимодействия с представителями власти дают возможность мигрантам, в том числе утратившим основания легального пребывания на территории нашей страны, избежать привлечения к ответственности за нарушение миграционного законодательства и выдворения за пределы страны. В свою очередь, это не только порождает у них убежденность в собственной безнаказанности, уверенность в отсутствии проблем в нелегальном нахождении в стране, но дает им возможность осуществлять различного рода преступную деятельность.

Нелегальный статус мигранта во многом определяет характер его поведения. Лишенные возможности осуществления легальной деятельности, мигранты прибегают к криминальным способам получения дохода. В целях осуществления преступной деятельности нелегальные мигранты нередко не только самоорганизовываются в различные формы преступных объединений, но и примыкают, как добровольно, так и подпадая под влияние, различных преступных сообществ, прежде всего, организуемых на этнической основе.

Как указывает А. И. Бастрыкин, общественная опасность незаконной миграции обусловлена не только негативным влиянием неконтролируемых переселенческих процессов на экономику, социально-демографическую и политическую ситуацию в стране, но и тем, что незаконная миграция играет существенную роль в детерминации преступности, выступает ее питательной средой, происходит смыкание нелегальной миграции с нелегальным бизнесом и организованной преступностью, использующими миграционные потоки в качестве источника получения существенных доходов [6, с. 30–31].

3. Организационно-управленческие факторы, связанные с выявлением и высылкой нелегальных мигрантов за пределы территории нашей страны.

Данная группа факторов детерминации преступности мигрантов имеет наиболее тесную взаимосвязь с организационно-управленческими факторами, связанными с перемещением мигрантов на территорию нашей страны, а также с их нелегальным пребыванием на территории нашей страны, что требует реализации эффективных мер по выявлению мигрантов и их высылке за пределы страны.

Отсутствие легальных оснований нахождения (проживания/пребывания) на территории страны требует принятия такой меры государственного воздействия, как депортация, то есть обеспечение выезда (добровольно или принудительно) мигранта за пределы РФ. В случае наличия соответствующих двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений в отношении мигрантов может быть применен режим реадмиссии. Различные нарушения российского законодательства являются основанием применения такой меры административного наказания к мигранту, как административное выдворение за пределы РФ.

Принимая во внимание активизацию процессов, связанных с высылкой нелегальных мигрантов за пределы территории нашей страны, следует осознавать значимость проблемы, на которую указывают М. Н. Урда и В. А. Синцов: «Активизация этих процессов на фоне отсутствия системного знания о формально-юридических свойствах различных мер принуждения, связанных с удалением иностранных граждан за пределы страны, обостряет противоречие между личными правами иностранцев и правом на безопасность принимающего государства» [17, с. 13].

Одной из проблем, по-прежнему являющейся актуальной для нашей страны и сегодня, является то, что количество контролируемых мигрантов, находящихся на ее территории, более чем в десять раз превосходит количество мигрантов, пересекающих ее границы. А количество выдворенных за пределы страны нелегальных мигрантов не соответствует масштабам нарушений в миграционной сфере и остается крайне низким, не превышая одного процента от их общего числа [6, с. 32]. Следует отметить, что государство принимает активные меры, направленные на решение данной проблемы, как правого, так и организационного характера.

Регулярно осуществляются оперативно-профилактические мероприятия, которые направлены на выявление и предотвращение нарушений миграционного законодательства, в том числе гражданами третьих стран. Внедрение в правовое регулирование отношений в сфере миграции режима высылки иностранных граждан *(Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4956; Указ Президента*

Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» // СЗ РФ. 2025. № 1. Ст. 1) является мерой, в значительной мере повышающей эффективность миграционной политики нашего государства и способствующей противодействию преступности мигрантов.

Только за 2024 г. по результатам операции «Нелегал-2024» («Нелегал» — регулярно проводимая на территории России с 2008 г. региональная операции ОДКБ) МВД России совместно с ФСБ России и Росфинмониторингом было принято 20,3 тысячи решений об административном выдворении и депортации иностранных граждан за пределы России. Всего за 2024 г. было выявлено 106,5 тысячи нарушений миграционного законодательства, включая: 81,7 тысячи нарушений правил въезда, выезда, транзитного проезда и пребывания иностранных граждан в РФ, а также 24,7 тысячи нарушений порядка осуществления трудовой деятельности. Органами внутренних дел и органами государственной безопасности возбуждено 4,1 тысячи уголовных дел по ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ *(Из РФ в 2024 году в ходе операции «Нелегал» депортировали 20,3 тыс. иностранцев // https://tass.ru/obschestvo/23956111?ysclid=mapny34l8d934599732)*. Однако, учитывая масштабы нелегальной миграции, реализуемые меры нельзя признать достаточными.

В качестве организационно-управленческих факторов детерминации преступности мигрантов следует выделить низкую и несистемную активность правоохранительных органов и иных уполномоченных субъектов в сфере миграции по выявлению нелегальных мигрантов и их последующей высылке, а также недостаточное финансирование соответствующих мер.

Несмотря на то, что депортация и административное выдворение являются сегодня одними из наиболее эффективных мер противодействия незаконной миграции, их реализация связана с определенными рисками и трудностями. Угроза высылки мотивирует мигрантов, не имеющих легальных оснований нахождения на территории страны, скрываться от правоохранительных органов, в результате чего возрастает зависимость мигрантов от криминальных структур и работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов. Кроме того, как справедливо указывают специалисты, масштабная реализация высылки мигрантов сложно реализуема в силу существенной трудозатратности и дороговизны данного процесса [18, с. 82]. Как отмечают Г. В. Антонов-Романовский, П. П. Сальников и Д. К. Чирков, «при оформлении материалов о всех задержаниях незаконных мигрантов за нарушение миграционного законодательства в соответствии с требованиями административного законодательства перед государством в лице судей встал бы вопрос о выдворении за пределы России в отношении не менее миллиона незаконных мигрантов, если исходить из их средне годовой численности в 4–4,5 млн человек. Данная проблема в правовом, экономическом и социальном разрезах в настоящий момент нерешаема. Административно-организационных и материальных ресурсов для выдворения за год даже ста тысяч незаконных мигрантов нет. ... Явочным порядком эта проблема решается на местах путем незаконной минимизации привлечения выявленных незаконных мигрантов к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства» [19, с. 135].

В соответствии со ст. 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» *(СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032*) в случае, если установление приглашающей стороны невозможно, мероприятия по депортации и выдворению иностранного гражданина за пределы РФ являются расходными обязательствами РФ.

Таким образом, организационно-управленческие факторы, связанные с выявлением и высылкой мигрантов за пределы территории нашей страны, тесно взаимосвязаны с иными рассмотренными ранее группами факторов детерминации преступности мигрантов, поскольку неэффективность механизмов высылки мигрантов обуславливает увеличение количества фактически неконтролируемых мигрантов, нелегально пребывающих на территорию страны, их концентрацию в местах компактного проживания, вовлеченность в нелегальный рынок труда, а также увеличение уровня криминализации нашего общества в результате коррумпированности представителей государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в сфере миграции, совершения преступлений самими мигрантами и в отношении мигрантов.

Необходимо также учитывать такие аспекты криминологической проблемы детерминации и противодействия преступности мигрантов, как отсутствие системы контроля за иностранными гражданами, которые были выдворены за пределы России, но в последующем прибывающих на ее территорию после смены на родине персональных данных (фамилии, имени и пр.), а также непроработанность процедуры обеспечения выезда за

пределы территории РФ иностранных граждан, которые отбыли в нашей стране уголовное наказание за совершенное преступление [18, с. 133–135].

4. Организационно-управленческие факторы, связанные с осуществлением мигрантами трудовой деятельности.

Целесообразно привести позицию А. И. Бастрыкина, который полагает, что «острота проблем, связанных с миграционными потоками, во многом связана с отсутствием должной политики на рынке труда, несовершенством миграционных законов и практики приема иностранных трудовых мигрантов» [6, с. 30]. Социально-экономические условия и демографическая ситуация в РФ определяют потребность в привлечении рабочей силы мигрантов. Наиболее развитые в социально-экономическом плане регионы всегда привлекают мигрантов, поскольку позволяют трудоустроиться и получать доход, а высокое конкурентное преимущество дешевой рабочей силы способствует вовлечению в различные виды трудовой деятельности весьма значительных масс мигрантов.

При этом следует учитывать, что чем более развит социально-экономически регион, чем «прозрачнее» границы и удобнее географическое расположение региона с точки зрения перемещения на его территорию и транзита через него, тем большую миграционную нагрузку он испытывает, тем значительнее доля криминального рынка рабочей силы мигрантов из стран с нестабильной политической и социально-экономической обстановкой на него приходится [14, с. 63]. Постоянно растущий спрос на дешевую рабочую силу в РФ, который местные трудовые ресурсы не способны удовлетворить, обуславливает вовлечение в миграционные процессы криминальных структур, создающих в этой сфере прибыльный криминальный бизнес [5].

Неэффективная политика квотирования рабочей силы из других государств имеет неизбежным следствием рост нелегальной миграции. Несовершенство правового регулирования вопросов трудоустройства мигрантов и отсутствие эффективных механизмов контроля за их трудовой деятельностью непосредственно влияют не только на уровень нелегальной миграции, но и на уровень преступности мигрантов.

Существующий криминальный рынок рабочей силы мигрантов, как высоко прибыльный криминальный бизнес, способствует тому, что страну насыщают массы иностранцев и лиц без гражданства, не имеющих разрешение на трудоустройство, документов, в том числе медицинских. Бесправное положение мигрантов, вовлеченных в нелегальную трудовую деятельность, обуславливает их полную зависимость от «работодателя» и проблему их фактической эксплуатации. Находясь в таком бесправном и беззащитном положении, мигранты вынуждены трудиться в условиях полного отсутствия охраны труда и риска для жизни и здоровья и находиться в ненадлежащих социально-бытовых условиях, нередко становятся жертвами насилия со стороны «работодателя», а также сексуальной эксплуатации. Более того, совсем не редки факты ввоза иностранных граждан их же соотечественниками с целью обращения в рабство. Как подчеркивает А. И. Бастрыкин, «...малообеспеченные граждане соглашаются въезжать на территорию Российской Федерации за счет оплативших их поездку лиц, у которых впоследствии остаются в услужении. Такие нелегальные мигранты становятся настоящими рабами, которых их более состоятельные соотечественники перепродают друг другу как для домашних услуг, так и для выполнения криминальных поручений: перевозки наркотиков, контрабанды товаров, совершения вымогательства чужого имущества и т.п.» [6, с. 33].

Таким образом, несовершенство правового регулирования вопросов трудоустройства мигрантов и отсутствие эффективных механизмов контроля за их трудовой деятельностью не только детерминируют рост нелегальной миграции и функционирование криминального рынка рабочей силы мигрантов, развитие «теневой» экономики и преступности в сфере экономики, но и способствуют совершению преступлений, связанных с криминальной эксплуатацией мигрантов, а также различных преступлений, совершаемых мигрантами с целью улучшения своего материального и социального положения.

Отсутствие должного регулирования осуществления мигрантами трудовой деятельности непосредственно связано с проблемой трансформации легального статуса мигранта в нелегальный. Регулирование миграционных процессов в РФ требует жесткого системного контроля как за численностью въезжающих и выезжающих из страны мигрантов, так и за соблюдением ими режима пребывания на территории нашей страны и осуществления трудовой деятельности строго в рамках законодательства. Безвизовый режим позволяет въезжать на территорию РФ множеству граждан сопредельных государств. Легально попадающие на территорию страны, не получив возможности легализовать свою трудовую деятельность, они утрачивают легальный статус и трансформируются таким образом в нелегальных мигрантов [20]. Часть легально въезжающих на территорию страны мигрантов после окончания разрешенного срока пребывания предпочитают не выезжать за пределы РФ

в установленном порядке, а попросту «затеряться» на ее территории [18, с. 13–14], таким образом осознанно выбирая путь трансформации в нелегалов. Следствием такой трансформации в большинстве случаев является то, что «нелегальные мигранты подвергаются деклассации, маргинализации, многие из них приобретают в стране въезда преступные навыки решения личных проблем» [21, с. 96]. Основная масса преступлений, как показывают исследования, совершается нелегальными мигрантами, изначально цель пребывания которых в РФ была связана с получением заработка [19].

Следует учитывать, что определенная доля трудовых мигрантов изначально ориентирована на незаконную деятельность и по прибытии прибегает к услугам представителей нелегального рынка труда, что дает возможность финансово упростить и ускорить процедуру трудоустройства, избежать налогообложения. Однако и традиционные для занятости мигрантов сегменты российского рынка труда отличаются высоким уровнем динамичности и нестабильности, что определяет повышенный уровень рисков трансформации легальных трудовых мигрантов в нелегальные, связанные с длительным поиском или утратой работы. Именно данный период жизни мигрантов характеризуется максимальными рисками криминализации и вовлеченности в криминальные структуры [21, с. 96]. Исключительная же экономическая привлекательность труда нелегальных мигрантов обуславливает их использование без какого-либо оформления трудовых отношений массово и на системной основе в самых различных сферах хозяйственной деятельности.

Отдельные исследователи отмечают, что «мигранты в процессе ассимилирования трансформируются из неконтролируемых и нелегальных в легальные, не имеющие противоправных целей, стремящиеся преодолеть личное социально-экономическое неблагополучие путем трудоустройства и закрепления на новом месте» [22, с. 49]. По нашему мнению, невозможно говорить о трансформации нелегального мигранта в легального в случае, когда он нелегально осуществил пересечение государственной границы и нелегально пребывает на территории РФ, а в последующем с целью удовлетворения своих потребностей «легализуется» путем трудоустройства. Именно данная категория мигрантов активно пользуется рынком посреднических криминальных услуг, включая получение документов, в т.ч. поддельных, разрешений на трудоустройство, проживание и прочие, стимулируя его развитие.

Тот факт, что большинство мигрантов, как легальных, так и нелегальных, прибывает на территорию РФ с целью трудоустройства, определяет значимость государственного управления и контроля в сфере трудовой деятельности мигрантов как меры по обеспечению национальной безопасности, и роль организационно-управленческих факторов, связанных с осуществлением мигрантами трудовой деятельности, в детерминации преступности мигрантов.

На основании изложенного, можем прийти к следующим выводам. Исходя из того, что преступность мигрантов непосредственно связана с миграционными процессами, наряду с субъективными факторами преступного поведения мигрантов ключевую роль в детерминации данного вида преступности играют организационно-управленческие факторы. Анализ современного состояния деятельности правоохранительных органов и иных уполномоченных органов в сфере миграционного контроля позволил выявить следующие основные организационно-управленческие факторы детерминации преступности мигрантов: связанные с перемещением мигрантов на территорию нашей страны; связанные с нелегальным пребыванием мигрантов на территории нашей страны; связанные с выявлением и высылкой нелегальных мигрантов за пределы территории нашей страны; связанные с осуществлением мигрантами трудовой деятельности. Установление данного комплекса факторов и их роли в детерминации преступности мигрантов дает возможность определить направления совершенствования деятельности правоохранительных органов и иных уполномоченных субъектов по обеспечению миграционной безопасности и противодействию преступности мигрантов.

Литература

1. *Милюков С. Ф.* Миграционная составляющая современной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). С. 19–23.

2. *Розовская Т. И., Петрянин А. В.* Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 42–49.

3. *Игнатов А. Н.* Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104.

4. *Блохин Я. А.* Субъективные факторы детерминации преступности мигрантов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 370–378.

5. *Гладких В. И., Кобец П. Н.* Факторы, обусловливающие рост преступности незаконных мигрантов в федеральных округах Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2005. № 5. С. 125–126.

6. *Бастрыкин А. И.* Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — Председатель Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации. Противодействие преступности мигрантов — один из основных факторов укрепления безопасности России // Право и безопасность. 2009. № 2. С. 30–34.

7. *Уткин В. А., Уткина Е. В.* Правовой и криминологический аспект нелегальной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 232–236.

8. *Михайлова Е. В., Хазов Е. Н.* Криминологические аспекты преступности иностранных мигрантов в городе Москве // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. 2021. № 2. С. 29–34.

9. *Гринберг С. А.* Миграционные процессы как фактор детерминации преступности в современном мегаполисе // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 265–270.

10. *Маркарян А. О.* Применение нечеткого логического вывода для определения местонахождения нелегальных мигрантов и «гастролеров» в информационном обеспечении ОВД // Искусственный интеллект. 2013. № 2. С. 119–126.

11. *Игнатов А. Н., Сапрунов А. Г.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 39–45.

12. *Игнатов А. Н., Кашкаров А. А.* Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им // Библиотека уголовного права и криминологии. Научный журнал. 2016. № 2. С. 127–137.

13. *Репецкая А. Л.* Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 1–2(1). С. 48–53.

14. *Сагадарова В. Б.* Криминальный рынок посреднических услуг по организации незаконной миграции в Восточно-Сибирском регионе // Закон и право. 2011. № 11. С. 62–64.

15. *Колозян А. Ш.* Преступность мигрантов в России: реальность, вызовы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 295–302.

16. *Костюк М. Ф., Кунц Е. В.* Правовые средства противодействия миграционной преступности // Миграционное право. 2022. № 3. С. 22–24.

17. *Урда М. Н., Синцов В. А.* Концептуальные основы унификации мер удаления иностранных граждан за пределы Российской Федерации в контексте режима высылки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 10–27.

18. *Власов И. С., Голованова Н. А., Артемов В. Ю. и др.* Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «Контракт», 2013. 496 с.

19. *Антонов-Романовский Г. В., Сальников П. П., Чирков Д. К.* Преступность мигрантов-иностранцев в Российской Федерации: современные тенденции // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 128–138.

20. *Палиева О. Н., Палиев В. Б.* Преступность мигрантов: причины совершения и меры профилактического воздействия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 129–132.

21. *Антонов-Романовский Г. В.* Причинный комплекс преступности мигрантов-иностранцев в свете противодействия ей // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 5. С. 92–94.

22. *Сердюков К. Н.* Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 3. С. 88–101.

23. *Афанасьева О. Р., Гончарова М. В.* Преступность мигрантов как объект криминологического исследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 46–50.

References

1. *Milyukov S. F.* Migracionnaya sostavlyayushchaya sovremennoj prestupnosti [Migration component of modern crime] // In *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [*Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2018, no. 2 (49), pp. 19–23. (In Russian)

2. *Rozovskaya T. I., Petryanin A. V.* Migraciya i prestupnost': chastnyj vzglyad na problemu [Migration and crime: a private look at the problem] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [*Union of criminologists and criminologists]*, 2023, no. 4, pp. 42–49. (In Russian)

3. *Ignatov A. N.* Prestupnost' kak sistema [Crime as a system] // In *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*, 2024, no. 9, pp. 97–104. (In Russian)

4. *Blokhin Ya. A.* Sub''ektivnye faktory determinacii prestupnosti migrantov [Subjective factors determining the crime of migrants] // In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences],* 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 370–378. (In Russian)

5. *Gladkikh V. I., Kobets P. N.* Faktory, obuslovlivayushchie rost prestupnosti nezakonnyh migrantov v federal'nyh okrugah Rossijskoj Federacii [Factors causing the growth of crime among illegal migrants in the federal districts of the Russian Federation] // In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami [Actual problems of combating crimes and other offenses],* 2005, no. 5, pp. 125–126. (In Russian)

6. *Bastrykin A. I.* Pervyj zamestitel' General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii-Predsedatel' Sledstvennogo komiteta pri Prokurature Rossijskoj Federacii. Protivodejstvie prestupnosti migrantov — odin iz osnovnyh faktorov ukrepleniya bezopasnosti Rossii [First Deputy Prosecutor General of the Russian Federation — Chairman of the Investigative Committee under the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Combating migrant crime is one of the main factors in strengthening Russia's security] // In *Pravo i bezopasnost'* [*Law and Security],* 2009, no. 2, pp. 30–34. (In Russian)

7. *Utkin V. A., Utkina E. V.* Pravovoj i kriminologicheskij aspekt nelegal'noj migracii [Legal and criminological aspect of illegal migration] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 7, pp. 232–236. (In Russian)

8. *Mikhailova E. V., Khazov E. N.* Kriminologicheskie aspekty prestupnosti inostrannyh migrantov v gorode Moskve [Criminological aspects of criminality of foreign migrants in the city of *Moscow] //* In *Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii i pedagogiki sluzhebnoj deyatel'nosti [International Journal of Psychology and Pedagogy of Service Activity]*, 2021, no. 2, pp. 29–34. (In Russian)

9. *Grinberg S. A.* Migracionnye processy kak faktor determinacii prestupnosti v sovremennom megapolise [Migration processes as a factor in determining crime in a modern metropolis] // In *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference]*. M., 2021, pp. 265–270. (In Russian)

10. *Markaryan A. O.* Primenenie nechetkogo logicheskogo vyvoda dlya opredeleniya mestonahozhdeniya nelegal'nyh migrantov i "gastrolerov" v informacionnom obespechenii OVD [Application of fuzzy logical inference to determine the location of illegal migrants and "touring performers" in the information support of the Internal Affairs Directorate] // In *Iskusstvennyj intellekt [Artificial Intelligence],* 2013, no. 2, pp. 119–126. (In Russian)

11. *Ignatov A. N., Saprunov A. G.* Ugolovnaya otvetstvennost' za sodejstvie terroristicheskoj deyatel'nosti: sovershenstvovanie zakonodatel'noj reglamentacii [Criminal liability for assisting terrorist activity: improving legislative regulation] // In *Obshchestvo i pravo [Society and Law],* 2018, no. 2 (64), pp. 39–45. (In Russian)

12. *Ignatov A. N., Kashkarov A. A.* Tendencii proyavlenij ekstremizma i terrorizma v Krymskom federal'nom okruge i puti povysheniya effektivnosti deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po protivodejstviyu im [Trends in manifestations of extremism and terrorism in the Crimean Federal District and ways to improve the efficiency of law enforcement agencies in countering them] // In *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii. Nauchnyj zhurnal [Library of criminal law and criminology. Scientific journal]*, 2016, no. 2, pp. 127–137. (In Russian)

13. *Repetskaya A. L.* Migraciya i regional'naya prestupnost': harakteristika i problemy bor'by [Migration and regional crime: characteristics and problems of struggle] // In *Kriminologicheskij zhurnal BGUEP [Criminological journal of BSUEL],* 2007, no. 1–2 (1), pp. 48–53. (In Russian)

14. *Sagadarova V. B.* Kriminal'nyj rynok posrednicheskih uslug po organizacii nezakonnoj migracii v Vostochno-Sibirskom regione [Criminal market of intermediary services for organizing illegal migration in the East Siberian region] // In *Zakon i pravo [Law and Right],* 2011, no. 11, pp. 62–64. (In Russian)

15. *Kolozyan A. Sh*. Prestupnost' migrantov v Rossii: real'nost', vyzovy i perspektivy [Migrant Crime in Russia: Reality, Challenges and Prospects] // In *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2024, no. 3 (67), pp. 295–302. (In Russian)

16. *Kostyuk M. F., Kunts E. V.* Pravovye sredstva protivodejstviya migracionnoj prestupnosti [Legal Means of Combating Migration Crime] // In *Migracionnoe pravo [Migration Law],* 2022, no. 3, pp. 22–24. (In Russian)

17. *Urda M. N., Sintsov V. A.* Konceptual'nye osnovy unifikacii mer udaleniya inostrannyh grazhdan za predely Rossijskoj Federacii v kontekste rezhima vysylki [Conceptual Foundations of Unification of Measures for Removing Foreign Citizens from the Russian Federation in the Context of the Expulsion Regime] // In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [*Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law]*, 2025, vol. 15, no. 2, pp. 10–27. (In Russian)

18. *Vlasov I. S., Golovanova N. A., Artemov V. Yu. et al*. Migraciya i prestupnost': sravnitel'no-pravovoj analiz: monografiya [Migration and Crime: A Comparative Legal Analysis: Monograph] / ed. I. S. Vlasov, N. A. Golovanova. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Legal Firm "Contract", 2013. 496 p. (In Russian)

19. *Antonov-Romanovsky G. V., Salnikov P. P., Chirkov D. K.* Prestupnost' migrantov-inostrancev v Rossijskoj Federacii: sovremennye tendencii [Crime of Foreign Migrants in the Russian Federation: Current Trends] // In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [*Legal Science: History and Modernity],* 2019, no. 3, pp. 128–138. (In Russian)

20. *Palieva O. N., Paliev V. B.* Prestupnost' migrantov: prichiny sovershenija i mery profilakticheskogo vozdejstviya [Migrant crime: causes of commission and preventive measures] // In *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management],* 2024, no. 4 (167), pp. 129–132. (In Russian)

21. *Antonov-Romanovsky G. V.* Prichinnyj kompleks prestupnosti migrantov-inostrancev v svete protivodejstviya ej [Causal complex of criminality of foreign migrants in light of counteraction to it] // In *Vestnik Akademii ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2009, no. 5, pp. 92–94. (In Russian)

22. *Serdyukov K. N.* Prestupnost' inostrannyh migrantov v Rossii: fakty i domysly [Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation] // In *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review],* 2024, vol. 11, no. 3, pp. 88–101. (In Russian)

23. *Afanasyeva O. R., Goncharova M. V.* Prestupnost' migrantov kak ob''ekt kriminologicheskogo issledovaniya [Crime of migrants as an object of criminological research] // In *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation],* 2021, no. 1 (81), pp. 46–50. (In Russian)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ ОФЛАЙН-ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пушкова Надежда Владимировна

Цель: *выявить и дать характеристику жизненным ситуациям механизма офлайн-вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.*

Методология: *методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов — индукция, анализ, синтез, формально-логический, системный, статистический и социологический методы.*

Выводы. *Установлено, что для офлайн-вовлечения несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность ключевую роль играет жизненная ситуация, которая наполняется объективным содержанием, свидетельствующим о возможности данного преступного деяния вовлечения. По результатам анализа материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 280–280.4, 282–282.4 УК РФ, выявлены следующие жизненные ситуации, характерные для рассматриваемого вовлечения: проживание несовершеннолетнего в неблагополучных населенных пунктах, в том числе расположенных вблизи мест принудительного содержания (мест лишения свободы и исправительных учреждений), а также наличие в социальном окружении несовершеннолетнего лиц с криминальным прошлым или имеющих криминальный опыт; наличие у несовершеннолетнего спортивных интересов, предполагающих нахождение в фанатской среде; проживание в регионах с высоким уровнем религиозности или нахождение в этнических анклавах, возникающих в результате миграционных процессов; воспитание несовершеннолетнего в неблагополучной семье.*

Научная и практическая значимость. *Изучение ситуации вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность является важным аспектом в противодействии рассматриваемой категории преступлений, поскольку позволяет детальнее изучить проблему, и, как следствие, распознавать на ранней стадии преступную активность по вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также разрабатывать и осуществлять наиболее эффективные меры по противодействию указанному негативному явлению. Полученные данные позволяют расширить теоретическую базу криминологии в части исследования такого феномена, как вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а также ориентировать правоохранительные органы на выявление объекта виктимологического предупреждения в рассматриваемом контексте, дифференцировать и оптимизировать меры виктимологического предупреждения.*

Ключевые слова: *вовлечение несовершеннолетних, экстремистская деятельность, механизм вовлечения, офлайн-вовлечение, жизненная ситуация.*

Исследование природы преступности необходимо осуществлять «в контексте общественных отношений, т.е. в органической взаимосвязи с различными сферами жизнедеятельности социума: правом, экономикой, политикой, религией и другими» [1, с. 101], поскольку дефекты в этих сферах реализуют такое свойство преступности, как самодетерминация (самовоспроизводство). Данное утверждение представляется особенно актуальным и в контексте изучения механизма вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, поскольку рассматриваемое

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-288-294

противоправное поведение характеризуется высокой степенью самовоспроизводства — на вовлеченных в экстремистскую деятельность будучи в несовершеннолетнем возрасте лиц зачастую в последующем возлагаются обязанности по дальнейшему вовлечению несовершеннолетних лиц в указанную противоправную деятельность.

Согласно функциональному научному подходу в области психологии вовлечение (в том числе несовершеннолетних) в преступную деятельность рассматривается как взаимодействие активности вовлекающего субъекта и ответной активности объекта вовлечения, при этом активность вовлекателя первична и контролируется его сознанием и волей, а активность вовлекаемого вторична [2, 3].

В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и виртуализацией жизни, а также переходом социализации несовершеннолетних в онлайн среду, целесообразно полагать, что сегодня на первое место выходят «онлайн» механизмы вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Это обусловлено наличием в современном мире возможности анонимизации своей личности и местоположения, защиты от контроля трафика, отсутствием физических границ в сети «Интернет», широкой аудиторией и отсутствием соответствующего надлежащего контроля как со стороны общества, так и со стороны правоохранительных органов [4, с. 310]. Как отмечал В. Е. Квашис, структура криминальной идеологии в сети «Интернет» состоит из центральной криминально-идеологической темы, средств воздействия и инструментов (каналов) распространения [5].

Однако не стоит исключать того, что несовершеннолетние вовлекаются в экстремистскую деятельность и вне онлайн среды. Так, анализ эмпирического материала, полученного путем анализа уголовных дел по составам преступлений, предусмотренным ст. 280–280.4, 282–282.4 УК РФ, позволил сделать вывод о том, что в контексте вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность представляется целесообразным выделять *офлайн-вовлечение* (58,2%) и вовлечение с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или *онлайн-вовлечение* (41,8%).

Рассмотрим офлайн-вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, которое, согласно полученным результатам исследования, преобладает сегодня над онлайн-вовлечением.

Офлайн-вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность традиционно начинается со сбора и анализа информации в целях выявления потенциального кандидата — это может быть лицо без социального контроля со стороны родителей и родственников, не участвующее в социальной жизни класса, школы, или находящееся в трудной жизненной ситуации. Поиск таких несовершеннолетних осуществляется в том числе среди подписчиков тематических групп, сообществ и каналов, пользователей онлайн-игр и лиц, участвующих в обсуждении различных общественно-значимых событий на интернет-ресурсах, являющихся жителями той же местности, что и вовлекатели. Основная задача вовлекателя на данном этапе — собрать как можно больше информации о потенциальной жертве вовлечения.

После выявления такого несовершеннолетнего вовлекающее его лицо знакомится и заводит с ним общение, вначале на общие темы, при этом пытаясь всеми способами определить слабые и сильные стороны жертвы, ее страхи, комплексы, желания и мечты, интересы и увлечения, подробности взаимоотношений с родителями, родственниками и сверстниками, семейной обстановки. Осведомленность в подробностях жизни несовершеннолетнего необходима для дальнейшего их использования при воздействии на сознание субъекта.

На следующем этапе происходит «заманивание», т.е. побуждение интереса несовершеннолетнего к экстремистской деятельности. При этом вовлекатель, проанализировав социальные и психологические особенности личности жертвы вовлечения и особенности его жизненной ситуации, делает упор на одну или несколько потребностей несовершеннолетнего:

1. Потребность в сочувствии и понимании
2. Потребность в социальной среде, друзьях
3. Потребность в безопасности
4. Потребность доминировать
5. Потребность в самоутверждении
6. Потребность в удовлетворении материальных потребностей
7. Потребность в восстановлении социальной справедливости
8. Потребность в острых ощущениях.

Данный этап не характерен для вовлечения несовершеннолетних, уже имеющих экстремистскую направленность.

Параллельно на данном этапе происходит смещение акцентов в сознании несовершеннолетнего с его социального окружения (а соответственно, «вытеснение» из-под социального контроля со стороны родителей, родственников и друзей), приводящее к замене его круга общения. В со-

знание несовершеннолетнего внедряется идея того, что близкие его не понимают, а он теперь принадлежит к закрытому обществу, в котором царит атмосфера духовного братства. При этом стоит обратить внимание на то, что чаще всего жертвами вовлечения на данном этапе становятся несовершеннолетние, воспитываемые родителями, относящимися к ним индифферентно или даже жестоко.

В качестве основных, системообразующих элементов механизма преступления, являющегося идеальной моделью взаимодействия личности и внешней среды и реализуемого в совершении конкретного преступления, выделяет личность преступника, жертву преступления (объект посягательства), обстановку и жизненную ситуацию совершения преступления [6].

Для офлайн-вовлечения несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность, на наш взгляд, ключевую роль играет жизненная ситуация, которая наполняется объективным содержанием, свидетельствующим о возможности указанного вовлечения. В связи с этим, рассмотрим жизненные ситуации, при которых несовершеннолетних чаще всего вовлекают в экстремистскую деятельность, и которым соответствуют определенные личность вовлекателя, вовлекаемое несовершеннолетнее лицо и технологии вовлечения (обстановка и способ):

1. Проживание несовершеннолетнего в неблагополучных населенных пунктах, в том числе расположенных вблизи мест принудительного содержания (мест лишения свободы и исправительных учреждений), а также наличие в социальном окружении несовершеннолетнего лиц с криминальным прошлым или имеющих криминальный опыт (родители, родственники, друзья и т.д.) (11,1%).

Г. Н. Шнайдер отмечает, что «продолжительная близость к преступникам и преступлениям создает, в конце концов, благоприятные условия для виктимизации» [7, с. 312].

Так, например, некоторые субъекты РФ с наибольшим количеством расположенных на их территории учреждений ФСИН России по итогам 2024 г. имеют показатели преступности выше среднего уровня по России (131 зарегистрированных преступления на 10 000 человек, из них 42,2 — тяжких или особо тяжких) — Республика Коми — 180 преступлений, из них 54,2 тяжких или особо тяжких, Приморский край — 178,4 и 49, Пермский край — 174,3 и 45, Архангельская область — 173,9 и 49,1, Кировская область — 171,7 и 52,2, Красноярский край — 169,4 и 51,2, Челябинская область — 161,1 и 49,7, Кемеровская область — 169,3 и 48,6, Иркутская область — 156,1 и 44,4, Кемеровская область — 146,7 и 44,7 *(Состояние преступности за январь-декабрь 2024 года // [Электронный ресурс]: URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 24.03.2025); Рейтинг регионов России по уровню преступности [Электронный ресурс]: URL: https://ria.ru/20250120/prestupnost-1994219640.html?in=t (дата обращения: 24.03.2025))*.

Основным каналом распространения криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних является именно офлайн-распространение (пенитенциарная среда и преступный мир в гражданском обществе) [8, с. 100]. Организованные преступные группы, следующие криминальной субкультуре АУЕ, посредством межличностного общения с несовершеннолетними по территориальному принципу транслируют и распространяют среди них криминогенные идеи, установки и ценности, пропагандирующие ненависть к сотрудникам правоохранительных органов и «романтизирующие» криминальный образ жизни и «воровскую» культуру, а также идеи необходимости оказания материальной поддержки находящимся в местах лишения свободы лицам.

При этом представители криминальной субкультуры выбирают несовершеннолетних, испытывающих различного рода трудности (материальные, трудности в семье или общении со сверстниками), предоставленных самим себе и не имеющих никаких увлечений, и, используя механизмы компенсации (гиперкомпенсации), обещают поддержку криминального мира, при этом призывают соблюдать «воровской закон», подразумевающий в том числе сбор денег на «общак». Ситуацию усугубляют такие психофизиологические особенности несовершеннолетних, как стремление к группированию и нахождению в референтной группе, при этом неосознанно ориентируясь на принятые в ней нормы и ценности, беря их за основу своих нравственных представлений, а также склонность к идеализации «сильных личностей».

Для распространения данного проявления криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних характерным является наличие типичных регулятивных (прежде всего неформальные нормы и ценности, стратификация) и атрибутивных (жаргон, татуировки, отношение к внешним атрибутам и пр.) элементов, присущих криминальной субкультуре как таковой [8], которые постоянно адаптируются к социальным реалиям, а также мер воздействия, выражающихся в запугивании несовершеннолетних и способствующих облегчению манипулирования их сознанием.

2. Наличие у несовершеннолетнего спортивных интересов, предполагающих нахождение в фанатской среде (16,5%).

Представители запрещенных на территории России экстремистских «околоспортивных», в частности «околофутбольных», организаций наряду с поддержанием идеи принадлежности к спортивному или околоспортивному сообществу, зачастую поддерживают идеи национализма и ксенофобии, а также неподчинения официальной власти и противоборства с правоохранительными органами. При этом спортивными субкультурными сообществами нередко преследуются и корыстные цели — известны случаи «вымогательства» у команд денежных средств со стороны околоспортивных болельщиков, дисциплинарную ответственность за поведение которых несут сами команды.

Вовлечение склонных к экстриму в силу юношеского нонкомформизма и максимализма несовершеннолетних в ряды «околоспортивных» фанатов происходит на постоянной основе за счет пропаганды ведения здорового образа жизни и занятий спортом. Манипулирование сознанием несовершеннолетних облегчается «клиповостью» их мышления, при котором сила внушения зависит от степени ослабления сознательного контроля над воспринимаемой информацией [9]. Важную роль также играет ощущение анонимности в толпе, в том числе при проведении спортивно-массовых мероприятий, позволяющей заглушить осознание ответственности за совершенные правонарушения — «эффект толпы».

Так, например, 2 мая 2024 г. Ленинским районным судом г. Красноярска за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, осужден О., которого в несовершеннолетнем возрасте вовлекли совершеннолетние знакомые, увлекающиеся, как и О. спортом, в деятельность экстремистского сообщества «скинхеды», созданного Ф. по мотивам ненависти и вражды в отношении социальных групп «антифашисты» и «лица не русской национальности» *(приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 2 мая 2024 г. по делу № 1-39/2024 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 24.03.2025))*.

Для ощущения сплоченности и единения используются определенные символика и атрибутика, наполненные идейным содержанием, которые могут быть как видимыми (стиль одежды, стрижка, эмблемы и логотипы), так и слышимыми (специфический язык общения («фанатский» сленг), музыка). Как и АУЕ, околоспортивным субкультурным сообществам присущи регулятивные элементы (неформальные нормы поведения и внутригрупповых отношений («устав» и «кодекс фан-фойн»)) и система мер воздействия (порицание, исключение из группы, физическая расправа), функционирующие с целью наиболее эффективного управления волей несовершеннолетних.

3. Проживание в регионах с высоким уровнем религиозности (23,4%) или нахождение в этнических анклавах, возникающих в результате миграционных процессов (4,7%).

В современных условиях влияние «исламистского фактора» [10, с. 82] в контексте вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку именно экстремистская деятельность религиозного характера зачастую приводит к крайней форме проявления экстремизма — терроризму.

Имеющая сегодня место целенаправленная подрывная деятельность извне, направленная не только на внутреннюю дестабилизацию общества, но и на усложнение положения страны на внешнеполитической арене, выражается в том числе в финансовой поддержке через коммерческие структуры и общественные объединения экстремистских сообществ и организаций религиозного характера, целью которых становится осуществление вербовочной работы для привлечения как можно большего количества сторонников. Большое внимание уделяется именно несовершеннолетним, поскольку их психофизиологические особенности, отсутствие жизненного опыта и критического мышления благоприятствуют манипулированию их сознанием со стороны представителей экстремистских организаций. Под предлогом получения религиозного образования финансируются учебные заведения (например, на первоначальном этапе распространение идеологии Саида Нурси и учения «Рисале-и Нур» в Республике Дагестан международным религиозным объединением «Нурджулар» (решением Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г. признано экстремистским) осуществлялось через сеть дагестано-турецких учебных заведений (колледжей, лицеев)).

Кроме того, сегодня экстремистские сообщества и организации все чаще ведут деятельность путем организации сборов на квартирах («медресе»). На первоначальном этапе представитель экстремистского объединения, на которого возложена обязанность по вовлечению, знакомится с несовершеннолетним. При этом зачастую знакомство с «вовлекателями» происходит через свер-

стников — друзей или родственников (которые уже подверглись результативному процессу вовлечения). Также известны случаи, когда, например, вовлекающие лица предлагают родителям несовершеннолетнего проведение с ним занятий по изучению Корана или, например, арабского языка *(приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан от 30 мая 2018 г. по делу № 1-7/2018 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025); приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 7 ноября 2017 г. по делу № 1-162/2017 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025))*. Между ними завязываются дружеские отношения, в ходе которых ведутся разговоры на религиозные темы, вначале об общих постулатах ислама. Вовлекаемого приглашают на чай в одну из квартир, где создается доброжелательная и непринужденная обстановка. В ходе общения предлагается посетить коллективный урок («дарсу») по изучению трудов различных религиозных деятелей. В конце концов, несовершеннолетний попадает в условия крайней нетерпимости к инакомыслию, поэтому беспрекословно следует установленным правилам во избежание применения к нему мер воздействия.

Особое внимание стоит уделить тому, что зачастую родители не знают, чем увлекается их несовершеннолетний ребенок, а иногда попустительствуют или даже одобряют тягу несовершеннолетнего к участию в деятельности религиозного объединения, при этом не вдаваясь в подробности о его целях деятельности (например, в 2015 г. группа несовершеннолетних по оформленным родителями на лидеров экстремистской организации «Нурджулар» нотариально заверенным доверенностям выезжала по частному каналу в Турцию, где принимала участие в проводимых семинарах *(приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан от 30 мая 2018 г. по делу № 1–7/2018 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025); приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 7 ноября 2017 г. по делу № 1-162/2017 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025))*.

4. Воспитание несовершеннолетнего в неблагополучной семье (44,3%).

Сегодня несовершеннолетние все чаще сталкиваются с гипопротекцией со стороны родителей, эмоциональным отвержением или даже жестокостью. «Семейная десоциализация» [11, с. 55–56] приводит к превращению семьи из субъекта виктимологической безопасности в фактор виктимизации несовершеннолетних, так как несовершеннолетний, лишенный заботы, внимания и поддержки, неизменно ищет недостающее ему чувство защищенности посредством «присоединения» к различным сообществам, зачастую деструктивной направленности (например, криминального, ксенофобного или «околоспортивного» характера).

Кроме того, учитывая тот факт, что каждый девятый родитель из неблагополучной семьи имел или имеет судимость, а 58,54% — систематически употребляют спиртные напитки *(Форма «Несовершеннолетние» (180) раздел 5 (данные ГИАЦ МВД России) (2015–2024 гг.))*, можно сделать вывод о том, что материальное положение в таких семьях находится на неудовлетворительном уровне. Исходя из этого несовершеннолетние самостоятельно стараются заработать денежные средства, зачастую незаконными способами.

11 сентября 2023 г. Промышленным районным судом г. Ставрополя Ставропольского края осужден Б. за участие в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ), а именно в организации «Правый сектор» (решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. признана экстремистской), в состав которой вошли представители украинских праворадикальных формирований «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА — УНСО), «Тризуб имени Степана Бандеры», «Социал-Национальная ассамблея» (СНА), «Группировка С14», «Карпатская Сечь», «Белый молот», активисты украинских праворадикальных объединений футбольных болельщиков «Ультрас», а также современные последователи «Организации украинских националистов» (ОУН) и «Украинской повстанческой армии» (УПА), и другие. Данная экстремистская организация пропагандирует идеологию крайнего национализма русофобского толка, а также публично призывает к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Б., будучи несовершеннолетним, воспитывался бабушкой, так как матери не было, а отец участия в жизни сына не принимал, жил в другом городе. Друзей и родственников у него не было. В несовершеннолетнем возрасте он сделал себе татуировку в виде символа «Черное солнце» (используется членами неонацистских и националистических организаций) на правом локте (правая сторона означает у неонацистов «правый путь»). Позже Б. познакомился в общей компании с Н., на которого организацией «Правый сектор» как на ее участника

были возложены обязанности по вовлечению в ее ряды новых лиц, разделяющих неонацистскую идеологию; общение началось с конфликта. Однако потом они часто встречались, вначале общались на бытовые темы, слушали вместе музыку, занимались спортом. Затем Н. начал рассказывать Б. о деятельности экстремистской организации, предложил «подзаработать», при этом особое внимание он уделял тому, что «практически ничего не надо будет делать». Впоследствии Б. дал присягу на верность организации «Правый сектор», за что ему пообещали 30 000 рублей. Б. пояснил, что ему нужны были деньги, так как он имел долги по микрозаймам *(приговор Промышленным районным судом г. Ставрополя Ставропольского края от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-13/2023 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025))*.

Следовательно, представители экстремистских организаций для вовлечения в экстремистскую деятельность выбирают несовершеннолетних, которые не подвергаются социальному контролю со стороны родителей и которым некому помочь при возникновении трудных жизненных ситуаций. Они заводят с ними общение, вначале на бытовые темы, проводят совместный досуг, однако потом начинают манипулировать сознанием несовершеннолетних, призывая вступить в ряды сообщества, которое противостоит злу ради всеобщего благополучия. При этом используются психологические механизмы установки и идентификации посредством, например, наличия такого требования для вступления в ряды экстремистского сообщества или организации, как произнесение присяги. Для нее характерно использование средств художественной выразительности языка, которые позволяют придать позитивную оценку той деятельности, к которой присоединяется несовершеннолетний, а также языковые единицы, маркирующие психологическую готовность вовлекаемого к совершению агрессивных и деструктивных действий (лексемы и словосочетания, относящиеся к семантическим полям «насилие», «уничтожение, «смерть», и глаголы в форме повелительного наклонения в составе побудительных конструкций) *(приговор Промышленным районным судом г. Ставрополя Ставропольского края от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-13/2023 // [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.03.2025))*.

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод о том, что вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность может происходить как в офлайн, так и в онлайн пространстве, то есть с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Для механизма офлайн-вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность характерны следующие жизненные ситуации:

1) проживание несовершеннолетнего в неблагополучных населенных пунктах, в том числе расположенных вблизи мест принудительного содержания (мест лишения свободы и исправительных учреждений), а также наличие в социальном окружении несовершеннолетнего лиц с криминальным прошлым или имеющих криминальный опыт (родители, родственники, друзья и т.д.) (11,1%);

2) наличие у несовершеннолетнего спортивных интересов, предполагающих нахождение в фанатской среде (16,5%);

3) проживание в регионах с высоким уровнем религиозности (23,4%) или нахождение в этнических анклавах, возникающих в результате миграционных процессов (4,7%);

4) воспитание несовершеннолетнего в неблагополучной семье (44,3%).

Выявленные ситуации офлайн-вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность позволят определить алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов по выявлению несовершеннолетних лиц, подверженных риску стать жертвой указанного вовлечения, и дифференцировать и оптимизировать меры виктимологического предупреждения.

Литература

1. *Игнатов А. Н.* Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104.

2. *Джеймс У.* Психология / под ред. Л. А. Петровской. М., 1991. 368 с.

3. *Пастушеня А. Н.* Системно-функциональный подход к личности в психологии // Белорусский психологический журнал. 2004. № 1 (1). С. 44–51.

4. *Кельдасов Т. Д.* Вербовка российской молодежи экстремистскими организациями // Современный ученый. 2019. № 4. С. 32–39.

5. *Квашис В. Е.*, *Ильницкий А. С.* Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 26–31.

6. *Игнатов А. Н.* О категориях «Механизм преступного поведения», «Механизм преступления» и «Механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 126–132.

7. *Шнайдер Г. Й.* Криминология: пер. с нем. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.

8. *Бабанина Д. В.* Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 204 с.

9. *Ильюк Е. В.* Вовлечение несовершеннолетних в деструктивные организации: группы риска, методы вовлечения и меры профилактики // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л. Л. Каневского, Уфа, 25 апреля 2019 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 137–145.

10. *Злоказов К. В., Муслумов Р. Р.* Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 81–87.

11. *Шестаков Д. А.* Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 353 с.

References

1. *Ignatov A. N.* Prestupnost' kak sistema [Crime as a system] // In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, social-economic and social sciences]*. 2024. № 9. Pp. 97–104. (In Russian)

2. *Dzheims U.* Psikhologiya [Psychology] / pod red. L. A. Petrovskoi. M., 1991. 368 p. (In Russian)

3. *Pastushenya A. N.* Sistemno-funktsional'nyi podkhod k lichnosti v psikhologii [System-functional approach to personality in psychology] // In *Belorusskii psikhologicheskii zhurnal*. 2004. № 1 (1). Pp. 44–51. (In Russian)

4. *Kel'dasov T. D.* Verbovka rossiiskoi molodezhi ekstremistskimi organizatsiyami [Recruitment of Russian youth by extremist organizations] // In *Sovremennyi uchenyi [Modern scientist]*. 2019. № 4. Pp. 32–39.

5. *Kvashis V. E., Il'nitskii A. S.* Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noi ideologii v seti Internet [Modern forms of manifestation of criminal ideology on the Internet] // In *Nauchnyi portal MVD Rossii*. 2021. № 2 (54). Pp. 26–31.

6. *Ignatov A. N.* O kategoriyakh «Mekhanizm prestupnogo povedeniya», «Mekhanizm prestupleniya» i «Mekhanizm sovershcheniya prestupleniya» [On the categories "Mechanism of criminal behavior", "Mechanism of crime" and "Mechanism of commission of crime"] // In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, social-economic and social sciences]*. 2017. № 6–7. Pp. 126–132. (In Russian)

7. *Shnaider G. I.* Kriminologiya: perevod s nemetskogo [Criminology: translation from German]. M.: Progress-Univers, 1994. 502 p. (In Russian)

8. *Babanina D. V.* Protivodeistvie kriminal'noi subkul'ture v srede nesovershennoletnikh [Counteracting criminal subculture among juveniles]: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2022. 204 p. (In Russian)

9. *Il'yuk E. V.* Vovlechenie nesovershennoletnikh v destruktivnye organizatsii: gruppy riska, metody vovlecheniya i mery profilaktiki [Involvement of minors in destructive organizations: risk groups, methods of involvement and prevention measures] // In *Kriminalisticheskie problemy effektivnosti bor'by s prestupnost'yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu professora L. L. Kanevskogo*, Ufa, 25 aprelja 2019 g. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2019. Pp. 137–145. (In Russian)

10. *Zlokazov K. V., Muslumov R. R.* Psikhologicheskie osobennosti vovlecheniya nesovershennoletnikh v molodezhnye ekstremistskie gruppirovki [Psychological features of the involvement of minors in youth extremist groups] // In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*. 2014. № 5. Pp. 81–87. (In Russian)

11. *Shestakov D. A.* Prestupnost' sredi sotsial'nykh podsistem. Novaya kontseptsiya i otrasli kriminologii [Crime among social subsystems. New concept and branches of criminology] / pod red. D. A. Shestakova. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 353 p. (In Russian)

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фетхуллина Карина Рамилевна

Цель: *обосновать целесообразность применения технологии искусственного интеллекта в оперативно-разыскной деятельности в сфере расследования серийных убийств. Основная сложность расследования подобной категории уголовных дел заключается в ограниченных возможностях человека, обусловленных биологическими (например, утомляемость), психологическими (например, предвзятость) и иными факторами. Внедрение технологии искусственного интеллекта позволит нивелировать возникающие сложности.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Очень скоро процесс расследования серийных убийств будет происходить при тесном взаимодействии человека и машины. Основным вектором использования искусственного интеллекта в следственной деятельности по расследованию серийных убийств будет являться сочетание разнообразных механизмов социального регулирования (правового, этического, технического и др.).*

Научная и практическая значимость. *Недостатки криминалистической тактики и методики обусловили латентность серийных убийств: большая часть из них остается неизвестной правоохранительным органам. С практической точки зрения внедрение технологии искусственного интеллекта в следственную деятельность должно послужить облегчению расследования серийных убийств данной категории уголовных дел.*

Ключевые слова: *серийные убийства, серийные преступления, серийный убийца, искусственный интеллект, психологический портрет, биологический портрет, криминалистический профиль, цифровизация следственной деятельности, база данных, Big Data.*

Цифровизация — непрерывный, неминуемый процесс, который пронизывает красной нитью все сферы человеческой жизни. Начавшись по инициативе человека, цифровизация сейчас — зачастую нерегулируемый, неумолимый, не подвластный обществу процесс, протекающий по своей траектории. Нельзя однозначно относиться к этому явлению. Оно имеет как положительный, так и отрицательный эффект.

Одним из ярких проявлений цифровизации является повсеместное внедрение искусственного интеллекта (далее также — ИИ). ИИ законодатель определил как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений *(Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-295-302

(вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1102).

Вопрос о пользе внедрения искусственного интеллекта в различные сферы является спорным. Как говорил Х. Эллис: то, что мы называем прогрессом, является заменой одной неприятности на другую.

Разработка технологий ИИ стала транснациональной проблемой. В настоящее время не существует правовой основы регулирования применения ИИ. Так, перед государствами развернулся целый ряд проблем: определение правового статуса ИИ, результатов его деятельности; организация диалога машины и человека; прогрессирующая безработица и т.д. Однако самым серьезным вызовом, связанным с разработкой и усовершенствованием ИИ, стало его растущее превосходство над возможностями естественного интеллекта человека.

Относительно недавнее возникновение и стремительное развитие ИИ обусловило существование в доктрине различных, зачастую противоречивых, подходов к определению его правового статуса. Так, В. В. Архипов полагает необходимым приравнять его к гражданско-правовому регулированию статуса животных [1, с. 157]. П. М. Морхат считает целесообразным создание отдельного правового статуса — электронного лица [2, с. 62]. Высказывается также мнение о возможности отождествлении правового статуса ИИ с правовым статусом вещи [3, с. 82]. Таким образом, отсутствие законодательного закрепления правового статуса ИИ влечет как использование комплекса технологических решений в качестве режима «раба человека», так и уравнивание прав ИИ с правами человека и создание электронных лиц как отдельных субъектов права [4, с. 85].

В погоне за получением личной выгоды можно нанести огромный урон человеческой цивилизации: лаборатории, исследующие ИИ, конкурируя друг с другом, разрабатывают все более мощные системы, чье поведение не способны предсказать даже создатели. Мировое сообщество обеспокоено настоящим состоянием дел, угрозой, нависшей над человечеством. Свои опасения по этому поводу выразил и Илон Маск. На сайте организации Future of Life появилось обращение, подписанное главой Tesla, SpaceX и Twitter, в котором ученых призывают временно ограничить тренировки систем мощнее нейросети GPT-4. Перерыв в деятельности лабораторий планируется использовать для внедрения набора протоколов безопасности для более мощных систем.

Вместе с тем нельзя не отметить и положительный эффект от внедрения ИИ в нашу жизнь. И прежде всего — в профессиональную. Не представляется возможным сказать, где сегодня не применяются технологии ИИ: от образования до медицины — все функционирует с использованием передовых технологий. Делегирование части задач и функций искусственному интеллекту значительно упрощает профессиональную жизнь специалиста: появляется больше возможностей для повышения квалификации, когда рутинные задачи выполняются автоматически.

Так, не обошло стороной применение ИИ и в следственной деятельности при расследовании преступлений против личности, в частности против жизни и здоровья.

Криминалистика, как прикладная юридическая наука, восприимчива к внедрению технологических достижений, что обусловлено ее предметом — совокупностью объективных закономерностей, познание которых необходимо для успешного расследования и предотвращения преступлений. ИИ, действуя на основании заданного алгоритма, позволяет автоматически обрабатывать большое количество данных. Обработка входящих сведений производится на основании технологии больших данных (Big Data). Технология Big Data используется для обработки и анализа больших объемов структурированных и неструктурированных данных. Принцип работы Big Data состоит из нескольких основных этапов: сбор, хранение, обработка, анализ и применение.

Первый этап работы с Big Data — это сбор данных. Данные могут быть получены из различных источников: организационных баз данных, социальных медиа, интернет-источников, IoT-устройств, датчиков и многих других. Следующий этап работы с Big Data — это хранение собранных данных. Хранение должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить быстрый и безопасный доступ к ним. Обработка данных — это третий этап работы с Big Data. Обработка может включать в себя следующие задачи: очистка данных, их форматирование и преобразование. Также производятся агрегирование, классификация и кластеризация данных. После обработки данных наступает этап их анализа. Для анализа используются различные методы, такие как статистический анализ и машинное обучение. Анализ данных помогает выявить связи и закономерности между различными параметрами, спрогнозировать сценарии дальнейших действий преступника, что впоследствии позволит решить одну из самых важных криминалистических за-

дач на этапе расследования — идентификацию подозреваемого (обвиняемого). Последний этап работы с Big Data — это их применение. Данные могут использоваться для принятия решений при расследовании преступлений, совершенствования криминалистической методики и тактики.

Популярными являются существующие в доктрине подходы к пониманию сущности ИИ, предложенные Дж. Коуплендом, в соответствии с которыми ИИ делится на «нисходящий» (Top-Down) и «восходящий» (Bottom-Up) *(Copeland J. What is Artificial Intelligence? // [Электронный ресурс]: URL: http://www.alanturing.net/turing_archive/pages/Reference%20Articles/what_is_AI/What%20is%20AI09.htm (дата обращения: 08.08.2024))*. В первом случае ИИ способен воспроизводить отдельные, необходимые для решения узкоспециализированных задач, компоненты человеческого мышления. Эти возможности ИИ уже повсеместно внедрены в следственную деятельность — применение экспертных систем, автоматизированных баз данных и т.д. Наиболее интересным с точки зрения решения криминалистических задач является «восходящий» (Bottom-Up) ИИ, обладающий полноценным мышлением и способный к комплексной оценке массива информации и принятию решений на ее основе.

Особо перспективным и практически полезным направлением использования ИИ в данной сфере является использование возможностей ИИ при расследовании серийных преступлений.

Серийные убийцы являются одной из самых опасных категорий преступников, ставших объектом интереса исследователей различных наук. Использование современных технологий ИИ может быть ключом к эффективности расследований таких преступлений.

Действующее уголовное законодательство не дает определения понятию «серийные убийства». Несмотря на это, данный термин активно используется в официальной документации правоохранительных органов, а также его часто можно услышать в СМИ. Преступные серии известны следствию по всему миру давно, однако впервые понятие «серийные убийства» употребили за рубежом в конце 1970-х. В России — значительно позже — в начале 90-х. Словосочетание «серийный убийца» вызывает ужас, по спине прокатывается холодный пот. Причина этому не только безжалостные способы умерщвления жертв, но и безнаказанность преступников. Из-за несовершенств криминалистической тактики и методики расследование данных преступлений длится годами, каждый из которых уносит десятки жизней. При этом ключевым постулатом национальной безопасности государства по-прежнему остается необходимость обеспечения неотвратимости наказания, поскольку неизобличение и безнаказанность преступника служат катализатором к продолжению преступной деятельности.

В доктрине нет единого подхода к определению понятия «серийное убийство». Целесообразным представляется давать дефиницию через отражение признаков, характерных для данного деяния:

— единство мотивации;

— схожий типаж жертв, который может выражаться как во внешней похожести, так и в одинаковом имени, стиле одежды и проч.;

— схожие обстановка и способ совершения преступления;

— схожие послания преступника и др.

Таким образом, справедливым представляется видение данного вопроса доктором медицинских наук профессором А. О. Бухановским, который установил, что серийным убийством является неоднократно совершенное и характеризующееся насилием специфического (часто патологического) криминального почерка виновного убийство [5, с. 76–97].

Почерк заключается в избрании однотипных орудия, места преступления, жертвы, способа убийства, времени суток [6, с. 158], оставлении посланий и других факторах. Таким образом, при обнаружении жертвы следователь может выдвинуть версию об отнесении данного преступления к серии по характерной следовой карте.

Несмотря на то что подобные убийства имеют систему, почерк, зачастую единую локацию, органы следствия десятилетиями не могут выйти на след преступника. К расследованию подключают специалистов из разных сфер, в том числе и из медицины. Маньяки очень подкованы — оттачивая десятилетиями, они могут не оставить после себя ни одной зацепки. Однако, совершая преступления в эмоциональном порыве, они могут допустить оплошность и оставить на месте преступления очень ценную информацию — например, биологические следы, из которых впоследствии специалистам не составит труда выделить ДНК. Казалось бы, если следователь знает биологический портрет преступника, шансы остановить его в ближайшее время велики. К сожалению, это не всегда так. В деле Чикатило, державшем в страхе весь Советский Союз, из-за халатности судебно-медицинских экспертов неверно была установлена группа крови предполагаемого убийцы, что позволило насильнику долгое время оставаться безнаказанным и продолжать совершать ужасающие зверские поступки.

Еще один способ вычислить преступника — составить его психологический портрет, однако и тут есть проблемы — это требует качественного анализа большого объема информации, который может длиться годами. Так, поймать ростовского потрошителя удалось благодаря А. О. Бухановскому, который в период с 1986 по 1990 г. работал над составлением психологического портрета убийцы. Однако, по официальным данным, за эти 4 года жертвами маньяка стали еще около 20 граждан.

Следовательно, существует ряд препятствий, влияющих на качество расследования дел о серийных убийствах. Нетрудно заметить, что корень проблем кроется в ограниченных возможностях человека, обусловленных биологическими (например, утомляемость), психологическими (например, предвзятость) и иными факторами. Наиболее значимыми сложностями, возникающими в процессе производства следственных действий в рамках данной категории уголовных дел, являются:

— анализ массивов информации, ведение непрерывного учета, регистрации;

— отработка большого количества следственных версий и т.д.

Помимо этого человеческой натуре присуща субъективность. Так, несмотря на профессиональные требования, выдвигаемые к сотрудникам следственных органов, в числе которых основным является объективность и беспристрастность, некоторые судят сквозь призму собственного жизненного опыта, установок. Этим и пользуются преступники.

Что же помогает серийным убийцам десятилетиями оставаться незамеченными органами следствия? Если проанализировать статистику серийных убийств, нетрудно заметить, что подавляющая часть из них совершена интеллигентами, ударниками производства, примерными семьянинами, отзывчивыми соседями. «Маска нормальности» — такое название получило поведение, искусственно направленное на соответствие общепринятым нормам. Органы следствия, нападая на след такого преступника, отметают версию о его причастности к совершенным преступлениям. Практике известно много случаев, когда убийцы были задержаны, но впоследствии были выпущены сотрудниками и продолжили совершать зверские нападения.

По официальной статистике, ни положительной, ни отрицательной динамики серийных преступлений последние годы в России не наблюдается — их число колеблется возле одного значения. По словам заместителя руководителя Главного управления криминалистики Следственного комитета в 2017–2018 гг. было выявлено примерно по 350 преступлений, в 2019 г.– 305, за первую половину 2020 г. удалось раскрыть 135 серий. Генерал-майор юстиции А. Сазонов подчеркнул, что серийные преступления — явление латентное *(СК в 2020 году раскрыл 135 серийных преступлений // [Электронный ресурс]: URL: https://tass.ru/proisshestviya/9030465?ysclid=lge2tcipxz192825955 (дата обращения: 01.09.2024))*. То есть число совершенных преступлений данной направленности де-факто гораздо больше, однако из-за недостатков криминалистической тактики и методики часть остается неизвестной правоохранительным органам.

Представляется возможным преодолеть обозначенные проблемы путем внедрения технологий ИИ в следственную деятельность. При этом речь идет именно о Bottom-Up ИИ, направленном на разрешение узкоспециализированных задач.

Первыми к реализации данной идеи приступили за рубежом — в США и Канаде в 90-х гг. был разработан комплекс программ, предназначенных для решения криминалистических задач: установления места совершения преступления (Compstar), базы лиц, совершивших насильственные преступления (VICAP), и определения и анализа связки между преступлениями насильственного характера (VICLAS) [7, с. 3–5].

До следственной деятельности РФ технологии ИИ добрались позже. В конце 2020 г. в открытых источниках появилась информация о создании программы для поиска серийных убийц. Эксперты НИИ криминалистики СК России на основе анализа резонансных дел российских маньяков разработали алгоритм, способный сформировать поисковый портрет преступника. Однако в настоящее время данная программа допускает довольно большие погрешности, которые могут существенно повлиять на результаты следственной деятельности: например, возраст маньяка определяется с точностью 80%, а наличие психических заболеваний — 81,5% *(СК: ИИ-система поиска серийных убийц // [Электронный ресурс]: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: СК:_ИИ-система_поиска_серийных_убийц?ysclid=lfpmo4dgpg108994085 (дата обращения: 24.08.2024))*.

ИИ позволяет автоматически обрабатывать большое количество данных, проводить их динамический анализ. На основе полученных сведений ИИ выявляет взаимосвязи и закономерности, строит логические цепочки и анализирует причинно-следственные связи. Вместе с тем это не ограничивается ретроспективным значением. ИИ способен прогнозировать совершение следующего преступления; из невзаимосвязанных на первый взгляд дел — вычленять общие признаки, тем самым вы-

являя серийность. Все это обеспечит значительный прирост скорости и точности расследования.

Основной задачей, поставленной перед ИИ, будет создание профиля (портрета) убийцы — определения характерных для конкретного индивида поведенческих свойств, обуславливающих способ действий лица либо его эмоциональных реакций, свидетельствующих о его определенных психических состояниях. Оправданным является мнение Р. С. Белкина, который считает, что «характеристика личности возможного преступника может иметь криминалистическое значение, поскольку это позволяет сузить круг лиц, среди которых он может находиться, и позволяет выдвинуть версии о мотивах и целях преступления, способе совершения и сокрытия преступления, месте нахождения искомых объектов и т.п.» [8, с. 192].

Помимо этого искусственный интеллект способен вычислить типичную жертву конкретного маньяка: выделить общие характерные для жертв признаки. Таковыми могут являться цвет волос, рост, возраст, образ жизни и прочее. Благодаря этому лица, попадающие под описание, сформированное ИИ, будут своевременно оповещены об опасности стать потенциальной жертвой преступника. Представляется возможным автоматическое генерирование подобных писем с их последующей рассылкой с использованием возможностей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (например, через сайт Госуслуги). В данном случае ИИ будет выполнять предупреждающую функцию.

Еще одним направлением использования ИИ станет идентификация преступника по найденным на месте преступления биоматериалу и дактилоскопической информации, если подобные сведения хранятся в банке данных. Так, в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной геномной регистрации в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в скором времени все подозреваемые и осужденные лица в обязательном порядке должны будут сдавать биометрические данные. Опираясь на зарубежный опыт, можно установить, что базы данных ДНК входят в фазу эффективного функционирования при наличии в их содержании геномной информации не менее чем 1% населения страны. В настоящий момент в РФ не достигнут минимальный порог. Однако со вступлением в силу указанного акта показатель должен возрасти до 3,5%, как говорилось в пояснительной записке к законопроекту. Систему ИИ целесообразно использовать в деятельности СК, ФСБ, ФСИН и других ведомств, что обеспечит повышение эффективности выявления, раскрытия и расследования серийных убийств.

В основе функционирования ИИ в следственной деятельности будет лежать принцип сопоставления имеющейся в базах данных информации и новых данных, связанных с конкретным расследуемым преступлением. Возникнет необходимость своевременного пополнения баз данных достоверной и полной информацией, относящейся к серии. При реализации данной задачи можно столкнуться с рядом проблем, одной из которых является недостаток сведений, находящихся в открытом доступе. Существует ряд факторов, способных стать причиной совершения серийных убийств. Наиболее яркими среди них являются условия, в которых проходили детство и ранняя юность будущего преступника. Склонность к совершению подобных преступлений проявляется у людей, которые в детстве испытали насилие. Так, факт изнасилования в большинстве случаев скрывается. Отсутствие подобной информации в распоряжении ИИ приведет к погрешности результата.

Кроме того, нельзя забывать, что ИИ действует по определенному алгоритму, не обладая достаточно «гибким» мышлением. Алгоритмам свойственны «предубеждения», способные вызвать серьезные этические проблемы. Например, использование алгоритмов машинного обучения для профилирования потенциальных подозреваемых может привести к дискриминации на основе расовой, культурной и религиозной принадлежности. Ярким примером является ситуация, сложившаяся в Лос-Анджелесе, штатах Атланта и Филадельфия: здесь возможности ИИ используются полицией и судами для прогнозирования преступлений. Популярная программа PredPol на основе данных о месте и времени совершения преступлений составляет карту мест, где потенциально может быть совершено следующее преступление. Путем анализа работы алгоритма выяснилось, что программа направляет полицию в районы, где преобладают чернокожие жители. При этом районы, населенные белыми, остаются без внимания патрулей, несмотря на то, что преступления, связанные с оборотом наркотиков, совершаются в них чаще. Это связано с тем, что, по статистике США, преобладающее число преступлений совершается афроамериканцами. ИИ в данном случае действует по аналогии и неверно трактует входящую информацию, не подвергает ее анализу, что приводит к невозможности достижения задачи, для которой была внедрена технология ИИ. Применительно к расследованию серийных убийств

данный опыт позволяет сделать вывод о возможной ошибочности заключений ИИ. Так, в РФ с каждым годом наблюдается тенденция к увеличению числа преступлений, совершенных мигрантами. Вместе с тем большая часть данных преступлений приходится на нарушение таможенного законодательства и кражи в продуктовых магазинах, сферу экстремизма и наркотрафик *(Число преступлений мигрантов в России выросло почти на 10% в 2022 году // [Электронный ресурс]: URL: https://tass.ru/obschestvo/15005617?ysclid=lg712ay6gf889254406 (дата обращения: 04.09.2024))*. Имеющиеся статистические данные машина в случае допущения ошибок при программировании может трактовать неправильно, что повлечет за собой преследование невиновных и безнаказанность виноватых.

Другой проблемой, связанной с использованием ИИ в расследовании серийных убийств, становится необходимость в обеспечении защиты конфиденциальности личных данных, которые используются в алгоритмах. Сбор и использование персональных данных, таких как фотографии и геоданные из социальных сетей, может нарушить личные границы граждан. Без должного контроля эти данные могут использоваться для проведения массового наблюдения за жителями. В соответствии с этим требуется предусмотреть специальные правовые и технические архитектуры, которые смогут защитить данные от утечек и несанкционированного использования.

Дискуссионным является также вопрос о способности ИИ определять мотивы совершения преступления. Мотив, являясь движущей силой преступления, заключает в себе важное криминалистическое значение, позволяя очертить круг объектов, которые трансформируются в интересы, побуждающие лицо совершить преступление. Другими словами, уяснение мотивов совершенного преступления может способствовать обоснованию выбора жертв. Это может быть полезно для выявления шаблонов поведения маньяка, анализа его мышления, которые помогут правоохранительным органам разработать стратегии для раскрытия убийств. Вместе с тем мотивы совершения серийных убийств достаточно типизированы, среди них можно выделить совершение преступления ради: получения удовольствия (например, сексуального); контроля над жертвой, подчинения ее себе; достижения определенной цели (например, улучшения общества); убийства по наущению бога или дьявола. Представляется, что технологии ИИ на основании анализа и сопоставления данных, полученных с двух и более мест совершения преступления, являющихся частью единой серии, смогут выявить скрытые от человека взаимосвязи, которые впоследствии будут обработаны и приведут к достоверной информации о преступных мотивах убийцы.

Основу работы ИИ составят такие элементы, как:

— разведочный анализ;

— регрессионный, дисперсионный и факторный анализы;

— машинное и глубокое обучение.

Вместе с тем необходимо разработать методику для обучения нейронной сети. В основу будет положен ряд параметров, которые были выявлены нами при анализе профилей серийных убийц. Среди них можно выделить:

1) пол (мужской/женский);

2) возраст;

3) наличие психического расстройства (присутствует/отсутствует);

4) изнасилование в детстве/юношестве;

5) склонность к алкоголизму;

6) уровень образования;

7) наличие родителей (есть оба родителя / только мать / только отец / родителей нет);

8) семейное положение (женат (замужем) / не женат (не замужем) / разведен(а) / имеется сожитель(ница));

9) наличие детей (дети есть / детей нет).

Выбор данных параметров не случаен и обусловлен их высокой криминалистической значимостью при расследовании серийных убийств. Однако приведенный перечень параметров не является исчерпывающим.

Составление психологического портрета преступника ИИ должно базироваться на методике дедуктивного криминалистического профиля, при которой получаемые данные имеют непосредственное отношение к конкретному расследуемому уголовному делу. Достоинством данной методики является возможность изучить новые типы серийных убийц, которые еще не зарегистрированы в базе данных, что важно в условиях существующей преступности, высокого уровня образованности маньяков.

Анализу будут подвергаться:

— информация, полученная с места происшествия;

— заключения судебно-медицинской и иных экспертиз;

— информация о личности потерпевшего, на основании которой ИИ определит модель его поведения до и вовремя совершения преступления. Изучение личности потерпевшего способствует установлению мотивации убийцы, типа его преступного поведения.

Материалы дела изначально будут изучаться ИИ на основе следовой картины конкретного преступления без учета информации о других серийных преступлениях. Лишь после подробного анализа материалов данного уголовного дела ИИ будет производить сопоставление полученных результатов с данными о подобных преступлениях, имеющихся в базах, в целях выявления их возможной взаимосвязи.

Благодаря дедуктивному методу ИИ сможет установить характерный способ поведенческих актов преступника, на основании которого будут выявлены связи в цепи преступных событий. Это особо важно, так как способ действий преступника является динамическим поведением, которое модифицируется во времени на основе полученного преступником опыта. Таким образом, благодаря возможностям ИИ поведение убийцы будет исследоваться в динамике, это поможет предвосхитить потенциальные преступные акты.

На основании дедуктивного криминалистического профиля, созданного ИИ, будут выявлены неповторимые личностные качества убийцы, среди которых:

— специфика выбора потерпевших, их связь с преступником;

— особенности применения физического насилия над жертвой;

— наличие специфических особенностей на месте происшествия и на трупе [9, с. 76].

Резюмируя вышесказанное, можно заключить: концепция использования возможностей ИИ применительно к следственной деятельности по расследованию серийных убийств сводится к разработке специализированной программы, способной на основании имеющейся в распоряжении следствия информации по конкретному уголовному делу на стадии производства предварительного расследования самостоятельно принимать решения, давать рекомендации сотрудникам органов следствия.

Вместе с тем на данном этапе развития цифровизации и правового обеспечения следственной деятельности использование в полной мере возможностей ИИ в расследовании серийных убийств не представляется возможным. Это обусловлено рядом причин, в числе которых наиболее существенными являются:

— отсутствие должного правового обеспечения применения высоких технологий в следственной деятельности. Технология искусственного интеллекта отличается непостоянством, непрерывно развиваясь и трансформируясь. В этой связи законодательство, составляющее правовую основу функционирования данной отрасли, должно быть универсальным (не зависящим от происходящих метаморфоз), постоянно корригируемым (способным быстро реагировать на качественные изменения в сфере информационных технологий).

При этом необходимая подвижность законодательства, провоцируемая происходящими перестановками в сфере информационных технологий, труднодостижима из-за статического и последовательного характера деятельности государственных институтов власти. Нормативную базу, в рамках которой на сегодняшний день происходит развитие применения ИИ в следственной деятельности, можно сравнить с вакуумом;

— ограниченные возможности в получении криминалистически значимой информации о личности преступника (например, факт изнасилования в детстве), которые порождают трудности, связанные с увеличением времени, затрачиваемого на идентификацию преступника;

— проблемы обеспечения конфиденциальности личной информации (личные данные индивида потенциально могут быть раскрыты через решения, принимаемые искусственным интеллектом);

— отсутствие соответствующего программного обеспечения;

— отсутствие целевого финансирования на опытно-конструкторские работы и т.д.

Нельзя сказать, что в скором будущем представится возможным полностью автоматизировать процесс расследования серийных убийств. Безусловно, он будет происходить при тесном взаимодействии человека и машины. Однако попрежнему важная роль останется у человека:

— необходимость проведения следственных мероприятий на месте совершения преступления: от того, насколько качественно и полно произойдут обнаружение, сбор и фиксация следов, оставленных на месте совершения преступления и имеющих важное криминалистическое значение, зависит точность результатов, к которым придет ИИ на основе обработки входящих данных;

— проведение иных следственных мероприятий по расследованию преступления: допросов, очных ставок, судебных экспертиз и т.д.

— контроль за деятельностью ИИ и проверка полученных результатов.

Таким образом, основной вектор регулирования использования ИИ в следственной деятельности по расследованию серийных убийств — сочетание разнообразных механизмов социального регулирования (правового, этического, технического и др.) [4, с. 85]. Только при комплексном регламентировании использования ИИ окажется возможным его применение в данной сфере.

Литература

1. *Архипов В. В.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

2. *Морхат П. М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

3. *Соменков С. А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75–85.

4. *Минбалеев А. В.* Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 18 (4). С. 82–87.

5. *Бухановский А. О.*, *Михайлова О. Ю.* Механизмы формирования патологической функциональной системы («феномен Чикатило») // Психологический вестник. 1996. Вып. 1.4.1. С. 76–97.

6. *Милаева М. Ю.* Современный взгляд на криминологический портрет серийного убийцы // Территория науки. 2018. № 5. С. 156–161.

7. *Ишигеев В. С.* Некоторые размышления о создании методики расследования серийных убийств // Российский следователь. 2016. № 19. С. 3–5.

8. *Белкин Р. С.* Криминалистические средства, приемы и рекомендации: курс советской криминалистики. Т. 3. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. 407 с.

9. *Файзуллина А. А.* Методика составления психологического портрета преступника при расследовании серийных убийств // Юридическая наука. 2022. № 10. С. 75–77.

References

1. *Arkhipov B. B.* O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovanii razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub''ektnosti [On some issues of the theoretical foundations of the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality] // In *Zakon [Law],* 2017, no. 5, pp. 157–170. (In Russian, abstract in English)

2. *Morkhat P. M.* Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoe litso [An artificial intelligence unit as an electronic entity] // In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University],* 2018, no. 2, pp. 61–73. (In Russian, abstract in English)

3. *Somenkov S. A.* Iskusstvennyi intellekt: ot ob''ekta k sub''ektu? [Artificial intelligence: from object to subject?] // In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina [Bulletin of the O. E. Kutafin University],* 2019, no. 2 (54), pp. 75–85. (In Russian, abstract in English)

4. *Minbaleev A. V.* Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta [Problems of regulation of artificial intelligence] // In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the South Ural State University],* 2018, no. 18 (4), pp. 82–87. (In Russian, abstract in English)

5. *Bukhanovskii A. O., Mikhailova O. Yu.* Mekhanizmy formirovaniya patologicheskoi funktsional'noi sistemy («fenomen Chikatilo») [Mechanisms of formation of the pathological functional system («Chikatilo phenomenon»)] // In *Psikhologicheskii vestnik [Psychological Bulletin],* 1996, issue 1.4.1, pp. 76–97. (In Russian)

6. *Milaeva M. Yu.* Sovremennyi vzglyad na kriminologicheskii portret seriinogo ubiitsy [A modern look at the criminological portrait of a serial killer] // In *Territoriya nauki [The territory of science],* 2018, no. 5, pp. 156–161. (In Russian, abstract in English)

7. *Ishigeev V. S.* Nekotorye razmyshleniya o sozdanii metodiki rassledovaniya seriinykh ubiistv [Some reflections on the creation of a methodology for investigating serial murders] // In *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator],* 2016, no. 19, pp. 3–5. (In Russian, abstract in English)

8. *Belkin R. S.* Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii: kurs sovetskoi kriminalistiki [Forensic tools, techniques and recommendations: a course of Soviet criminology]. Vol. 3. M., Akad. MVD SSSR Publ., 1979. 407 p. (In Russian)

9. *Faizullina A. A.* Metodika sostavleniya psikhologicheskogo portreta prestupnika pri rassledovanii seriinykh ubiistv [Methodology for compiling a psychological portrait of a criminal in the investigation of serial murders] // In *Yuridicheskaya nauka [Legal science],* 2022, no. 10, pp. 75–77. (In Russian, abstract in English)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ

Фролова Елена Александровна

Цель: *выявление особенностей уголовно-правового противодействия организации незаконной миграции в таких странах СНГ, как Азербайджанская Республика и Республика Армения. Проанализировать соответствующие нормы уголовного законодательства указанных государств, отдельные статистические данные миграционной преступности, диспозиции и санкции статей, предусматривающих ответственность за организацию незаконной миграции, новеллы законодательства.*

Методология: *формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, диалектический метод, анализ, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в различных странах законодательство о незаконной миграции приобрело свои особенности в зависимости от политической, социальной и экономической обстановки. Сформулированы предложения по использованию положительного законодательного опыта указанных государств по противодействию миграционной преступности.*

Научная и практическая значимость. *Сделаны выводы и обоснованы предложения, нацеленные на модернизацию уголовного законодательства в сфере противодействия миграционной преступности в государствах — участниках СНГ, а именно в Азербайджанской Республике и Республике Армения. Практическое значение работы заключается в предложении мер по совершенствованию миграционного законодательства и нормативных актов обеих стран, повышая их эффективность в борьбе с преступлениями, связанными с незаконной миграции.*

Ключевые слова: *организация незаконной миграции, предупреждение преступлений, квалификация преступлений, меры противодействия, санкция, уголовное законодательство Азербайджанской Республики, уголовное законодательство Республики Армении.*

За последние три года миграция в пределах стран СНГ приобрела серьезный масштаб. Много мигрантов въехало в Россию, но и из России выехало немалое количество россиян [1]. Не все мигранты соблюдают закон о пребывании и нахождении в другой стране СНГ, но незнание законов не освобождает от ответственности, и поэтому многие иностранцы и лица без гражданства, хотя и являющиеся гражданами стран СНГ, сталкиваются с наступлением ответственности за нарушение миграционного законодательства, в том числе и уголовного (см. об этом подробнее [2, с. 218–225]). Многие становятся жертвами незаконной миграции, верят организаторам незаконной миграции, среди которых часто встречаются банальные мошенники, обещая гражданам законную миграцию [3].

Чтобы иметь полную картину положения с миграционной преступностью, необходимо рассмотреть нормы уголовного законодательства не только стран СНГ, мигранты которых представлены в России в большем количестве (граждане Кыргызской Республики и др.), но и других стран СНГ, которые имеют свои особенности по установлению уголовной ответственности за организацию незаконной миграции. В частности,

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-303-308

есть особенности в противодействии указанному преступлению в таких странах СНГ, как Азербайджанская Республика и Республика Армения [4; 5; 6; 7].

На эти государства распространяются международное право и международные стандарты в сфере борьбы с незаконной миграцией, такие как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и ее Приложение о борьбе с преступностью *([Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 01.09.2025))*, связанной с незаконной миграцией. В обеих странах правовое регулирование в сфере незаконной миграции закреплено в уголовных кодексах с акцентом на организацию, пособничество в нелегальном пересечении границы, а также в специальных законодательных актах и нормативных документах, регулирующих миграцию и порядок выдворения.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики *(Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 01.09.2025))* предусматривает в Особенной части главу тридцать четвертую «Преступления против порядка управления», где наряду со ст. 318, предусматривающей ответственность за незаконное пересечение государственной границы Азербайджанской Республики, имеется и ст. 318-1, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции. Следует согласиться с отнесением указанного преступления к соответствующей главе Уголовного кодекса — речь идет об отношениях, складывающихся в сфере порядка управления. Вместе с тем более точно вести речь в этом случае о посягательстве на отношения в сфере миграции, хотя таких глав до настоящего времени не выделено в УК практически всех государств СНГ. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в Модельном УК стран СНГ отсутствует соответствующая статья, что, несомненно, оказало влияние на некоторые особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции в странах — участницах СНГ.

В соответствии со ст. 318-1 УК Азербайджанской Республики, штрафом в размере от четырех тысяч до восьми тысяч манатов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет наказывается организация незаконного прибытия иностранца или лица без гражданства в Азербайджанскую Республику, незаконного пребывания иностранца или лица без гражданства на территории Азербайджанской Республики, незаконного транзитного прохождения иностранца или лица без гражданства через территорию Азербайджанской Республики или незаконного выезда какого-либо лица из Азербайджанской Республики. Санкция по ч. 1 ст. 381-1 УК Азербайджанской Республики является альтернативной, предусматривает наряду с лишением свободы и иные наказания, не связанные с ограничением свободы, что вполне отвечает основным началам назначения наказания, предусматривающим возможность его индивидуализации.

Это преступление в соответствии со ст. 15 УК Азербайджанской Республики отнесено к менее тяжким преступлениям, то есть законодатель признает это деяние весьма серьезным преступным деянием. Как и в УК Российской Федерации, такие преступления отнесены к преступлениям средней тяжести.

Ответственность дифференцирована в соответствии с признаками, определяющими ч. 1 и 2 данной статьи.

Ответственность по ч. 1 ст. 318-1 предусмотрена за следующие деяния:

— организация незаконного прибытия иностранца или лица без гражданства в Азербайджанскую Республику;

— незаконное пребывание иностранца или лица без гражданства на территории Азербайджанской Республики;

— незаконное транзитное прохождение иностранца или лица без гражданства через территорию Азербайджанской Республики;

— незаконный выезд какого-либо лица из Азербайджанской Республики.

Как мы видим, ответственность установлена не только за те деяния, что и в Российской Федерации, но и за организацию незаконного выезда из страны. Полагаем, что такое решение имеет право на существование, так как организовать незаконный выезд можно и для лиц, которые совершают опасные преступления и пытаются скрыться.

Диспозиция носит бланкетный характер, так как незаконность действий определяется в соответствии с положениями Миграционного Кодекса Азербайджанской Республики от 2 июля 2013 г. *(Миграционный Кодекс Азербайджанской Республики от 2 июля 2013 г. № 713-IVQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31448427 (дата обращения: 01.09.2025)).* Кодекс состоит из 6 разделов, кото-

рые, кроме общих положений, включают правила въезда на территорию Азербайджанской Республики и выезда с нее, необходимую документацию, связанную с миграционными процессами, трудовую миграцию, правовой статус иностранцев и лиц без гражданства в Азербайджане, а также высылку иностранцев и лиц без гражданства с территории Азербайджана. В кодексе также дано толкование понятиям «иностранец», «лицо без гражданства», «паспорт», «временное пребывание в Азербайджанской Республике», «временное и постоянное проживание в Азербайджанской Республике», «трудовая миграция», «близкие родственники», «разрешение на работу», «виза», «место жительства», «местонахождение» и других понятий, связанных с миграцией.

Квалифицированные виды этого преступления в целом соответствуют общепринятым, подчеркивающим повышенную степень общественной опасности, но есть и особенности. Так, наряду с традиционными признаками, отягчающими ответственность (соучастие в организованной группе, совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения, повторность деяния), законодатель усилил ответственность за совершение преступления опасным для жизни людей способом. Следует отметить, что понятие повторности можно было бы и не включать в число квалифицирующих признаков, так как при его использовании очень часто возникают правовые коллизии и до конца не ясен механизм повторности без соответствующего судебного толкования.

Санкция по ч. 2 данной статьи является безальтернативной, что следует признать правильным решением, а деяние отнесено к менее тяжким преступлениям. Возможно, в этом случае более правильно относить это деяние к тяжким преступлениям с указанием соответствующей санкции.

Полагаем, что можно использовать опыт российского законодателя, установившего ответственность за совершение подобных деяний с использованием в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, или с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Следует отметить, что в анализируемой статье УК Азербайджанской Республики отсутствует ответственность за особо квалифицированный вид преступления, как в УК Российской Федерации, но полагаем, что указание на организацию незаконной миграции в целях совершения тяжкого и особо тяжкого преступления (как это сделано в УК Российской Федерации), является излишним, так как понятие преступления охватывает, по нашему мнению, совершение преступлений и таких категорий.

Субъектом преступления по ст. 318-1 УК Азербайджанской Республики, признается физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет, которое совершило организацию незаконной миграции, выражающуюся в действиях, определенных в ч. 1 данной статьи. С таким законодательным решением следует согласиться. Законодатель определил в качестве субъекта преступления только физическое лицо, хотя есть иное решение в отдельных странах СНГ, где к ответственности за это преступление может быть привлечено юридическое лицо *(ст. 362-1 «Организация незаконной миграции» Уголовного кодекса Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 6 июня 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923. (дата обращения: 01.09.2025))*. При совершении преступления должностным лицом мы имеем в виду специального субъекта, но в этом случае требуется более четкое судебное толкование о том, кто относится к должностным лицам.

Наконец, и иные оценочные правовые определения и категории, используемые азербайджанским законодателем, нуждаются, на наш взгляд, в судебном толковании. Полагаем, что необходимы и четкие разъяснения Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики по вопросам уголовной ответственности за миграционные преступления *(как это сделано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 18 от 9 июля 2020 г. «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357060/ (дата обращения: 01.09.2025))*.

В связи с тем, что в 2021 г. в Республике Армения был принят новый УК, интерес представляют особенности его статьи об ответственности за организацию незаконной миграции (ст. 470 УК) *(Уголовный Кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. № ЗР-199-Ъ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 5 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx? DocID=165138 (дата обращения: 01.09.2025))*.

Нужно сразу сказать, что в статье закреплена существенная дифференциация ответственности за организацию незаконной миграции с выделением весьма конкретных субъективных критериев. В соответствии с ч. 1 этой статьи штрафом от двадцатикратного до сорокакратного размера, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок два месяца, или лишением свободы на срок от одного года до четырех лет наказывается организация в корыстных целях въезда в Республику Армения иностранного гражданина или лица, не имеющего гражданства, его нахождение в Республике Армения или транзит (перемещения) по территории Республики Армения, совершенная с нарушением порядка, установленного законодательством для въезда, пребывания или транзита, или с представлением фальшивых документов или ложных сведений для получения надлежащего разрешения для въезда, пребывания или транзита.

Диспозиции ч. 1 и 2 данной статьи имеют бланкетный характер и требуют дополнительной информации, имеющейся в специальных нормативных актах по миграции *(см.: Закон Республики Армения «Об иностранных лицах» от 25 декабря 2006 г. № ЗР-47-Н (ред. от 18 июня 2021 г.), Закон Республики Армения «О правовом положении иностранных граждан в Республике Армения» от 17 июня 1994 г. № С-1075-1. — ЗР-110 (ред. от 26 сентября 2001 г.), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о внесении изменения в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимных безвизовых поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Армения от 25 сентября 2000 г., заключенное в форме обмена нотами от 24 января 2017 г. (Заключено в г. Москве, г. Ереване 24 января 2017 г.) и др. // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.09.2025))*. Из анализа специальных нормативных актов следует, что признается незаконными действиями (въездом, пребыванием, транзитом). Также незаконные действия могут быть совершены альтернативно: либо с нарушением законодательно установленного порядка, либо с представлением фальшивых документов или ложных сведений для получения надлежащего разрешения их осуществления.

Предусмотренный ч. 1 ст. 470 УК Республики Армения состав преступления относится к формальным составам, то есть преступление такой конструкции будет считаться оконченным с момента совершения незаконных действий. Вместе с тем указание в диспозиции на предоставление фальшивых документов или ложных сведений является, на наш взгляд, излишним: незаконность действий охватывает подобные способы.

Состав преступления по ч. 1 содержит несколько форм деяний, за которые возможно наступление ответственности, только при наличии корыстных целей. В главе 1 УК Республики Армения п. 14 ст. 2 корыстные побуждения определены как стремление получения имущественной выгоды или уклонение от имущественных издержек или обязательств для себя или другого лица. Полагаем, что более точно содержание корыстной цели определено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где говорится, что наличие у лица корыстной цели означает стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен *(п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 01.09.2025))*. Полагаем, что такое толкование содержания корыстной цели в полной мере характеризует данный субъективный критерий и может быть принято армянскими правоприменителями.

Санкция ч. 1 является альтернативной, предусматривающей несколько видов наказаний (штраф от двадцатикратного до сорокакратного размера, или краткосрочное лишение свободы максимально на срок два месяца, или лишение свободы на срок от одного года до четырех лет) которые, несомненно, будут способствовать индивидуализации наказания.

Преступление, ответственность за которое установлена в ч. 1 анализируемой статьи, согласно ст. 17 УК Республики Армения, отнесено к преступлениям средней тяжести, что подтверждает серьезную степень опасности подобных деяний и имеет, по нашему мнению, важное предупредительное значение.

В ч. 2 ст. 470 УК Республики Армения ответственность предусмотрена за самостоятельный состав преступления, отличающийся направленностью действий виновного, который в корыстных целях незаконно выезжает из Республики Армения либо въезжает в иностранное государство или пребывает в иностранном государстве также с нарушением закона. Полагаем, что вклю-

чение ч. 2 в содержание данной статьи не в полной мере соответствует критериям криминализации, а может быть лишь дополнением в объективную сторону деяния, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 470 УК Республики Армения.

В то же время соответствующей ч. 1 статьи УК Российской Федерации (ст. 322.1) было бы правильно дополнить указанием не только об ответственности за организацию незаконного въезда, но и выезда из Российской Федерации с нарушением закона.

Санкция по ч. 2 данной статьи аналогична санкции по ч. 1, что косвенно подтверждает предложение о необходимости указании ответственности за эти деяния в одной диспозиции соответствующей статьи УК Республики Армения.

Квалифицированные виды составов преступлений, ответственность по которым установлена в ч. 1 и 2 ст. 470 УК Республики Армения, предполагают ответственность за совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, или в условиях, опасных для жизни и здоровья человека, или унижающих честь и достоинство лица, либо с использованием властных или служебных полномочий или обусловленного ими воздействия. С одной стороны, мы видим тщательную дифференциацию ответственности за более опасные деяния, совершаемые специальным субъектом либо в соучастии, либо угрожающие личности мигранта. В этом случае речь уже идет о тяжком преступлении (безальтернативное лишение свободы на срок от четырех до восьми лет).

В целом, с таким законодательным решением можно согласиться, но без внимания осталась опасность совершения деяния в целях совершения преступления на территории Республики Армения или иного государства либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а также его совершение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». В Российской Федерации квалифицирующие признаки отражены более рельефно и существенно отражают повышенную степень общественной опасности анализируемых деяний. Подобные квалифицирующие признаки, на наш взгляд, необходимы для соответствующих статей УК стран СНГ, учитывая повышенную опасность террористических и экстремистских проявлений, а также быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий.

Субъектом преступлений по ст. 470 УК Республики Армения признается вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, организовавшее незаконную миграцию. При совершении подобного преступления с использованием властных или служебных полномочий или обусловленного ими воздействия речь будет идти о совершении преступления специальным субъектом.

Подводя итог, можно отметить, что законодатели в Азербайджанской Республике и Республике Армения учитывают повышенную опасность миграционных преступлений, особенно организованных действий, направленных на нарушение миграционного законодательства и причиняющих существенный ущерб отношениям между странами СНГ. Требуются усилия управленческого, законодательного и экономического характера, направленные на предупреждение миграционных преступлений в целом и организации незаконной миграции в частности.

Литература

1. *Ткаченко А. А.* Миграционная политика стран постсоветского пространства: метаморфозы и результаты // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1 (10). С. 38–54.

2. *Урда М. Н.* Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля. Монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 288 с.

3. *Кулешов Р. В., Фойгель Е. И.* Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции в период осуществления специальной военной операции: организационно-правовые и криминалистические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 54–63.

4. *Аскерова С.* Нелегальная миграция в Азербайджане. Угрозы и последствия // International Relations Plus. 2021. № 2 (20). С. 74–77.

5. *Джаржанов А. М.* Противодействие незаконной миграции: проблемы безопасности и правообразования // Актуальные исследования. 2023. № 38 (168). С. 50–53.

6. *Казанчян Л. А.* Особенности прав иностранных граждан в контексте миграции и законодательства Республики Армения // The scientific heritage. 2021. № 69. С. 21–24.

7. *Подройкина И. А.* Ответственность за организацию незаконной миграции в уголовном законодательстве стран ЕАЭС // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7. С. 45–50.

References

1. *Tkachenko A. A.* Migracionnaya politika stran postsovetskogo prostranstva: metamorfozy i rezul'taty [Migration policy of the post-Soviet countries: metamorphoses and results] // In *Social'nye novacii i social'nye nauki [Social innovations and social sciences]*, 2023, no 1 (10), pp. 38–54. (In Russian)

2. *Urda M. N.* Ugolovno-pravovoe protivodeystvie nezakonnoy migratsii kak instrument migratsionnogo kontrolya [Criminal-legal counteraction to illegal migration as a tool of migration control]. Monograph. M.: Yurlitinform, 2024. 288 p. (In Russian)

3. *Kuleshov R. V., Feugel E. I.* Protivodejstvie prestupnosti, svyazannoj s organizaciej nezakonnoj migracii v period osushchestvleniya special'noj voennoj operacii: organizacionno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty [Countering crime associated with the organization of illegal migration during a special military operation: organizational, legal and forensic aspects] // In *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Criminological Journal],* 2023, vol. 17, no. 1, pp. 54–63. (In Russian, abstract in English)

4. *Askerova S.* Nelegal'naya migraciya v Azerbajdzhane. Ugrozy i posledstviya [Illegal migration in Azerbaijan. Threats and consequences] // In *International Relations Plus [International Relations Plus]*, 2021, no. 2, pp. 74–77. (In Russian)

5. *Dzharzhanov A. M.* Protivodejstvie nezakonnoj migracii: problemy bezopasnosti i pravoobrazovaniya [Countering illegal migration: problems of security and legal education] // In *Aktual'nye issledovaniya [Current research],* 2023, no. 38 (168), pp. 50–53. (In Russian)

6. *Kazanchyan L. A.* Osobennosti prav inostrannyh grazhdan v kontekste migracii i zakonodatel'stva Respubliki Armeniya [Peculiarities of the rights of foreign citizens in the context of migration and the legislation of the Republic of Armenia] // In *The scientific heritage [The scientific heritage],* 2021, no. 69, pp. 21–24. (In Russian)

7. *Podroikina I. A.* Otvetstvennost' za organizaciyu nezakonnoj migracii v ugolovnom zakonodatel'stve stran EAES [Responsibility for organizing illegal migration in the criminal legislation of the EAEU countries] // In *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: Politics, Economics, Law],* 2022, no. 7, pp. 45–50. (In Russian)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЯ НА СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цысс Зинаида Александровна

Цель: *рассмотрение процессуальных мер безопасности, применяемых для защиты свидетеля на судебных стадиях. В связи с возникновением определенных условий возникает необходимость засекречивания данных свидетелей для обеспечения возможности их участия в уголовном судопроизводстве. При этом законодательное регулирование рассматриваемых мер не лишено проблем. Кроме того, процессуальное регулирование осуществления данных мер вызывает много дискуссионных вопросов, рассмотрение которых необходимо для определения наиболее рационального изменения законодательства.*

Методология: *диалектический и сравнительный анализ, дедукция, индукция, синтез, системный метод, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.*

Выводы. *Необходимо законодательное регулирование расположения лиц, содействующих осуществлению правосудия, при проведении допроса свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками, а также определение лиц, которые имеют доступ к данным свидетеля, к которому применены меры защиты. Это необходимо для устранения судами различного применения норм уголовно-процессуального законодательства.*

Научная и практическая значимость. *Меры безопасности, применяемые к свидетелям, служат для достижения целей уголовного судопроизводства, а также обеспечивают соблюдение прав и свобод личности. Законодательное регулирование проблем, рассматриваемых в данной работе, позволит наиболее полно достигать данных целей. При этом освещаются дискуссионные вопросы, а также положения судебной практики, что позволит разработать оптимальный вариант дальнейшего изменения процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *защита свидетеля, процессуальные меры, меры безопасности, достаточность, закрытое судебное заседание, гласность, допрос свидетеля, визуальное наблюдение, системы ВКС, засекречивание данных.*

Согласно статистике в России ежегодно примерно 10 млн человек являются свидетелями и потерпевшими, а каждый пятый подвергается угрозам с требованием изменить показания или отказаться от них *(В России на обеспечение безопасности свидетелей в 2019–2023 годах выделят 1 млрд рублей // [Электронный ресурс]: URL: https://tass.ru/obschestvo/5724956?ysclid=lupk1cwp5y613705559 (дата обращения: 07.07.2024))*. Для обеспечения безопасности свидетелей были созданы непроцессуальные меры защиты, которые закреплены в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» *(СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534)*, а также процессуальные меры, перечисленные в ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации *(СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921)* (далее — УПК РФ).

Легальное определение мер безопасности отсутствует, в связи с этим приведем дефиницию А. Э. Исаева, который определяет их как «конкретные приемы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, реализуе-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-309-315

мые компетентными государственными органами и должностными лицами, направленные на достижение, сохранение и поддержание состояния защищенности объектов безопасности в сфере уголовного судопроизводства от различных угроз на всех его стадиях» [1, с. 13].

Меры безопасности, применяемые к участникам уголовного судопроизводства, можно классифицировать по отраслевой принадлежности [2, с. 22]:

1. Процессуальные меры — прямо предусмотренные УПК РФ.

2. Непроцессуальные меры — предусмотренные ст. 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

3. Иные меры — предусмотренные иными федеральными законами (Кодексом об административных правонарушениях *(СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1)*, Уголовно-исполнительным кодексом *(СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198)* и т.д.).

В свою очередь, процессуальные меры безопасности, применяемые для защиты свидетеля, могут реализовываться на любой стадии уголовного процесса при наличии достаточных оснований. Таким образом, далее их можно классифицировать в зависимости от стадии уголовного процесса:

1. Меры безопасности по защите свидетеля, применяемые в досудебном производстве (ч. 9 ст. 166 УПК РФ; ч. 2 ст. 186 УПК РФ; ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

2. Меры безопасности по защите свидетеля, применяемые на судебных стадиях уголовного процесса (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ; ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Также отметим, что процессуальные меры по обеспечению безопасности свидетеля могут быть разделены в зависимости от субъекта, уполномоченного принимать решение о применение данных мер:

1. Меры, налагаемые следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником органа дознания, прокурором (например, по решению следователя опознание может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, и т.д.).

2. Меры, налагаемые судом (например, такая мера зашиты, как проведение закрытого судебного заседания, может быть реализована только при наличии соответствующего решения или определения суда, так как проведение закрытого заседания является исключением из принципа гласности).

Таким образом, при рассмотрении классификации мер безопасности, применяемых к свидетелям, видна основная особенность тех из них, которые используются на судебных стадиях — решение о них принимает суд либо по собственной инициативе, либо по ходатайству иных участников уголовного судопроизводства.

Если говорить об обосновании применения процессуальных мер безопасности, то законодатель в ч. 3 ст. 11 УПК РФ выделяет наличие достаточных данных, свидетельствующих о том, что перечисленным участникам уголовного судопроизводства, их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Однако среди ученых-правоведов существует дискуссия относительно категории достаточности.

Так, Р. Б. Иванченко и А. В. Маслов отмечают, что обозначения «оценочного понятия «достаточность» можно было бы избежать, так как данные об угрозе или опасности имеются или отсутствуют». Также они отмечают, что для защиты однородных общественных отношений, в первую очередь жизни, здоровья и отношений собственности, должен использоваться единый понятийный аппарат [3, с. 159–164].

Также необходимо наличие совокупности обстоятельств: основания, которое свидетельствует о наличии достаточных данных о реальности угрозы, а также повода, включающего в себя первичный сигнал об угрозах, который необходимо проверить по наличию оснований [2, с. 23].

Далее перейдем к рассмотрению такой процессуальной меры обеспечения безопасности свидетеля в уголовном судопроизводстве, как закрытое судебное заседание.

Согласно ст. 241 УПК РФ все судебные заседания проводятся открыто. Исчерпывающий список исключений предусмотрен ч. 2 рассматриваемой статьи. Так, п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусматривает возможность проведения закрытого судебного заседания, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Таким образом, для обеспечения безопасности свидетеля возможно провести закрытое судебное заседание.

Отметим, что возможность проведения закрытого судебного заседания предусматривается и в международных актах. Например, в ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах *(Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291)* указано, что «Печать и публика могут не допускаться на все судебное

разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности...». Такое же право закрепляется в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод *(СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163)*.

Также обратим внимание на то, что решение о проведении закрытого судебного заседания может быть принято на этапе назначения судебного заседания, что предусмотрено п. 5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ.

Далее рассмотрим особенности судебного постановления или решения суда о проведении закрытого судебного заседания. Согласно ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ в постановлении или решении суда должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых было принято данное решение. Но при этом проявляется вопрос определения достаточности данных. Анализ судебной практики показал, что достаточными обстоятельствами могут являться:

1. Наличие в материалах уголовного дела сведений об оказании давления на свидетеля, неоконченная проверка об угрозах в его отношении (не был сделан категоричный вывод о наличии или отсутствии угроз) *(кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2023 г. по делу № 77-1341/2023)*.

2. Принятие мер государственной защиты во время досудебных стадий уголовного процесса *(кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 9 августа 2022 г. № 77-2890/2022)*.

3. Поступление угроз в ходе предварительного следствия из-за действий защищаемого лица *(апелляционное определение Московского городского суда от 7 сентября 2023 г. по делу № 10-15683/2023)*.

4. Подтверждение наличия угроз свидетелю в ходе судебного заседания *(определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. № 77-4958/2021)*.

Также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (*Российская газета. 2012. № 156)* указывается на то, что решение о закрытии судебного заседания может применяться как мера безопасности «и в случаях, когда в отношении этих лиц меры безопасности не применялись». Данное решение является необходимым, так как угрозы безопасности могут появиться и на судебных стадиях уголовного процесса (например, непосредственно в ходе судебного разбирательства) — это позволит обеспечить защиту свидетеля. Однако необходимым является также включение данного положения непосредственно в п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, так как признание постановления Пленума Верховного Суда РФ в качестве источника права является спорным.

При этом даже при наличии реальных поводов (например, угрозы жизни свидетеля) проведение закрытого судебного заседания может быть признано нарушением принципа гласности, если суд не указал мотивы и поводы принятия такого решения *(кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. № 77–1305/2021)*. В свою очередь, это означает признание судебного решения незаконным, что в дальнейшем может привести к рассекречиванию данных о защищаемом лице.

Далее проанализируем возможность совмещения процессуальных мер безопасности. Так, согласно ч. 3 ст. 241 УПК РФ рассмотрение дела в закрытом судебном заседании может проводиться как в отношении всего судебного заседания, так и в его определенной части. Следовательно, частичное закрытое судебное заседание может проводиться в момент допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение, без оглашения личных данных, что предусмотрено ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Также закрытие части судебного заседания возможно для проведения допроса свидетеля с использованием видео-конференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). Такое комбинирование двух самостоятельных мер безопасности позволит создать надлежащие гарантии для выполнения задач уголовного судопроизводства [4, с. 100].

Таким образом, проведение закрытого судебного заседания является процессуальной мерой обеспечения безопасности свидетеля. Применение рассматриваемой меры должно быть мотивировано, а также основываться на наличии достаточных данных, свидетельствующих о наличии угроз участнику уголовного процесса. Данное требование обоснованно, так как проведение закрытого судебного заседания является исключением из принципа гласности. Однако критерий достаточности законодателем не раскрыт и применяется по решению суда в каждом конкретном случае.

Далее рассмотрим такую процессуальную меру, применяемую для обеспечения безопасности свидетеля, как допрос в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

Показания свидетелей и потерпевших являются наиболее распространенным видом доказательств в уголовных делах [5, с. 22–27]. В связи с этим допрос свидетеля как на стадии предварительного расследования, так и в судебном заседании имеет большое значение. При необходимости

обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц допрос в судебном заседании проводится с особенностями, предусмотренными ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

Проведение допроса свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение, также предусматривают международные акты. Так, ст. 24 Конвенции против транснациональной организованной преступности *(СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 388)* раскрывает меры безопасности, которые могут быть применены в отношении свидетелей: «Принятие правил доказывания, позволяющих давать свидетельские показания таким образом, который обеспечивает безопасность свидетеля, например разрешение давать свидетельские показания с помощью средств связи... или других надлежащих средств». Такие же меры в отношении свидетеля предусматриваются в ст. 32 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции *(СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780)*.

Отметим, что согласно постановлению Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» (*СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13)* федеральные суды общей юрисдикции должны оснащаться комплектами оборудования для проведения допроса свидетелей и потерпевших в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

Однако ч. 5 ст. 278 УПК РФ предусматривает создание условий, исключающих визуальное наблюдение, но не указывает на изменение голоса допрашиваемого лица. При этом свидетеля могут опознать и по голосу во время допроса, что фактически приведет к разглашению его данных и возможной реализации угроз в его отношении [6, с. 66–76]. Полагаем, что суды при наличии технической возможности должны изменять голос свидетеля (например, с помощью привлечения специалиста) для наиболее полной защиты.

Далее рассмотрим процессуальные особенности проведения допроса свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Суд при оглашении постановления или определения о допросе свидетеля в рассматриваемых условиях не должен оглашать его в части, содержащей сведения о защищаемом лице. При поступлении материалов дела в суд доступ к запечатанному конверту, содержащему информацию о засекреченном свидетеле, должен быть только у судей, к данной информации не должно быть доступа у секретарей и помощников судей [7, с. 14–18]. Данное положение должно быть именно обязанностью суда, а следовательно, необходимо его закрепление в законе или подзаконных актах.

Перед допросом свидетеля суд должен удостовериться в личности свидетеля, разъяснить ему права и обязанности, а также предупредить об ответственности. На обязательное выполнение данных условий также указывает судебная практика *(кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. № 77-719/2023)*. Однако данные действия суд должен совершать при соблюдении условий, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного заседания. Так, для установления личности и подлинных данных защищаемого лица суд может объявить перерыв и провести данное действие в отсутствие сторон и иных участников, о чем делается отметка в протоколе. Для обеспечения безопасности из зала могут также удалиться секретарь и помощник судьи. Дальнейшие действия (разъяснение прав и обязанностей и т.д.) проводятся в присутствии сторон и иных участников, но свидетель использует свой псевдоним.

Обратим внимание на особенности участия педагога, психолога при допросе свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Педагог и психолог в таких условиях не могут полностью осуществлять свои функции при допросе, например, несовершеннолетнего свидетеля. Так, при их нахождении непосредственно рядом с допрашиваемым свидетелем создается угроза рассекречивания сведений о защищаемом лице путем осуществления давления на лиц. В таком случае возможно засекречивание данных лиц, которые находятся рядом с допрашиваемым свидетелем (педагога или психолога), но полученные при таком допросе сведения могут быть признаны недопустимым доказательством. Рассматривая вариант нахождения педагога или психолога в зале судебного заседания без возможности видеть допрашиваемого свидетеля, можно сделать вывод о том, что их участие будет номинальным, так как они не смогут полностью выполнять свои функции.

Аналогичная проблема возникает при участии представителя несовершеннолетнего в случаях, когда его участие необходимо, так как при нахождении указанного лица в зале судебного заседания данные свидетеля могут быть идентифицированы. При этом законодателем данный аспект не урегулирован, суды решают его по своему усмотрению в каждом конкретном случае.

Отметим, что суды апелляционной и кассационной инстанций при проверке достоверности показаний свидетеля, допрошенного в условиях, исключающих визуальное наблюдение, проверяют согласование показаний данного свидетеля с другими доказательствами, источники осве-

домленности свидетеля, соответствие показаний, полученных в судебном заседании, данным, полученным в ходе предварительного расследования *(кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 222-УД23-67-А6)*. Таким образом, несмотря на то, что свидетель допрашивается с соблюдением особых требований безопасности, его показания не являются решающими при рассмотрении уголовного дела.

Далее рассмотрим положение стороны защиты при допросе свидетеля стороны обвинения в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Так, защитник не может задавать вопросы, направленные на выяснение личности свидетеля, но также судом могут отклоняться вопросы, касающиеся профессиональной деятельности свидетеля (например, его отношение к правоохранительным органам), так как это может привести к идентификации допрашиваемого лица *(Адвокатская газета // [Электронный ресурс] URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema zasekrechennykh svideteley/?ysclid=lupk58gdd3781395388 (dama обращения: 11.07.2024))*. Также защитник лишается возможности наблюдать за реакцией свидетеля на задаваемые вопросы, что может помешать построению определенной линии защиты.

Отметим, что свидетелям, дающим показания в условиях, исключающих визуальное наблюдение, рекомендуют некоторое время молчать после вопроса для того, чтобы у суда была возможность оценить его — не приведет ли ответ к выяснению подлинных данных свидетеля [7, с. 14–18]. Такое действие лишает защитника возможности выявлять возможные противоречия в показаниях по быстрым ответам свидетеля.

Однако Конституционный Суд РФ указал, что допрос свидетеля в рассматриваемых условиях не ограничивает права на защиту: свидетелю могут задаваться вопросы; его показания могут опровергаться иными доказательствами; может быть подано ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, о признании его показаний недопустимым доказательством при нарушении закона *(определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 624-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Колесникова Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 16 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»)*.

Таким образом, допрос свидетеля в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение, является важнейшим институтом, обеспечивающим безопасность лица, его близких родственников, родственников и близких лиц. При этом он также направлен на обеспечение наиболее полного рассмотрения дела в судебном заседании с учетом всех имеющих доказательств для достижений целей уголовного судопроизводства.

Далее рассмотрим меру обеспечения безопасности свидетеля, которая прямо не предусмотрена в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, однако фактически может использоваться в данных целях. В январе 2023 г. Федеральным законом № 610-ФЗ *(СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 57)* была введена в действие ст. 241.1 УПК РФ, которая регулирует правила участия в судебном заседании путем использования видео-конференц-связи. Часть пятая рассматриваемой статьи подразумевает возможность участия в судебном заседании таким способом иных лиц (в том числе свидетелей) по инициативе суда или по ходатайству стороны. Таким образом, может быть обеспечена безопасность свидетеля, так как его допрос с помощью технических средств может быть проведен в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

Отметим, что положения судебной практики показывают, что допрос свидетелей с использованием видео-конференц-связи не противоречит УПК РФ и не лишает сторону защиты прав. Так, Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ указала на то, что «с мнением о том, что допрос свидетелей путем использования системы видеоконференц-связи нарушает право на защиту обвиняемых, согласиться нельзя. Такая процедура допроса предусмотрена ст. 278.1 УПК РФ и, по сути, не отличается от допроса в общем порядке» (*апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № АПЛ 23-187)*. Также отмечается, что допрос свидетеля, проведенный в данном порядке, не свидетельствует о нарушении права осужденных на защиту, поскольку свидетель может ответить на все заданные вопросы *(определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2023 г. № 77-2674/2023)*.

Однако применение данной нормы может сопровождаться рядом проблем. Так, не все суды могут иметь техническую возможность осуществлять допрос лица с использованием систем видео-конференц-связи (далее также — системы ВКС). В данном случае согласно ст. 2 Федерального закона № 610-ФЗ положения ст. 241.1 УПК РФ не применяются. Также следует отметить, что при проведении допроса свидетеля данным способом доступ к его данным получают лица, ответственные за техническое обслуживание си-

стем ВКС, что регулируется приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (*Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3)*. Данные лица обеспечивают и осуществляют мероприятия по организации проведения допроса, что связано с информированием суда, в том числе и по электронной почте.

Таким образом, проведение допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи может способствовать обеспечению безопасности лица, так как свидетель не будет находиться в зале судебного заседания. Однако при использовании систем ВКС доступ к данным свидетеля будет иметь большее количество людей, чем при проведении допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

В завершение хотелось бы отметить, что обеспечение безопасности свидетеля является важной задачей уголовного судопроизводства, так как позволяет не нарушить конституционные права человека и провести полное рассмотрение уголовного дела в судебном разбирательстве. Законодатель разрабатывает нормы, которые регулируют данный аспект, однако они не лишены проблем. Так, не урегулированы вопросы нахождения лиц, содействующих осуществлению правосудию, при допросе свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение. При проведении данного допроса с использованием систем видео-конференц-связи доступ к данным свидетелям получает значительное количество лиц. А достаточность сведений для закрытия судебного заседания в целом или части определяется судом самостоятельно, что может привести к отмене решения. Таким образом, институт защиты свидетелей не позволяет обеспечить их безопасность в полной мере, что без должного регулирования может препятствовать полноценному участию свидетеля при рассмотрении уголовного дела.

Литература

1. *Исаев А. Э.* Безопасность в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Саратов, 2022. 32 с.

2. *Мухаметшин Т. Р.* Правовое регулирование применения мер безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Ульяновск, 2022. 31 с.

3. *Иванченко Р. Б.*, *Маслов А. В.* Некоторые аспекты государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 159–164.

4. *Рамазанов Р. М.* Деятельность суда по обеспечению безопасности участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Ульяновск, 2021. 215 с.

5. *Ковтун Н. Н.* Латентная деконструкция категории «показания» в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 22–27.

6. *Мартышкин В. Н.* Коллизии правоприменения при обеспечении допроса «скрытых» участников уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 66–76.

7. *Ткачев И. В.*, *Овчинникова В. И.*, *Комин В. В.*, *Тисен О. Н.* Процессуальный порядок допроса свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение // Законность. 2010. № 10 (912). С. 14–18.

References

1. *Isaev A. E.* Bezopasnost’ v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskii i prikladnoi aspekty [Security in criminal proceedings: theoretical and applied aspects]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Saratov, 2022. 32 p. (In Russian)

2. *Mukhametshin T. R.* Pravovoe regulirovanie primeneniya mer bezopasnosti lichnosti v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Legal regulation of the application of personal security measures at the stage of initiation of a criminal case]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Ul’yanovsk, 2022. 31 p. (In Russian)

3. *Ivanchenko R. B., Maslov A. V.* Nekotorye aspekty gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Some aspects of state protection of participants in criminal proceedings] // In *Vestnik voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2018, no. 2, pp. 159–164. (In Russian, abstract in English)

4. *Ramazanov R. M.* Deyatel’nost’ suda po obespecheniyu bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo protsessa [Activities of the court to ensure the safety of participants in criminal proceedings]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Ul’yanovsk, 2021. 215 p. (In Russian)

5. *Kovtun N. N.* Latentnaya dekonstruktsiya kategorii «pokazaniya» v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [Latent deconstruction of the category «testimony» in criminal proceedings in Russia] // In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings],* 2021, no. 3, pp. 22–27. (In Russian, abstract in English)

6. *Martyshkin V. N.* Kollizii pravoprimeneniya pri obespechenii doprosa «skrytykh» uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Conflicts of law enforcement in ensuring the interrogation of «hidden» participants in criminal proceedings] // In *Evraziiskaya advokatura [Eurasian Advocacy],* 2017, no. 4 (29), pp. 66–76. (In Russian, abstract in English)

7. *Tkachev I. V., Ovchinnikova V. I., Komin V. V., Tisen O. N.* Protsessual'nyi poryadok doprosa svidetelya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noe nablyudenie [Procedural order of interrogation of a witness in conditions excluding visual observation] // In *Zakonnost' [Legality],* 2010, no. 10 (912), pp. 14–18. (In Russian)

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

НИКОЛАЙ МУРАВЬЕВ — ДЕРЖАВОСТРОИТЕЛЬ И ЗАКОНОБЛЮСТИТЕЛЬ

Звягинцев Александр Григорьевич

Цель: *осветить путь, пройденный Н. В. Муравьевым от прокурора до министра юстиции и генерал-прокурора, и раскрыть его роль в формировании правовой системы Российской империи конца XIX — начала XX в. и в противостоянии революционному движению.*

Методология: *историко-правовой метод, дедукция, индукция, анализ.*

Выводы. *Н. В. Муравьев сочетал выдающийся юридический талант и ораторское мастерство с жесткой государственнической позицией. Его инициативы существенно укрепили государственные институты, однако в них проявился жесткий характер Н. В. Муравьева и его нетерпимость к оппонентам.*

Научная и практическая значимость. *Уточняет биографию и институциональный вклад Н. В. Муравьева в формирование правовой системы Российской империи конца XIX — начала XX в.*

Ключевые слова: *Н. В. Муравьев, министр юстиции, генерал-прокурор, прокурорский надзор, судебные реформы, Уголовное уложение, Судебные уставы.*

1 января 1894 г. высочайшим указом Императора министром юстиции и одновременно генерал-прокурором был назначен Николай Валерианович Муравьев — державник и убежденный монархист. Впервые в России этот высокий пост занял человек, последовательно прошедший все ступени прокурорской иерархии. Человек сколь талантливый, столь и противоречивый — был выдающимся юристом и блестящим судебным оратором.

Николай Муравьев родился 27 сентября 1850 г. в Новгородской губернии и принадлежал к родовитой дворянской семье. Детские годы прошли в Костроме, Петрозаводске и Пскове, где отец служил губернатором. Мальчиком Николай был записан в пажеский корпус. Когда ему исполнилось 14 лет, родители определили его в 3-ю Московскую гимназию, которую он окончил спустя четыре года с золотой медалью. В 1868 г. Муравьев поступил на юрфак Московского университета, но уже на следующий год оставил учебу и отправился за границу, где намеревался самостоятельно подготовиться к сдаче экзаменов на степень кандидата прав. Эти испытания он блестяще выдержал в мае 1870 г. на юридическом факультете Петербургского университета. Познания двадцатилетнего юноши были так основательны и глубоки, что ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Предложение было заманчиво. Ведь научная и творческая деятельность привлекали молодого юриста. Тем не менее он его отклонил.

Муравьев, как и многие другие его сверстники, очарованные открывшимися после проведения Судебной реформы грандиозными перспективами, всей душой рвался к практической деятельности. Николая Валериановича очень заинтересовала возможность стать одним из представителей *«Ока Его Императорского Величества»*. Поэтому не соблазнившись возможностью занять теплое место где-нибудь в канцелярии Правительствующего сената, он 25 августа 1870 г. поступил на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московской судебной палаты.

В 1874 г. Муравьев успешно сдал экзамены в университет на степень магистра и стал читать

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-316-321

публичные лекции по курсу судебного судопроизводства. Николай Валерианович любил выступать в судебных процессах и умел хорошо их организовывать. Поэтому очень скоро завоевал славу лучшего обвинителя столицы. Его речи всегда были безукоризненными: юридически обоснованные, грамотные, страстные и красивые — они прочно захватывали внимание слушателей.

Одним из самых громких процессов того времени было сенсационное дело помощника присяжного поверенного Элькина. Своеобразие делу придавало то обстоятельство, что Элькин стал первым в России адвокатом, угодившим на скамью подсудимых. При этом обвинялся он в довольно *«гнусном»* преступлении. Вдова крупного заводчика Попова обратилась к нему с предложением *«ввести ее во владение имуществом»*. Адвокат взялся за это дело, причем больше стал заниматься не столько им, сколько самой вдовой. Обещая жениться, Элькин соблазнил вдову и выманил у нее 15 тысяч рублей и купчую на дом. После этого не только отвернулся от обманутой женщины, но также отрекся от долга. Попова обратилась к прокурору. Против Элькина было начато следствие. И хотя защищал Элькина известный присяжный поверенный Лохвицкий, молодой прокурор Муравьев сумел блестяще провести процесс. По свидетельству старейшей русской журналистки Екатерины Козлининой, *«с необычайным пафосом громил он не столько самого Элькина, сколько все общество, откинувшее старые идеалы, а взамен их ничего не сумевшего создать, кроме неутомимой жажды наживы, продуктом какового положения и явился Элькин, не знающий другого бога, кроме золотого тельца»*.

Во время перерыва публика устроила Муравьеву настоящую овацию. Николай Валерьянович был счастлив. После этого процесса многие люди стали приходить в суд только затем, чтобы послушать талантливого обвинителя. И он всегда оправдывал их доверие. Муравьева нарекли тогда *«цветом и надеждой прокуратуры»*.

Вскоре Николая Валерьяновича стали называть *«талантливейшим из прокуроров»*. А иногда и величали — *«жестоким талантом»*.

В этой связи вспоминается одно дело, в котором Муравьев участвовал в качестве обвинителя. Оно было тоже резонансным, но окончилось весьма трагически. Тем не менее оно создало Муравьеву такой триумф, что в дальнейшем все его речи начали публиковать в печати.

Дело это было возбуждено по факту расхищения наследства миллионера Зантфлебена. На скамье подсудимых оказались вдова умершего Ольга Зантфлебен, ее сожитель — лакей ее мужа — Мышаков, бывший сенатский секретарь Алферов, а также душеприказчики богача: генерал-майор Гартунг и граф Ланской.

Суть дела была в следующем. После смерти Зантфлебена основная часть его имущества переходила к детям от первого брака. Вторая жена, Ольга, получавшая по завещанию лишь 10 тысяч рублей, вздумала завладеть всем имуществом. Вместе со своим любовником Мышаковым и душеприказчиком Гартунгом, задолжавшим умершему крупную сумму, она выкрала после смерти мужа некоторые документы, в частности долговые обязательства, которые сумела реализовать в свою пользу.

Муравьев в этом деле обрушил на подсудимых все свое красноречие. Особенно доставалось от него генерал-майору Гартунгу. По делу было установлено, что Гартунг без зазрения совести кутил в «Эрмитаже» на ворованные деньги в компании лакея Мышакова, который за месяц до этого подавал ему калоши в передней своего господина и подсаживал за двугривенный в экипаж.

Выслушав обвинительный приговор, Гартунг застрелился прямо в зале суда. Трагедия вызвала страшный переполох. Старшина присяжных упал в обморок. Истерично рыдал защитник подсудимого. Присутствующие на процессе и судьи были в оцепенении. *«Понуро расходилась из суда публика,* — писала Екатерина Козлинина, — *видимо, сожалея о тех овациях, которые за три часа перед тем она так шумно и восторженно расточала перед жестоким талантом молодого обвинителя»*.

Впоследствии Правительствующий сенат вообще оправдал всех подсудимых.

Но самым громким из общеуголовной категории дел последней четверти XIX в. было, конечно же, дело «Клуба червонных валетов». Оно слушалось в Москве в феврале — марте 1877 г. Тогда суду были преданы за различные преступления 47 человек, объединившихся в шайку. Это было фактически первое дело в России об устойчивой преступной группировке.

Об их «*подвигах*» по Москве ходили легенды. Члены шайки обычно собирались в меблированных комнатах на Тверской, либо в гостиницах и трактирах. Там они обсуждали разные способы добывания денег, распределяли роли, привлекая к делу знакомых, а то и вовсе малознакомых им людей. Чаще всего преступники выманивали деньги путем получения залогов с лиц, устраивающихся на службу. Для этого злоумышленники организовывали фиктивные рекомендательные конторы, фирмы «*по управлению имениями*» и т.п.

Некоторые члены шайки выдавали себя за состоятельных людей, скупающих товары, а другие представлялись «*управляющими*» мнимого «*богача*». Бывало, что завлекали в свою компанию какого-нибудь загулявшего купца, имевшего приличное состояние, спаивали его до «*белой горячки*» и обирали до нитки. После каждой удачной «*сделки*» следовали бесшабашные кутежи, оргии, с разными дерзкими проделками.

Накануне открытия судебного заседания к Муравьеву, который должен был выступать на этом процессе обвинителем, явился полицейский и предупредил, что, по их сведениям, невеста одного из подсудимых, некая Жардецкая, намерена явиться на процесс с револьвером и застрелить его. На это Муравьев ответил: «*Благодарю вас, можете быть уверены, что я теперь более, чем когда-либо спокоен за свое существование; уж если об этом намерении дошли слухи до сведения нашей московской полиции, то я уверен в том, что мадемуазель Жардецкая этого ни за что не хотела сделать*».

Перед открытием заседания стало известно, что один из основных подсудимых, «*червонный король*» Шпейер, сбежал и скрывается где-то в Москве. О чем было доложено Муравьеву.

Как-то раз недалеко от здания суда Муравьев столкнулся с человеком, очень похожим на Шпейера. Он попытался его задержать. Но подозреваемый стал быстро удаляться, и Николай Валерьянович послал вдогонку за ним городового. Через некоторое время тот вернулся и доложил, что неизвестный добежал до Царь-пушки, возле которой его ждал «*лихач*» в санях.

Скамья подсудимых на этом процессе была необычайно пестрой. Здесь рядышком находились князья и графы, дворяне и офицеры, представители знатных московских семей, юристы и архитекторы, купеческие сыны и простые мещане. Но а женская часть подсудимых простиралась от жены Шпейера, урожденной княжны Еникеевой, до женщин легкого поведения.

Екатерина Козлинина, присутствовавшая на суде и слушавшая речь прокурора, писала: «*Почти два дня длилась эта замечательная речь. Сильная и эффектная, она до такой степени захватывала внимание слушателя, что, когда он (Муравьев) яркими красками набрасывал какую-нибудь картину, так и казалось, что воочию видишь ее*». Журналистка считала, что Муравьев в те годы представлял собою в прокуратуре то же, что и Плевако в адвокатуре.

Николая Валериановича всегда отличали исключительная трудоспособность, пытливость, настойчивость в достижении цели. К тому же был честолюбив и тщеславен. Эти качества помогли ему быстро продвигаться по службе.

В 1879 г. Муравьев переводится в Петербург товарищем прокурора столичной судебной палаты.

Годы, что провел Николай Валерианович в столице, характеризовались нарастанием второй, более жесткой волны революционных выступлений. Одно за другим следуют несколько покушений на императора Александра II. Правительство в борьбе с «*крамолой*» все чаще и чаще прибегает к военным судам. Кровавое противостояние революционеров и правительства все усиливается. Только в течение 1879–1882 гг. в России было проведено 99 политических процессов. Два дела слушались Особым присутствием Правительствующего сената. Это дело «О злодеянии 1 марта 1881 года» и дело «20-ти». В этих двух последних, исключительно важных процессах обвинителем выступал Муравьев, где он себя показал очень жестким прокурором и рьяным защитником монархии. Поэтому зачастую его личность и деятельность некоторые оценивали отрицательно.

Вспомним сегодня только один политический процесс.

1881 г., обагренный царской кровью, стал судьбоносным в служебной карьере Муравьева. Именно ему — талантливому, задиристому, блистательному законоблюстителю — было доверено исполнять прокурорские обязанности в Особом присутствии Правительствующего сената по так называемому «Делу о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр Николаевич».

На этом процессе Муравьев произнес «лившуюся» почти пять часов, довольно страстную речь. В ней государственный обвинитель был очень жесток и суров по отношению к подсудимым. Он видел в подсудимых не «*борцов за свободу*», а «*врагов отечества*», с которыми надо вести беспощадную борьбу. Как юрист и исследователь Николай Валерианович глубоко изучил историю российского революционного движения и даже подготовил в 1880 г. специальный труд по этой теме — «Очерк исторического развития и деятельности русской социально-революционной партии», охватившую период с 1863 по 1880 г.

В ходе процесса Николай Валерьянович не лез в карман за словом. Когда в одном месте он патетически воскликнул: «*Из кровавого тумана, застилающего святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц...*», Желябов неожиданно громко рассмеялся. Судьи и публика оцепенели. Однако Муравьев не расте-

рялся и спокойно, но громко и отчетливо сказал: «*Когда люди плачут — Желябовы смеются*».

Муравьев не щадил в своем выступлении даже женщин. И даже тех, с кем провел детские годы. Террористку Софью Перовскую он выставил как олицетворение безнравственности и жестокости, свойственной будто бы всем революционерам. Говорил, что она с «*циничным хладнокровием*» распоряжалась «*злодеянием*». И никакие воспоминания детства для него, как государственного обвинителя, здесь уже не имели значения. А ведь ему тогда было что вспомнить. Еще мальчиком, в 1856–1859 гг., когда его отец был губернатором в Пскове, а отец Перовской — вице-губернатором, Николай вместе с Софьей играли в детские игры. А однажды она даже помогла ему выбраться из пруда, в котором он чуть было не утонул.

В заключение своей большой речи Муравьев грозно резюмировал: «*С корнем вырвет русский народ адские плевелы из русской земли и тесней, дружней сомкнувшись несчетным рядом благомыслящих граждан, бодро последует за своею несокрушимою, единою священной родиной, за своим ныне вступившим на царство августейшим вождем*».

В 1881 г., будучи назначенным исполняющим обязанности прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, Николай Валерианович, засучив рукава, сразу берется за дело. Осенью он проводит большое совещание прокурорских работников, на котором обсуждаются самые насущные проблемы надзора в условиях новых вызовов и угроз для государственного строя. После совещания Муравьев разработал обстоятельную Инструкцию чинам прокурорского надзора округа С.-Петербургской судебной палаты. В ней впервые были четко сформулированы основные полномочия и обязанности прокуроров в конкретной осложнившейся для власти обстановке. Он также подготовил Инструкцию для чинов С.-Петербургской полиции.

В конце 1881 г. Николай Валерьянович выступил обвинителем в С.-Петербургской судебной палате по делу о типографии «Черного передела». В своей речи на процессе Муравьев признавал, что эта газета была умереннее, чем «Народная воля»: «*Листки газеты не пропитаны кровью, от них не пахнет динамитом*», — сказал он на суде.

Однако вскоре Муравьеву снова пришлось выступить в крупном политическом процессе, где опять «пахло динамитом». Уже в ранге прокурора судебной палаты он выполнял прокурорские обязанности на процессе 20 народовольцев, который проводился в феврале 1882 г. в Особом присутствии Правительствующего сената. Подсудимым вменялось в вину несколько политических преступлений, в том числе восемь террористических актов, направленных против Александра II, убийство шефа жандармов Мезенцева и другие. Председательствовал в процессе сенатор Дрейер.

И в этом процессе Муравьев выступает непримиримым противником революционного движения и сравнивает подсудимых с «шайкой убийц». В то же время Николай Валерианович вынужден был признать достойное поведение подсудимых во время суда. Он, в частности, сказал: «Им надо отдать дань уважения, — *они в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат*».

В 1884 г. Николай Валерианович назначается прокурором Московской судебной палаты. Твердый, энергичный и решительный, обладавший бойцовскими качествами, Муравьев иногда говорил, что его помощники «*не в меру корректны*», «*недостаточно задиристы*», а то и просто «мягки». Поэтому он стремился привлекать в прокуратуру таких обвинителей, как Громницкий, который был настоящей грозой подсудимых.

Сам великолепно владея прокурорской трибуной, Муравьев часто приходил на судебные заседания, когда выступали его подчиненные. Это как нельзя более кстати пригодилось ему потом — когда стал Министром юстиции и генерал-прокурором. Николай Валерианович выдвигал на прокурорские и судебные должности не наобум кого-либо, а твердо зная, где тот или иной человек принесет для государства наибольшую пользу, куда следует направить более сильного работника, а куда — пусть и менее способного, но зато вполне надежного.

Несмотря на несомненные успехи в должности обер-прокурора, эта деятельность не давала Муравьеву полного удовлетворения его «*ненасытному честолюбию и жадному властолюбию*» — как считал известный юрист Анатолий Федорович Кони. Муравьев, по его образному выражению «*грыз удила, как скаковой жеребец, поставленный в оглобли закона*».

Вскоре «изнывающий в обер-прокуратуре» Николай Валерианович был повышен в должности — его назначили государственным секретарем.

Даже по свидетельству недоброжелателей — это был «*блестящий государственный секретарь*». За непродолжительный период, что он занимал этот пост, Муравьев успел провести ряд существенных изменений, цементирующих державные устои. Работа в Государственном Совете при нем была поставлена на регулярную и плановую основу.

Обладавший незаурядными способностями, трудолюбивый государственник 17 апреля 1894 г. Муравьев был утвержден в должности Министра юстиции и генерал-прокурора. В то время это был действительно достойнейший кандидат на столь высокий пост.

Незадолго до назначения его на должность Кони писал Председателю комитета министров Николаю Христиановичу Бунге: «*Я вполне разделяю Ваш взгляд на Муравьева. Это вполне достойный представитель и птенец судебного сословия. Голова его устроена превосходно, и ее продовольственные запасы наполнены доверху, а язык гибок, силен и умеет влиять. Это вполне удачный выбор. Некоторые сомневаются относительно его сердца, но мне думается, что они ошибаются, принимая сдержанную форму за существо. Во всяком случае это человек выдающийся*».

Приведу еще одно свидетельство человека, знавшего Муравьева на протяжении длительного времени, уже упоминавшуюся мной Екатерину Козлинину. В своей книге «За полвека» она резюмировала: «*Но и теперь, когда старые судебные деятели уже стали составлять меньшинство, спросите, кто за все это время был талантливейшим из прокуроров за все эти 45 лет. Вам скажут: Н. В. Муравьев ... исключительно благодаря своим выдающимся способностям занявший пост Министра юстиции*».

Министром юстиции и генерал-прокурором Муравьев оставался одиннадцать лет. На этом посту наиболее полно раскрылись его выдающиеся способности, но и наиболее резко проявились его негативные качества: властолюбие, нетерпимость к чужому мнению, резкость и даже грубость, склонность к внешним эффектам.

В первые же годы работы на посту министра Муравьев направил на места ряд циркулярных распоряжений председателям судов и прокурорам. Они имели целью лучше организовать работу судов и прокуратуры. Например, в октябре 1895 г., в целях борьбы с бумаготворчеством, он направил на места строгое предписание, в котором отмечал: «*Необходимо самым решительным образом сократить по всем отраслям судебной службы количество отправляемых и получаемых бумаг*».

Желая придать единообразие и стройность системе прокурорского надзора, Муравьев издал в 1896 г. Наказ чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. В нем впервые подробно и основательно были изложены все основные принципы действий прокуроров при исполнении ими обязанностей, возложенных на них законом.

А в особом циркуляре чинам судебного ведомства Муравьев писал: «*Общество может одобрять или не одобрять судебных деятелей, сочувствовать им или не сочувствовать; судебные же деятели должны ставить честное исполнение своего долга вне и выше всяких преходящих веяний и притом выработать себе такую ясную и прямую точку зрения на свое общественное место, которая отвечала бы их высокому и независимому призванию*».

Излишне говорить, насколько эти простые истины актуальны и для нашего времени.

В 1895 г. Муравьев присоединил к Министерству юстиции Главное тюремное управление, ранее находившееся в ведении Министерства внутренних дел.

При Муравьеве было подготовлено и 10 февраля 1903 г. Общим собранием Государственного совета одобрено Уголовное уложение. А 22 марта того же года Николай II утвердил его. Таким образом, Российская империя получила, после 20-летней трудоемкой работы, новый уголовный кодекс. Он состоял из 687 статей (в Уложении 1845 г. было свыше двух тысяч статей).

Муравьев проделал грандиозную работу по пересмотру законодательства по судебной части. Ведь за время действия Судебных уставов было принято около 700 законодательных актов, в той или иной степени дополняющих, а то и вовсе ликвидирующих некоторые статьи уставов. Все это мешало практическим работникам, вносило путаницу, так что даже опытные юристы с трудом продирались сквозь законодательные дебри. Комиссия под председательством Муравьева подготовила новые редакции уставов гражданского и уголовного судопроизводства. Однако в связи с революционной ситуацией в стране они так и не были приняты.

При Муравьеве завершилось введение Судебных уставов (1864) на всей территории России. Министр, в частности, лично открыл в Сибири Иркутскую судебную палату. В его бытность были также открыты судебные палаты — Омская и Ташкентская. Николай Валерианович часто ездил по России и лично проверял деятельность органов прокуратуры и судов.

Муравьев считал, что суд «*должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли Монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия*». *С его точки зрения, суд должен быть «солидарен с другими его органами во всех законных их действиях и начинаниях», что он обязан «оберегать не только существующий законный порядок, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду,*

где это достоинство может быть затронуто в делах судебного ведомства». Только в этих пределах суд может и должен быть самостоятелен и независим и обязан, «*чуждаясь всякой политической или общественной тенденции, руководствоваться лишь законами, правдою и справедливостью*».

Николай Валерианович помимо выполнения служебных обязанностей всегда активно занимался творческой и исследовательской работой. Опубликовал множество статей и несколько капитальных трудов по прокурорской проблематике, вопросам уголовного законодательства, а также выпустил два тома своих сочинений и речей. Издал фундаментальный труд «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы» (1889).

Муравьев неоднократно избирался почетным мировым судьей по различным уездам России. Участвовал в заседаниях Международного третейского суда в Гааге, а также Международном тюремном конгрессе. Являлся инициатором открытия благотворительного общества судебного ведомства. Награжден многими орденами и знаками отличия, в том числе и иностранными.

...В начале XX в. в России резко обострилась обстановка. Назревала первая русская революция. Со слов премьер-министра С. Ю. Витте, в конце 1899 г. Муравьев подумывал о посте Министра внутренних дел, однако должной решимости не проявил. Человек умный и дальновидный, он хорошо предвидел дальнейшее ухудшение ситуации в России. Военный министр А. Н. Куропаткин вспоминал, что Муравьев говорил ему, что правительству «*придется пустить в ход оружие для подавления внутренних восстаний. Крови прольется много*».

И как в воду глядел. За 2 дня до Кровавого воскресенья 1905 г. (7 января) Муравьев имел беседу со священником Георгием Гапоном, который просил его пасть в ноги царю и умолять принять петицию рабочих. Муравьев ему в просьбе отказал, аргументируя тем, что она требует ограничить самодержавие.

Правда, в то время у Николая Валериановича было уже «чемоданное настроение». Он планировал покинуть занимаемую должность и готовился к отъезду за границу, где намеревался продолжить свою карьеру на дипломатическом поприще. 14 января 1905 г. Муравьев был назначен чрезвычайным и полномочным послом России в Италии. На этой должности пробыл до самой смерти. Скончался скоропостижно от паралича сердца в Риме 1 декабря 1908 г., где и был похоронен.

Находясь в Риме, мне удалось на кладбище Тестаччио разыскать могилу Николая Валерьяновича — человека исключительно богатых дарований, широкой инициативы, огромной энергии. Могила его выглядела скромно, как и многих других наших соотечественников, но находилась в неплохом состоянии. На этом кладбище нашли свое последнее пристанище: великий художник Карл Брюллов, некоторые из рода Пушкиных и многие другие...

Ровно 130 лет назад в 1895 г., выступая перед судебными и прокурорскими работниками в столице Эстонии Ревеле (ныне Таллин), Муравьев говорил: «*Еще никто не делал русскому народу основательного упрека в недостатке великодушия и шири... Всем хватит воздуха и света в обширном русском царстве, все верноподданные его найдут защиту под мощной сенью русского орла... В этой истине наша крепость, в ее колебании — наша слабость, в ее утверждении — наше славное прошлое и наше светлое будущее*».

Как в унисон сегодняшнему дню звучат эти мысли! Сколько в этом наказе для нынешних державных мужей духа и воли!

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. ЮЖНАЯ ССЫЛКА. БЕССАРАБИЯ (1820–1823)

Харабет Константин Васильевич

Цель: *актуализировать знания в междисциплинарной области — «литературной юриспруденции» — в части углубления (уточнения) знаний о событиях правового характера в биографии А. С. Пушкина, определить в связи с этим круг его общения и интересов в южной ссылке (1820–1823), завершение формирования его либерального политико-правового мировоззрения.*

Методология: *совокупность методов научного познания, среди которых историко-правовой, описательный, биографический, культурно-исторический. В статье также использованы общенаучные и частно-научные методы.*

Выводы. *В Бессарабии А. С. Пушкин оказывается в эпицентре важных политических событий (восстание гетеристов, революции в европейских странах, национально-освободительное движение в Греции и др.), Он находится под влиянием М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, будущих декабристов, остро откликается на их идеи, становится участником многих политических событий в крае.*

Научная и практическая значимость. *Выступая за дальнейшее развитие межотраслевого направления — юридического литературоведения, автор полагает, что исследование творчества через биографию и значимых «правовых» событий в жизни и творчестве Поэта, помимо соприкосновения с великой русской культурой, позволяет расширить знания в области истории отечественной криминологии и девиантологии, русского права в целом, а также истории русской литературы.*

Ключевые слова: *юридическое литературоведение, А. С. Пушкин, гетеристы, «Кавказский пленник», «Братья разбойники», П. Манега, М. Орлов, И. Липранди, И. Инзов, В. Раевский, свобода, закон, право.*

Как подсчитано пушкинистами, за годы ссылки в Бессарабии Пушкин создал более 200 поэтических и прозаических произведений, среди которых «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», начат роман «Евгений Онегин». Бессарабия — первая ссылка-командировка Пушкина. Благодаря заступничеству Карамзина Пушкин отправляется переводчиком Коллегии иностранных дел со срочной депешей для генерал-лейтенанта Ивана Никитича Инзова (1786–1845), наместника Бессарабской области, председателя Комитета об иностранных поселенцах южного края России (а с июля 1822 г. еще и новороссийского генерал-губернатора). Уже 5 мая 1820 г. Поэту был вручен паспорт, а на следующий день он уже был в Екатеринославе. Беспутная шумная жизнь Петербурга казалась далекой и невозвратной. «Служебная командировка» затянулась на годы и обернулась тайными гонениями, притеснениями, фактическим бесправным положением Пушкина и ярким взлетом пушкинского гения. «Древнюю» столицу он увидел лишь в первых числах сентября 1826 г. при императоре Николае, а Петербург — еще позже. Шесть лет и четыре месяца продолжались ссылки Пушкина: Южная и в Михайловское [1].

Прибытию Пушкина в Бессарабию предшествовало длительное приятное путешествие в компании многочисленной семьи героя Отечественной войны, генерала от кавалерии Н. Н. Раевского (1771–1829) на Кавказские Минеральные Воды, а затем, через Приазовье, включая Мариуполь, в Крым. Александр Сергеевич прибыл в Кишинев 21 сентября 1820 г. в пору разгоравшейся много-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-322-328

цветным костром молдавской осени. С выездами в Каменку, Киев, Тульчин и Одессу Пушкин пробыл в Молдавии до лета 1823 г. (в 1824 г. Поэт совершит еще две поездки в Бессарабию).

Многое из созданного Поэтом в той или иной мере связано именно с Молдавией. Только через призму всего случившегося в жизни Поэта в этот период можно исследовать «Кавказского пленника», «Братьев разбойников», «Бахчисарайский фонтан», «Цыган», «Повести Белкина», главы «Евгения Онегина». Время пребывания Пушкина в Молдавии было достаточно трудным, но по-своему счастливым: восторженным оптимизмом сквозит «молдавская тема» в его письме в Кишинев 25 декабря 1830 г. верному другу, отставному майору Алексееву Н. С. (1788–1854). Поэт называет Бессарабию «краем благословенным». События, связанные с ней, он вспоминал и перед смертью. [2].

2. Именно «бессарабский» период жизни сформировал мощное гуманистическое (и шире — либеральное) начало в творчестве Поэта. И этому способствовали несколько обстоятельств и причин, «соединившихся» в одном месте и времени.

Во-первых, именно в период нахождения Пушкина в Бессарабии произошел мощный подъем антифеодальных и национально-освободительных движений в Европе и Америке. Активизировалась борьба за независимость Мексики, Бразилии и других стран.

Именно в Бессарабии в 1820 г. находился центр подготовки греческого восстания. Пушкин становится свидетелем активной деятельности греческих тайных обществ в Кишиневе, со многими из их лидеров был лично знаком, включая Александра Ипсиланти (1792–1838), участника Отечественной войны, генерал-майора русской армии и главу гетерии (движения за освобождения Греции от турецкого ига). Ипсиланти, офицер безудержной храбрости, многократно упоминается Поэтом в «Выстреле», «Кирджали», «Езерском» и других произведениях. При Пушкине разворачивается типография, где печатаются воззвания о восстании, идет сбор денежных средств и оружия. Пушкин с восхищением наблюдает за действиями вождя гетеристов Ипсиланти, завидует его судьбе. Он также в курсе национально-освободительного движения Валахии под руководством Тудора Владимиреску. В те годы в полной мере проявилась промонархическая сущность Священного Союза, возглавляемого императором Александром I. Россия в силу различных причин не протянет руку помощи истекающей кровью гетерии. Жестоким образом будут подавлены восстания в Италии и Испании.

Так случилось, что именно Юг России (Бессарабия) в годы бессарабской ссылки стал «местом встречи» многих ярких и оппозиционно настроенных будущих декабристов: командира 16 пехотной дивизии генерал-майора М. Ф. Орлова (1788–1842), военного разведчика И. П. Липранди (1790–1880) *(через много лет будет документально установлено, что талантливый разведчик одновременно был и результативным тайным сыскным агентом правительства, правда, у исследователей нет единого мнения, когда это произошло — до 1825 г., в период дружбы с Пушкиным или много позднее. — К.Х.)*; подполковника П. И. Пестеля (1793–1826), также выполнявшего важные разведывательные миссии на юге страны, майора В. Ф. Раевского и других. Раевский и Липранди состояли с Поэтом в приятельских отношениях, к богатой личной библиотеке последнего Пушкин многократно обращался. «Благодаря» такому окружению Поэта, его острословию и смелым речам, командир 6 корпуса, в который входила дивизия генерала Орлова, генерал-лейтенант И. В. Сабанеев (1770–1829) позднее причислил Пушкина, с которым познакомился лично, к «кишиневской шайке». В то же время в январе 1821 г. в Москве состоялся съезд Союза благоденствия. Уже в марте Пестель сформировал Южное общество и возглавил его, взяв курс на цареубийство. Пушкин не был посвящен в детали встреч заговорщиков, но при этом он был непременным участником многих этих встреч, не раз встречался и беседовал с самим Пестелем, был в тесных отношениях со многими членами Кишиневской управы. В марте генерал Бенкендорф вручил императору Александру «Записку от тайных обществах в России с 1814 г.» с фамилиями и подробностями того, что обсуждалось на съезде в Москве [3].

Пушкин был невольным свидетелем преступлений политического характера 1820–1822 гг. — восстания Камчатского пехотного полка в декабре 1821 г. и следствия, проводимого Липранди, расследования генерала Сабанеева в отношении майора Раевского. Ему были хорошо известны приказы генерала Орлова по 16-й пехотной дивизии, направленные на пресечение самоуправства по отношению к нижним чинам, и наказание виновных офицеров. Поэт, будучи внимательным наблюдателем этих событий, очевидно, умозрительно не раз обращался к полученным в Лицее знаниям в области уголовного закона и судоустройства.

В Кишиневе Пушкин вступил в члены масонской ложи «Овидий», во главе которой сто-

ял его хороший знакомый бригадный командир 16-й пехотной дивизии генерал-майор П. С. Пущин (1789–1865). В ложе состояли многие члены Кишиневской управы (майор В. Ф. Раевский, капитан К. А. Охотников, полковник А. Г. Непенин). Пушкин состоял членом ложи с 7 июля по 9 декабря 1821 г. Как известно, масонские ложи в России в начале 20-х гг. позапрошлого века являлись центрами вольнодумства и антиправительственного фрондерства, распространения идеалов Великой французской революции и в итоге были запрещены царем. Пушкин был принят в масоны сразу, без испытательного срока. Секрет такого решения, по-видимому, в следующем: необходимый срок испытания Поэт прошел еще в 1818 г., когда был рекомендован в петербургскую ложу «Трех Добродетелей», основанную в 1816 г. Пестелем, Трубецким и Шаховским. Но тогда Пушкин так и не надел ритуального фартука и перчаток [4].

Также немаловажное значение имел геополитический фактор и особенность государственно-правового статуса Бессарабии в составе Империи после заключения Бухарестского мирного договора 1812 г. С начала XVI в. и по 1812 г. Кишинев находился под турецким игом. С присоединением к России стали интенсивно развиваться все сферы жизнедеятельности края, из Петербурга шла финансовая и иная помощь, в регион направлялись лучшие специалисты различных сфер деятельности. «Налоги здесь не суть значительны, но злоупотребление откупщиков и притеснение со стороны невежествующих бояр ощутительны, приводят в ослаблению всей пружины здешней промышленности и труда. Природные жители Молдавии все без изъятия свободны и пользуются почти теми же правами, коими пользовались некогда поселяне русские» [5].

В Бессарабии господствовала необычная для «остальной» России политическая атмосфера, вызванная и особым статусом правления региона. Во главе области стоял Верховный Совет, который непосредственно подчинялся императору и Государственному Совету. Вопросы в Верховном Совете решались большинством голосов его членов. Пушкин был хорошо знаком со многими из них, древними боярскими родами, перешедшими в российское дворянство. Перед Пушкиным разворачивалась и законотворческая деятельность в присоединенной области: была необходимость принять законы, понятные для русских чиновников и судей. Для этих законодательных целей была сформирована при наместнике специальная комиссия.

Благодаря всем названным обстоятельствам период пребывания в Бессарабии стал временем стремительного гражданского и духовного роста Поэта, возмужания Пушкина, завершения формирования его гражданской личности. Сформированные творческие и жизненные принципы, которые явились следствием высочайшего поэтического труда и глубоких раздумий о своем предназначении, Пушкин пронес через всю жизнь.

3. В Кишиневе быстро формируется новый близкий круг знакомых, и первый среди них уже упомянутый подполковник И. П. Липранди, «Дневник и воспоминания» которого — один из важнейших источников сведений о Пушкине, наряду с «Записками» Ф. Ф. Вигеля, чиновника Коллегии иностранных дел, близкого к литературным кругам, многолетнего знакомого Поэта, и «Дневника В. П. Горчакова», ближайшего друга и ценителя творчества Пушкина кишиневского периода [6]. Пушкин много общался в среде грекорумынской аристократии Кишинева, в то время типичного восточного городка. В сентябре 1821 г. «читающее общество» (в том числе и Поэт) живо обсуждают «ожидание революций» в Европе. Тогда же Пушкин получает от своего товарища П. Вяземского «первый гостинец» — перевод июльского выступления императора Александра I в польском Сейме. Осенью Пушкин часто посещает квартиры многих офицеров Генерального штаба, пирует с ними на балах и вечерах в домах молдавских бояр. Не «забыта» и известная «привычка» молодого Пушкина: оскорбления своей личности «удовлетворять» исключительно на дуэли. Их, как и в петербургский период жизни, пугающе много. Нередко это происходит на фоне карточных баталий, на балах и званых обедах, зачастую среди поводов к удовлетворению — реальное или мнимое соперничество за сердце очередной красавицы. К счастью, все они разрешаются или мирно, или бескровно. Из «Воспоминаний» Липранди: «*Знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до исступления, но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей значимости, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лед*».

Ноябрь 1820 г. Из «Записки командиру бригады 16 пехотной дивизии генерал-майору и кавалеру Волховскому» от командира дивизии генерала Орлова: «*При первом объезде моем дивизии заметил, что во многих полках употребляемы были слишком строгие наказания. Я обещал торжественно нижним чинам, что введу новую дисциплину и буду пек-*

тись о их благосостоянии ... прошу убедительно ваше превосходительство строго смотреть за исполнением приложенных к всему инструкций ...». Так, из Инструкции для полковых командиров № 791 следует строгий запрет на телесные наказания и «терзание солдат». Генерал Орлов издал приказ, направленный на полное искоренение побегов из вверенной ему пехотной дивизии, содержащий 14 пунктов, направленных на пресечение и предупреждение произвола и беззакония в отношении военнослужащих — нижних чинов. Решительный в вопросах искоренения злоупотреблений, Орлов не остановился на этом: ему потребовалась книга итальянского поэта-сатирика Касти Джан Батиста «Говорящие животные», содержащая острую сатиру на общество и образ правления, которая должна быть в казарме. Книгу ему обещал привезти Пушкин, но каким-то причинам не смог [7].

В марте 1821 г. в Кишинев пришли известия о греческом восстании. Ипсиланти обратился к жителям с новой прокламацией «Не нарушать порядок, поддерживать борьбу за освобождение из-под гнета Порты». Из «Воспоминаний Горчакова»: «*Призывы Ипсиланти и движение греков нисколько не воспламенили Пушкина, и в начале ни один из поэтических его звуков не был посвящен делу греков; может быть потому, что первоначальные действия самого Ипсиланти, несмотря на всю важность неожиданных последствий, не имели в себе ничего уважительного ... в Яссах и в окрестностях он предался вполне обычным веселостям, окружил себя одним блеском власти, не утвердив ее силы*» [8]. Пушкин негодует по поводу того, что дело освобождения Греции находится в недостойных руках, резко отрицательно отзывается о греках, с которыми познакомился на юге.

В апреле 1821 г. граф Каподистрия направил в Кишинев письмо к генералу Инзову с запросом о поведении Пушкина: «*Не имея никаких известий о его службе и поведении желательно, особенно в нынешних обстоятельствах, искренне узнать суждение Вашей милостивый государь мой, о сем юноше. Повинуется ли он теперь внушению от природы доброго сердца или порывом необузданного вредного воображения*». Добрый Инзов 28 апреля подготовил и отправил графу Каподистрии следующий крайне благожелательный ответ о поведении Пушкина в Кишиневе: «*Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия всех делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов и тем, равно с другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности... в разговорах своих со мною обнаруживает иногда политически политические мысли. Но я уверен, что лета и время образумят его, всем случаем и опытом заставит признать необоснованность умозаключений, посеянных чтением вредных сочинений и принятыми правилами нынешнего столетия*» [9].

4. Пушкин на протяжении длительного времени жил в гостеприимном кишиневском доме генерала Инзова, по приглашению последнего, будучи непременным участником обедов и встреч с многочисленными знакомыми генерала: чиновниками, военными, другими гостями Бессарабии. Там он познакомился с талантливым юристом Петром Манегой. Доктор права, грек родом из Бухареста, выпускник парижской юридической школы Петр Васильевич Манега (1782–1841) приехал в Кишинев в январе 1821 (1820?) г. Генерал Инзов обратился к управляющему Коллегией иностранных дел графу Каподистрии с просьбой «разрешить употребить его обозначенной комиссии с пользой для здешнего края». Французский юрист не владел русским языком. Пушкин в свою очередь владел французским языком в совершенстве (вспомним его лицейское прозвище «Француз»). Генералом Инзовым к переводам с французского будет решено привлечь Пушкина. Как раз в это время в Кишиневе в канцелярии русского наместника работала Комиссия по составлению Уложения (свода законов) для недавно присоединенной к России Бессарабии. Собственно комиссия была образована еще в 1817 г. по инициативе графа Каподистрии, который получил это дело генералу Бахметьеву — предшественнику Инзова на посту наместника. Однако именно в 1820 г. деятельность Комиссии заметно активизировалась в связи с тем, что в ее состав вошел деятельный Манега. Он энергично взялся за сочинение проекта «Гражданского уложения для Бессарабской области в нескольких частях», закончив его в течение года. Уже в ответном письме Каподистрии от 31 января 1821 г. Инзов хвалит Манегу за трудолюбие и возлагает некоторую надежду на эту новую рабочую силу «*в дотоле мало успешном деле составления свода законов для Бессарабии*». В результате в 1827 го. Свод Бессарабских законов был напечатан на французском и русском языках в Кишиневской духовной типографии. До настоящего времени в архивах не обнаружены письменные следы работы Пушкина как переводчика Коллегии иностранных дел над проектом Уложения (по-видимому, с французского на русский язык, к тому же имевшего базовую лицейскую юридическую подготовку и разби-

равшегося в основных терминах права). Однако лучшее свидетельство тому — признание самого Пушкина, который в письме от 27 июля 1821 г. к брату Льву шутливо сетует на большую свою погруженность в общение с *конституционными друзьями* (по мнению ряда пушкинистов, членами комиссии по составлению законов) и в связи с этим — на отсутствие должной практики в письменном русском языке, попросив писать ему письма на русском языке. Как представляется, Петр Манега являлся одним из этих «конституционных друзей» из процитированного письма. Как и другие члены комиссии, он не знал русского языка, что заставляло их сначала писать Уложение на молдавском языке, а в последующих работах прибегать к французскому [10]. А еще раньше — в октябре в 1821 г. в Кишиневе на русском болгарских языках издана «Инструкция об обязанностях сельских приказов с пояснениями порядка как должны управляться и наблюдая за поселянами своей деревни, чего от них требовать, с сим вместе изложенной для жителей правилах как вести себя и чего придерживаться для достижения благоустройства и покойной жизни». Инструкция состояла из шестнадцати статей, разбитых на параграфы, в числе которых «обязанности поселян о разборе дел между поселянами и запрещений самоуправлений», «о искоренении бродяжничества и отлучек без письменных видов», «как получить письменные виды о долгах и долговых расчетах» и др. Предположительно, что эту Инструкцию также разработал по поручению наместника Инзова доктор права Манега, а перевел ее (с французского на русский язык) Пушкин.

Возникает также вопрос о том, что имелось в виду в письме Инзова Каподистрии под понятием «молдавские законы». Ответ на него есть в работе профессора Л.А. Кассо «Византийское право в Бессарабии» (Москва, 1907), который констатирует, что к источникам молдавского права относились местные законы и обычаи, а также юридические сборники, юридические руководства на греческом языке, в рукописном виде распространявшиеся через судей. Главным и наиболее известным из них является «Шестикнижие» Константина Арменопула, которое, возможно, переводил Пушкин. Написанный фессалоникским судьей в 1345 г., оно мыслилось автором как практическое руководство судьям, объединяющее в одном томе весь необходимый материал, расположенный в шести книгах применительно к гражданскому, брачному, семейному, наследственному и уголовному праву. Этот компилятивный Сборник снискал широкую популярность на протяжении многих веков, особенно на Балканах, в частности в Греции, где после провозглашения независимости даже был принят в качестве официального законодательства. Труд Арменопула, будучи составленным из целого ряда ранних византийских юридических памятников (Прохирона, Эпанагоги, Василик и др.), имел ряд достоинств (четкая систематизация правового материала, изложение правовых норм, свободных от риторики и т.д.). Получивший распространение в Молдавии греческий язык, на котором составлено «Шестикнижие», становился чуть ли не официальным языком. Существовал и молдавский рукописный вариант Арменопула, но не было ни французского, ни русского вариантов, поэтому, если Пушкин переводил именно эту работу, то только с того рукописного французского текста, который готовил для него Петр Манега или иной член Комиссии, используя в качестве оригинала греческий текст. Перевод памятника на русский язык отнюдь не был пустым занятием: в тексте остро нуждались назначаемые в Бессарабию русские судьи, которые не могли руководствоваться молдавским или греческим законом. Трудно определенно сказать, как далеко продвинулся Пушкин в этих переводах. Тем не менее работа по переводу на русский язык продолжалась и после Бессарабской командировки. В 1831 г. русское издание памятника было напечатано в типографии Сената. Кто в итоге стал автором (или авторами) перевода — достоверно неизвестно (проф. Кассо предполагает, что им был образованный Тодор Балш, один из приближенных молдавского господаря, что также «связывает» нас с именем Пушкина: как известно, Поэт приятельствовал в Кишиневе с семьей этого боярина из Ясс.) [11].

В осенью 1821 г. Пушкин в доме М.Ф. Орлова явился свидетелем и активным участником споров при обсуждении теории «вечного мира» аббата Сен-Пьера, оставив конспективные заметки на этот счет «Не может быть, чтобы людям...» (на франц. языке). Они представляют несомненный интерес с точки зрения философского и юридического миропонимания Поэта — замечательного гуманиста уже в молдавский период жизни. Пушкин фиксирует следующие выводы (рубрикация моя. — К.Х.): (1) о жестокости войны, сравнимое с сущностью рабства и царской власти... *«наше предназначение — есть, жить и быть свободными»*; (2) о необходимости «уменьшения войск в государстве» («принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее»);

(3) необходимость жесткого запрета и суровых наказаний («гильотина») в рамках законов — «для великих страстей и великих военных талантов», то есть для «поджигателей» войны [12].

В ноябре 1821 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант князь П. М. Волконский (1776–1852) потребовал от генерала Инзова донести императору о масонских ложах в Бессарабии и «*касательно господина Пушкина также донести его императорскому величеству — в чем состоят и состояли его занятия со времени определения его к Вам, как он вел себя и почему не обратили Вы внимание на занятия его по масонским ложам*». 1 декабря генерал Инзов направляет в Петербург ответное письмо генералу Волконскому, в котором детально отвечает на все поставленные вопросы, в том числе и о Пушкине: «*Господин Пушкин состоящий при мне, ведет себе изрядно, я занимаю его письменной корреспонденцией на французском языке и переводами с русского на французский ибо по малой его опытности в делах не могу доверять ему иных бумаг относительно; занятия его по масонской ложе, то по не открытию таковой, не может быть оным, хотя бы и желание его к тому было*» [13].

В декабре 1821 г. командир дивизии генерал-майор Орлов, инспектируя батальон Охотского пехотного полка и найдя в нем многочисленные беспорядки и жалобы на состояние дисциплины, поручил подполковнику Липранди произвести тщательное расследование, в том числе провести следствие в 31 и 32 Егерских полках, где произошли беспорядки и расположенных вне главной квартиры дивизии, на юге края — в Измаиле и Аккермане. По настойчивой просьбе Пушкина, Орлов разрешает ему поехать с Липранди.

Бендеры занимали Пушкина во многих отношениях, не в последнюю — поиском следов могилы гетмана И. Мазепы. Однако их с Липранди поездка оказалось омрачена криминальными происшествиями: егерский капитан Сазанович связался с сектой скопцов, сделавшись ее ярым последователем, вовлек туда же юнкера и нескольких солдат (до 30) своей роты; другой правонарушитель капитан Борозна в Бендерах вовлек в гомосексуальное поведение своих подчиненных по роте. Оба офицера были осуждены (Пушкин невольно «обессмертил» содомита в известной эпиграмме про «капитана Борозну»). Пушкин был свидетелем и, по всей видимости, участником проведенного расследования, помогая приятелю. Вечером 23 декабря Липранди подал рапорт генералу Орлову о произведенном им следствии, обратив в нем особое внимания на 31 Егерский полк.

В январе 1822 г. по решению командующего Второй армии графа Витгенштейна генерал-майор М. Ф. Орлов был отстранен от командования 16-й пехотной дивизии; 8 января был датирован последний приказ генерала Орлова по дивизии, подводивший итог расследованию злоупотреблений, вскрытых в Охотском полку, «*виновные офицеры были освобождены от командования и трое представлены к военному суду и арестованы на гауптвахте*», большая группа офицеров было привлечена к дисциплинарной ответственности.

В том же месяце близкий приятель Пушкина В. Ф. Раевский работал над статьями «Записка о солдате» и «Рассуждение о рабстве крестьян». В первой статье есть строчки: «*Первое зло, которое вкралось в русскую армию, есть несоразмерные жестокие наказания, которые употребляют офицеры для усовершенствования солдат*». В «Рассуждении о рабстве крестьян» читаем: «*Александр I в своей речи полякам обещал дать конституцию народу русскому, он медлит, и миллионы скрывают свою отчаяние до первой искры. Дворянство русское, погрязшее в роскоши, разврате, бездействии, самовластье, не требует перемен, ибо с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами*» [14]. Александр Пушкин стал невольным свидетелем разговора генералов Инзова и Сабанеева (приехавшего в Кишинев лично расследовать причины, «возродившие истории Охотскую и Камчатскую», то есть расследовать случаи неподчинения низших чинов офицерам при жестокостях, ими проявляемых). Сабанеев заявляет о своем намерении немедленно арестовать Раевского. Поэт вовремя предупреждает товарища о нависшей угрозе, тот успевает сжечь компрометирующие его бумаги. Раевский был арестован. Генерал Сабанеев «в отместку» отставленному Орлову учинил в Кишиневе казнь: засекли солдат Охотского полка, которые ранее пожаловались своему комдиву-генералу на капитана, нещадно издевавшегося над ротой. Очевидно, что Пушкин был свидетелем тех событий.

В апреле 1822 г. другой близкий товарищ Поэта — генерал П. С. Пущин отправлен в отставку. Одновременно приходит и другое несчастье: Пущин объявил себя банкротом, его пожитки распроданы за бесценок. Несмотря на серьезные неприятности среди ближнего круга друзей (Орлов, Пущин, Раевский), Пушкин ведет прежнюю вольную жизнь, спорит с Инзовым «за новые порядки и нравственность», публично ругает правительство... В Москве в мае 1822 г. С. И. Тургенев записывает в дневнике после разговора с Липран-

ди: *«Об Александре Пушкине он сказывал, что он ведет жизнь беспутную, бродит по кабакам, делает долги и весь в рубище. Однако же притом и пишет стихи, и даже трудится над ними»* [15].

В сентябре-октябре Александр обращается к младшему брату с письмом, в котором затрагиваются важные для него нравственные проблемы. Старший брат рекомендует Льву поступить на военную службу, но не в гвардию, а в полк, например корпуса генерала Раевского. Пушкин дает советы о поведении в общении с людьми, предостерегает от излишней эмоциональности и расположенности к ним, от фамильярности и услужливости, от одолжений и покровительства, от обольщений дружбы и любви. Советует не забывать никому умышленной обиды, не скрывать лишений и не делать долгов, лучше терпеть нужду [16]. Ноябрь-декабрь 1822 г. — не проясненные до сих пор события из жизни и местопребывания Пушкина. Имеются догадки о возможном его выезде в Каменку и Киев.

Наступил 1823 г., а 22 мая получен судьбоносной во всех смыслах для Александра Пушкина рескрипт императора об освобождении генерала Инзова от исполнения обязанностей полномочного наместника Бессарабской области с оставлением в его управлении колониями южного края России и о назначении графа М. С. Воронцова новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабии. Уже 1 июня А. И. Тургенев пишет П. Вяземскому в Москву: «*Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться*» [17].

Тем временем широкая слава Пушкина как первого Поэта России, автора «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Братьев разбойников», уже живет своей жизнью. 2 июля 1823 г. Пушкин выехал из Кишинева в Одессу на морские ванны. Он быстро входит в светскую жизнь города, посещает театральные постановки. А 22 июля представители всех сословий представлялись графу Воронцову, в том числе и Пушкин, как чиновник канцелярии Инзова. Граф объявил ему, что он переходит под его начальство.

ЮБИЛЕИ

ПРАКТИЧЕСКАЯ, НАУЧНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Ф. ЩЕРБАКОВА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Кузнецов Александр Павлович

Цель: *доведение до российской и зарубежной научной общественности, широкого круга читателей полученных научных результатов в области реализации государственной политики противодействия служебно-экономической преступности, ее доктринальная оценка в творчестве доктора юридических наук, профессора Владимира Филипповича Щербакова.*

Методология: *методологическую основу исследования составил широко используемый и оправдавший себя в социально-гуманитарных науках диалектико-материалистический метод, позволивший рассмотреть процессы общественной жизни (в том числе уголовное право, криминологию, уголовно-исполнительное право и оперативно-розыскную деятельность) в динамике, в сложившейся исторический период во взаимодействии с другими явлениями, включая историко-правовой метод, позволивший исследовать государственную политику противодействия служебно-экономическим преступлениям в их историческом развитии, то есть воспроизвести ее в многообразии, многоаспектности, с учетом всех факторов, вызванных конкретной исторической обстановкой. Его применение позволило уяснить социально-экономическую и политико-правовую обстановку в стране, оказать влияние на реализацию государственной политики в области противодействия служебно-экономической преступности.*

Выводы. *С именем Владимира Филипповича Щербакова, доктора юридических наук, профессора, генерал-полковника милиции в отставке, члена Российской академии юридических наук, члена Союза криминалистов и криминологов, человека, посвятившего себя правоохранительной, государственной, научной и общественной деятельности, связано с его личным вкладом в укрепление законности и правопорядка, беззаветным служением государству и народу.*

Научно-практическая значимость *заключается в том, что В. Ф. Щербаков обогатил науки криминального цикла новыми идеями, внес значительный вклад в их исследование, доказал, что социальный смысл правового обеспечения защиты экономических интересов граждан, общества и государства от различных преступных посягательств, исходящих как из вне, так и изнутри, при наличии разработанного теоретико-методологического инструментария, будут востребованы правоприменителем в процессе практической деятельности.*

Ключевые слова: *противодействие экономической преступности, оперативная деятельность, парламентская работа, научное творчество, государственное противодействие преступности, законность, правопорядок, предупреждение преступности.*

1 января 2025 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Владимира Филипповича Щербакова, доктора юридических наук, профессора, генерал-полковника полиции в отставке. В многочисленных поздравлениях, поступивших в адрес юбиляра от законодательных, исполнительных и судебных органов, предприятий, учреждений страны, коллег по службе, отмечались его заслуги перед государством. Обладая богатым профессиональным опытом и научно-практическими знаниями, высокой культурой, эрудицией, неординарностью мышления, настойчивостью в достижении постав-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-4-392-329-337

ленных целей, активной жизненной позицией, чутким и внимательным отношением к людям, Владимир Филиппович Щербаков пользуется уважением и авторитетом у населения.

История семьи Владимира Филипповича Щербакова, как по отцовской, так и по материнской линии, уходит в далекое прошлое: два столетия назад родные Владимира Филипповича жили в большом селе под названием Щербаки в Воронежской области. В этом селе все жители получили фамилию Щербаковы, поэтому и у отца, и у матери одна и та же фамилия. Начавшееся в конце XIX в. в России массовое переселение крестьянских семей из центральной части страны в Сибирь коснулось и пяти семей Щербаковых. Из государственной казны им были выделены деньги на покупку телеги и лошади, и они отправились в дальнюю дорогу осваивать свободные земли в суровом сибирском крае. Трудный путь по бескрайним сибирским просторам завершился остановкой на берегу реки Иртыш. Здесь, в необжитом краю, они решили обосноваться: вырыли землянки, стали отвоевывать у природы землю — начались изнурительные суровые крестьянские будни. Так на карте сегодняшней Омской области в 1896 г. появилась сибирская деревня Борисовка. К 1941 г. в ней уже насчитывалось более 100 дворов. Великая Отечественная война не обошла стороной и род Щербаковых: все взрослые мужчины ушли на фронт: одни в составе сформированных знаменитых сибирских дивизий воевали под Москвой, а другие, в силу объективных обстоятельств, работали в тылу — летом пахали, сеяли и убирали зерновые и овощные культуры, зимой занимались охотой, делали все для фронта, для победы.

Свои детские и юношеские воспоминания Владимир Филиппович связывает с семьей и школой. Его мать, Анна Прокопьевна, работала в колхозе птичницей, дояркой, была большой труженицей, трудилась там, где требовались ее неуставаемые умелые руки. А когда она была признана лучшей дояркой и добилась высоких надоев молока от каждой коровы, в ее честь передали песни по радио на районном празднике тружеников села. Чувству гордости и радости Володи в то время не было предела. Он также гордился своим отцом, Филиппом Федоровичем, который трудился в колхозе на различных должностях: исполнял обязанности учетчика, бухгалтера, бригадира, управляющего. Обладая крестьянской смекалкой, незаурядными способностями, умением найти подход к людям, ладить с ними, он мог организовать их на выполнение любой крестьянской работы: был строг, но справедлив, за что его и любили односельчане. Своих детей (три сына и дочь) воспитывал в строгости, уважении и почитании старших, прививал любовь к труду и тягу к знаниям.

Володя среди своих сверстников считался главным заводилой, по его первому кличу сельская ребятня отправлялись в лес собирать грибы и ягоды, ходили рыбачить на озеро или реку Иртыш. Такие поступки и действия Володи свидетельствовали о том, что у него уже в то время проявлялись задатки руководителя, организатора. Подросток отличался от своих сверстников смелостью, это выделяло его среди них. Он умел постоять за себя, защитить обиженного. Будучи от природы ловким, в возникшей ссоре мог заступиться за младшего, отстоять свою правоту. За это его ценили и уважали сверстники, видели в нем настоящего товарища и друга, готового пойти ради них на все: и в огонь, и в воду. В школьные каникулы работал наравне со взрослыми в колхозе: заготавливал корма, участвовал в жатве, помогал собирать урожай.

В школе, по словам первой учительницы Марии Ильиничны Крайновой, Володя учился прилежно, отличался усидчивостью, был заводилой и организатором всех школьных дел, проявлял трудолюбие и упорство. В старших классах много читал, особенно ему нравилась русская советская литература: писатели Лев Толстой, Иван Тургенев, Федор Достоевский, Максим Горький, Михаил Шолохов. Произведения последнего «Тихий Дон» и «Поднятая целина» перечитывал неоднократно. С большим удовольствием читал стихи отечественных поэтов и декларировал их на уроках и школьных читательских конференциях.

Выписка из характеристики ученика 10 «А» класса Береговской средней школы*: «За время обучения в школе проявил себя любознательным, инициативным, усидчивым и трудолюбивым учеником, имеющим склонность к изучению как гуманитарных, так и естественно-научных предметов. Учился на «хорошо» и «отлично», был старостой класса, активно участвовал в проведении различных спортивных и творческих мероприятий школы, района, много и с удовольствием читал художественную литературу, умел грамотно изложить прочитанное, писал стихи, увлекался футболом, баскетболом, волейболом, посещал секции борьбы и бокса»*.

После окончания школы, следуя своей мечте, по совету дяди, Анатолия Прокопьевича Щербакова, поступил в Омское летно-техническое училище гражданской авиации на факультет радиооборудования летательных аппаратов, в котором проходил обучение с сентября 1972 г. по март 1975 г. Приобретенные в семье навыки к труду

и полученные в школе знания, хорошая физическая подготовка способствовали его успешной учебе в данном учебном заведении.

Выписка из служебной характеристики на выпускника Омского летно-технического училища гражданской авиации: *«За период обучения в училище по специальности "техническая эксплуатация радиооборудования самолетов" с сентября 1972 года по март 1975 года зарекомендовал себя способным курсантом, к изучению программного материала относился добросовестно, технические и практические курсы обучения прошел полностью. Активно участвовал в общественной жизни подразделения, занимался спортом, выполнял обязанности физорга учебной группы, избирался комсоргом. По характеру энергичный, настойчивый, деятельный, в общении выдержан, во взаимоотношении со старшими вежлив, пользуется уважением и авторитетом у товарищей»*.

После окончания училища Владимиру Щербакову было присвоено первичное офицерское звание младшего лейтенанта технической службы. Пройдя полугодовую стажировку в Магаданской области, сдал государственные экзамены и, защитив диплом на «отлично», приступил к работе в качестве автомеханика Шмидтовского объединения авиаотряда Магаданского управления.

Романтика жизни на Крайнем Севере, ее новые суровые условия, северное сияние не только впечатлили молодого специалиста, но и закалили его характер. Однако объективное обстоятельство — сообщение о тяжелой болезни матери — заставило его в ноябре 1975 г. срочно вернуться домой и поступить на работу электромонтером на Омском заводе имени Октябрьской Революции, известном своими трудовыми традициями.

За год работы Владимир успел искренне полюбить завод, ставший для него вторым домом, почувствовать силу рабочего коллектива, с которым ему вскоре пришлось расстаться. В 1976 г. комсомольская организация отдела главного метролога завода рекомендовала Владимира Филипповича как передовика производства и активного комсомольца для поступления на учебу в Горьковскую высшую школу МВД СССР, где готовили специалистов в области обеспечения охраны экономической безопасности (ОБХСС).

Выписка из производственно-комсомольской характеристики на электромонтера завода Октябрьской Революции В. Ф. Щербакова: *«В. Ф. Щербаков работал в отделе главного металлурга с ноября 1975 года по декабрь 1976 года и зарекомендовал себя квалифицированным, знающим и исполнительным, дисциплинированным работником, требовательным к себе и товарищам; принимает активное участие в общественной и комсомольской жизни отдела, регулярно посещает занятия в сети политпросвещения, является членом заводского оперативного комсомольского отряда; неоднократно участвовал в соревнованиях на первенство завода по лыжам, имеет первый спортивный разряд по борьбе. Рекомендовать В. Ф. Щербакова для поступления в специальную школу милиции»*.

Горьковская высшая школа МВД СССР признавалась одним из ведущих вузов в системе МВД, она готовила специалистов-руководителей, обеспечивающих охрану общественного порядка, а ее профессорско-преподавательский состав считался лучшим, дающим глубокие теоретические и практические знания в области права. Так выбор профессии определил дальнейшую судьбу Владимира Филипповича Щербакова, связав его с милицейской службой.

Учеба в указанном заведении была интересной: Владимир Филиппович получал не только прочные теоретические знания, но и практические навыки, приобретал жизненный опыт, изучаемые предметы он не делил на важные и неважные, главные и второстепенные, понимал, что в дальнейшем ему понадобятся все знания. Во время учебы он усвоил для себя жизненный принцип — если поставленная задача подчиненным не выполняется, надо искать причину не в подчиненном, а в себе, в своих действиях, понять правильно ли сформулирована задача, реально ли определены цели и сроки ее достижения, тому ли сотруднику поручено ее исполнение.

Учеба была непосредственно связана с прохождением практики, где закреплялись полученные теоретические знания в различных оперативных подразделениях системы МВД СССР.

Выписка из характеристики на слушателя 3 «А» курса Горьковской высшей школы МВД СССР Щербакова В. Ф.: *«Слушатель В. Ф. Щербаков проходил ознакомительную практику с 28 июня по 25 июля 1979 года в должности инспектора стажера ОБХСС УВД г. Харькова, в процессе которой полностью выполнил программу по лини борьбы с расхитителями и взяточниками в системе строительства и автотранспорта: лично принимал участие в документировании преступных связей конкретных лиц, составлял план оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, принимал участие в проведении дознания по уголовному делу. За указанное время В. Ф. Щербаков показал себя как добросовестный, требовательный, грамотный работник, хорошо ориентирующийся в обстановке и правильно принимающий решения, строго соблюдая при этом конфиденциальность и социалистическую законность. Воз-*

ложенные на него обязанности выполнял с желанием, активно принимал участие в общественной жизни коллектива и пользовался доверием и уважением у своих коллег. Результаты прохождения ознакомительной практики оцениваются "отлично "».

Выписка из характеристики на слушателя группы 4 «А» курсанта Горьковской высшей школы МВД СССР: *«За период с 24 марта по 18 апреля 1980 года проходил стажировку в должности инспектора второго отделения ОБХСС УВД г. Харькова, в процессе которой полностью выполнил программу по линии борьбы с хищениями в общественном питании и оптоворозничных комбинатах и кооптторга г. Харькова: лично принимал участие в документировании преступной деятельности работающих на объектах оперативного обеспечения, осуществлял сбор, обобщение и подготовку материалов по конкретным уголовным делам, составлял план оперативно-розыскных и следственных мероприятий, принимал правильные выверенные решения, исходя из складывающейся оперативной обстановки, соблюдая при этом требования конфиденциальности и социалистической законности. Результаты стажировки В. Ф. Щербакова оцениваются отлично: может быть использован в должности инспектора аппарата службы БХСС».*

Учеба в данном учебном заведении научила его премудростям жизни, убедила в правильности выбранного решения посвятить свою судьбу милицейской службе: милиция стала для него единственным органом, позволившим почувствовать себя защитником людей, прав граждан, человека, который не карает, а обеспечивает их безопасность. Сформулированный им в то время жизненный принцип «служу народу — служу закону» был определяющим во всех поступках и делах.

Выписка из аттестации на выпускника Горьковской высшей школы МВД СССР В. Ф. Щербакова: *«За время учебы в высшем учебном заведении показал себя с положительной стороны, с большим желанием относился к освоению теоретического курса программы обучения, показывая на экзаменах отличные и хорошие знания. С заданиями оперативно-тактических учений, практики и стажировки справлялся успешно, активно участвовал в общественной жизни курса, систематически принимал участие в различных спортивных мероприятиях, добросовестно выполнял обязанности в карауле и внутреннем наряде, в общежитии поддерживал образцовый порядок, проделал большую работу по оформлению наглядной агитации кабинетов различных кафедр. Выполнял обязанности лаборанта на общественных началах, занимался активной общественной работой, неоднократно поощрялся руководством курса, награждался денежной премией. Требования Присяги, уставов и распорядка дня знает и руководствуется ими, принимал активное участие в мероприятиях по охране общественного порядка в г. Горьком, физически подготовлен хорошо, в строевом отношении подтянут, форму одежды любит и соблюдает, личным оружием владеет уверенно, умеет хранить государственную и служебную тайну. По характеру уравновешен, общителен с товарищами, со старшими вежлив, в быту ведет себя правильно, морально устойчив, политически грамотен, может быть использован на практической работе в должности инспектора БХСС».*

В сентябре 1980 г. по завершении учебы в Горьковской высшей школе МВД СССР приступил к исполнению обязанностей в должности инспектора БХСС г. Омска. Теоретическая подготовка, полученная в процессе учебы и закрепленная в практической деятельности, позволили ему в кратчайший срок изучить особенности оперативно-обслуживаемых объектов, находящихся в районе, наладить деловые контакты с общественностью, в результате чего был выявлен ряд преступлений, связанных с хищением социалистической собственности и спекуляцией. Полученные положительные результаты в оперативно-служебной деятельности послужили для назначения его 25 сентября 1981 г. на должность инспектора БХСС Ленинского района г. Омска, а затем, с 1 октября 1981 г., на должность линейно-отраслевого отдела УБХСС. Занимаясь оперативно-розыскной деятельностью, уделял особое внимание профилактической работе по выявлению и пресечению хищений безхозяйственности и других правонарушений. За добросовестное исполнение служебного долга неоднократно поощрялся руководством органов внутренних дел. Все это послужило основанием о назначении его на вышестоящую должность — начальника отдела БХСС Советского РОВД г. Омска. Выполняя возложенные на него обязанности, В. Ф. Щербаков показал себя умелым руководителем: быстро изучил оперативную обстановку, конкретизировал задачи подчиненных по выявлению хищений социалистической собственности, правильно построил взаимоотношения с ними, уделил особое внимание повышению их профессионального уровня, установил причины и условия, способствующие совершению преступлений, повысил эффективность и качество работы подразделения, наладил деловые контакты с администрацией района и общественными организациями. Полученные им положительные результаты послужили основанием для награждения его нагрудным знаком «Отличник Советской милиции», а личные и деловые качества позволили руководству управления назначить

его на должность заместителя начальника отдела УБХСС УВД Омского облисполкома.

Проходя службу в указанной должности, он зарекомендовал себя принципиальным, умелым, грамотным руководителем: в результате правильной организации работы коллектива, используя передовые методы борьбы с преступностью, осуществляя постоянный контроль за подчиненными, за выполнением ими поставленных задач, активизировал деятельность по выявлению преступлений, связанных с хищением и спекуляцией, что позволило повысить результативность и эффективность профилактических мероприятий.

На всех этапах работы, от инспектора БХСС до начальника отдела БЭП УВД Омской области, В. Ф. Щербаков признавался инициативным, энергичным работником, возглавляемые им подразделения добивались высоких результатов в раскрытии преступлений экономической направленности, что послужило в дальнейшем основанием для его выдвижения на должность заместителя начальника ГУЭБ МВД России, а 19 октября 1996 г. он был представлен к присвоению специального звания высшего начальствующего состава «генерал-майор милиции».

Несмотря на высокие занимаемые должности в системе МВД России, с одной стороны, он оставался доступным и открытым для общения человеком, умеющим взаимодействовать с подчиненными, а с другой — был требовательным, взыскательным, принципиальным руководителем, проявляющим твердость и решимость в отстаивании своей точки зрения. Целеустремленность, высокий профессионализм, ответственность, умение оперативно организовать работу, налаживать контакт с различными слоями населения, структурами власти, энергичность и личная инициатива позволили руководимым им подразделениям добиваться высоких результатов в оперативно-служебной деятельности.

За период работы в центральном аппарате В. Ф. Щербаков с октября 1996 г. по май 1997 г. был направлен в командировку в район ликвидации последствий Осетино-Ингушского конфликта на территории Республики Северная Осетия — Алания — Республики Ингушетия для выполнения важнейшей государственной задачи. Используя накопленный опыт руководящей работы, проявил высокие профессиональные и деловые качества и организаторские способности; исходя из специфики сложившейся ситуации принимал правильные выверенные решения, за что был награжден именным оружием и ему был вручен нагрудный знак «Почетный сотрудник МВД».

В 1998 г. генерал-майор милиции В. Ф. Щербаков по ходатайству Министерства внутренних дел Российской Федерации постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики был назначен Министром внутренних дел Удмуртской Республики. Службу в органах внутренних дел в Удмуртии можно признать успешной: ему было присвоено звание «генерал-лейтенант милиции».

Выписка из аттестации на генерал-лейтенанта полиции В. Ф. Щербакова: *«Как руководитель, обладающий аналитическим складом ума, он с первых дней службы определил тактические и стратегические задачи, включая основные направления по повышению эффективности всех структурных подразделений от рядовых сотрудников до офицеров, что позволило придать новый импульс для улучшения работы, значительно усилить противодействие преступным элементам. Повышенная требовательность к личному составу сочеталась с планомерной работой по улучшению условий службы, решению бытовых проблем сотрудников.*

Благодаря природной коммуникабельности, нацеленности на положительный результат, он четко организовал работу своего ведомства, смог привлечь в свои союзники руководителей предприятий, глав администраций городов и районов республики.

Главным содержанием работы органов внутренних дел он определил: укрепление доверия населения к органам милиции через конкретные дела, развитие милиции общественной безопасности, участковых-инспекторов, поддержание ветеранского движения. Тесное, деловое сотрудничество с органами власти и органами местного самоуправления, применение на практике новых форм координации деятельности с ними позволили активизировать противодействие преступности, повысить ее эффективность и результативность. Богатый практический опыт, личная инициатива в полном объеме были использованы в работе по выявлению и пресечению организованных преступных формирований, в решении вопросов борьбы с терроризмом в рамках республиканской антитеррористической комиссии. Высокое служебное положение В. Ф. Щербакова не препятствовало общению с населением, он всегда был открыт для диалога, умел выслушать собеседника, когда было необходимо оказать им непосильную помощь советом и дело».

Три с половиной года службы в Удмуртии не прошли бесследно: Владимир Филиппович в полной мере реализовал себя, выполнил главную задачу, честно исполнил свой долг по защите прав и свобод человека и гражданина, всегда оставался верным принципу «служу закону — служу народу».

Высокая работоспособность, организаторский талант, проявленные в процессе службы

на различных должностях в органах внутренних дел послужили основанием для его дальнейшего выдвижения на руководящую должность. Жизнь и судьба человека в погонах, в том числе и В. Ф. Щербакова, не всегда зависит от его собственного желания. Отдан приказ — и его необходимо выполнять. Новым местом службы стал г. Нижний Новгород и высокая должность. 25 декабря 2005 г. Указом Президента Российской Федерации Владимир Филиппович Щербаков был назначен начальником вновь создаваемого Главного управления МВД России по Приволжскому федеральному округу.

Округ был образован в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 21 июня 2000 г. № 1149 «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» и включал в себя 15 субъектов Российской Федерации, в которых проживало более 32 миллионов человек, представляющих свыше 100 национальностей и народностей. Масштабность решаемых задач, складывающаяся криминальная ситуация не испугали В. Ф. Щербакова: организация и координация оперативно-разыскной деятельности, профессиональная подготовка кадров, материально-техническое обеспечение наряду с другими задачами стали первоочередными, воплотились в принцип его жизни — служить людям, быть полезным, нужным им.

Перед ним стояла одна из важнейших задач — укомплектовать штат сотрудников — единомышленников, способных качественно и результативно решать возникающие служебно-оперативные вопросы, то есть создать эффективно функционирующий орган по противодействию преступности.

Поставленная перед ним задача была в кратчайший срок реализована: проведены организационно-штатные и управленческие мероприятия, определены функциональные обязанности сотрудников исходя их двух основных направлений, включая координирующую и оперативную деятельность.

Координирующая деятельность сотрудников управления заключалась в организации планирования работы оперативных подразделений по противодействию преступным формированиям, повышению эффективности и результативности всех правоохранительных подразделений округа, усилению контроля за проводимыми ими оперативными и процессуальными мероприятиями.

В процессе реализации указанного направления им предписывалось: взять на особый контроль деятельность органов внутренних дел в республиках, областях по противодействию преступности; организовать работу по выявлению и пресечению преступлений в свободных экономических и таможенных зонах; обеспечить качественную работу на уровне республиканских, областных и краевых подразделений по преступлениям экономической направленности; совершенствовать механизм взаимодействия и координации деятельности между другими службами, правоохранительными и контролирующими органами, а также заинтересованными министерствами и ведомствами.

Оперативная деятельность непосредственно связана с реализацией основных направлений, определяемых Министерством внутренних дел Российской Федерации: по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений; сбору необходимой информации о криминогенной ситуации в экономике; проведению ее оценки и разработке на этой основе мер, позволяющих упреждать совершение готовящихся преступлений.

За время руководства Главным управлением сотрудниками были пресечены десятки межрегиональных преступных групп, занимающихся отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, поставкой наркотиков и оружия. Одним из показателей результативности работы Главного управления может служить деятельность созданных по его инициативе оперативных мобильных групп, позволивших ликвидировать преступные группы, совершающие разбойные нападения на дорогах на территории Нижегородской и Самарской областей. Четкая оперативная работа, проводимая в рамках созданных региональных специальных подразделений и временных групп по выявлению и пресечению дорожных разбоев, позволила стабилизировать оперативную обстановку в указанном регионе.

Наличие в зоне оперативного обеспечения двух автомобильных гигантов «ГАЗ» и «Автоваз», обширная сеть дилерских центров способствовали обострению криминогенной обстановки, привели к разделу сфер влияния, сопровождаясь заказными убийствами и масштабными хищениями с указанных предприятий. Правильно спланированные и реализованные организационно-управленческие и оперативно-разыскные мероприятия позволили не только пресечь деятельность указанных преступных групп, но и в конечном итоге оздоровить сложившуюся негативную ситуацию. Указанный и другие многочисленные примеры реализации полномочий по основным направлениям деятельности стали возможными не только в результате грамотного руководства управлением, но и его сотрудниками, добросовестно выполняющими свой служебный долг по

охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Выписка из аттестации на генерал-полковника полиции В. Ф. Щербакова: *«...за годы работы в органах внутренних дел, в том числе и в должности начальника Главного управления МВД России по Приволжскому федеральному округу, проявил себя энергичным, целеустремленным и ответственным руководителем, обладающим необходимыми деловыми качествами и организаторскими способностями, на высоком профессиональном уровне решающим поставленные задачи, демонстрируя высокую работоспособность, ответственность, добросовестное отношение к порученному делу. Он является примером беззаветного служения России, безупречной службы, с честью исполняет свой служебный долг по укреплению правопорядка, противодействию организованной преступности, экстремизму и терроризму, защите законных прав и интересов граждан. В сложной оперативной обстановке принимает правильные оперативные решения, в повседневной деятельности умеет определить приоритетное направление, нацелить и мобилизовать личный состав на выполнение задач по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью. В работе сочетает требовательность с повседневной заботой о подчиненных, лично дисциплинирован, обладает чувством ответственности за порученное дело»*.

Научная деятельность. В. Ф. Щербаков научной деятельностью стал заниматься с 1992 г. В 1995 г. без отрыва от службы в Московской высшей школе милиции МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Документирование преступлений в сфере приватизации государственной и муниципальной собственности».

В 2006 г. в Научно-исследовательском институте МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Реализация государственной политики противодействия преступности в сфере экономики подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел (теоретико-прикладной анализ)», и ему была присуждена ученая степень. Ведущей организацией выступила Академия экономической безопасности, официальными оппонентами: доктора юридических наук, профессора А. Г. Маркушин, М. Ш. Махтаев, Г. К. Сенилов.

Владимир Филиппович подготовил и опубликовал четыре монографии («Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности: законодательная регламентация, организационно-практические меры» [1], «Теоретические основы деятельности Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям в системе государственного противодействия преступности в сфере экономики» [2], «Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности» [3], «Организационно-методические основы борьбы с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних в Приволжском федеральном округе» [4]).

Владимир Филиппович подготовил и опубликовал ряд монографических работ по актуальным вопросам противодействия экономической преступности. В изданных научных сочинениях прослеживается глубокий социальный смысл правового обеспечения и защиты экономических интересов граждан, общества и государства от различных преступных посягательств, исходящих как извне, так и изнутри.

Так, в предисловии к коллективной монографии «Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности» [5] отмечается, что она подготовлена на основе обобщения практической деятельности правоохранительных органов, проведенных в многочисленных научных исследованиях в данной области. В разделе II данного издания В. Ф. Щербаков комплексно исследовал проблемы, возникающие в сфере внешнеэкономической деятельности, рассмотрел вопросы информационного обеспечения, выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономические преступления, по его мнению, носят многоэпизодный, межрегиональный характер, совершаются организованными преступными сообществами с использованием современных информационных технологий. В результате совершения противоправных деяний подрываются основы экономической безопасности страны, тормозится проведение рыночных реформ.

В монографии «Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности» [3] исследовал общетеоретические, организационные и управленческие проблемы, цели, задачи и принципы. Автор отмечает, что процесс становления и развития отношений рыночного типа оказался тернистым, трудным и противоречивым и повлек за собой резкий рост экономической преступности. В условиях криминализации экономики государство, по его мнению, призвано играть решающую роль в реализации антикриминального потенциала общества, организации общего и специального предупреждения экономической преступности. Однако в силу сложившихся объективных и субъективных обстоятельств данное положение было

проигнорировано. Экономическая преступность стала угрожать рыночным отношениям, социальному и политическому развитию страны, устоям государственности. Кризисные явления в экономике способствовали наращиванию в обществе криминального потенциала, получили распространенность преступные формы поведения субъектов экономических отношений. В этой связи правильно определенный автором объект исследования — проблемы формирования государственной политики противодействия экономической преступности, ее нормативно-правовая регламентация и практическая реализация — предопределили постановку и решение целей и задач, что в конечном итоге позволило обосновать новые научные подходы в понимании государственной политики в противодействии экономической преступности и на этой основе сформулировать комплекс конкретных научно-практических предложений по совершенствованию нормативной правовой базы законодательства криминального цикла.

Одновременно с этим он принял участие в написании тринадцати учебных пособий и более пятидесяти научных статей по вопросам реализации уголовной политики противодействия экономической преступности. В изданных научных сочинениях прослеживается глубокий социальный смысл правового обеспечения и защиты экономических интересов граждан, общества и государства от различных преступных посягательств, исходящих как извне, так и изнутри.

В настоящий момент В. Ф. Щербаков занимает должность профессора кафедры теории и истории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта. Являясь всесторонне подготовленным человеком, обладающим глубокими знаниями в области юриспруденции, личным практическим опытом, уделяет особое внимание подготовке будущих специалистов юридического профиля. Успешно занимаясь работой со студентами, включая чтение лекций, проведение практических и семинарских занятий, которые получают высокую оценку как у студентов, так и у профессорско-преподавательского состава, он свою научно-педагогическую деятельность сочетает с активным участием в проведении научно-практических конференций, круглых столов, семинаров, оставаясь твердым в своих суждениях и убеждениях — служить закону, России долг каждого гражданина Российской Федерации.

Законотворческая деятельность. Постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 28 апреля 2009 г. № 267-4 В. Ф. Щербаков избран представителем от законодательного органа власти в члены Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 13 мая 2009 г. Совет Федерации подтвердил полномочия В. Ф. Щербакова как члена Совета Федерации от Удмуртской Республики. С июня 2009 по февраль 2010 г. он входил в комитет по экономической политике, предпринимательству и собственности, а с ноября 2011 г. являлся заместителем председателя этого комитета. С июля 2010 по ноябрь 2011 г. состоял в комиссии по взаимодействию со Счетной палатой Российской Федерации. С ноября 2011 г. — член комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности.

Работа в системе указанных комитетов характеризовалась многогранностью, многоаспектностью, многоплановостью и включала в себя широкий круг вопросов, требующих как теоретических, так и практических знаний. Используя свой практический опыт, профессиональные и научные знания, В. Ф. Щербаков выступал инициатором ряда нормативно-правовых актов, давал заключения по принимаемым законам.

За большой личный вклад в дело укрепления законности и правопорядка, значительную работу по предупреждению преступности, плодотворную практическую и законотворческую деятельность В. Ф. Щербаков неоднократно награждался государством: медаль «300 лет российскому флоту», медаль «В память 85-летия Москвы», медаль «Во славу Осетии», медаль «В память 100-летия Казани», орден «За личное мужество», медаль «Ордена за заслуги перед Отечеством II степени», медаль «Ордена за заслуги перед Отечеством I степени», а также многочисленные ведомственные награды.

P. S. Владимир Филиппович Щербаков службу в органах внутренних дел начал в 1976 г. в Горьковской высшей школе МВД СССР (в настоящее время — Нижегородская академия МВД России) и прошел путь от слушателя до начальника Приволжского федерального округа МВД России — генерал-полковника милиции. Автору представилась счастливая возможность не только знать этого удивительного, необыкновенного человека, но и работать с ним на поприще практической деятельности и научных изысканий. Упорство, с которым он занимался практической и научно-исследовательской работой, поражало воображение, чувствовался его сибирский характер, умение не только выявлять и понимать проблемы, но и решать их. Какие бы должности он не занимал, на всех этапах своей служебной деятельности он оставался бойцом, верным данной им присяге честно служить своей Родине, до конца оставаться

преданным своему народу, быть полезным людям. Свое 70-летие Владимир Филиппович отмечает достойно, с чувством исполненного долга человека, честно и добросовестно служившего государству и народу, ставшего полезным и нужным людям. Поздравляя Владимира Филипповича со знаменательным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, добра и счастья, дальнейших творческих удач, успехов в нелегком труде служения на благо государства Российского.

Литература

1. *Щербаков В. Ф.* Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности: законодательная регламентация, организационно-практические меры: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2004. 200 с.

2. *Щербаков В. Ф.* Теоретические основы деятельности Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям в системе государственного противодействия преступности в сфере экономики: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2004. 160 с.

3. *Щербаков В. Ф.* Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2005. 120 с.

4. *Щербаков В. Ф.* Организационно-методические основы борьбы с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних в Приволжском федеральном округе: монография / В. П. Вдовиченко, О. А. Кореков, Е. И. Милаева, В. Ф. Щербаков. Н. Новгород, 2003. 333 с.

5. *Ларичев В. Д.*, *Милякина Е. В.*, *Орлова Е. А.* Преступления в сфере экономической деятельности / В. Д. Ларичев, Е. В. Милякина, Е. А. Орлова [и др.] М.: Экзамен, 2002. 512 с.

References

1. *Shcherbakov V. F.* Ugolovno-pravovaya okhrana vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: zakonodatel'naya reglamentatsiya, organizatsionno-prakticheskie mery: monografiya [Criminal and legal protection of foreign economic activity: legislative regulation, organizational and practical measures: A monograph]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2004. 200 s. (In Russian)

2. *Shcherbakov V. F.* Teoreticheskie osnovy deyatel'nosti Federal'noi sluzhby po ekonomicheskim i nalogovym prestupleniyam v sisteme gosudarstvennogo protivodeistviya prestupnosti v sfere ekonomiki: monografiya [Theoretical foundations of the Federal Service for Economic and Tax Crimes in the system of state counteraction to crime in the field of economics: monograph]. M.: VNII MVD Rossii, 2004. 160 s. (In Russian)

3. *Shcherbakov V. F.* Teoreticheskie osnovy gosudarstvennoi politiki protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti: monografiya [Theoretical foundations of the state policy of countering economic crime: a monograph]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2005. 120 s. (In Russian)

4. *Shcherbakov V. F.* Organizatsionno-metodicheskie osnovy bor'by s beznadzornost'yu i pravonarusheniyami nesovershennoletnikh v Privolzhskom federal'nom okruge: monografiya [Organizational and methodological foundations of combating neglect and juvenile delinquency in the Volga Federal District: A monograph] / V. P. Vdovichenko, O. A. Korekov, E. I. Milaeva, V. F. Shcherbakov. N. Novgorod, 2003. 333 s. (In Russian)

5. *Larichev V. D., Milyakina E. V., Orlova E. A.* Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Crimes in the sphere of economic activity] / V. D. Larichev, E. V. Milyakina, E. A. Orlova [i dr.]. M.: Ekzamen, 2002. 512 s. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Елена Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), antonyaa@yandex.ru

Бережная Карина Сергеевна — Самарский государственный медицинский университет (СамГМУ), k.s.berejnaya@samsmu.ru

Бимбинов Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), bimbinov@yandex.ru

Блохин Ярослав Анатольевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, iablokhin2@mvd.ru

Бодров Николай Филиппович — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), bodrovnf@gmail.com

Боков Дмитрий Константинович — кандидат юридических наук, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, г. Москва, 2-я Звенигородская, д. 15, dimbok@mail.ru

Борисова Оксана Владимировна — преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Oksanka.borisova.90@mail.ru

Бражин Юрий Юрьевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной и прокурорской деятельности ННГУ им. Н. И. Лобачевского, член Союза криминалистов и криминологов, brazhin.yura@bk.ru

Верхолетова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), everkholetova@bk.ru

Воронков Дмитрий Валерьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики имени И. Ф. Герасимова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, dmitry.bakhteev@gmail.com

Гайдук Арсений Янович — Самарский государственный медицинский университет (СамГМУ), a.j.gayduk@samsmu.ru

Голубев Станислав Игоревич — профессор кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, SIGolubev@kpfu.ru

Граматчиков Владимир Андреевич — обучающийся Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Институт частного права, Россия, Москва, volodia240304@gmail.com

Дмитренко Андрей Петрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, stvkup@yandex.ru

Долгополов Кирилл Андреевич — доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, nadal06@mail.ru

Дубов Егор Игоревич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной и прокурорской деятельности ННГУ им. Н. И. Лобачевского, член Союза криминалистов и криминологов, egordubov1997@yandex.ru

Дьяконова Оксана Геннадьевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), oxana_diakonova@mail.ru

Жилкин Максим Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского ордена Почета университета МВД России им. В. Я. Кикотя, главный редактор журнала «Союз криминалистов и криминологов», zmax71@mail.ru

Захарова Наталья Вячеславовна — кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Института персонализированной психиатрии и неврологии Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В. П. Бехтерева (НМИЦ ПН им. В. П. Бехтерева), доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация, ведущий эксперт Самарского государственного медицинского университета (СамГМУ), nataliza80@bk.ru

Звягинцев Александр Григорьевич — заместитель директора Института государства и права РАН, государственный советник юстиции 1 класса, заслуженный юрист Российской Федерации, Вице-президент Союза криминалистов и криминологов,1825za@mail.ru

Зоир Джурахон Маджидзода — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом государственного права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана, Заслуженный работник Таджикистана, zoirov2009@mail.ru

Йулдошева Алина Козимжон кизи — магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета, alinayuldosheva@mail.ru

Кадников Николай Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Карпушкин Артем Вячеславович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, artem.karpuschkin@yandex.ru

Клещина Елена Николаевна — доктор юридических наук, профессор профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), elena-kleshchina@mail.ru

Кузнецов Александр Павлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, abdulxann@gmail.com

Купин Алексей Федорович — кандидат юридических наук, доцент, старший инспектор управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, alexcrim@rambler.ru

Куфлева Валентина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, val_swatch@mail.ru

Куцык Валерия Павловна — преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, valeria.kutsick@yandex.ru

Лукьянов Руслан Игоревич — адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России, r.lukyanov@internet.ru

Мельников Евгений Александрович –кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований ВШГА МГУ имени М. В. Ломоносова, evgmelnikov.1985@mail.ru

Моругина Надежда Анатольевна –кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, moruginy@mail.ru

Мыскина Ксения Михайловна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), km.myskina@mail.ru

Никифорова Алена Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», luckyalenka@rambler.ru

Панфилов Павел Олегович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, panfilov071@mail.ru

Покровский Игорь Рустемович — старший лаборант криминалистической лаборатории юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, irpokrovskiy@kpfu.ru

Пушкова Надежда Владимировна — адъюнкт 3 курса ЗФО кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; оперуполномоченный НЦБ Интерпола МВД России, nadezhda_pushkova@mail.ru

Разогреева Анна Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета, amrazogreeva@sfedu.ru

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, полковник милиции, reefat@yandex.ru

Рахматуллин Рамиль Рашитович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, crim@mail.ru

Россинская Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Рыбушкин Николай Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

Сабанова Виктория Давыдовна — Самарский государственный медицинский университет (СамГМУ), v.d.sabanova@samsmu.ru

Сафарзода Хаёт Сайидамир — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции, h.safarov@mail.ru

Синюк Вадим Дмитриевич — старший эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России, адъюнкт Академии управления МВД России, whitcher@bk.ru

Соловьев Владислав Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, vladsolovyev@mail.ru

Сюняков Тимур Сергеевич — кандидат медицинских наук, Самарский государственный медицинский университет (СамГМУ), t.s.syunyakov@samsmu.ru

Талан Мария Вячеславовна — заведующий кафедрой уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, kafedra.ksu@yandex.ru

Тангиев Бахаудин Батырович — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РАЕ, почетный эколог, академик МАНЭБ, эксперт ЮНЕСКО в области экокриминологии, информационных криминолого-криминалистических технологий и мультимодальных систем обеспечения экобезопасности, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, tangievb@yandex.ru

Тарабрина Кристина Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, tarabrina_kristina@bk.ru

Тохирзода Олимджон Тохир — кандидат юридических наук, профессор кафедры организации тактики оперативно-розыскной деятельности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, otohirzoda@yandex.ru

Фетхуллина Карина Рамилевна — студентка Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), fetkhullina00@mail.ru

Фролова Елена Александровна — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, rbcf.90@mail.ru

Харабет Константин Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса, исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности Человека имени проф. А. А. Тер-Акопова (Москва), harabet@ mail.ru

Харламов Валентин Станиславович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, valentinx55@mail.ru; м.т. 8-911-998-73-55. orcid.org/0000–0002–2009–197X.

Цысс Зинаида Александровна — студентка Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), zinaidatsyss@gmail.com

Шомуротзода Фирдавс — соискатель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, майор милиции, yuldashev.firdavs@inbox.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Antonyan Elena Aleksandrovna — Leiterin des V. E. Eminov-Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der O. E. Kutafin Moskauer Staatlichen Rechtsuniversität (MSAL), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, antonyaa@yandex.ru

Berezhnaya Karina Sergeevna — Staatliche Medizinische Universität Samara, k.s.berejnaya@samsmu.ru

Bimbinov Arseniy Alexandrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer Staatliche Juristische Universität des Namens O. E. Kutafin (MSAL), bimbinov@yandex.ru

Blochin Jaroslaw Anatoljewitsch — Adjunkt der Fakultät für die Ausbildung von wissenschaftlichem, pädagogischem und wissenschaftlichem Personal der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands, benannt nach V. Ya. Kikotya, iablokhin2@mvd.ru

Bodrov Nikolay Filippovich — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor der Abteilung für forensische Gutachten der O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), bodrovnf@gmail.com

Bokow Dmitri Konstantinowitsch — Doktor der Rechtswissenschaften, Prorektor der Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation, 123022 Moskau, Swenigorodskaja 2, 15, dimbok@mail.ru

Borisova Oksana Vladimirovna — Dozent am Ministerium für Betriebs- und Wandaktivitäten der Innenangelegenheiten des Ural Law Institute des Ministeriums für Innere Angelegenheiten Russlands, Yekaterinburg, Russland, Oksanka.borisova.90@mail.ru

Braschin Juri Jurjewitsch — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Abteilung für Strafrecht, Nischni Nowgorod Akademie des russischen Innenministeriums, brazhin.yura@bk.ru

Dmitrenko Andrey Petrovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums nach W. I. Kikotya benannt, stvkup@yandex.ru

Dolgopolow Kirill Andrejewitsch — Doktor der Soziologie, Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Strafprozessrecht am Rechtsinstitut der Nordkaukasischen Föderalen Universität, nadal06@mail.ru

Dubow Egor Igorevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Abteilung für Strafrecht, Nischni Nowgorod Akademie des russischen Innenministeriums, egordubov1997@yandex.ru

Dyakonova Oksana Gennadyevna –Professorin der Abteilung für Forensische Untersuchungen der O. E. Kutafin-Universität (MSAL), Doktor der Rechtswissenschaften, Außerordentliche Professorin, oxana_diakonova@mail.ru

Fethullina Karina Ramilevna — Studentin der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL), fetkhullina00@mail.ru

Frolova Elena Aleksandrovna — Außerordentliche Professorin, Fakultät für die Ausbildung von wissenschaftlichem, pädagogischem und wissenschaftlichem Personal Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation benannt nach V. Ya. Kikot, rbcf.90@mail.ru

Gayduk Arseniy Yanovich — Staatliche Medizinische Universität Samara, Samara, Russland, a.j.gayduk@samsmu.ru

Golubev Stanislav Igorevich — Professor am Lehrstuhl für Strafrecht FGAOU VO „Kasan (Wolga) Föderale Universität“, 420008, Kasan, Kremlevskaya Str. 18, SIGolubev@kpfu.ru

Gramatchikov Vladimir Andreevich — Student Moskauer Staatliche Rechtsuniversität, benannt nach O. E. Kutafina (MSAL), Institut für Privatrecht, Russland, Moskau, volodia240304@gmail.com

Kadnikov Nikolay Grigorievich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für Strafrecht an der Moskauer Kikot-Universität des russischen Innenministeriums, krim-pravo@yandex.ru

Karpuschkin Artem Wjatscheslawowitsch — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Abteilung für Verwaltungstätigkeiten der Verwaltung für innere Angelegenheiten an der Moskauer Kikot-Universität des russischen Innenministeriums, artem.karpuschkin@yandex.ru

Kharabet Konstantin Vasilievic — Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Oberst der Justizreserve, Exekutivdirektor der Prof. A. A. Ter-Akopov-Stiftung zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung im Bereich der rechtlichen Gewährleistung der menschlichen Sicherheit (Moskau), harabet@ mail.ru

Kharlamov Valentin Stanislawowitsch — Doktor der Rechte, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht an der St. Petersburger Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, valentinx55@mail.ru; Ph. 8-911-998-73-55. orcid.org/0000–0002–2009–197X

Kleshchina Elena Nikolaevna — Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin Professorin, Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht benannt nach W. E. Eminov O. E. Kutafin Moskauer Staatliche Juristische Universität (MSAL), elena-kleshchina@mail.ru

Kucyk Valeria Pavlovna — Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums nach W. I. Kikotya benannt, valeria.kutsick@yandex.ru

Kufleva Valentina Nikolaevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin am Institut für Strafrecht und Kriminologie Staatliche Universität Kuban, val_swatch@mail.ru

Kupin Alexey Fedorovich — Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Oberinspektor der Forschungs- und Entwicklungsabteilung (Forensisches Forschungsinstitut) der Hauptabteilung für Forensik (Forensisches Zentrum) des Ermittlungsausschusses der Russischen Föderation, außerordentlicher Professor der Abteilung für digitale Sicherheit an der Moskauer Staatlichen Technischen Universität Bauman, alexcrim@rambler.ru

Kuznetsov Alexander Pawlowitsch — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Kriminalität und Strafvollstreckungsrecht Akademie des russischen Innenministeriums in Nischni Nowgorod, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, verdienter Rechtsanwalt der Russischen Föderation, abdulxann@gmail.com

Lukyanov Ruslan Igorevich — Lehrbeauftragter der Graduiertenschule der Nischni Nowgorod-Akademie des russischen Innenministeriums, r.lukyanov@internet.ru

Melnikov Evgeny Alexandrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Abteilung für Wirtschafts- und Finanzuntersuchungen der Hochschule für öffentliche Rechnungsprüfung der Staatlichen Lomonossow-Universität Moskau, evgmelnikov.1985@mail.ru

Morugina Nadezhda Anatolyevna — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent lehrstuhl für Strafverfahren Institut des russischen Innenministeriums in Woronesch, moruginy@mail.ru

Myskina Ksenia Mikhailovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, leitende Dozentin der Abteilung für forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), km.myskina@mail.ru

Nikiforova Alena Anatolyevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Stellvertretende Leiterin des Lehrstuhls für Strafrecht und Strafvollzugsrecht, Föderale Staatliche Hochschule für Hochschulbildung „Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation in Nischni Nowgorod“, luckyalenka@rambler.ru

Panfilow Pawel Olegowitsch –Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor des Lehrstuhls für Strafverfahren an der Kikot Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands, panfilov071@mail.ru

Pokrowski Igor Rustemowitsch — leitender Laborant des kriminaltechnischen Labors der juristischen Fakultät der Föderalen Staatlichen Bildungseinrichtung „Kasaner (Wolga-) Bundesuniversität“, 420008, Kasan, Kremlevskaja-Straße 18, irpokrovskiy@kpfu.ru

Puschkowa Nadezhda Wladimirowna — Adjunct im 3. Jahr des Teilzeitstudiums an der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie der Universität Krasnodar des russischen Innenministeriums; Fahndungsbeamter des Nationalen Zentralbüro von Interpol des russischen Innenministeriums, nadezhda_pushkova@mail.ru

Rakhmadzhonsoda Rifat Rahmadjon — Stellvertretender Leiter der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan in Naturwissenschaften, Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Polizeioberst, reefat@yandex.ru

Rakhmatullin Ramil Rashitovich — außerordentlicher Professor, Lehrstuhl für Strafprozessrecht und Forensik, Kasaner (Wolga-Region) Föderale Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, crim@mail.ru

Razogreeva Anna Mikhailovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Außerordentliche Professorin am Institut für Strafrecht und Kriminologie Südliche Föderale Universität, amrazogreeva@sfedu.ru

Rossinskaya Elena Rafailovna — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, ehrenamtlicher Mitarbeiter der höheren beruflichen Bildung der Russischen Föderation, Akademiker der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, Leiter der Abteilung für forensische Untersuchungen der Moskauer Staatlichen Juristischen Universität namens O. E. Kutafin (MGYUA), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Rybushkin Nikolay Nikolaevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht an der Föderale Universität Kasan (Wolgagebiet), Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

Sabanova Victoria Davydovna — Staatliche Medizinische Universität Samara, v.d.sabanova@samsmu.ru

Sacharowa Natalja Wjatscheslawowna — Kandidat der medizinischen Wissenschaften, leitender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts für personalisierte Psychiatrie und Neurologie des Nationalen medizinischen Forschungszentrums für Psychiatrie und Neurologie namens W. P. Bekhterew (NMZ PN namens W. P. Bekhterew), Dozent der Abteilung für forensische Untersuchungen der O. E. Kutafin-Universität (MGUA); Leitender Experte der Staatlichen Medizinischen Universität Samara (SamSMU), nataliza80@bk.ru

Safarzoda Hayot Sayidamir — Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Professor der Abteilung für Terrorverhütung und öffentliche Sicherheit der Fakultät Nr. 6 der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan, Polizeioberst, h.safarov@mail.ru

Shomurotzoda Firdavs — Bewerber am Institut für Strafrecht, Kriminologie und Psychologie Fakultät Nr. 2 der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan, Major der Polizei, yuldashev.firdavs@inbox.ru

Sinjuk Wadim Dmitrijewitsch — Leitender Experte der Abteilung für Explosions- und brandtechnisches Fachwissen des forensischen Expertenzentrums des Innenministeriums Russlands, Lehrbeauftragter an der Akademie für Management des Innenministeriums Russlands, whitcher@bk.ru

Solovjev Vladislav Sergeevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Universität des Innenministeriums Russlands in Krasnodar, vladsolovyev@mail.ru

Syunyakov Timur Sergeevich — Kandidat der medizinischen Wissenschaft Staatliche Medizinische Universität Samara, t.s.syunyakov@samsmu.ru

Talan Maria Wjatscheslawowna — Leiter der Abteilung für Strafrecht FGAOU VO „Föderale Universität Kasan (Wolga-Region)“, 420008, Kasan, Kremlevskaya str., 18, kafedra.ksu@yandex.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Kandidat der technischen Wissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler und Techniker der Russischen Akademie der Wissenschaften, Verdienter Ökologe, Akademiker der Russischen Akademie der Wissenschaften, UNESCO-Experte auf dem Gebiet der Öko-Kriminologie, der kriminologischen und forensischen Informationstechnologien und der multimodalen Öko-Sicherheitssysteme. Internationaler Kriminologischer Club St. Petersburg, tangievb@yandex.ru

Tarabrina Kristina Sergeevna — Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Regionalniederlassung von der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums benannt nach W. I. Kikot, tarabrina_kristina@bk.ru

Tohirzoda Olimjon Tohir — kandidat der Rechtswissenschaften, Professor der Abteilung für Organisation der Taktik operativer Ermittlungstätigkeiten Fakultät Nr. 6 der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan, otohirzoda@yandex.ru

Tsyss Zinaida Alexandrovna — Studentin der Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Verkholetova Elena Yuryevna — Kandidat der Philologie, Dozent des Lehrstuhls für Gerichtsexpertisen an der Moskauer Staatlichen Kutafin-Rechtsuniversität (MSAL), everkholetova@bk.ru

Voronkov Dmitry Valerievich — Doktor des Rechts, außerordentlicher Professor, Professor der Abteilung für Forensik, benannt nach I. F. Gerasimov Ural State Law University, benannt nach V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russland, dmitry.bakhteev@gmail.com

Yuldosheva Alina Kozimjon kizi — Masterstudent Föderale Universität Kasan (Wolgagebiet), alinayuldosheva@mail.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafrecht an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer Universität des Ordens der Ehre V. Ja. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, Chefredakteur der Zeitschrift „Verband der Kriminalisten und Kriminologen“, zmax71@mail.ru

Zoir Jurakhon Majidzoda — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Staatsrecht des Instituts für Philosophie, Politikwissenschaft und Recht, benannt nach A. Bahovaddinov, der Nationalen Akademie der Wissenschaften Tadschikistans, Verdienter Arbeiter Tadschikistans, zoirov2009@mail.ru

Zvyagintsev Alexander Grigorievich — stellvertretender Direktor des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Staatsberater der Justiz der 1. Klasse, verdienter Rechtsanwalt der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, 1825za@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Elena Aleksandrovna — Doctor of Law, Professorб Head of the V. E. Eminov Department of Criminology and Criminal-Executive Law of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), antonyaa@yandex.ru

Berezhnaya Karina Sergeevna — Samara State Medical University, Samara, Russia, k.s.berejnaya@samsmu.ru

Bimbinov Arseniy Alexandrovich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University, bimbinov@yandex.ru

Blokhin Yaroslav Anatolievich — Adjunct Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, iablokhin2@mvd.ru

Bodrov Nikolay Filippovich — Ph.D. (Law), associate professor of Forensic Expertise's department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), bodrovnf@gmail.com

Bokov Dmitry Konstantinovich — Candidate of Law, Vice-Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 123022, Moscow, 2-ya Zvenigorodskaya, Bldg. 15, dimbok@mail.ru

Borisova Oksana Vladimirovna — Lecturer at the Department of Operational and Wall activities of the internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, Oksanka.borisova.90@mail.ru

Brazhin Yuri Yuryevich — Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities Lobachevsky National Research University, member of the Union of Criminologists and Criminologists, brazhin.yura@bk.ru

Dmitrenko Andrey Petrovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', stvkup@yandex.ru

Dolgopolov Kirill Andreevich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Law Institute of the North Caucasus Federal University, nadal06@mail.ru

Dubov Egor Igorevich — Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities Lobachevsky National Research University, member of the Union of Criminologists and Criminologists, egordubov1997@yandex.ru

Dyakonova Oksana Gennadyevna — Doctor of Sciences (Law), Docent, Professor of the Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University, oxana_diakonova@mail.ru

Fethullina Karina Ramilevna — Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), fetkhullina00@mail.ru

Frolova Elena Aleksandrovna — Adjunct Professor, Faculty of Scientific-Pedagogical, and Research Personnel Training Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, rbcf.90@mail.ru

Gayduk Arseniy Yanovich — Samara State Medical University, Samara, Russia, a.j.gayduk@samsmu.ru

Golubev Stanislav Igorevich — Professor of the Department of Criminal Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", 420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, SIGolubev@kpfu.ru

Gramatchikov Vladimir Andreevich — student Moscow State Law University named after O. E. Kutafina (MSAL), Institute of Private Law, Russia, Moscow, volodia240304@gmail.com

Kadnikov Nikolay Grigorievich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Department at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, krim-pravo@yandex.ru

Karpushkin Artem Vyacheslavovich — Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, artem.karpuschkin@yandex.ru

Kharabet Konstantin Vasilievich — Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice of the Reserve, Executive Director of the Prof. A. A. Ter-Akopov Foundation for Assistance to Scientific Research in the Field of Legal Ensuring of Human Security (Moscow), harabet@mail.ru

Kharlamov Valentin Stanislavovich — Professor of the Department of Criminal Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor, Sankt-Petersburg, Russia, valentinx55@mail.ru; Ph. 8-911-998-73-55. orcid.org/0000–0002–2009–197X

Kleshchina Elena Nikolaevna — Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminology and Criminal-Executive Law named after V. E. Eminov O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), elena-kleshchina@mail.ru

Kucyk Valeria Pavlovna — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', valeria.kutsick@yandex.ru

Kufleva Valentina Nikolaevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Kuban State University, val_swatch@mail.ru

Kupin Alexey Fedorovich — senior inspector of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Security in the digital world of the Moscow State Technical University n.a. N. E. Bauman, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, alexcrim@rambler.ru

Kuznetsov Alexander Pavlovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, abdulxann@gmail.com

Lukyanov Ruslan Igorevich — Adjunct of the Postgraduate School of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, r.lukyanov@internet.ru

Melnikov Evgeny Alexandrovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of economic and financial investigations of the Higher school of public audit of Lomonosov Moscow State University, evgmelnikov.1985@mail.ru

Morugina Nadezhda Anatolyevna — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, moruginy@mail.ru

Myskina Ksenia Mikhailovna — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of Forensic Expertise's Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), km.myskina@mail.ru

Nikiforova Alyona Anatolyevna — Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, luckyalenka@rambler.ru

Panfilov Pavel Olegovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, panfilov071@mail.ru

Pokrovsky Igor Rustemovich — Senior Laboratory Assistant at the Forensic Laboratory of the Faculty of Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", 420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, irpokrovskiy@kpfu.ru

Pushkova Nadezhda Vladimirovna — Adjunct 3rd year of part-time studies of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Detective of the NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia, nadezhda_pushkova@mail.ru

Rakhmadzhonzoda Rifat Rakhmadzhon — Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan for Science, Doctor of Law, Associate Professor, police colonel, reefat@yandex.ru

Rakhmatullin Ramil Rashitovich — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan (Volga Region) Federal University, Associate Professor, crim@mail.ru

Razogreeva Anna Mikhailovna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Southern Federal University, amrazogreeva@sfedu.ru

Rossinskaya Elena Rafailovna — Dr. Sci. (Law), Professor; Honored Scientific Associate of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; Head of the Forensic Expertise Dept. at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), elena@rossinskaya.ru

Rybushkin Nikolay Nikolaevich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law atKazan (Volga Region) Federal University, Nikolay.Rebushkin@kpfu.ru

Sabanova Victoria Davydovna — Samara State Medical University, Samara, Russia, v.d.sabanova@samsmu.ru

Safarzoda Hayot Sayidamir — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Prevention of Terrorist Crimes and Public Safety of Faculty No. 6 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Police Colonel, h.safarov@mail.ru

Shomurotzoda Firdavs — Applicant of the Department of Criminal Law, Criminology and Psychology Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major of Police, yuldashev.firdavs@inbox.ru

Sinyuk Vadim Dmitrievich — Senior Expert of the Explosion and Fire Technical Expertise Department of the Forensic expert Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Adjunct at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, whitcher@bk.ru

Solovjev Vladislav Sergeevich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Chief of the Department of Criminal Law and Criminology at the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, vladsolovyev@mail.ru

Syunyakov Timur Sergeevich — Candidate of Medical Science, Samara State Medical University, Samara, Russia, t.s.syunyakov@samsmu.ru

Talan Maria Vyacheslavovna — Head of the Department of Criminal Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University", 420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18, kafedra.ksu@yandex.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich — PhD in Law, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Scientist and Technician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Ecologist, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology, UNESCO expert in the field of eco-criminology, information criminological and forensic technologies and multimodal systems for ensuring eco-security. St. Petersburg International Criminology Club, tangievb@yandex.ru

Tarabrina Kristina Sergeevna — Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', tarabrina_kristina@bk.ru

Tohirzoda Olimjon Tohir — Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Organization of Tactics of Operational-Search Activities Faculty № 6 of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan, otohirzoda@yandex.ru

Tsyss Zinaida Alexandrovna — Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Verkholetova Elena Yuryevna — Candidate of Philology, Associate Professor of Forensic Expertise Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), everkholetova@bk.ru

Voronkov Dmitry Valerievich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensics named after I. F. Gerasimov Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, dmitry.bakhteev@gmail.com

Yuldosheva Alina Kozimjon kizi — Master's student Kazan (Volga Region) Federal University, alinayuldosheva@mail.ru

Zakharova Natalia Vyacheslavovna — Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Personalized Psychiatry and Neurology V. P. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology (NMCRP PN im. V. P. Bekhtereva), Associate Professor, Department of Forensic Medicine O. E. Kutafin University (MGUA), Leading Expert Samara State Medical University (SamSMU), nataliza80@bk.ru

Zhilkin Maxim Gennadievich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at the Moscow Regional Branch of V. Ya. Kikot Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Editor-in-Chief of the Union of Criminalists and Criminologists journal, zmax71@mail.ru

Zoir Jurakhon Majidzoda — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Honored Worker of Tajikistan, zoirov2009@mail.ru

Zvyagintsev Alexander Grigorievich — Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, State Adviser of Justice of the 1st class, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, 1825za@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Zeitgenössische Paradigmen und Prioritäten der Strafrechtswissenschaft und Kriminologie: Integration der Ansätze und die Pflicht, dem Staat unbequeme Wahrheiten zu sagen

Zhilkin Maxim Gennadievich

Ziel: *Prioritäten und Methodik der Entwicklung von Strafrecht und Kriminologie zu bestimmen, gestützt auf die Befragung von N. A. Lopaschenko und die „editoriale Courage" von M. D. Schargorodsky (nach Ju. K. Tolstoj); die Integration der kritisch-dogmatischen, funktional-anwendungsbezogenen und historisch-axiologischen Paradigmen bei Wahrung der wissenschaftlichen Autonomie zu begründen.*

Methodologie: *Kritisch-dogmatische Analyse von Gesetzesnovellen und Rechtsprechung; funktionale Analyse der Anwendung; historisch-dogmatischer und axiologischer Ansatz; rechtsvergleichender Überblick; Fallstudie (Schargorodsky als Modell akademischer Verantwortung); Elemente der Diskursanalyse.*

Schlussfolgerungen. *Kernaufgabe ist die Integration der drei Paradigmen bei gleichzeitiger Fähigkeit, dem Staat unbequeme Wahrheiten zu sagen: Nicht jedes soziale Problem verlangt eine strafrechtliche Antwort; symbolische Kriminalisierung unterminiert Legitimität; Strafzwecke bedürfen im Zeitalter der Digitalisierung und außerstrafrechtlicher Sanktionen der Neubestimmung. Vorgeschlagen werden Leitlinien: Test der gesellschaftlichen Gefährlichkeit und Subsidiarität, Minimierung der „Inflation" des Besonderen Teils, Vorrang der Vorhersehbarkeit vor ad-hoc-Flexibilität. Zeitschriften sollen Schulen konsolidieren und wissenschaftlichen Konsens in die Sprache von Entscheidungen übersetzen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Für den Gesetzgeber—Kriterien der (De-)Kriminalisierung und Standards der Gesetzgebungstechnik; für Gerichte und Ermittlungsbehörden-methodische Leitplanken zur Abstimmung von Doktrin, Gesetz und höchstrichterlicher Rechtsprechung; für die Wissenschaft-Modell der Konsolidierung und Autonomie; für die Ausbildung-Aktualisierung der Curricula im digitalen Kontext.*

Stichwörter: *Strafrecht, Kriminologie, Kriminalisierung, Entkriminalisierung, gesellschaftliche Gefährlichkeit, Strafzwecke, Rechtsprechung, Gesetzgebungstechnik, Digitalisierung, Strafrechtspolitik, wissenschaftliche Autonomie.*

Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan. Nationale Personalschmiede

Rakhmadzhonsoda Rifat Rahmadjon

Ziel: *Darstellung des aktuellen Stands und der Perspektiven der Prozesse in Bildung, Wissenschaft, Praxis, Ausbildung, Umschulung und Weiterbildung des Personals der Organe für innere Angelegenheiten an der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan zum allgemeinen Verständnis, zur Neubewertung und Bewertung. Hervorhebung des pädagogischen, methodischen, wissenschaftlichen und praktischen Potenzials. Nennung einer Reihe von Innovationen und Durchbrüchen in der Tätigkeit der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan. Zitieren eines Auszugs aus dem Entwurf des Konzepts für die Entwicklung der Bildungs- und Wissenschaftseinrichtungen des Systems des Innenministeriums der Republik Tadschikistan, der eine verallgemeinerte Version vielversprechender Lösungen in den Bereichen Bildung und Wissenschaft im Allgemeinen bietet.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-juristische Methode, Methode der sektorübergreifenden Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *In der aktuellen Tätigkeitsperiode der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan ist es notwendig, die Anstrengungen zur Schaffung eines einheitlichen Bildungsprozesses und eines einheitlichen Systems der Aus-, Um- und Weiterbildung des Personals zu konsolidieren, das wissenschaftliche Potenzial durch verschiedene interdisziplinäre Studien zu stärken und die Bildungs- und Wissenschaftsprozesse mit neuen Materialien zu bereichern.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Zukunftsaussichten der Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan hängen in erster Linie mit der Verabschiedung eines einheitlichen normativen Rechtsakts zusammen, der als Leitfaden und Grundlage für fundierte Entscheidungen dienen kann. Wir sind überzeugt, dass das Konzept für die Entwicklung von Bildungs- und Wissenschaftseinrichtungen des Innenministeriums der Republik Tadschikistan ein solches Dokument werden kann. Mit der Verabschiedung dieses Dokuments können viele Hindernisse beseitigt werden, die eine aktive Entwicklung und weitere Tätigkeit behindern.*

Stichwörter: *Republik Tadschikistan, Akademie des Innenministeriums der Republik Tadschikistan, Personal, Bildung, Wissenschaft, Praxis, Ausbildung, Umschulung, Weiterbildung, Bildungs- und Wissenschaftspotenzial.*

Einige Merkmale der speziellen kriminologischen Extremismusprävention durch die Organe für innere Angelegenheiten der Republik Tadschikistan

Zoir Jurakhon Majidzoda, Safarzoda Hayot Sayidamir

Ziel: *Der Artikel erläutert Wesen und Inhalt spezieller kriminologischer Maßnahmen, die Rolle, den Stellenwert sowie vielversprechende Tätigkeitsbereiche der Organe für innere Angelegenheiten, anderer Strafverfolgungsbehörden der Republik Tadschikistan und interessierter staatlicher Stellen zur Prävention und Prophylaxe von Extremismus und unterbreitet konkrete Vorschläge zur Optimierung der Situation durch den Einsatz spezieller kriminologischer Maßnahmen zur Bekämpfung von Extremismus in der Republik.*

Methodologie: *Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode, Methode der sektorübergreifenden Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Bekämpfung von Extremismus und Terrorismus weist im Gegensatz zum illegalen Drogen-, Waffen-, Menschenhandel und anderen Straftaten ihre eigenen Besonderheiten und dementsprechend die spezifischen Qualifikationen der operativen Mitarbeiter auf. Ein solcher Ansatz wird der Interaktion der operativen Einheiten des Innenministeriums der Republik, sowohl vertikal als auch horizontal, neue Impulse verleihen und somit zur Bildung eines integrierten Systems zur schnellen Reaktion auf alle Erscheinungsformen von Extremismus und Terrorismus beitragen. Ein wichtiger Bereich der besonderen Extremismusprävention ist die systematische und professionelle Beeinflussung des extremistischen Weltbildes von Häftlingen in Justizvollzugskolonien. Tatsache ist, dass heute weltweit eine stabile Tendenz besteht, dass die glühendsten extremistischen Ideologen andere Häftlinge rekrutieren. In den Justizvollzugsanstalten der Republik ist es jedoch aufgrund des Mangels an professionellen Ideologen-Predigern und der in den meisten Fällen gemeinsamen Inhaftierung von Extremisten mit anderen Kategorien von Kriminellen notwendig, die Situation zu überdenken und anzupassen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Spezielle kriminologische Prävention wird von den Strafverfolgungsbehörden sowohl gemeinsam als auch getrennt in den schwächsten Bereichen des gesellschaftlichen Lebens durchgeführt, um die Ursachen und Bedingungen für die Begehung bestimmter Straftaten sowie deren Verhütung und Bekämpfung zu finden und zu beseitigen. Dieser Ansatz ermöglicht es uns festzustellen, dass allgemeine sozialpräventive Maßnahmen hauptsächlich von zivilen Ministerien und Abteilungen durchgeführt werden und spezielle kriminologische Präventionsmaßnahmen von den Strafverfolgungsbehörden im allgemeinen Kontext der Kriminalitätsbekämpfung durchgeführt werden. Die individuelle Prävention in Bezug auf bestimmte Personen (z. B. Minderjährige, die von der Kommission für Jugendangelegenheiten vertreten werden) wird jedoch im Rahmen ihrer Zuständigkeit sowohl von Mitarbeitern ziviler Organisationen und Institutionen als auch von Polizeibeamten und anderen Strafverfolgungsbehörden durchgeführt. Eine solche Situation schwächt die Ergebnisse der Terrorismus- und Extremismusbekämpfung erheblich. Das Innenministerium der Republik Tadschikistan betont in seinen Verordnungen ständig die Notwendigkeit, diese Arbeit zu verbessern. Maßnahmen zur Steigerung der Effektivität der Interaktion zwischen operativen Diensten zur Bekämpfung der organisierten Kriminalität können wirksamer sein, wenn jeder Dienst klar auf das Erreichen eines einheitlichen Endergebnisses ausgerichtet ist. Dazu ist es notwendig, eine geeignete Rechtsgrundlage für die Interaktion zu schaffen, d.h. einheitliche Regulierungsdokumente zu entwickeln und zu verabschieden, die umfassende Maßnahmen zur Organisation der Kriminalitätsbekämpfung durch gemeinsame Anstrengungen regeln, was zweifellos ihre Effektivität erhöhen wird.*

Stichwörter: *Republik Tadschikistan, Innenbehörden, Aktivitäten, Kriminologie, Veranstaltungen, Sonderprävention, Regierungsbehörden, Extremismus, Prävention, Jugend.*

Konzeptionelle Grundlagen allgemeingesellschaftlicher Extremismusprävention

Safarzoda Hayot Sayidamir

Ziel: *Der Artikel befasst sich mit den inhaltlichen Grundlagen der Extremismusbekämpfung in Dokumenten (Strategien, Konzepten, Programmen, Gesetzen usw.), die die Haupttätigkeitsbereiche von Strafverfolgungsbehörden und anderen staatlichen Stellen zur Beseitigung der zugrunde liegenden Ursachen und Bedingungen für die Entstehung von Extremismus definieren.*

Methodologie: *Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Ursachen und Bedingungen, die zur Entstehung von Extremismus unter Migranten beitragen, erfordern die Einführung einer speziellen Disziplin zur Extremismusbekämpfung in Bildungseinrichtungen aller Ebenen und damit einhergehend eine Stärkung des Rechtsbewusstseins, der religiösen Toleranz und der*

politischen Reife von Schülern und Studenten, von denen viele in absehbarer Zeit zu potenziellen Arbeitsmigranten werden könnten.

Die Organisation und Umsetzung von Präventionsmaßnahmen in Justizvollzugsanstalten unter wegen Extremismus verurteilten Personen erfordert zudem einen neuen Ansatz und die Verbesserung der organisatorischen und rechtlichen Rahmenbedingungen, die Schulung von Fachpersonal sowie eine wirksame Informations- und ideologische Unterstützung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *In Übereinstimmung mit den wichtigsten Bestimmungen internationaler, regionaler und nationaler Strategien zur Bekämpfung des Extremismus in der Republik Tadschikistan erfordern zentrale Aspekte der Lösung sozioökonomischer, bildungsbezogener, religiöser, informationeller, rechtlicher, politischer, migrationsbezogener, arbeitsrechtlicher und anderer Probleme der modernen Gesellschaft ein neues Verständnis unter Berücksichtigung der modernen Realitäten auf internationaler, regionaler und nationaler Ebene. Die grundlegende Grundlage für die Beseitigung der allgemeinen gesellschaftlichen Ursachen für die Entstehung extremistischer Ideologien religiöser Natur bilden die Anforderungen der nationalen Gesetze „Über die Regelung von Feiern und Zeremonien", „Über die Verantwortung für Bildung und Erziehung der Kinder" und „Über die patriotische Erziehung der Bürger", die die rechtlichen, organisatorischen, politischen, religiösen, patriotischen sowie informationellen und propagandistischen Grundlagen für die Bekämpfung extremistischer Ideologien schaffen. Die Besonderheit dieser Gesetze besteht darin, dass sie darauf abzielen, die Aktivitäten zahlreicher nicht sicherheitsbezogener Ministerien und Abteilungen, Exekutivorgane der Staatsmacht, lokaler Regierungen, öffentlicher und religiöser Organisationen sowie einzelner Bürger zu koordinieren, um die allgemeinen gesellschaftlichen Ursachen und Bedingungen des Extremismus zu reduzieren und zu überwinden.*

Stichwörter: *Republik Tadschikistan, Konzept, Strategie, Gesetzgebung, Extremismus, Ursachen, Bedingungen, allgemeine soziale Maßnahmen, Regierungsorgane, Funktionen, Aufgaben, Prävention.*

Protokollform der vorgerichtlichen Materialvorbereitung: Neuüberlegung etablierter Konzepte und Möglichkeiten der Nutzung ihres Potenzials bei der Prüfung von Anwendungen in Fällen von Privatklage und häuslicher Gewalt

Tohirzoda Olimjon Tohir

Ziel: *Analyse der Hauptgründe für die Abschaffung und der Aussichten für die Wiederherstellung der Protokollform der vorgerichtlichen Materialvorbereitung in Strafverfahren. Ziel ist es, die historischen und aktuellen Tendenzen dieser Institution sowie ihre wichtigsten Vorteile beim Schutz der Rechte und Interessen von Opfern im vorgerichtlichen Stadium zu untersuchen. Untermauerung von Vorschlägen zur Zweckmäßigkeit einer Wiederbelebung des Protokollverfahrens in einem anderen Format, das aufgrund seines Potenzials und seiner Mobilität einen vernünftigen Ausgleich zwischen privaten und öffentlichen Interessen gewährleistet und die Verfahren privater Klagen und gemischter Arten von Strafverfahren in der Republik Tadschikistan auf ideologischer Ebene synchronisiert.*

Methodik: *dialektische Erkenntnismethode, Analyse, Synthese, vergleichende juristische, historische und statistische Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Die aktuellen Probleme, die im Laufe von Verfahren in Fällen von Privatklage und häuslicher Gewalt auftreten, können durch die Einführung einer neuen Protokollform für die vorgerichtliche Materialvorbereitung beseitigt werden, wodurch die konzeptionellen Widersprüche zwischen der Privatklage und gemischten Strafverfahren beseitigt werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Aussicht auf die Etablierung einer neuen Protokollform der vorgerichtlichen Materialvorbereitung und ihre Entwicklung im Strafverfahren besteht in einer Neubewertung der etablierten Konzepte auf der Grundlage der erhaltenen Daten und der Schlussfolgerungen hinsichtlich ihrer Rolle und ihres wesentlichen Zwecks. Das Institut aktualisiert wissenschaftliche Ideen zur Differenzierung von Strafverfahren, zur Optimierung von Verfahrensgarantien und Parteirechten sowie zur Anpassung bewährter Verfahren an das nationale Rechtssystem. Darüber hinaus trägt es dazu bei, die Arbeitsbelastung der Richter zu verringern, stellt sicher, dass dem Gericht vorab geprüftes und vorbereitetes Material vorgelegt wird, und minimiert durch vereinfachte Verfahren die Verfahrenskosten und den Zeitaufwand für die Prüfung von Anträgen in Fällen von Privatklage und häuslicher Gewalt im vorgerichtlichen Stadium.*

Stichwörter: *Protokollform, vorgerichtliches Stadium, privates und öffentliches Interesse, Privatklage, häusliche Gewalt, Opfer, Täter, Richter.*

Zusammenhänge zwischen den Begriffen „häusliche Gewalt“, „häusliche Gewalt“, „häusliche Gewalt“ und „Gewalt in familiären Beziehungen“

Shomurotzoda Firdavs

Ziel: *Der Artikel analysiert unter Berücksichtigung des Wesens von Gewalt als Eingriff in die normale Ausgestaltung familiärer Beziehungen die Konzepte „Gewalt im Bereich familiärer Beziehungen“, „familiäre Gewalt“, „häusliche Gewalt“ und „häusliche Gewalt“ und identifiziert anhand der Ergebnisse ihre charakteristischen Merkmale. Die Spezifika des Objekts gewalttätiger Übergriffe sowie der Personenkreis, gegen den oder in Bezug auf den im Rahmen familiärer Beziehungen Gewalt ausgeübt wird, werden ermittelt. Diese Merkmale belegen die Zweckmäßigkeit der Verwendung des Begriffs „Gewalt im Bereich familiärer Beziehungen“ in der Untersuchung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Gewaltverbrechen im genannten Bereich anstelle inhaltlich naheliegender Konzepte.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-juristische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Definition des Begriffs, der dem Wesen von Gewalt im untersuchten Bereich am ehesten gerecht wird, trägt zur Vereinheitlichung der Ansätze staatlicher und behördlicher Tätigkeit bei, die im Schutz der Menschenrechte durch die Festlegung einer strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Gewaltverbrechen im Bereich der Familienbeziehungen bestehen. Dabei wird vorgeschlagen, Gewalt im Bereich der Familienbeziehungen im Rahmen des strafrechtlichen Schutzes als eine rechtswidrige schuldhafte Gewalttat zu verstehen, die sich in der Ausübung physischer, psychischer oder sonstiger Zwangseinwirkung eines Familienmitglieds (unabhängig davon, ob es amtlich registriert ist oder nur faktisch existiert) auf ein anderes äußert und die normale Ausübung familiärer Bindungen verletzt, für deren Ausübung die Haftung durch die Bestimmungen des Strafrechts vorgesehen ist.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Als Ergebnis der Studie stellt der Autor fest, dass die Begriffe „familiäre Gewalt“, „häusliche Gewalt“, „Gewalt im Bereich der Familienbeziehungen“ nicht identisch sind. Trotz ihrer inhaltlichen Nähe sind sie nicht synonym und austauschbar. Der zutreffendste Begriff zur Offenlegung des Wesens und der Besonderheiten des strafrechtlichen Schutzes vor Erscheinungsformen von Gewalt im familiären Bereich scheint daher „Gewalt im Bereich der Familienbeziehungen“ zu sein, da er als verallgemeinernder Begriff für alle oben untersuchten Konzepte fungiert, darunter: das Zeichen der Vetternwirtschaft (sowohl gesetzlich verankert als auch tatsächlich ohne offizielle Registrierung vorhanden) und das Zeichen der Einheit und Gemeinsamkeit bei der Führung des Haushalts und des Alltags.*

Stichwörter: *Familie, Alltag, Familienbeziehungen, Gewalt, Gewalt in der Familie, häusliche Gewalt, häusliche Gewalt, Gewalt im Bereich der Familienbeziehungen.*

Ein privater Blick auf die Argumentation von Professor I. M. Matzkiewicz

Kharlamov Valentin Stanislawowitsch

Ziel: *Um die Perspektiven der Kriminologie im Lichte der Vorschläge von I. M. Matskevich zu bewerten. Die Bedeutung der durchgeführten Kriminalitätsforschung in Abhängigkeit von Gesetzesänderungen, einschließlich krimineller, offenlegen. Die einzigartige Rolle der Kriminologie reflektieren und mit anderen Wissenschaften vergleichen. Das Verhältnis von theoretischem und praktischem Material in Dissertationen zu kriminologischen themen aufzeigen.*

Methodologie: *Dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, Methode der juristischen Forschung, vergleichsweise rechtliche Methode, formal-rechtliche Methode, systemische Methode*

Schlussfolgerungen. *Die Kriminologie entwickelt sich in Abhängigkeit vom wissenschaftlichen und technologischen Fortschritt und der Modernisierung der gesellschaftlichen Beziehungen. Die Kriminalwissenschaft verfügt über ein wertvolles Wissenspotenzial, eine gewichtige Ressource von Wissenschaftlern und günstige Aussichten. Der Ausschluss von Kriminalität als Forschungsobjekt auf dem Gebiet der Kriminologie würde diese Wissenschaft zerstören.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Besonderheiten der Forschung auf dem Gebiet der Kriminologie sind in der These gekennzeichnet, es werden typische Dissertationen im betrachteten Bereich angegeben, die das allgemein akzeptierte Verhältnis von theoretischem und praktischem Material ausdrücken. Moderne kriminologische Bewertungen der Entwicklungen der russischen Kriminalitätentendenzen wurden unter Berücksichtigung der Kriminalitätstrends und ihrer Perspektiven aufgedeckt.*

Stichworter: *Kriminologie, Kriminalitätwissenschaft, wissenschaftliche Richtung, theoretische Wissenschaft, Kriminalität, praktischer Nutzen.*

Voraussetzungen für die Konstruktion von strafrechtlichen Normen im Bereich der Terrorismusbekämpfung zur Haftung für Beihilfe sui generis (einer besonderen Art)

Bokow Dmitri Konstantinowitsch

Ziel: *Ziel dieses wissenschaftlichen Artikels ist es, die Unzulänglichkeit der Bestimmungen des klassischen Tatbestands der Mittäterschaft zur Bekämpfung terroristischer Gewaltverbrechen aufzuzeigen und die Notwendigkeit der Entwicklung von Anti-Terror-Strafrecht über die Haftung für Mittäterschaft besonderer Art zu begründen.*

Methodologie: *Der wissenschaftliche Artikel basiert auf allgemeinen (Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion) und speziellen (rechtsvergleichenden, historischen und juristischen) Erkenntnismethoden.*

Schlussfolgerungen. *Die Bestimmungen über die Mittäterhaftung und die Einheitlichkeit ihrer Absicht beschränken den Anwendungsbereich des Instituts der Mittäterschaft zwangsläufig auf Handlungen, die die Infrastruktur des Terrorismus bilden. Außerhalb seines Anwendungsbereichs verbleiben insbesondere: die sogenannte „gescheiterte Mittäterschaft", d.h. organisatorische, anstiftende, unterstützende Tätigkeit, die nicht zur Ausführung einer terroristischen Handlung (eines Anschlags) führte; verschiedene Formen der Unterstützung bei der Begehung terroristischer Straftaten, die mit ungewisser Absicht begangen werden, ohne dass eine wechselseitige subjektive Verbindung zwischen dem Täter und den ihn unterstützenden Personen besteht. Obwohl diese Handlungen keine Mittäterschaft begründen, bergen sie eine relativ hohe öffentliche Gefahr, die sich um ein Vielfaches erhöht, wenn sie auf die Begehung terroristischer Handlungen abzielen, was eine angemessene strafrechtliche Reaktion erfordert. Im Völkerstrafrecht wird die festgestellte Unzulänglichkeit des klassischen Instituts der Mittäterschaft durch die Schaffung antiterroristischer Strafrechtsnormen zur Haftung für Mittäterschaft sui generis (einer besonderen Art) kompensiert. Somit dient das Völkerrecht als wichtige Leitlinie für die unabhängige Kriminalisierung von Komplizenschaften, die die Infrastruktur des Terrorismus bilden, in der russischen Strafgesetzgebung.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die im Artikel vorgestellten Schlussfolgerungen tragen zur Entwicklung der Doktrin der Komplizenschaft bei einem Verbrechen bei und schaffen eine theoretische Grundlage für die Bekämpfung terroristischer Verbrechen.*

Stichwörter: *Terrorismus, Komplizenschaft bei einem Verbrechen, Komplizenschaft besonderer Art.*

Strafrechtliche Verantwortlichkeit für sexuelle Handlungen gegen Personen unter sechzehn Jahren: Zustand und mögliche Perspektiven

Bimbinov Arseniy Alexandrovich

Ziel: *die Probleme der strafrechtlichen Regelung der Haftung für sexuelle Handlungen gegenüber Personen unter sechzehn Jahren unter Berücksichtigung des aktuellen Stands der Gesetzgebung und der Strafverfolgungspraxis zu begründen und Lösungsmöglichkeiten vorzuschlagen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methode, systemische Methode, Methode der branchenübergreifenden juristischen Forschung.*

Schlussfolgerungen. *Es wird eine detaillierte Analyse der statistischen Daten zu Straftaten gemäß den Artikeln 131–135 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation durchgeführt, und es wird die Schlussfolgerung begründet, dass sich die Struktur solcher Straftaten in den letzten Jahren nicht so sehr aufgrund kriminologischer Faktoren, sondern als Folge wiederholter strafrechtlicher Reformen erheblich verändert hat. Abschließend wird ein Konzept zur Reform der Artikel 134 und 135 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgeschlagen, das auf die Beseitigung der Rechtsunsicherheit, die Harmonisierung der strafrechtlichen Vorschriften und die Erhöhung der Wirksamkeit des Schutzes der sexuellen Integrität von Minderjährigen ohne übermäßige Kriminalisierung abzielt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Besondere Aufmerksamkeit wird der Kritik an den geltenden Normen gewidmet, die eine Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für gewaltfreie Sexualverbrechen in Abhängigkeit von den biologischen und sexuellen Merkmalen der Teilnehmer sowie der Form des sexuellen Kontakts vorsehen. Es wird nachgewiesen, dass dieses Vorgehen nicht den tatsächlichen Grad der öffentlichen Gefährlichkeit der Taten widerspiegelt. Auf der Grundlage der Analyse der forensischen und psychologisch-psychiatrischen Auswirkungen verschiedener Formen sexueller Beeinflussung von Minderjährigen wird vorgeschlagen, die Wahrscheinlichkeit und Schwere der Folgen für das Opfer als objektiven Faktor der öffentlichen Gefahr als Kriterium für die Differenzierung der Verantwortung zu verwenden.*

Die Arbeit befasst sich auch mit den Diskussionsaspekten der Qualifikation kontaktloser verdorbener Handlungen, auch im Lichte der Anmerkung zu Artikel 131 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, die häufig zur Anerkennung solcher Handlungen als gewalttätig führt, obwohl kein körperlicher Kontakt besteht. Es werden konkrete

Gerichtsverfahren analysiert, die die Unverhältnismäßigkeit der Sanktionen aufzeigen und gegen die Grundsätze der Gerechtigkeit und der Individualisierung der Strafe verstoßen.

Stichworter: *sexuelle Integrität, Minderjährige, Sexualstraftaten, Sexualstraftaten, Vergewaltigung, Gewalttaten, sexueller Charakter, sexuelle Handlungen, ausschweifende Handlungen, Geschlechtsverkehr, Männlichkeit, ausschweifende Handlungen.*

Verbrechen gegen die Justiz

Golubev Stanislav Igorevich, Talan Maria Wjatscheslawowna,
Pokrowski Igor Rustemowitsch

Ziel: *Das Hauptziel dieser Studie ist die umfassende Charakterisierung der Straftatbestände, die in Kapitel 31 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation aufgeführt sind. Besonderes Augenmerk wird dabei auf Straftatbestände gelegt, deren Täter Personen sind, die im Strafverfolgungsdienst tätig sind. Darüber hinaus wird zur Verbesserung des Strafrechts die ausländische Erfahrung bei der Regelung der Verantwortung für diese Art von Straftaten analysiert.*

Methodik: *formal-juristische, analytische, synthetische, dialektische, systemische, logische und rechtsvergleichende Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Straftaten, die sich gegen die Beziehungen in dem betrachteten Bereich richten, stellen eine große Gefahr dar, da sie zu einem Anstieg der Kriminalität und einer negativen Einstellung der Bürger gegenüber dem Staat und dem Recht führen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung der Arbeit liegt in der Möglichkeit der weiteren Erforschung des behandelten Themas auf der Grundlage der in diesem Artikel gezogenen* ***Schlussfolgerungen.*** *Die praktische Bedeutung der Arbeit liegt darin, dass die gezogenen Schlussfolgerungen als Grundlage für Änderungen der geltenden Gesetzgebung dienen können.*

Stichwörter: *Straftaten gegen die Justiz, Straftatbestand, Strafgesetzbuch der Russischen Föderation.*

Bewusstsein für die soziale Gefährlichkeit einer Handlung als Kriterium für die Kriminalisierung von Handlungen Minderjähriger

Gramatchikov Vladimir Andreevich

Ziel: *Diese Studie zielt darauf ab, bestehende Konflikte im Strafrecht im Zusammenhang mit der Strafverfolgung von Minderjährigen zu identifizieren und umfassend zu analysieren sowie jüngste strafrechtliche Änderungen zu bewerten, die den Schutz von Minderjährigen vor der Beteiligung an Straftaten Erwachsener stärken sollen. Besonderes Augenmerk liegt auf dem Verhältnis zwischen Täter- und Opferalter sowie auf den psychologischen Aspekten von Minderjährigen.*

Methodologie: *Die Studie verwendet rechtsvergleichende, formaljuristische und systemische Analysemethoden. Die Untersuchung basiert auf der Prüfung geltender Gesetze, ihrer jüngsten Änderungen, statistischer Daten zur Jugendkriminalität sowie der psychologischen und rechtlichen Merkmale der Adoleszenz. Besonderes Augenmerk liegt auf der Frage der Strafmündigkeit Minderjähriger.*

Schlussfolgerungen. *Es wurde festgestellt, dass Minderjährige unter 14 Jahren bis vor Kurzem de jure von Erwachsenen als Werkzeuge zur Begehung von Straftaten missbraucht wurden — eine Praxis, die im Strafrecht nicht ausreichend berücksichtigt wurde. Die am 28. Dezember 2025 in Kraft getretenen Änderungen des Artikels 150 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation schlossen diese Lücke durch die Einführung einer separaten Klassifizierung für die Beteiligung von Minderjährigen sowie für Fälle, in denen die Tat gegen zwei oder mehr Minderjährige begangen wird. Dies markiert einen Wandel hin zu einem Modell, in dem Minderjährige nicht nur als Beteiligte, sondern als Objekte des strafrechtlichen Schutzes anerkannt werden. Die Arbeit schlägt außerdem vor, die mit Artikel 205.6 des Strafgesetzbuches verbundenen gesetzlichen Widersprüche durch eine Klarstellung der Altersgrenze für die Strafmündigkeit zu beseitigen. Darüber hinaus wird die Machbarkeit einer Änderung des Mindestalters für die Strafverfolgung nach mehreren Artikeln (Artikel 281, 295 und 318 des Strafgesetzbuches) unter Berücksichtigung des Bewusstseins und der rechtlichen Entwicklung von Jugendlichen untersucht.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Dieser Artikel ist relevant für Gesetzgeber, Strafverfolgungsbehörden und Forscher im Bereich des Strafrechts und der Kriminologie, da er eine präzisere Definition der Grenzen der Strafmündigkeit von Minderjährigen unter Berücksichtigung der heutigen Realitäten ermöglicht. Die Studie ist auch für Fachkräfte aus den Bereichen Pädagogik und Jugendpsychologie von Nutzen, da sie eine Symbiose von Recht und Psychologie darstellt und die Bedeutung psychologischer Aspekte bei der Beurteilung jugendlichen kriminellen Verhaltens und der Formulierung rechtlicher Reaktionen hervorhebt. Die*

Ergebnisse der Studie können zur Verbesserung der Gesetzgebung und zur Entwicklung von Empfehlungen für die Individualisierung der Verantwortlichkeit von Jugendlichen in Abhängigkeit von ihrem Rechtsbewusstsein und dem Grad ihrer Beteiligung an kriminellen Handlungen genutzt werden.

Stichworter: *Strafrecht, soziale Gefährdung, Jugendkriminalität, abweichendes Verhalten, Adoleszenz, Kriminalisierung von Handlungen, Altersprüfung, psychologische Aspekte, Zulässigkeit der Entkriminalisierung, Kriminalstatistik.*

Öffentliche Demonstration, auch in den Medien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich des Internets), als Zeichen von Schlägen

Dmitrenko Andrey Petrovich, Kucyk Valeria Pavlovna

Ziel: *eine dogmatische Auslegung bestimmter Merkmale der öffentlich zur Schau gestellten Körperverletzung, einschließlich der Massenmedien oder der Informations- und Telekommunikationsnetze (einschließlich des Internets), vorzunehmen.*

Methodologie: *Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Auf der Grundlage der durchgeführten Untersuchungen wurde der Inhalt von Straftaten, die durch öffentliche Demonstrationen, einschließlich in den Medien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich Internet), begangen werden, geklärt. Es wurde festgestellt, dass die öffentliche Demonstration, einschließlich in den Massenmedien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich des Internets), bei einer Straftat nach Artikel 116 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation entweder als Rahmen für die Begehung der Straftat oder als eigenständige Handlung fungieren kann, die in Verbindung mit Schlägen oder anderen gewalttätigen Handlungen, die körperliche Schmerzen verursachen, eine einzige komplexe Straftat bildet. Es wurde nachgewiesen, dass Körperverletzungen, die durch öffentliche Vorführung in Massenmedien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich Internet) begangen werden und durch die Platzierung von einschlägigem Material in diesen Medien oder Netzen erfolgen, eine fortgesetzte Straftat darstellen. Unter Berücksichtigung dieses Umstandes werden die Besonderheiten des rechtlichen und tatsächlichen Zeitpunkts der Beendigung der Straftat gemäß Artikel 116 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation präzisiert.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Auf der Grundlage der durchgeführten Forschung werden theoretische Schlussfolgerungen formuliert, die die Interpretation einiger Anzeichen von Körperverletzungen bei öffentlichen Demonstrationen, einschließlich in den Medien oder Informations- und Telekommunikationsnetzen (einschließlich Internet), klären. Die Ergebnisse der Studie können als theoretische Grundlage für die Verbesserung der Praxis der Anwendung von Artikel 116 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation dienen.*

Stichwörter: *Batterie, öffentliche Demonstration, Massenmedien, Informations- und Telekommunikationsnetze, Internet.*

Eine rechtsvergleichende Analyse der Besonderheiten der Umsetzung strafrechtlicher Bestrafung in Form von Haft in einer militärischen Disziplinareinheit nach der Gesetzgebung der Russischen Föderation und der Republik Aserbaidschan

Braschin Juri Jurjewitsch, Dubow Egor Igorevich, Lukyanov Ruslan Igorevich

Ziel: *Durchführung eines analytischen und vergleichenden Vergleichs der Merkmale der Vollstreckung strafrechtlicher Bestrafung in Form von Haft in einer militärischen Disziplinareinheit gemäß der nationalen Strafgesetzgebung und der Gesetzgebung der Republik Aserbaidschan.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Basierend auf den Ergebnissen der durchgeführten Forschung wurde ein Verständnis für die Besonderheiten der Umsetzung der betreffenden Strafe entwickelt, die wesentlichen Voraussetzungen für die Bildung des bestehenden Strafgesetzgebungsmodells zur Regulierung der Aktivitäten von Militärpersonal wurden identifiziert und die Vision des Autors für die Weiterentwicklung der strafrechtlichen Regulierungs- und Aufklärungsarbeit mit Militärpersonal wurde auf der Grundlage der positiven Erfahrungen der Republik Aserbaidschan vorgeschlagen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Diese Studie unterstreicht die zunehmende Relevanz einer umfassenden Untersuchung der Besonderheiten der Umsetzung der strafrechtlichen Freiheitsstrafe in einer militärischen Disziplinareinheit. Aus akademischer Sicht ermöglichen die vorgeschlagenen doktrinären Ideen und Positionen ein tieferes Verständnis dieser Strafe unter Berücksichtigung der bestehenden aserbaidschanischen*

Strafrechtspraxis hinsichtlich ihrer Umsetzung. Aus praktischer Sicht wird die Erforschung der Umsetzung der strafrechtlichen Freiheitsstrafe in einer militärischen Disziplinareinheit in zwei unabhängigen Staaten zur Verbesserung der Regulierungs- und Bildungsmechanismen des nationalen Strafvollzugssystems beitragen.

Stichwörter: *Bestrafung, militärische Disziplinareinheit, Militärpersonal, Strafrecht.*

Zur Frage der rechtlichen Kriterien für die Verursachung on Schäden während der Haft einer Person, die nach den Gesetzen der Russischen Föderation und der Länder der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten eine Straftat begangen hat

Kadnikov Nikolay Grigorievich, Karpuschkin Artem Wjatscheslawowitsch

Ziel: *Entwicklung von Vorschlägen zur Optimierung der nationalen Gesetzgebung in diesem Bereich unter Berücksichtigung internationaler Erfahrungen in Gesetzgebung und Strafverfolgung.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formalrechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode und systemische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Eine Zusammenfassung der rechtsvergleichenden Analyse der GUS-Gesetzgebung zum Schaden, der während der Inhaftierung einer Person entsteht, die eine Straftat begangen hat, zeigt minimale Abweichungen, die für eine Vereinheitlichung gemäß den Bestimmungen des GUS-Musterstrafgesetzbuchs zulässig sind, jedoch mit einigen Besonderheiten. Die terminologisch korrekte Bezeichnung des Inhaftierten als „Person, die eine sozial gefährliche Handlung begangen hat"(wie in Belarus, Usbekistan und Kasachstan) und nicht nur als „Verbrechen" wird als richtig erachtet. Dieses Konzept gewährleistet die rechtliche Legitimität der Inhaftierung bei direkter Beobachtung einer sozial gefährlichen Handlung, unabhängig von der späteren strafrechtlichen Einstufung. Die Machbarkeit einer Hierarchie der Haftsubjekte wird begründet: Strafverfolgungsbeamte haben Vorrang, Opfer und andere Personen haben subsidiäre Rechte (Modell Usbekistans, Tadschikistans und Kasachstans), was den Anforderungen des Musterstrafgesetzbuchs der GUS-Staaten besser entspricht. Positive ausländische Erfahrungen werden differenziert angepasst, um nationale Regelungen und Strafverfolgungspraktiken zu optimieren. Negative Präzedenzfälle unverhältnismäßigen Schadens, der zur Verletzung der Rechte von Inhaftierten führt, müssen dabei unbedingt berücksichtigt werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die derzeitige Strafrechtslehre ist sich im Allgemeinen einig, dass Kapitel 8 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation im Allgemeinen und Artikel 38 des Strafgesetzbuchs im Besonderen evaluative Konzepte enthalten, die die Anwendung dieser Bestimmungen erschweren. Die Forschungsergebnisse des Autors ergänzen und entwickeln die Strafrechtstheorie hinsichtlich möglicher Optionen zur Verbesserung der Schadenszufügung während der Haft einer Person, die eine Straftat begangen hat. Aus praktischer Sicht sollte die gesetzliche Konsolidierung der vorgeschlagenen Änderungen des Strafrechts die ordnungsgemäße Anwendung der einschlägigen Strafrechtsvorschriften erleichtern.*

Stichwörter: *Schäden, die während der Festnahme einer Person entstehen, die eine Straftat begangen hat, Umstände, die die Strafbarkeit einer Tat ausschließen, vergleichende Analyse, internationale Erfahrung, Polizeibeamter.*

Der Status einer Person, die eine Straftat außerhalb des Rahmens der strafrechtlichen Beziehungen begangen hat

Kufleva Valentina Nikolaevna

Ziel: *Der Artikel befasst sich mit der Analyse des Status einer Person, die eine Straftat außerhalb des strafrechtlichen Rahmens begangen hat. Ziel der Studie ist es, das Verständnis der komplexen Struktur des Rechtsstatus einer Person, die eine Straftat begangen hat, zu vertiefen und die im Zusammenhang mit den Beschränkungen dieser Stellung entstehenden Schwierigkeiten zu identifizieren. Besonderes Augenmerk wird auf die Beschränkungen gelegt, die sich aus der strafrechtlichen Bestrafung ergeben, die einen zentralen Stellenwert in der Regelung der strafrechtlichen Beziehungen einnehmen, sowie auf das Verhältnis strafrechtlicher Beschränkungen zu anderen Haftungsarten, insbesondere dem öffentlichen Recht und dem Privatrecht.*

Methodologie: *Die Methodik umfasst eine vergleichende Rechtsanalyse sowie die Untersuchung der aktuellen Gesetzgebung und Rechtspraxis (besonders Berücksichtigung der Positionen des Verfassungsgerichts der Russischen Föderation), was ein tieferes Verständnis der Besonderheiten der untersuchten Rechtsbeziehungen ermöglicht. Darüber hinaus werden Methoden der logischen Analyse eingesetzt, um die Zusammenhänge zwischen Rechtsnormen und den tatsächlichen Rechten und Pflichten von Personen, die eine Straftat begangen haben, zu identifizieren.*

Schlussfolgerungen. *Die Analyse zeigte, dass das strafrechtliche Verhältnis als Rechtsbeziehung zwischen Staat und Täter durch spezifische Beschränkungen gekennzeichnet ist, die nicht auf den Rahmen des Strafrechts beschränkt sind. Es wurde festgestellt, dass die Rechtsbeziehungen, die sich aus der begangenen Straftat ergeben, vielschichtig sind, wobei materielle und verfahrensrechtliche Komponenten eine wichtige Rolle spielen. Die Gesamtheit der Beschränkungen für Personen, die Straftaten außerhalb des Rahmens strafrechtlicher Beziehungen begangen haben, lässt sich in drei Hauptblöcken zusammenfassen: (a) Beschränkungen, die in den Normen der strafvollziehenden und anderen Gesetzgebungen vorgesehen sind und sich auf die Notwendigkeit beziehen, strafrechtliche Sanktionen und andere Maßnahmen strafrechtlicher Einflussnahme sicherzustellen und zu vollstrecken; (b) Beschränkungen im Zusammenhang mit der Umsetzung anderer als strafrechtlicher Haftungsarten für durch die Straftat aufgedecktes und (oder) Schaden verursachendes Verhalten; (c) allgemeine Beschränkungen für Personen, die Straftaten begangen haben, um das Risiko möglicher Schäden, die von ihnen ausgehen, zu minimieren. Diese Beschränkungen unterscheiden sich in Grundlage, Zweck, Inhalt und Geltungsdauer.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Studie liegt darin, dass sie die Notwendigkeit einer Überarbeitung bestehender Ansätze zum Rechtsstatus von Personen, die Straftaten begangen haben, unterstreicht, um den Umfang der rechtlichen Einschränkungen, denen sie ausgesetzt sind, genauer zu bestimmen. Die Ergebnisse können als Grundlage für weitere Forschungen im Bereich des Strafrechts und der Menschenrechte dienen.*

Stichwörter: *strafrechtliche Beziehungen; Rechtsstatus; Verbrechen; Strafe; Strafrecht; Rechte; Verpflichtung; Einschränkung von Rechten; Vorstrafenregister.*

Probleme bei der Auslegung des Objekts und der objektiven Seite des Verbrechens nach Art. 314.1 des Strafgesetzbuches

Melnikov Evgeny Alexandrovich

Ziel: *de lege lata und de lege ferenda dem Objekt und der objektiven Seite des Verbrechens gemäß Artikel 314.1 des Strafgesetzbuches unter Berücksichtigung der in der Wissenschaft und der Durchsetzungspraxis bestehenden Diskussionsfragen zu charakterisieren.*

Methodologie: *Die formal-logische Methode, die bei der Untersuchung als Schlüsselmethodik herangezogen wurde, hat es ermöglicht, die Rechtsvorschriften mit ihrer theoretischen Auslegung von verschiedenen Spezialisten im Straf- und Strafprozessrecht sowie den Erklärungen des Plenums des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation zu korrelieren. Durch einen dialektischen Ansatz hat der Autor eine Reihe von Vorschlägen von de lege ferenda zur Verbesserung der Disposition der in Teil 1 und Teil 2 des Artikels 314.1 des Strafgesetzbuches enthaltenen Normen gemacht. Darüber hinaus wurden diskursive, textbasierte, branchenübergreifende und institutionelle Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis vom Autor verwendet..*

Schlussfolgerungen. *Artikel 314.1 des Strafgesetzbuches vorgesehen ist, unterscheidet sich konzeptionell nicht vom Objekt der Übergriffe, die in Artikel 314 und 315 des Strafgesetzbuches vorgesehen sind. Sie sind öffentliche Beziehungen, die die Autorität der Justiz charakterisieren. Ein solches Verständnis des unmittelbaren Hauptobjekts dieses Verbrechens sollte die Möglichkeit ausschließen, die Handlungen derselben Person, die wiederholt gegen die Aufsichtspflicht verstößt, nach Teil 1 des Artikels 314.1 des Strafgesetzbuches für die Gesamtheit der Verbrechen zu qualifizieren.*

Das unmittelbare Hauptobjekt des Verbrechens, das in Teil 2 des Artikels 314.1 des Strafgesetzbuches vorgesehen ist, hat seine eigenen Eigenschaften. Um nach diesem Artikel strafrechtlich verfolgt zu werden, reicht es nicht aus, die Tatsache eines wiederholten Verstoßes gegen die Beschränkungen oder Beschränkungen der Verwaltungsaufsicht durch eine Aufsichtsperson festzustellen. Eine solche Wiederholung muss zusätzlich mit der Begehung einer anderen Ordnungswidrigkeit durch diese Person verbunden sein, die in Artikel 314.1 Absatz 2 des Strafgesetzbuches angegeben ist. Dieses Verbrechen greift also nicht nur auf die Interessen der Justiz, sondern auch auf eine andere Gruppe von Öffentlichkeitsarbeit ein. Daher ist die Frage der möglichen Gesamtheit von Verbrechen in den Handlungen derselben Person, die nach Artikel 314.1 Absatz 2 des Strafgesetzbuches die objektive Seite des Verbrechens erfüllt, eine neue Verletzung der Einschränkungen der Verwaltungsaufsicht, die mit der Begehung einer anderen in Artikel 314.1 Absatz 2 des Strafgesetzbuches genannten Ordnungswidrigkeit einhergeht, umstritten.

Es scheint richtig, dass neben den in Teil 1 und Teil 2 des Artikels 314.1 des Strafgesetzbuches vorgesehenen sozial gefährlichen Handlungen auch jede bösartige Nichterfüllung der Beschränkungen oder Beschränkungen der Verwaltungsaufsicht, auch ohne den Zweck der Umgehung, kriminalisiert wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Umsetzung der im Artikel beschriebenen Ansätze wird es ermöglichen, den Mechanismus der strafrechtlichen Sicherung des Instituts für Verwaltungsaufsicht zu verbessern.*

Stichwörter: *kriminalität, ordnungswidrigkeit, justiz, verwaltungsverfahren, vorurteil, steuerhinterziehung, verwaltungsaufsicht, pflicht, objekt, objektive seite.*

Die Fiktivität der Normen über die Verantwortung für die Begehung von Straftaten im Bereich der Außenwirtschaftstätigkeit

Nikiforova Alena Anatolyevna,

Ziel: *es besteht darin, Maßnahmen zur Verbesserung der Strafbarkeit für die Begehung von Straftaten im Bereich der Außenwirtschaftstätigkeit vorzuschlagen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, formal-rechtliche Methode, Systemmethode.*

Schlussfolgerungen. *Der vorgestellte Artikel trägt zur strafrechtlichen Bekämpfung von Verbrechen im außenwirtschaftlichen Bereich durch das Prisma der Machbarkeitsstudie der Normen des Strafrechts bei. Unter modernen Bedingungen benötigt der untersuchte Bereich eine nahezu einwandfreie Rechtssicherheit, um ein effektives Funktionieren der außenwirtschaftlichen und außenpolitischen Fragen zu gewährleisten. Angesichts der vielfachen Objektivität der Haftungsnormen für den Schmuggel gewinnen die Besonderheiten der Regelung der Haftungsnormen für den Schmuggel immer mehr an Bedeutung.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung dieses Artikels besteht vor allem darin, die technischen und rechtlichen Merkmale der Konstruktion von Normen über die Haftung für Verbrechen im außenwirtschaftlichen Bereich zu identifizieren, nämlich fiktive Normen zu erkennen, die eine qualitative Durchsetzung verhindern. Die praktische Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht darin, dem Autor Maßnahmen zur Verbesserung der geltenden Strafgesetzgebung vorzuschlagen, die die Haftung und Befreiung für den Schmuggel von Bargeld oder Instrumenten vorsieht, da die derzeitige Praxis das Fehlen eines einheitlichen Ansatzes in dieser Richtung zeigt.*

Stichwörter: *Kriminalität, Außenwirtschaftstätigkeit, Schmuggel, Bargeld, Zahlungsmittel, Fiktion, Strafrecht.*

Die Reihenfolge der Aussagen in den Beschlüssen des Plenums des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation zu Fragen der Anwendung des Strafrechts

Razogreeva Anna Mikhailovna

Ziel: *Auf der Grundlage einer funktionellen Analyse der Arten von Aussagen in den gewählten Beschlüssen des Plenums des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation über die Anwendung des Strafrechts (Qualifikation, Bestrafung, Einführung der Theorie) einen neuen Ansatz in der Diskussion über ihre Rechtsnatur als Rechtsquellen zu rechtfertigen*

Methodologie: *funktionelle Textanalyse, Analyse von Aussagen, Diskursanalyse, Bürokratietheorie, Hermeneutik*

Schlussfolgerungen. *Die Studie hat ergeben, dass die primäre Art der Äußerung in den Texten der betrachteten Verordnungen nicht die Auslegung von Merkmalen eines Gesetzes durch Definitionen oder Listen (10–15%) ist, sondern direkte Anweisungen zur Durchsetzung für typische praktische Situationen die Qualifikation für oder ohne Verfügbarkeit, die Reihenfolge der Berücksichtigung von speziellen Regeln für die Bestrafung oder die Notwendigkeit, sie gleichzeitig zu berücksichtigen (etwa 60%). Auch die technischen Anforderungen für das Schreiben eines Satzes (15–20%) nehmen einen beträchtlichen Umfang im Inhalt der Urteile ein. In einzelnen situ-ationen bilden die Plenumbeschlüsse die Norm des Strafrechts ab, was als direkte Rechtsetzung von normativem und nicht als Präzedenzfall angesehen werden kann.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Auf der Grundlage der durchgeführten Analyse und Daten schlägt der Autor vor, die Plenumsbeschlüsse in der aktuellen Periode als synthetische Vorschriften zu betrachten, die verschiedene Arten von Aussagen (instruktiv, interpretativ und rechtlich) (wissenschaftliche Bedeutung) enthalten, und in Zukunft — den Inhalt des Rechts zu begrenzen, füge ich mit Erklärungen und Normen des intrepräsentativen Charakters hinzu, indem ich die Anweisungen zwischen der Durchsetzungspraxis zur Korrektur von gerichtlichen Fehlern und den organisatorischen und methodischen Maßnahmen im Justizsystem (praktische Bedeutung) umverteilen kann, was die Qualität der Durchsetzung nach dem Kriterium der Gleichförmigkeit auf lange Sicht verbessern kann*

Stichwörter: *Quellen des Rechts, Plenumsbeschluss, Erklärung des Rechts, Oberster Gerichtshof, Lehre, Auslegung, Rechtsetzung, Einheitlichkeit der Anwendung, Gerichtspraxis*

Rechtliche Risiken der Organisation und Durchführung öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters

Solovjev Vladislav Sergeevich

Ziel: *Systematisierung der rechtlichen Risiken im Zusammenhang mit der Organisation und Durchführung öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters, die in der Swinger-Subkultur verbreitet sind.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-juristische Methode, systemische Methode, Befragungen von Organisatoren und Teilnehmern öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters, Inhaltsanalyse von Websites und Telegram-Kanälen, teilnehmende kriminologische Beobachtung sowie Analyse der Rechtsprechung.*

Schlussfolgerungen. *Es werden Risiken im informationskommunikativen Umfeld (Online-Risiken) beschrieben, die während der Organisation, Durchführung und nach Abschluss öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters auftreten, sowie Risiken im unmittelbaren Zusammenhang mit der Veranstaltungsdurchführung (Offline-Risiken). Zu den besonders relevanten zählen: die Förderung nicht-traditioneller sexueller Beziehungen, die Verbreitung von Pornografie, die Einbeziehung Minderjähriger, die Verletzung der Privatsphäre, Betrug und Erpressung, Prostitution, illegaler Drogenhandel sowie die Verbreitung sexuell übertragbarer Krankheiten. Konkrete Kriterien zur Qualifizierung von Handlungen als Förderung nicht-traditioneller sexueller Beziehungen wurden vorgeschlagen, darunter: die Beteiligung von Vertretern der LGBT-Community, die Darstellung gleichgeschlechtlicher Beziehungen sowie die Verwendung von LGBT-Symbolik in Ankündigungen oder Medienmaterialien. Es wurde festgestellt, dass selbst bei Beseitigung dieser Faktoren für Veranstalter das Risiko einer Inanspruchnahme nach Art. 6.21 des Verwaltungsgesetzbuches der RF aufgrund der Unbestimmtheit des Begriffs "nicht-traditionelle sexuelle Beziehungen"fortbesteht. Eine vollständige Risikobeseitigung ist aufgrund der spezifischen Natur der Veranstaltungen und gesetzlicher Widersprüche objektiv unmöglich. Für jede Risikoart wurden präventive Maßnahmen entwickelt, die die Wahrscheinlichkeit straf- oder ordnungswidrigkeitsrechtlicher Konsequenzen für Veranstalter und Teilnehmer minimieren. Dies trägt zum Ausgleich zwischen dem Schutz öffentlicher Interessen und der Gewährleistung von Wahlfreiheit bei der Ausübung sexueller Aktivitäten bei.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Arbeit schließt eine Forschungslücke in der Untersuchung der rechtlichen Regulierung öffentlicher Veranstaltungen sexuellen Charakters und deren medialer Begleitung. Sie entwickelt Kriterien zur Qualifizierung von Handlungen als Werbung für nicht-traditionelle sexuelle Beziehungen und untersucht die Rolle solcher Veranstaltungen im Bedingungsgefüge verschiedener Kriminalitätsformen.*

Stichwörter: *Swinger-Subkultur; öffentliche Veranstaltungen sexuellen Charakters; nicht-traditionelle sexuelle Beziehungen; traditionelle Werte; Werbung für nicht-traditionelle sexuelle Beziehungen; Pornografie; Prostitution; illegaler Drogenhandel; Privatsphäre; Erpressung.*

Besonderheiten der Bestrafung in Form von Zwangsarbeit

Dolgopolow Kirill Andrejewitsch

Ziel: *Untersuchung der Besonderheiten der Verhängung von gemeinnütziger Arbeit und Aufzeigen des Verbesserungsbedarfs des gesetzlichen Rahmens.*

Methodologie: *formal-juristische Methode, rechtsvergleichende Methode, dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, Systemmethode und interdisziplinäre Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Der Artikel zeigt, dass gemeinnützige Arbeit eine relativ milde Strafform darstellt und daher als vierte Strafart im Strafsystem des Artikels 44 des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation aufgeführt ist. Die Gründe für die Verhängung von gemeinnütziger Arbeit werden detailliert beschrieben und die wichtigsten Merkmale dieser Strafart dargelegt. Statistiken zu den Sanktionen im Besonderen Teil des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation, die gemeinnützige Arbeit als Strafmaßnahme beinhalten, werden vorgestellt und analysiert. Es wird der Kreis der Personen analysiert, die nicht zu gemeinnütziger Arbeit verurteilt werden können. Es wird vorgeschlagen, die Liste der Personen zu erweitern, die nicht zu gemeinnütziger Arbeit verurteilt werden können. Die Notwendigkeit einer Spezifizierung der Arten von gemeinnütziger Arbeit wird diskutiert. Der Artikel listet die Umstände auf, die Strafverfolgungsbehörden bei der Verhängung einer Strafe in Form von gemeinnütziger Arbeit berücksichtigen sollten. Er weist darauf hin, dass die gemeinnützige Arbeit weder ausgesetzt noch auf Bewährung entlassen werden kann. Es werden Argumente für eine Ausweitung der Bewährung auf gemeinnützige Arbeit vorgebracht. Die Schlussfolgerung lautet, dass gemeinnützige Arbeit eine erfolgreiche Alternative zur Freiheitsstrafe darstellt, jedoch weiterer gesetzlicher Verbesserungen bedarf.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Artikel trägt zur Weiterentwicklung des Strafrechts bei. Die praktische Bedeutung der Arbeit liegt darin, dass Vorschläge zur gesetzlichen Verbesserung der gemeinnützigen Arbeit eine effektivere Anwendung dieser Strafart ermöglichen.*

Stichwörter: *strafrechtliche Bestrafung, Verhängung einer Strafe, Art der Strafe, gemeinnützige Arbeit, Höhe der Strafe, Strafrecht, Sanktion nach dem Artikel.*

Neurokriminologie: Kann die Gehirnaktivität kriminelles Verhalten vorhersagen?

Yuldosheva Alina Kozimjon kizi, Rybushkin Nikolay Nikolaevich

Ziel: *Eine umfassende Studie über die Möglichkeiten des neurokriminologischen Ansatzes zur Vorhersage kriminellen Verhaltens durch die Analyse neurobiologischer Mechanismen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formellrechtliche Methode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.*

Schlussfolgerungen. *Die Ergebnisse zeigen, dass bestimmte Gehirneigenschaften tatsächlich mit einer erhöhten Neigung zu kriminellem Verhalten verbunden sind. Insbesondere Personen mit antisozialen Tendenzen weisen häufig Veränderungen im präfrontalen Kortex auf (der für die Selbstkontrolle zuständig ist). Es ist jedoch wichtig zu verstehen, dass Gehirneigenschaften nur einer von vielen Faktoren sind, die menschliches Verhalten beeinflussen. Unsere Ergebnisse deuten darauf hin, dass kriminelles Verhalten nicht allein durch biologische Ursachen erklärt werden kann. Es ist vielmehr richtig, es als Ergebnis eines komplexen Zusammenspiels zwischen angeborenen Eigenschaften, psychologischen Merkmalen und dem sozialen Umfeld zu betrachten.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung liegt im Beitrag zur Entwicklung der modernen Kriminologie durch die Systematisierung und kritische Analyse der neuesten Erkenntnisse der Neurokriminologie, die es ermöglicht, das theoretische Verständnis der biologischen Grundlagen kriminellen Verhaltens zu erweitern. Die praktische Bedeutung zeigt sich in der Möglichkeit, die erzielten Ergebnisse zur Verbesserung der Tätigkeit von Strafverfolgungsbehörden und Strafvollzugsanstalten zu nutzen, da die identifizierten Muster der Beziehung zwischen Gehirnfunktionen und der Neigung zu kriminellem Verhalten zur Entwicklung wirksamerer Methoden der Kriminalprävention genutzt werden können.*

Stichwörter: *Kriminologie, Neurokriminologie, Kriminalitätsvorhersage, Kriminalitätsprävention, kriminelles Verhalten, Gehirnaktivität, Hirnschäden.*

Ökokriminologie (oikosviktimalogos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (privates ökokriminologisches Pilotprojekt)
Teil 5

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Ziel: *1) die konzeptionellen Grundlagen des ökozentrischen (biogenozentrischen) Übergangsparadigmas, die die Notwendigkeit neuer wissenschaftlicher Richtungen bedingen, zu begründen, nämlich „Ecoviktimologie“, „Ökokriminoviktimologie“ und „Ökoviktimalistik“. Befestigung des wissenschaftlich-konzeptionellen Apparates. Definition der Rolle in der transdisziplinären und multimodalen ökokriminal-forensischen Architektur des Ökosicherheitssystems und ihrer Bedeutung im staatlichen Ökomonitoring. Dies ist notwendig, um verifizierbare, repräsentative Daten über die ökokriminogene, ökoriminale Viktimisierung der Gesellschaft und irreversible Prozesse und Faktoren zu erhalten, die zu einer außergewöhnlichen Ökoviktimisierung der Gesellschaft beitragen.*

2) die Wechselbeziehung und die Unterschiede zwischen Subjekt und Objekt der betrachteten Disziplinen im Rahmen der ökokriminologischen und viktimologischen Analyse aufzuzeigen. Gleichzeitig werden die Typologie, die nur Ökoviktimern innewohnt, und die Unterschiede zwischen dem irreversiblen Einfluss ökokriminologischer latenter Faktoren und dem von Ökokriminalität verursachten Einfluss auf Ökosysteme (Biota) sowie die ökokriminologische Korrelation bei der Entstehung von Ökoviktimern und Öko-Opfern hervorgehoben;

3) Wissenschaftler des Jugendverbandes der Union der Kriminologen und Kriminologen, andere Vereinigungen in den Orbit der vielversprechenden, durch ihren Erkenntnisgegenstand einzigartigen transdisziplinär-multimodalen Forschung in dem Bereich einzubeziehen, von dem in der Tat die weitere nachhaltige Existenz des „Homo sapiens“ als vernünftiges Wesen abhängt, das in der Lage ist, nicht zum Öko-Opfer zu werden und nicht nur das Recht eines jeden auf eine günstige Umwelt wirklich zu gewährleisten, sondern auch ein wissenschaftlich fundiertes (akzeptables) Gleichgewicht zwischen der Wirksamkeit des Ökosicherheitssystems und der exorbitanten Nachfrage zu finden

Methodologie: *Dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode und die transdisziplinär-multimodale integrierte Methode der Ökokriminologie des Autors, die zum ersten Mal in Russland getestet wurde.*

Schlussfolgerungen. *Auf der Grundlage der bisher erzielten Forschungsergebnisse des Autors während der Entwicklung innovativer Technologien und Systeme zur Bekämpfung der grenzüberschreitenden Ökokriminalität*

gelingt es dem Autor, das gesuchte multimodale Ecokriminal-forensische Matrix-Modell integrierter digitaler Technologien und modularer Systeme (Subsysteme) auf der Grundlage seiner Entwicklungen zu entwickeln, um die Wirksamkeit zu gewährleisten.

Als Ergebnis wird das multimodale Konzept des Autors entwickelt und in Form eines Pilotprojekts (zur weiteren Erprobung) vorgeschlagen, das die Schaffung neuer miteinander verbundener, voneinander abhängiger modularer Disziplinen mit einer konsequenten Umwandlung in wissenschaftliche Bereiche begründet: „Ökokriminoviktimologie"; „Ökoviktimologie"; „Ökoviktimismus". Analysiert wird die Problematik der Korrelation von ökokriminellen und ökokriminogenen Komponenten in der Ökokritikalisierung der Gesellschaft, die ausnahmslos alle Bevölkerungsgruppen, soziale Institutionen und Ökosysteme betrifft. Die Systematisierung des Profilthesaurus, des wissenschaftlichen und begrifflichen Apparats, der Typologie und der Klassifizierung wird unter Berücksichtigung der Hauptunterschiede der Ökoviktimisierung von allen bekannten Verbrechensarten und der viktimologischen Lehren über diese Opfer konkretisiert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die erzielten Ergebnisse ermöglichen: 1.Personal auf Expertenniveau auszubilden, das den modernen ökorisikoorientierten Anforderungen der Strafverfolgungspraxis gerecht wird; 2.transdisziplinär-multimodale Forschung zu betreiben, die durch den Grad der ungelösten systemischen Probleme in diesem Bereich der wissenschaftlichen Forschung bestimmt wird; 3.die Ökoviktimologie zwingt uns (die Gesellschaft) dazu, interdependente Gesetzmäßigkeiten der ökoviktimologischen und ökosozialen Philosophie der tiefen Prozesse der Ursachen, Bedingungen, bestimmbaren Phänomene der Entstehung von Öko-Opfern (Öko-Opfer) zu erkennen und differenziert bedingte. 4. sicherstellen, dass die objektive ökoviktimologische Analyse (Verifizierung) relevant ist. Auf diese Weise wird die Notwendigkeit der Gewinnung repräsentativer ökokriminologischer und ökokriminoviktimologischer Analysedaten zusammen mit anderen ökokriminologisch-kriminologischen Indikatoren in der Struktur eines einheitlichen Ökomonitorings auf dem gesamten Territorium Russlands festgestellt.*

Stichwörter: *Ökoviktimologie, Ökokriminoviktimologie, Ökoviktimalistik, ökoviktimologisches Monitoring, ökokriminelle und ökokrimenogene Viktimisierung der Gesellschaft, Ökoviktima, Ökovictim, Öko-Opfer, Öko-Victim, Öko-Deviantologie, Öko-Kriminologie, Umweltkriminalität, multifunktionales multimodales System zur Gewährleistung der ökologischen Sicherheit.*

Rechtliche und organisatorische Fragen bei der Bekämpfung der illegalen Entnahme und des Handels mit seltenen und gefährdeten Tierarten

Antonyan Elena Aleksandrovna, Kleshchina Elena Nikolaevna

Ziel: *bei der Ermittlung der wichtigsten kriminologischen Faktoren, die zur Entstehung von Straftaten im Zusammenhang mit der illegalen Gewinnung und dem Handel mit seltenen und gefährdeten Tierarten beitragen, sowie bei der Ermittlung von Mängeln in den Rechtsrahmen und der Praxis ihrer Anwendung im Bereich des Schutzes besonders wertvoller biologischer Ressourcen.*

Methodologie: *basiert auf einem systemischen und interdisziplinären Ansatz, einschließlich einer Analyse der aktuellen Gesetzgebung der Russischen Föderation und internationaler Verträge (einschließlich CITES).*

Schlussfolgerungen. *Die illegale Entnahme und der Handel mit seltenen Tieren sind ein komplexes kriminelles Phänomen, das sich durch grenzüberschreitende Aktivitäten, hohe Latenz, die Beteiligung organisierter Gruppen und eine anhaltende Nachfrage nach biologischen Objekten auszeichnet, die in der Roten Liste der Russischen Föderation und internationalen Listen geschützter Arten aufgeführt sind.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Um die Modernisierung der Rechtsrahmen für den Schutz seltener Tiere zu rechtfertigen, werden Maßnahmen zur Verbesserung der behördenübergreifenden Zusammenarbeit vorgeschlagen und ein umfassender kriminologischer Ansatz zur Prävention und Bekämpfung dieser Art von Kriminalität entwickelt. Die erzielten Ergebnisse können zur Entwicklung von Gesetzesinitiativen und zur Verbesserung der Strafverfolgungspraxis genutzt werden.*

Stichwörter: *Illegale Jagd auf Tiere, seltene Arten, Rote Liste der Russischen Föderation, organisierte Kriminalität, Umweltkriminalität.*

Anwendung elektronischer Ressourcen bei der Identifizierung, Offenlegung und Untersuchung von Verbrechen Im Bereich des Drogenhandels

Borisova Oksana Vladimirovna, Voronkov Dmitry Valerievich

Ziel: *Berücksichtigung von Methoden zur Identifizierung von Verbrechen im Bereich des Drogenhandels mithilfe von Software, die im Arsenal von Strafverfolgungsbeamten verfügbar sind.*

Methodologie: *Die Methode zur systematisierenden Daten, die in den untersuchten elektronischen Ressourcen enthalten sind, wurde verwendet. Die dialektische Methode der Erkenntnis, der rechtlichen Analyse, der Synthese und der Verallgemeinerung der erhaltenen Daten. Das Design wurde bei der Erstellung von Methoden zur Identifizierung und Lösung von Verbrechen angewendet.*

Schlussfolgerungen. *Die erhaltenen Daten ermöglichten es, einige Schemata zu entwickeln, um Informationen über Arzneimittelverbrechen und einen Kreis von Vorläufern und Chemikalien zu erhalten, die gleichzeitig zur Herstellung von Betäubungsmitteln verwendet werden. Die häufigsten Möglichkeiten, Informationen zu erhalten, die für die Offenlegung und Untersuchung von Verbrechen am Beispiel spezifischer Informationstechnologien wie OSINT, GEOINT, manueller Suche im Internet, AIS «Киви», AIS «Перевод», AIS «Незаконный оборот наркотиков» «АИПСИН — Анти-Наркотики», AIPS «АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-R» relevant sind, wurden bekannt gegeben.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die entwickelten Systeme können von Strafverfolgungsbehörden verwendet werden, um Straftaten im Bereich des Drogenhandels zu identifizieren und aufzudecken, sie können für die Ausbildung verwendet werden. Die Ergebnisse der Studie zeigen die Notwendigkeit, neue Ansätze zur Systematisierung von Daten zu finden, bestehende Instrumente zu verbessern, unter Berücksichtigung der Informatisierung öffentlicher Prozesse.*

Stichwörter: *Identifizierung von Verbrechen, Offenlegung von Verbrechen, Drogenhandel, automatisierte Informationssysteme, elektronische Ressourcen, Elektronische Konten.*

Besonderheiten von Ermittlungs- und anderen Verfahrensmaßnahmen bei der Aufklärung von Straftaten unter Bedingungen der Widerstandsfähigkeit gegen deren Aufdeckung und Untersuchung

Rakhmatullin Ramil Rashitovich

Ziel: *Die spezifischen Merkmale von Ermittlungs- und anderen Verfahrensmaßnahmen bei der Verbrechensaufklärung unter Berücksichtigung von Hindernissen bei der Identifizierung und Untersuchung von Straftaten zu ermitteln.*

Methodologie: *Die Wahl des methodischen Rahmens der Studie richtete sich nach Zweck und Zielsetzung. Die Methodik basiert auf der allgemeinen wissenschaftlichen dialektischen Methode der Erkenntnis objektiver Realität, Abstraktion, Analyse und Synthese, der soziologischen Methode sowie dem System-Aktivitäts- und Situationsansatz.*

Schlussfolgerungen. *Verbrechensaufklärung erfordert die maximale Konzentration von Anstrengungen und Ressourcen sowie die umfassende und zügige Anwendung von Ermittlungs- und anderen Verfahrensmaßnahmen zur Sammlung, Überprüfung und Auswertung von Beweismitteln. Neben den Ermittlungsmaßnahmen ist die gleichzeitige (parallele) Anwendung weiterer Verfahrensentscheidungen erforderlich, die darauf abzielen, Straftaten trotz Hindernissen bei der Identifizierung und Untersuchung von Straftaten aufzuklären: die Anwendung von Sicherheitsmaßnahmen gegen gutgläubige Beteiligte an Strafverfahren (oder deren Angehörige); die Isolierung des Beschuldigten (Verdächtigen), der einen destruktiven Einfluss auf diese Personen ausübt; die Förderung positiven Verhaltens beim Beschuldigten (Verdächtigen) und anderen potenziell widerständigen Personen. Zur Gewährleistung der Sicherheit von Gegenständen und Dokumenten mit forensischer Bedeutung usw.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *dieses Artikels liegt in der Entwicklung eines Systems begründeter* ***Schlussfolgerungen.*** *Dieses System ermöglicht die Bildung einer wissenschaftlichen und theoretischen Grundlage für die Entwicklung von Vorschlägen und Empfehlungen zur Verbesserung von Ermittlungs- und anderen Verfahrensmaßnahmen bei der Aufklärung von Straftaten trotz bestehender Hindernisse.*

Stichwörter: *Forensik, Detektion, Ermittlung, Korrelation, Widerstand, Erkenntnis, Aufdeckung, Neutralisierung, Strafverfolgung, Ermittler, Wahrheit.*

Zur „neuen Mündlichkeit“ des digitalen Zeitalters

Verkholetova Elena Yuryevna

Ziel: *Es soll die Angemessenheit der Verwendung des Begriffs „neue Mündlichkeit“ in der Forschung, auch in der Expertenforschung, zu den wichtigsten Aspekten der mündlichen Kommunikation im Internet erörtert werden. Der in letzter Zeit zu beobachtende Wandel hin zu einer zunehmend „umgangssprachlichen“ Öffentlichkeit und Medien, die Verwischung der Stilgrenzen und die zunehmende Unsicherheit von Definitionen werden diskutiert. Dies ist nicht nur auf die extreme Komplexität und Heterogenität des Phänomens Sprache selbst zurückzuführen, sondern auch auf den umgekehrten Einfluss der Technologie auf die Alltagssprache. Gleichzeitig ist sowohl im Bereich der „gewöhnlichen“ Umgangssprache, die scheinbar nichts mit digitalen Technologien zu tun hat, als auch im Bereich ihrer wissenschaftlichen Beschreibung ein Wandel hin zu einer immer größeren Vielfalt und zunehmenden Unsicherheit der Begriffe zu beobachten. Das heißt, die „Umgangssprachlichkeit“ aller Arten der modernen russischen Sprache wird zu einem Problem, das durch die rasante Entwicklung der Technologie noch komplizierter wird.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, Systemmethode, strukturdynamischer Ansatz.*

Schlussfolgerungen. *Trotz aller Attraktivität erweist sich der Begriff „neue Mündlichkeit" aus mehreren Gründen als nicht ganz ausreichend, um die Grenzen des äußerst heterogenen Phänomens zu bezeichnen, das mit diesem Begriff beschrieben wird.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Mündliche Sprache ist ein Gegenstand, der ständig untersucht wird, aber aufgrund seiner objektiven Komplexität und Heterogenität noch nicht vollständig erforscht ist. Es ist äußerst wichtig, Sprache als einen Prozess des Werdens zu betrachten, d.h. als eine chaotische dissipative Struktur, die uns der realen Lebenserfahrung näher bringt, gleichzeitig aber jede Regulierung der Sprache, einschließlich wissenschaftlicher, rechtlicher oder lexikografischer, erschwert. Für die fachliche Praxis ist es wichtig, die objektiven und relevanten Merkmale der Sprache zu berücksichtigen.*

Stichwörter: *neue Mündlichkeit, mündliche Rede, Umgangssprache, Spontaneität, Irreversibilität, Werden, Gedächtnis, Schreiben, Intonation, Zeichensetzung.*

Ausbildung von Experten für die Antikorruptionsprüfung von Rechtsvorschriften und Entwürfen von Rechtsvorschriften

Dyakonova Oksana Gennadyevna

Ziel: *Schulung von Experten für Antikorruptionsexpertise zu regulatorischen Rechtsakten und Entwürfen regulatorischer Rechtsakte.*

Methodologie: *Die Entwicklung der Kompetenz eines Experten im Bereich der Antikorruptionsexpertise in Bezug auf regulatorische Rechtsakte und Entwürfe regulatorischer Rechtsakte wird anhand eines dialektischen Ansatzes, Methoden der formalen Logik sowie Methoden der vergleichenden und formalen Rechtsforschung untersucht. Die Positionen von Wissenschaftlern zu Formen und Programmen der Expertenausbildung sowie zu den Bereichen des Fachwissens, die die Grundlage für die Kompetenzentwicklung bilden sollten, werden untersucht.*

Schlussfolgerungen. *Der Autor schlägt vor, die Berufsausbildung im Rahmen des Programms „Antikorruptionsexpertise in Bezug auf regulatorische Rechtsakte und Entwürfe regulatorischer Rechtsakte" nach bestimmten Kriterien zu differenzieren: Hochschulbildung, Berufserfahrung und Grundausbildung. Für Studierende einiger juristischer Fachrichtungen wird ein thematischer Plan für das Pflichtfach „Antikorruptionsexpertise in Bezug auf regulatorische Rechtsakte und Entwürfe regulatorischer Rechtsakte" vorgeschlagen. Der Inhalt der angegebenen Disziplin sollte Komponenten umfassen, die neben Wesen, Konzept, Zielen, Zwecken und organisatorischen und rechtlichen Aspekten der Antikorruptionsexpertise sowie methodischer Unterstützung und Phasen der Antikorruptionsexpertise auch Merkmale der Anwendung allgemeiner wissenschaftlicher und spezifischer wissenschaftlicher Methoden bei der Durchführung von Antikorruptionsexpertise, Merkmale der Erstellung eines Antikorruptionsexpertise-Berichts und andere Aspekte bestimmen. Es wird die Schlussfolgerung gezogen, wie wichtig es ist, einen umfassenden Ansatz für die Ausbildung eines Antikorruptionsexpertise-Experten sicherzustellen, der auf der Notwendigkeit basiert, ein spezifisches Expertendenken auf der Grundlage von Fachwissen im Bereich der Rechtswissenschaft, der Rechtslinguistik sowie des Fachgebiets zu entwickeln, in dem die Rechtsbeziehungen durch das zu untersuchende Gesetz geregelt sind oder werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die formulierten Schlussfolgerungen und Vorschläge können zur Entwicklung eines einheitlichen Ansatzes für die Ausbildung von Antikorruptionsexpertise-Experten, zur Festlegung klarer regulatorischer Anforderungen an ihre Kompetenz und zur Verbesserung der Professionalität durch die Entwicklung eines praxisorientierten Ausbildungsprogramms beitragen.*

Stichwörter: *Antikorruptionsexpertise; Experte; Kompetenz; Expertenschulung; Ausbildung.*

Methoden der mentalen Zustandsuntersuchung mit neuronalen Netzen

Sacharowa Natalja Wjatscheslawowna, Rossinskaya Elena Rafailovna,
Bodrov Nikolay Filippovich, Myskina Ksenia Mikhailovna, Gayduk Arseniy Yanovich,
Syunyakov Timur Sergeevich, Berezhnaya Karina Sergeevna, Sabanova Victoria Davydovna

Ziel: *Betrachtung bestehender wissenschaftlicher Entwicklungen zur Untersuchung des psychischen Zustands des Menschen mithilfe neuronaler Netze und Aufzeigen von Perspektiven für zukünftige Forschungen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Methoden der Analyse und Synthese, systemische Methode.*

Schlussfolgerungen. *In Russland wurde eine umfangreiche theoretische Grundlage für die Ermittlung signifikanter Merkmale von Objekten bei der Erstellung von gerichtlichen Gutachten geschaffen. Der Einsatz von neuronalen Netzen im Rahmen der Rechtsdurchsetzung erfordert die Schaffung einer methodischen und technologischen*

Grundlage für die Nutzung neuronaler Netze als neues Instrument der Expertenforschung. Für die Entwicklung von Expertenmethoden auf der Grundlage neuronaler Netze ist die Schaffung von Datenbanken für die Analyse und das maschinelle Lernen erforderlich. Dabei kann es sich um Sätze verifizierter strukturierter (z. B. Tabellen) oder unstrukturierter (z. B. Textdokumente oder Bilder) Daten mit einem regulierten Zugriffssystem handeln, die als Grundlage für die Entwicklung neuer forensischer Methoden verwendet werden können.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Ein Team von Autoren verschiedener Fachrichtungen hat umfangreiche Arbeiten zur Sammlung medizinischer, biometrischer, technischer und anderer Informationen durchgeführt, deren große Datenmenge den Projektplänen zufolge eine umfassende neuronale Netzlösung für medizinische und forensische diagnostische Zwecke schaffen wird.*

Stichwörter: *psychischer Zustand, neuronales Netz, forensische Begutachtung, graphologische Begutachtung, diagnostischer Komplex, Untersuchungsmethoden.*

Methoden zum Studium von Dokumenten auf elektronischen Medien

Kupin Alexey Fedorovich

Ziel: *analysieren Sie Methoden, die verwendet werden können, um Anzeichen von gefälschten elektronischen Dokumenten und elektronischen Dokumentenbildern zu erkennen. Demonstrieren, wie bestimmte Methoden bei der Durchführung von Expertenuntersuchungen von Dokumenten im digitalen Format verwendet werden können.*

Methodologie: *Analyse, Synthese, Beschreibung, Vergleich, systemische, dialektische, formal-logische Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Die Implementierung des vorgestellten Komplexes von Methoden und Werkzeugen ermöglicht die Systemanalyse von elektronischen Dokumenten und elektronischen Dokumenten, um die Tatsachen für Änderungen auf verschiedene Weise festzulegen. Die untersuchten Methoden der forensischen technischen und forensischen Untersuchung von Dokumenten und der forensischen Computerprüfung bei der Untersuchung von Dokumenten im digitalen Format ergänzen sich gegenseitig und ermöglichen es, die Probleme der forensischen Untersuchung von Dokumenten erfolgreich zu lösen, wodurch die Vollständigkeit und Vollständigkeit der Studie gewährleistet wird, wodurch die Anzahl der fehlerhaften Schlussfolgerungen, die von den Experten regelmäßig zugelassen werden, reduziert wird.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die in dem Artikel beschriebenen Forschungsergebnisse tragen zur Entwicklung methodischer Ansätze zur forensischen Untersuchung elektronischer Dokumente und elektronischer Dokumentenbilder bei, zur Vertiefung des theoretischen Wissens über die Möglichkeiten einzelner Methoden beim Studium digitaler Dokumente. Die Möglichkeit, diese Methoden in der Praxis umzusetzen, ermöglicht es Ihnen, bei der komplexen Analyse digitaler Dokumente erfolgreich Anzeichen von Änderungen und Fälschungen zu erkennen.*

Stichwörter: *elektronisches Dokument, elektronisches Bild, Expertenmethoden, digitale Technologien, Dokumentenbearbeitung.*

Dokument im Strafverfahren: entwicklungsstadien, perspektiven

Morugina Nadezhda Anatolyevna

Ziel: *Führen Sie eine historische und rechtliche Analyse der Änderungen durch, die bei der Gestaltung und Verwendung des Dokuments in Strafverfahren aufgetreten sind; Schlüsselfaktoren identifizieren, die den Übergang von der Papier- zur elektronischen Form des Dokuments erleichtern; Erkunden Sie gesetzliche Normen und Standards, die die Ausgangspunkte für die rechtliche Regulierung eines Dokuments in elektronischer Form festlegen.*

Methodologie: *Die methodische Grundlage dieser Studie ist eine Reihe von Methoden wissenschaftlicher Erkenntnisse. Der Artikel verwendet sowohl allgemeine wissenschaftliche Forschungsmethoden (Induktion, Deduktion) als auch spezifische, nämlich formal-logische, systemstrukturelle, rechtsvergleichende, technisch-rechtliche usw.*

Schlussfolgerungen. *Der Artikel führt eine historische und rechtliche Analyse der Änderungen im Konzept eines Dokuments in Strafverfahren, seiner Gestaltung und Anwendung durch und kommt zu dem Schluss, dass es aufgrund der Fragmentierung der Verankerung in der Strafprozessordnung der Russischen Föderation sowie der Notwendigkeit ihrer Vereinheitlichung kein umfassendes System elektronischer Form von Verfahrensdokumenten gibt. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass das derzeitige Formular zur Annahme einer Aussage über eine Straftat veraltet ist und nicht den Anforderungen der modernen Realität entspricht; die Notwendigkeit, die Anforderungen für die Einreichung einer elektronischen Aussage über eine Straftat in der Strafprozessordnung der Russischen Föderation zu verankern, einschließlich: Identifizierung des Antragstellers, Formulare zur Umsetzung der Möglichkeit, Aussagen über eine Straftat in elektronischer Form einzureichen, und die Bedingungen für deren Einreichung.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Übergang zur elektronischen Dokumentenverwaltung und ihre Integration in das Rechtssystem werden die Arbeit der Ermittlungsbehörden und des Gerichts optimieren und einen offenen und kontinuierlichen Zugang zu solchen Dokumenten ermöglichen, was zu einer wirksameren, transparenteren und faireren Lösung eines Strafverfahrens beitragen wird.*

Stichwörter: *Dokument, elektronisches Dokument, audiovisuelles Dokument, Filmdokument, Phonodokument, Videodokument, Fotodokument, elektronischer Kriminalbericht, elektronische Signatur.*

Ausländische strafverfahrenspolitik und internationale zusammenarbeit (konfrontation) im bereich der strafjustiz: aktueller stand und probleme

Panfilow Pawel Olegowitsch

Ziel: *Darstellung des aktuellen Standes und Ermittlung der Schlüsselprobleme der internationalen Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Strafjustiz im Kontext der außenstrafprozessualen Politik Russlands und anderer Staaten.*

Methodologie: *Die Untersuchung beruht auf der dialektischen Erkenntnismethode, die es ermöglicht hat, Regelmäßigkeiten in der internationalen Zusammenarbeit aufzudecken, welche das Erreichen des Ziels der Verbrechensbekämpfung beeinträchtigen. Ergänzend wurde die funktionale Methode herangezogen, um den tatsächlichen Zweck einzelner Institutionen der internationalen Zusammenarbeit unter Berücksichtigung der von den Staaten verfolgten außenstrafprozessualen Strategien zu bestimmen. Die rechtsvergleichende Methode erlaubte eine Bewertung unterschiedlicher Ansätze zur Umsetzung der strafverfahrensrechtlichen Politik in verschiedenen Staaten. Schließlich wurde die formal juristische Methode bei der Analyse spezifischer Rechtsnormen angewandt, die die im Zuge der internationalen Zusammenarbeit in Strafsachen entstehenden Rechtsbeziehungen regeln.*

Schlussfolgerungen. *Der Beitrag zeigt, dass moderne Formen und Trends der internationalen Zusammenarbeit in der Strafjustiz über keine hinreichenden rechtlichen Schutzmechanismen verfügen, die einen instrumentellen Einsatz zu politischen Kampfzwecken verhindern. Außerdem werden problematische Tendenzen bei der Anwendung der universellen Gerichtsbarkeit aufgezeigt, welche das Vertrauen in deren Ergebnisse mindern. Es wird nachgewiesen, dass in der internationalen Justiz bestimmte Verfahrensgarantien entweder abgeschwächt oder gar nicht gewährleistet sind und damit deutlich hinter dem Schutzniveau der russischen Jurisdiktion zurückbleiben. Auf internationaler Ebene bedarf es daher eines Bündels rechtlicher, organisatorischer, technischer, kontrollierender und sogar sanktionsbezogener Maßnahmen, um die Mechanismen der internationalen Zusammenarbeit in der Strafjustiz vor destruktiver politischer Instrumentalisierung zu schützen. Voraussetzung für die Wirksamkeit eines solchen Maßnahmenpakets ist jedoch ein politischer Konsens souveräner Staaten.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Artikel stellt internationale Zusammenarbeit in Strafverfahren nicht primär als Instrument der Verbrechensbekämpfung, sondern als Mittel der außenstrafprozessualen Politik dar, das der außenpolitischen Konfrontation, der Ausweitung staatlicher Souveränität, der Durchsetzung nationaler Interessen im Ausland sowie der politisch konjunkturellen Bewertung globaler historischer Ereignisse dient. Die aufgezeigten Gesetzmäßigkeiten können sowohl für weiterführende Forschungen zur Strafverfahrenspolitik als auch für die Entwicklung neuer bzw. die Optimierung bestehender Mechanismen der internationalen Strafjustizzusammenarbeit herangezogen werden.*

Stichwörter: *Strafverfahrenspolitik, internationale Zusammenarbeit, nationale Interessen, internationale Strafjustiz, Verbrechensverhütung, Verfahrensgarantien, universelle Gerichtsbarkeit, politische Konfrontation, Sicherheit von Gesellschaft und Staat, extraterritoriale Gerichtsbarkeit.*

Moderne spezielle Methoden der forensischen Untersuchung nach einer Volumenexplosion

Sinjuk Wadim Dmitrijewitsch

Ziel: *die Wirksamkeit der Verwendung spezieller Untersuchungsmethoden bei der Herstellung von forensischen Explosionsuntersuchungen nach den Tatsachen von Großexplosionen zu bewerten, moderne technische Mittel anzubieten, die für die Anwendung spezieller Untersuchungsmethoden erforderlich sind, und eine methodische Grundlage für die Herstellung einer neuen Art von forensischen Explosionsuntersuchungen zu bilden.*

Methodologie: *gemeinsame dialektisch-materialistische Methode, Analyse und Synthese, Verallgemeinerung und Systematisierung,*

Schlussfolgerungen. *Der Autor kommt zu dem Schluss, dass ein Komplex von speziellen forensischen Untersuchungsmethoden für eine Volumenexplosion gebildet werden muss, die eine neue Art von forensischer Explosionsprüfung darstellt. Die optimale Kombination moderner Methoden wird einen rationalen Ansatz für die*

Produktion der Forschung ermöglichen und die Beweisbasis bei der Untersuchung von kriminellen Fällen aufgrund von Massenexplosionen erhöhen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung des Artikels liegt in der Präsentation der Ergebnisse der Entwicklung einer methodischen Grundlage für eine neue Art von forensischer Untersuchung. Auf der Grundlage der forensischen und Untersuchungspraxis wurden die Anwendungsgebiete spezieller Methoden definiert. Die praktische Bedeutung liegt in der Einführung moderner technischer Mittel, um die Wirksamkeit der Anwendung dieser Methoden zu verbessern.*

Stichwörter: *forensische Untersuchung, forensische Expertise, forensische Expertise, forensische Expertise, Gutachten, forensische Explosionen, Explosionsexpertise, Explosion, Volumenexplosion, Kraftstoff-Luft-Gemisch, Sprengstoffe.*

Merkmale der Persönlichkeit eines Straftäters, der sexuelle Gewalt gegen Minderjährige unter Verwendung digitaler Technologien verübt

Tarabrina Kristina Sergeevna

Ziel: *die Eigenschaften und Eigenschaften der Identität eines Kriminellen aufzudecken, der unter Verwendung digitaler Technologien sexuelle Übergriffe gegen Minderjährige begangen hat, basierend auf statistischen Analysen und Gerichtspraktiken.*

Methodologie: *dialektische Erkenntnismethode, Analyse, Synthese, Verallgemeinerung, Induktion, Abzug, Klassifizierungsmethode, logische, statistische Methode, Inhaltsanalyse, Dokumentenuntersuchungsmethode usw.*

Schlussfolgerungen. *Moderne Kriminelle, die mit digitaler Technologie sexuelle Gewalt gegen Minderjährige verüben, zeigen eine schnelle Anpassung an digitale Technologien, indem sie sie als Instrument zur Kontaktaufnahme mit Opfern verwenden. Diese Technologien erleichtern es den Tätern, minderjährige Opfer zu finden, zu untersuchen und in illegale Aktivitäten einzubeziehen, was zu einer Zunahme von Straftaten dieser Art führt. Die Lösung dieses Problems ist untrennbar mit einer umfassenden Untersuchung der Persönlichkeitsmerkmale des betreffenden Täters verbunden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der durchgeführten Studie haben die kriminologisch relevanten Merkmale eines Kriminellen identifiziert und vorgeschlagen, der unter Verwendung digitaler Technologien sexuelle Übergriffe auf Minderjährige begangen hat, und eine theoretisch begründete Klassifizierung der Identität des genannten Täters ist vorgesehen. Die durchgeführte Analyse ermöglichte es, eine Beziehung zwischen dem Täter und dem minderjährigen Opfer herzustellen. Aus praktischer Sicht werden die Ergebnisse Vorschläge und Empfehlungen zur individuellen Verhütung und Korrektur von Straftätern sowie zur Ausarbeitung wirksamer Maßnahmen zur Verbrechensverhütung dieser Art liefern.*

Stichwörter: *persönlichkeit, Täter, Verurteilter, Minderjähriger, Opfer, sexueller Missbrauch, Klassifizierung, digitale Technologie, viktimologische Prävention.*

Organisatorische und verwaltungstechnische Faktoren bei der Bestimmung von Migrantenkriminalität im Zusammenhang mit der Kontrolle der Bewegung von Migranten und ihrer Arbeitstätigkeit

Blochin Jaroslaw Anatoljewitsch

Ziel: *Auf der Grundlage einer Analyse des aktuellen Stands der Aktivitäten von Strafverfolgungsbehörden und anderen autorisierten Stellen im Bereich der Migrationskontrolle und einer speziellen Forschung zu diesem Thema sollen die wichtigsten organisatorischen und verwaltungstechnischen Faktoren ermittelt werden, die die Migrantenkriminalität im Zusammenhang mit der Kontrolle der Migrationsbewegungen und der Arbeitstätigkeiten der Migranten bestimmen.*

Methodogie: *dialektische Methode, Systemmethode, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Migrantenkriminalität geht immer mit Migration einher, und ihr Zustand und ihr Ausmaß hängen direkt von der Intensität und den qualitativen Merkmalen der Migrationsprozesse ab. Migrantenkriminalität ist eng mit anderen Arten von Kriminalität verknüpft, vor allem mit organisierter Kriminalität, Extremismus und Terrorismus, Menschenhandel, Drogenhandel, Korruptionskriminalität usw. Die Suche nach wirksamen Maßnahmen zur Beeinflussung der Migrantenkriminalität erfordert die Ermittlung einer ganzen Reihe objektiver und subjektiver Faktoren, die diese Kriminalität bestimmen. Bei der Untersuchung der Bestimmung von Migrantenkriminalität muss berücksichtigt werden, dass diese Art von Kriminalität in direktem Zusammenhang mit Migrationsprozessen steht, was neben subjektiven Faktoren des kriminellen Verhaltens von Migranten die Untersuchung organisatorischer und verwaltungstechnischer Faktoren in den Vordergrund rückt. Eine Analyse des aktuellen Stands der Tätigkeit*

von Strafverfolgungsbehörden und anderen autorisierten Stellen im Bereich der Migrationskontrolle ermöglichte es, die folgenden wichtigsten organisatorischen und verwaltungstechnischen Faktoren bei der Bestimmung von Migrantenkriminalität festzustellen: im Zusammenhang mit der Bewegung von Migranten in das Territorium unseres Landes; im Zusammenhang mit dem illegalen Aufenthalt von Migranten auf dem Territorium unseres Landes; im Zusammenhang mit der Identifizierung und Ausweisung illegaler Einwanderer aus dem Hoheitsgebiet unseres Landes; im Zusammenhang mit der Ausübung von Arbeitstätigkeiten durch Migranten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ermittlung organisatorischer und verwaltungstechnischer Faktoren, die die Migrantenkriminalität bestimmen und mit der Kontrolle der Migrationsbewegungen und der Arbeitstätigkeiten der Migranten zusammenhängen, bietet die Möglichkeit, die objektiven Bestimmungsfaktoren und die damit verbundenen Erscheinungsmuster der Migrantenkriminalität besser zu verstehen. die Richtung für ein weiteres wissenschaftliches Verständnis des Phänomens der Migrantenkriminalität zu bestimmen. Die identifizierte deterministische Rolle dieser Faktoren ermöglicht es uns, die Richtungen zur Verbesserung der Aktivitäten von Strafverfolgungsbehörden und anderen autorisierten Stellen zu bestimmen, um die Migrationssicherheit zu gewährleisten und die Migrantenkriminalität zu bekämpfen.*

Stichwörter: *Migration, Migrant, Kriminalität, Kriminalität, Entschlossenheit, krimineller Arbeitsmarkt, objektive Faktoren, Management, Ausweisung, Abschiebung, administrative Ausweisung.*

Merkmale von Lebenssituationen der Offline-Beteiligung von Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten

Puschkowa Nadezhda Wladimirowna

Ziel: *Identifizierung und Charakterisierung der Lebenssituationen des Prozesses der Offline-Beteiligung von Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten.*

Methodologie: *Die methodische Grundlage der Forschung ist eine Reihe von allgemeinen wissenschaftlichen und besonderen wissenschaftlichen Methoden — Induktion, Analyse, Synthese, formal-logische, systemische, statistische und soziologische Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Es wurde festgestellt, dass für die Offline-Beteiligung eines Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten die Lebenssituation eine Schlüsselrolle spielt, die mit Merkmallen der objecktive Zurechnung gefüllt ist. Dies weist auf die Möglichkeit dieser kriminellen Beteiligung hin. Auf der Grundlage einer Analyse der Materialien von Strafverfahren, die gemäß Art. 280–280.4 und 282–282.4 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation eingeleitet worden sind, wurden die folgenden Lebenssituationen als charakteristisch für die Beteiligung identifiziert: der Aufenthalt des Jugendlichen in benachteiligten Gemeinden, einschließlich solcher, die sich in der Nähe von Haftanstalten (Orten des Freiheitsentzugs und Justizvollzugsanstalten) befinden, und die Anwesenheit von Personen mit Vorstrafen oder krimineller Erfahrung im sozialen Umfeld des Jugendlichen; die sportlichen Interessen des Jugendlichen, die auf eine Anwesenheit in einem fanatischen Umfeld hindeuten; der Aufenthalt in Regionen mit einem hohen Religiosität oder in etnischen Enklaven; und die Erziehung des Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Analyse der Beteiligung von Jugendlichen in extremistische Aktivitäten ist ein wichtiger Aspekt bei der Bekämpfung dieser Straftaten, da sie es ermöglicht, das Problem genauer zu untersuchen und somit kriminelle Aktivitäten im Zusammenhang mit der Beteiligung von Jugendlichen in extremistische Aktivitäten frühzeitig zu erkennen sowie die wirksamsten Maßnahmen zur Bekämpfung dieses negativen Phänomens zu entwickeln und umzusetzen. Die erhaltenen Daten ermöglichen es, die theoretischen Grundlagen der Kriminologie im Hinblick auf die Forschung eines Phänomens wie der Beteiligung von Jugendlichen an extremistischen Aktivitäten zu erweitern und die Strafverfolgungsbehörden darauf auszurichten, den Gegenstand der viktimologischen Prävention in dem betrachteten Kontext zu identifizieren und die Maßnahmen der viktimologischen Prävention zu differenzieren und zu optimieren.*

Stichwörter: *Beteiligung von Jugendlichen, extremistische Aktivitäten, Prozess der Beteiligung, Offline-Beteiligung, Lebenssituation.*

Anwendung von Technologien der künstlichen Intelligenz bei der Ermittlung von Serienmorden: Probleme, Lösungswege und Entwicklungsvektor der Digitalisierung der Ermittlungsarbeit

Fethullina Karina Ramilevna

Ziel: *die Zweckmäßigkeit der Anwendung von Technologien der künstlichen Intelligenz bei operativen und ermittlungstechnischen Aktivitäten im Bereich der Untersuchung von Serienmorden zu belegen. Die Hauptkomplexität der Ermittlungen in dieser Kategorie von Kriminalfällen liegt in den begrenzten menschlichen*

Fähigkeiten aufgrund biologischer (z.B. Müdigkeit), psychologischer (z.B. Voreingenommenheit) und anderer Faktoren. Die Einführung der Technologie der künstlichen Intelligenz wird es ermöglichen, die auftretenden Schwierigkeiten auszugleichen.

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, formal-rechtliche Methode, Systemmethode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Untersuchung von Serienmorden wird in naher Zukunft in enger Interaktion zwischen Mensch und Computer ablaufen. Der Hauptvektor der Regulierung des Einsatzes künstlicher Intelligenz bei der Untersuchung von Serienmorden wird eine Kombination verschiedener Mechanismen der sozialen Regelung sein (rechtlich, ethisch, technisch, usw.).*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Mängel in der kriminaltechnischen Taktik und Technik haben zur Latenz von Serienmorden geführt: die meisten von ihnen bleiben den Strafverfolgungsbehörden unbekannt. Aus praktischer Sicht sollte die Einführung der Technologie der künstlichen Intelligenz in die Ermittlungsarbeit dazu dienen, die Untersuchung von Serienmorden in dieser Kategorie von Kriminalfällen zu erleichtern.*

Stichwörter: *Serienmorde, Serienverbrechen, Serienmörder, künstliche Intelligenz, psychologisches Profil, biologisches Profil, kriminaltechnisches Profil, Digitalisierung der Ermittlungsarbeit, Datenbank, Big Data.*

Bekämpfung der Organisation illegaler Migration im Rahmen der Strafgesetzgebung der Republik Aserbaidschan und der Republik Armenien

Frolova Elena Aleksandrovna

Ziel: *Es besteht darin, die Besonderheiten des strafrechtlichen Widerstands gegen die Organisation der illegalen Migration in solchen GUS-Ländern wie der Republik Aserbaidschan und der Republik Armenien zu identifizieren. Analysieren Sie die einschlägigen strafrechtlichen Vorschriften der genannten Staaten, separate Statistiken der Migrationskriminalität, Verfügungen und Sanktionen von Artikeln, die die Verantwortung für die Organisation der illegalen Migration vorsehen, Novellen der Gesetzgebung.*

Methodologie: *formal-rechtliche Methode, Methode der Rechtsvergleichung, dialektische Methode, Analyse, systemische Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Als Ergebnis der Studie kommt der Autor zu dem Schluss, dass in verschiedenen Ländern die Gesetzgebung über illegale Migration je nach politischer, sozialer und wirtschaftlicher Situation ihre eigenen Besonderheiten angenommen hat. So wurden Vorschläge zur Nutzung der positiven gesetzgeberischen Erfahrungen der genannten Staaten zur Bekämpfung der Migrationskriminalität formuliert.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Auf der Grundlage der Analyse der Gesetzesnormen wurden Schlussfolgerungen gezogen und Vorschläge zur Modernisierung des Strafrechts im Bereich der Bekämpfung der Migrationskriminalität in den GUS-Mitgliedstaaten, nämlich in der Republik Aserbaidschan und der Republik Armenien, begründet. Die praktische Bedeutung der Arbeit besteht darin, Maßnahmen vorzuschlagen, um die Migrationsgesetze und -vorschriften beider Länder zu verbessern und ihre Wirksamkeit bei der Bekämpfung von Straftaten im Zusammenhang mit illegaler Migration zu erhöhen.*

Stichwörter: *Organisation der illegalen Migration, Verhütung von Straftaten, Qualifizierung von Straftaten, Gegenmaßnahmen, Sanktion, Strafrecht der Republik Aserbaidschan, Strafrecht der Republik Armenien.*

Verfahrenssicherheitsmaßnahmen zum Schutz von Zeugen in den gerichtlichen Phasen eines Strafverfahrens

Tsyss Zinaida Alexandrovna

Ziel: *die prozessualen Sicherheitsmaßnahmen zu prüfen, die zum Schutz des Zeugen in den Prozessphasen eingesetzt werden. Aufgrund des Auftretens bestimmter Bedingungen wird es notwendig, diese Zeugen zu klassifizieren, um die Möglichkeit ihrer Teilnahme an Strafverfahren zu gewährleisten. Zugleich ist die gesetzliche Regelung der betreffenden Maßnahmen problematisch. Darüber hinaus wirft die verfahrensrechtliche Regelung der Anwendung dieser Maßnahmen zahlreiche kontroverse Fragen auf, deren Prüfung notwendig ist, um die sinnvollste Änderung der Rechtsvorschriften zu bestimmen.*

Methodologie: *dialektische und vergleichende Analyse, Deduktion, Induktion, Synthese, Systemmethode, rechtsvergleichende und formaljuristische Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Es besteht gesetzgeberischer Regelungsbedarf hinsichtlich des Standorts der an den Ermittlungen beteiligten Personen während der Vernehmung eines Zeugen unter Bedingungen, die eine visuelle Beobachtung durch andere Beteiligte ausschließen, sowie hinsichtlich der Identifizierung der Personen, die Zugang zu*

den Daten eines Zeugen haben, auf den Schutzmaßnahmen angewendet wurden. Dies ist für die Gerichte notwendig, um eine unterschiedliche Anwendung der Normen des Strafprozessrechts zu vermeiden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die auf Zeugen angewandten Sicherheitsmaßnahmen dienen dazu, die Ziele des Strafverfahrens zu erreichen und die Wahrung der Rechte und Freiheiten des Einzelnen zu gewährleisten. Die gesetzgeberische Regelung der in diesem Beitrag erörterten Probleme wird es ermöglichen, diese Ziele auf möglichst umfassende Weise zu erreichen. Gleichzeitig werden Diskussionspunkte und Bestimmungen der Rechtspraxis aufgezeigt, die es ermöglichen, die beste Option für weitere Änderungen der Verfahrensgesetzgebung zu entwickeln.*

Stichwörter: *Zeugenschutz, Verfahrensmaßnahmen, Sicherheitsmaßnahmen, Hinlänglichkeit, geschlossene Sitzung, Öffentlichkeit, Zeugenvernehmung, visuelle Überwachung, Videokonferenzsysteme, Geheimhaltung von Daten.*

Nikolai Murawjew — Staatskünstler und Gesetzeshüter

Zvyagintsev Alexander Grigorievich

Ziel: *Den Werdegang von N. W. Murawjow vom Staatsanwalt zum Justizminister und Generalstaatsanwalt beleuchten und seine Rolle bei der Gestaltung des Rechtssystems des Russischen Reiches Ende des 19. — Anfang des 20. Jahrhunderts und bei der Bekämpfung der revolutionären Bewegung aufzeigen.*

Methodologie: *historisch-rechtliche Methode, Deduktion, Induktion, Analyse.*

Schlussfolgerungen. *N. W. Murawjow verband herausragendes juristisches Talent und rhetorisches Geschick mit einer strengen staatsmännischen Haltung. Seine Initiativen stärkten die staatlichen Institutionen erheblich, spiegelten jedoch auch den strengen Charakter von N. W. Murawjow und seine Intoleranz gegenüber Gegnern wider.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Präzisiert die Biografie und den institutionellen Beitrag von N. W. Murawjow zur Gestaltung des Rechtssystems des Russischen Reiches Ende des 19. — Anfang des 20. Jahrhunderts.*

Stichwörter: *N. W. Murawjow; Justizminister; Generalstaatsanwalt; Staatsanwaltschaftliche Aufsicht; Justizreformen; Strafgesetzbuch; Gerichtsordnungen.*

Alexander Puschkin. Südliches Exil. Bessarabien (1820–1823)

Kharabet Konstantin Vasilievich

Ziel: *Aktualisierung des Forschungsstands in einem interdisziplinären Feld — an der Schnittstelle von Rechtswissenschaft und Literaturwissenschaft — durch Vertiefung der Kenntnisse über die juristischen Ereignisse in der Biografie von Alexander Puschkin und in diesem Zusammenhang die Ermittlung seines Kontaktkreises und seiner Interessen während seines südlichen Exils (1820–1823), der Phase der Herausbildung seiner liberalen politischen und rechtlichen Weltanschauung.*

Methodik: *Die methodische Grundlage der Studie bildet eine Kombination wissenschaftlicher Forschungsmethoden, darunter vorwiegend historisch-rechtliche, deskriptive, biographische sowie kulturhistorische. Der Artikel verwendet zudem allgemeine und spezifische wissenschaftliche Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Alexander Puschkin Puschkin, der sich in Bessarabien, dem Epizentrum wichtiger politischer Ereignisse (Hetaeraufstand, Revolutionen in europäischen Ländern, die nationale Befreiungsbewegung in Griechenland usw.), aufhielt, wurde von seinem Kreis — M. F. Orlow, W. F. Rajewski und den späteren Dekabristen — beeinflusst und reagierte eifrig darauf, indem er sich an zahlreichen politischen Ereignissen in der Region beteiligte.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Autor plädiert für die Weiterentwicklung des interdisziplinären Feldes der juristischen Literaturkritik und ist überzeugt, dass ein neuer Ansatz (aus der Perspektive der biographischen Forschung) zu den „juristischen" Ereignissen in Leben und Werk des Dichters — neben der Auseinandersetzung mit der russischen Kultur — die Kenntnisse über die Geschichte der russischen Kriminologie und der Devianzforschung, das russische Recht im Allgemeinen und die Geschichte der russischen Literatur erweite*

Stichwörter: *juristische Literaturkritik, A. S. Puschkin, Hetaeristen, „Der Gefangene des Kaukasus", „Die Räuberbrüder", P. Manega, M. Orlow, I. Liprandi, I. Inzow, V. Rajewski, Freiheit, Recht, Gerechtigkeit.*

Praktische, wissenschaftliche, staatliche, öffentliche Aktivitäten V. F. Shcherbakov (zum 70. Geburtstag)

Kuznetsov Alexander Pawlowitsch

Ziel: *der russischen und ausländischen wissenschaftlichen Öffentlichkeit, einer breiten Leserschaft der erhaltenen wissenschaftlichen Ergebnisse auf dem Gebiet der Umsetzung der staatlichen Politik zur Bekämpfung*

von Wirtschaftskriminalität und ihrer doktrinellen Bewertung in der Arbeit von Doktor der Rechtswissenschaften, Professor Vladimir Filippovich Shcherbakov, zu vermitteln.

Methodologie: *Die methodologische Grundlage der Studie war eine in den sozial-Geisteswissenschaften weit verbreitete und gerechtfertigte dialektisch-materialistische Methode, mit der die Prozesse des öffentlichen Lebens (einschließlich des Strafrechts, der Kriminologie, des Strafvollzugsrechts und der operativen Untersuchung) in einer Dynamik in der aktuellen historischen Periode im Zusammenspiel mit anderen Phänomenen, einschließlich der historischen und rechtlichen Methode, untersucht werden konnten, um die staatliche Politik zur Bekämpfung von Büro- und Wirtschaftsverbrechen in ihrer historischen Entwicklung zu untersuchen, das heißt, dass es eine Methode gab, die es ermöglichte, die Prozesse des öffentlichen Lebens (einschließlich des Strafrechts, der Kriminologie, des Strafvollzugsrechts und der operativen Untersuchung) reproduzieren Sie es in Vielfalt, Vieldimensionalität, unter Berücksichtigung aller Faktoren, verursacht durch eine bestimmte historische Situation. Seine Anwendung ermöglichte es, die sozioökonomische und politisch-rechtliche Situation im Land zu verstehen und die Umsetzung der staatlichen Politik im Bereich der Bekämpfung von Büro- und Wirtschaftskriminalität zu beeinflussen.*

Schlussfolgerungen. *Mit dem Namen von Vladimir Filippovich Shcherbakov, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, pensionierter Polizeioberst, Mitglied der Russischen Akademie für Rechtswissenschaften, Mitglied der Union der Kriminalisten und Kriminologen, einer Person, die sich der Strafverfolgung, staatlichen, wissenschaftlichen und öffentlichen Aktivitäten widmet, ist es mit seinem persönlichen Beitrag zur Stärkung der Rechtsstaatlichkeit und der Rechtsordnung verbunden, mit seinem selbstlosen Dienst an Staat und Volk.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *liegt darin, dass VF Shcherbakov die Wissenschaften des kriminellen Zyklus mit neuen Ideen bereicherte, einen wesentlichen Beitrag zu ihrer Forschung leistete und bewies, dass der soziale Sinn der rechtlichen Sicherung des Schutzes der wirtschaftlichen Interessen von Bürgern, der Gesellschaft und des Staates vor verschiedenen kriminellen Übergriffen bewiesen Eingriffe, die sowohl von außen als auch von innen ausgehen, werden mit einem entwickelten theoretisch-methodischen Instrumentarium vom Strafverfolger im Prozess der praktischen Tätigkeit nachgefragt.*

Stichwörter: *Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität, operative Tätigkeit, parlamentarische Arbeit, wissenschaftliche Arbeit, staatliche Bekämpfung der Kriminalität, Rechtmäßigkeit, Recht und Ordnung, Verbrechensverhütung.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Contemporary Paradigms and Priorities of Criminal Law and Criminology Scholarship: Integrating Approaches and the Duty to Tell the State Uncomfortable Truths

Zhilkin Maxim Gennadievich

Mission: *To articulate priorities and methodology for the development of criminal law and criminology today, drawing on Lopashenko's survey and the editorial courage lesson of M. D. Shargorodsky (per Tolstoy); to justify integrating the critical-dogmatic, functional-application, and historical-axiological paradigms while preserving academic autonomy in dialogue with the state.*

Methodology: *critical-dogmatic analysis of legislative novelties and case law; functional analysis of enforcement; historical-dogmatic and axiological approach; comparative review; case study (Shargorodsky episode as a model of academic responsibility); elements of discourse analysis.*

Conclusions. *The core task is to integrate three paradigms and retain the capacity to tell the state inconvenient truths: not every social problem warrants a criminal-law response; symbolic criminalization erodes legitimacy; purposes of punishment require recalibration amid digitalization and extra-penal sanctions. We propose guides: a public-danger and subsidiarity test, minimization of Special Part "inflation", priority of predictability over ad-hoc flexibility. Editorial venues should consolidate schools and translate academic consensus into decision-making language.*

Scientific and practical significance. *For lawmakers—criteria for (de)criminalization and drafting standards; for courts and investigators—methodical guidelines aligning doctrine, statute and higher-court positions; for academia—a model of consolidation and autonomy; for education—updating curricula on fundamentals in the digital context.*

Keywords: *criminal law, criminology, criminalization, decriminalization, public danger, punishment goals, case law, legislative drafting, digitalization, criminal policy, academic autonomy.*

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Forge of National Personnel

Rakhmadzhonzoda Rifat Rakhmadzhon

Mission: *to present for general understanding, rethinking and assessment of the current state and prospects of the processes of education, science, practice, training, retraining and advanced training of personnel of the internal affairs bodies in the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, to focus on the educational, educational and methodological, scientific, scientific and practical potential, to cite a number of innovations and breakthrough moments in the activities of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, to cite an excerpt from the draft Concept for the Development of Educational and Scientific Institutions of the System of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, which provides a generalized version of promising solutions in the fields of education and science in general.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *In the current period of functioning of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, it is necessary to consolidate efforts in terms of creating a unified educational process and a unified system of training, retraining and advanced training of personnel, strengthening scientific potential through various interdisciplinary studies, enriching the educational and scientific processes with new materials.*

Scientific and practical significance. *The future prospects of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan are primarily associated with the adoption of a single normative legal act that can serve as a guideline and be the basis, support and foundation for making key informed decisions. We believe that the Concept for the Development of Educational and Scientific Institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan can become such a document. With the adoption of this document, many barriers that hinder active development and further functioning can be eliminated.*

Keywords: *Republic of Tajikistan, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, personnel, education, science, practice, training, retraining, advanced training, educational and scientific potential.*

Some features of special criminoiogical prevention of extremism by the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan

Zoir Jurakhon Majidzoda, Safarzoda Hayot Sayidamir

Mission: *the article reveals the essence and content of special criminological measures, the role, place, as well as promising areas of activity of the internal affairs bodies, other law enforcement agencies of the Republic of Tajikistan with interested state bodies on the prevention and prophylaxis of extremism, offers specific author's proposals that are aimed at optimizing the situation with the use of special criminological measures to counter extremism in the territory of the republic.*

Methodology: *analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *Counteraction to extremism and terrorism, in contrast to illegal drug trafficking, weapons, human trafficking and other crimes, has its own specific features, and, accordingly, the specific qualifications of operational employees. Such an approach will give a new impetus to the interaction of operational units of the Ministry of Internal Affairs of the Republic, both vertically and horizontally, and, accordingly, to the formation of an integrated system of rapid response to all manifestations of extremism and terrorism. An important area of special prevention of extremism is the systematic and professional impact on the extremist worldview of prisoners in correctional colonies. The fact is that today, all over the world, there is a stable tendency for the most ardent extremist ideologists to recruit other prisoners. However, in the correctional institutions of the republic, due to the lack of professional ideologists-preachers and, in most cases, the joint detention of extremists with other categories of criminals, it is necessary to rethink and adjust the situation.*

Scientific and practical significance. *Special criminological prevention is carried out by law enforcement agencies both jointly and separately in the most vulnerable areas of social life in order to find and eliminate the causes and conditions for the commission of specific crimes, as well as their prevention and suppression. This approach allows us to determine that general social preventive measures are mainly carried out by civilian ministries and departments, and special criminological preventive measures are carried out by law enforcement agencies in the general context of combating crime. However, individual prevention in relation to certain persons (for example, minors represented by the Commission on Minors' Affairs) within their competence is carried out by both employees of civil organizations and institutions, and police officers and other law enforcement agencies. Such a situation seriously weakens the results of the fight against terrorism and extremism; the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan in its regulations constantly emphasizes the need to improve this work. Measures aimed at increasing the effectiveness of interaction between operational services to combat organized crime can be more effective if each service is clearly focused on achieving a final unified result. To do this, it is necessary to create an appropriate legal basis for interaction, i.e. to develop and adopt uniform regulatory documents governing comprehensive measures to organize the fight against crime through joint efforts, which will undoubtedly increase its effectiveness.*

Keywords: *Republic of Tajikistan, internal affairs agencies, activities, criminology, events, special prevention, government agencies, extremism, prevention, youth.*

Conceptual foundations of general social prevention of extremism

Safarzoda Hayot Sayidamir

Mission: *the article focuses on the consideration of the content of the conceptual foundations for countering extremism contained in documents (strategies, concepts, programs, legislation, etc.) that define the main areas of activity of law enforcement and other government agencies to eliminate the underlying causes and conditions for the emergence of extremism.*

Methodology: *analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *The causes and conditions contributing to the emergence of extremism among migrants require the introduction of a special discipline to counter extremism in educational institutions of all levels, and, accordingly, an increase in legal awareness, religious tolerance and political maturity of pupils and students, many of whom may become potential labor migrants in the foreseeable future.*

Organization and implementation of preventive measures in correctional institutions, among persons convicted of extremism, also requires a new approach and improvement of organizational and legal frameworks, training of professional personnel and powerful information and ideological support.

Scientific and practical significance. *In accordance with the key provisions of international, regional and national strategies to combat extremism in the Republic of Tajikistan, key aspects of solving socio-economic, educational, religious, informational, legal, political, migration, correctional labor and other problems of modern society require*

a new understanding, taking into account modern realities at the international, regional and national levels. The fundamental basis for eliminating the general social causes of the emergence of extremist ideology of a religious nature are the requirements of the national laws "On the regulation of celebrations and ceremonies", "On responsibility for the education and upbringing of children", "On the patriotic education of citizens", which lay down the legal, organizational, political, religious, patriotic and informational and propaganda foundations for countering extremist ideology. The peculiarity of these laws is that they are aimed at coordinating the activities of numerous non-security ministries and departments, executive bodies of state power, local governments, public and religious organizations, individual citizens to reduce and overcome the general social causes and conditions of extremism.

Keywords: *Republic of Tajikistan, concept, strategy, legislation, extremism, causes, conditions, general social measures, government bodies, functions, tasks, prevention.*

Protocol form of pre-trial preparation of materials: rethinking established concepts and possibilities of using its potential when considering applications in cases of private prosecution and domestic violence

Tohirzoda Olimjon Tohir

Mission: *To analyze the main reasons for the abolition and prospects for the restoration of the protocol form of pre-trial preparation of materials in criminal proceedings. To study the historical and modern trends of this institution, as well as its main advantages in protecting the rights and interests of victims at the stage of pre-trial proceedings. To substantiate proposals on the advisability of reviving protocol proceedings in a different format, which, in its potential and mobility, will ensure a rational balance between private and public interests, as well as synchronize at the ideological level the procedures of private-claim and mixed types of criminal proceedings in the Republic of Tajikistan.*

Methodology: *dialectical method of cognition, analysis, synthesis, comparative legal, historical and statistical methods.*

Conclusions. *Actual problems arising in the course of proceedings on private prosecution and domestic violence cases can be eliminated by introducing a new protocol form of pre-trial preparation of materials, which will eliminate the conceptual contradictions between the private-claim and mixed types of criminal proceedings.*

Scientific and practical significance. *The prospect of establishing a new protocol form of pre-trial preparation of materials and its development in criminal proceedings consists in rethinking established concepts based on the data obtained and conclusions regarding its role and essential purpose. This institute updates scientific ideas about the differentiation of criminal proceedings, optimization of procedural guarantees and rights of the parties, as well as the adaptation of best practices to the national law enforcement system. In addition, it helps reduce the workload of judges, ensures that the court receives pre-checked and prepared material, and minimizes procedural costs and timeframes for considering applications in private prosecution and domestic violence cases at the pre-trial stage due to simplified procedures.*

Keywords: *protocol form, pre-trial stage, private and public interest, private prosecution, domestic violence, victim, offender, judge.*

Relationships between the concepts of "domestic violence", "domestic violence", "domestic violence" and "violence in family relations"

Shomurotzoda Firdavs

Mission: *the article, with reference to the essence of violence as a method of encroachment on the normal implementation of family relations, analyzes the concepts of "violence in the sphere of family relations", "family violence", "domestic violence" and "domestic violence", based on the results of which their characteristic features are identified. The specifics of the object of violent encroachments are determined, as well as the range of subjects to whom or in relation to whom violence is carried out within the framework of family relations. These features allow us to substantiate the expediency of using the term "violence in the sphere of family relations" in the study of criminal liability for violent crimes in the designated area, rather than substantively close concepts.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *The definition of the concept most applicable to the essence of violence in the studied area will contribute to the unification of approaches to state and government activity, consisting in the protection of human rights by establishing criminal liability for violent crimes in the sphere of family relations. In this case, violence in*

the sphere of family relations in the context of criminal-law protection is proposed to be understood as an unlawful culpable violent act expressed through the provision of physical, mental or other coercive influence of one family member (regardless of whether it is officially registered or only actually existing) in relation to another, infringing on the normal implementation of family ties, liability for the implementation of which is provided for by the provisions of the criminal law.

Scientific and practical significance. *As a result of the study, the author states that the concepts of "family violence", "domestic violence", "domestic violence", "violence in the sphere of family relations" are not identical. Despite their substantive closeness, they are not synonymous and interchangeable. Thus, the most correct term for disclosing the essence and specifics of criminal-legal protection from manifestations of violence in the family sphere seems to be "violence in the sphere of family relations", since it acts as a generalizing term for all the concepts studied above, including: the sign of nepotism (both legally enshrined and actually existing without official registration) and the sign of unity and jointness in running the house and everyday life.*

Keywords: *family, everyday life, family relations, violence, violence in the family, domestic violence, domestic violence, violence in the sphere of family relations.*

A private view of Professor I. M. Matskievic's arguments

Kharlamov Valentin Stanislavovich

Mission: *To evaluate the prospects of criminology in the light of I. M. Matskevich's proposals. To reveal the importance of ongoing research in the field of criminology, depending on changes in legislation, including criminal law. To reflect the unique role of criminology and compare it with other sciences. To show the ratio of theoretical and practical material in dissertations related to criminological topics.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, method of legal research, comparative legal method, formal legal method, systematic method.*

Conclusions. *Criminology evolves depending on scientific and technological progress and the modernization of social relations. The science of crime has a valuable potential of knowledge, a significant resource of scientists and favorable prospects. The exclusion of crime as an object of research in the field of criminology will lead to the destruction of this science.*

Scientific and practical significance. *The abstract outlines the features of research in the field of criminology, typical dissertations in the area under consideration are given, expressing the generally accepted ratio of theoretical and practical material. The article reveals modern criminological assessments of trends in the development of Russian criminology, taking into account crime trends and their prospects.*

Keywords: *criminology, crimestudy, scientific direction, knowledge, theoretical science, crime, practical benefits.*

Prerequisites for constructing anti-terrorist criminal law rules on liability for complicity sui generis (of a special kind)

Bokov Dmitry Konstantinovich

Mission: *The purpose of the scientific article is to show the insufficiency of the provisions of the classical institution of complicity in a crime to counter violent terrorist crimes, and to substantiate the need to construct anti-terrorist criminal law norms on liability for complicity sui generis (of a special kind).*

Methodology: *the scientific article is based on general (analysis, synthesis, deduction, induction) and special (comparative legal, historical and legal) methods of cognition.*

Conclusions. *the provisions on the accessory liability of accomplices and the unity of their intent inevitably limit the scope of application of the institution of complicity in a crime to acts that form the infrastructure of terrorism. Outside its scope, in particular, remain: the so-called ""failed complicity"," i.e. organizational, inciting, aiding and abetting activities that did not result in the execution of a terrorist act (attack); various forms of assistance in committing terrorist crimes, carried out with an uncertain intent, in the absence of a two-way subjective connection between the perpetrator and the persons assisting him. These acts, although they do not create complicity in a crime, have a fairly high public danger, which increases many times over if they are aimed at committing terrorist acts, which requires an adequate criminal-legal response. In international criminal law, the noted inadequacy of the classical institution of complicity is compensated for by constructing anti-terrorist criminal-legal norms on liability for complicity sui generis (a special kind). Thus, international law serves as a significant guideline for the independent criminalization of complicit acts that form the infrastructure of terrorism in Russian criminal legislation.*

Scientific and practical significance. *The conclusions presented in the article contribute to the development of the doctrine of complicity in a crime and create a theoretical basis for countering terrorist crimes.*

Key words: *terrorism, complicity in a crime, special kind of complicity.*

Criminal liability for sexual acts against persons under the age of sixteen: condition and possible prospects

Bimbinov Arseniy Alexandrovich

Mission: *to substantiate the problems of criminal law regulation of liability for acts of a sexual nature in relation to persons under the age of sixteen, taking into account the current state of legislation and law enforcement practice, as well as to propose options for their solution.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, systemic method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *A detailed analysis of statistical data on crimes under Articles 131–135 of the Criminal Code of the Russian Federation is provided, and the conclusion is justified that the structure of such crimes has changed significantly in recent years not so much due to criminological factors as as as a result of repeated reforms of criminal law. In conclusion, the concept of reforming articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, aimed at eliminating legal uncertainty, harmonizing criminal law regulation and increasing the effectiveness of protecting the sexual inviolability of minors without excessive criminalization.*

Scientific and practical significance. *Particular attention is paid to criticism of the current norms providing for the differentiation of criminal liability for non-violent sexual crimes depending on the biological and sexual characteristics of the participants, as well as the form of sexual contact. It is proved that this approach does not reflect the real degree of social danger of acts. Based on the analysis of forensic and psychological-psychiatric consequences of various forms of sexual exposure to minors, it is proposed to use the likelihood and severity of consequences for the victim as an objective factor of public danger as a criterion for differentiating responsibility.*

The work also considers the discussion aspects of the qualification of non-contact lecherous actions, including in the light of the note to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, which often leads to the recognition of such acts as violent, despite the lack of physical contact. Specific court cases are analyzed that demonstrate the disproportion of sanctions and violate the principles of justice and individualization of punishment.

Keywords: *sexual integrity, minor, sex crimes, sexual offenses, rape, violent acts, sexual nature, sexual acts, depraved acts, sexual intercourse, sodomy, depraved acts.*

Crimes against justice

Golubev Stanislav Igorevich, Talan Maria Vyacheslavovna,
Pokrovsky Igor Rustemovich

Mission: *The main purpose of this study is a comprehensive description of the crimes listed in Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the elements of crimes, the subjects of which are persons in the law enforcement service. In addition, in order to improve the criminal law, the foreign experience of settling responsibility for this type of crime is analyzed.*

Methodology: *formal legal, analysis, synthesis, dialectical, systemic, logical, comparative legal methods.*

Conclusions. *Crimes directed against the relations developing in the area under consideration have a high degree of threat, since they entail an increase in the crime rate and the nihilistic attitude of citizens towards the state and law.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the work lies in the possibility of further study of the topic under consideration, based on the conclusions drawn in the article. The practical significance of the work lies in the fact that the conclusions reached can form the basis for changes in current legislation.*

Keywords: *crimes against justice, elements of the crime, Criminal Code of the Russian Federation.*

Awareness of the public danger of a deed as a criterion for the criminalization of juvenile actions

Gramatchikov Vladimir Andreevich

Mission: *The purpose of this study is to identify and comprehensively analyze existing conflicts in criminal law related to the criminal liability of minors, as well as to assess recent changes in criminal law regulation aimed at strengthening the protection of minors from involvement in adult criminal activity. Particular attention is paid to issues related to the ratio of the age of the subject and object of the crime in connection with the psychological aspects of minors.*

Methodology: *The work uses comparative legal, formal legal, and systemic methods of analysis. The study is based on an examination of current legislation, its latest changes, statistical data on juvenile crime, and the psychological and legal characteristics of adolescence. Particular attention is paid to the problem of the responsibility of minors in relation to various types of crimes.*

Conclusions. *It has been established that until recently, minors under the age of 14 were de facto and de jure used by adults as instruments for committing crimes, which was not adequately reflected in criminal law. Amendments to Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, which came into force on December 28, 2025, eliminated this gap by establishing a separate classification for the involvement of minors, as well as for cases where the act is committed against two or more minors. This shows a shift to a model in which minors are recognized not just as participants, but as objects of criminal law protection. The paper also proposes the elimination of legislative contradictions relating to Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, with clarification of the age threshold for liability, and considers the advisability of changing the minimum age of liability under a number of articles (281, 295, 318 of the Criminal Code of the Russian Federation), taking into account the level of awareness and legal development of adolescents.*

Scientific and practical significance. *The material of the article is relevant for legislators, law enforcement officials, and researchers in the field of criminal law and criminology, as it allows for a more accurate definition of the limits of criminal responsibility of minors, taking into account modern realities. The study will also be useful for specialists in the field of pedagogy and adolescent psychology, as the work represents a symbiosis of law and psychology and emphasizes the importance of psychological aspects in assessing the criminal behavior of minors and formulating legal responses. The results of the work can be used to improve legislation and develop recommendations for individualizing the responsibility of adolescents depending on their level of legal awareness and degree of involvement in criminal activity.*

Keywords: *criminal law, public danger, juvenile delinquency, deviant behavior, adolescence, criminalization of actions, age review, psychological aspects, permissibility of decriminalization, crime statistics.*

Public demonstration, including in the media or information and telecommunications networks (including the Internet), as a sign of battery

Dmitrenko Andrey Petrovich, Kucyk Valeria Pavlovna

Mission: *give a doctrinal interpretation of certain features of battery committed with public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet).*

Methodology: *analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *Based on the conducted research, the content of battery committed with public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet) has been clarified. It is concluded that public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet), in a crime under Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, may act alternatively either as a setting for its commission, or as an independent act, which, in conjunction with battery or other violent acts causing physical pain, forms a single complex crime. It has been substantiated that battery committed with public demonstration in media or information and telecommunication networks (including the Internet), carried out by placing appropriate materials in these media or networks, is a continuing crime. Considering this circumstance, the peculiarities of the legal and actual moments of the end of the crime provided for by Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation are specified.*

Scientific and practical significance. *Based on the conducted research the conclusions of theoretical nature are formulated, clarifying the interpretation of some signs of battery committed with public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet). The results of the study may serve as a theoretical basis for improving the practice of application of Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *battery, public demonstration, media, information and telecommunication networks, Internet.*

A comparative legal analysis of the specifics of the implementation of criminal punishment in the form of detention in a disciplinary military unit under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan

Brazhin Yuri Yuryevich, Dubov Egor Igorevich, Lukyanov Ruslan Igorevich

Mission: *To conduct an analytical and comparative comparison of the specifics of the implementation of criminal punishment in the form of detention in a disciplinary military unit in accordance with domestic criminal legislation and the legislation of the Republic of Azerbaijan.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, formal-legal method, comparative-legal method.*

Conclusions. *Based on the results of the conducted research, an understanding of the specifics of the implementation of the punishment in question was developed, the essential prerequisites for the formation of the existing criminal legislation model for regulating the activities of military personnel were identified, and the author's vision for the further development of criminal regulatory and educational work with military personnel was proposed based on the positive experience of the Republic of Azerbaijan.*

Scientific and practical significance. *This study highlights the increased relevance of a comprehensive study of the specifics of the implementation of the criminal penalty of confinement in a disciplinary military unit. From an academic perspective, the proposed doctrinal ideas and positions allow for a richer understanding of this punishment, taking into account existing Azerbaijani criminal law practice regarding its implementation. From a practical perspective, research into the implementation of the criminal penalty of confinement in a disciplinary military unit in two independent states will contribute to the improvement of the regulatory and educational mechanisms of the domestic penal system.*

Keywords: *punishment, disciplinary military unit, military personnel, criminal legislation.*

On the issue of legal criteria for causing harm during the detention of a person who has committed a crime under the legislation of the Russian Federation and the countries of the Commonwealth of Independent States

Kadnikov Nikolay Grigorievich, Karpushkin Artem Vyacheslavovich

Mission: *To develop proposals for optimizing domestic legislation in this area, drawing on international lawmaking and law enforcement experience.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, comparative legal method, and systems method.*

Conclusions. *A summary of the comparative legal analysis of CIS legislation on harm caused during the detention of a person who has committed a crime reveals minimal discrepancies permissible for unification in accordance with the provisions of the CIS Model Criminal Code, but with some specific considerations. The terminologically correct designation of the subject of detention as a "person who has committed a socially dangerous act" (as seen in Belarus, Uzbekistan, and Kazakhstan), rather than solely as a "crime", is considered correct. This concept ensures the legal legitimacy of detention upon direct observation of a socially dangerous act, regardless of the subsequent criminal classification. The feasibility of adopting a hierarchy of detention subjects is substantiated: priority is given to law enforcement officers, with the subsidiary rights of victims and other persons (the model of Uzbekistan, Tajikistan, and Kazakhstan), which is more in line with the requirements of the Model Criminal Code for the CIS member states. Positive foreign experience is subject to differentiated adaptation to optimize domestic regulations and law enforcement practices, while necessarily taking into account negative precedents of disproportionate harm resulting in the violation of the rights of detainees.*

Scientific and practical significance. *Currently, criminal law doctrine generally agrees with the presence of evaluative concepts in Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation in general and Article 38 of the Criminal Code in particular, which complicate the application of these provisions. The findings of the author's research complement and develop criminal law theory regarding possible options for improving the infliction of harm during the detention of a person who has committed a crime. From a practical standpoint, the legislative consolidation of the proposed amendments to the criminal law should facilitate the proper application of the relevant criminal law provision.*

Keywords: *harm caused during the arrest of a person who has committed a crime, circumstances precluding the criminality of an act, comparative analysis, international experience, police officer.*

The status of a person who has committed a crime outside the framework of criminal law relations

Kufleva Valentina Nikolaevna

Mission: *the article is devoted to the analysis of the status of a person who has committed a crime, outside the framework of criminal-legal relations. The study is aimed at deepening the understanding of the complex structure of the legal status of a person who has committed a crime and identifying the difficulties arising in connection with its restrictions. Particular attention is paid to the restrictions arising from criminal punishment, which occupies a central place in the regulation of criminal-legal relations, as well as the relationship of criminal-legal restrictions with other types of liability, in particular public-law and private-law.*

Methodology: *includes a comparative legal analysis, as well as a study of current legislation and legal practice (special attention is paid to the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation), which allows for a deeper understanding of the specifics of the legal relations under study. In addition, logical analysis methods are used to identify the relationships between legal norms and the real rights and obligations of persons who have committed a crime.*

Conclusions. *As a result of the analysis, it was established that the criminal-legal relationship, as a legal connection between the state and the person who committed the crime, is characterized by specific restrictions that are not exhausted by the framework of criminal legislation. It was established that legal relations arising as a result of the committed crime have a multifaceted nature, where an important role is played by substantive and procedural components. The totality of restrictions for persons who committed crimes that exist outside the framework of criminal-legal relations can be summarized in three main blocks: (a) restrictions provided for by the norms of criminal-executive and other legislation related to the need to ensure and execute criminal penalties and other measures of criminal-legal influence; (b) restrictions related to the implementation of types of liability other than criminal for behavior revealed by the crime and (or) causing harm; (c) general restrictions established for persons who committed crimes in order to minimize the risks of possible harm emanating from them. These restrictions differ in the basis, purpose, content, period of application.*

Scientific and practical significance. *The scientific and practical significance of the study lies in substantiating the need to revise existing approaches to the legal status of persons who have committed crimes in order to more accurately determine the scope of legal restrictions that they endure. The findings may serve as a basis for further research in the field of criminal law and human rights.*

Keywords: *criminal law relations, legal status, crime, punishment, criminal law, rights, obligation. restriction of rights. criminal record.*

Problems of interpretation of the object and objective side of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Melnikov Evgeny Alexandrovich

Mission: *to characterize de lege lata and de lege ferenda as the object and objective side of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the controversial issues existing in science and law enforcement practice.*

Methodology: *The formal-logical method was used as a key methodological approach in the study, which made it possible to correlate the norms of legislation with their theoretical interpretation by various specialists in the field of criminal and criminal procedure law, as well as the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Through a dialectical approach, the author has made a number of proposals de lege ferenda to improve the disposition of the norms contained in Parts 1 and 2 of art. 314.1 of the Criminal Code. In addition, the author used discursive, textual, interdisciplinary and institutional methods of scientific cognition..*

Conclusions. *The main direct object of the crime provided for in Part 1 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation does not conceptually differ from the object of encroachments provided for in Articles 314 and 315 of the Criminal Code of the Russian Federation. They are social relations that characterize the authority of justice. Such an understanding of the main direct object of this crime should exclude the possibility of qualifying the actions of the same person who repeatedly violates the duties of administrative supervision, according to Part 1 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for the totality of crimes.*

The main direct object of the crime provided for in Part 2 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation has its own characteristics. To bring to criminal responsibility under this article, it is not enough to establish the fact of repeated violations by the supervised person of restrictions or restrictions on administrative supervision. Such repetition must additionally be associated with the commission by this person of another administrative offense specified in Part 2 of art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, this crime encroaches not only on the interests of justice, but also on another group of public relations. Therefore, the question of a possible combination of crimes in the actions of the same person, who, having fulfilled the objective side of the crime provided for in Part 2 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, allows a new violation of the restrictions of administrative supervision, involving the commission of another administrative offense specified in Part 2 of Article 314.1 of the Criminal Code, is debatable.

It seems appropriate that, along with socially dangerous acts provided for in Parts 1 and 2 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, any malicious failure to comply with restrictions or restrictions on administrative supervision, including without the purpose of evading it, should also be criminalized.

Scientific and practical significance. *The implementation of the approaches outlined in the article will make it possible to improve the mechanism of criminal law support for the institution of administrative supervision.*

Keywords: *crime, administrative offense, justice, management procedure, prejudice, evasion, administrative supervision, duty, object, objective side.*

Fictitious nature of the rules on liability for committing crimes in the field of foreign economic activity

Nikiforova Alyona Anatolyevna

Mission: *to propose measures to improve the norms of criminal liability for committing crimes in the field of foreign economic activity.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, and systematic method.*

Conclusions. *This article contributes to the issues of criminal law counteraction to crimes in the field of foreign economic activity through the lens of technical and legal construction of criminal legislation. In the current conditions, the area under study requires almost impeccable legal support in order to ensure the effective functioning of foreign economic and foreign policy issues. Given the multi-object nature of the rules on liability for smuggling, the specifics of regulating the rules on liability for smuggling are becoming increasingly important.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of this article lies primarily in identifying the technical and legal features of the construction of norms on liability for committing crimes in the field of foreign economic activity, namely, in identifying fictitious norms that hinder the quality of law enforcement. The practical significance of the scientific article lies in the author's proposal of measures to improve the current criminal legislation that provides for liability and exemption from liability for the smuggling of cash or instruments, as the current practice demonstrates a lack of a unified approach in this area.*

Keywords: *crime, foreign economic activity, smuggling, cash, monetary instruments, fictitiousness, criminal law.*

The order of statements in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of application of the criminal law

Razogreeva Anna Mikhailovna

Mission: *based on a functional analysis of the types of utterances in the tankers selected resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal law (qualification, sentencing, introduction of theory) to substantiate a new approach to the discussion of their legal nature as sources of law*

Methodology: *functional text analysis, utterance analysis, discourse analysis, theory of bureaucracy, hermeneutics*

Conclusions. *As a result of the study, it was revealed that the main type of utterance in the texts of the reviewed resolutions is not the interpretation of the signs of criminal law through definitions or lists (10–15%), but direct instructions on law enforcement for typical practical situations — qualification by combination or without it, the sequence of consideration of special rules of punishment or the need for their simultaneous accounting (about 60%). A significant amount of the content of the texts of the resolutions is also occupied by the technical requirements for writing the verdict (15–20%). In some cases, the decisions of the Plenum complete the norm of the criminal law, which can be considered as direct judicial law-making of a normative rather than a precedent nature.*

Scientific and practical significance. *Based on the analysis and obtained data, the author suggests considering the decisions of the Plenum in the current period as synthetic normative acts containing different types of statements (instructional, interpretative and legal) (scientific significance), and in the future — limit their content to legal clarifications and rules of an interpretative nature, redistributing instructional statements between law enforcement practice for correcting judicial errors and organizational and methodological measures in the judicial system (practical significance), which in the future may improve the quality of law enforcement by the criterion of uniformity.*

Keywords: *sources of law, resolution of the Plenum, legal explanation, Supreme Court, doctrine, interpretation, law-making, uniformity of law, judicial practice.*

Legal risks of organizing and holding public events of a sexual nature

Solovjev Vladislav Sergeevich

Mission: *Systematization of legal risks associated with organizing and conducting public sexual events prevalent within the swing subculture.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, systemic method, interviews of organizers and participants of public events of a sexual nature, content analysis of websites and Telegram channels, participatory criminological observation, analysis of judicial practice.*

Conclusions. *The risks in the information and communication environment (online risks) arising at the stages of organizing, conducting, and after the conclusion of public events of a sexual nature are described, as well as risks associated with the direct conduct of such events (offline risks). The most relevant of these include: promotion of non-traditional sexual relations, distribution of pornography, involvement of minors, violation of privacy, fraud and extortion, prostitution, illicit drug trafficking, and the spread of sexually transmitted diseases. Specific criteria for qualifying actions as promotion of non-traditional sexual relations have been proposed, including: participation of representatives of the LGBT community, depiction of same-sex relationships, and the use of LGBT symbols or their display in event announcements or media materials. It has been established that even if the listed factors are eliminated, organizers still face the risk of liability under Article 6.21 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation due to the ambiguity of the concept of non-traditional sexual relations. Complete elimination of risks is objectively unattainable due to the specific nature of these events and legislative conflicts. For each type of risk, a set of preventive measures has been developed. These measures minimize the likelihood of both organizers and participants facing criminal or administrative liability, thereby helping to maintain a balance between protecting public interests and ensuring freedom of choice in forms of sexual expression.*

Scientific and practical significance. *The study addresses a gap in research on the legal regulation of public events of a sexual nature and their informational support. It proposes criteria for qualifying actions as promotion of non-traditional sexual relations and examines the role of such public events within the criminogenic complex of various types of crime. The practical significance of the work lies in: providing organizers of public events of a sexual nature with mechanisms to mitigate risks; clarifying for law enforcement officials — the criteria for identifying propaganda of non-traditional sexual relations and distinguishing between LGBT and heterosexual practices.*

Keywords: *swing culture; public events of a sexual nature; non-traditional sexual relations; traditional values; promotion; pornography; prostitution; illicit drug trafficking; private life; extortion.*

Features of the appointment of punishment in the form of compulsory work

Dolgopolov Kirill Andreevich

Mission: *to examine the specifics of imposing mandatory community service and to demonstrate that the legislative framework for imposing mandatory community service requires further improvement.*

Methodology: *formal legal method, comparative law method, dialectical method, analysis, synthesis, deduction, systems method, and interdisciplinary legal research method.*

Conclusions. *This article demonstrates that mandatory community service is a relatively lenient form of punishment, which is why it is listed as the fourth type of punishment in the system of punishment established in Article 44 of the Criminal Code of the Russian Federation. The grounds for imposing mandatory community service are detailed, and the main features of this type of punishment are outlined. Statistics on sanctions in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation that include mandatory community service as a form of criminal punishment are presented and analyzed. An analysis is provided of the range of individuals who cannot be sentenced to mandatory community service. This article proposes expanding the list of individuals who cannot be sentenced to community service. The need to specify the types of community service is discussed. It lists the circumstances that law enforcement officials should consider when imposing community service. It notes that community service cannot be suspended, nor can the offender be released on parole. Arguments are presented in favor of extending parole to community service. The conclusion notes that community service is a viable alternative to imprisonment, but requires further legislative improvement.*

Scientific and practical significance. *This article contributes to the development of criminal law. Its practical significance lies in the fact that proposals for legislative improvements to community service will allow for more effective application of this type of punishment.*

Keywords: *criminal punishment, imposition of criminal punishment, type of criminal punishment, community service, amount of criminal punishment, criminal law, sanction under the article.*

Neurocriminology: Can brain activity predict criminal behavior?

Yuldosheva Alina Kozimjon kizi, Rybushkin Nikolay Nikolaevich

Mission: *A comprehensive study of the possibilities of the neurocriminological approach in predicting criminal behavior through the analysis of neurobiological mechanisms.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *The results show that certain brain characteristics are indeed associated with an increased tendency toward criminal behavior. In particular, individuals with antisocial tendencies often have changes in the prefrontal cortex (which is responsible for self-control). However, it is important to understand that brain characteristics are only one of many factors that influence human behavior. Our findings indicate that criminal behavior cannot be explained by biological causes alone. It is much more correct to view it as the result of a complex interaction between innate characteristics, psychological characteristics, and the social environment.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance lies in the contribution to the development of modern criminological science by systematizing and critically analyzing the latest achievements of neurocriminology, which allows us to expand theoretical understanding of the biological foundations of criminal behavior. The practical significance is manifested in the possibility of using the obtained results to improve the activities of law enforcement agencies and penitentiary institutions, since the identified patterns of the relationship between brain functioning and the tendency to criminal behavior can be used in the development of more effective crime prevention methods.*

Keywords: *criminology, neurocriminology, crime prediction, crime prevention, criminal behavior, brain activity, brain damage.*

Ecovictimology (oikosviktimologos): is an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-criminological pilot project)
Part 5

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Mission: *1) to substantiate the conceptual foundations of the ecocentric (biogenocentric) paradigm of the transitional period, which necessitates the creation of new scientific fields, namely, ""covictimology," "ecocriminovictimology," and "ecovictimology." Strengthening the scientific and conceptual framework. Determining the role of the transdisciplinary-multimodal ecocriminological-forensic architecture of the Ecological Security System and its significance in state ecological monitoring. This is necessary to obtain verifiable, representative data on the ecocriminogenic and ecocriminal victimization of society and the irreversible processes and factors that contribute to the exceptional ecovictimization of society;*

2) to reveal the interrelation and differences in the subject and object of the disciplines under consideration in the context of ecocriminology and ecocriticism analysis. At the same time, emphasizing the typology inherent only in ecowictim and the differences of eco-criminogenic irreversible influence of eco-criminological latent factors from eco-criminal produced by eco-crime impact on ecosystems (biota), as well as eco-criminological correlation in the origin of eco-victims and eco-victims;

3) to involve scientists of the youth branch of the Union of criminologists and criminologists, other associations in the orbit of promising, by its object of knowledge unique transdisciplinary-multimodal research in the field on which, in fact, depends the further sustainable existence of "Homo sapiens", as a reasonable being, capable of not becoming an eco-victim and not only to really ensure the right of everyone to a favorable environment, but also to find a scientifically-based (acceptable) balance between the effectiveness of the System of ecosafety and exorbitant demand.

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, system method, and the author's first tested in Russia transdisciplinary-multimodal integrated method of Ecocriminology.*

Conclusions. *Based on the research results achieved by the author during the development of innovative technologies and systems for countering transnational eco-crime, the author has been able to construct the desired multimodal eco-criminological and forensic matrix model of integrated digital technologies and modular systems (subsystems) to ensure effectiveness.*

As a result, the author's multimodal concept is developed and proposed in the format of a pilot project (for further probation), which justifies the creation of new interrelated, mutually conditioned modular disciplines with a consistent transformation into scientific areas: "Ecocriminovictimology"; "Ecovictimology"; "Ecovictimalism". The statement of the problem of correlation of ecocriminal and ecocriminogenic components in the ecocriticization of society, affecting all segments of the population, social institutions and ecosystems without exception, is analyzed. The systematization of the profile thesaurus, scientific and conceptual apparatus, typologization and classification is substantiated, taking into account the main differences of ecovictim generation from all known types of crimes and victimological teachings about these victims.

Scientific and practical significance. *The obtained results allow: 1. To train personnel at the expert level, meeting modern ecorisk-oriented demands of law enforcement practice; 2. To conduct transdisciplinary-multimodal research determined by the degree of unresolved systemic problems in this area of scientific research; 3. Ecovictimology forces us (society) to cognize the interdependent regularities of ecovictimological and ecosocial philosophy of the*

underlying processes of causes, conditions, determinable phenomenon of the origin of eco-victims (eco-victims) and disclose differentiated conditioned ecocriminologist and ecocriminogenic constituent, threshold ecocriminologist factors, sustainable processes of universal social ecocriminology; 4. ensure the relevance of conducting objective eco-victimological analytics (verification). Thus, the necessity of obtaining representative ecocriminological and ecocriminovictimologic analytical data along with other ecocriminological and forensic indicators in the structure of unified eco-monitoring on the entire territory of Russia is determined.

Keywords: *Ecovictimology, ecocriminovictimology, ecovictimalistics, ecovictimological monitoring, ecocriminal and ecocrimenogenic victimization of society, ecovictima, eco-victim, eco-victim, eco-victim, ecodeviantology, ecocriminology, environmental criminology, multifunctional multimodal system in ensuring eco-security.*

Legal and organizational issues in combating illegal extraction and trafficking of rare and endangered animal species

Antonyan Elena Aleksandrovna, Kleshchina Elena Nikolaevna

Mission: *in identifying the main criminological factors contributing to the development of crime related to the illegal extraction and trafficking of rare and endangered animal species, as well as in identifying shortcomings in regulatory frameworks and the practice of their application in the field of protection of particularly valuable biological resources.*

Methodology: *is based on a systemic and interdisciplinary approach, including an analysis of the current legislation of the Russian Federation and international treaties (including CITES).*

Conclusions. *The illegal extraction and trafficking of rare animals is a complex criminal phenomenon characterized by transboundary activity, high latency, the involvement of organized groups, and a persistent demand for biological objects included in the Red Data Book of the Russian Federation and international lists of protected species.*

Scientific and practical significance. *To justify the modernization of regulatory frameworks for the protection of rare animals, propose measures to improve the effectiveness of interagency cooperation, and develop a comprehensive criminological approach to the prevention and suppression of this type of crime. The results obtained can be used in the development of legislative initiatives and the improvement of law enforcement practices.*

Keywords: *Illegal hunting of animals, rare species, the Red Data Book of the Russian Federation, organized crime, environmental crimes.*

Application of electronic resources in the identification, disclosure and investigation of crimes In the field of drug trafficking

Borisova Oksana Vladimirovna, Voronkov Dmitry Valerievich

Mission: *consideration of methods for identifying crimes in the field of drug trafficking using software available in the arsenal of law enforcement officials.*

Methodology: *systematization, dialectical method of cognition, legal analysis, synthesis and generalization, design.*

Conclusions. *The data obtained made it possible to develop some schemes for obtaining information about drug crimes and a circle of precursors and chemicals used at the same time used for the manufacture of narcotic drugs. The most common ways of obtaining information that is relevant to the disclosure and investigation of crimes on the example of specific information technologies, such as OSINT, GEOINT, manual search on the Internet, AIS «Киви», AIS «Перевод», AIS «Незаконный оборот наркотиков» «АИПСИН — АнтиНаркотики», AIPS «АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-R», have been disclosed.*

Scientific and practical significance. *The developed schemes can be used by law enforcement officers to identify and solve crimes in the field of drug trafficking, and can be used for professional training. The obtained research results demonstrate the need to find new approaches to systematization of data, improvement of existing tools, taking into account informatization of social processes.*

Keywords: *identification of crimes; disclosure of crimes; drug trafficking; automated information systems; electronic resources; Electronic accounts.*

Peculiarities of investigative and other procedural actions in the detection of crimes under conditions of resistance to their detection and investigation

Rakhmatullin Ramil Rashitovich

Mission: *to determine the features of investigative actions (search, communicative, experimental, blocking) and other procedural actions in the course of crime detection in the conditions of resistance to their detection and investigation.*

Methodology: *the choice of methodological apparatus of the study is conditioned by its purpose and objectives. The methodology was based on the general scientific dialectical method of cognition of objective reality, abstraction, analysis, synthesis, sociological method, system-activity and situational approaches.*

Conclusions. *Crime detection requires maximum concentration of forces and means, complex and prompt application of investigative and other procedural actions aimed at collecting, verification and evaluation of evidence. Along with investigative actions there is a need for simultaneous (parallel) adoption of other procedural decisions aimed at solving crimes in conditions of resistance to their detection and investigation: on the application of security measures in respect of bona fide participants of the criminal process (their relatives); on the isolation of the accused (suspect), which has a destructive influence on such persons; on stimulating positive behavior of the accused (suspect) and other persons prone to resistance; to ensure the preservation of the rights of the accused (suspect) and other persons, who have a tendency to resist the investigation; to ensure the protection of the accused (suspect) and other persons, who have a tendency to resist the investigation.*

Scientific and practical significance *of the article consists in building a system of reasoned conclusions, the totality of which allows to form a scientific-theoretical basis for the development of proposals and recommendations aimed at improving investigative and other procedural actions to solve crimes in conditions of resistance to their detection and investigation.*

Keywords: *criminalistics, detection, investigation, correlation, counteraction, cognition, detection, neutralization, prosecution, investigator, truth.*

On the "new orality" of the digital age

Verkholetova Elena Yuryevna

Mission: *To consider the appropriateness of using the term "new orality" in research, including expert research, of the most significant aspects of speech communication on the Internet. The recently observed shift towards an increasingly "colloquial" public sphere and the media, the blurring of boundaries between styles and the ever-less certainty of definitions is discussed, which is due not only to the extreme complexity and heterogeneity of the phenomenon of speech itself, but also to the reverse influence of technology on everyday language. At the same time, both in the field of "ordinary" colloquial speech, seemingly unrelated to digital technologies, and in the sphere of its scientific description, there is also a shift towards an ever-greater diversity and ever-less clarity of terms. That is, the "colloquialization" of all types of modern Russian speech is becoming a problem, complicated by the rapid development of technology.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, system method, structural-dynamic approach.*

Conclusions. *For all its attractiveness, the term "new orality" for a number of reasons turns out to be not entirely adequate for designating the boundaries of the extremely heterogeneous phenomenon described by this term.*

Scientific and practical significance. *Oral speech is an object that is constantly studied, but has not yet been fully explored due to its objective complexity and heterogeneity. It is extremely important to approach speech as a process of formation, i.e. as a chaotic dissipative structure, which brings us closer to real living experience, but at the same time complicates any regulation of speech, including scientific, legal or lexicographic. For expert practice, it is important to take into account the objective and relevant characteristics of speech.*

Keywords: *new orality, oral speech, colloquialization, spontaneity, irreversibility, becoming, memory, writing, intonation, punctuation.*

Training of experts in the anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts

Dyakonova Oksana Gennadyevna

Mission: *based on the definition of areas of specialized knowledge, to formulate the main approaches to the training of experts in anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts.*

Methodology: *The issue of developing the competence of an expert in the field of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts is considered based on the use of a dialectical approach, methods of formal logic, as well as comparative legal and formal legal research methods. The positions of scientists on the forms and programs of training experts in anti-corruption expertise, on the areas of special knowledge that should form the basis for the formation of expert competence, are being investigated.*

Conclusions. *The author suggests differentiating professional training according to the program "Anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts" in the presence of certain criteria: higher education, work experience, primary training in the field of anti-corruption expertise. The directions of training of future experts*

of the anti-corruption expertise are ranked depending on the initial level of training. The author has developed a thematic plan for the mandatory discipline "Anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts" for students receiving higher education in some legal specialties. The content of this discipline should include components that define, in addition to the essence, concepts, tasks, goals and organizational and legal aspects of anti-corruption expertise, as well as methodological support and stages of anti-corruption expertise, features of the use of general scientific and private scientific methods in conducting anti-corruption expertise, features of drawing up an anti-corruption expertise conclusion and other aspects. The conclusion is made about the importance of providing an integrated approach to the training of an expert in anti-corruption expertise based on the need to form specific expert thinking based on special knowledge in the field of jurisprudence, legal linguistics, as well as the area of special knowledge in which legal relations are regulated or will be regulated by the act under study.

Scientific and practical significance. *The formulated conclusions and proposals can contribute to the development of a unified approach to the training of anti-corruption experts, the establishment of clear regulatory requirements for their competence and the improvement of professionalism through the development of a practice-oriented training program.*

Keywords: *anti-corruption expertise, expert, competence, expert training, education.*

Methods of mental state examination using neural networks

Zakharova Natalia Vyacheslavovna, Rossinskaya Elena Rafailovna, Bodrov Nikolay Filippovich, Myskina Ksenia Mikhailovna, Gayduk Arseniy Yanovich, Syunyakov Timur Sergeevich, Berezhnaya Karina Sergeevna, Sabanova Victoria Davydovna

Mission: *to review existing scientific developments in the study of human mental states using neural networks and to identify prospects for future research.*

Methodology: *dialectical method, methods of analysis and synthesis, systematic method.*

Conclusions. *Russia has accumulated a significant theoretical basis for identifying significant features of objects in forensic examinations. The use of neural networks in law enforcement requires the creation of a methodological and technological framework for the use of neural networks as a new tool for expert research. To develop expert techniques based on neural networks, it is necessary to create databases for analysis and machine learning. These can be sets of verified structured (e.g., tables) or unstructured (e.g., text documents or images) data with a regulated access system, which can be used as a basis for creating new forensic expert techniques.*

Scientific and practical significance. *A team of authors from various specialties has carried out extensive work to collect medical, biometric, technical and other information, an array of large data that will allow, according to the project plans, to create a comprehensive neural network solution used for medical and forensic diagnostics.*

Keywords: *mental state, neural network, forensic examination, handwriting examination, diagnostic complex, research methods.*

Methods for studying documents on electronic media

Kupin Alexey Fedorovich

Mission: *to analyze the methods that can be used to identify signs of forgery of electronic documents and electronic images of documents. To demonstrate the possibilities of using certain methods in conducting expert studies of documents in digital format.*

Methodology: *analysis, synthesis, description, comparison, system analysis, dialectical, formal-logical methods.*

Conclusions. *The implementation of the presented set of methods and tools allows for a systematic analysis of electronic documents and electronic images of documents, to establish the facts of making changes to them in various ways. The considered methods of forensic technical and criminalistic examination of documents and forensic computer examination when examining documents in digital format complement each other and together make it possible to successfully solve the problems of forensic examination of documents, thereby ensuring the completeness and comprehensiveness of the study, reducing the number of erroneous conclusions that experts periodically make.*

Scientific and practical significance. *The research results presented in the article contribute to the development of methodological approaches to the forensic examination of electronic documents and electronic images of documents, and to the deepening of theoretical knowledge about the possibilities of individual methods in the study of digital documents. The possibilities of implementing these methods in practice, during the comprehensive analysis of digital documents, make it possible to successfully identify signs of changes and forgery of documents.*

Keywords: *electronic document, electronic document image, expert research methods, digital technologies, document editing.*

Document in criminal proceedings: stages of development, prospects

Morugina Nadezhda Anatolyevna

Mission: *conduct a historical and legal analysis of changes that have occurred in the design and use of the document in criminal proceedings; identify key factors facilitating the transition from paper to electronic form of the document; explore legislative norms and standards establishing the starting points for the legal regulation of a document in electronic form.*

Methodology: *the methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge. The article uses general scientific research methods (induction, deduction), as well as specific ones, namely: formal-logical, system-structural, comparative legal, technical-legal, etc.*

Conclusions. *The article conducts a historical and legal analysis of changes in the concept of a document in criminal proceedings, its design and application, and concludes that there is no comprehensive system of electronic form of procedural documents due to the fragmentation of the enshrinement in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the need for their unification. The author comes to the conclusion that the current form for accepting a statement of a crime is outdated and does not meet the requirements of modern reality; the need to enshrine in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the requirements for filing an electronic statement of a crime, including: identification of the applicant, forms for implementing the possibility of filing statements of a crime in electronic form and the conditions for its submission.*

Scientific and practical significance. *The transition to electronic document management and its integration into the legal system will optimize the work of preliminary investigation bodies and the court, provide open and continuous access to such documents, which will contribute to a more effective, transparent and fair resolution of a criminal case.*

Keywords: *document, electronic document, audiovisual document, film document, phono document, video document, photographic document, electronic crime report, electronic signature.*

Foreign criminal procedure policy and international cooperation (confrontation) in the field of criminal justice: current state and problems

Panfilov Pavel Olegovich

Mission: *To describe the current state of and identify key issues in international cooperation in criminal justice within the framework of the external criminal procedure policies pursued by Russia and other States.*

Methodology: *The study is grounded in the dialectical method, which makes it possible to discern regularities in international cooperation that undermine the overarching goal of combating crime. A functional approach is applied to reveal the true purposes served by particular institutions of international cooperation, taking into account the external criminal procedure policies of individual States. The comparative legal method facilitates an assessment of differing national approaches to criminal procedure policy, while the formal legal method supports the analysis of specific legal norms governing relations that arise in the course of international cooperation in criminal proceedings.*

Conclusions. *The article demonstrates that contemporary forms and trends of international cooperation in criminal justice lack legal mechanisms protecting them from exploitation as instruments of political struggle. It highlights adverse trends detrimental to confidence in outcomes in the use of universal jurisdiction in criminal proceedings. The research shows that certain procedural safeguards in international justice are either weakened or entirely absent, falling well below the level of protection and detail afforded within Russian jurisdiction. The author argues that, at the international level, a comprehensive set of legal, organizational, technical, supervisory, and even sanctioning measures is required to insulate mechanisms of international cooperation in criminal justice from destructive political use; yet for such a system to function effectively, political consensus among sovereign States is indispensable.*

Scientific and practical significance. *The article presents international cooperation in criminal proceedings not primarily as a tool for combating crime, but as an instrument for implementing States' external criminal procedure policies aimed at foreign policy confrontation, extension of State sovereignty, promotion of national interests abroad, and reinterpretation of global events through a political lens. The patterns identified herein can serve both as a basis for further research in criminal procedure policy and as guidance for developing new and refining existing mechanisms of international cooperation in criminal justice.*

Keywords: *criminal procedure policy; international cooperation; national interests; international criminal justice; crime prevention; procedural guarantees; universal jurisdiction; political confrontation; security of society and the State; extraterritorial jurisdiction.*

Modern special methods of forensic medical examination on the fact of a volumetric explosion

Sinyuk Vadim Dmitrievich

Mission: *To evaluate the effectiveness of using special research methods in the production of forensic explosive examinations on the facts of volumetric explosions, to propose modern technical means necessary for the use of special research methods and to form a methodological basis for the production of a new type of forensic explosive examinations.*

Methodology: *general dialectical-materialistic method, analysis and synthesis, generalization and systematization,*

Conclusions. *The author comes to the conclusion that it is necessary to form a set of special methods of forensic examination of the fact of a volumetric explosion, which is a new type of forensic explosive expertise. The optimal combination of modern methods will ensure a rational approach to the production of research, as well as increase the evidence base in the investigation of criminal cases on the facts of volumetric explosions.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the article lies in the presentation of the results of the development of a methodological basis for a new type of forensic examination. On the basis of judicial and investigative practice, the areas of application of special methods have been identified. The practical significance lies in the introduction of modern technical means to increase the effectiveness of the application of these methods.*

Keywords: *forensic examination, forensic expertise, methods of forensic examination, forensic expert activity, expert opinion, forensic explosive science, explosive expertise, explosion, volumetric explosion, fuel-air mixture, explosives.*

Personality characteristics of a criminal who has committed sexual violence against minors using digital technologies

Tarabrina Kristina Sergeevna

Mission: *to reveal the properties and qualities of the personality of a criminal who has committed sexual violence against a minor using digital technologies based on the analysis of statistical data and judicial practice.*

Methodology: *dialectical method of cognition, analysis, synthesis, generalization, induction, deduction, classification method, logical, statistical method, content analysis, method of studying documents, etc.*

Conclusions. *Modern criminals who have committed sexual violence against minors using digital technologies demonstrate rapid adaptation to digital technologies, using them as a tool to establish contact with victims. These technologies simplify for the perpetrators the process of searching, studying and involving underage victims in illegal activities, which leads to an increase in crimes of this type. The solution to this problem is inextricably linked to a comprehensive study of the personality characteristics of the criminal in question.*

Scientific and practical significance. *Based on the results of the study, criminologically significant features of a criminal who has committed sexual abuse of minors using digital technologies have been identified and proposed, and a theoretically justified classification of the personality of the named criminal has been presented. The analysis made it possible to establish the relationship between the perpetrator and the minor victim. From a practical point of view, the results obtained will make it possible to develop proposals and recommendations for individual prevention and correction of criminals, as well as to develop effective measures to prevent this type of crime.*

Keywords: *personality, criminal, convicted, minor, victim, sexual violence, classification, digital technologies, victimological prevention.*

Organizational and managerial factors in determining migrant crime related to control over the movement of migrants and their work activities

Blokhin Yaroslav Anatolievich

Mission: *based on the analysis of the current state of law enforcement agencies and other authorized bodies in the field of migration control and specialized research on this topic, to establish the main organizational and managerial factors determining migrant crime related to control over the movement of migrants and their labor activities.*

Methodology: *dialectical method, systems method, analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal method.*

Conclusions. *Migrant crime always accompanies migration, and its condition and level of manifestation directly depend on the intensity and qualitative characteristics of migration processes. Migrant crime is closely interconnected with other types of crime, primarily organized crime, extremism and terrorism, human trafficking, drug trafficking, corruption crime, etc. The search for effective measures to influence migrant crime determines the need to establish the entire range of objective and subjective factors determining it. When studying the determination of migrant crime,*

it is necessary to take into account that this type of crime is directly related to migration processes, which, along with subjective factors of migrant criminal behavior, brings to the forefront the study of organizational and managerial factors. Analysis of the current state of law enforcement agencies and other authorized bodies in the field of migration control made it possible to establish the following main organizational and managerial factors determining migrant crime: related to the movement of migrants to the territory of our country; related to the illegal stay of migrants on the territory of our country; related to the detection and expulsion of illegal migrants from the territory of our country; related to the implementation of labor activities by migrants.

Scientific and practical significance. *The establishment of organizational and managerial factors determining migrant crime related to control over the movement of migrants and their implementation of labor activities provides an opportunity to have a more complete understanding of the objective factors of determination and the associated patterns of manifestation of migrant crime; to determine the directions of further scientific understanding of the phenomenon of migrant crime. The identified deterministic role of these factors allows us to determine the directions for improving the activities of law enforcement agencies and other authorized entities to ensure migration security and combat migrant crime.*

Keywords: *migration, migrant, crime, criminality, determination, criminal labor market, objective factors, management, expulsion, deportation, administrative expulsion.*

Characteristics of life situations of offline involvement of minors in extremist activities

Pushkova Nadezhda Vladimirovna

Mission: *to identify and characterize the life situations of the mechanism of offline involvement of minors in extremist activities.*

Methodology: *the methodological basis of the research is a complex of general scientific and specific scientific methods — induction, analysis, synthesis, formal-logical, systemic, statistical and sociological methods.*

Conclusions. *It has been established that a key role in the offline involvement of a minor in extremist activity is played by a life situation that is filled with objective content indicating the possibility of this criminal act of involvement. Based on the analysis of materials of criminal cases initiated under Articles 280–280.4, 282–282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, the following life situations of the involvement have been identified: residence of a minor in disadvantaged settlements, including those located near places of forced detention (places of imprisonment and correctional institutions), as well as the presence in the social environment of the minor of persons with a criminal past or having criminal experience; the presence of sports interests of the minor that involve being in a fan environment; living in regions with a high level of religiosity or being in ethnic enclaves arising as a result of migration processes; raising a minor in a dysfunctional family.*

Scientific and practical significance. *Studying the situation of involving minors in extremist activities is an important aspect in counteracting these crimes, since it allows us to study the problem in more detail and, as a result, recognize criminal activity on involving minors in extremist activities at an early stage, as well as develop and implement the most effective measures to counteract this negative phenomenon. The data obtained allow for expanding the theoretical basis of criminology in terms of studying such a phenomenon as involving minors in extremist activities, as well as for orienting law enforcement agencies to identifying the object of victimological prevention in the context under consideration, and for differentiating and optimizing victimological prevention measures.*

Keywords: *involvement of minors, extremist activities, mechanism of involvement, offline involvement, life situation.*

The use of artificial intelligence technologies in the investigation of serial murders: problems, ways to resolve them and the vector of development of digitalization of investigative activities

Fethullina Karina Ramilevna

Mission: *to substantiate the expediency of using artificial intelligence technology in operational investigative activities in the field of serial murder investigation. The main difficulty in investigating such a category of criminal cases lies in the limited human capabilities caused by biological (for example, fatigue), psychological (for example, bias) and other factors. The introduction of artificial intelligence technology will help to level out the difficulties that arise.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, systematic method, method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *The process of investigating serial murders in the near future will take place with the close interaction of man and the «machine». The main vector of regulation of the use of artificial intelligence in the investigation of serial murders will be a combination of various mechanisms of social regulation (legal, ethical, technical, etc.).*

Scientific and practical significance. *The shortcomings of forensic tactics and techniques have led to the latency of serial murders: most of them remain unknown to law enforcement agencies. From a practical point of view, the introduction of artificial intelligence technology into investigative activities should facilitate the investigation of serial murders in this category of criminal cases.*

Keywords: *serial murders, serial crimes, serial killer, artificial intelligence, psychological portrait, biological portrait, forensic profile, digitalization of investigative activities, Database, Big Data.*

Counteracting the organization of illegal migration under the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia

Frolova Elena Aleksandrovna

Mission: *consists in identifying the features of criminal law counteraction to the organization of illegal migration in such CIS countries as the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia. Analyze the relevant norms of the criminal legislation of these states, individual statistics of migration crime, dispositions and sanctions of articles providing for responsibility for organizing illegal migration, novelties of legislation responsibility for organizing illegal migration, novelties of legislation.*

Methodology: *formal-legal method, comparative law method, dialectical method, analysis, system method, intersectoral legal research method.*

Conclusions. *As a result of the study, the author concludes that in different countries the legislation on illegal migration has acquired its own characteristics depending on the political, social and economic situation. Thus, proposals are formulated to use the positive legislative experience of these states in countering migration crime.*

Scientific and practical significance. *Based on the analysis of legislative norms, conclusions were drawn and proposals were substantiated aimed at modernizing criminal legislation in the field of combating migration crime in the CIS member states, namely in the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia. The practical significance of the work is to propose measures to improve the migration laws and regulations of both countries, increasing their effectiveness in combating crimes related to illegal migration.*

Keywords: *organization of illegal migration, crime prevention, crime qualification, countermeasures, sanction, criminal legislation of the Republic of Azerbaijan, criminal legislation of the Republic of Armenia.*

Procedural security measures applied to protect a witness at the trial stages of criminal proceedings

Tsyss Zinaida Alexandrovna

Mission: *Consideration of procedural security measures applied to protect witnesses at trial stages. In connection with the emergence of certain conditions, it becomes necessary to classify witness data to ensure the possibility of their participation in criminal proceedings. At the same time, legislative regulation of the measures under consideration is not without problems. In addition, procedural regulation of the implementation of these measures raises many controversial issues, the consideration of which is necessary to determine the most rational change in legislation.*

Methodology: *dialectical and comparative analysis, deduction, induction, synthesis, system method, comparative legal and formal legal methods.*

Conclusions. *It is necessary to regulate by law the location of persons assisting in the administration of justice during the interrogation of a witness in conditions that exclude visual observation by other participants, as well as the definition of persons who have access to the data of a witness to whom protective measures have been applied. This is necessary to eliminate the different application of the norms of criminal procedural legislation by the courts.*

Scientific and practical significance. *Security measures applied to witnesses serve to achieve the goals of criminal proceedings and ensure the observance of the rights and freedoms of the individual. Legislative regulation of the problems considered in this work will allow the most complete achievement of these goals. At the same time, controversial issues are covered, as well as the provisions of judicial practice, which will allow the development of the best option for further changes in procedural legislation.*

Keywords: *witness protection, procedural measures, security measures, sufficiency, closed court hearing, publicity, witness interrogation, visual surveillance, videoconferencing systems, data classification.*

Nikolai Muravyov — state builder and law enforcer

Zvyagintsev Alexander Grigorievich

Mission: *to highlight the path taken by N. V. Muravyov from prosecutor to Minister of Justice and Prosecutor General, and to reveal his role in shaping the legal system of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries and in opposing the revolutionary movement.*

Methodology: *historical and legal method, deduction, induction, analysis.*

Conclusions. *N. V. Muravyov combined outstanding legal talent and oratorical skill with a tough statist position. His initiatives significantly strengthened state institutions, but they also revealed N. V. Muravyov's harsh character and intolerance towards his opponents.*

Scientific and practical significance. *Clarifies the biography and institutional contribution of N. V. Muravyov to the formation of the legal system of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries.*

Keywords: *N. V. Muravyov, Minister of Justice, Prosecutor General, prosecutorial oversight, judicial reforms, Criminal Code, Judicial Charters.*

Alexander Pushkin. Southern exile. Bessarabia (1820–1823)

Kharabet Konstantin Vasilievich

Mission: *to actualize scientific knowledge in an interdisciplinary field — at the junction of jurisprudence and literary studies — in terms of deepening (clarifying) knowledge about legal events in the biography of A. S. Pushkin, to determine, in this regard, his circle of contacts and interests in the southern (exile) period of his life (1820–1823), the completion of the formation of his liberal political.*

Methodology: *the methodological basis of the research was a set of methods of scientific knowledge, among which the leading place is occupied by historical-legal, descriptive, biographical, cultural-historical. The article also uses general scientific and private scientific methods.*

Conclusions. *A. S. Pushkin, having found himself in Bessarabia, the epicenter of important political events (the Hetairis uprising, revolutions in European countries, the national liberation movement in Greece, etc.), being influenced by his entourage — M. F. Orlov, F. Raevsky, the future Decembrists, heresponds sharply to them, and becomes a participant in many political events in the region.*

Scientific and practical significance. *Advocating for the further development of the interdisciplinary field of legal literary studies, the author believes that a new approach (from the perspective of biographical research) and "legal events" in the life and work of the Poet, in addition to their connection with the great Russian culture, allows us to expand our knowledge in the field of the history of Russian criminology and deviantology, Russian law in general, as well as the history of Russian literature.*

Keywords: *legal literary studies, A. S. Pushkin, the Hetherists, The Prisoner of the Caucasus, The Robber Brothers, P. Manega, M. Orlov, I. Liprandi, I. Inzov, V. Raevsky, freedom, law, justice.*

Practical, scientific, state, and public activities
V. F. Shcherbakov (on the 70th anniversary of his birth)

Kuznetsov Alexander Pavlovich

Mission: *to bring to the Russian and foreign scientific community and a wide range of readers the scientific results obtained in the field of implementing the state policy of countering official and economic crime, and its doctrinal assessment in the work of Doctor of Law, Professor Vladimir Filippovich Shcherbakov.*

Methodology: *the methodological basis of the research was the dialectical-materialistic method, widely used and justified in the social sciences and humanities, which made it possible to consider the processes of public life (including criminal law, criminology, penal enforcement law and operational investigative activities) in dynamics, in the current historical period in interaction with other phenomena, including historical-a legal method that made it possible to study the state policy of countering official and economic crimes in their historical development, that is, to reproduce it in its diversity, multidimensional nature, taking into account all the factors caused by the specific historical situation. Its application made it possible to understand the socio-economic and political-legal situation in the country, to influence the implementation of state policy in the field of countering official and economic crime.*

Conclusions. *The name of Vladimir Filippovich Shcherbakov, Doctor of Law, Professor, retired Colonel-General of Militia, member of the Russian Academy of Law Sciences, member of the Union of Criminologists and Criminologists, a man who devoted himself to law enforcement, government, scientific and public activities, is associated with his personal contribution to strengthening law and order, selfless service to the state and the people.*

Scientific and practical significance *lies in the fact that V. F. Shcherbakov enriched the sciences of the criminal cycle with new ideas, made a significant contribution to their research, proved that the social meaning of legal protection of the economic interests of citizens, society and the state from various criminal encroachments emanating from both outside and inside, in the presence of a developed theoreticalmethodological tools that will be in demand by the law enforcement officer in the process of practical activity.*

Keywords: *countering economic crime, operational activities, parliamentary work, scientific creativity, state counteraction to crime, legality, law and order, crime prevention.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации — **от 1500 до 3000 знаков.**

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: *10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).*

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный; абзацный отступ — 1,25 см; поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи — не ограничен. ***Важно:*** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов — на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы — даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе **www.elibrary.ru**

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica,* 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)